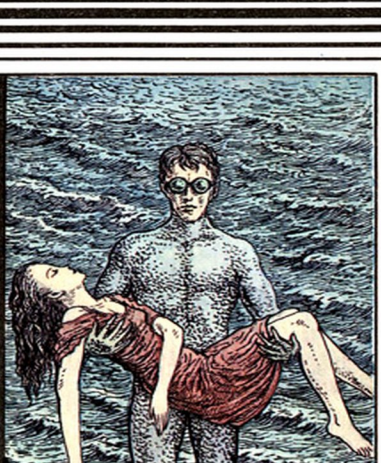
Александр Беляев

Человек-амфибия



Библиотека приключений и фантастики

Человек-амфибия (повести)

Александр Романович Беляев

Аннотация
Александр Беляев. Человек-амфибия (повести)
Человек-амфибия
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ»
ВЕРХОМ НА ДЕЛЬФИНЕ
НЕУДАЧА ЗУРИТЫ
ДОКТОР САЛЬВАТОР
БОЛЬНАЯ ВНУЧКА
ЧУДЕСНЫЙ САД
ТРЕТЬЯ СТЕНА
НАПАДЕНИЕ
ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ
ДЕНЬ ИХТИАНДРА
ДЕВУШКА И СМУГЛЫЙ
СЛУГА ИХТИАНДРА
В ГОРОДЕ
СНОВА В МОРЕ
МАЛЕНЬКАЯ МЕСТЬ
НЕТЕРПЕНИЕ ЗУРИТЫ
НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА
БОЙ СО СПРУТАМИ

НОВЫЙ ДРУГ
ЧАСТЬ ВТОРАЯ
В ПУТИ
ЭТО «МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ»!
ПОЛНЫЙ ХОД
НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПЛЕННИК
ПОКИНУТАЯ «МЕДУЗА»
ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
НОВОЯВЛЕННЫЙ ОТЕЦ
ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС
ГЕНИАЛЬНЫЙ БЕЗУМЕЦ
СЛОВО ПОДСУДИМОГО
В ТЮРЬМЕ
ПОБЕГ
Звезда КЭЦ
I. ВСТРЕЧА С ЧЕРНОБОРОДЫМ
II. ДЕМОН НЕУКРОТИМОСТИ
III. Я СТАНОВЛЮСЬ СЫЩИКОМ
IV. НЕУДАВШАЯСЯ ПОГОНЯ
V. КАНДИДАТ В НЕБОЖИТЕЛИ
VI. «ЧИСТИЛИЩЕ»
VII. КОРОТКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
VIII. НЕБЕСНЫЙ МЛАДЕНЕЦ
IX. В БИБЛИОТЕКЕ
X. У ДИРЕКТОРА

XI. УЧЁНЫЙ ПАУК
XII. ТЮРИН ТРЕНИРУЕТСЯ
XIII. К ЛУННОЙ ОРБИТЕ
XIV. НА ЛУНЕ
XV. ЗВЁЗДНЫЕ БУДНИ
XVI. У КРАМЕРА ПОРТИТСЯ ХАРАКТЕР
XVII. ЗООЛАБОРАТОРИЯ
XVIII. НОВЫЙ ДРУГ
XIX. СТРАННОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ
XX. ЧЕРНОБОРОДЫЙ ЕВГЕНЬЕВ-ПАЛЕЙ
XXI. НАКОНЕЦ Я ВЫДЕРЖИВАЮ ХАРАКТЕР
XXII. ЗЕМЛЯ И ЗВЁЗДЫ
Лаборатория Дубльвэ
Чудесное око
ПРОЛОГ
ЗА МОРСКИМ ОКУНЕМ
ВЕСТНИК АВАРИИ
СЛЕПАЯ СТАРУХА
НА КЛАДБИЩЕ
ПРАВАЯ РУКА БЛАСКО ХУРГЕСА
СУДЬБА ЭКСПЕДИЦИИ РЕШАЕТСЯ
НЕСЧАСТНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК В СССР
ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР АТОМА
МИША
БОРИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ТЕЛЕЭКСПЕДИЦИЮ
В АТЛАНТИКЕ

ПОДВОДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ
НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ
ЛОВЕЦ АКУЛ
АЛЛО! СЛУШАЙТЕ И СМОТРИТЕ!
ВСЕМИРНАЯ СЕНСАЦИЯ
ВИЗИТ ВРАЧА
ПЕРЕСАДКА В ВОЗДУХЕ
ОДИН ПРОТИВ ТРЁХ
ПОИСКИ ЗАТОНУВШЕГО ТЕЛЕГЛАЗА
ШЛЮПКА «ЛЕВИАФАНА»
СЛЕДАМИ АВАНТЮРИСТА
ИСТОРИЯ МИСТЕРА СКОТТА
АЗОРЕС ПОДАЁТ ВЕСТОЧКУ
МИЛЛИОНЕР-НЕУДАЧНИК
ВТОРОЙ ВИЗИТ СКОТТА
КАР ЗНАКОМИТСЯ С НОВОЙ СТРАНОЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ПУТИ
ПОДВОДНАЯ ДУЭЛЬ
ПРИ СВЕТЕ ЗВЕЗД
НАД РУИНАМИ «ЛЕВИАФАНА»

Аннотация

Александр Романович Беляев (1884–1942) — один из основоположников советской научной фантастики. Им создана целая серия увлекательных произведений, в занимательной форме популяризирующих интереснейшие вопросы науки и техники. В настоящее издание вошли широко известные повести: «Человек-амфибия», «Звезда КЭЦ», «Лаборатория Дубльвэ», «Чудесное око».

СОДЕРЖАНИЕ:

Человек-амфибия
Звезда КЭЦ
Лаборатория Дубльвэ
Чудесное око

Художник В. П. СЛАУК

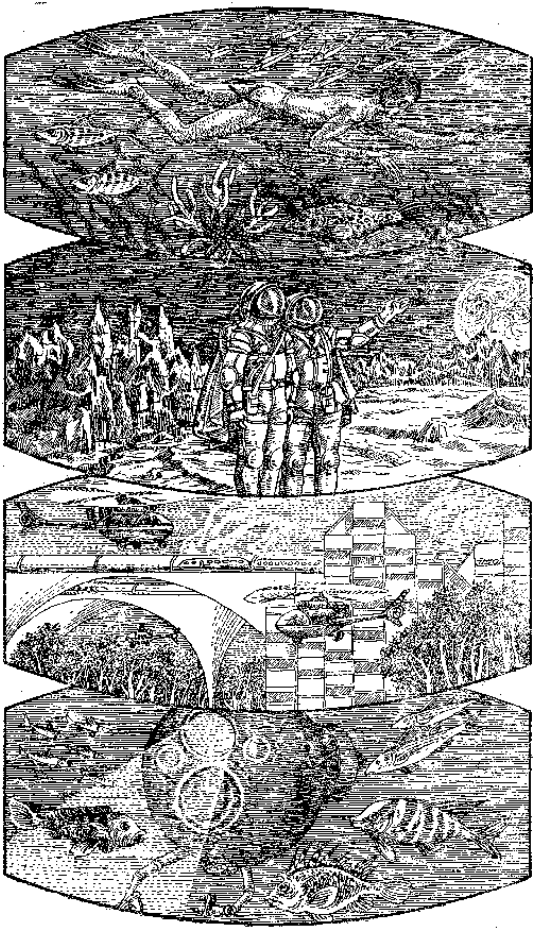
Александр Беляев
Человек-амфибия (повести)

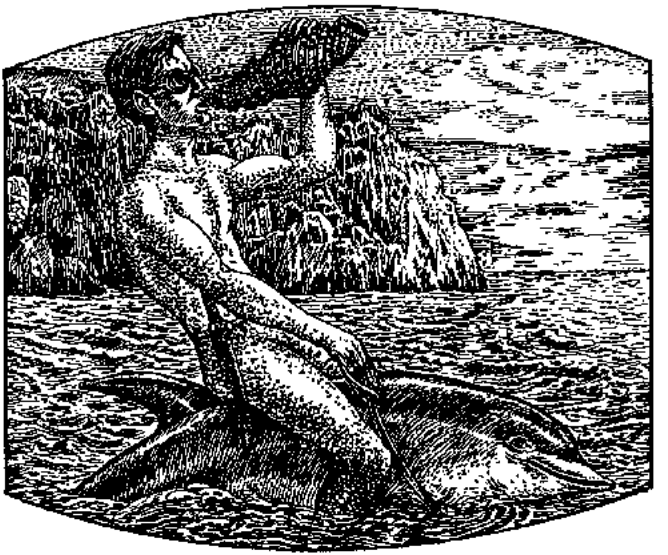
Александр Беляев

Человек-амфибия

ПОВЕСТИ

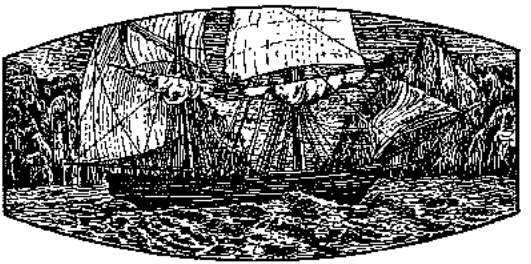
МИНСК
«ЮНАЦТВА»
1990





Человек-амфибия

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



«МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ»

Наступила душная январская ночь аргентинского лета. Черное небо покрылось звездами. «Медуза» спокойно стояла на якоре. Тишина ночи не нарушалась ни всплеском волны, ни скрипом снастей. Казалось, океан спал глубоким сном.

На палубе шхуны лежали полуголые ловцы жемчуга. Утомленные работой и горячим солнцем, они ворочались, вздыхали, вскрикивали в тяжелой дремоте. Руки и ноги у них нервно подергивались. Быть может, во сне они видели

своих врагов — акул. В эти жаркие безветренные дни люди так уставали, что, окончив лов, не могли даже поднять на палубу лодки. Впрочем, это было не нужно: ничто не предвещало перемены погоды. И лодки оставались на ночь на воде, привязанные у якорной цепи. Реи не были выровнены, такелаж плохо подтянут, неубранный кливер чуть-чуть вздрагивал при слабом дуновении ветерка. Все пространство палубы между баком и ютом было завалено грудами раковин-жемчужниц, обломками кораллового известняка, веревками, на которых ловцы опускаются на дно, холщовыми мешками, куда они кладут найденные раковины, пустыми бочонками. Возле бизань-мачты стояла большая бочка с пресной водой и железным ковшом на цепочке. Вокруг бочки на палубе виднелось темное пятно от пролитой воды.

От времени до времени то один, то другой ловец поднимался, шатаясь в полусне, и, наступая на ноги и руки спящих, брел к бочке с водой. Не раскрывая глаз; он выпивал ковш воды и валился куда попало, словно пил он не воду, а чистый спирт. Ловцов томила жажда: утром перед работой есть опасно — слишком уж сильное давление испытывает человек в воде, — поэтому работали

весь день натощак, пока в воде не становилось темно, и только перед сном они могли поесть, а кормили их солониной.

Ночью на вахте стоял индеец Бальтазар. Он был ближайшим помощником капитана Педро Зуриты, владельца шхуны «Медуза».

В молодости Бальтазар был известным ловцом жемчуга: он мог пробыть под водою девяносто и даже сто секунд — вдвое больше обычного.

«Почему? Потому, что в наше время умели учить и начинали обучать нас с детства, — рассказывал Бальтазар молодым ловцам жемчуга. — Я был еще мальчишкой лет десяти, когда отец отдал меня в ученье на тендер к Хозе. У него было двенадцать ребят учеников. Учил он нас так. Бросит в воду белый камень или раковину и прикажет: „Ныряй, доставай!“ И каждый раз бросает все глубже. Не достанешь — выпорет линем[1] или плетью и бросит в воду, как собачонку. „Ныряй снова!“ Так и научил нас нырять. Потом стал приучать к тому, чтобы мы привыкли дольше находиться под водою. Старый опытный ловец опустится на дно и привяжет к якорю корзинку или сеть. А мы потом ныряем и под

1 Примечания: 1
Линь — тонкая веревка.

водой отвязываем. И пока не отвяжешь, наверх не показывайся. А покажешься — получай плеть или линь.

Били нас нещадно. Не многие выдержали. Но я стал первым ловцом во всем округе. Хорошо зарабатывал».

Состарившись, Бальтазар оставил опасный промысел искателя жемчуга. Его левая нога была изуродована зубами акулы, его бок изодрала якорная цепь. Он имел в Буэнос-Айресе небольшую лавку и торговал жемчугом, кораллами, раковинами и морскими редкостями. Но на берегу он скучал и потому нередко отправлялся на жемчужный лов. Промышленники ценили его. Никто лучше Бальтазара не знал Ла-Платского залива, его брегов и тех мест, где водятся жемчужные раковины. Ловцы уважали его. Он умел угодить всем — и ловцам и хозяевам.

Молодых ловцов он учил всем секретам промысла: как задерживать дыхание, как отражать нападение акул, а под хорошую руку — и тому, как припрятать от хозяина редкую жемчужину.

Промышленники же, владельцы шхун, знали и ценили его за то, что он умел по одному взгляду безошибочно оценивать жемчужины и быстро отбирать в пользу хозяина наилучшие.

Поэтому промышленники охотно брали его с собой как помощника и советчика.

Бальтазар сидел на бочонке и медленно курил толстую сигару. Свет от фонаря, прикрепленного к мачте, падал на его лицо. Оно было продолговатое, не скуластое, с правильным носом и большими красивыми глазами — лицо арауканца. Веки Бальтазара тяжело опускались и медленно поднимались. Он дремал. Но если спали его глаза, то уши его не спали. Они бодрствовали и предупреждали об опасности даже во время глубокого сна. Но теперь Бальтазар слышал только вздохи и бормотание спящих. С берега тянуло запахом гниющих моллюсков-жемчужниц, — их оставляли гнить, чтобы легче выбирать жемчужины: раковину живого моллюска нелегко вскрыть. Этот запах непривычному человеку показался бы отвратительным, но Бальтазар не без удовольствия вдыхал его. Ему, бродяге, искателю жемчуга, этот запах напоминал о радостях привольной жизни и волнующих опасностях моря.

После выборки жемчуга самые крупные раковины переносили на «Медузу».

Зурита был расчетлив: раковины он продавал на фабрику, где из них делали пуговицы и запонки.

Бальтазар спал. Скоро выпала из ослабевших пальцев и сигара. Голова склонилась на грудь.

Но вот до его сознания дошел какой-то звук, доносившийся далеко с океана. Звук повторился ближе. Бальтазар открыл глаза. Казалось, кто-то трубил в рог, а потом как будто бодрый молодой человеческий голос крикнул: «А!» — и затем октавой выше: «А-а!..»

Музыкальный звук трубы не походил на резкое звучание пароходной сирены, а веселый возглас совсем не напоминал крика о помощи утопающего. Это было что-то новое, неизвестное. Бальтазар поднялся; ему казалось, будто сразу посвежело. Он подошел к борту и зорко оглядел гладь океана. Безлюдье. Тишина. Бальтазар толкнул ногой лежавшего на палубе индейца и, когда тот поднялся, тихо сказал:

— Кричит. Это, наверно, *он*.

— Я не слышу, — так же тихо ответил индеец-гурон, стоя на коленях и прислушиваясь. И вдруг тишину вновь нарушил звук трубы и крик:

— А-а!..

Гурон, услышав этот звук, пригнулся, как под ударом бича.

— Да, это, наверно, он, — сказал гурон, лязгая от страха зубами. Проснулись и другие ловцы.

Они сползли к освещенному фонарем месту, как бы ища защиты от темноты в слабых лучах желтоватого света. Все сидели, прижавшись друг к другу, напряженно прислушиваясь. Звук трубы и голос послышались еще раз вдалеке, и потом все замолкло.

— Это *он*...

— Морской дьявол, — шептали рыбаки.

— Мы не можем больше оставаться здесь!

— Это страшнее акулы!

— Позвать сюда хозяина!

Послышалось шлепание босых ног. Зевая и почесывая волосатую грудь, на палубу вышел хозяин, Педро Зурита. Он был без рубашки, в одних холщовых штанах; на широком кожаном поясе висела кобура револьвера. Зурита подошел к людям. Фонарь осветил его заспанное, бронзовое от загара лицо, густые вьющиеся волосы, падавшие прядями на лоб, черные брови, пушистые, приподнятые кверху усы и небольшую бородку с проседью.

— Что случилось?

Его грубоватый спокойный голос и уверенные движения успокоили индейцев.

Они заговорили все сразу. Бальтазар поднял руку в знак того, чтобы они замолчали, и сказал:

— Мы слышали голос его… морского дьявола.

— Померещилось! — ответил Педро сонно, опустив голову на грудь.

— Нет, не померещилось. Мы все слышали «а-а!..» и звук трубы! — закричали рыбаки.

Бальтазар заставил замолчать их тем же движением руки и продолжал:

— Я сам слышал. Так трубить может только дьявол. Никто на море так не кричит и не трубит. Надо быстрее уходить отсюда.

— Сказки, — так же вяло ответил Педро Зурита.

Ему не хотелось брать с берега на шхуну еще не перегнившие, зловонные раковины и сниматься с якоря.

Но уговорить индейцев ему не удалось. Они волновались, размахивали руками и кричали, угрожая, что завтра же сойдут на берег и пешком отправятся в Буэнос-Айрес, если Зурита не поднимет якорь.

— Черт бы побрал этого морского дьявола вместе с вами! Хорошо. Мы поднимем якорь на рассвете. — И, продолжая ворчать, капитан ушел к себе в каюту.

Ему уже не хотелось спать. Он зажег лампу, закурил сигару и начал ходить из угла в угол по

небольшой каюте. Он думал о том непонятном существе, которое с некоторых пор появилось в здешних водах, пугая рыбаков и прибрежных жителей.

Никто еще не видел этого чудовища, но оно уже несколько раз напоминало о себе. О нем слагались басни. Моряки рассказывали их шепотом, боязливо озираясь, как бы опасаясь, чтобы это чудовище не подслушало их.

Одним это существо причиняло вред, другим неожиданно помогало. «Это морской бог, — говорили старые индейцы, — он выходит из глубины океана раз в тысячелетие, чтобы восстановить справедливость на земле».

Католические священники уверяли суеверных испанцев, что это «морской дьявол». Он стал являться людям потому, что население забывает святую католическую церковь.

Все эти слухи, передаваемые из уст в уста, достигли Буэнос-Айреса. Несколько недель «морской дьявол» был излюбленной темой хроникеров и фельетонистов бульварных газет. Если при неизвестных обстоятельствах тонули шхуны, рыбачьи суда, или портились рыбачьи сети, или исчезала пойманная рыба, в этом обвиняли «морского дьявола». Но другие рассказывали, что

«дьявол» подбрасывал иногда в лодки рыбаков крупную рыбу и однажды даже спас утопающего.

По крайней мере один утопающий уверял, что, когда он уже погружался в воду, кто-то подхватил его снизу за спину и, так поддерживая, доплыл до берега, скрывшись в волнах прибоя в тот миг, когда спасенный ступил на песок.

Но удивительнее всего было то, что самого «дьявола» никто не видел. Никто не мог описать, как выглядит это таинственное существо. Нашлись, конечно, очевидцы, — они награждали «дьявола» рогатой головой, козлиной бородой, львиными лапами и рыбьим хвостом или изображали его в виде гигантской рогатой жабы с человеческими ногами.

Правительственные чиновники Буэнос-Айреса сначала не обращали внимания на эти рассказы и газетные заметки, считая их досужим вымыслом.

Но волнение — главным образом среди рыбаков — все усиливалось. Многие рыбаки не решались выезжать в море. Лов сократился, и жители чувствовали недостаток рыбы. Тогда местные власти решили расследовать эту историю. Несколько паровых катеров и моторных лодок полицейской

береговой охраны было разослано по побережью с приказом «задержать неизвестную личность, сеющую смуту и панику среди прибрежного населения». Полиция рыскала по Ла-Платскому заливу и побережью две недели, задержала нескольких индейцев как злостных распространителей ложных слухов, сеющих тревогу, но «дьявол» был неуловим.

Начальник полиции опубликовал официальное сообщение о том, что никакого «дьявола» не существует, что все это лишь выдумки невежественных людей, которые уже задержаны и понесут должное наказание, и убеждал рыбаков не доверять слухам и взяться за лов рыбы.

На время это помогло. Однако шутки «дьявола» не прекращались.

Однажды ночью рыбаки, находившиеся довольно далеко от берега, были разбужены блеянием козленка, который каким-то чудом появился на их баркасе. У других рыбаков оказались изрезанными вытащенные сети.

Обрадованные новым появлением «дьявола» журналисты ждали теперь разъяснения ученых.

Ученые не заставили себя долго ждать.

Одни считали, что в океане не может существовать неизвестное науке морское чудовище, совер-

шающее поступки, на которые способен только человек. «Иное дело, — писали ученые, — если бы такое существо появилось в малоисследованных глубинах океана». Но ученые все же не могли допустить, чтобы такое существо могло поступать разумно. Ученые вместе с начальником морской полиции считали, что все это — проделки какого-нибудь озорника.

Но не все ученые думали так.

Другие ученые ссылались на знаменитого швейцарского натуралиста Конрада Геснера[2], который описал морскую деву, морского дьявола, морского монаха и морского епископа.

«В конце концов многое из того, о чем писали древние и средневековые ученые, оправдалось, несмотря на то что новая наука не признавала этих старых учений. Божеское творчество неистощимо, и нам, ученым, скромность и осторожность в заключениях приличествуют больше чем кому-либо другому», — писали некоторые старые ученые.

Впрочем, трудно было назвать учеными этих скромных и осторожных людей. Они верили в чудеса больше, чем в науку, и лекции их походили

---

2 Примечания: 2

Арауканцы — одно из племен американских индейцев.

на проповедь. В конце концов, чтобы разрешить спор, отправили научную экспедицию. Членам экспедиции не посчастливилось встретиться с «дьяволом». Зато они узнали много нового о поступках «неизвестного лица» (старые ученые настаивали на том, чтобы слово «лица» было заменено словом «существа»).

В докладе, опубликованном в газетах, члены экспедиции писали:

> «1. В некоторых местах на песчаных отмелях нами были замечены следы узких ступней человеческих ног. Следы выходили со стороны моря и вели обратно к морю. Однако такие следы мог оставить человек, подъехавший к берегу на лодке.
>
> 2. Осмотренные нами сети имеют разрезы, которые могли быть произведены острым режущим орудием Возможно, что сети зацепились за острые подводные скалы или железные обломки затонувших судов и порвались.
>
> 3 По рассказам очевидцев, выброшенный бурей на берег, на значительное расстояние от воды, дельфин был кем-то ночью стащен в воду, причем на песке

обнаружены следы ног и как бы длинных когтей Вероятно, какой-то сердобольный рыбак оттащил дельфина в море.

Известно, что дельфины, охотясь за рыбой, помогают рыбакам тем, что загоняют ее к отмели. Рыбаки же часто выручают из беды дельфинов. Следы когтей могли быть произведены пальцами человека. Воображение придало следам вид когтей.

4. Козленок мог быть привезен на лодке и подброшен каким-нибудь шутником».

Ученые нашли и другие, не менее простые, причины, чтобы объяснить происхождение следов, оставленных «дьяволом».

Ученые пришли к выводу, что ни одно морское чудовище не могло совершить столь сложных действий.

И все же эти объяснения удовлетворяли не всех. Даже среди самих ученых нашлись такие, которым эти объяснения казались сомнительными. Как мог самый ловкий и упорный шутник проделывать такие вещи, не попадаясь так долго на глаза людям. Но главное, о чем умолчали ученые в своем докладе, заключалось в том, что

«дьявол», как это было установлено, совершал свои подвиги на протяжении короткого времени в различных, расположенных далеко друг от друга местах. Или «дьявол» умел плавать с неслыханной быстротой, или у него были какие-то особенные приспособления, или же, наконец, «дьявол» был не один, а их было несколько. Но тогда все эти шутки становились еще более непонятными и угрожающими.

Педро Зурита вспоминал всю эту загадочную историю, не переставая шагать по каюте. Он не заметил, как рассвело, и в иллюминатор проник розовый луч. Педро погасил лампу и начал умываться. Обливая себе голову теплой водой, он услышал испуганные крики, доносившиеся с палубы. Зурита, не кончив умываться, быстро поднялся по трапу.

Голые ловцы, с холщовой перевязью на бедрах, стояли у борта, размахивая руками, и беспорядочно кричали. Педро посмотрел вниз и увидел, что лодки, оставленные на ночь на воде, отвязаны. Ночной бриз отнес их довольно далеко в открытый океан. Теперь утренним бризом их медленно несло к берегу. Весла шлюпок, разбросанные по воде, плавали по заливу.

Зурита приказал ловцам собрать лодки. Но ни-

кто не решался сойти с палубы. Зурита повторил приказ.

— Сам лезь в лапы дьяволу, — отозвался кто-то.

Зурита взялся за кобуру револьвера. Толпа ловцов отошла и сгрудилась у мачты. Ловцы враждебно смотрели на Зуриту. Столкновение казалось неминуемым. Но тут вмешался Бальтазар.

— Арауканец не боится никого, — сказал он, — акула меня не доела, подавится и дьявол старыми костями. — И, сложив руки над головой, он бросился с борта в воду и поплыл к ближайшей лодке.

Теперь ловцы подошли к борту и со страхом наблюдали за Бальтазаром. Несмотря на старость и больную ногу, он плавал отлично. В несколько взмахов индеец доплыл до лодки, выловил плавающее весло и влез в лодку.

— Веревка отрезана ножом, — крикнул он, — и хорошо отрезана! Нож был острый как бритва.

Видя, что с Бальтазаром ничего страшного не произошло, несколько ловцов последовали его примеру.

ВЕРХОМ НА ДЕЛЬФИНЕ

Солнце только что взошло, но уже палило немилосердно. Серебристо-голубое небо было безоблачно, океан неподвижен. «Медуза» была уже на двадцать километров южнее Буэнос-Айреса. По совету Бальтазара якорь бросили в небольшой бухте, у скалистого берега, двумя уступами поднимавшегося из воды.

Лодки рассеялись по заливу. На каждой лодке, по обычаю, было два ловца: один нырял, другой вытаскивал ныряльщика. Потом они менялись ролями.

Одна лодка подошла довольно близко к берегу. Ныряльщик захватил ногами большой обломок кораллового известняка, привязанный к концу веревки, и быстро опустился на дно.

Вода была очень теплая и прозрачная, — каждый камень на дне был отчетливо виден. Ближе к берегу со дна поднимались кораллы — неподвижно застывшие кусты подводных садов. Мелкие рыбки, отливавшие золотом и серебром, шныряли между этими кустами.

Ныряльщик опустился на дно и, согнувшись, начал быстро собирать раковины и класть в

привязанный к ремешку на боку мешочек. Его товарищ по работе, индеец-гурон, держал в руках конец веревки и, перегнувшись через борт лодки, смотрел в воду.

Вдруг он увидел, что ныряльщик вскочил на ноги так быстро, как только мог, взмахнул руками, ухватился за веревку и дернул ее так сильно, что едва не стянул гурона в воду. Лодка качнулась. Индеец-гурон торопливо поднял товарища и помог ему взобраться на лодку. Широко открыв рот, ныряльщик тяжело дышал, глаза его были расширены Темно-бронзовое лицо сделалось серым — так он побледнел.

— Акула?

Но ныряльщик ничего не смог ответить, он упал на дно лодки.

Что могло так напугать на дне моря? Гурон нагнулся и начал всматриваться в воду. Да, там творилось что-то неладное. Маленькие рыбки, как птицы, завидевшие коршуна, спешили укрыться в густых зарослях подводных лесов.

И вдруг индеец-гурон[3] увидел, как из-за выступавшей углом подводной скалы показалось нечто похожее на багровый дым. Дым медленно

---

3 Примечания: 3

Гуроны — племя американских индейцев.

расползался во все стороны, окрашивая воду в розовый цвет. И тут же показалось что-то темное. Это было тело акулы. Оно медленно повернулось и исчезло за выступом скалы. Багровый подводный дым мог быть только кровью, разлитой на дне океана. Что произошло там? Гурон посмотрел на своего товарища, но тот неподвижно лежал на спине, ловя воздух широко раскрытым ртом и бессмысленно глядя в небо. Индеец взялся за весла и поспешил отвезти своего внезапно заболевшего товарища на борт «Медузы».

Наконец ныряльщик пришел в себя, но как будто потерял дар слова, — только мычал, качал головой и отдувался, выпячивая губы.

Бывшие на шхуне ловцы окружили ныряльщика, с нетерпением ожидая его объяснений.

— Говори! — крикнул, наконец, молодой индеец, тряхнув ныряльщика. — Говори, если не хочешь, чтобы твоя трусливая душа вылетела из тела Ныряльщик покрутил головой и сказал глухим голосом:

— Видал… морского дьявола.

— Его?

— Да говори же, говори! — нетерпеливо кричали ловцы.

— Смотрю — акула. Акула плывет прямо на

меня. Конец мне! Большая, черная, уже пасть открыла, сейчас есть меня будет. Смотрю — еще плывет…

— Другая акула?

— Дьявол!

— Каков же он? Голова у него есть?

— Голова? Да, кажется, есть. Глаза — по стакану.

— Если есть глаза, то должна быть голова, — уверенно заявил молодой индеец. — Глаза к чему-нибудь да приколочены. А лапы у него есть?

— Лапы, как у лягушки. Пальцы длинные, зеленые, с когтями и перепонками. Сам блестит, как рыба чешуей. Поплыл к акуле, сверкнул лапой — шарк! Кровь из брюха акулы…

— А какие у него ноги? — спросил один из ловцов.

— Ноги? — пытался вспомнить ныряльщик. — Ног совсем нет. Большой хвост есть. А на конце хвоста две змеи.

— Кого же ты больше испугался — акулы или чудовища?

— Чудовища, — без колебания ответил он. — Чудовища, хотя оно спасло мне жизнь. Это был о н…

— Да, это был о н.

— Морской дьявол, — сказал индеец.

— Морской бог, который приходит на помощь бедным, — поправил старый индеец, Эта весть быстро разнеслась по лодкам, плававшим в заливе. Ловцы поспешили к шхуне и подняли лодки на борт.

Все обступили ныряльщика, спасенного «морским дьяволом». И он повторил, что из ноздрей чудовища вылетало красное пламя, а зубы были острые и длинные, в палец величиной. Его уши двигались, на боках были плавники, а сзади — хвост, как весло.

Педро Зурита, обнаженный по пояс, в коротких белых штанах, в туфлях на босу ногу и в высокой, широкополой соломенной шляпе на голове, шаркая туфлями, ходил по палубе, прислушиваясь к разговорам.

Чем больше увлекался рассказчик, тем более убеждался Педро, что все это выдумано ловцом, испуганным приближением акулы.

«Впрочем, может быть, и не все выдумано. Кто-то вспорол акуле брюхо: ведь вода в заливе порозовела. Индеец врет, но во всем этом есть какая-то доля правды. Странная история, черт возьми!»

Здесь размышления Зуриты были прерваны звуком рога, раздавшимся вдруг из-за скалы.

Этот звук поразил экипаж «Медузы», как удар грома. Все разговоры сразу прекратились, лица побледнели. Ловцы с суеверным ужасом смотрели на скалу, откуда донесся звук трубы.

Недалеко от скалы резвилось на поверхности океана стадо дельфинов. Один дельфин отделился от стада, громко фыркнул, как бы отвечая на призывный сигнал трубы, быстро поплыл к скале и скрылся за утесами. Прошло еще несколько мгновений напряженного ожидания. Вдруг ловцы увидели, как из-за скалы показался дельфин. На его спине сидело верхом, как на лошади, странное существо — «дьявол», о котором недавно рассказывал ныряльщик. Чудовище обладало телом человека, а на его лице виднелись огромные, как старинные часы-луковицы, глаза, сверкавшие в лучах солнца подобно фонарям автомобиля, кожа отливала нежным голубым серебром, а кисти рук походили на лягушечьи — темно-зеленые, с длинными пальцами и перепонками между ними. Ноги ниже колен находились в воде. Оканчивались ли они хвостами, или это были обычные человеческие ноги — осталось неизвестным. Странное существо

держало в руке длинную витую раковину. Оно еще раз протрубило в эту раковину, засмеялось веселым человеческим смехом и вдруг крикнуло на чистом испанском языке:

«Скорей, Лидинг,[4] вперед!» — похлопало лягушечьей рукой по лоснящейся спине дельфина и пришпорило его бока ногами. И дельфин, как хорошая лошадь, прибавил скорость.

Ловцы невольно вскрикнули.

Необычный наездник обернулся. Увидев людей, он, с быстротой ящерицы соскользнув с дельфина, скрылся за его телом. Из-за спины дельфина показалась зеленая рука, ударившая животное по спине. Послушный дельфин погрузился в воду вместе с чудовищем.

Странная пара сделала под водой полукруг и скрылась за подводной скалой…

Весь этот необычный выезд занял не более минуты, но зрители долго не могли прийти в себя от изумления.

Ловцы кричали, бегали по палубе, хватались за голову. Индейцев упали на колени и заклинали бога моря пощадить их. Молодой мексиканец

---

4 Примечания: 4

Конрад Геснер — ученый XVI века Написал «Историю животных», имевшую в течение долгого времени необыкновенно сильное влияние на натуралистов.

от испуга влез на грот-мачту и кричал. Негры скатились в трюм и забились в угол.

О лове нечего было и думать. Педро и Бальтазар с трудом водворили порядок. «Медуза» снялась с якоря и направилась на север.

НЕУДАЧА ЗУРИТЫ

Капитан «Медузы» спустился к себе в каюту, чтобы обдумать происшедшее.

— Можно с ума сойти! — проговорил Зурита, выливая себе на голову кувшин теплой воды. — Морское чудовище говорит на чистейшем кастильском наречии! Что это? Чертовщина? Безумие? Но не может же безумие сразу охватить всю команду. Даже одинаковый сон не может присниться двум людям. Но мы все видели морского черта. Это неоспоримо. Значит, он все-таки существует, как это ни невероятно.

Зурита снова облил водой голову и выглянул в иллюминатор, чтобы освежиться.

— Как бы то ни было, — продолжал он, несколько успокоившись, — это чудовищное существо наделено человеческим разумом и может совершать разумные поступки. Оно, по-видимому, чувствует себя одинаково хорошо в воде и на

поверхности. И оно умеет говорить по-испански — значит, с ним можно объясниться. Что, если бы… Что, если бы поймать чудовище, приручить и заставить ловить жемчуг! Одна эта жаба, способная жить в воде, может заменить целую артель ловцов. И потом какая выгода! Каждому ловцу жемчуга как-никак приходится давать четверть улова. А эта жаба ничего не стоила бы. Ведь этак можно нажить в самый короткий срок сотни тысяч, миллионы пезет!

Зурита размечтался. До сих пор он надеялся разбогатеть, искал жемчужные раковины там, где их никто не добывал. Персидский залив, западный берег Цейлона, Красное море, австралийские воды — все эти жемчужные места находятся далеко, и люди давно ищут там жемчуг. Идти в Мексиканский или Калифорнийский залив, к островам Фомы и Маргариты? Плыть к берегам Венесуэлы, где добывается лучший американский жемчуг, Зурита не мог. Для этого его шхуна была слишком ветхой, да и не хватало ловцов — словом, нужно было поставить дело на широкую ногу. А денег у Зуриты не хватало. Так и оставался он у берегов Аргентины. Но теперь! Теперь он мог бы разбогатеть в один год, если бы только ему удалось поймать «морского дьявола».

Он станет самым богатым человеком Аргентины, даже, быть может, Америки. Деньги проложат ему дорогу к власти. Имя Педро Зуриты будет у всех на устах. Но надо быть очень осторожным. И прежде всего сохранить тайну.

Зурита поднялся на палубу и, собрав весь экипаж вплоть до кока, сказал:

— Вы не знаете, какая участь постигла тех, кто распространял слухи о морском дьяволе? Их арестовала полиция, и они сидят в тюрьме. Я должен предупредить вас, что то же будет с каждым из вас, если вы хоть одним словом обмолвитесь о том, что видали морского дьявола. Вас сгноят в тюрьме. Понимаете? Поэтому, если вам дорога жизнь, — никому ни слова о дьяволе.

«Да им все равно не поверят: все это слишком похоже на сказку», — подумал Зурита и, позвав к себе в каюту Бальтазара, посвятил его одного в свой план.

Бальтазар внимательно выслушал хозяина и, помолчав, ответил:

— Да, это хорошо. Морской дьявол стоит сотни ловцов. Хорошо иметь у себя на службе дьявола. Но как поймать его?

— Сетью, — ответил Зурита.

— Он разрежет сеть, как распорол брюхо аку-

лы.

— Мы можем заказать металлическую сеть.

— А кто будет его ловить? Нашим ныряльщикам только скажи:

«Дьявол», и у них подгибаются колени. Даже за мешок золота они не согласятся.

— А ты, Бальтазар?

Индеец пожал плечами:

— Я никогда еще не охотился на морских дьяволов. Подстеречь его, вероятно, будет не легко, убить же, если только он сделан из мяса и костей, не трудно. Но вам нужен живой дьявол.

— Ты не боишься его, Бальтазар? Что ты думаешь о морском дьяволе?

— Что я могу думать о ягуаре, который летает над морем, и об акуле, которая лазает по деревьям? Неведомый зверь страшней. Но я люблю охотиться на страшного зверя.

— Я щедро вознагражу тебя. — Зурита пожал руку Бальтазару и продолжал развивать перед ним свой план:

— Чем меньше будет участников в этом деле, тем лучше. Ты переговори со своими араукан-цами. Они храбры и сметливы. Выбери человек пять, не больше. Если не согласятся наши, найди на стороне. Дьявол держится у берегов. Прежде

всего надо выследить, где его логово. Тогда нам легко будет захватить его в сети.

Зурита и Бальтазар быстро принялись за дело. По заказу Зуриты была изготовлена проволочная мережа, напоминающая большую бочку с открытым дном. Внутри мережи Зурита натянул пеньковые сети, чтобы «дьявол» запутался в них, как в паутине. Ловцов рассчитали. Из экипажа «Медузы» Бальтазару удалось уговорить только двух индейцев племени араукана участвовать в охоте на «дьявола». Еще троих он завербовал в Буэнос-Айресе.

Выслеживать «дьявола» решили начать в том заливе, где экипаж «Медузы» впервые увидел его. Чтобы не возбудить подозрения «дьявола», шхуна бросила якорь в нескольких километрах от небольшого залива. Зурита и его спутники время от времени занимались рыбной ловлей, как будто это и было целью их плавания. В то же время трое из них по очереди, прячась за камнями на берегу, зорко следили за тем, что делается в водах залива.

Была вторая неделя на исходе, а «дьявол» не подавал о себе вести.

Бальтазар завязал знакомство с прибрежными жителями, фермерами-индейцами, дешево про-

давал им рыбу и, беседуя с ними о разных вещах, незаметно переводил разговор на «морского дьявола». Из этих разговоров старый индеец узнал, что место для охоты они выбрали правильно: многие индейцы, жившие вблизи залива, слышали звук рога и видели следы ног на песке. Они уверяли, что пятка у «дьявола» человеческая, но пальцы значительно удлинены. Иногда на песке индейцы замечали углубление от спины, — он лежал на берегу.

«Дьявол» не причинял вреда прибрежным жителям, и они перестали обращать внимание на следы, которые он от времени до времени оставлял, напоминая о себе. Но самого «дьявола» никто не видел.

Две недели стояла «Медуза» в заливе, занимаясь для видимости ловом рыбы. Две недели Зурита, Бальтазар и нанятые индейцы, не спуская глаз, следили за поверхностью океана, но «морской дьявол» не появлялся. Зурита беспокоился. Он был нетерпелив и скуп. Каждый день стоил денег, а этот «дьявол» заставлял себя ждать. Педро начал уже сомневаться. Если «дьявол» существо сверхъестественное, его никакими сетями не поймать. Да и опасно связываться с таким чертом, — Зурита был суеверен. Пригласить на всякий случай

на «Медузу» священника с крестом и святыми дарами? Новые расходы. Но может быть, «морской дьявол» совсем не дьявол, а какой-нибудь шутник, хороший пловец, вырядившийся дьяволом, чтобы пугать людей? Дельфин? Но его, как всякое животное, можно приручить и выдрессировать. Уж не бросить ли всю эту затею?

Зурита объявил награду тому, кто первый заметит «дьявола», и решил подождать еще несколько дней.

К его радости, в начале третьей недели «дьявол» наконец начал появляться.

После дневного лова Бальтазар оставил лодку, наполненную рыбой, у берега. Рано утром за рыбой должны были прийти покупатели.

Бальтазар пошел на ферму навестить знакомого индейца, а когда вернулся на берег, лодка была пуста. Бальтазар сразу решил, что это сделал «дьявол».

«Неужели он сожрал столько рыбы?» — удивился Бальтазар.

В ту же ночь один из дежурных индейцев услышал звук трубы южнее залива. Еще через два дня, рано утром, молодой арауканец сообщил, что ему наконец удалось выследить «дьявола». Он приплыл на дельфине. На этот раз «дьявол» не сидел

верхом, а плыл рядом с дельфином, ухватившись рукой за «упряжь» — широкий кожаный ошейник. В заливе «дьявол» снял с дельфина ошейник, похлопал животное и скрылся в глубине залива, у подошвы отвесной скалы. Дельфин выплыл на поверхность и исчез.

Зурита, выслушав арауканца[5], поблагодарил, обещая наградить, и сказал:

— Сегодня днем дьявол едва ли выплывет из своего убежища. Нам надо поэтому осмотреть дно залива. Кто возьмется за это?

Но никому не хотелось опускаться на дно океана, рискуя встретиться лицом к лицу с неведомым чудовищем.

Бальтазар выступил вперед.

— Вот я! — коротко сказал он. Бальтазар был верен своему слову. «Медуза» все еще стояла на якоре. Все, кроме вахтенных, сошли на берег и отправились к отвесной скале у залива. Бальтазар обвязал себя веревкой, чтобы его можно было вытащить, если бы он оказался раненым, взял нож, зажал между ног камень и опустился на дно.

Арауканцы с нетерпением ожидали его возвращения, вглядываясь в пятно, мелькавшее в

---

5 Примечания: 5
Лидинг — по-английски — «ведущий»

голубоватой мгле затененного скалами залива. Прошло сорок, пятьдесят секунд, минута, — Бальтазар не возвращался. Наконец он дернул веревку, и его подняли на поверхность. Отдышавшись, Бальтазар сказал:

— Узкий проход ведет в подземную пещеру. Там темно, как в брюхе акулы. Морской дьявол мог скрыться только в эту пещеру. Вокруг нее — гладкая стена.

— Отлично! — воскликнул Зурита. — Там темно — тем лучше! Мы расставим, наши сети, и рыбка попадется.

Вскоре после захода солнца индейцы опустили проволочные сети на крепких веревках в воду у входа в пещеру. Концы веревок закрепили на берегу К веревкам Бальтазар привязал колокольчики, которые должны были звонить при малейшем прикосновении к сети.

Зурита, Бальтазар и пять арауканцев уселись на берегу и стали молча ждать.

На шхуне никого не оставалось.

Темнота быстро сгущалась. Взошел месяц, и его свет отразился на поверхности океана. Было тихо. Всех охватило необычайное волнение. Быть может, сейчас они увидят странное существо, наводившее ужас на рыбаков и искателей

жемчуга.

Медленно проходили ночные часы. Люди начинали дремать.

Вдруг колокольчики зазвенели. Люди вскочили, бросились к веревкам, начали поднимать сеть. Она была тяжелой. Веревки вздрагивали. Кто-то трепыхался в сети.

Вот сеть показалась на поверхности океана, а в ней при бледном свете месяца билось тело получеловека-полуживотного. В лунном свете сверкали огромные глаза и серебро чешуи. «Дьявол» делал невероятные усилия, чтобы освободить руку, запутавшуюся в сети. Это удалось ему. Он вынул нож, висевший у бедра на тонком ремешке, и начал резать сеть.

— Не прорежешь, шалишь! — тихо сказал Бальтазар, увлеченный охотой.

Но, к его удивлению, нож одолел проволочную преграду. Ловкими движениями «дьявол» расширял дыру, а ловцы спешили поскорее вытянуть сеть на берег.

— Сильнее! Гоп-гоп! — уже кричал Бальтазар.

Но в тот самый момент, когда, казалось, добыча была уже в их руках, «дьявол» провалился в прорезанную дыру, упал в воду, подняв каскад сверкавших брызг, и исчез в глубине.

Ловцы в отчаянии опустили сеть.

— Хороший ножик! Проволоку режет! — с восхищением сказал Бальтазар. — Подводные кузнецы лучше наших.

Зурита, опустив голову, смотрел на воду с таким видом, как будто там потонуло все его богатство.

Потом он поднял голову, дернул пушистый ус и топнул ногой.

— Так нет же, нет! — крикнул он. — Скорее ты подохнешь в своей подводной пещере, чем я отступлю. Я не пожалею денег, я выпишу водолазов, я весь залив покрою сетями и капканами, и ты не уйдешь от моих рук!

Он был смел, настойчив и упрям. Недаром в жилах Педро Зуриты текла кровь испанских завоевателей. Да и было из-за чего бороться.

«Морской дьявол» оказался не сверхъестественным, не всемогущим существом. Он, очевидно, сделан из костей и мяса, как говорил Бальтазар. Значит, его можно поймать, посадить на цепочку и заставить добывать для Зуриты богатство со дна океана. Бальтазар добудет его, хотя бы сам бог моря Нептун со своим трезубцем стал на защиту «морского дьявола».

ДОКТОР САЛЬВАТОР

Зурита приводил в исполнение свою угрозу. Он возвел на дне залива много проволочных заграждений, протянул во всех направлениях сети, наставил капканы. Но его жертвами пока были только рыбы, «морской дьявол» как будто провалился сквозь землю. Он больше не показывался и ничем не напоминал о себе. Напрасно прирученный дельфин каждый день появлялся в заливе, нырял и фыркал, как бы приглашая своего необычайного друга совершить прогулку. Его друг не показывался, и дельфин, сердито фыркнув в последний раз, уплыл в открытое море.

Погода испортилась. Восточный ветер раскачал гладь океана; воды залива стали мутными от песка, поднявшегося со дна. Пенистые гребни волн скрывали дно. Никто не мог разглядеть, что происходит под водой.

Зурита часами мог стоять на берегу, глядя на гряды волн. Огромные, они шли одна за другой, обрушивались шумными водопадами, а нижние слои воды с шипением катились дальше по сырому песку, ворочая гальку и раковины, подкатываясь к ногам Зуриты.

— Нет, это никуда не годится, — говорил Зурита. — Надо придумать что-нибудь иное. Дьявол живет на дне моря и не желает выходить из своего убежища. Значит, чтобы поймать его, нужно пойти к нему — опуститься на дно. Это ясно!

И, обратившись к Бальтазару, мастерившему новый сложный капкан, Зурита сказал:

— Отправляйся немедленно в Буэнос-Айрес и привези оттуда два водолазных костюма с кислородными резервуарами. Обычный водолазный костюм со шлангом для нагнетания воздуха не годится. Дьявол может перерезать шланг. Притом, быть может, нам придется совершить небольшое подводное путешествие. Да не забудь захватить с собой электрические фонари.

— Вы желаете в гости к дьяволу? — спросил Бальтазар.

— С тобой, конечно, старина. Бальтазар кивнул головой и отправился в путь. Он привез не только водолазные костюмы и фонари, но и пару длинных, замысловато искривленных бронзовых ножей.

— Теперь уже не умеют делать таких, — сказал он. — Это древние ножи арауканцев, которыми мои прадедушки вспарывали когда-то животы белым — вашим прадедушкам, не в обиду вам

будь сказано.

Зурите не понравилась эта историческая справка, но ножи он одобрил.

— Ты очень предусмотрителен, Бальтазар.

На другой день, на заре, несмотря на сильную волну, Зурита и Бальтазар надели водолазные костюмы и опустились на дно моря. Не без труда распутали они стоявшие у входа в подводную пещеру сети и влезли в узкий проход. Их окружала полная темнота. Став на ноги и вынув ножи, водолазы засветили фонари. Испуганные светом мелкие рыбы метнулись в сторону, а потом приплыли к фонарю, суетясь в его голубоватом луче, как рой насекомых.

Зурита отогнал их рукой: блеском чешуи они ослепляли его. Это была довольно большая пещера, не менее четырех метров высоты и пяти-шести метров ширины Водолазы осмотрели углы. Пещера была пуста и необитаема. Только стаи мелкой рыбы, очевидно, укрывались здесь от морского волнения и хищников.

Осторожно ступая, Зурита и Бальтазар продвинулись вперед. Пещера постепенно суживалась. Вдруг Зурита в изумлении остановился. Свет фонаря осветил толстую железную решетку, преграждавшую путь.

Зурита не поверил своим глазам. Он схватился рукой за железные прутья и начал дергать их, пытаясь открыть железную преграду. Но решетка не поддавалась. Осветив ее фонарем, Зурита убедился, что решетка эта прочно вделана в обтесанные стены пещеры и имеет петли и внутренний запор.

Это была новая загадка.

«Морской дьявол» должен быть не только разумным, но и исключительно одаренным существом.

Он сумел приручить дельфина, ему известна обработка металлов. Наконец, он мог создать на дне моря крепкие железные преграды, охраняющие его жилище. Но ведь это невероятно! Не мог же он ковать железо под водой. Значит, он живет не в воде или, по крайней мере, надолго выходит из воды на землю.

У Зуриты стучало в висках, как будто в его водолазном колпаке не хватало кислорода, хотя он пробыл в воде всего несколько минут.

Зурита подал знак Бальтазару, и они вышли из подводной пещеры — больше здесь делать им было нечего — и поднялись на поверхность.

Арауканцы, с нетерпением ожидавшие их, очень обрадовались, увидев водолазов невре-

димыми.

Сняв колпак и отдышавшись, Зурита спросил:

— Что ты на это скажешь, Бальтазар? Араукан-ец развел руками.

— Я скажу, что нам долго придется высиживать здесь. Дьявол, наверное, питается рыбой, а рыбы там достаточно. Голодом нам его не выманить из пещеры. Взорвать решетку динамитом — только и придется., — А не думаешь ли ты, Бальтазар, что пещера может иметь два выхода: один — с залива, а другой — с поверхности земли? Бальтазар об этом не подумал.

— Так надо подумать. Как это мы раньше не догадались осмотреть окрестности? — сказал Зурита.

Теперь они принялись изучать берег.

На берегу Зурита набрел на высокую стену из белого камня, опоясывавшую огромный участок земли — не менее десяти гектаров. Зурита обошел стену. Во всей стене он нашел только одни ворота, сделанные из толстых листов железа. В воротах была маленькая железная дверь с прикрытым изнутри волчком.

«Настоящая тюрьма или крепость, — подумал Зурита. — Странно! Фермеры не строят таких толстых и высоких стен. В стене ни просвета, ни

щели, через которые можно было бы заглянуть внутрь».

Кругом — безлюдная, дикая местность: голые серые скалы, поросшие кое-где колючим кустарником и кактусами. Внизу — залив.

Зурита несколько дней бродил вдоль стены, подолгу следил за железными воротами. Но ворота не раскрывались, никто не входил в них и не выходил; ни один звук не долетал из-за стены.

Вернувшись вечером на палубу «Медузы», Зурита позвал Бальтазара и спросил:

— Ты знаешь, кто живет в крепости над заливом?

— Знаю, я спрашивал уже об этом индейцев, работающих на фермах. Там живет Сальватор.

— Кто же он, этот Сальватор?

— Бог, — ответил Бальтазар.

Зурита от изумления поднял свои черные густые брови.

— Ты шутишь, Бальтазар? Индеец едва заметно улыбнулся:

— Я говорю то, о чем слышал. Многие индейцы называют Сальватора божеством, спасителем.

— От чего же он спасает их?

— От смерти. Они говорят, что он всесилен. Сальватор может творить чудеса. Он держит в

своих пальцах жизнь и смерть. Хромым он делает новые ноги, живые ноги, слепым дает зоркие, как у орла, глаза и даже воскрешает мертвых.

— Проклятие! — проворчал Зурита, подбивая пальцами снизу вверх пушистые усы. — В заливе морской дьявол, над заливом — бог. Не думаешь ли ты, Бальтазар, что дьявол и бог могут помогать друг другу?

— Я думаю, что нам следовало бы убраться отсюда как можно скорее, пока еще наши мозги не свернулись, как скисшее молоко, от всех этих чудес.

— Видел ли ты сам кого-нибудь из исцеленных Сальватором?

— Да, видел. Мне показывали человека со сломанной ногой. Побывав у Сальватора, этот человек бегает, как мустанг. Еще я видел воскрешенного Сальватором индейца. Вся деревня говорит, что этот индеец, когда его несли к Сальватору, был холодным трупом — череп расколот, мозги наружу. А от Сальватора он пришел живой и веселый. Женился после смерти. Хорошую девушку взял. И еще я видел детей индейцев…

— Значит, Сальватор принимает у себя посторонних?

— Только индейцев. И они идут к нему отовсю-

ду: с Огненной Земли и Амазонки, из пустыни Атакамы и Асунсьона.

Получив эти сведения от Бальтазара, Зурита решил съездить в Буэнос-Айрес.

Там он узнал, что Сальватор лечит индейцев и пользуется среди них славой чудотворца. Обратившись к врачам, Зурита узнал, что Сальватор талантливый и даже гениальный хирург, но человек с большими чудачествами, как многие выдающиеся люди. Имя Сальватора было широко известно в научных кругах Старого и Нового Света. В Америке он прославился своими смелыми хирургическими операциями. Когда положение больных считалось безнадежным и врачи отказывались делать операцию, вызывали Сальватора. Он никогда не отказывался. Его смелость и находчивость были беспредельны. Во время империалистической войны он был на французском фронте, где занимался почти исключительно операциями черепа. Много тысяч человек обязаны ему своим спасением. После заключения мира он уехал к себе на родину, в Аргентину. Врачебная практика и удачные земельные спекуляции дали Сальватору огромное состояние. Он купил большой участок земли недалеко от Буэнос-Айреса, обнес его огромной стеной — одна из его

странностей — и, поселившись там, прекратил всякую практику. Он занимался только научной работой в своей лаборатории. Теперь он лечил и принимал индейцев, которые называли его богом, сошедшим на землю.

Зурите удалось узнать еще одну подробность, касавшуюся жизни Сальватора. Там, где сейчас находятся обширные владения Сальватора, до войны стоял небольшой дом с садом, также обнесенный каменной стеной. Все время, пока Сальватор находился на фронте, дом этот сторожили негр и несколько огромных собак. Ни одного человека не пропускали во двор эти неподкупные сторожа.

В последнее время Сальватор окружил себя еще большей таинственностью. Он не принимает у себя даже бывших товарищей по университету.

Узнав все это, Зурита решил:

«Если Сальватор врач, он не имеет права отказаться принять больного. Почему бы мне не заболеть? Я проникну к Сальватору под видом больного, а потом будет видно».

Зурита отправился к железным воротам, охранявшим владения Сальватора, и начал стучать. Стучал долго и упорно, но ему никто не открывал. Взбешенный, Зурита взял большой камень

и начал бить им в ворота, подняв шум, который мог бы разбудить мертвых.

Далеко за стеной залаяли собаки, и, наконец, волчок в двери приоткрылся.

— Что надо? — спросил кто-то на ломаном испанском языке.

— Больной, отоприте скорей, — ответил Зурита.

— Больные так не стучат, — спокойно возразил тот же голос, и в волчке показался чей-то глаз. — Доктор не принимает.

— Он не смеет отказать в помощи больному, — горячился Зурита.

Волчок закрылся, шаги удалились. Только собаки продолжали отчаянно лаять.

Зурита, истощив весь запас ругательств, вернулся на шхуну. Жаловаться на Сальватора в Буэнос-Айрес? Но это ни к чему не приведет. Зуриту трясло от гнева. Его пушистым черным усам угрожала серьезная опасность, так как в волнении он поминутно дергал их, и они опустились вниз, как стрелка барометра, показывающая низкое давление.

Понемногу он успокоился и начал обдумывать, что ему предпринять дальше.

По мере того как он думал, его коричневые от

загара пальцы все чаще взбивали растрепанные усы кверху. Барометр поднимался.

Наконец он взошел на палубу и неожиданно для всех отдал приказ сниматься с якоря.

«Медуза» отправилась в Буэнос-Айрес.

— Хорошо, — сказал Бальтазар. — Сколько времени напрасно потрачено! Пусть черт поберет этого дьявола вместе с богом!

БОЛЬНАЯ ВНУЧКА

Солнце палило немилосердно. По пыльной дороге вдоль тучных полей пшеницы, кукурузы и овса шел старый, изможденный индеец. Одежда его была изорвана. На руках он нес больного ребенка, прикрытого от лучей солнца стареньким одеяльцем. Глаза ребенка были полузакрыты. На шее виднелась огромная опухоль. Время от времени, когда старик оступался, ребенок хрипло стонал и приоткрывал веки. Старик останавливался, заботливо дул в лицо ребенка, чтобы освежить его.

— Только бы донести живым! — прошептал старик, ускоряя шаги.

Подойдя к железным воротам, индеец переложил ребенка на левую руку и ударил правой в

железную дверь четыре раза. Волчок в калитке приоткрылся, чей-то глаз мелькнул в отверстии, заскрипели засовы, и калитка открылась.

Индеец робко переступил порог. Перед ним стоял одетый в белый халат старый негр с совершенно белыми курчавыми волосами.

— К доктору, ребенок больной, — сказал индеец.

Негр молча кивнул головой, запер дверь и знаком пригласил следовать за собой.

Индеец осмотрелся. Они находились на небольшом дворе, вымощенном широкими каменными плитами. Этот двор был обнесен с одной стороны высокой наружной стеною, а с другой — стеною пониже, отгораживавшей двор от внутренней части усадьбы. Ни травы, ни кустика зелени — настоящий тюремный двор. В углу двора, у ворот второй стены, стоял белый дом с большими, широкими окнами. Возле дома на земле расположились индейцы — мужчины и женщины. Многие были с детьми.

Почти все дети выглядели совершенно здоровыми. Одни из них играли ракушками в «чет и нечет», другие беззвучно боролись, — старый негр с белыми волосами строго следил за тем, чтобы дети не шумели.

Старый индеец покорно опустился на землю в тени дома и начал дуть в неподвижное, посиневшее лицо ребенка. Возле индейца сидела старая индианка с опухшей ногой. Она посмотрела на ребенка, лежавшего на коленях индейца, спросила:

— Дочь?

— Внучка, — ответил индеец. Покачав головой, старуха сказала:

— Болотный дух вошел в твою внучку. Но о н сильнее злых духов. О н изгонит болотного духа, и твоя внучка будет здорова.

Индеец утвердительно кивнул головой.

Негр в белом халате обошел больных, посмотрел на ребенка индейца и указал на дверь дома.

Индеец вошел в большую комнату с полом из каменных плит. Посреди комнаты стоял узкий длинный стол, покрытый белой простыней. Открылась вторая дверь, с матовыми стеклами, и в комнату вошел доктор Сальватор, в белом халате, высокий, широкоплечий, смуглый. Кроме черных бровей и ресниц, на голове Сальватора не было ни одного волоска. По-видимому, он брил голову постоянно, так как кожа на голове загорела так же сильно, как и на лице. Довольно большой нос с горбинкой, несколько выдающийся, острый

подбородок и плотно сжатые губы придавали лицу жестокое и даже хищное выражение. Карие глаза смотрели холодно. Под этим взглядом индейцу стало не по себе.

Индеец низко поклонился и протянул ребенка. Сальватор быстрым уверенным и в то же время осторожным движением взял больную девочку из рук индейца, развернул тряпки, в которые был завернут ребенок, и бросил их в угол комнаты, ловко попав в стоявший там ящик. Индеец заковылял к ящику, желая взять оттуда лохмотья, но Сальватор строго остановил его:

— Оставь, не трогай!

Затем положил девочку на стол и наклонился над нею. Он стал в профиль к индейцу. И индейцу вдруг показалось, что это не доктор, а кондор наклонился над маленькой птичкой. Сальватор начал прощупывать пальцами опухоль на горле ребенка. Эти пальцы также поразили индейца. Это были длинные, необычайно подвижные пальцы. Казалось, они могли сгибаться в суставах не только вниз, но и вбок и даже вверх. Далеко не робкий индеец старался не поддаться тому страху, который внушал ему этот непонятный человек.

— Прекрасно. Великолепно, — говорил Саль-

ватор, как будто любуясь опухолью и ощупывая ее пальцами.

Окончив осмотр, Сальватор повернул лицо к индейцу и сказал:

— Сейчас новолуние. Приходи через месяц, в следующее новолуние, и ты получишь свою девочку здоровой.

Он унес ребенка за стеклянную дверь, где находились ванная, операционная и палаты для больных. А негр уже вводил в приемную комнату новую пациентку — старуху с больной ногой.

Индеец низко поклонился стеклянной двери, закрывшейся за Сальватором, и вышел.

Ровно через двадцать восемь дней открылась та же стеклянная дверь.

В дверях стояла девочка в новом платьице, здоровая, румяная. Она пугливо глядела на дедушку. Индеец бросился к ней, схватил за руки, расцеловал, осмотрел горло. От опухоли не осталось следа. Только небольшой, едва заметный красноватый шрам напоминал об операции.

Девочка отталкивала дедушку руками и даже вскрикнула, когда он, поцеловав, уколол ее давно не бритым подбородком. Пришлось спустить ее с рук на пол. Следом за девочкой вошел Сальватор. Теперь доктор даже улыбнулся и, потрепав

головку девочки, сказал:

— Ну, получай свою девочку. Ты вовремя принес ее. Еще несколько часов, и даже я не в силах был бы вернуть ей жизнь.

Лицо старого индейца покрылось морщинами, губы задергались, из глаз полились слезы. Он вновь приподнял девочку, прижал ее к груди, упал на колени перед Сальватором и прерывающимся от слез голосом сказал:

— Вы спасли жизнь моей внучки. Что может предложить вам в награду бедный индеец, кроме своей жизни?

— На что мне твоя жизнь? — удивился Сальватор.

— Я стар, но еще силен, — продолжал индеец, не поднимаясь с пола. — Я отнесу внучку к матери — моей дочери — и вернусь к вам. Я хочу отдать вам весь свой остаток жизни за то добро, которое вы мне сделали. Я буду служить вам, как собака. Прошу вас, не откажите мне в этой милости.

Сальватор задумался.

Он очень неохотно и осторожно брал новых слуг. Хотя работа нашлась бы. Да и немало работы, — Джим не справляется в саду. Этот индеец кажется человеком подходящим, хотя доктор предпочел бы негра.

— Ты даришь мне жизнь и просишь, как о милости, принять твой подарок. Хорошо. Будь по-твоему. Когда ты можешь прийти?

— Еще не окончится первая четверть луны, как я буду здесь, — сказал индеец, целуя край халата Сальватора.

— Как твое имя?

— Мое?.. Кристо — Христофор.

— Иди, Кристо. Я буду ждать тебя.

— Пойдем, внучка! — обратился Кристо к девочке и снова подхватил ее на руки.

Девочка заплакала. Кристо поспешил уйти.

ЧУДЕСНЫЙ САД

Когда Кристо явился через неделю, доктор Сальватор сосредоточенно посмотрел ему в глаза и сказал:

— Слушай внимательно, Кристо. Я беру тебя на службу. Ты будешь получать готовый стол и хорошее жалованье… Кристо замахал руками:

— Мне ничего не надо, только бы служить у вас.

— Молчи и слушай, — продолжал Сальватор. — У тебя будет все. Но я буду требовать одного: ты должен молчать обо всем, что увидишь здесь.

— Скорее я отрежу свой язык и брошу его собакам, чем скажу хоть одно слово.

— Смотри же, чтобы с тобой не случилось такого несчастья, — предупредил Сальватор. И, вызвав негра в белом халате, доктор приказал:

— Проводи его в сад и сдай его в руки Джиму.

Негр молча поклонился, вывел индейца из белого дома, провел через знакомый уже Кристо двор и постучал в железную калитку второй стены.

Из-за стены послышался лай собак, калитка скрипнула и медленно открылась.

Негр втолкнул Кристо через калитку в сад, что-то гортанно крикнул другому негру, стоявшему за калиткой, и ушел.

Кристо в испуге прижался к стене: с лаем, похожим на рев, к нему бежали неведомые звери красновато-желтого цвета, с темными пятнами. Если бы Кристо встретился с ними в пампасах, он сразу признал бы в них ягуаров. Но бежавшие к нему звери лаяли по-собачьи. Сейчас Кристо было безразлично, какие животные нападают на него. Он бросился к соседнему дереву и начал взбираться по ветвям с неожиданной быстротой. Негр зашипел на собак, как рассерженная кобра. Это сразу успокоило собак. Они перестали лаять,

легли на землю и положили головы на вытянутые лапы, искоса поглядывая на негра.

Негр опять зашипел, на этот раз обращаясь к Кристо, сидевшему на дереве, и замахал руками, приглашая индейца слезть.

— Что ты шипишь, как змея? — сказал Кристо, не оставляя своего убежища. — Язык проглотил? Негр только сердито замычал.

«Наверно, он немой», — подумал Кристо и вспомнил предупреждение Сальватора. Неужели Сальватор отрезает языки у слуг, которые выдают его тайны? Быть может, и у этого негра вырезан язык… И Кристо сделалось вдруг так страшно, что он едва не упал с дерева. Ему захотелось бежать отсюда во что бы то ни стало и как можно скорее. Он прикинул в уме, далеко ли от дерева, на котором он сидел, до стены. Нет, не перепрыгнуть… Но негр подошел к дереву и, ухватив индейца за ногу, нетерпеливо тащил его вниз. Пришлось покориться. Кристо спрыгнул с дерева, улыбнулся как только мог любезно, протянул руку и дружески спросил:

— Джим?

Негр кивнул головой.

Кристо крепко пожал руку негра. «Уж если попал в ад, надо быть в ладу с дьяволами», — по-

думал он и продолжал вслух:

— Ты немой? Негр не ответил.

— Языка нет?

Негр молчал по-прежнему.

«Как бы ему заглянуть в рот?» — подумал Кристо. Но Джим, видимо, не намеревался вступать даже в мимический разговор. Он взял Кристо за руку, подвел к красно-рыжим зверям и что-то прошипел им. Звери поднялись, подошли к Кристо, обнюхали его и спокойно отошли. У Кристо немного отлегло от сердца.

Махнув рукой, Джим повел Кристо осматривать сад.

После унылого двора, мощенного камнями, сад поражал обилием зелени и цветов. Сад простирался на восток, постепенно понижаясь по направлению к берегу моря. Дорожки, посыпанные красноватыми измельченными раковинами, разбегались в разные стороны. Возле дорожек росли причудливые кактусы и голубовато-зеленые сочные агавы,[6] метелки со множеством желтовато-зеленых цветов. Целые рощи персиковых и оливковых деревьев прикрывали своею тенью

6 Примечания: 6

Агава — растение с сочными, мясистыми листьями. Из его волокон делают ткани, из сока приготовляют «пульке», любимый напиток местных жителей.

густую траву с пестрыми, яркими цветами. Среди зелени травы сверкали водоемы, выложенные по краям белыми камнями. Высокие фонтаны освежали воздух.

Сад был наполнен разноголосыми криками, пением и щебетанием птиц, ревом, писком и визгом животных. Никогда еще Кристо не приходилось видеть столь необычных животных. В этом саду жили невиданные звери.

Вот, блестя медно-зеленой чешуей, перебежала дорогу шестиногая ящерица. С дерева свисала змея с двумя головами. Кристо в испуге отпрыгнул в сторону от двухголового пресмыкающегося, зашипевшего на него двумя красными ртами. Негр ответил ему более громким шипением, и змея, помахав в воздухе головами, упала с дерева и скрылась в густых зарослях тростника. Еще одна длинная змея уползла с дорожки, цепляясь двумя лапами. За проволочной сеткой хрюкал поросенок. Он уставился на Кристо единственным большим глазом, сидевшим посреди лба.

Две белые крысы, сросшиеся боками, бежали по розовой дорожке, как двухголовое и восьминогое чудовище. Иногда это двуединое существо начинало бороться само с собою: правая крыса тянула вправо, левая — влево, и обе недовольно

попискивали. Но побеждала всегда правая. Рядом с дорожкой паслись сращенные боками «сиамские близнецы» — две тонкорунные овцы. Они не ссорились, как крысы. Между ними, видимо, уже давно установилось полное единство воли и желаний. Один уродец особенно поразил Кристо: большая, совершенно голая розовая собака. А на ее спине, словно вылезшая из собачьего тела, виднелась маленькая обезьянка — ее грудь, руки, голова. Собака подошла к Кристо и махнула хвостом. Обезьянка вертела головой, размахивала руками, похлопывала ладонями спину собаки, с которой она составляла одно целое, и кричала, глядя на Кристо. Индеец опустил руку в карман, вынул кусок сахару и протянул обезьянке. Но кто-то быстро отвел руку Кристо в сторону. За его спиной послышалось шипение. Кристо оглянулся — Джим. Старый негр жестами и мимикой объяснил Кристо, что обезьянку нельзя кормить. И тотчас же воробей с головой маленького попугая вырвал на лету кусок сахару из пальцев Кристо и скрылся за кустом. Вдали на лужайке промычала лошадь с коровьей головой.

Две ламы промчались по поляне, помахивая лошадиными хвостами. Из травы, из зарослей кустарников, с ветвей деревьев глядели на Кристо

необычные гады, звери и птицы: собаки с кошачьими головами, гуси с петушиными головами, рогатые кабаны, страусы-нанду с клювами орлов, бараны с телом пумы…

Кристо казалось, что он бредит. Он протирал глаза, смачивал голову холодной водой фонтанов, но ничто не помогало. В водоемах он видел змей с рыбьей головой и жабрами, рыб с лягушечьими лапами, огромных жаб с телом длинным, как у ящерицы…

И Кристо снова захотелось бежать отсюда.

Но вот Джим вывел Кристо на широкую площадку, усыпанную песком. Посреди площадки, окруженная пальмами, стояла вилла из белого мрамора, выстроенная в мавританском стиле. Сквозь пальмовые стволы виднелись арки и колонны. — Медные фонтаны в виде дельфинов выбрасывали каскады воды в прозрачные водоемы с резвящимися в них золотыми рыбками. Самый большой фонтан перед главным входом изображал юношу, сидящего на дельфине подобно мифическому Тритону,[7] с витым рогом у рта.

За виллой находилось несколько жилых по-

7 Примечания: 7

Тритон — по греческой мифологии, бог морской волны Трубя в морскую раковину, он вызывал или прекращал волнение моря Часто изображался сидящим на дельфине.

строек и служб, а дальше шли густые заросли колючих кактусов, доходившие до белой стены.

«Опять стена!» — подумал Кристо.

Джим ввел индейца в небольшую прохладную комнату. Жестами он объяснил, что эта комната предоставляется ему, и удалился, оставив Кристо одного.

ТРЕТЬЯ СТЕНА

Понемногу Кристо привык к тому необычайному миру, который окружал его. Все звери, птицы и гады, наполнявшие сад, были хорошо приручены. С некоторыми из них у Кристо завязалась даже дружба. Собаки со шкурой ягуара, так напугавшие его в первый день, ходили за ним по пятам, лизали руки, ласкались. Ламы брали хлеб из рук. Попугаи слетали на его плечо.

За садом и зверями ухаживали двенадцать негров, таких же молчаливых или немых, как Джим. Кристо никогда не слышал, чтобы они разговаривали даже друг с другом. Каждый молча делал свою работу. Джим был чем-то вроде управляющего. Он наблюдал за неграми и распределял их обязанности. А Кристо, к его собственному удивлению, был назначен помощником Джима.

Работы у Кристо было не так уж много, кормили его хорошо. Он не мог жаловаться на свою жизнь. Одно его беспокоило — это зловещее молчание негров. Он был уверен, что Сальватор отрезал всем им языки. И когда Сальватор изредка вызывал Кристо к себе, индеец всякий раз думал: «Язык резать». Но вскоре Кристо стал меньше бояться за свой язык.

Однажды Кристо увидел Джима, спящего в тени оливковых деревьев. Негр лежал на спине, раскрыв рот. Кристо воспользовался этим, осторожно заглянул внутрь рта спящего и убедился, что язык старого негра находится на месте. Тогда индеец немного успокоился.

Сальватор строго распределил свой день. От семи до девяти утра доктор принимал больных индейцев, с девяти до одиннадцати оперировал, а затем уходил к себе в виллу и занимался там в лаборатории. Он оперировал животных, а потом долго изучал их. Когда же кончались его наблюдения, Сальватор отправлял этих животных в сад. Кристо, убирая иногда в доме, проникал в лабораторию. Все, что он видел там, поражало его. Там в стеклянных банках, наполненных какими-то растворами, пульсировали разные органы. Отрезанные руки и ноги продолжали жить. И когда

эти живые, отделенные от тела части начинали болеть, то Сальватор лечил их, восстанавливая угасавшую жизнь.

На Кристо все это нагоняло ужас. Он предпочитал находиться среди живых уродов в саду.

Несмотря на то доверие, которое Сальватор оказывал индейцу, Кристо не смел проникнуть за третью стену. А это его очень интересовало. Как-то в полдень, когда все отдыхали, Кристо подбежал к высокой стене. Из-за стены он услышал детские голоса — он различал индейские слова. Но иногда к детским голосам присоединялись чьи-то еще более тонкие, визжащие голоса, как будто споривших с детьми и говоривших на каком-то непонятном наречии.

Однажды, встретив Кристо в саду, Сальватор подошел к нему и, по обычаю глядя прямо в глаза, сказал:

— Ты уже месяц работаешь у меня, Кристо, и я доволен тобой. В нижнем саду заболел один из моих слуг. Ты заменишь его. Ты увидишь там много нового. Но помни наш уговор: крепко держи язык за зубами, если не хочешь потерять его.

— Я уже почти разучился говорить среди ваших немых слуг, — ответил Кристо.

— Тем лучше. Молчание — золото. Если ты

будешь молчать, ты получишь много золотых пезо. Я надеюсь через две недели поставить на ноги моего больного слугу. Кстати, ты хорошо знаешь Анды?

— Я родился в горах.

— Прекрасно. Мне нужно будет пополнить мой зверинец новыми животными и птицами. Я возьму тебя с собой. А теперь иди. Джим проводит тебя в нижний сад.

Ко многому уже привык Кристо. Но то, что он увидел в нижнем саду, превосходило его ожидания.

На большом, освещенном солнцем лугу резвились голые дети и обезьяны. Это были дети разных индейских племен. Среди них были и совсем маленькие — не более трех лет, старшим было лет двенадцать. Эти дети были пациентами Сальватора. Многие из них перенесли серьезные операции и были обязаны Сальватору своей жизнью. Выздоравливающие дети играли, бегали в саду, а потом, когда силы их возвращались, родители брали их домой.

Кроме детей, здесь жили обезьяны. Бесхвостые обезьяны. Обезьяны без клочка шерсти на теле.

Самое удивительное — все обезьяны, одни лучше, другие хуже, умели говорить. Они спорили с

детьми, бранились, визжали тонкими голосами. Но все же обезьяны мирно уживались с детьми и ссорились с ними не больше, чем дети между собой.

Кристо подчас не мог решить, настоящие ли это обезьяны или люди.

Когда Кристо ознакомился с садом, он заметил, что этот сад меньше, чем верхний, и еще круче спускается к заливу, упираясь в отвесную, как стена, скалу.

Море находилось, вероятно, недалеко за этой стеной. Из-за стены долетал гул морского прибоя.

Обследовав через несколько дней эту скалу, Кристо убедился, что она искусственная. В густых зарослях глициний Кристо обнаружил серую железную дверь, выкрашенную под цвет скал, совершенно сливавшуюся с ними.

Кристо прислушался. Ни один звук, кроме прибоя, не долетал из-за скалы. Куда вела эта узкая дверь? На берег моря?

Вдруг послышался возбужденный детский крик. Дети смотрели на небо. Кристо поднял голову и увидел небольшой красный детский шар, медленно летевший через сад. Ветер относил шар в сторону моря.

Обычный детский шар, пролетавший над садом, очень взволновал Кристо. Он стал беспокоиться. И как только выздоровевший слуга вернулся, Кристо отправился к Сальватору и сказал ему:

— Доктор! Скоро мы едем в Анды, быть может, надолго. Разрешите мне повидаться с дочерью и внучкой.

Сальватор не любил, когда его слуги уходили со двора, и предпочитал иметь одиноких. Кристо молчаливо ждал, глядя в глаза Сальватора.

Сальватор, холодно посмотрев на Кристо, напомнил ему:

— Помни наш уговор. Береги язык! Возвращайся не позже как через три дня. Подожди!

Сальватор удалился в другую комнату и вынес оттуда замшевый мешочек, в котором позванивали золотые пезо.

— Вот твоей внучке. И тебе за молчание.

НАПАДЕНИЕ

— Если он не придет и сегодня, я откажусь от твоей помощи, Бальтазар, и приглашу более ловких и надежных людей, — говорил Зурита, нетерпеливо подергивая пушистые усы.

Теперь Зурита был одет в белый городской костюм и шляпу-панаму. Он встретился с Бальтазаром в окрестностях Буэнос-Айреса, там, где кончаются обработанные поля и начинаются пампасы.

Бальтазар в белой блузе и синих полосатых штанах сидел у дороги и молчал, смущенно пощипывая выжженную солнцем траву.

Он сам начинал раскаиваться, что послал своего брата Кристо шпионом к Сальватору.

Кристо был на десять лет старше Бальтазара. Несмотря на свои годы, Кристо оставался сильным и ловким человеком. Он был хитер, как кошка пампасов. И все же он был ненадежным человеком. Он пробовал заниматься сельским хозяйством — это показалось ему скучным. Потом держал кабачок в порту, но, пристрастившись к вину, скоро разорился.

Последние годы Кристо занимался самыми темными делами, пуская в ход свою необычайную хитрость, а подчас и вероломство. Такой человек был подходящим шпионом, но верить ему нельзя было. Если ему было выгодно, он мог предать даже родного брата. Бальтазар знал это и потому беспокоился не меньше Зуриты.

— Ты уверен, что Кристо видел пущенный то-

бою воздушный шар?

Бальтазар неопределенно пожал плечами. Ему хотелось скорее бросить эту затею, пойти домой, промочить горло холодной водой с вином и лечь пораньше спать.

Последние лучи заходящего солнца осветили клубы пыли, поднявшиеся из-за бугра. В то же время послышался резкий протяжный свист.

Бальтазар встрепенулся:

— Это он!

— Наконец-то!

Кристо бодрой походкой приближался к ним. Он уже не был похож на изможденного старого индейца. Еще раз лихо свистнув, Кристо подошел и поздоровался с Бальтазаром и Зуритой.

— Ну что, познакомился ты с морским дьяволом? — спросил его Зурита.

— Еще нет, но он там. Сальватор хранит дьявола за четырьмя стенами. Главное сделано: я служу у Сальватора, и он верит мне.

С больной внучкой очень хорошо у меня вышло. — Кристо засмеялся, сощурив свои хитрые глаза. — Она едва не испортила дело, когда выздоровела. Я ее обнимаю, целую, как и следует любящему деду, а она, дурочка, брыкаться и чуть не в слезы. — Кристо снова засмеялся.

— Где ты добыл свою внучку? — спросил Зурита.

— Деньги не найдешь, девчонок легко найти, — ответил Кристо. — Мать ребенка довольна. Я получил от нее пять бумажных песо, а она получила здоровую девочку.

О том, что он получил увесистый мешочек золотых песо от Сальватора, Кристо умолчал. Конечно, он и не думал отдавать деньги матери девочки.

— Чудеса у Сальватора. Настоящий зверинец. — И Кристо начал рассказывать обо всем, что он видел.

— Все это очень интересно, — сказал Зурита, закуривая сигару, — но ты не видел самого главного: дьявола. Что ты думаешь делать дальше, Кристо?

— Дальше? Предпринять небольшую прогулку в Анды. — И Кристо рассказал, что Сальватор собирается на охоту за зверями.

— Отлично! — воскликнул Зурита. — Участок Сальватора находится вдали от остальных поселений. В его отсутствие мы нападем на владения Сальватора и похитим морского дьявола.

Кристо отрицательно покачал головой:

— Ягуары оторвут вам голову, и вы не сможете

найти дьявола. И с головой не найдете его, если я его не нашел.

— Тогда вот что, — подумав, сказал Зурита, — мы устроим засаду, когда Сальватор отправится на охоту; захватим его в плен и потребуем выкуп — морского дьявола.

Кристо ловким движением вынул из бокового кармана Зуриты торчащую сигару.

— Благодарю вас. Засада — это лучше. Но Сальватор обманет: пообещает выкуп и не даст. Эти испанцы… — Кристо закашлялся.

— Что же ты предлагаешь? — уже с раздражением спросил Зурита.

— Терпение, Зурита. Сальватор верит мне, но только до четвертой стены. Надо, чтобы доктор поверил мне, как самому себе, и тогда он покажет мне дьявола.

— Ну?

— Ну, и вот. На Сальватора нападут бандиты, — и Кристо ткнул пальцем в грудь Зуриты, — а я, — он ударил себя в грудь, — честный арауканец, спасу ему жизнь. Тогда для Кристо не останется тайны в доме Сальватора. («И кошелек мой пополнится золотыми пезо», — докончил он про себя.) — Что же, это неплохо.

И они условились, по какой дороге Кристо по-

везет Сальватора.

— Накануне этого дня, когда мы выедем, я брошу через забор красный камень. Будьте готовы.

Несмотря на то что план нападения обдумали очень тщательно, одно непредвиденное обстоятельство едва не испортило дело.

Зурита, Бальтазар и десять головорезов, навербованных в порту, одетые в костюмы гаучо[8] и хорошо вооруженные, верхом на лошадях поджидали свою жертву вдали от жилья.

Стояла темная ночь. Всадники вслушивались, ожидая услышать топот лошадиных копыт. Но Кристо не знал, что Сальватор отправляется на охоту не так, как это делалось несколько лет тому назад.

Бандиты неожиданно услышали быстро приближавшийся шум мотора. Из-за пригорка ослепительно сверкнули огни фар. Огромный черный автомобиль промчался мимо всадников, прежде чем они успели сообразить, что произошло.

Зурита отчаянно бранился. Бальтазара это рассмешило.

— Не огорчайтесь, Педро, — сказал индеец. — Днем жарко, они едут ночью, — у Сальватора два

---

8 Примечания: 8

Гаучо — полудикие пастушеские племена, живущие в пампасах, метисы с преобладанием индейской крови. Прекрасные наездники.

солнца на машине. Днем они будут отдыхать. Мы можем нагнать их на привале. — И, пришпорив лошадь, Бальтазар поскакал следом за автомобилем.

За ним двинулись другие.

Проехав часа два, всадники неожиданно заметили вдали костер.

— Это они. У них что-нибудь случилось. Стойте, я проберусь ползком и узнаю. Ждите меня.

И, соскочив с лошади, Бальтазар пополз, как уж. Через час он вернулся.

— Машина не везет. Испортилась. Они чинят ее. Кристо стоит на часах. Надо спешить.

Все остальное свершилось очень быстро. Бандиты напали. И не успел Сальватор опомниться, как ему, Кристо и трем неграм связали руки и ноги.

Один из наемных бандитов, главарь шайки, — Зурита предпочитал держаться в тени — потребовал от Сальватора довольно большую сумму выкупа.

— Я уплачу, освободите меня, — ответил Сальватор.

— Это за тебя. Но столько же ты должен уплатить за троих спутников! — нашелся бандит.

— Сразу такой суммы я не могу дать, — ответил Сальватор, подумав.

— Тогда смерть ему! — закричали бандиты.

— Если не согласишься на наши условия, на рассвете мы убьем тебя, — сказал бандит.

Сальватор пожал плечами и ответил:

— Такой суммы у меня нет на руках.

Спокойствие Сальватора поразило даже бандита.

Бросив связанных позади автомобиля, бандиты принялись шарить и нашли запасы спирта для коллекций. Они выпили спирт и, пьяные, свалились на землю.

Незадолго до рассвета кто-то осторожно подполз к Сальватору.

— Это я, — тихо сказал Кристо. — Мне удалось развязать ремни. Я подкрался к бандиту с ружьем и убил его. Остальные пьяны. Шофер исправил машину. Надо спешить.

Все быстро уселись в автомобиль, негр-шофер пустил мотор, машина рванулась и помчалась по дороге.

Сзади послышались крики и беспорядочная стрельба.

Сальватор крепко пожал руку Кристо.

Только после отъезда Сальватора Зурита узнал от своих бандитов, что Сальватор соглашался дать выкуп. «Не проще ли было, — думал Зури-

та, — получить выкуп, чем пытаться похитить морского дьявола, который неизвестно еще, что собой представляет?» Но случай был упущен, оставалось ожидать вестей от Кристо.

ЧЕЛОВЕК-АМФИБИЯ

Кристо надеялся, что Сальватор подойдет к нему и скажет: «Кристо, ты спас мне жизнь. Теперь для тебя нет тайн в моих владениях. Идем, я покажу тебе морского дьявола».

Но Сальватор не собирался этого делать. Он щедро наградив Кристо за спасение и углубился в свои научные работы.

Не теряя времени, Кристо стал изучать четвертую стену и потайную дверь. Она долго не давалась, но в конце концов Кристо удалось открыть секрет. Однажды, ощупывая эту дверь, он нажал небольшую выпуклость. Вдруг дверь подалась и открылась. Она оказалась тяжелой и толстой, как дверь несгораемого шкафа. Кристо быстро проскользнул за дверь, которая сразу захлопнулась за ним. Это несколько озадачило его. Он осматривал дверь, нажимал на выступы, но дверь не открылась.

— Я сам себя запер в ловушку, — проворчал

Кристо.

Но делать было нечего. Оставалось осмотреть этот последний, неведомый сад Сальватора.

Кристо очутился в густо заросшем саду. Весь сад представлял собой небольшую котловину, со всех сторон окруженную высокой стеной из искусственно сложенных скал. Слышался не только прибой волн, но и шуршанье гальки по песчаной отмели.

Тут были деревья и кустарники, которые обыкновенно растут на влажной почве. Среди больших тенистых деревьев, хорошо защищавших от лучей солнца, струилось много ручьев. Десятки фонтанов разбрасывали брызги воды, увлажняя воздух. Было сыро, как на низменных берегах Миссисипи. Посреди сада стоял небольшой каменный дом с плоской крышей. Его стены были сплошь покрыты плющом. Зеленые жалюзи на окнах были спущены. Дом казался необитаемым.

Кристо дошел до конца сада. У стены, отделявшей усадьбу от залива, находился огромный квадратный бассейн, густо обсаженный деревьями, занимавший площадь не менее пятисот квадратных метров и глубиной не меньше пяти метров.

При приближении Кристо какое-то существо

испуганно выбежало из зарослей и бросилось в бассейн, подняв тучи брызг. Кристо остановился в волнении. Он! «Морской дьявол». Наконец-то Кристо увидит его.

Индеец подошел к водоему, заглянул в прозрачную воду.

На дне бассейна, на белых каменных плитах, сидела большая обезьяна. С испугом и любопытством она глядела из-под воды на Кристо. Кристо не мог прийти в себя от удивления: обезьяна дышала под водой. Бока ее то опускались, то поднимались.

Оправившись от изумления, Кристо невольно рассмеялся: «морской дьявол», наводивший ужас на рыбаков, оказался земноводной обезьяной. «Чего только не бывает на свете», — подумал старый индеец.

Кристо был доволен: наконец ему удалось выведать все. Но теперь он был разочарован. Обезьяна совсем не напоминала то чудовище, о котором рассказывали очевидцы. Чего не сделают страх и воображение!

Но надо было подумать о возвращении. Кристо вернулся назад, к двери, влез на высокое дерево у забора и, рискуя сломать себе ноги, спрыгнул с высокой стены.

Едва он встал на ноги, как услышал голос Сальватора:

— Кристо! Где же ты?

Кристо схватил лежавшие на дорожке грабли и начал сгребать сухие листья.

— Я здесь.

— Идем, Кристо, — сказал Сальватор, подходя к замаскированной железной двери в скале. — Смотри, эта дверь открывается вот так. — И Сальватор нажал уже известную Кристо выпуклость на шероховатой поверхности двери.

«Доктор опоздал — я уже видел дьявола», — подумал Кристо.

Сальватор и Кристо вошли в сад. Минуя домик, увитый плющом, Сальватор направился к бассейну. Обезьяна еще сидела в воде, пуская пузыри.

Кристо удивленно вскрикнул, как будто увидел ее впервые. Но вслед за этим ему пришлось по-настоящему удивиться.

Сальватор не обратил на обезьяну никакого внимания. Он только махнул на нее рукой, как будто она мешала ему. Обезьяна тотчас выплыла, выбралась из бассейна, отряхнулась и влезла на дерево. Сальватор наклонился, ощупал траву и сильно нажал небольшую зеленую пластину. Послышался глухой шум. В полу по краям бассейна

открылись люки. Через несколько минут бассейн был пуст. Люки захлопнулись. Откуда-то сбоку выдвинулась железная лесенка, ведущая на дно бассейна.

— Идем, Кристо.

Они опустились в бассейн. Сальватор ступил на одну плиту, и тотчас открылся новый люк — посредине бассейна — шириною в квадратный метр. Железные ступени уходили куда-то под землю.

Кристо последовал за Сальватором в это подземелье. Они шли довольно долго. Сверху через люк проникал только рассеянный свет. Но скоро он исчез. Их окружил полный мрак. Шаги глухо отдавались в этом подземном коридоре.

— Не оступись, Кристо, сейчас мы придем.

Сальватор остановился, шаря по стене рукой. Щелкнул выключатель, и яркий свет разлился вокруг. Они стояли в сталактитовой пещере, перед бронзовой дверью с львиными мордами, держащими кольца в зубах. Сальватор дернул за одно кольцо. Тяжелая дверь плавно открылась, и путники вошли в темную залу. Снова щелкнул выключатель. Матовый шар осветил обширную пещеру, одна стена которой была стеклянная. Сальватор переключил свет: пещера погрузи-

лась во мрак, а сильные прожекторы осветили пространство за стеклянной стеной. Это был огромный аквариум — вернее, стеклянный дом на дне моря. С земли поднимались водоросли и кусты кораллов, среди них резвились рыбы. И вдруг Кристо увидел выходившее из зарослей человекообразное существо с большими лапами. Тело неизвестного сверкало синевато-серебристой чешуей. Быстрыми, ловкими движениями это существо подплыло к стеклянной стене, кивнуло Сальватору головой, вошло в стеклянную камеру, захлопнув за собой дверь. Вода из камеры быстро выливалась. Неизвестный открыл вторую дверь и вошел в грот.

— Сними очки и перчатки, — сказал Сальватор. Неизвестный послушно снял очки и перчатки, и Кристо увидел перед собою стройного красивого молодого человека.

— Познакомьтесь: Ихтиандр, человек-рыба, или, вернее, амфибия, он же морской дьявол, — отрекомендовал юношу Сальватор.

Юноша, приветливо улыбаясь, протянул руку индейцу и сказал по-испански:

— Здравствуйте!

Кристо молча пожал протянутую руку. Пораженный, он не мог выговорить ни слова.

— Негр, слуга Ихтиандра, заболел, — продолжал Сальватор. — Я оставлю тебя с Ихтиандром на несколько дней. Если ты справишься с новыми обязанностями, я сделаю тебя постоянным слугой Ихтиандра.

Кристо молча кивнул головой.

ДЕНЬ ИХТИАНДРА

Еще ночь, но скоро рассвет.

Воздух теплый и влажный, напоенный сладким запахом магнолий, тубероз, резеды. Ни один лист не шелохнется. Тишина. Ихтиандр идет по песчаной дорожке сада. На поясе мерно покачиваются кинжал, очки, ручные и ножные перчатки — «лягушечьи лапы». Только под ногами потрескивает ракушечный песок. Дорожка еле видна. Кусты и деревья обступили ее черными бесформенными пятнами. От водоемов поднимается туман. Иногда Ихтиандр задевает ветку. Роса окропляет его волосы и горячую щеку.

Дорожка круто поворачивает вправо и идет под уклон. Воздух становится все свежее и влажнее. Ихтиандр чувствует под ногами каменные плиты, замедляет шаги, останавливается. Не спеша надевает большие очки с толстыми стеклами,

перчатки на руки и на ноги. Выдыхает из легких воздух и прыгает в водоем. Вода обволакивает тело приятной свежестью, пронизывает холодком жабры. Жаберные щели начинают ритмически двигаться, — человек превратился в рыбу.

Несколько сильных движений руками, и Ихтиандр на дне водоема.

Юноша уверенно плывет в полной темноте. Протягивает руку, находит железную скобу в каменной стене. Рядом другая, третья скоба… Так добирается он до тоннеля, доверху наполненного водой. Идет по дну, преодолевая холодное встречное течение. Отталкивается от дна, всплывает наверх — и словно погружается в теплую ванну. Вода, нагретая в водоемах садов, течет вверху тоннеля к открытому морю. Теперь Ихтиандр может плыть по течению. Скрещивает на груди руки, ложится на спину и плывет головой вперед.

Конец тоннеля близок. Там, возле самого выхода в океан, внизу, из расщелины скалы под сильным напором вырывается горячий источник. В его струях шуршат придонные камешки и раковины.

Ихтиандр ложится на грудь и смотрит вперед. Темно. Протягивает руку вперед. Вода чуть-чуть свежеет. Ладони касаются железной решетки,

прутья которой покрыты мягкой и скользкой морской растительностью и шероховатыми ракушками. Цепляясь за решетку, юноша находит сложный затвор и открывает его. Тяжелая круглая решетчатая дверь, загораживающая выход из тоннеля, медленно приоткрывается. Ихтиандр проскальзывает в образовавшуюся щель. Дверь решетки захлопывается.

Человек-амфибия направляется в океан, загребая воду руками и ногами. В воде все еще темно. Только кое-где в черной глубине мелькают голубоватые искры ночесветок да тускло-красные медузы. Но скоро рассвет, и светящиеся животные одно за другим тушат свои фонарики.

Ихтиандр чувствует в жабрах тысячи мелких уколов — становится труднее дышать. Это значит — он миновал скалистый мыс. За мысом морская вода всегда загрязнена частицами глинозема, песком и отбросами разных веществ. Вода опреснена, — невдалеке в океан впадает река.

«Удивительно, как это речные рыбы могут жить в мутной, пресной, воде, — думает Ихтиандр. — Наверное, их жабры не так чувствительны к песчинкам и частицам ила».

Ихтиандр поднимается немного выше, резко поворачивает вправо, на юг, затем опускается

в глубину. Здесь вода чище. Ихтиандр попал в холодное подводное течение, которое идет вдоль берега с юга на север, до впадения реки Параны, которая отклоняет холодное течение на восток. Течение это проходит на большой глубине, но верхняя граница находится в пятнадцати — двадцати метрах от поверхности. Теперь Ихтиандр вновь может предоставить себя течению, — оно вынесет его далеко в открытый океан.

Можно подремать немного. Опасности нет: еще темно, и морские хищники спят. Перед восходом солнца так приятно вздремнуть. Кожа чувствует, как изменяются температура воды, подводные течения.

Вот ухо улавливает глухой грохочущий звук, за ним другой, третий. Это гремят якорные цепи: в заливе, за несколько километров от Ихтиандра, рыбачьи шхуны снимаются с якоря. Рассвет близок. А вот далекий-далекий мерный рокот. Это винт и моторы «Горрокса» — большого английского океанского парохода, совершающего рейс между Буэнос-Айресом и Ливерпулем. «Горрокс» еще километрах в сорока. А как слышно! Звук проходит в морской воде полторы тысячи метров в секунду. Как красив «Горрокс» ночью — настоящий плавучий город, залитый огнями! Но, чтобы

увидеть его ночью, надо с вечера выплыть далеко в открытое море. В Буэнос-Айрес «Горрокс» приходит при свете восходящего солнца уже с погашенными огнями. Нет, дремать больше уже не придется: винты, рули и моторы «Горрокса», колебания его корпуса, огни иллюминаторов и прожекторов разбудят обитателей океана. Наверное, дельфины первые услышали приближение «Горрокса» и, ныряя, подняли несколько минут тому назад легкое волнение, которое заставило Ихтиандра насторожиться. И наверное, они уже помчались навстречу пароходу.

Дробь судовых моторов раздается с разных сторон: пробуждаются порт и залив. Ихтиандр открывает глаза, трясет головой, словно отряхивает последнюю дремоту, взмахивает руками, отталкивается ногами и всплывает на поверхность.

Осторожно высунул голову из воды, осмотрелся. Вблизи ни лодок, ни шхун. Вынырнул по пояс и так держится, медленно перебирая ногами.

Низко над водой летают бакланы и чайки, иногда задевают грудью или концом крыла зеркальную поверхность и оставляют на ней медленно расходящиеся круги. Крики белых чаек похожи на детский плач. Свистя огромными крыльями и обдавая ветром, над головой Ихтиандра

пролетел огромный снежно-белый альбатрос-буревестник. Маховые перья его черные, клюв красный, с желтым кончиком, а лапы оранжевые. Он направляется к заливу. Ихтиандр с некоторой завистью провожает его глазами. Траурные крылья птицы имеют в размахе не менее четырех метров. Вот бы иметь такие крылья!

На западе ночь уходит за далекие горы. Уже алеет восток. На глади океана появилась едва заметная спокойная зыбь, и на ней — золотые струйки. Белые чайки, поднимаясь выше, становятся розовыми. По бледной глади вод зазмеились пестрые, голубые и синие дорожки: это первые порывы ветра. Синих дорожек становится все больше. Ветер крепчает. На песчаном берегу уже появляются перистые желто-белые язычки прибоя. Вода возле берега становится зеленой.

Приближается целая флотилия рыбачьих шхун. Отец приказал не попадаться людям на глаза. Ихтиандр ныряет глубоко в воду, находит холодное течение. Оно несет его еще дальше от берега на восток, в открытый океан. Кругом сине-лиловая темнота морской глубины. Плавают рыбы, они кажутся светло-зелеными, с темными пятнами и полосками. Красные, желтые, лимонные, коричневые рыбы беспрерывно снуют, как рои пестрых

бабочек.

Сверху доносится рокот, вода темнеет. Это низко над водой пролетел военный гидроплан.

Однажды такой гидроплан сел на воду. Ихтиандр незаметно ухватился за железный упор поплавков и… едва не поплатился жизнью: гидроплан неожиданно снялся с воды. Ихтиандр спрыгнул с высоты десяти метров.

Ихтиандр приподнимает голову. Свет солнца виден почти над головой. Близок полдень. Поверхность воды уже не кажется зеркалом, в котором отражаются камни отмели, крупные рыбы, сам Ихтиандр. Сейчас зеркало искривилось, выгибается, беспрерывно движется.

Ихтиандр всплывает. Волны качают. Вот он выглянул из воды. Поднялся на гребне волны, опустился, снова поднялся. Ого, что делается вокруг! У берега прибой уже шумит, ревет и ворочает камнями. Вода возле берега стала желто-зеленая. Дует резкий юго-западный ветер. Волны растут. На гребнях волн мелькают белые барашки. Брызги все время падают на Ихтиандра. Ему это приятно.

«Почему это, — думает Ихтиандр, — если плыть навстречу волнам, они кажутся темно-синими, а оглянешься — позади они бледные?»

С верхушек волн срываются стаи рыб — летунов-долгоперов. То поднимаясь, то опускаясь, минуя гребни волн и ложбинки между ними, летуны пролетают сотню метров и опускаются, а через минуту-две снова выпрыгивают из воды. Мечутся, плачут белые чайки. Режут воздух широкими крыльями самые быстроходные птицы — фрегаты. Огромный изогнутый клюв, острые когти, темно-коричневые перья с зеленоватым металлическим оттенком, зоб оранжевого цвета. Это самец. А невдалеке — другой фрегат, посветлее, с белой грудью, — самка. Вот она камнем падает в воду, и через секунду в кривом клюве уже трепещет сине-серебристая рыбка. Летают буревестники-альбатросы. Будет буря. Навстречу грозовой туче, наверно, уже несется чудесная смелая птица — паламедея. Она всегда встречает грозу своей песней. Зато рыбачьи шхуны и нарядные яхты на всех парусах спешат к берегу укрыться от бури.

Стоят зеленоватые сумерки, но сквозь толщу воды еще можно различить, где находится солнце — большое светлое пятно. Этого достаточно, чтобы определить направление. Надо добраться до отмели, прежде чем туча покроет солнце, иначе — прощай завтрак! А есть уже давно хочется. В

темноте не найти ни отмели, ни подводных скал. Ихтиандр с силой работает руками и ногами — он плывет, как плавают лягушки.

Время от времени он ложится на спину и проверяет свой курс по едва заметному просвету в густом сине-зеленом полумраке. Иногда внимательно всматривается вперед, не видно ли отмели. Его жабры и кожа чувствуют, как изменяется вода: вблизи отмели вода не такая плотная, она менее соленая и в ней больше кислорода, — приятная, легкая вода. Он пробует воду на вкус — на язык. Так старый опытный моряк, еще не видя земли, знает о ее приближении по приметам, известным ему одному.

Постепенно становится светлее. Справа и слева маячат давно знакомые очертания подводных утесов. Между ними небольшое плато, за ним каменная стена. Ихтиандр называет это местечко подводной бухтой. Здесь бывает тихо даже во время самой сильной бури.

Как много рыб набралось в тихой подводной бухте! Кишат, как в кипящем котле с ухой. Маленькие, темные, с желтой поперечной полосой посредине тела и желтым хвостом, с косыми темными полосами, красные, голубые, синие. Они то внезапно исчезают, то так же неожиданно

появляются на том же самом месте. Всплывешь вверх, оглянешься по сторонам — рыбы кишат, а внизу уже пропали, словно провалились. Долго Ихтиандр не мог понять, отчего это происходит, пока не поймал однажды рыбку руками. Ее тельце было величиною в ладонь, но совсем плоское. Поэтому сверху рыб было трудно разглядеть.

Вот и завтрак. На ровной площадке возле отвесной скалы много устриц. Ихтиандр подплывает, ложится на площадке возле самых раковин и принимается есть. Вынимает устриц из раковин и отправляет их в рот. Он привык есть под водой: положив кусок в рот, ловко выбрасывает сквозь полусжатые губы воду изо рта. Немного воды, впрочем, проглатывает он с пищей, но он привык к морской воде.

Вокруг него колышутся водоросли — испещренные дырочками зеленые листья агара, перистые зеленые листья каулерпы мексиканской, нежные розовые нитофилы. Но сейчас все они кажутся темно-серыми: в воде сумеречный свет, — гроза и буря продолжаются. Иногда глухо слышится гром. Ихтиандр смотрит вверх.

Почему вдруг так потемнело? Над самой головой Ихтиандра появилось темное пятно. Что бы это могло быть? Завтрак окончен. Можно

взглянуть на поверхность. Ихтиандр осторожно поднимается к темному пятну над головой, скользя вдоль отвесной скалы. Оказывается, на воду сел огромный альбатрос. Оранжевые ноги птицы совсем близко от Ихтиандра. Он протягивает руки вверх и схватывает альбатроса за ноги. Испуганная птица раскрывает свои мощные крылья и поднимается, вытаскивая из воды Ихтиандра. Но на воздухе тело Ихтиандра сразу тяжелеет, и альбатрос вместе с ним грузно падает на волну, порывая юношу своей перистой мягкой грудью. Ихтиандр не ждет, пока буревестник клюнет красным клювом в голову, ныряет и через несколько секунд всплывает на поверхность в другом месте. Альбатрос улетает на восток и скрывается за водяными горами разыгравшегося шторма.

Ихтиандр лежит на спине. Гроза уже прошла. Гром грохочет где-то вдали на востоке. Но ливень как из ведра. Ихтиандр жмурит глаза от удовольствия. Наконец открывает глаза, встает, оставаясь наполовину погруженным в воду, оглядывается. Он на гребне высочайшей волны. Вокруг него небо, океан, ветер, тучи, ливень, волны — все смешалось в мокрый вращающийся клубок, который гудит, шумит, ревет, грохочет.

Курчавится пена на гребнях и сердито змеится на ребрах волн. Стремительно бегут вверх водяные горы и низвергаются как лавины, поднимаются валы, шумит ливень, воет неистовый ветер.

То, что страшит земного человека, радует Ихтиандра. Конечно, надо быть осторожным, иначе на него обрушится водяная гора. Но Ихтиандр не хуже рыб умеет управляться с волнами. Надо только знать их: одна несет вверх-вниз, другая того и гляди перебросит через голову. Он знал и то, что делается под волной, знал, как пропадают волны, когда кончается ветер: знал, что сначала исчезают мелкие волны, потом крупные, но мерная мертвая зыбь остается еще долго. Он любил кувыркаться в прибрежной волне, но знал, что это опасно. Однажды волна неожиданно перевернула Ихтиандра, он сильно ударился головой о дно и потерял сознание. Обыкновенный человек утонул бы, но Ихтиандр отлежался в воде.

Дождь перестал. Его унесло вслед за грозою куда-то на восток. Ветер переменился. С тропического севера подуло теплом. Сквозь тучи показались куски голубого неба. Прорвались солнечные лучи и ударили по волнам. На юго-востоке на темном еще, мрачном небе появляется двойная радуга. Океана не узнать. Теперь он не

свинцово-темный, а синий, с ярко-зелеными пятнами в тех местах, где прорвались солнечные лучи.

Солнце! В одно мгновение небо и океан, берег и далекие горы стали иными. Какой чудесный, легкий, влажный воздух после грозы и бури! Ихтиандр то вбирает в легкие чистый, здоровый морской воздух, то начинает усиленно дышать жабрами. Среди людей только Ихтиандр один знает, как легко дышится после того, как буря, гроза, ветер, волны, дождь перемешают небо с океаном, воздух с водою и густо насытят воду кислородом. Тогда оживают все рыбы, все морские твари.

После грозы и бури из зарослей морских джунглей, из тесных щелей скал, из чащи причудливых кораллов и губок выплывают мелкие рыбки, за ними появляются скрывавшиеся в глубине крупные рыбы и, наконец, когда уже совсем утихнет, всплывают нежные, слабые медузы, прозрачные, почти невесомые рачки, сифонофоры, гребневики, венерины пояса.

Вот луч солнца упал на волну. Вода вокруг сразу позеленела, сверкают мелкие водяные пузырьки, шипит пена… Недалеко от Ихтиандра резвятся его друзья — дельфины, поглядывая на него ве-

селыми, хитрыми, любопытными глазами. Их лоснящиеся темные спины мелькают среди волн. Плещутся, фыркают, гоняются друг за другом. Ихтиандр смеется, ловит дельфинов, плавает, ныряет вместе с ними. Ему кажется, что и этот океан, и эти дельфины, и это небо и солнце созданы только для него.

Ихтиандр приподнимает голову, щурясь, смотрит на солнце. Оно склоняется к западу. Скоро вечер. Сегодня ему не хочется возвращаться домой рано. Он будет вот так качаться, пока не потемнеет синее небо и на нем не покажутся звезды.

Однако скоро ему надоедает бездействие. Недалеко от него гибнут маленькие морские твари. Он может спасти их. Он привстает и смотрит на далекий берег. Туда, к отмели у песчаной косы! Там больше всего нужна его помощь. Там свирепствует морской прибой.

Этот бешеный прибой после каждой бури выбрасывает на берег груды водорослей и морских обитателей: медуз, крабов, морских звезд, а иногда и неосторожного дельфина. Медузы погибают очень скоро, некоторые рыбы добираются до воды, но много их гибнет на берегу. Крабы почти все возвращаются в океан. Иногда они сами выходят

из воды на берег поживиться жертвами прибоя. Ихтиандр любит спасать выброшенных на берег морских животных.

Часами бродил он после бури по берегу и спасал, кого еще можно было спасти. Он радовался, видя, как рыба, брошенная в воду, уплывала, весело махнув хвостом. Он радовался каждый раз, когда полууснувшие рыбы, плававшие в воде боком или брюшком, в конце концов оживали. Подбирая на берегу большую рыбу, Ихтиандр нес ее к воде; рыба трепетала в его руках, а он смеялся и уговаривал ее не биться и потерпеть еще немного. Конечно, эту самую рыбу он съел бы с удовольствием, если бы, проголодавшись, поймал ее в океане. Но то было неизбежное зло. Здесь же, на берегу, он был покровителем, другом, спасителем обитателей моря.

Обыкновенно Ихтиандр возвращался к берегу так же, как и уплывал, пользуясь подводными морскими течениями. Но сегодня ему не хотелось надолго погружаться под воду, — уж очень красивы были океан и небо. Юноша нырял, проплывал под водою и вновь появлялся на поверхности, подобно морским птицам, охотящимся за рыбами.

Угасли последние лучи солнца. На западе еще догорает желтая полоса. Угрюмые волны, точно

темно-серые тени, бегают одна за другой.

После прохладного воздуха в воде так тепло. Кругом темно, но не страшно. Никто не нападает в этот час. Дневные хищники уже уснули, ночные еще не вышли на охоту.

Вот то, что ему нужно: северное течение, находящееся совсем близко от поверхности океана. Не успокоившаяся мертвая зыбь немного раскачивает эту подводную реку вверх-вниз, но она продолжает медленно течь с жаркого севера на холодный юг. А много ниже лежит обратное, холодное течение — с юга на север. Ихтиандр часто пользуется этими течениями, когда ему нужно долго плыть вдоль берега.

Сегодня он далеко заплыл на север. Теперь это теплое течение доставит его до тоннеля. Только бы не вздремнуть и не проплыть дальше, как это однажды с ним было. Он то кладет руки за голову, то вытягивает их в стороны, медленно расставляет и снова сжимает ноги — занимается гимнастикой. Течение несет его к югу. Теплая вода и медленные движения рук и ног действуют на него успокоительно.

Ихтиандр смотрит вверх — перед ним свод, сплошь усеянный мелкими, как пыль, звездами. Это ночесветки зажгли свои фонари и подни-

маются на поверхность океана. Кое-где во тьме виднеются голубоватые и розоватые светящиеся туманности — плотные скопления мельчайших светящихся животных. Медленно проплывают шары, излучающие мягкий зеленоватый свет. Совсем недалеко от Ихтиандра светится медуза — она похожа на лампу, прикрытую затейливым абажуром с кружевами и длинной бахромой. Бахрома медленно покачивается, как от легкого ветра, при каждом движении медузы. На отмелях уже загорелись морские звезды. В больших глубинах быстро двигаются огни крупных ночных хищников. Они гоняются друг за другом, кружатся, гаснут и вспыхивают снова.

Снова отмель. Причудливые стволы и ветви кораллов освещены изнутри голубым, розовым, зеленым, белым огнем. Одни кораллы горят бледным мигающим светом, другие — как накаленный добела металл.

На земле ночью только маленькие, далекие звезды в небе, иногда луна. А здесь тысячи звезд, тысячи лун, тысячи маленьких разноцветных солнц, горящих мягким нежным светом. Ночь в океане несравненно прекраснее ночи на земле.

И, чтобы сравнить, Ихтиандр всплывает на поверхность воды.

Воздух потеплел. Над головой темно-синий свод неба, усеянный звездами. Над горизонтом стоит серебристый диск луны. От луны протянулась по всему океану серебряная дорожка.

Из порта доносится низкий, густой, продолжительный гудок. Это гигант «Горрокс» собирается в обратный путь. Однако как поздно! Скоро рассвет. Ихтиандр отсутствовал почти целые сутки. Отец, наверно, будет его бранить.

Ихтиандр направляется к тоннелю, запускает руку между прутьев, открывает железную решетку, плывет в тоннеле среди полной темноты. На этом обратном пути плыть приходится внизу, в холодном течении, идущем с моря к садовым бассейнам.

Легкий толчок в плечо будит его. Он в бассейне. Быстро поднимается вверх. Начинает дышать легкими, вбирая воздух, напоенный знакомыми запахами цветов.

Через несколько минут он уже крепко спит в кровати, как приказывал отец.

ДЕВУШКА И СМУГЛЫЙ

Однажды он плыл в океане после грозы.

Вынырнув на поверхность, Ихтиандр заметил

на волнах недалеко от себя какой-то предмет, похожий на кусок белого паруса, сорванный бурей с рыбачьей шхуны. Подплыв ближе, он с удивлением увидел, что это был человек — женщина, молодая девушка. Она была привязана к доске.

Неужели эта красивая девушка мертва? Ихтиандр был так взволнован своей находкой, что у него впервые появилось враждебное чувство к океану.

Быть может, девушка только потеряла сознание? Он поправил ее беспомощно склонившуюся голову, ухватился за доску и поплыл к берегу.

Он быстро плыл, напрягая все свои силы, только иногда делая короткие остановки, чтобы поправить голову девушки, вновь съехавшую с доски.

Он шептал ей, как рыбе, попавшей в беду: «Потерпи немного!» Он хотел, чтобы девушка открыла глаза, но боялся этого. Хотел видеть ее живою, но боялся, что она испугается его. Не снять ли очки и перчатки? Но на это уйдет время, а плыть без перчаток будет труднее. И он снова торопится плыть, толкая доску с девушкой к берегу.

Вот и полоса прибоя. Тут надо быть осторожным. Волны сами несут его к берегу. Ихтиандр время от времени опускает ногу — ощупывает

дно. Наконец он попал на мелководье, вынес девушку на берег, отвязал от доски, перенес ее в тень от дюны, поросшей кустарником, и начал приводить ее в чувство — делать искусственное дыхание.

Ему казалось, что веки ее дрогнули, ресницы шевельнулись. Ихтиандр приложил ухо к сердцу девушки и услышал слабое биение. Она жива… Ему хочется кричать от радости.

Девушка приоткрывает глаза, смотрит на Ихтиандра, и на ее лице появляется выражение ужаса. Потом она закрывает глаза. Ихтиандр огорчен и обрадован. Он все же спас девушку. Теперь он должен уйти — не пугать ее. Но можно ли ее оставить одну, такую беспомощную? Пока он раздумывал, он услышал чьи-то тяжелые быстрые шаги. Колебаться дальше нельзя.

Ихтиандр бросился головой в прибой, нырнул, поплыл под водой к каменной гряде, вынырнул и, скрываясь между обломками скал, стал наблюдать за берегом.

Из-за дюны вышел смуглый человек с усами и эспаньолкой, в широкополой шляпе на голове. Он негромко сказал по-испански: «Вот она, слава Иисусу!» — почти побежал к ней, потом неожиданно круто повернулся к океану и окунулся в волны

прибоя. Весь вымокший, он подбежал к девушке, начал делать искусственное дыхание (зачем оно теперь?), наклонился к лицу девушки… Поцеловал ее. Что-то начал говорить быстро и горячо. Ихтиандр улавливал только отдельные слова:

«Я предупреждал вас… Было безумие… Хорошо, что догадался привязать вас к доске…»

Девушка открывает глаза, приподнимает голову. На лице страх, сменяющийся удивлением, гневом, неудовольствием. Человек с эспаньолкой продолжает о чем-то горячо говорить, помогает девушке встать. Но она еще слаба, и он снова опускает ее на песок. Только через полчаса они тронулись в путь. Они прошли недалеко от камней, за которые скрывался Ихтиандр. Девушка, хмурясь, сказала, обращаясь к человеку в сомбреро:

— Так это вы спасли меня? Благодарю. Да вознаградит вас бог!

— Не бог, а только вы можете вознаградить меня, — ответил смуглый.

Девушка будто не слыхала этих слов. Она помолчала, а потом сказала:

— Странно. А мне показалось, почудилось, будто возле меня было какое-то чудовище.

— Конечно, это вам почудилось, — ответил ее

спутник. — А быть может, это был дьявол, который счел вас мертвой и хотел захватить вашу душу. Прочитайте молитву и обопритесь на меня. Со мной ни один дьявол не тронет вас.

И они прошли — чудесная девушка и этот нехороший смуглый человек, уверивший девушку, будто он спас ее. Но Ихтиандр не мог изобличить его во лжи. Пусть поступают как хотят — Ихтиандр сделал свое дело.

Девушка и ее спутник скрылись за дюнами, а Ихтиандр все еще смотрел им вслед. Потом повернул голову к океану. Какой он большой и пустынный!..

Прибой выбросил на песок синюю рыбу с серебряным брюшком. Ихтиандр оглянулся, кругом — никого. Он выбежал из своей засады, схватил рыбу и бросил в море. Рыба поплыла, но Ихтиандру стало почему-то грустно. Он бродил по пустынному берегу, подбирал рыб и морские звезды и относил их к воде. Работа постепенно увлекла его. К нему возвращалось его постоянное хорошее настроение. Так возился он до сумерек, лишь иногда погружаясь в воду, когда прибрежный ветер обжигал и подсушивал его жабры.

СЛУГА ИХТИАНДРА

Сальватор решил ехать в горы без Кристо, который успешно прислуживал Ихтиандру. Это очень обрадовало индейца: в отсутствие Сальватора он мог свободнее видеться с Бальтазаром. Кристо успел уже сообщить Бальтазару, что нашел «морского дьявола». Оставалось только обдумать, как похитить Ихтиандра.

Кристо жил теперь в белом домике, увитом плющом, и часто виделся с Ихтиандром. Они быстро подружились. Ихтиандр, лишенный общества людей, привязался к старому индейцу, который рассказывал ему о жизни на земле. Ихтиандр знал о жизни моря больше, чем знаменитые ученые, и он посвящал Кристо в тайны подводного мира. Ихтиандр довольно хорошо знал географию, ему известны были океаны, моря, главнейшие реки; имел он некоторые познания в астрономии, навигации, физике, ботанике, зоологии. Но о людях он знал мало: кое-что о расах, населяющих землю, об истории народов он имел смутное представление, о политических же и экономических отношениях людей знал не больше пятилетнего ребенка. Днем, когда наступала

жара, Ихтиандр опускался в подземный грот и куда-то уплывал. В белый домик он являлся тогда, когда спадала жара, и оставался там до утра. Но если шел дождь или на море поднималась буря, он проводил в домике весь день. В сырую погоду он чувствовал себя неплохо, оставаясь на суше.

Домик был небольшой, всего четыре комнаты. В одной комнате, около кухни, помещался Кристо. Рядом находилась столовая, дальше — большая библиотека: Ихтиандр знал испанский и английский языки. Наконец, в последней, самой большой комнате была спальня Ихтиандра. Посреди спальни находился бассейн. У стены стояла кровать. Иногда Ихтиандр спал на кровати, но предпочитал ложе бассейна. Однако Сальватор, уезжая, приказал Кристо следить, чтобы Ихтиандр по крайней мере три ночи в неделю спал на обычной кровати. По вечерам Кристо являлся к Ихтиандру и ворчал, как старая нянька, если юноша не соглашался спать в кровати.

— Но мне гораздо приятнее и удобнее спать в воде, — протестовал Ихтиандр.

— Доктор приказывал, чтобы ты спал на кровати, — надо слушаться отца.

Ихтиандр называл Сальватора отцом, но Кристо сомневался в их родстве. Кожа Ихтиандра на

лице и руках была довольно светлая, но, быть может, она посветлела от продолжительного пребывания под водой. Правильный овал лица Ихтиандра, прямой нос, тонкие губы, большие лучистые глаза напоминали лицо индейца племени араукана, к которому принадлежал и сам Кристо.

Кристо очень хотелось посмотреть, каков цвет кожи Ихтиандра на теле, плотно закрытом чешуеобразным костюмом, сделанным из какого-то неизвестного материала.

— Ты не снимаешь свою рубашку на ночь. — обратился он к юноше.

— Зачем? Моя чешуя не мешает мне, она очень удобная. Она не задерживает дыхание жабр и кожи и вместе с тем надежно защищает: ни зубы акулы, ни острый нож не прорежут этой брони, — отвечал Ихтиандр, укладываясь в постель.

— Зачем ты надеваешь очки, перчатки? — спросил Кристо, рассматривая диковинные перчатки, лежавшие около кровати.

Они были сделаны из зеленоватой резины, пальцы удлинены суставчатыми тростинками, вделанными в резину, и снабжены перепонками. Для ног эти пальцы были удлинены еще больше.

— Перчатки помогают мне быстро плавать. А

очки предохраняют глаза, когда буря поднимает со дна песок. Я не всегда надеваю их. Но в очках я лучше вижу под водой. Без очков под водой все как в тумане. — И, улыбнувшись, Ихтиандр продолжал:

— Когда я был маленький, отец разрешил мне иногда играть с детьми, которые живут в соседнем саду. Я очень удивился, увидев, что они плавают в бассейне без перчаток: «Разве можно плавать без перчаток?» — спросил я их. А они не понимали, о каких перчатках говорю я, так как при них я не плавал.

— Ты и сейчас выплываешь в залив? — поинтересовался Кристо.

— Конечно. Только выплываю боковым подводным тоннелем. Какие-то злые люди едва не поймали меня в сеть, и я теперь очень осторожен.

— Гм... Значит, есть и другой подводный тоннель, ведущий в залив?

— Даже несколько. Как жаль, что ты не можешь плавать со мною под водою! Я бы показал тебе изумительные вещи. Почему не все люди могут жить под водой? Мы покатались бы с тобой на моей морской лошади.

— На морской лошади? Что это такое?

— Дельфин. Я приручил его. Бедный! Буря однажды выбросила его на берег, и он сильно разбил плавник. Я стащил его в воду. Это была трудная работа: дельфины на суше гораздо тяжелее, чем в воде. Вообще у вас тут все тяжелее. Даже собственное тело. В воде легче живется. Ну вот, стащил я дельфина, а плавать он не может — значит, не может и питаться. Я кормил его рыбой — долго, месяц. За это время он не только привык, но и привязался ко мне. Мы сделались друзьями. Другие дельфины также знают меня. Как весело резвиться в море с дельфинами! Волны, брызги, солнце, ветер, шум! На дне тоже хорошо. Как будто плывешь в густом голубом воздухе. Тихо. Не ощущаешь своего тела. Оно становится свободным, легким, покорным каждому твоему движению.:. У меня много друзей в море. Я кормлю маленьких рыбок, как вы птиц, — они повсюду следуют за мной стайками.

— А враги?

— Есть и враги. Акулы, осьминоги. Но я не боюсь их. У меня есть нож.

— А если они подкрадутся незаметно? Ихтиандр удивился этому вопросу.

— Ведь я же издали слышу их.

— Слышишь под водой? — удивился в свою

очередь Кристо. — Даже когда они подплывают тихо?

— Ну да. Что же тут непонятного! Слышу и ушами и всем телом. Ведь они же производят сотрясение воды, — эти колебания идут впереди них. Почувствовав эти колебания, я оглядываюсь.

— Даже когда спишь?

— Конечно.

— Но рыбы…

— Рыбы погибают не от внезапного нападения, а потому, что не могут защищаться от более сильного врага. А я — сильнее их всех. И морские хищники знают это. Они не осмеливаются подплывать ко мне.

«Зурита прав: из-за такого морского парня следует поработать, — подумал Кристо. — Но и поймать его в воде не легко. „Слышу всем телом!“ Разве только в капкан попадется. Надо будет предупредить Зуриту».

— Как красив подводный мир! — не переставал восхищаться Ихтиандр. — Нет, никогда я не променяю моря на вашу душную, пыльную землю!

— Почему нашу землю? Ты тоже сын земли, — сказал Кристо. — Кто была твоя мать?

— Я не знаю… — неуверенно сказал Ихти-

андр. — Отец говорит, что моя мать умерла, когда я родился.

— Но она была, конечно, женщина, человек, а не рыба.

— Может быть, — согласился Ихтиандр. Кристо рассмеялся.

— Скажи мне теперь, зачем ты шалил, обижал рыбаков, резал их сети и выбрасывал рыбу из лодок?

— Потому что они ловили рыбы больше, чем могли съесть.

— Но они ловили рыбу для продажи. Ихтиандр не понял.

— Чтобы и другие люди могли есть, — пояснил индеец.

— Разве людей так много? — удивился Ихтиандр. — Неужели им не хватает земных птиц и животных? Зачем они являются в океан?

— Это сразу тебе не объяснишь, — сказал, зевая, Кристо. — Пора спать. Смотри же, не залезай в свою ванну: отец будет недоволен. — И Кристо ушел.

Рано утром Кристо уже не застал Ихтиандра. Каменный пол был мокрый.

— Опять в ванне спал, — ворчал индеец. — А потом, наверное, ушел в море.

К завтраку Ихтиандр явился с большим запозданием. Он был чем-то расстроен. Поковыряв вилкой кусок бифштекса, сказал:

— Опять жареное мясо.

— Опять, — строго ответил Кристо. — Так доктор приказал. А ты опять сырой рыбой наелся в море? Так ты совсем от жареной пищи отвыкнешь. И в ванне спал. На кровати спать не хочешь, — жабры от воздуха отвыкнут, и будешь потом жаловаться, что в боках покалывает. И к завтраку опоздал. Приедет доктор, пожалуюсь ему на тебя. Совсем не слушаешься.

— Не говори, Кристо. Я не хочу огорчать его. — Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом он вдруг поднял на индейца свои большие, на этот раз печальные, глаза и сказал:

— Кристо, я видел девушку. Я никогда ничего не видел прекраснее — даже на дне океана…

— Зачем же ты нашу землю бранил? — сказал Кристо.

— Я плыл на дельфине вдоль берега и недалеко от Буэнос-Айреса увидел ее на берегу. У нее глаза синие, а волосы золотые. — И Ихтиандр добавил:

— Но она увидела меня, испугалась и убежала. Зачем я надел очки и перчатки? — Помолчав, он заговорил совсем тихо:

— Однажды я спас какую-то девушку, которая утонула в океане. Тогда я не заметил, какова она собою. А вдруг это та? Мне кажется, у той тоже были золотые волосы. Да, да… Я вспоминаю… — Юноша задумался, потом подошел к зеркалу, в первый раз в жизни оглядел себя.

— И что же ты делал дальше?

— Я ждал ее, но она не вернулась. Кристо, неужели она больше никогда не придет на берег?

«Пожалуй, хорошо, что ему нравится девушка», — подумал Кристо. До сих пор, как Кристо ни расхваливал город, он не мог уговорить Ихтиандра посетить Буэнос-Айрес, где Зурита легко мог бы захватить юношу.

— Девушка может и не прийти на берег, но я помогу тебе найти ее. Ты наденешь городской костюм и пойдешь со мною в город.

— И увижу ее? — воскликнул Ихтиандр.

— Там много девушек. Может быть, увидишь и ту, которая сидела на берегу.

— Идем сейчас!

— Теперь уже поздно. До города не легко добраться пешком.

— Я поплыву на дельфине, а ты пойдешь по берегу.

— Какой ты быстрый, — ответил Кристо. — Мы

отправимся завтра вместе, на заре. Ты выплывешь в залив, а я буду поджидать тебя с костюмом на берегу. И костюм еще достать надо. («За ночь я успею свидеться с братом», — подумал Кристо.) Итак, завтра на заре.

В ГОРОДЕ

Ихтиандр выплыл из залива и вышел на берег. Кристо уже ждал его с белым городским костюмом в руках. Ихтиандр посмотрел на костюм таким взглядом, будто ему принесли змеиную кожу, и со вздохом начал одеваться. Очевидно, ему редко приходилось надевать костюм. Индеец помог юноше завязать галстук и, осмотрев Ихтиандра, остался доволен его видом.

— Идем, — весело сказал Кристо.

Индеец хотел поразить Ихтиандра и повел его по главным улицам города — Авенида Альвар, Вертис, показал площадь Виктории с кафедральным собором и ратушей в мавританском стиле, площадь Фуэрто и площадь Двадцать пятого мая[9] с обелиском Свободы, окруженным прекрасными

9 Примечания: 9

25 мая 1810 года провинции Ла-Плата образовали революционный союз — «Хунту», арестовали местную власть, провозгласили временное правительство и отделились от Испании.

деревьями, президентский дворец.

Но Кристо ошибся. Шум, движение большого города, пыль, духота, сутолока совершенно ошеломили Ихтиандра. Он пытался найти в толпе людей девушку, часто хватал Кристо за руку и шептал:

— Она!.. — но сразу видел, что опять ошибся. — Нет, это другая... Настал полдень. Жара сделалась невыносимой. Кристо предложил зайти в небольшой ресторан, помещавшийся в подвале, позавтракать. Здесь было прохладно, но шумно и душно. Грязные, плохо одетые люди курили зловонные сигары. От дыма Ихтиандр задыхался, а тут еще громко спорили, потрясая измятыми газетами и выкрикивая непонятные слова. Ихтиандр выпил очень много холодной воды, но не притронулся к завтраку и печально сказал:

— Легче найти знакомую рыбку в океане, чем человека в этом людском водовороте. Ваши города отвратительны! Здесь душно и дурно пахнет. У меня начинает колоть в боках. Я хочу домой, Кристо.

— Хорошо, — согласился Кристо. — Зайдем только к одному моему приятелю — и вернемся.

— Я не хочу заходить к людям.

— Это по пути. Я не задержусь.

Расплатившись, Кристо вышел с Ихтиандром на улицу. Опустив голову, тяжело дыша, шел Ихтиандр следом за Кристо мимо белых домов, мимо садов с кактусами, оливковыми и персиковыми деревьями. Индеец вел его к своему брату Бальтазару, жившему в Новом порту.

У моря Ихтиандр жадно вдыхал влажный воздух. Ему хотелось сорвать одежду и броситься в море.

— Сейчас придем, — сказал Кристо, опасливо поглядывая на своего спутника.

Они перешли железнодорожные пути.

— Пришли. Здесь, — сказал Кристо, и они спустились в полутемную лавчонку.

Когда глаза Ихтиандра привыкли к полумраку, он с изумлением огляделся. Лавка напоминала уголок морского дна. Полка и даже часть пола были завалены раковинами — мелкими, крупными, витыми, створчатыми. С потолка спускались нити кораллов, морские звезды, чучела морских рыб, засушенные крабы, диковинные морские обитатели. На прилавке, под стеклом, лежали жемчужины в ящиках. В одном ящике находились розовые жемчужины — «кожа ангела», как называли их ловцы. Ихтиандр несколько успоко-

ился среди знакомых вещей.

— Отдохни, здесь прохладно и тихо, — сказал Кристо, усаживая юношу за старый плетеный стул.

— Бальтазар! Гуттиэре! — крикнул индеец.

— Это ты, Кристо? — отозвался голос из другой комнаты. — Иди сюда.

Кристо нагнулся, чтобы войти в низкую дверь, ведущую в другую комнату.

Здесь была лаборатория Бальтазара. Здесь он восстанавливал утраченный от сырости цвет жемчужин слабым раствором кислоты. Кристо плотно прикрыл за собой дверь. Слабый свет падал через небольшое окно у потолка, освещая пузырьки и стеклянные ванночки на старом, почерневшем столе.

— Здравствуй, брат. Где Гуттиэре?

— Пошла к соседке за утюгом. Кружевца да бантики на уме. Сейчас вернется, — ответил Бальтазар.

— А Зурита? — нетерпеливо спросил Кристо.

— Пропал куда-то, проклятый. Вчера мы с ним немного повздорили.

— Все из-за Гуттиэре?

— Зурита перед ней как уж извивался. А она одно в ответ: «Не хочу и не хочу!» Что ты с ней

поделаешь? Капризна и упряма. Много о себе думает. Не понимает, что всякая индейская девушка, будь она первая красавица, за счастье сочла бы выйти замуж за такого человека. Собственную шхуну имеет, артель ловцов, — ворчал Бальтазар, купая жемчужины в растворе. — Наверно, Зурита опять с досады вино пьет.

— Что же теперь нам делать?

— А ты привел?

— Сидит.

Бальтазар, подойдя к двери, с любопытством заглянул в замочную скважину.

— Не вижу, — тихо сказал он.

— На стуле сидит, у прилавка.

— Не вижу. Там Гуттиэре.

Бальтазар быстро открыл дверь и вошел в лавку с Кристо. Ихтиандра не было. В темном углу стояла девушка, приемная дочь Бальтазара. Гуттиэре. Девушка была известна красотой далеко за пределами Нового порта. Но она была застенчива и своенравна. Чаще всего она говорила певучим, но твердым голосом: «Нет!»

Гуттиэре понравилась Педро Зурите. Он хотел жениться на ней. И старый Бальтазар не прочь был породниться с владельцем шхуны и войти с ним в компанию. Но на все предложения Зуриты

девушка неизменно отвечала: «Нет». Когда отец и Кристо вошли в комнату, девушка стояла с опущенной головой.

— Здравствуй, Гуттиэре, — сказал Кристо.

— Где молодой человек? — спросил Бальтазар.

— Я не прячу молодых людей, — ответила она, улыбаясь. — Когда я вошла, он посмотрел на меня так странно, будто испугался, поднялся, вдруг схватился за грудь и убежал. Не успела я оглянуться, как он уже был в дверях.

«Это была она», — подумал Кристо.

СНОВА В МОРЕ

Ихтиандр, задыхаясь, бежал вдоль берега моря. Вырвавшись из этого страшного города, он круто свернул с дороги и направился к самому берегу моря. Он укрылся между прибрежными камнями, огляделся, быстро разделся, спрятал в камнях костюм, побежал к воде и бросился в воду.

Несмотря на усталость, никогда он еще не плыл так стремительно. Рыбы в испуге шарахались от него. Только отплыв несколько миль от города, Ихтиандр поднялся ближе к поверхности и поплыл вблизи берега. Здесь он уже чувствовал себя дома. Каждый подводный камень, каждая

выемка в морском дне были ему знакомы. Вот здесь, распластавшись на песчаном дне, живут домоседы камбалы, дальше растут красные коралловые кусты, укрывающие в своих ветвях мелких красноперых рыбок. В этой затонувшей рыбачьей барке обосновались два семейства спрутов, у них недавно вывелись детеныши. Под серыми камнями водятся крабы. Ихтиандр любил часами наблюдать их жизнь. Он знал их маленькие радости удачной охоты и их горести — потерю клешни или нападение осьминога. А у прибрежных скал было много устричных раковин.

Наконец, уже недалеко от залива, Ихтиандр поднял голову над поверхностью воды. Он увидел стаю дельфинов, резвившихся среди волн, и громко, протяжно крикнул. Большой дельфин весело фыркнул в ответ и быстро поплыл к своему другу, ныряя и вновь показывая над гребнями волн свою черную лоснящуюся спину.

— Скорей, Лидинг, скорей! — крикнул Ихтиандр, плывя навстречу. Он ухватился за дельфина. — Плывем скорее дальше, вперед!

И, повинуясь руке юноши, дельфин быстро поплыл в открытое море, навстречу ветру и волнам. Вздымая пену, он резал волны грудью и мчал-

ся, но Ихтиандру эта скорость казалась все еще недостаточной.

— Да ну же, Лидинг! Скорей, скорей!

Ихтиандр совсем загнал дельфина, но эта езда по волнам не успокоила его. Он оставил своего друга в полном недоумении, соскользнув вдруг с лоснящейся спины и опустившись в море. Дельфин подождал, фыркнул, нырнул, выплыл, еще раз недовольно фыркнул и, круто повернув хвостом, направился к берегу, оборачиваясь время от времени назад. Его друг не показывался на поверхности, и Лидинг присоединился к стаду, радостно встреченный молодыми дельфинами. Ихтиандр опускался все глубже и глубже в сумеречные глубины океана. Ему хотелось быть одному, прийти в себя от новых впечатлений, разобраться во всем, что он узнал и видел. Он заплыл далеко, не задумываясь об опасности. Он хотел понять, почему он не такой, как все, — чуждый морю и земле.

Он погружался все медленнее. Вода становилась плотнее, она уже давила на него, дышать становилось все труднее. Здесь стояли густые зелено-серые сумерки. Морских обитателей было меньше, и многие из них были неизвестны Ихтиандру, — он еще никогда не опускался так

глубоко. И впервые Ихтиандру сделалось жутко от этого молчаливого сумеречного мира. Он быстро поднялся на поверхность и поплыл к берегу. Солнце заходило, пронизывая воду красными лучами. В воде эти лучи, смешиваясь с синевой вод, переливались нежными лилово-розовыми и зеленовато-голубыми тонами.

Ихтиандр был без очков и поэтому снизу видел поверхность моря так, как она представляется рыбам: из-под воды поверхность представлялась не плоской, а в виде конуса, — будто он находился на дне огромной воронки. Края этого конуса, казалось, были окружены красной, желтой, зеленой, синей и фиолетовой каемками. За конусом расстилалась блестящая поверхность воды, в которой, как в зеркале, отражались подводные предметы: скалы, водоросли и рыбы.

Ихтиандр перевернулся на грудь, поплыл к берегу и уселся под водою меж скал, невдалеке от отмели. Рыбаки сошли с лодки в воду и тянули лодку на берег. Один из них опустил ноги по колени в воду. Ихтиандр видел над водой безногого рыбака, а в воде — только его ноги, а они снова отражались в зеркале водной поверхности. Другой рыбак погрузился в воду по плечи. И в воде показалось странное, безголовое, но четвероно-

гое существо, как будто двум одинаковым людям отрубили головы и поставили плечи одного человека на плечи другого. Когда люди подходили к берегу, Ихтиандр видел их, как видят их рыбы: отраженными как бы в шаре. Он видел их с ног до головы, прежде чем они подходили вплотную к берегу. Поэтому он всегда успевал уплыть раньше, чем люди могли заметить его.

Эти странные туловища с четырьмя руками без головы и головы без туловищ показались теперь Ихтиандру неприятными. Люди… Они так много шумят, курят ужасные сигары, дурно пахнут. Нет, с дельфинами лучше, — они чистые и веселые. Ихтиандр улыбнулся, он вспомнил, как однажды напился дельфиньего молока.

Далеко на юге есть небольшая бухта. Острые подводные скалы и песчаная коса преграждают к ней доступ судам с моря. Берег там скалистый и обрывистый. Эту бухту не посещают ни рыбаки, ни искатели жемчуга. Неглубокое дно покрыто густым ковром растений. В теплой воде много рыбы. Сюда много лет подряд приплывала дельфин-самка, и здесь, в этой теплой бухте, у нее рождались дельфинята — два, четыре, иногда и шесть. Ихтиандра очень забавляли молодые дельфины, и он часами наблюдал за ними, непо-

движно притаившись в зарослях. Дельфинята то забавно кувыркались на поверхности, то сосали сосцы своей матери, отталкивая друг друга мордами. Ихтиандр начал осторожно приручать их: ловил рыбок и угощал ими дельфинят. Постепенно молодые дельфины и самка привыкли к Ихтиандру. Он уже резвился вместе с малышами, ловил их, подбрасывал, теребил. Им это, видимо, нравилось, — они не отставали от него и всякий раз бросались к нему гурьбой, как только он показывался в бухте с подарками — вкусными рыбками или еще более вкусными маленькими нежными осьминогами.

Однажды, когда у знакомой самки-дельфина родились дети и были они еще совсем маленькими сосунками — они еще не ели, а питались только материнским молоком, — Ихтиандр подумал: а почему бы ему самому не попробовать дельфиньего молока?

И вот он незаметно оказался под самкой-дельфином, обхватил ее руками и начал высасывать молоко. Дельфин не ожидал такого нападения и в ужасе метнулся из бухты. Ихтиандр тотчас отпустил испуганное животное. Молоко имело сильный рыбий привкус. Испуганная самка, вырвавшись от неожиданного сосунка, бросилась

куда-то в бездну вод, ее младенцы растерялись и без толку тыкались во все стороны. Долго сгонял Ихтиандр маленьких глупых дельфинят, пока не явилась мамаша и не увела их в соседнюю бухту. Только через много дней восстановилось их доверие и дружба.

* * *

Кристо не на шутку беспокоился.

Ихтиандр не показывался трое суток. Явился он усталый, побледневший, но довольный.

— Где ты пропадал? — строго спросил индеец, обрадованный появлением Ихтиандра.

— На дне, — ответил Ихтиандр.

— Почему ты такой бледный?

— Я... я едва не погиб, — солгал Ихтиандр первый раз в жизни и рассказал Кристо историю, случившуюся с ним гораздо раньше.

В глубине океана поднимается скалистое плоскогорье, а наверху, посредине плоскогорья, находится большая овальная выемка — настоящее подводное горное озеро.

Ихтиандр плыл над этим подводным озером. Его поразил необычный светло-серый цвет дна. Опустившись ниже и присмотревшись, Ихтиандр изумился: под ним находилось настоящее

кладбище разных морских животных — от мелких рыбок до акул и дельфинов. Тут были недавние жертвы. Но возле них не кишели, как обычно, мелкие хищники — крабы и рыбы. Все было мертво и неподвижно. Только кое-где со дна к поверхности поднимались пузырьки газа. Ихтиандр плыл над краем впадины. Опустился еще ниже и внезапно почувствовал острую боль в Жабрах, удушье, головокружение. Почти теряя сознание, беспомощно падал он и, наконец, опустился на край котловины. В висках стучало, сердце колотилось, глаза заволакивало красным туманом. И не от кого было ожидать помощи. Вдруг он заметил, что рядом с ним, судорожно изгибаясь, опускалась акула. Вероятно, она охотилась за ним, пока сама не попала в эти страшные отравляющие мертвые воды подводного озера. Ее брюхо и бока вздувались и опадали, рот был открыт, белые точеные пластины зубов обнажены. Акула подыхала. Ихтиандр содрогнулся. Сжав челюсти, стараясь не захватывать воды жабрами, Ихтиандр на четвереньках выполз из озера на берег, потом поднялся, пошел. Голова закружилась, и он снова упал. Потом оттолкнулся ногами от серых камней, взмахнул руками, и вот он уже в десяти метрах от края озера…

Окончив рассказ, Ихтиандр добавил то, что когда-то узнал от Сальватора.

— Вероятно, в этой котловине скопились какие-нибудь вредные газы, — быть может, сероводород или угольный ангидрид, — сказал Ихтиандр. — Понимаешь, на поверхности океана эти газы окисляются, и их не чувствуешь, в самой же котловине, где они выделяются, они еще сильно концентрированы. Ну, а теперь дай мне завтракать, я голоден.

Наскоро позавтракав, Ихтиандр надел очки и перчатки и пошел к двери.

— Ты за этим только и приходил? — спросил Кристо, указывая на очки. — Почему ты не хочешь сказать, что с тобою?

В характере Ихтиандра появилась новая черта: он стал скрытным.

— Не спрашивай, Кристо, я сам не знаю, что со мной. — И юноша быстро вышел из комнаты.

МАЛЕНЬКАЯ МЕСТЬ

Встретив неожиданно голубоглазую девушку в лавке продавца жемчуга Бальтазара, Ихтиандр так смутился, что выбежал из лавки и бросился к морю. Теперь же ему снова хотелось познако-

миться с девушкой, но он не знал, как это сделать. Проще всего было призвать на помощь Кристо и пойти с ним вместе. Но встречаться с ней в присутствии Кристо ему не хотелось. Ежедневно приплывал Ихтиандр к берегу моря, туда, где впервые встретил девушку. Он просиживал с утра до вечера, скрываясь за прибрежными камнями, в надежде увидеть ее. Приплывая к берегу, он снимал очки и перчатки и переодевался в белый костюм, чтобы не испугать девушку. Нередко он проводил на берегу круглые сутки, ночью погружался в море, питаясь рыбами и устрицами, тревожно засыпал, а рано утром, еще до восхода солнца, был уже снова на своем сторожевом посту.

Однажды вечером он решился пойти к лавке продавца жемчуга. Двери были открыты, но у прилавка сидел старый индеец, — девушки не было. Ихтиандр вернулся на берег.

На скалистом берегу стояла девушка в белом легком платье и соломенной шляпе. Ихтиандр остановился, не решаясь подойти. Девушка кого-то ждала. Нетерпеливо ходила она взад и вперед, поглядывая время от времени на дорогу. Ихтиандра, остановившегося у выступа скалы, она не замечала.

Но вот девушка замахала кому-то рукой. Ихтиандр оглянулся и увидел молодого, высокого, широкоплечего человека, который быстро шел по дороге. Ихтиандр еще никогда не встречал таких светлых волос и глаз, как у этого незнакомца. Великан подошел к девушке и, протягивая ей широкую руку, ласково сказал:

— Здравствуй, Гуттиэре!

— Здравствуй, Ольсен! — ответила она. Незнакомец крепко пожал маленькую руку Гуттиэре. Ихтиандр с неприязнью посмотрел на них. Ему стало грустно, и он чуть не расплакался.

— Принесла? — спросил великан, глядя на жемчужное ожерелье Гуттиэре.

Она кивнула головой.

— Отец не узнает? — спросил Ольсен.

— Нет, — ответила девушка. — Это мой собственный жемчуг, я могу распоряжаться им, как хочу.

Гуттиэре и Ольсен прошли к самому краю скалистого берега, тихо разговаривая. Потом Гуттиэре расстегнула жемчужное ожерелье, взяла его за конец нитки, подняла руки вверх и, любуясь ожерельем, сказала:

— Смотри, как красиво горят жемчужины на закате. Возьми, Ольсен…

Ольсен уже протянул руку, но вдруг ожерелье выскользнуло из рук Гуттиэре и упало в море.

— Что я наделала! — вскрикнула девушка.

Огорченные Ольсен и Гуттиэре продолжали стоять у моря.

— Может быть, его можно достать? — сказал Ольсен.

— Здесь очень глубоко, — сказала Гуттиэре и добавила:

— Какое несчастье, Ольсен!

Ихтиандр видел, как огорчилась девушка. Он сразу забыл о том, что девушка хотела подарить жемчуг светловолосому великану. Оставаться равнодушным к ее горю Ихтиандр не мог: он вышел из-за скалы и решительно подошел к Гуттиэре.

Ольсен нахмурился, а Гуттиэре с любопытством и удивлением посмотрела на Ихтиандра, — она узнала в нем того юношу, который так внезапно бежал из лавки.

— Вы, кажется, уронили в море жемчужное ожерелье? — спросил Ихтиандр. — Если хотите, я достану его.

— Даже мой отец — лучший ловец жемчуга — не мог бы достать его здесь, — возразила девушка.

— Я попытаюсь, — скромно ответил Ихтиандр. И, к удивлению Гуттиэре и ее спутника, юноша, даже не раздеваясь, бросился в море с высокого берега и скрылся в волнах. Ольсен не знал, что подумать.

— Кто это? Откуда он взялся?

Прошла минута, истекла вторая, а юноша не возвращался.

— Погиб, — тревожно сказала Гуттиэре, глядя на волны. Ихтиандру не хотелось, чтобы девушка знала, что он может жить под водой. Увлекшись поисками, он не рассчитал времени и пробыл под водой несколько больше, чем может выдержать ловец. Вынырнув на поверхность, юноша сказал, улыбаясь:

— Немножко терпения. На дне много обломков скал, — трудно искать. Но я найду. — И он снова нырнул.

Гуттиэре не раз присутствовала при ловле жемчуга. Она удивилась, что юноша, пробыв под водой почти две минуты, дышал ровно и не казался утомленным.

Через две минуты голова Ихтиандра снова показалась на поверхности. Лицо его сияло радостью. Он поднял над водою руки и показал ожерелье.

— Зацепилось за выступ скалы, — сказал Ихтиандр совершенно ровным голосом, не задыхаясь, будто он вышел из другой комнаты. — Если бы жемчуг упал в расщелину, пришлось бы повозиться дольше.

Он быстро взобрался по скалам, подошел к Гуттиэре и подал ей ожерелье. Вода ручьями стекала с его одежды, но он не обращал на это внимания.

— Возьмите.

— Благодарю вас, — сказала Гуттиэре, с новым любопытством глядя на юношу.

Наступило молчание. Все трое не знали, что делать дальше. Гуттиэре не решалась передать ожерелье Ольсену при Ихтиандре.

— Вы, кажется, хотели передать жемчуг ему, — сказал Ихтиандр, указывая на Ольсена.

Ольсен покраснел, а смущенная Гуттиэре сказала:

— Да, да, — и протянула ожерелье Ольсену, который молча взял его и положил в карман.

Ихтиандр был доволен. С его стороны это была маленькая месть. Великан получил в подарок утерянный жемчуг из рук Гуттиэре, но от него — Ихтиандра.

И, поклонившись девушке, Ихтиандр быстро зашагал по дороге.

Но недолго радовала Ихтиандра его удача. Новые мысли и вопросы возникали у него. Он плохо знал людей. Кто этот белокурый великан? Почему Гуттиэре дарит ему свое ожерелье? О чем говорили они на утесе?

В эту ночь Ихтиандр опять носился с дельфином по волнам, пугая в темноте рыбаков своими криками.

Весь следующий день Ихтиандр провел под водой. В очках, но без перчаток, ползал по песчаному дну в поисках жемчужных раковин. Вечером навестил Кристо, который встретил его ворчливыми упреками. Наутро, уже одетый, юноша находился у скалы, где встретился с Гуттиэре и Ольсеном. Вечером на закате, как и в тот раз, первой пришла Гуттиэре.

Ихтиандр вышел из-за скал и подошел к девушке. Увидев его, Гуттиэре кивнула ему головой, как знакомому, и, улыбаясь, спросила:

— Вы следите за мной?

— Да, — просто ответил Ихтиандр, — с тех пор, как увидел вас первый раз... — И, смутившись, юноша продолжал:

— Вы подарили свое ожерелье тому... Ольсену. Но вы любовались жемчугом перед тем, как отдать его. Вы любите жемчуг?

— Да.

— Тогда возьмите вот это... от меня. — И он протянул ей жемчужину.

Гуттиэре хорошо знала цену жемчуга. Жемчужина, лежавшая на ладони Ихтиандра, превосходила все, что она видела и знала о жемчуге по рассказам отца. Безукоризненной формы огромная жемчужина чистейшего белого цвета весила не менее двухсот каратов и стоила, вероятно, не менее миллиона золотых песо. Изумленная Гуттиэре смотрела то на необычайную жемчужину, то на красивого юношу, стоявшего перед нею. Сильный, гибкий, здоровый, но несколько застенчивый, одетый в измятый белый костюм, он не походил на богатых юношей Буэнос-Айреса. И он предлагал ей, девушке, которую он почти не знал, такой подарок.

— Возьмите же, — уже настойчиво повторил Ихтиандр.

— Нет, — ответила Гуттиэре, покачав головой. — Я не могу взять от вас такого ценного подарка.

— Это совсем не ценный подарок, — горячо возразил Ихтиандр. — На дне океана тысячи таких жемчужин.

Гуттиэре улыбнулась. Ихтиандр смутился, по-

краснел и после короткого молчания прибавил:

— Ну, прошу вас.

— Нет.

Ихтиандр нахмурился: он был обижен.

— Если не хотите взять для себя, — настаивал Ихтиандр, — то возьмите для того… для Ольсена. Он не откажется. Гуттиэре рассердилась.

— Он берет не для себя, — сурово ответила она. — Вы ничего не знаете.

— Значит, нет?

— Нет.

Тогда Ихтиандр бросил жемчужину далеко в море, молча кивнул головой, повернулся и пошел к дороге.

Этот поступок ошеломил Гуттиэре. Она продолжала стоять не двигаясь. Бросить в море миллионное состояние, как простой камешек! Ей было совестно. Зачем она огорчила этого странного юношу?

— Постойте, куда же вы?

Но Ихтиандр продолжал идти, низко опустив голову. Гуттиэре догнала его, взяла за руки и заглянула в лицо. По щекам юноши текли слезы. Он раньше никогда не плакал и теперь недоумевал, почему предметы стали туманными и расплывчатыми, точно он плыл без очков под водой.

— Простите, я огорчила вас, — сказала девушка, взяв его за обе руки.

НЕТЕРПЕНИЕ ЗУРИТЫ

После этого события Ихтиандр приплывал каждый вечер к берегу недалеко от города, брал припрятанный среди камней костюм, одевался и являлся к скале, куда приходила Гуттиэре. Они гуляли вдоль берега, оживленно беседуя.

Кто был новый друг Гуттиэре? Этого она не могла бы сказать. Он был неглуп, остроумен, знал многое, о чем не знала Гуттиэре, и в то же время не понимал таких простых вещей, которые известны каждому городскому мальчишке. Как объяснить это? Ихтиандр говорил о себе неохотно. Рассказывать правду ему не хотелось. Девушка только узнала, что Ихтиандр — сын доктора, человека, по-видимому, очень состоятельного. Он воспитал сына вдали от города и людей и дал ему очень своеобразное и одностороннее образование.

Иногда они долго засиживались на берегу. У ног шумел прибой. Мерцали звезды. Разговор умолкал. Ихтиандр был счастлив.

— Пора идти, — говорила девушка.

Ихтиандр неохотно поднимался, провожал ее до предместья, потом быстро возвращался, сбрасывал одежду и уплывал к себе.

Утром, после завтрака, он брал с собой большой белый хлеб и отправлялся в залив. Усевшись на песчаном дне, он начинал кормить рыбок хлебом. Они приплывали к нему, роем окружали его, скользили между рук и жадно хватали размокший хлеб прямо из рук. Иногда крупные рыбы врывались в этот рой и гонялись за маленькими. Ихтиандр поднимался и отгонял хищников руками, а маленькие рыбки скрывались за его спиной.

Он начал собирать жемчужины и складывал их в подводном гроте. Он работал с удовольствием и скоро собрал целую груду отборных жемчужин.

Он становился, сам того не зная, богатейшим человеком Аргентины, — быть может, и всей Южной Америки. Если бы он захотел, он стал бы самым богатым человеком мира. Но он не думал о богатстве.

Так проходили спокойные дни. Ихтиандр только жалел о том, что Гуттиэре живет в пыльном, душном, шумном городе. Если бы и она могла жить под водой, вдали от шума и людей! Как это было бы хорошо! Он показал бы ей новый,

неведомый мир, прекрасные цветы подводных полей. Но Гуттиэре не может жить под водой. А он не может жить на земле. Он и так слишком много времени проводит на воздухе. И это не проходит даром: все чаще и сильнее начинают болеть его бока в то время, как он сидит с девушкой на берегу моря. Но даже если боль становится нестерпимой, он не оставляет девушку, прежде чем не уйдет она сама. И еще одно беспокоит Ихтиандра: о чем говорила Гуттиэре с белокурым великаном? Ихтиандр каждый раз собирается спросить Гуттиэре, но боится обидеть ее.

Как-то вечером девушка сказала Ихтиандру, что завтра она не придет.

— Почему? — спросил он, нахмурившись.

— Я занята.

— Чем?

— Нельзя быть таким любопытным, — ответила девушка, улыбаясь. — Не провожайте меня, — добавила она и ушла.

Ихтиандр погрузился в море. Всю ночь пролежал он на мшистых камнях. Невесело было ему. На рассвете поплыл он к себе.

Недалеко от залива он увидел, как рыбаки стреляли с лодок дельфинов. Большой дельфин, раненный пулей, высоко подпрыгнул над водой

и тяжело опустился.

— Лидинг! — с ужасом прошептал Ихтиандр.

Один из рыбаков уже спрыгнул с лодки в море и выжидал, когда раненое животное всплывет на поверхность. Но дельфин вынырнул почти в ста метрах от ловца и, тяжело отдышавшись, опустился вновь под воду.

Рыбак быстро плыл к дельфину. Ихтиандр поспешил на помощь другу. Вот дельфин еще раз вынырнул, и в это самое время рыбак ухватил дельфина за плавник и потащил обессилевшее животное к лодке.

Ихтиандр, плывя под водой, нагнал рыбака, укусил его своими зубами за ногу. Рыбак, думая, что его ухватила акула, начал отчаянно дергать ногами. Защищаясь, рыбак наудачу полоснул врага ножом, который он держал в другой руке. Удар ножа пришелся Ихтиандру по шее, не прикрытой чешуей. Ихтиандр выпустил ногу рыбака, и тот быстро поплыл к лодке. Раненые дельфин и Ихтиандр направились к заливу. Юноша приказал дельфину следовать за собой и нырнул в подводную пещеру. Вода доходила здесь только до половины пещеры. Через расщелины сюда проникал воздух. Здесь дельфин мог отдышаться в безопасности. Ихтиандр осмотрел его рану. Это

была не опасная рана. Пуля попала под кожу и застряла в жире. Ихтиандру удалось вытащить пулю пальцами. Дельфин терпеливо перенес это.

— Заживет, — сказал Ихтиандр, ласково похлопав своего друга по спине.

Теперь надо было подумать и о себе. Ихтиандр быстро проплыл подводным тоннелем, поднялся в сад и вошел в белый домик. Кристо испугался, увидев своего питомца раненым.

— Что с тобой?

— Меня ранили рыбаки, когда я защищал дельфина, — сказал Ихтиандр.

Но Кристо не поверил ему.

— Опять в городе был без меня? — подозрительно спросил он, перевязывая рану. Ихтиандр молчал.

— Приподними свою чешую, — сказал Кристо и приоткрыл плечо Ихтиандра.

На плече индеец заметил красноватое пятно. Вид этого пятна испугал Кристо.

— Ударили веслом? — спросил он, ощупывая плечо. Но опухоли не было. Очевидно, это было родимое пятно.

— Нет, — ответил Ихтиандр.

Юноша отправился отдохнуть в свою комнату, а старый индеец подпер голову руками и заду-

мался. Он долго сидел, потом поднялся и вышел из комнаты.

Кристо быстро направился к городу, задыхаясь, вошел в лавку Бальтазара и, подозрительно посмотрев на Гуттиэре, сидевшую у прилавка, спросил:

— Отец дома?

— Там, — ответила девушка, кивнув головой на дверь в другую комнату.

Кристо зашел в лабораторию и закрыл за собой дверь. Он нашел брата за своими колбами, перемывающим жемчуг. Бальтазар был раздражен, как и в первый раз.

— С ума сойдешь с вами! — начал ворчать Бальтазар. — Зурита злится, почему ты до сих пор не приведешь морского дьявола, Гуттиэре уходит куда-то на целый день. О Зурите она и слышать не хочет. Твердит только: «Нет! Нет!» А Зурита говорит: «Надоело ждать! Возьму да увезу ее силой. Поплачет — и обойдется». От него всего можно ожидать.

Кристо выслушал жалобы брата и потом сказал:

— Слушай, я не мог привести морского дьявола потому, что он, как и Гуттиэре, часто уходит из дому на целый день без меня. А со мною идти в

город не хочет. Совсем перестал меня слушать. Будет меня ругать доктор за то, что плохо смотрел за Ихтиандром…

— Значит, надо скорее захватить или выкрасть Ихтиандра, ты уйдешь от Сальватора, прежде чем он вернется, и…

— Подожди, Бальтазар. Не перебивай меня, брат. С Ихтиандром нам не надо спешить.

— Почему не надо спешить?

Кристо вздохнул, как бы не решаясь высказать свой план.

— Видишь ли… — начал он.

Но в этот самый момент в лавку кто-то вошел, и они услышали громкий голос Зуриты.

— Ну вот, — пробормотал Бальтазар, бросая жемчуг в ванну, — опять он!

Зурита же с треском раскрыл дверь и вошел в лабораторию.

— Оба братца здесь. Вы долго будете морочить меня? — спросил он, переводя взгляд с Бальтазара на Кристо. Кристо поднялся и, любезно улыбаясь, сказал:

— Делаю все, что могу. Терпение. Морской дьявол — не простая рыбешка. Его из омута не вытащишь сразу. Один раз удалось привести его сюда — вас не было; посмотрел дьявол город,

не понравилось ему, и теперь он не хочет идти сюда.

— Не хочет — не надо. Мне надоело ждать. На этой неделе я решил сразу два дела сделать. Сальватор еще не приехал?

— На днях ожидают.

— Значит, надо спешить. Ждите гостей. Я подобрал надежных людей. Ты нам откроешь двери, Кристо, а с остальным я сам справлюсь. Я скажу Бальтазару, когда все будет готово. — И, обернувшись к Бальтазару, он сказал:

— Ас тобой я еще завтра поговорю. Но только помни, что это будет наш последний разговор.

Братья молча поклонились. Когда Зурита повернулся к ним спиной, любезные улыбки сошли с лиц индейцев. Бальтазар тихо выбранился. Кристо, казалось, что-то обдумывал.

В лавке Зурита о чем-то тихо говорил с Гуттиэре.

— Нет! — услышали братья ответ Гуттиэре. Бальтазар сокрушенно покачал головой.

— Кристо! — позвал Зурита. — Иди за мной, ты мне сегодня будешь нужен.

НЕПРИЯТНАЯ ВСТРЕЧА

Ихтиандр чувствовал себя очень плохо. Рана на шее болела. У него был жар. Ему было трудно дышать на воздухе.

Но утром, несмотря на недомогание, он отправился на берег к скале, чтобы встретить Гуттиэре. Она пришла в полдень.

Стояла невыносимая жара. От раскаленного воздуха, от мелкой белой пыли Ихтиандр стал задыхаться. Он хотел остаться на берегу моря, но Гуттиэре торопилась, она должна была вернуться в город.

— Отец уходит по делам, и я должна оставаться в лавке.

— Тогда я провожу вас, — сказал юноша, и они пошли по наклонной пыльной дороге, ведущей к городу.

Навстречу им, низко опустив голову, шел Ольсен. Он чем-то был озабочен и прошел мимо, не заметив Гуттиэре. Но девушка окликнула его.

— Мне нужно сказать ему только два слова, — сказала Гуттиэре, обращаясь к Ихтиандру, и, повернув назад, подошла к Ольсену.

Они тихо и быстро о чем-то говорили. Казалось,

девушка упрашивает его.

Ихтиандр шел в нескольких шагах позади них.

— Хорошо, сегодня после полуночи, — услышал он голос Ольсена. Великан пожал руку девушке, кивнул головой и быстро продолжал путь.

Когда Гуттиэре подошла к Ихтиандру, у него горели щеки и уши. Ему хотелось поговорить наконец с Гуттиэре об Ольсене, но он не находил слов.

— Я не могу, — начал он, задыхаясь, — я должен узнать… Ольсен… вы скрываете от меня какую-то тайну. Вы должны с ним встретиться ночью. Вы любите его?

Гуттиэре взяла Ихтиандра за руку, ласково взглянула на него и, улыбаясь, спросила:

— Вы верите мне?

— Я верю… Вы знаете, я люблю вас, — теперь Ихтиандр знал это слово, — но я… но мне так тяжело.

Это была правда. Ихтиандр страдал от неизвестности, но в эту минуту он еще чувствовал в боках острую режущую боль. Он задыхался. Румянец сошел с его щек, и теперь лицо его было бледно.

— Вы совсем больны, — беспокойно сказала девушка. — Успокойтесь, прошу вас. Милый мой мальчик. Я не хотела говорить вам всего, но,

чтобы успокоить вас, я скажу. Слушайте.

Какой-то всадник промчался мимо них, но, взглянув на Гуттиэре, круто повернул лошадь и подъехал к молодым людям. Ихтиандр увидел смуглого, уже немолодого человека, с пушистыми, приподнятыми вверх усами и небольшой эспаньолкой.

Где-то, когда-то Ихтиандр видел этого человека. В городе? Нет… Да, там, на берегу.

Всадник похлопал хлыстом по сапогу, подозрительно и враждебно оглядел Ихтиандра и подал руку Гуттиэре.

Поймав руку, он неожиданно, приподняв девушку к седлу, поцеловал ее руку и засмеялся.

— Попалась! — Отпустив руку нахмурившейся Гуттиэре, он продолжал насмешливо и в то же время раздраженно:

— Где же это видано, чтобы невесты накануне свадьбы разгуливали с молодыми людьми?

Гуттиэре рассердилась, но он не дал ей говорить:

— Отец давно ждет вас. Я буду в лавке через час. Ихтиандр уже не слышал последних слов. Он вдруг почувствовал, что в глазах у него потемнело, какой-то ком подкатил к горлу, дыхание остановилось. Он не мог больше оставаться на

воздухе.

— Так вы… все-таки обманули меня… — проговорил он посиневшими губами.

Ему хотелось говорить — высказать всю обиду или узнать все, но боль в боках становилась невыносимой, он почти терял сознание.

Наконец Ихтиандр сорвался с места, побежал к берегу и бросился в море с крутой скалы.

Гуттиэре вскрикнула и пошатнулась. Потом она бросилась к Педро Зурите:

— Скорее… Спасите его! Но Зурита не шевельнулся.

— Я не имею обыкновения мешать другим топиться, если они этого хотят, — сказал он.

Гуттиэре побежала к берегу, чтобы броситься в воду. Зурита пришпорил лошадь, нагнал девушку, схватил за плечи, усадил на коня и поскакал по дороге.

— Я не имею обыкновения мешать другим, если другие не мешают мне. Вот так-то лучше! Да придите же в себя, Гуттиэре!

Но Гуттиэре не отвечала. Она была в обмороке. Только у лавки отца она пришла в себя.

— Кто был этот молодой человек? — спросил Педро.

Гуттиэре, посмотрев на Зуриту с нескрываемым

гневом, сказала:

— Отпустите меня.

Зурита нахмурился. «Глупости, — подумал он. — Герой ее романа бросился в море. Тем лучше». И, обратившись к лавке, Зурита крикнул:

— Отец! Бальтазар! Эй-эй!.. Бальтазар выбежал.

— Получай твою дочку. И благодари меня. Я спас ее; она едва не бросилась в море за молодым человеком приятной наружности. Вот уже второй раз я спасаю жизнь твоей дочери, а она все еще дичится меня. Ну, да скоро всему этому упрямству будет конец. — Он громко рассмеялся. — Я приеду через час. Помни наш уговор!

Бальтазар, униженно кланяясь, принял от Педро дочь.

Всадник пришпорил коня и уехал.

Отец и дочь вошли в лавку. Гуттиэре без сил опустилась на стул и закрыла лицо руками.

Бальтазар прикрыл дверь и, расхаживая по лавке, начал о чем-то взволнованно и горячо говорить. Но его никто не слушал. С таким же успехом Бальтазар мог бы проповедовать засушенным крабам и морским ершам, лежавшим на полках.

«Он бросился в воду, — думала девушка, вспоминая лицо Ихтиандра. — Несчастный! Сначала

Ольсен, потом эта нелепая встреча с Зуритой. Как смел он назвать меня невестой! Теперь все погибло…»

Гуттиэре плакала.

Ей было жаль Ихтиандра. Простой, застенчивый — разве можно было его сравнить с пустыми, заносчивыми молодыми людьми Буэнос-Айреса?

«Что же делать дальше? — думала она. — Броситься в море, как Ихтиандр? Покончить с собой?»

А Бальтазар говорил и говорил:

— Ты понимаешь, Гуттиэре? Ведь это полное разорение. Все, что ты видишь в нашей лавке, принадлежит Зурите. Моего собственного товара не наберется и десятой доли. Весь жемчуг мы получаем на комиссию от Зуриты. Но если ты еще раз откажешь ему, он отберет весь товар и больше со мной не будет иметь дела. Ведь это разорение! Полное разорение! Ну, будь умница, пожалей своего старого отца…

— Договаривай: «…и выходи замуж за него». Нет! — резко ответила Гуттиэре.

— Проклятие! — вскричал взбешенный Бальтазар. — Если так, то… то… не я, так сам Зурита справится с тобой! — И старый индеец ушел в лабораторию, громко хлопнув дверью.

БОЙ СО СПРУТАМИ

Ихтиандр, бросившись в море, забыл на время все свои земные неудачи. После жаркой и душной земли прохлада воды успокоила и освежила его. Колющие боли прекратились. Он дышал глубоко и ровно. Ему нужен был полный отдых, и он старался не думать о том, что произошло на земле.

Ихтиандр хотел работать, двигаться. Чем бы ему заняться? Он любил в темные ночи бросаться с высокой скалы в воду так, чтобы сразу достать до дна. Но сейчас был полдень, и на море мелькали черные днища рыбацких лодок.

«Вот что я сделаю. Надо будет привести в порядок грот», — подумал Ихтиандр В отвесной скале залива находился грот с большой аркой, открывавшей прекрасный вид на подводную равнину, отлого спускавшуюся в глубину моря.

Ихтиандр давно облюбовал этот грот. Но прежде чем устроиться в нем, нужно было выселить давнишних обитателей грота — многочисленные семейства спрутов.

Ихтиандр надел очки, вооружился длинным, несколько искривленным острым ножом и смело подплыл к гроту. Войти в грот было страшнова-

то, и Ихтиандр решил вызвать врагов наружу У потонувшей лодки он давно приметил длинную острогу Он взял ее в руку и, стоя у входа в грот, начал водить острогой. Осьминоги, недовольные вторжением неизвестного, зашевелились. По краям арки появились длинные, извивающиеся щупальца. Осторожно они приближались к остроге. Ихтиандр отдергивал острогу, прежде чем щупальца спрута успевали захватить ее. Эта игра продолжалась несколько минут. Вот уже десятки щупалец, как волосы Медузы Горгоны[10], зашевелились у края арки. Наконец старый, огромный спрут, выведенный из терпения, решил расправиться с дерзким пришельцем Спрут вылез из расщелины, угрожающе шевеля щупальцами. Медленно поплыл он к врагу, меняя окраску, чтобы устрашить Ихтиандра. Ихтиандр отплыл в сторону, бросил острогу и приготовился к бою Ихтиандр знал, как трудно бороться человеку с его двумя руками, когда у противника восемь длинных ног. Не успеешь отрезать одну ногу спрута, семь других захватят и скрутят человеку руки. И юноша стремился направить удар своего ножа, чтобы он пришелся в тело спрута. Подпу-

10 Примечания: 10

Медуза Горгона — в греческой мифологии крылатая женщина-чудовище со змеями на голове вместо волос.

стив чудовище так, чтобы концы его щупалец достигли его, Ихтиандр неожиданно бросился вперед, в самый клубок извивающихся щупалец, к голове спрута.

Этот необычайный прием всегда заставал спрута врасплох Проходило не меньше четырех секунд, пока животное успевало подобрать концы щупалец и обвить ими врага. Но за это время Ихтиандр успевал быстрым безошибочным ударом рассечь тело спрута, поразить сердце и перерезать двигательные нервы И огромные щупальца, уже обвивавшиеся вокруг его тела, вдруг безжизненно распускались и дрябло опускались вниз.

— Один готов!

Ихтиандр снова взялся за острогу. На этот раз навстречу ему выплыли сразу два спрута. Один из них плыл прямо на Ихтиандра, а другой обходным движением пытался напасть сзади. Это становилось опасным. Ихтиандр храбро бросился на спрута, который был перед ним, но, прежде чем успел убить его, второй спрут, находившийся позади, обвил его за шею. Юноша быстро перерезал ногу спрута, проткнув ее ножом у самой своей шеи. Затем повернулся лицом к спруту и отсек его щупальца. Изувеченный спрут, медленно колыхаясь, опустился на дно. А Ихтиандр уже расправлялся со спрутом, который был перед ним.

— Три, — продолжал считать Ихтиандр.

Однако на время пришлось прекратить битву. Из грота выплывал целый отряд спрутов, но пролитая кровь замутила воду. В этой бурой мгле перевес мог быть на стороне спрутов, которые ощупью могли обнаружить врага, Ихтиандр же не видел их. Он отплыл подальше от места сражения, где вода была чистая, и здесь уложил еще одного спрута, выплывшего из кровавого облака.

Битва с перерывами продолжалась несколько часов.

Когда наконец последний спрут был убит и

вода очистилась, Ихтиандр увидел, что на дне лежат мертвые тела спрутов и шевелящиеся обрубленные щупальца. Ихтиандр вошел в грот. Здесь еще оставалось несколько маленьких спрутов — в кулак величиной и с щупальцами не толще пальца. Ихтиандр хотел убить их, но ему стало их жалко. «Надо попытаться приручить их. Неплохо иметь таких сторожей».

Очистив грот от больших спрутов, Ихтиандр решил обставить свое подводное жилище мебелью. Он притащил из дому стол на железных ножках с мраморной доской и две китайские вазы. Стол поставил среди грота, на столе поставил вазы, а в вазы насыпал земли и посадил морские цветы. Земля, размываемая водой, некоторое время курилась над вазами, как дым, но потом вода очистилась. Только цветы, колеблемые легким волнением, тихо раскачивались, как от дуновения ветра.

У стены пещеры был выступ, как бы естественная каменная скамья. Новый хозяин пещеры с удовольствием разлегся на этой скамье. Хотя она была каменная, но тело в воде почти не ощущало ее.

Это была странная подводная комната с китайскими вазами на столе. Много любопытных рыб

явилось посмотреть на невиданное новоселье. Они сновали между ножками стола, подплывали к цветам в вазах, как бы нюхая их, шныряли вокруг головы Ихтиандра. Мраморный бычок заглянул в грот, испуганно махнул хвостом и уплыл. По белому песку выполз большой краб, поднял и опустил клешню, как бы приветствуя хозяина, и устроился под столом.

Ихтиандра забавляла эта затея. «Чем бы мне еще украсить свое жилище? — подумал он. — Я насажу у входа самые красивые подводные растения, усыплю пол жемчужинами, а у стен, по краям, положу раковины. Что, если бы подводную комнату видела Гуттиэре… Но она обманывает меня. А быть может, и не обманывает. Она ведь не успела рассказать мне об Ольсене». Ихтиандр нахмурился. Лишь только он кончил работать, он снова почувствовал себя одиноким, непохожим на остальных людей. «Почему никто не может жить под водой? Я один. Скорее бы приехал отец! Я спрошу его…»

Ему хотелось показать свое новое подводное жилище хоть одному живому существу. «Лидинг», — вспомнил Ихтиандр о дельфине. Ихтиандр взял витую раковину, всплыл на поверхность и затрубил. Скоро послышалось

знакомое фырканье, — дельфин всегда держался вблизи залива.

Когда дельфин приплыл, Ихтиандр ласково обнял его и сказал:

— Идем ко мне, Лидинг, я покажу тебе новую комнату. Ты никогда не видел стола и китайских ваз.

И, нырнув в воду, Ихтиандр приказал дельфину следовать за собой.

Однако дельфин оказался очень беспокойным гостем. Большой и неповоротливый, он поднял такое волнение в гроте, что вазы зашатались на столе. Вдобавок он умудрился наткнуться мордой на ножку стола и опрокинуть его. Вазы упали, и будь это на земле, они разбились бы. Но здесь все обошлось благополучно, если не считать испуга краба, который с необычайной быстротой как-то боком побежал к скале.

«Какой ты неловкий!» — подумал Ихтиандр о своем друге, отставляя стол в глубину грота и поднимая вазы.

И, обняв дельфина, Ихтиандр продолжал говорить с ним:

— Оставайся здесь со мной, Лидинг.

Но дельфин скоро начал трясти головой и выражать беспокойство. Он не мог долго оставаться

под водой. Ему необходим был воздух. И, взмахнув плавниками, дельфин выплыл из грота и поднялся на поверхность.

«Даже Лидинг не может жить со мною под водой, — с грустью подумал Ихтиандр, оставшись один. — Только рыбы. Но ведь они глупые и пугливые…»

И он опустился на свое каменное ложе. Солнце зашло. В гроте было темно. Легкое движение воды укачивало Ихтиандра.

Утомленный волнением дня и работой, Ихтиандр начал дремать.

НОВЫЙ ДРУГ

Ольсен сидел на большом баркасе и смотрел через борт в воду. Солнце только что поднялось из-за горизонта и косыми лучами освещало до самого дна прозрачную воду небольшой бухты. Несколько индейцев ползали по белому песчаному дну. Время от времени они всплывали на поверхность, чтобы отдышаться, и вновь погружались в воду. Ольсен зорко наблюдал за ловцами. Несмотря на ранний час, было уже жарко. «Почему бы и мне не освежиться — не нырнуть раз-другой?» — подумал он, быстро разделся и бросился в воду.

Ольсен никогда раньше не нырял, но это ему понравилось, и он убедился, что может пробыть под водой дольше привычных индейцев. Ольсен присоединился к искателям и быстро увлекся этим новым для него занятием.

Опустившись в третий раз, он заметил, что два индейца, стоявшие на коленях на дне, вскочили и всплыли на поверхность с такой быстротой, как будто их преследовала акула или пила-рыба. Ольсен оглянулся назад. К нему быстро подплыло странное существо, получеловек-полулягушка, с серебристой чешуей, огромными выпученными глазами и лягушечьими лапами. Оно по-лягушачьи отбрасывало лапы и сильными толчками продвигалось вперед.

Прежде чем Ольсен успел подняться с колен, чудовище было уже около него и ухватило его руку своей лягушечьей лапой. Испуганный Ольсен все же заметил, что у этого существа было красивое человеческое лицо, которое портили только выпученные, сверкавшие глаза. Это странное существо, забыв о том, что оно находится под водою, начало о чем-то говорить. Ольсен не мог расслышать слов. Он видел только шевелящиеся губы. Неведомое существо крепко держало двумя лапами руку Ольсена. Ольсен сильным движени-

ем ног оттолкнулся от дна и быстро поднялся на поверхность, работая свободной рукой. Чудовище потянулось следом, не отпуская его. Всплыв на поверхность, Ольсен ухватился за борт баркаса, перекинул ногу, взобрался на баркас и отбросил от себя этого получеловека с лягушечьими руками так, что тот с шумом упал в воду. Сидевшие на баркасе индейцы прыгнули в воду и торопясь поплыли к берегу.

Но Ихтиандр снова приблизился к баркасу и обратился к Ольсену на испанском языке:

— Послушайте, Ольсен, мне нужно поговорить с вами о Гуттиэре. Это обращение изумило Ольсена не меньше, чем встреча под водой. Ольсен был человек храбрый, с крепкой головой. Если неведомое существо знает его имя и Гуттиэре, то, значит, это человек, а не чудовище.

— Я вас слушаю, — ответил Ольсен.

Ихтиандр взобрался на баркас, уселся на носу, поджав под себя ноги и скрестив на груди лапы.

«Очки!» — подумал Ольсен, внимательно рассматривая сверкающие, выпуклые глаза неизвестного.

— Мое имя Ихтиандр. Однажды я достал вам ожерелье со дна моря.

— Но тогда у вас были человеческие глаза и

руки. Ихтиандр улыбнулся и потряс своими лягушечьими лапами.

— Снимаются, — коротко ответил он.

— Я так и думал.

Индейцы с любопытством наблюдали из-за береговых скал за этим странным разговором, хотя и не могли услышать слов.

— Вы любите Гуттиэре? — спросил Ихтиандр после небольшого молчания.

— Да, я люблю Гуттиэре, — просто ответил Ольсен. Ихтиандр тяжело вздохнул.

— И она вас любит?

— И она меня любит.

— Но ведь она любит меня.

— Это ее дело. — Ольсен пожал плечами.

— Как ее дело? Ведь она ваша невеста.

Ольсен сделал удивленное лицо и с прежним спокойствием ответил:

— Нет, она не моя невеста.

— Вы лжете? — вспыхнул Ихтиандр. — Я сам слышал, как смуглый человек на лошади говорил о том, что она невеста.

— Моя?

Ихтиандр смутился. Нет, смуглый человек не говорил, что Гуттиэре невеста Ольсена. Но не может же молодая девушка быть невестой этого

смуглого, такого старого и неприятного? Разве так бывает? Смуглый, вероятно, ее родственник… Ихтиандр решил повести свои расспросы другим путем.

— А что вы здесь делали? Искали жемчуг?

— Признаюсь, мне не нравятся ваши расспросы, — хмуро ответил Ольсен. — И, если бы я не знал о вас кое-что от Гуттиэре, я сбросил бы вас с баркаса, и этим окончился бы разговор. Не хватайтесь за ваш нож. Я могу разбить вам голову веслом, прежде чем вы подниметесь. Но я не нахожу нужным скрывать от вас, что я действительно искал здесь жемчуг.

— Большую жемчужину, которую я бросил в море? Гуттиэре говорила вам об этом?

Ольсен кивнул головой. Ихтиандр торжествовал.

— Ну, вот видите. Я же говорил ей, что вы не откажетесь от этой жемчужины. Я предлагал ей взять жемчужину и передать вам. Она не согласилась, а теперь вы сами ищете ее.

— Да, потому что теперь она принадлежит не вам, а океану. И если я найду ее, то никому не буду обязан.

— Вы так любите жемчуг?

— Я не женщина, чтобы любить безделушки, —

возразил Ольсен.

— Но жемчуг можно… как это? Да! Продать, — вспомнил Ихтиандр малопонятное ему слово, — и получить много денег. Ольсен вновь утвердительно кивнул головой.

— Значит, вы любите деньги?

— Что вам, собственно, от меня нужно? — уже с раздражением спросил Ольсен.

— Мне нужно знать, почему Гуттиэре дарит вам жемчуг. Ведь вы хотели жениться на ней?

— Нет, я не собирался жениться на Гуттиэре, — сказал Ольсен. — Да если бы и собирался, теперь уже об этом поздно думать. Гуттиэре стала женой другого.

Ихтиандр побледнел и ухватился за руку Ольсена.

— Неужели того, смуглого? — испуганно спросил он.

— Да, она вышла замуж за Педро Зуриту.

— Но ведь она… Мне кажется, что она любила меня, — тихо сказал Ихтиандр.

Ольсен посмотрел на него с сочувствием и, не спеша закурив коротенькую трубочку, сказал:

— Да, мне кажется, она любила вас. Но ведь вы на ее глазах бросились в море и утонули — так, по крайней мере, думала она.

Ихтиандр с удивлением посмотрел на Ольсена. Юноша никогда не говорил Гуттиэре о том, что он может жить под водой. Ему в голову не приходило, что его прыжок со скалы в море девушка могла объяснить как самоубийство.

— Прошлою ночью я видел Гуттиэре, — продолжал Ольсен. — Ваша гибель очень огорчила ее. «Я виновата в смерти Ихтиандра», — вот что сказала она.

— Но почему же она так скоро вышла замуж за другого? Ведь она... ведь я спас ей жизнь. Да, да! Мне давно казалось, что Гуттиэре похожа на девушку, которая тонула в океане. Я вынес ее на берег и скрылся в камнях. А потом пришел этот смуглый — его я сразу узнал — и уверил ее, что это он спас ее.

— Гуттиэре рассказывала мне об этом, — сказал Ольсен. — Она так и не узнала, кто же спас ее — Зурита или странное существо, которое мелькнуло перед ней, когда она приходила в себя. Почему вы сами не сказали, что это вы спасли ее?

— Самому об этом неудобно говорить. Притом я не был вполне уверен в том, что спас именно Гуттиэре, пока не увидел Зуриту. Но как она могла согласиться? — спрашивал Ихтиандр.

— Как это произошло, — медленно проговорил

Ольсен, — я и сам не понимаю.

— Расскажите, что вы знаете, — попросил Ихтиандр.

— Я работаю на пуговичной фабрике приемщиком раковин. Там я и познакомился с Гуттиэре. Она приносила раковины — отец посылал ее, когда сам был занят. Познакомились, подружились. Иногда встречались в порту, гуляли на берегу моря. Она рассказывала мне о своем горе: за нее сватался богатый испанец.

— Этот самый? Зурита?

— Да, Зурита. Отец Гуттиэре, индеец Бальтазар, очень хотел этого брака и всячески уговаривал дочь не отказывать такому завидному жениху.

— Чем же завидный? Старый, отвратительный, дурно пахнущий, — не мог удержаться Ихтиандр.

— Для Бальтазара Зурита — прекрасный зять. Тем более что Бальтазар был должен Зурите крупную сумму денег. Зурита мог разорить Бальтазара, если Гуттиэре отказалась бы выйти за него замуж. Представьте себе, как жилось девушке. С одной стороны — назойливое ухаживание жениха, а с другой — вечные упреки, выговоры, угрозы отца…

— Почему же Гуттиэре не выгнала Зуриту?

Почему вы, такой большой и сильный, не побили этого Зуриту?

Ольсен улыбнулся и удивился: Ихтиандр не глуп, а задает такие вопросы. Где он рос и воспитывался?

— Это сделать не так просто, как вам кажется, — ответил Ольсен. — На защиту Зуриты и Бальтазара стали бы закон, полиция, суд. — Ихтиандр все-таки не понимал. — Одним словом, этого нельзя было сделать.

— Ну, тогда почему она не убежала?

— Убежать было легче. И она решилась убежать от отца, а я обещал помочь ей. Я сам давно собирался уехать из Буэнос-Айреса в Северную Америку, и я предложил Гуттиэре ехать со мной.

— Вы хотели жениться на ней? — спросил Ихтиандр.

— Однако какой вы, — снова улыбнувшись, сказал Ольсен. — Я же сказал вам, что мы были с ней друзьями. Что могло быть дальше — не знаю…

— Почему же вы не уехали?

— Потому что у нас не было денег на переезд.

— Неужели переезд на «Горроксе» стоит так дорого?

— На «Горроксе»! На «Горроксе» впору ездить миллионерам. Да что вы, Ихтиандр, с Луны сва-

лились?

Ихтиандр смутился, покраснел и решил больше не задавать вопросов, которые покажут Ольсену, что он не знает самых простых вещей.

— У нас не хватило денег на переезд даже в товаро-пассажирском пароходе. А ведь по приезде тоже предстояли расходы. Работа на улице не валяется.

Ихтиандр снова хотел спросить Ольсена, но удержался.

— И тогда Гуттиэре решила продать свое жемчужное ожерелье.

— Если бы я знал! — воскликнул Ихтиандр, вспомнив о своих подводных сокровищах.

— О чем?

— Нет, так… Продолжайте, Ольсен.

— Все уже было подготовлено к побегу.

— А я… Как же так? Простите… Значит, она намеревалась оставить и меня?

— Все это началось, когда вы еще не были знакомы. А потом, насколько мне известно, она хотела предупредить вас. Быть может, и предложить вам ехать вместе с нею. Наконец, она могла написать вам с пути, если бы ей не удалось поговорить с вами о бегстве.

— Но почему с вами, а не со мной? С вами сове-

товалась, с вами собиралась уехать!

— Я с нею знаком более года, а вас…

— Говорите, говорите, не обращайте внимания на мои слова.

— Ну, так вот. Все было готово, — продолжал Ольсен. — Но тут вы бросились в воду на глазах Гуттиэре, а Зурита случайно встретил Гуттиэре вместе с вами. Рано утром, перед тем как идти на фабрику, я зашел к Гуттиэре. Я нередко делал это и раньше. Бальтазар как будто относился ко мне благосклонно. Быть может, он побаивался моих кулаков, а может быть, смотрел на меня как на второго жениха, если бы Зурите надоело упрямство Гуттиэре. По крайней мере, Бальтазар не мешал нам и только просил не попадаться вместе на глаза Зурите. Конечно, старый индеец не подозревал о наших планах. В это утро я хотел сообщить Гуттиэре, что купил билеты на пароход и что она должна быть готова к десяти часам вечера. Меня встретил Бальтазар, он был взволнован. «Гуттиэре нет дома. И ее… вообще нет дома, — сказал мне Бальтазар. — Полчаса тому назад к дому подъехал Зурита в новеньком блестящем автомобиле. Каково! — воскликнул Бальтазар. — Автомобиль — редкость на нашей улице, особенно если автомобиль подкатывает

прямо к твоему дому. Я и Гуттиэре выбежали на улицу. Зурита уже стоял на земле возле открытой дверцы автомобиля и предложил Гуттиэре довезти ее до рынка и обратно. Он знал, что Гуттиэре в это время ходит на рынок. Гуттиэре посмотрела на блестящую машину. Сами понимаете, какой это соблазн для молодой девушки. Но Гуттиэре хитра и недоверчива. Она вежливо отказалась. Видели вы таких упрямых девушек!» — с гневом воскликнул Бальтазар, но тут же расхохотался. Но Зурита не растерялся. «Я вижу, вы стесняетесь, — сказал он, — так позвольте, я помогу вам». Схватил ее, усадил в автомобиль, Гуттиэре успела только крикнуть: «Отец!» — их и след простыл.

«Я думаю, они больше не вернутся. Увез ее к себе Зурита», — закончил свой рассказ Бальтазар, и было видно, что он очень доволен происшедшим.

«У вас на глазах похитили дочь, и вы так спокойно, даже радостно рассказываете об этом!» — возмущенно сказал я Бальтазару.

«О чем мне беспокоиться? — удивился Бальтазар. — Будь это другой человек, тогда другое дело, а Зуриту я давно знаю. Уж если он, скряга, на автомобиль денег не пожалел, то, значит, Гуттиэре ему сильно нравится. Увез — так женится. А ей

урок: не будь упряма. Богатые люди на дороге не валяются. Плакать ей не о чем. У Зуриты есть гасиенда „Долорес“, недалеко от города Параны. Там живет его мать. Туда, наверно, и повез он мою Гуттиэре».

— И вы не побили Бальтазара? — спросил Ихтиандр.

— Вас послушать, так я только и должен делать, что драться, — ответил Ольсен. — Признаться, сразу я хотел поколотить Бальтазара. Но потом решил, что только испорчу дело. Я полагал, что не все еще потеряно... Не буду передавать вам подробностей. Как я уже сказал, мне удалось повидаться с Гуттиэре.

— В гасиенде «Долорес»?

— Да.

— И вы не убили этого негодяя Зуриту и не освободили Гуттиэре?

— Опять бить, да еще убивать! Кто бы мог подумать, что вы такой кровожадный?

— Я не кровожадный! — со слезами на глазах воскликнул Ихтиандр. — Но ведь это же возмутительно! Ольсену стало жалко Ихтиандра.

— Вы правы, Ихтиандр, — сказал Ольсен, — Зурита и Бальтазар — недостойные люди, они заслуживают гнева и презрения. Их стоило бы

побить. Но жизнь сложнее, чем вы, по-видимому, представляете. Гуттиэре сама отказалась бежать от Зуриты.

— Сама? — не поверил Ихтиандр.

— Да, сама.

— Почему?

— Во-первых, она убеждена, что вы покончили с собой — утопились из-за нее. Ваша смерть угнетает ее. Она, бедняжка, видимо, очень любила вас. «Теперь моя жизнь кончена, Ольсен, — сказала она мне. — Теперь мне ничего не нужно. Я ко всему безразлична. Я ничего не понимала, когда приглашенный Зуритой священник обвенчал нас. „Ничто не делается без воли божьей, — так сказал священник, надевая мне на палец обручальное кольцо. — А то, что соединил бог, человек не должен разлучать“. Я буду несчастна с Зуритой, но я боюсь навлечь на себя гнев божий и потому не покину его».

— Но ведь это же все глупости! Какой бог? Отец говорит, что бог — сказка для маленьких детей! — горячо воскликнул Ихтиандр. — Неужели вы не могли убедить ее?

— К сожалению, Гуттиэре верит этой сказке. Миссионеры успели сделать из нее яростную католичку; я давно пытался, но не мог разуверить

ее. Она даже грозила порвать нашу дружбу, если я буду говорить с нею о церкви и боге. Приходилось ждать. А в гасиенде у меня не было и времени долго убеждать ее. Мне удалось перемолвиться с нею лишь несколькими словами. Да, вот что она еще сказала. Обвенчавшись с Гуттиэре, Зурита со смехом воскликнул: «Ну, одно дело сделано! Птичку поймали и посадили в клетку, теперь остается рыбку поймать!» Он объяснил Гуттиэре, а она мне, о какой рыбке идет речь. Зурита едет в Буэнос-Айрес, чтобы поймать морского дьявола, и тогда Гуттиэре будет миллионершей. Не вы ли это? Вы можете находиться под водой без всякого вреда для себя, пугаете ловцов жемчуга…

Осторожность удерживала Ихтиандра открыть Ольсену свою тайну. Объяснить ее он все равно не смог бы. И, не отвечая на вопрос, он сам спросил:

— А зачем Зурите морской дьявол?

— Педро хочет заставить дьявола ловить жемчужины. И если вы морской дьявол, берегитесь!..

— Благодарю за предупреждение, — сказал юноша. Ихтиандр не подозревал, что его проделки известны всем на берегу, что о нем много писали в газетах и журналах.

— Я не могу, — вдруг заговорил Ихтиандр, — я должен видеть ее. Повидаться с нею хотя бы в

последний раз. Город Парана? Да, знаю. Путь туда лежит вверх по реке Паране. Но как дойти от города Параны до гасиенды «Долорес»?

Ольсен объяснил.

Ихтиандр крепко пожал руку Ольсену:

— Простите меня. Я считал вас врагом, но неожиданно нашел друга. Прощайте. Я отправляюсь разыскивать Гуттиэре.

— Сейчас? — спросил, улыбаясь, Ольсен.

— Да, не теряя ни одной минуты, — ответил Ихтиандр, прыгая в воду, и поплыл к берегу.

Ольсен только покачал головой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
В ПУТИ

Ихтиандр быстро собрался в путь. Он достал спрятанные на берегу костюм и башмаки, привязал их к спине ремнем, на котором висел нож. Надел очки и перчатки и отправился.

В заливе Рио-де-Ла-Плата стояло много океанских пароходов и кораблей, шхун и баркасов. Между ними сновали небольшие паровые каботажные катера. Из-под воды их днища напоминали водяных жуков, двигавшихся по поверхности во все стороны. Якорные цепи и тросы поднима-

лись со дна, как тонкие стволы подводного леса. Дно залива было покрыто всякими отбросами, железным ломом, кучами просыпанного каменного угля и выброшенного шлака, обрывками старых шлангов, кусками парусов, бидонами, кирпичами, битыми бутылками, банками из-под консервов, а поближе к берегу трупами собак и кошек.

Тонкий слой нефти покрывал поверхность. Солнце еще не зашло, но здесь стояли зеленовато-серые сумерки. Река Парана несла песок и ил, мутившие воду залива.

Ихтиандр мог бы заблудиться среди этого лабиринта судов, но компасом ему служило легкое течение впадавшей в залив реки. «Удивительно, как неопрятны люди», — думал он, брезгливо рассматривая дно, напоминавшее свалку мусора. Он плыл посередине залива, ниже килевой части кораблей. В загрязненных водах залива ему трудно было дышать, как человеку в душной комнате.

В нескольких местах на дне ему встретились трупы людей и скелеты животных. У одного трупа был расколот череп, а на шее виднелась веревка с привязанным камнем. Здесь было погребено чье-то преступление. Ихтиандр спешил скорее выплыть из этих мрачных мест.

Но чем выше он поднимался по заливу, тем сильнее чувствовалось встречное течение. Плыть было трудно. В океане бывают течения, но там они помогали ему: юноша хорошо знал их. Он пользовался ими, как моряк попутным ветром. Здесь было только одно встречное течение. Ихтиандр бы испытанным пловцом, но его раздражало, что он так медленно подвигается вперед.

Что-то вдруг пролетело совсем близко, едва не задев его. Это бросили якорь с какого-то судна. «Однако здесь плыть не безопасно», — подумал Ихтиандр и огляделся. Он увидел, что его нагоняет большой пароход.

Ихтиандр опустился еще ниже, и когда дно корабля проходило над ним, он ухватился за киль. Ракушки облепили железо шероховатой массой, за которую можно было держаться. Лежать под водой в таком положении было не очень удобно, но зато теперь он находился под прикрытием и быстро плыл, увлекаемый пароходом.

Дельта кончилась, и пароход поплыл по реке Паране. Воды реки несли в себе огромное количество ила. В этой пресной воде Ихтиандр дышал тяжело. Его руки онемели, но он не хотел расстаться с пароходом. «Как жаль, что я не мог

отправиться в это путешествие с Лидингом!» — вспомнил он о дельфине. Но дельфина могли убить в реке. Лидинг не мог плыть под водой весь путь, а Ихтиандр опасался подняться на поверхность реки, где было слишком большое движение.

Руки Ихтиандра уставали все больше. Вдобавок он сильно проголодался, так как весь день ничего не ел. Пришлось сделать остановку. Расставшись с килем парохода, он опустился на дно.

Сумерки сгущались. Ихтиандр осмотрел илистое дно. Но он не нашел ни распластанных камбал, ни устричных раковин. Возле него шныряли пресноводные рыбы, но он не знал их повадок, и они казались ему более хитрыми, чем морские. Поймать их было трудно. Только когда наступила ночь и рыбы уснули, Ихтиандру удалось поймать большую щуку. Мясо ее было жестким и отдавало тиной, но проголодавшийся юноша с аппетитом ел ее, глотая целые куски с костями.

Надо было отдохнуть. В этой реке по крайней мере можно было спокойно выспаться, не опасаясь ни акул, ни спрутов. Но нужно было позаботиться о том, чтобы во время сна течение не унесло его вниз. Ихтиандр нашел на дне несколько камней, сдвинул их грядой и улегся, обхватив

один камень рукой.

Спал он, однако, недолго. Вскоре он почувствовал, что приближается какой-то пароход. Ихтиандр открыл глаза и увидел сигнальные фонари. Пароход шел снизу. Юноша быстро поднялся и приготовился ухватиться за пароход. Но это была моторная лодка с совершенно гладким дном. Ихтиандр, делая напрасные попытки зацепиться за дно, едва не попал под винт.

Несколько пароходов прошли вниз по течению, пока наконец Ихтиандр сумел прицепиться к пассажирскому пароходу, идущему вверх по реке.

Так добрался Ихтиандр до города Параны. Первая часть его путешествия кончилась. Но оставалась еще самая трудная — наземная.

Ранним утром Ихтиандр отплыл из шумной гавани города в безлюдную местность, осторожно огляделся и вылез на берег. Он снял очки и перчатки, закопал их в прибрежном песке, высушил на солнце свой костюм и оделся. В измятом костюме он выглядел бродягой. Но об этом он мало думал.

Ихтиандр отправился вдоль правого берега, как ему сказал Ольсен, расспрашивая встречных рыбаков, не знают ли они, где находится гасиенда «Долорес» Педро Зуриты.

Рыбаки подозрительно осматривали его и отрицательно покачивали головами.

Проходил час за часом, жара все усиливалась, а поиски ни к чему не приводили. На земле Ихтиандр совсем не умел находить дорогу в незнакомых местах. Зной утомлял его, у него кружилась голова, и он плохо соображал.

Чтобы освежиться, Ихтиандр несколько раз раздевался и погружался в воду.

Наконец около четырех часов дня ему посчастливилось встретить старого крестьянина, по виду батрака. Выслушав Ихтиандра, старик кивнул головой и сказал:

— Иди вот так, все по этой дороге, полями. Дойдешь до большого пруда, перейдешь мост, поднимешься на небольшой пригорок, там тебе и будет усатая донна Долорес.

— Почему усатая? «Долорес» — ведь это гасиенда?

— Да, гасиенда. Но старую хозяйку гасиенды зовут тоже Долорес. Долорес — мать Педро Зуриты. Полная усатая старуха. Не вздумай наняться к ней на работу. Живьем съест. Настоящая ведьма. Говорят, Зурита молодую жену привез. Не будет ей житья от свекрови, — рассказывал словоохотливый крестьянин.

«Это про Гуттиэре», — подумал Ихтиандр.

— А далеко? — спросил он.

— К вечеру дойдешь, — ответил старик, посмотрев на солнце. Поблагодарив старика, Ихтиандр быстро зашагал по дороге мимо полей пшеницы и кукурузы. От быстрой ходьбы он начал уставать. Дорога тянулась бесконечной белой лентой. Пшеничные поля сменялись выгонами с высокой густой травой, на выгонах паслись стада овец.

Ихтиандр изнемогал, усиливались режущие боли в боках. Томила жажда. Кругом — ни капли воды. «Хоть бы скорее пруд!» — думал Ихтиандр. Его щеки и глаза ввалились, он тяжело дышал. Хотелось есть. Но чем здесь пообедать? Далеко на лугу паслось стадо баранов под охраной пастуха и собак. Через каменный забор свешивались ветки персиковых и апельсиновых деревьев, а на них зрелые плоды. Здесь не то, что в океане. Здесь все чужое, все поделено, все разгорожено, все охраняется. Одни только вольные птицы ничьи, летают, кричат вдоль дороги. Но их не поймать. Да можно ли еще ловить этих птиц? Быть может, и они кому-нибудь принадлежат. Здесь легко умереть от голода и жажды среди водоемов, садов и стад.

Навстречу Ихтиандру шел, заложив руки за спину, толстый человек, в белом кителе с блестя-

щими пуговицами, в белой фуражке, с кобурой на поясе.

— Скажите, далеко ли гасиенда «Долорес»? — спросил Ихтиандр. Толстый человек подозрительно оглядел Ихтиандра.

— А тебе что нужно? Откуда идешь?

— Из Буэнос-Айреса…

Человек в кителе насторожился.

— Мне нужно там повидать кое-кого, — добавил Ихтиандр.

— Протяни руки, — сказал толстый человек.

Это удивило Ихтиандра, но, не предполагая ничего плохого, он протянул руки. Толстяк вынул из кармана «браслеты» (ручные кандалы) и быстро защелкнул их на руках Ихтиандра.

— Вот и попался, — пробормотал человек с блестящими пуговицами и, толкнув Ихтиандра в бок, крикнул:

— Иди! Я проведу тебя к «Долорес».

— Зачем вы сковали мои руки? — недоумевая, спросил Ихтиандр, поднимая руки и разглядывая «браслеты».

— Нечего разговаривать! — строго прикрикнул толстяк. — Ну, иди!

Ихтиандр, склонив голову, поплелся по дороге. Хорошо еще, что его не заставили идти назад. Он

не понимал, что с ним произошло. Он не знал, что прошлою ночью на соседней ферме было совершено убийство и ограбление, и теперь полиция искала преступников. Не догадывался он и о том, что в своем измятом костюме имел подозрительный вид. Его неопределенный ответ о цели путешествия окончательно решил его судьбу.

Полицейский арестовал Ихтиандра и теперь вел его в ближайшее селение, чтобы отправить в Парану, в тюрьму.

Ихтиандр понял только одно: он лишен свободы и в его путешествии наступила досадная задержка.

Он решил во что бы то ни стало вернуть себе свободу при первой же возможности.

Толстый полицейский, довольный удачей, закурил длинную сигару. Он шел позади, обдавая Ихтиандра клубами дыма. Ихтиандр задыхался.

— Нельзя ли не пускать дым, мне тяжело дышать, — обернувшись, сказал он своему конвоиру.

— Что-о? Просят не курить? Ха-ха-ха! — Полицейский засмеялся, все лицо его собралось в морщины. — Подумаешь, какие нежности! — И, выпустив в лицо юноши клубы дыма, он крикнул:

— Пошел!

Юноша повиновался.

Наконец Ихтиандр увидел пруд с перекинутым через него узким мостом и невольно ускорил шаги.

— Не спеши к своей Долорес! — крикнул толстяк.

Они взошли на мост. На середине моста Ихтиандр вдруг перегнулся через перила и бросился в воду.

Полицейский никак не ожидал такого поступка от человека со скованными руками.

Но зато Ихтиандр не ожидал от толстяка того, что тот сделал в следующее мгновение. Полицейский бросился в воду вслед за Ихтиандром, — он опасался, что преступник может утонуть. Полицейский хотел доставить его живым: арестованный, утонувший с ручными кандалами, мог наделать много хлопот. Полицейский так быстро последовал за Ихтиандром, что успел ухватить его за волосы и не отпускал. Тогда Ихтиандр, рискуя лишиться волос, потянул полицейского на дно. Вскоре Ихтиандр почувствовал, что рука полицейского разжалась и отпустила волосы. Ихтиандр отплыл на несколько метров в сторону и выглянул из воды, чтобы посмотреть, выплыл

ли полицейский. Тот уже барахтался на поверхности и, увидев голову Ихтиандра, закричал:

— Утонешь, подлец! Плыви ко мне!

«А ведь это мысль», — подумал Ихтиандр и вдруг закричал:

— Спасите! Тону… — и опустился на дно.

Из-под воды он наблюдал за полицейским, как тот, ныряя, искал его. Наконец, видимо отчаявшись в успехе, полицейский выплыл на берег.

«Сейчас уйдет», — подумал Ихтиандр. Но полицейский не уходил. Он решил остаться возле трупа, пока не прибудут следственные органы. То, что утопленник лежит на дне пруда, не меняло дела.

В это время через мост проезжал крестьянин верхом на муле, навьюченном мешками. Полицейский приказал крестьянину сбросить мешки и отправиться в ближайший полицейский участок с запиской. Дело приобретало для Ихтиандра скверный оборот. К тому же в пруду водились пиявки. Они впивались в Ихтиандра, и он не успевал отрывать их от тела. Но делать это нужно было осторожно, чтобы не волновать стоячую воду и этим не привлечь внимания полицейского.

Через полчаса вернулся крестьянин, показал рукой на дорогу, уложил свои мешки на спину

мула и поспешно уехал. Минут через пять к берегу приблизились трое полицейских. Двое из них несли на голове легкую лодку, а третий — багор и весло.

Лодку опустили на воду и начали искать утопленника. Ихтиандр не боялся поисков. Для него это была почти игра — он только переходил с места на место. Все дно пруда возле моста тщательно обыскали багром, но трупа не обнаружили.

Полицейский, арестовавший Ихтиандра, с удивлением разводил руками. Ихтиандра это даже забавляло. Но скоро ему пришлось плохо. Полицейские подняли своим багром со дна пруда тучи ила. Вода замутилась. Теперь Ихтиандр не мог ничего рассмотреть на расстоянии протянутой руки, а это уже было опасно. Но главное — ему трудно было дышать жабрами в этой воде, бедной кислородом. А тут еще эти тучи ила.

Ихтиандр задыхался и чувствовал в жабрах все усиливающееся жжение. Невозможно было дольше терпеть. У него вырвался невольный стон, несколько пузырей вылетело из его рта. Что делать? Выйти из пруда — другого выхода не было. Надо было выйти, чем бы это ни грозило. Его, конечно, сейчас же схватят, может быть изобьют, отправят в тюрьму. Но все равно. Ихтиандр,

шатаясь, побрел к мелководью и поднял голову над водой.

— А-а-а-а!.. — не своим голосом закричал полицейский, бросаясь через борт лодки в воду, чтобы скорее доплыть до берега.

— Иисус Мария! О-о!.. — вскричал другой, падая на дно лодки.

Двое полицейских, оставшихся на берегу, шептали молитвы. Бледные, они дрожали от страха, стараясь спрятаться друг за друга.

Ихтиандр не ожидал этого и не сразу понял причину их испуга. Потом он вспомнил, что испанцы очень религиозны и суеверны. Вероятно, полицейские вообразили, что они видят перед собою выходца с того света. Ихтиандр решил испугать их еще больше: он оскалил зубы, закатил глаза, завыл страшным голосом, медленно направляясь к берегу; он поднялся на дорогу умышленно медленно и удалился размеренным шагом.

Ни один полицейский не шевельнулся, не задержал Ихтиандра. Суеверный ужас, боязнь привидения помешали им выполнить долг службы.

ЭТО «МОРСКОЙ ДЬЯВОЛ»!

Мать Педро Зуриты — Долорес — была полная, сытая старуха с крючковатым носом и выдающимся подбородком.

Густые усы придавали ее лицу странный и непривлекательный вид. Это редкое для женщины украшение и закрепило за ней в округе кличку Усатая Долорес.

Когда ее сын явился к ней с молодой женой, старуха бесцеремонно осмотрела Гуттиэре. Долорес прежде всего искала в людях недостатки. Красота Гуттиэре поразила старуху, хотя она ничем не выдала этого. Но такова уж была Усатая Долорес: поразмыслив у себя на кухне, она решила, что красота Гуттиэре — недостаток.

Оставшись вдвоем с сыном, старуха неодобрительно покачала головой и сказала:

— Хороша! Даже слишком хороша! — И, вздохнув, прибавила:

— Наживешь ты хлопот с такой красавицей... Да. Лучше бы ты женился на испанке. Подумав еще, она продолжала:

— И горда. А руки мягкие, нежные, белоручка будет.

— Обломаем, — ответил Педро и углубился в хозяйственные счеты. Долорес зевнула и, чтобы не мешать сыну, вышла в сад подышать вечерней прохладой. Она любила помечтать при луне.

Мимозы наполняли сад приятным ароматом.

Белые лилии сверкали при лунном свете. Едва заметно шевелились листья лавров и фикусов.

Долорес уселась на скамью среди мирт и предалась своим мечтам: вот она прикупит соседний участок, разведет тонкорунных овец, выстроит новые сараи.

— О, чтоб вас! — сердито крикнула старуха, ударяя себя по щеке. — Эти москиты и посидеть спокойно не дадут человеку.

Незаметно облака затянули небо, и весь сад погрузился в полумрак. На горизонте резче выступила светло-голубая полоса — отражение огней города Параны.

И вдруг над низким каменным забором она увидела человеческую голову. Кто-то поднял руки, скованные кандалами, и осторожно перепрыгнул через стену.

Старуха испугалась. «В сад забрался каторжник», — решила она. Она хотела крикнуть, но не могла, пыталась подняться и бежать, но ноги ее подкашивались. Сидя на скамейке, следила она

за неизвестным.

А человек в кандалах, осторожно пробираясь между кустами, приближался к дому, заглядывая в окна.

И вдруг — или она ослышалась — каторжник тихо позвал:

— Гуттиэре!

«Так вот она, красота-то! Вот с кем знакомство водит! Чего доброго, эта красавица убьет меня с сыном, ограбит гасиенду и сбежит с каторжником», — думала Долорес.

Старуху вдруг охватило чувство глубокой ненависти к снохе и горького злорадства. Это придало ей силы. Она вскочила и побежала в дом.

— Скорей! — шепотом сказала Долорес сыну. — В сад забрался каторжник. Он звал Гуттиэре.

Педро выбежал с такой поспешностью, как будто дом был объят пламенем, схватил лопату, лежавшую на дорожке, и побежал вокруг дома.

У стены стоял неизвестный в грязном, измятом костюме, со скованными руками и смотрел в окно.

— Проклятие!.. — пробормотал Зурита и опустил лопату на голову юноши.

Без единого звука юноша упал на землю.

— Готов… — тихо сказал Зурита.

— Готов, — подтвердила следовавшая за ним Долорес таким тоном, как будто ее сын раздавил ядовитого скорпиона. Зурита вопросительно посмотрел на мать:

— Куда его?

— В пруд, — указала старуха. — Пруд глубокий.

— Всплывет.

— Камень привяжем. Я сейчас…

Долорес побежала домой и торопливо начала искать мешок, в который можно было бы положить труп убитого. Но еще утром все мешки она отправила с пшеницей на мельницу. Тогда она достала наволочку и длинную бечевку.

— Мешков нет, — сказала она сыну. — Вот, в наволочку положи камней и привяжи бечевкой к кандалам…

Зурита кивнул головой, взвалил труп на плечи и поволок его в конец сада, к небольшому пруду.

— Не запачкайся, — шепотом говорила Долорес, ковыляя за сыном с наволочкой и бечевкой.

— Смоешь, — ответил Педро, свешивая, однако, голову юноши ниже, чтобы кровь стекала на землю.

У пруда Зурита быстро набил наволочку камнями, крепко привязал ее к рукам юноши и бросил тело в пруд.

— Теперь надо переодеться. — Педро посмотрел на небо. — Дождь собирается. Он смоет к утру следы крови на земле.

— В пруду… вода не станет розовой от крови? — спросила Усатая Долорес.

— Не станет. Пруд проточный… О-о, проклятие! — прохрипел Зурита, направляясь к дому, и погрозил кулаком одному из окон.

— Вот она, красота-то! — хныкала старуха, следуя за сыном.

Гуттиэре отвели комнату в мезонине. Она не могла уснуть в эту ночь. Было душно, одолевали москиты. Невеселые мысли приходили в голову Гуттиэре. Она не могла забыть Ихтиандра, его смерти. Мужа она не любила, свекровь вызывала отвращение. И с этой усатой старухой Гуттиэре предстояло жить…

В эту ночь Гуттиэре почудился голос Ихтиандра. Он звал ее по имени. Какой-то шум, чьи-то приглушенные голоса доносились из сада. Гуттиэре решила, что ей так и не удастся уснуть в эту ночь. Она вышла в сад. Солнце еще не всходило. Сад был погружен в сумерки утренней зари. Тучи угнало. На траве и деревьях сверкала обильная роса. В легком халате, босиком Гуттиэре шла по траве. Вдруг она остановилась и внимательно

стала разглядывать землю. На дорожке, против ее окна, песок был запятнан кровью. Тут же валялась окровавленная лопата.

Ночью здесь произошло какое-то преступление. Иначе откуда могли появиться эти следы крови?

Гуттиэре невольно пошла по следам, и они привели ее к пруду.

«Не в этом ли пруду скрыты последние следы преступления?» — подумала она, со страхом вглядываясь в зеленоватую поверхность.

Из-под зеленоватой воды пруда на нее смотрело лицо Ихтиандра. Кожа на его виске была рассечена. На лице отражалось страдание и в то же время радость.

Гуттиэре смотрела не отрываясь на лицо утонувшего Ихтиандра. Неужели она сошла с ума?

Гуттиэре хотела бежать прочь. Но она не могла уйти, не могла оторвать от него глаз.

А лицо Ихтиандра медленно поднималось из воды. Оно уже показалось над поверхностью, всколыхнув тихие воды. Ихтиандр протянул к Гуттиэре скованные руки и с бледной улыбкой сказал, впервые обращаясь к ней на «ты»:

— Гуттиэре! Дорогая моя! Наконец-то, Гуттиэре, я… — Но он не договорил.

Гуттиэре схватилась за голову и в испуге за-

кричала:

— Сгинь! Пропади, несчастный призрак! Ведь я знаю, что ты мертв. Зачем ты являешься ко мне?

— Нет, нет, Гуттиэре, я не мертв, — поспешно ответил призрак, — я не утонул. Прости меня… я скрыл от тебя… Я не знаю, зачем я это сделал… Не уходи, выслушай меня. Я живой — вот, прикоснись к моим рукам…

Он протягивал к ней скованные руки. Гуттиэре продолжала смотреть на него.

— Не бойся, я ведь живой… Я могу жить под водой. Я не такой, как все люди. Я один могу жить под водой. Я не утонул тогда, бросившись в море. Я бросился потому, что мне было тяжело дышать на воздухе.

Ихтиандр пошатнулся и продолжал так же поспешно и бессвязно:

— Я искал тебя, Гуттиэре. Сегодня ночью твой муж ударил меня по голове, когда я подошел к твоему окну, и бросил меня в пруд. В воде я пришел в себя. Мне удалось снять мешок с камнями, но этого, — Ихтиандр указал на наручники, — я не мог снять…

Гуттиэре начала верить, что перед ней не призрак, а живой человек.

— Но почему у вас скованы руки? — спросила

она.

— Я потом расскажу тебе об этом… Бежим со мной, Гуттиэре. Мы укроемся у моего отца, там нас никто не найдет… И мы будем жить с тобою… Ну, возьми же мои руки, Гуттиэре. Ольсен сказал? что меня называют морским дьяволом, но ведь я человек. Почему же ты боишься меня?

Ихтиандр вышел из пруда весь в тине. Он в изнеможении опустился на траву.

Гуттиэре наклонилась над ним и, наконец, взяла его за руку.

— Бедный мой мальчик, — сказала она.

— Какая приятная встреча! — вдруг послышался насмешливый голос, Они оглянулись и увидели стоявшего неподалеку Зуриту. Зурита, так же как и Гуттиэре, не спал эту ночь. Он вышел в сад на крик Гуттиэре и слышал весь разговор. Когда Педро узнал, что перед ним «морской дьявол», за которым он так долго и безуспешно охотился, он обрадовался и сразу же решил отвезти Ихтиандра на «Медузу». Но, обдумав, он решил поступить иначе.

— Вам не удастся, Ихтиандр, увезти Гуттиэре к доктору Сальватору, потому что Гуттиэре — моя жена. Едва ли вы сами вернетесь к вашему отцу. Вас ждет полиция.

— Но я ни в чем не виновен! — воскликнул юноша.

— Без вины полиция не награждает людей такими браслетами. И если уже вы попались в мои руки, мой долг — передать вас полиции.

— Неужели вы сделаете это? — с негодованием спросила мужа Гуттиэре.

— Я обязан это сделать, — ответил Педро, пожимая плечами.

— Хорош бы он был, — вдруг вмешалась в разговор появившаяся Долорес, — если бы отпустил на все четыре стороны каторжника! За что? Не за то ли, что этот кандальник подглядывает под чужими окнами и собирается похищать чужих жен?

Гуттиэре подошла к мужу, взяла его за руки и ласково сказала:

— Отпустите его. Прошу вас. Я ни в чем не виновата перед вами...

Долорес, испугавшись, как бы ее сын не уступил жене, замахала руками и закричала:

— Не слушай ее, Педро!

— Перед просьбой женщины я бессилен, — любезно сказал Зурита. — Я согласен.

— Не успел жениться, как попал под башмак жены, — ворчала старуха.

— Подожди, мать. Мы распилим ваши канда-

лы, молодой человек, переоденем вас в более приличный костюм и доставим на «Медузу». В Рио-де-Ла-Плата вы можете спрыгнуть с борта и плыть куда вам заблагорассудится. Но я отпущу вас с одним условием: вы должны забыть Гуттиэре. А тебя, Гуттиэре, я возьму с собой. Так будет безопаснее.

— Вы лучше, чем я думала о вас, — искренне сказала Гуттиэре.

Зурита самодовольно покрутил усы и поклонился жене.

Долорес хорошо знала своего сына, — она быстро догадалась, что он замышляет какую-то хитрость. Но, чтобы поддержать его игру, она для вида раздраженно проворчала:

— Очаровала! Сиди теперь под башмаком!

ПОЛНЫЙ ХОД

— Завтра приезжает Сальватор. Лихорадка задержала меня, а нам с тобой надо о многом поговорить, — сказал Кристо, обращаясь к Бальтазару. Они сидели в лавке Бальтазара. — Слушай, брат, слушай внимательно и не перебивай меня, чтобы я не забыл, о чем надо говорить.

Кристо помолчал, собираясь с мыслями, и про-

должал:

— Мы много потрудились с тобой для Зуриты. Он богаче нас с тобой, но он хочет быть богаче самого себя. Он хочет поймать морского дьявола…

Бальтазар сделал движение.

— Молчи, брат, молчи, иначе я забуду, что хотел сказать. Зурита хочет, чтобы морской дьявол был у него рабом. А знаешь ты, что такое морской дьявол? Это клад. Это неистощимое богатство. Морской дьявол может собирать на дне морском жемчуг — много прекрасных жемчужин. Но морской дьявол может добывать со дна моря не только жемчуг. На дне моря много потонувших кораблей с несметными сокровищами. Он может добыть их для нас. Я говорю для нас, а не для Зуриты. Знаешь ли ты, брат, что Ихтиандр любит Гуттиэре?

Бальтазар хотел что-то сказать, но Кристо не дал ему говорить:

— Молчи и слушай. Я не могу говорить, когда меня перебивают. Да, Ихтиандр любит Гуттиэре. От меня ничего не скроешь. Когда я это узнал, я сказал: «Хорошо. Пусть Ихтиандр еще сильнее полюбит Гуттиэре. Он будет лучшим мужем и зятем, чем этот Зурита». И Гуттиэре любит Ихтиандра. Я следил за ними, не мешая Ихтиандру.

Пусть встречаются.

Бальтазар вздохнул, но не перебил рассказчика.

— И это еще не все, брат. Слушай дальше. Я хочу напомнить тебе то, что было много лет тому назад. Я сопровождал твою жену, — этому уже лет двадцать, — когда она возвращалась от родных. Помнишь, она ездила в горы хоронить свою мать. В дороге твоя жена умерла от родов. Умер и ребенок. Тогда я не сказал тебе всего, я не хотел огорчить тебя. Теперь скажу. Твоя жена умерла в дороге, но ребенок был еще жив, хотя и очень слаб. Случилось это в индейской деревне. Одна старуха сказала мне, что недалеко от них живет великий чудотворец, бог Сальватор…

Бальтазар насторожился.

— И она посоветовала мне отнести ребенка Сальватору, чтобы он спас его от смерти. Я послушался доброго совета и отнес ребенка Сальватору. «Спасите его», — сказал я. Сальватор взял мальчика, покачал головой и сказал: «Трудно спасти его». И унес. Я ждал до вечера. Вечером вышел негр и сказал: «Ребенок умер». Тогда я ушел. Так вот, — продолжал Кристо, — Сальватор сказал через своего негра, что ребенок умер. У новорожденного ребенка — твоего сына — я приметил

родимое пятно. Я хорошо помню, какой формы было это пятно. — Помолчав, Кристо продолжал:

— Не так давно кто-то ранил Ихтиандра в шею. Делая ему перевязку, я приоткрыл ворот его чешуи и увидел родимое пятно точно такой же формы, как у твоего сына.

Бальтазар посмотрел на Кристо широко открытыми глазами и, волнуясь, спросил:

— Ты думаешь, что Ихтиандр мой сын?

— Молчи, брат, молчи и слушай. Да, я это думаю. Я думаю, что Сальватор сказал неправду. Твой сын не умер, и Сальватор сделал из него морского дьявола.

— О-о!.. — вне себя закричал Бальтазар. — Как он смел! Я убью Сальватора своими собственными руками.

— Молчи! Сальватор сильнее тебя. И потом, может быть, я ошибся. Двадцать лет прошло. Родимое пятно на шее может быть и у другого человека. Ихтиандр — твой сын, а может быть — и не сын. Тут надо быть осторожным. Ты пойдешь к Сальватору и скажешь, что Ихтиандр твой сын. Я буду твоим свидетелем. Ты потребуешь, чтобы он отдал тебе сына. А не отдаст, ты скажешь, что донесешь на него в суд за то, что он калечит детей. Этого он побоится. Если же это не поможет,

ты пойдешь в суд. Если же в суде нам не удастся доказать, что Ихтиандр твой сын, то он женится на Гуттиэре; ведь Гуттиэре твоя приемная дочь. Ты тогда тосковал по жене и сыну, и я разыскал тебе эту сироту Гуттиэре…

Бальтазар вскочил со стула. Он теперь шагал по лавке, задевая крабов и раковины.

— Сын мой! Сын мой! О, какое несчастье!

— Почему несчастье? — удивился Кристо.

— Я не перебивал и внимательно слушал тебя, теперь выслушай ты меня. Пока ты болел лихорадкой, Гуттиэре вышла замуж за Педро Зуриту.

Эта новость поразила Кристо.

— А Ихтиандр… бедный сын мой… — Бальтазар опустил голову. — Ихтиандр в руках Зуриты!

— Не может быть, — возразил Кристо.

— Да, да. Ихтиандр на «Медузе». Сегодня утром Зурита приходил ко мне. Он смеялся над нами, издевался и бранил нас. Он говорил, что мы обманывали его. Подумай, он сам, без нас, поймал Ихтиандра! Теперь он нам ничего не уплатит. Но я и сам не возьму у него денег. Разве можно продать своего собственного сына?

Бальтазар был в отчаянии. Кристо неодобрительно смотрел на брата. Теперь следовало действовать решительно. Но Бальтазар мог ско-

рее повредить делу, чем помочь. Сам Кристо не очень-то верил в родство Ихтиандра с Бальтазаром. Правда, Кристо видел у новорожденного родимое пятно. Но разве это неоспоримое доказательство? Увидев родимое пятно на шее Ихтиандра, Кристо решил воспользоваться этим сходством и поживиться. Но разве мог он предполагать, что Бальтазар так отнесется к его рассказу? Зато новости, сообщенные Бальтазаром, испугали Кристо.

— Теперь не время для слез. Надо действовать. Сальватор приезжает завтра рано утром. Будь мужественным. Жди меня на восходе солнца на молу. Надо спасти Ихтиандра. Но, смотри, не говори Сальватору, что ты отец Ихтиандра. Куда направился Зурита?

— Он не сказал, но думаю, что на север. Зурита давно собирается к берегам Панамы.

Кристо кивнул головой.

— Помни же: завтра утром, перед восходом солнца, ты должен быть на берегу. Сиди, не уходи, если бы даже пришлось ожидать до вечера.

Кристо поспешил к себе. Он всю ночь думал о предстоящей встрече с Сальватором. Надо было оправдать себя перед Сальватором.

Сальватор приехал на рассвете. Кристо с лицом,

выражавшим огорчение и преданность, сказал, поздоровавшись с доктором:

— У нас случилось несчастье… Много раз я предупреждал Ихтиандра, чтобы он не плавал в заливе…

— Что с ним? — нетерпеливо спросил Сальватор.

— Его украли и увезли на шхуне… Я…

Сальватор крепко сжал плечо Кристо и пристально посмотрел ему в глаза. Это продолжалось одно мгновение, но Кристо невольно изменился в лице под этим испытующим взглядом. Сальватор нахмурился, пробормотал что-то и, разжав пальцы на плече Кристо, быстро проговорил:

— Об этом ты подробно расскажешь мне после. Сальватор позвал негра, сказал ему несколько слов на непонятном Кристо языке и, обратившись к индейцу, повелительно крикнул:

— Иди за мной!

Не отдыхая, не переодеваясь с дороги, Сальватор вышел из дому и быстро пошел в сад. Кристо едва поспевал за ним. У третьей стены их нагнали два негра.

— Я сторожил Ихтиандра, как верная собака, — сказал Кристо, задыхаясь от быстрой ходьбы. — Я не отходил от него…

Но Сальватор не слушал. Доктор стоял уже около бассейна и нетерпеливо стучал ногой, пока вода вытекала в открывшиеся в бассейне шлюзы.

— Иди за мной, — снова приказал Сальватор, спускаясь по подземной лестнице.

Кристо и два негра шли за Сальватором в полном мраке. Сальватор прыгал через несколько ступеней, как человек, хорошо знакомый с подземным лабиринтом.

Спустившись на нижнюю площадку, Сальватор не повернул выключатель, как в первый раз, а, пошарив впотьмах рукой, открыл дверь в правой стене и пошел по темному коридору. Здесь не было ступеней, и Сальватор шел еще быстрее, не зажигая огня.

«Вдруг я провалюсь в какую-нибудь ловушку и утону в колодце?» — думал Кристо, стараясь поспеть за Сальватором.

Они долго шли, и, наконец, Кристо почувствовал, что пол покато спускается вниз. Иногда Кристо казалось, что он слышит слабый плеск воды. Но вот их путешествие окончилось. Сальватор, ушедший вперед, остановился и включил свет. Кристо увидел, что он находится в большом, залитом водой длинном гроте с овальным сводом.

Этот свод, уходя вдаль, постепенно понижался к воде. На воде у самого края каменного пола, на котором они стояли, Кристо увидел небольшую подводную лодку. Сальватор, Кристо и два негра вошли в нее. Сальватор зажег в каюте свет, один из негров захлопнул верхний люк, другой уже работал у мотора. Кристо почувствовал, что лодка дрогнула, медленно повернулась, опустилась вниз и так же медленно двинулась вперед. Прошло не более двух минут, и они всплыли на поверхность. Сальватор и Кристо вышли на мостик. Кристо никогда не приходилось плавать на подводных лодках. Но эта лодка, скользившая теперь по поверхности океана, могла бы удивить даже кораблестроителей. Она была необычайной конструкции, и, очевидно, мотор ее был огромной мощности. Еще не пущенная на полный ход лодка быстро подвигалась вперед.

— Куда направились похитители Ихтиандра?

— Вдоль берега на север, — ответил Кристо. — Я бы осмелился предложить вам захватить с собой моего брата. Я предупредил его, и он ожидает на берегу.

— Зачем?

— Ихтиандра украл ловец жемчуга Зурита.

— Откуда ты знаешь это? — подозрительно

спросил Сальватор.

— Я описал брату шхуну, которая захватила Ихтиандра в заливе, и брат признал в ней «Медузу» Педро Зуриты. Зурита, вероятно, украл Ихтиандра для ловли жемчуга. А мой брат Бальтазар хорошо знает места лова. Он будет полезен нам.

Сальватор подумал.

— Хорошо. Мы возьмем твоего брата.

Бальтазар ожидал брата на молу. Лодка повернула к берегу. Бальтазар с берега, нахмурившись, смотрел на Сальватора, который отнял, изуродовал его сына. Однако индеец вежливо поклонился Сальватору и вплавь добрался до лодки.

— Полный ход! — отдал Сальватор приказ. Сальватор стоял на капитанском мостике и зорко всматривался в гладь океана.

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПЛЕННИК

Зурита распилил кандалы, связывавшие руки Ихтиандра, дал ему новый костюм и разрешил захватить с собой спрятанные в песке перчатки и очки. Но как только юноша взошел на палубу «Медузы», по приказанию Зуриты его схватили индейцы и посадили в трюм. У Буэнос-Айреса Зурита сделал короткую остановку, чтобы запа-

стись провиантом. Он повидался с Бальтазаром, похвалился своей удачей и поплыл дальше вдоль берега, по направлению к Рио-де-Жанейро. Он предполагал обогнуть восточный берег Южной Америки и начать поиски жемчуга в Карибском море.

Гуттиэре он поместил в капитанской каюте. Зурита уверял ее, что Ихтиандра он отпустил на волю в заливе Рио-де-Ла-Плата. Но эта ложь скоро открылась. Вечером Гуттиэре услыхала крики и стоны, долетавшие из трюма. Она узнала голос Ихтиандра. Зурита в это время был на верхней палубе. Гуттиэре пыталась выйти из каюты, но дверь оказалась на запоре. Гуттиэре начала стучать кулаками, — никто не отзывался на ее крик.

Зурита, услышав крики Ихтиандра, крепко выругался, спустился с капитанского мостика и сошел в трюм вместе с индейцем-матросом. В трюме было необычайно душно и темно.

— Чего ты кричишь? — грубо спросил Зурита.

— Я... я задыхаюсь, — услышал он голос Ихтиандра. — Я не могу жить без воды. Здесь такая духота. Отпустите меня в море. Я не проживу ночи...

Зурита захлопнул люк в трюм и вышел на

палубу.

«Как бы в самом деле он не задохнулся», — озабоченно подумал Зурита. Смерть Ихтиандра была ему совсем невыгодна.

По приказу Зуриты в трюм принесли бочку, и матросы натаскали воды.

— Вот тебе ванна, — сказал Зурита, обращаясь к Ихтиандру. — Плавай! А завтра утром я отпущу тебя в море.

Ихтиандр поспешно погрузился в бочку. Стоявшие в дверях индейцы-матросы с недоумением смотрели на это купанье. Они еще не знали, что узник «Медузы» — «морской дьявол».

— Отправляйтесь на палубу! — прикрикнул на них Зурита.

В бочке нельзя было плавать, нельзя было даже выпрямиться во весь рост. Ихтиандру пришлось скорчиться, чтобы окунуться. В этой бочке когда-то хранились запасы солонины. Вода быстро пропиталась этим запахом, и Ихтиандр чувствовал себя немногим лучше, чем в духоте трюма.

Над морем в это время дул свежий юго-восточный ветер, унося шхуну все дальше на север.

Зурита долго стоял на капитанском мостике и только под утро явился в каюту. Он предполагал, что жена его давно спит. Но она сидела на стуле

возле узенького столика, положив голову на руки. При его входе Гуттиэре поднялась, и при слабом свете догоравшей лампы, привешенной к потолку, Зурита увидел ее побледневшее, нахмуренное лицо.

— Вы обманули меня, — глухо сказала она.

Под гневным взглядом жены Зурита чувствовал себя не очень хорошо и, чтобы прикрыть невольное смущение, принял непринужденный вид, закрутил свои усы и шутливо ответил:

— Ихтиандр предпочел остаться на «Медузе», чтобы быть ближе к вам.

— Вы лжете! Вы мерзкий, гадкий человек. Я ненавижу вас! — Гуттиэре вдруг выхватила большой нож, висевший на стене, и замахнулась на Зуриту.

— Ого!.. — проговорил Зурита. Он быстро схватил Гуттиэре за руку и сжал так сильно, что Гуттиэре выронила нож.

Зурита ногой вышвырнул нож из каюты, отпустил руку жены и сказал:

— Вот так-то лучше! Вы очень взволнованы. Выпейте стакан воды.

И он ушел из каюты, щелкнув ключом, и поднялся на верхнюю палубу.

Восток уже розовел, а легкие облака, освещен-

ные скрытым за горизонтом солнцем, казались пламенными языками. Утренний ветер, соленый и свежий, надувал паруса. Над морем летали чайки, зорко высматривающие рыб, резвящихся на поверхности.

Уже взошло солнце. Зурита все еще ходил по палубе, заложив руки за спину.

— Ничего, справлюсь как-нибудь, — сказал он, думая о Гуттиэре. Обратившись к матросам, он громко отдал команду убрать паруса. «Медуза», покачиваясь на волнах, стояла на якоре.

— Принесите мне цепь и приведите человека из трюма, — распорядился Зурита. Он хотел как можно скорее испытать Ихтиандра как ловца жемчуга.

«Кстати, он освежится в море», — подумал он.

Конвоируемый двумя индейцами, появился Ихтиандр. Он выглядел утомленным. Ихтиандр осмотрелся по сторонам. Он стоял возле бизань-мачты. Всего несколько шагов отделяло его от борта. Вдруг Ихтиандр рванулся вперед, добежал до борта и уже пригнулся для прыжка. Но в этот момент тяжелый кулак Зуриты опустился ему на голову. Юноша упал на палубу без сознания.

— Не надо спешить, — нравоучительно сказал Зурита. Послышался лязг железа, матрос подал

Зурите длинную тонкую цепь, заканчивающуюся железным обручем.

Зурита опоясал этим обручем лежавшего без сознания юношу, замкнул пояс на замок и, обратившись к матросам, сказал:

— Теперь лейте ему на голову воду.

Вскоре юноша пришел в себя и с недоумением посмотрел на цепь, к которой был прикован.

— Так ты не сбежишь от меня, — пояснил Зурита. — Я отпущу тебя в море. Ты будешь искать мне жемчужные раковины. Чем больше жемчуга ты найдешь, тем дольше ты будешь оставаться в море. Если же ты не станешь добывать мне жемчужные раковины, то я запру тебя в трюме, и ты будешь сидеть в бочке. Понял? Согласен?

Ихтиандр кивнул головой.

Он был готов добыть для Зуриты все сокровища мира, только бы скорее погрузиться в чистую морскую воду.

Зурита, Ихтиандр на цепи и матросы подошли к борту шхуны. Каюта Гуттиэре находилась на другой стороне шхуны: Зурита не хотел, чтобы она видела Ихтиандра прикованным к цепи.

Ихтиандра спустили на цепи в море. Если бы можно было порвать эту цепь! Но она была очень прочна. Ихтиандр покорился своей участи. Он

начал собирать жемчужные раковины и складывать их в висевший у него на боку большой мешок. Железный обруч давил бока и затруднял дыхание. И все же Ихтиандр чувствовал себя почти счастливым после душного трюма и вонючей бочки.

Матросы с борта корабля с изумлением смотрели на невиданное зрелище. Проходила минута за минутой, а человек, опущенный на дно моря, и не думал подниматься. Первое время на поверхность всплывали пузырьки воздуха, но скоро они прекратились.

— Пусть меня съест акула, если в его груди осталась хоть частица воздуха. Видно, он чувствует себя, как рыба в воде, — с удивлением говорил старый ловец, вглядываясь в воду.

На морском дне ясно виден был юноша, ползавший на коленях.

— Может быть, это сам морской дьявол? — тихо проговорил матрос.

— Кто бы он ни был, капитан Зурита сделал хорошее приобретение, — отозвался штурман. — Один такой ловец может заменить десяток.

Солнце стояло близко к полудню, когда Ихтиандр дернул цепь, чтобы его подняли. Его сумка была полна раковинами. Нужно было опорож-

нить ее, чтобы продолжать лов.

Матросы быстро подняли на палубу необыкновенного ловца. Все хотели скорее узнать, каким был улов.

Обыкновенно жемчужные раковины оставляют на несколько дней, чтобы моллюски перегнили, — тогда легче вынимать жемчужины, — но теперь нетерпение матросов и самого Зуриты было велико. И все сразу принялись вскрывать раковины ножами.

Когда матросы окончили работу, все сразу шумно заговорили. На палубе царило необычайное возбуждение. Может быть, Ихтиандру посчастливилось найти хорошее место. Но то, что он добыл за один улов, превзошло все ожидания. Среди этих жемчужин десятка два было очень тяжеловесных, прекрасной формы и самых нежных цветов. Первый улов уже принес Зурите целое состояние. За одну крупную жемчужину можно было купить новую прекрасную шхуну. Зурита был на пути к богатству. Мечты его сбылись.

Зурита видел, как жадно смотрят матросы на жемчуг. Это ему не понравилось. Он поспешил пересыпать жемчужины в свою соломенную шляпу и сказал:

— Пора завтракать. А ты, Ихтиандр, хороший

ловец. У меня есть одна свободная каюта. Я помещу тебя туда. Там тебе не будет душно. И я закажу для тебя большой цинковый бак. Может быть, он тебе и не понадобится, так как ты каждый день будешь плавать в море. Правда, на цепочке, но что же делать? Иначе ты нырнешь к своим крабам и не вернешься.

Ихтиандру не хотелось разговаривать с Зуритой. Но если он оказался пленником этого алчного человека, то надо подумать о сносном жилье.

— Бак лучше вонючей бочки, — сказал он Зурите, — но, чтобы я не задыхался, вам придется часто менять в нем воду.

— Как часто? — спросил Зурита.

— Через полчаса, — ответил Ихтиандр. — Еще лучше иметь все время проточную воду.

— Э, да ты, я вижу, уже загордился. Тебя похвалили, и ты уже начинаешь требовать, капризничать.

— Это не капризы, — обиделся юноша. — У меня... поймите же, если вы положите большую рыбу в ведро, она скоро уснет. Рыба дышит кислородом, находящимся в воде, а я... ведь очень большая рыба, — с улыбкой прибавил Ихтиандр.

— Насчет кислорода я не знаю, а что рыбы дохнут, если не менять воду, это я хорошо знаю.

Пожалуй, ты прав. Но ведь если приставить людей, которые все время будут накачивать помпами воду в твой бак, то это будет слишком дорого, дороже твоего жемчуга. Этак ты разоришь меня!

Ихтиандр не знал цены жемчуга, не знал и того, что Зурита платит ловцам и матросам гроши. Юноша поверил словам Зурита и воскликнул:

— Если вам невыгодно держать меня, то отпустите в море! — И Ихтиандр посмотрел на океан.

— Какой ты!.. — громко рассмеялся Зурита.

— Пожалуйста! Я буду добровольно приносить жемчужины. Я давно собрал такую кучу. — И Ихтиандр показал рукой от палубы до колен. — Ровные, гладкие, зерно к зерну, и каждая величиною с боб… Я все отдам вам, только отпустите меня.

У Зуриты захватило дыхание.

— Болтаешь! — возразил Зурита, стараясь говорить спокойно.

— Я еще никогда никому не лгал, — рассердился Ихтиандр.

— Где же находится твой клад? — спросил Зурита, уже не скрывая своего волнения.

— В подводной пещере. Никто, кроме Лидинга, не знает, где она.

— Лидинг? Кто это?

— Мой дельфин.

— Ах так! «В самом деле, наваждение какое-то, — подумал Зурита. — Если это правда, — а надо думать, что он не лжет, — так ведь это же превосходит все, о чем я только могу помышлять. Я буду несметно богат. Ротшильды и Рокфеллеры будут бедняками по сравнению со мной. А юноше, кажется, можно поверить. Уж не отпустить ли его, в самом деле, под честное слово?»

Но Зурита был деловой человек. Он не привык кому-нибудь верить на слово. Он стал обдумывать, как лучше овладеть этим кладом Ихтиандра. «Если только Ихтиандра попросит Гуттиэре, то он не откажется и принесет клад».

— Возможно, что я выпущу тебя, — сказал Зурита, — но на некоторое время тебе придется остаться у меня. Да. У меня на это есть причины. Я думаю, ты сам не пожалеешь, что задержишься. А пока ты мой, хоть и невольный, гость, я хочу сделать так, чтобы тебе было удобно. Может быть, вместо бака, который будет слишком дорогим, тебя лучше поместить в большой железной клетке. Клетка предохранит тебя от акул, и в этой клетке тебя будут спускать за борт в воду.

— Да, но мне необходимо бывать и на воздухе.

— Ну что ж, мы иногда будем поднимать тебя.

Это обойдется дешевле, чем накачивать воду в бак. Словом, все устроим, ты будешь доволен.

Зурита был в прекрасном настроении. Неслыханное дело: он распорядился выдать матросам к завтраку по стакану водки.

Ихтиандра снова отвели в трюм, — бак еще не был готов. Зурита не без волнения открыл дверь капитанской каюты и, стоя в дверях, показал Гуттиэре шляпу, наполненную жемчугом.

— Я помню свои обещания, — начал он, улыбаясь, — жена любит жемчуг, любит подарки. Чтобы добыть много жемчуга, надо иметь хорошего ловца. Вот почему я пленил Ихтиандра. Посмотри — это улов одного утра.

Гуттиэре мельком взглянула на жемчужины. С большим трудом подавила она невольный возглас удивления. Однако Зурита заметил это и самодовольно рассмеялся.

— Ты будешь самой богатой женщиной Аргентины, а может быть, и всей Америки. У тебя будет все. Я построю тебе дворец, которому позавидуют короли. А сейчас в залог будущего прими от меня половину этого жемчуга.

— Нет! Мне не надо ни одной из этих жемчужин, добытых преступлением, — резко ответила Гуттиэре. — И пожалуйста, оставьте меня в по-

кое.

Зурита был смущен и раздосадован: такого приема он не ожидал.

— Еще только два слова. Не хотите ли вы, — для важности он перешел на «вы», — чтобы я отпустил Ихтиандра?

Гуттиэре недоверчиво посмотрела на Зуриту, как бы стараясь угадать, какую новую хитрость он замышляет.

— Что же дальше? — холодно спросила она.

— Судьба Ихтиандра в ваших руках. Достаточно вам приказать Ихтиандру, чтобы он принес на «Медузу» жемчуг, который он хранит где-то под водой, и я отпущу морского дьявола на все четыре стороны.

— Запомните хорошенько, что я скажу. Я не верю ни одному вашему слову. Вы получите жемчуг и снова посадите Ихтиандра на цепь. Это так же верно; как то, что я жена самого лживого и вероломного человека. Запомните хорошенько и не пытайтесь никогда впутывать меня в ваши темные дела. И еще раз — пожалуйста, оставьте меня в покое.

Больше говорить было не о чем, и Зурита вышел. У себя в каюте он пересыпал жемчуг в мешочек, бережно положил в сундук, запер его и

вышел на палубу. Размолвка с женой мало огорчала его. Он видел себя богатым, окруженным почетом.

Он взошел на капитанский мостик, закурил сигару. Мысли о будущем богатстве приятно волновали его. Всегда зоркий, он на этот раз не заметил, как матросы, собравшись группами, тихо о чем-то переговариваются.

ПОКИНУТАЯ «МЕДУЗА»

Зурита стоял у борта, против фок-мачты. По знаку штурмана несколько матросов сразу набросились на Педро. Они не были вооружены, зато их было много. Но одолеть Зуриту оказалось не так-то легко. Сзади в спину Зуриты вцепились два матроса. Зурита вырвался из толпы и, отбежав несколько шагов, изо всей силы опрокинулся назад, на край борта.

Со стоном выпустили матросы свою жертву и упали на палубу. Зурита выпрямился и начал отражать кулаками нападение новых врагов. Он никогда не расставался с револьвером, однако атака была так неожиданна, что Зурита не успел вытащить револьвер из кобуры. Он медленно отступил к фок-мачте и вдруг с ловкостью обезьяны

стал подниматься по вантам.

Матрос ухватил его за ногу, но Зурита свободной ногой ударил его по голове, и оглушенный матрос упал на палубу. Зурита успел подняться до марса и там уселся, отчаянно бранясь. Здесь он мог почувствовать себя в относительной безопасности. Он вынул револьвер и крикнул:

— Первому, кто осмелится подняться ко мне, я размозжу голову! Матросы шумели внизу, обсуждая, как поступить дальше.

— В капитанской каюте есть ружья! — кричал штурман, стараясь перекричать других. — Идем, взломаем дверь!

Несколько матросов направились к люку.

«Пропал, — думал Зурита, — подстрелят!»

Он взглянул на море, точно ища неожиданной помощи. И, не веря самому себе, Зурита увидел, что к «Медузе», разрезая гладь океана, с необычайной быстротой приближалась подводная лодка.

«Только бы она не погрузилась в воду! — думал Зурита. — На мостике стоят люди. Неужели они не заметят меня и пройдут мимо?»

— На помощь! Скорей! Убивают! — закричал Зурита изо всей силы.

На подводной лодке, очевидно, заметили его.

Не убавляя хода, лодка продолжала идти прямо на «Медузу».

Из люка шхуны уже показались вооруженные матросы. Они высыпали на палубу и теперь нерешительно остановились. К «Медузе» приближалась вооруженная подводная лодка — вероятно, военная. Нельзя же было убивать Зуриту на глазах этих непрошеных свидетелей.

Зурита торжествовал. Но торжество его было недолгим. Бальтазар и Кристо стояли на мостике подводной лодки, а рядом — высокий человек с хищным носом и глазами орла.

С палубы лодки он громко крикнул:

— Педро Зурита! Вы должны немедленно выдать похищенного вами Ихтиандра! Даю вам пять минут, или я пущу вашу шхуну ко дну.

«Предатели! — подумал Зурита, с ненавистью глядя на Кристо и Бальтазара. — Но лучше потерять Ихтиандра, чем собственную голову».

— Я сейчас приведу его, — сказал Зурита, слезая по вантам. Матросы уже поняли, что надо спасаться. Они быстро спускали шлюпки, бросались в воду и плыли к берегу. Каждый из них заботился только о себе.

Зурита сбежал по трапу к себе в каюту, поспешно вынул мешочек с жемчугом, сунул его к себе за

рубаху, захватил ремни и платок. В следующую минуту он открыл дверь каюты, где находилась Гуттиэре, поднял ее на руки и вынес на палубу.

— Ихтиандр не совсем здоров. Вы найдете его в каюте, — сказал Зурита, не выпуская Гуттиэре. Подбежав к борту, он посадил ее в шлюпку, спустил шлюпку на воду и прыгнул в нее сам.

Теперь подводная лодка не могла преследовать шлюпку: было слишком мелко. Но Гуттиэре уже увидела Бальтазара на палубе подводной лодки.

— Отец, спаси Ихтиандра! Он находится… — Но она не договорила, Зурита заткнул ей рот платком и торопился связать ремнем руки.

— Отпустите женщину! — крикнул Сальватор, видя эту расправу.

— Эта женщина — моя жена, и никто не вправе вмешиваться в мои дела! — крикнул в ответ Зурита, усиленно работая веслами.

— Никто не вправе так обращаться с женщиной! — раздраженно крикнул Сальватор. — Остановитесь, или я буду стрелять! Но Зурита продолжал грести.

Сальватор выстрелил из револьвера. Пуля ударилась в борт шлюпки. Зурита поднял Гуттиэре и, защищаясь ею, крикнул:

— Продолжайте!

Гуттиэре билась в его руках.

— Исключительный негодяй! — промолвил Сальватор, опустив револьвер.

Бальтазар бросился с мостика подводной лодки и пытался вплавь догнать шлюпку. Но Зурита был уже у берега. Он приналег на весла, и скоро волна выбросила шлюпку на песчаный берег. Педро схватил Гуттиэре и исчез за прибрежными камнями.

Видя, что Зуриту не догнать, Бальтазар поплыл к шхуне и взобрался по якорной цепи на палубу. Он спустился по трапу и начал всюду искать Ихтиандра.

Бальтазар обошел все судно, вплоть до трюма. На шхуне никого не осталось.

— Ихтиандра нет на шхуне! — крикнул Бальтазар Сальватору.

— Но он жив и должен быть где-то здесь! Гуттиэре сказала: «Ихтиандр находится...» Если бы этот разбойник не заткнул ей рот, мы бы знали, где его искать, — сказал Кристо.

Оглядывая поверхность моря, Кристо заметил, что из воды торчат верхушки мачт.

Вероятно, здесь недавно затонул корабль. Не находится ли Ихтиандр на этом погибшем корабле?

— Быть может, Зурита отправил Ихтиандра искать сокровища затонувшего корабля? — сказал Кристо.

Бальтазар поднял цепь, лежавшую на палубе, с обручем на конце.

— Зурита, видимо, спускал Ихтиандра на этой цепи. Без цепи Ихтиандр уплыл бы. Нет, он не может находиться на потонувшем корабле.

— Да, — задумчиво сказал Сальватор. — Мы победили Зуриту, но Ихтиандра мы не нашли.

ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

Преследователи Зуриты не знали о событиях, происшедших на «Медузе» в это утро.

Всю ночь сговаривались матросы, а к утру они приняли решение: при первом удобном случае напасть на Зуриту, убить его и овладеть Ихтиандром и шхуной.

Рано утром Зурита стоял на капитанском мостике. Ветер утих, и «Медуза» медленно подвигалась вперед, делая не более трех узлов в час.

Зурита всматривался в какую-то точку на океане. В бинокль он разглядел радиомачты затонувшего корабля.

Вскоре Зурита заметил плававший на поверх-

ности спасательный круг.

Зурита распорядился спустить шлюпку и выловить круг.

Когда круг подняли, Зурита прочитал на нем: «Мафальду».

«„Мафальду“ утонул?» — удивился Зурита. Он знал этот большой американский почтово-пассажирский пароход. На таком пароходе должно быть немало ценностей. «Что, если бы Ихтиандр добыл с затонувшего парохода эти ценности? Но хватит ли длины цепи? Вряд ли… Если же спустить Ихтиандра без цепи, он не вернется…»

Зурита задумался. Жадность и боязнь потерять Ихтиандра боролись в нем.

«Медуза» медленно приближалась к торчавшим из воды мачтам.

Матросы столпились у борта. Ветер утих совершенно. «Медуза» остановилась.

— Я одно время служил на «Мафальду», — сказал один из матросов. — Большой, хороший пароход. Целый город. А пассажиры — богатые американцы.

«„Мафальду“ затонул, очевидно не успев сообщить по радио о своей гибели, — размышлял Зурита. — Быть может, радиостанция оказалась поврежденной. Иначе из всех окрестных портов

налетели бы быстроходные катера, глиссеры, яхты, а на них представители власти, корреспонденты, фотографы, кинооператоры, журналисты, подводники. Медлить нельзя. Придется рискнуть отпустить Ихтиандра без цепи. Другого выхода нет. Но как заставить его вернуться назад? И если рисковать, то не лучше ли послать Ихтиандра за выкупом — жемчужным кладом. Но так ли уж ценен этот жемчужный клад? Не преувеличивает ли Ихтиандр?»

Конечно, следует добыть и клад и сокровища, погребенные на «Мафальду». Жемчужный клад не уйдет, его никто не найдет без Ихтиандра, только бы сам Ихтиандр оставался в руках Зуриты. А через несколько дней, а может быть — и через несколько часов, сокровища «Мафальду» станут уже недоступными.

«Итак, сначала „Мафальду“», — решился Зурита. Он приказал бросить якорь. Затем спустился в каюту, написал какую-то записку и с этим листком бумаги пришел в каюту Ихтиандра.

— Ты умеешь читать, Ихтиандр? Гуттиэре прислала тебе записку. Ихтиандр быстро взял записку и прочитал:

«Ихтиандр! Выполни мою просьбу. Рядом с „Медузой“ находится потонувший пароход. Опустись

в море и принеси с этого корабля все, что найдешь ценного. Зурита отпустит тебя без цепи, но ты должен вернуться на „Медузу“. Сделай это для меня, Ихтиандр, и ты скоро получишь свободу. Гуттиэре».

Ихтиандр никогда не получал писем от Гуттиэре и не знал ее почерка. Он очень обрадовался, получив это письмо, но тотчас задумался. Что, если это хитрость Зуриты?

— Почему Гуттиэре не попросила сама? — спросил Ихтиандр, указывая на записку.

— Она не совсем здорова, — ответил Зурита, — но ты увидишь ее, как только вернешься.

— Зачем эти ценности Гуттиэре? — все еще недоверчиво спросил Ихтиандр.

— Если бы ты был настоящим человеком, ты не задавал бы таких вопросов. Какая женщина не хочет красиво одеваться, носить дорогие украшения? А для этого нужны деньги. Много денег лежит в затонувшем пароходе. Они теперь ничьи, — почему бы тебе не добыть их для Гуттиэре? Главное — надо разыскать золотые монеты. Там должны быть почтовые кожаные мешки. Кроме того, золотые вещи, кольца могли быть у пассажиров…

— Не думаете ли вы, что я еще стану обыскивать

трупы? — с негодованием спросил Ихтиандр. — И вообще я не верю вам. Гуттиэре не жадная, она не могла послать меня на такое дело…

— Проклятие! — воскликнул Зурита. Он видел, что его затея сорвется, если он сейчас же не сможет убедить Ихтиандра.

Тогда Зурита овладел собой, добродушно рассмеялся и сказал:

— Я вижу, тебя не обмануть. Приходится быть с тобой откровенным. Ну, так слушай. Не Гуттиэре хочет иметь золото с «Мафальду», а я. Этому ты поверишь?

Ихтиандр невольно улыбнулся.

— Вполне!

— Ну и отлично! Вот ты уже начинаешь мне верить — значит, мы сговоримся. Да, золото нужно мне. И если его на «Мафальду» окажется столько, сколько стоит твой жемчужный клад, то я немедленно отпущу тебя в океан, как только ты принесешь мне золото. Но вот беда: ты не совсем доверяешь мне, а я тебе. Я опасаюсь: если тебя отпустить в воду без цепи, ты нырнешь и…

— Если я дам слово вернуться, сдержу его.

— Я еще не имел случая убедиться в этом. Ты не любишь меня, и я не удивлюсь, если не сдержишь своего слова. Но ты любишь Гуттиэре, и ты

исполнишь то, о чем она попросит тебя. Верно? Вот я и договорился с нею. Она, конечно, хочет, чтобы я отпустил тебя. Поэтому она написала письмо и дала мне его, желая облегчить тебе путь к свободе. Теперь все тебе понятно?

Все, что говорил Зурита, казалось Ихтиандру убедительным и правдоподобным. Но Ихтиандр не заметил, что Зурита обещал отпустить его на волю только тогда, когда увидит, что на «Мафальду» окажется столько золота, сколько стоит его жемчужный клад...

«Ведь чтобы сравнить их, — рассуждал Зурита сам с собой, — Ихтиандр должен будет — я потребую от него этого — принести свой жемчуг. А тогда в моих руках окажутся золото „Мафальду“, жемчужный клад и Ихтиандр».

Но Ихтиандр не мог знать, что думал Зурита. Откровенность Зуриты убедила его, и Ихтиандр, подумав, согласился.

Зурита вздохнул с облегчением.

«Он не обманет», — подумал он.

— Идем скорее.

Ихтиандр быстро поднялся на палубу и бросился в море.

Матросы увидели Ихтиандра прыгающим в море без цепи. Они сразу поняли, что Ихтиандр

отправился за потонувшими сокровищами «Мафальду». Неужели Зурита один завладеет всеми богатствами? Медлить было нельзя, и они бросились на Зуриту.

В то время как команда преследовала Зуриту, Ихтиандр принялся исследовать затонувший корабль.

Через огромный люк верхней палубы юноша проплыл вниз, над трапом, который напоминал лестницу большого дома, и попал, в обширный коридор.

Здесь было почти темно. Только слабый свет проникал сквозь раскрытые двери.

Ихтиандр вплыл в одну из этих раскрытых дверей и очутился в салоне. Большие круглые иллюминаторы тускло освещали огромный зал, который мог вместить не одну сотню людей. Ихтиандр уселся на роскошную люстру и посмотрел вокруг. Это было странное зрелище. Деревянные стулья и небольшие столики всплыли вверх и покачивались у потолка. На небольшой эстраде стоял рояль с открытой крышкой. Мягкие ковры устилали пол. Лакированная обшивка стен из красного дерева кое-где покоробилась. У одной стены стояли пальмы.

Ихтиандр оттолкнулся от люстры и поплыл

к пальмам. Вдруг он в изумлении остановился. Навстречу ему плыл какой-то человек, повторяя его движения. «Зеркало», — догадался Ихтиандр. Это огромное зеркало занимало всю стену, тускло отражая в воде внутреннее убранство салона.

Здесь нечего было искать сокровищ. Ихтиандр выплыл в коридор, спустился одной палубой ниже и вплыл в такое же роскошное и огромное, как салон, помещение, — очевидно, ресторан. На буфетных полках и стойках и возле стоек на полу валялись бутылки с вином, банки с консервами, коробки. Давлением воды многие пробки были вогнаны внутрь бутылок, а жестяные коробки помяты. На столе оставалась сервировка, но часть посуды, серебряных вилок и ножей валялась на полу.

Ихтиандр стал пробираться в каюты.

Он побывал уже в нескольких каютах, обставленных по последнему слову американского комфорта, но не видел ни одного трупа. Только в одной из кают третьей палубы он увидел распухший труп, колыхавшийся у потолка.

«Вероятно, многие спаслись на шлюпках», — подумал Ихтиандр.

Но, опустившись еще ниже, на палубу, где помещались пассажиры третьего класса, юноша

увидел ужасную картину: в этих каютах остались мужчины, женщины и дети. Тут были трупы белых, китайцев, негров и индейцев.

Команда парохода прежде всего стремилась спасти богатых пассажиров первого класса, бросив остальных на произвол судьбы. В некоторые каюты Ихтиандр не мог проникнуть: двери были плотно забиты трупами.

В панике люди давили друг друга, теснились у выхода, мешая друг другу и отрезая себе последний путь к спасению.

В длинном коридоре медленно колыхались люди.

Вода проникла в открытые иллюминаторы и раскачивала распухшие трупы. Ихтиандру стало страшно, и он поспешил уплыть из этого подводного кладбища.

«Неужели Гуттиэре не знала, куда посылает меня?» — размышлял Ихтиандр. Неужели она могла заставить его, Ихтиандра, выворачивать карманы утопленников и вскрывать чемоданы? Нет, этого она не могла сделать! Очевидно, он опять попал в ловушку Зуриты. «Я выплыву на поверхность, — решил Ихтиандр, — и потребую, чтобы Гуттиэре вышла на палубу и сама подтвердила просьбу».

Как рыба, скользил юноша по бесконечным переходам от палубы к палубе и быстро поднялся на поверхность. Он быстро приближался к «Медузе».

— Зурита! — позвал он. — Гуттиэре!

Но ему никто не отвечал. Безмолвная «Медуза» покачивалась на волнах.

«Куда они все делись? — подумал юноша. — Что еще замышляет Зурита?» Ихтиандр осторожно подплыл к шхуне и взобрался на палубу.

— Гуттиэре! — крикнул он еще раз.

— Мы здесь! — услышал юноша голос Зуриты, еле доносившийся с берега.

Ихтиандр оглянулся и увидел Зуриту, осторожно выглядывавшего из кустов на берегу.

— Гуттиэре заболела! Плыви сюда, Ихтиандр! — кричал Зурита. Гуттиэре больна! Он сейчас увидит ее. Ихтиандр прыгнул в воду и быстро поплыл к берегу.

Юноша уже вышел из воды, когда услышал заглушенный голос Гуттиэре:

— Зурита лжет! Спасайся, Ихтиандр!

Юноша быстро повернул и поплыл под водой. Когда он уплыл далеко от берега, он поднялся на поверхность и оглянулся. Он увидел: на берегу мелькнуло что-то белое.

Быть может, Гуттиэре приветствовала его спасение. Увидится ли он когда-нибудь с нею?..

Ихтиандр быстро поплыл в открытое море. Вдали виднелось небольшое судно. Окруженное пеной, судно направлялось на юг, взрывая воду острым носом.

«Подальше от людей», — подумал Ихтиандр и, глубоко нырнув, скрылся под водой.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
НОВОЯВЛЕННЫЙ ОТЕЦ

Бальтазар после неудачного путешествия на подводной лодке находился в самом мрачном настроении. Ихтиандра не нашли, Зурита куда-то пропал вместе с Гуттиэре.

— Проклятые белые! — проворчал старик, сидя одиноко в своей лавке. — Они прогнали нас с нашей земли и обратили в своих рабов. Они калечат наших детей и похищают наших дочерей. Они хотят истребить нас всех до последнего.

— Здравствуй, брат! — услышал Бальтазар голос Кристо. — Новость! Большая новость! Ихтиандр нашелся.

— Что?! — Бальтазар быстро поднялся. — Говори скорее!

— Скажу, только ты меня не перебивай, а то я забуду, что хотел сказать. Нашелся Ихтиандр. Я верно тогда сказал: он был на потонувшем корабле. Мы отплыли дальше, а он выплыл и поплыл домой.

— Где же он? У Сальватора?

— Да, у Сальватора.

— Я пойду к нему, к Сальватору, и потребую, чтобы он вернул мне моего сына…

— Не отдаст! — возразил Кристо. — Сальватор запрещает Ихтиандру плавать в океане. Иногда я потихоньку отпускаю его…

— Отдаст! Если не отдаст, я убью Сальватора. Идем сейчас же. Кристо испуганно замахал руками.

— Подожди хоть до завтра. Я еле отпросился у Сальватора навестить свою «внучку». Сальватор стал такой подозрительный. Смотрит в глаза, как ножом режет. Прошу тебя, подожди до завтра.

— Хорошо. Я приду к Сальватору завтра. А сейчас я пойду туда, к заливу. Может быть, хоть издали увижу в море моего сына…

Всю ночь Бальтазар просидел на скале у залива, всматриваясь в волны. Море было бурное. Холодный южный ветер налетал шквалами, срывая пену с верхушек волн и разбрасывая ее по

прибрежным утесам. На берегу грохотал прибой. Луна, ныряя в быстро несущихся по небу облаках, то освещала волны, то скрывалась. Как ни старался Бальтазар, он ничего не мог разглядеть в пенящемся океане. Уже наступил рассвет, а Бальтазар все еще сидел неподвижно на прибрежном утесе. Из темного океан сделался серым, но он был так же пустынен и безлюден.

И вдруг Бальтазар встрепенулся. Его зоркие глаза заметили какой-то темный, качающийся на волнах предмет. Человек! Быть может, утопленник! Нет, он спокойно лежит на спине, заложив руки за голову. Неужели он?

Бальтазар не ошибся. Это был Ихтиандр, Бальтазар поднялся и, прижав руки к груди, закричал:

— Ихтиандр! Сын мой! — И старик, подняв руки, бросился в море. Упав со скалы, он глубоко нырнул. А когда выплыл, на поверхности никого не было. Отчаянно борясь с волнами, Бальтазар нырнул еще раз, но огромная волна подхватила его, перевернула, выбросила на берег и откатилась с глухим ворчанием.

Весь мокрый, Бальтазар встал, посмотрел на волны и тяжело вздохнул. «Неужели мне почудилось?»

Когда ветер и солнце высушили одежду Баль-

тазара, он отправился к стене, охранявшей владения Сальватора, и постучал в железные ворота.

— Кто там? — спросил негр, заглядывая через приоткрытый волчок.

— К доктору, по важному делу.

— Доктор никого не принимает, — ответил негр, и окошечко закрылось.

Бальтазар продолжал стучать, кричать, но никто не открывал ему ворот. За стеной слышался только угрожающий лай собак.

— Подожди, проклятый испанец!.. — погрозил Бальтазар и отправился в город.

Недалеко от здания суда находилась пулькерия[11] «Пальма» — приземистое старинное белое здание с толстыми каменными стенами. Перед входом была устроена небольшая веранда, крытая полосатым тентом, уставленная столиками, кактусами в синих эмалевых вазах. Веранда оживала только вечером. Днем публика предпочитала сидеть в прохладных низеньких комнатах. Пулькерия была как бы отделением суда. Сюда во время судебных заседаний являлись истцы, ответчики, свидетели, обвиняемые, еще

---

11 Примечания: 11
Пулькерия — трактир.

не взятые под стражу.

Здесь, попивая вино и пульке, они предпочитали коротать нудные часы, пока не наступала их очередь. Шустрый мальчишка, все время курсирующий между зданием суда и «Пальмой», сообщал о том, что делается в суде. Это было удобно. Сюда же стекались темные ходатаи по делам и лжесвидетели, откровенно предлагавшие свои услуги.

Много раз бывал Бальтазар в «Пальме» по делам своей лавки. Он знал, что здесь можно встретить нужного человека, написать прошение. Поэтому Бальтазар направился сюда.

Он быстро прошел веранду, вошел в прохладный вестибюль, с удовольствием вдохнул холодок, отер пот со лба и спросил вертевшегося возле него мальчишку:

— Ларра пришел?

— Дон Флорес де Ларра пришли, сидят на своем месте, — бойко отвечал мальчик.

Тот, кого называли громким именем дон Флорес де Ларра, был когда-то мелким судебным служащим — его выгнали за взятки. Теперь он имел много клиентов: все, у кого были сомнительные дела, охотно обращались к этому великому крючкотвору. Имел с ним дело и Бальтазар.

Ларра сидел за столиком возле готического окна с широким подоконником. На столе перед ходатаем стояла кружка с вином и лежал пухлый рыжий портфель. Всегда готовое к работе вечное перо было прицеплено к карману потертого костюма оливкового цвета.

Ларра был толстый, лысый, краснощекий, красноносый, бритый и гордый. Влетавший в окно ветерок поднимал остатки седых волос. Сам председатель суда не мог принимать своих клиентов с большим величием.

Увидев Бальтазара, он небрежно кивнул головой, жестом указал на плетеное кресло против себя и сказал:

— Прошу вас, садитесь. С чем пожаловали? Не хотите ли вина? Пульке?

Обычно заказывал он, но платил клиент. Бальтазар, казалось, не слышал.

— Большое дело. Важное дело, Ларра.

— Дон Флорес де Ларра, — поправил ходатай, отпивая из кружки. Но Бальтазар не обратил внимания на эту поправку.

— В чем заключается ваше дело?

— Ты знаешь, Ларра…

— Дон Флорес де…

— Оставь эти фокусы для новичков! — сердито

прикрикнул Бальтазар. — Тут серьезное дело.

— Ну так говори скорее, что ли, — уже другим тоном ответил Ларра.

— Ты знаешь морского дьявола?

— Не имел чести быть лично знаком, но много слышал, — снова по привычке важно ответил Ларра.

— Так вот! Тот, кого зовут «морской дьявол», — мой сын Ихтиандр.

— Не может этого быть! — воскликнул Ларра. — Ты выпил лишнего, Бальтазар.

Индеец стукнул кулаком по столу:

— У меня со вчерашнего дня во рту ничего не было, кроме нескольких глотков морской воды.

— Значит, положение еще хуже…

— С ума сошел? Нет, я в полном уме. Молчи и слушай. И Бальтазар рассказал Ларре всю историю. Ларра слушал индейца, не проронив ни слова. Его седые брови поднимались все выше. Наконец он не выдержал, забыл все свое олимпийское величие, хлопнул жирной ладонью по столу и крикнул:

— Миллион чертей!

Подбежал мальчик в белом фартуке и с грязной салфеткой.

— Чего прикажете?

— Две бутылки сотерна со льдом! — И, обратясь к Бальтазару, Ларра сказал:

— Великолепно! Прекрасное дельце! Неужто ты сам все придумал? Хотя, признаться откровенно, самое слабое место во всем этом — твое отцовство.

— Ты сомневаешься? — Бальтазар даже покраснел от гнева.

— Ну, ну, не сердись, старина. Я ведь говорю только как юрист, с точки зрения вескости судебных доказательств: они слабоваты. Но и это дело можно поправить. Да. И нажить большие деньги.

— Мне нужен сын, а не деньги, — возразил Бальтазар.

— Деньги всем нужны, а в особенности тем, у кого прибавление семейства, как у тебя, — поучительно сказал Ларра и, хитро прищурившись, продолжал:

— Самое же ценное и самое надежное во всем деле Сальватора это то, что нам удалось узнать, какими опытами и операциями он занимался. Тут можно такие мины подвести, что из этого золотого мешка — Сальватора — пезеты посыпаются, как перезревшие апельсины в хорошую бурю.

Бальтазар едва притронулся к стакану вина, налитого Ларрой, и сказал:

— Я хочу получить своего сына. Ты должен написать об этом заявление в суд.

— Ни-ни! Ни в коем случае! — почти с испугом возразил Ларра. — С этого начинать — испортить все дело. Этим только кончать надо.

— Что же ты посоветуешь? — спросил Бальтазар.

— Первое, — Ларра загнул толстый палец, — мы пошлем Сальватору письмо, составленное в самых изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нам известны все его незаконные операции и опыты. И если он хочет, чтобы мы не предавали этого дела огласке, то должен уплатить нам кругленькую сумму. Сто тысяч. Да, сто тысяч — это самое меньшее. — Ларра вопросительно посмотрел на Бальтазара.

Тот нахмурился и молчал.

— Второе, — продолжал Ларра. — Когда мы получим указанную сумму, — а мы ее получим, — мы пошлем профессору Сальватору второе письмо, составленное в еще более изысканных выражениях. Мы сообщим ему, что нашелся настоящий отец Ихтиандра и что у нас имеются бесспорные доказательства. Мы напишем ему,

что отец желает получить сына и не остановится перед судебным иском, на котором может раскрыться, как Сальватор изуродовал Ихтиандра. Если же Сальватор хочет предупредить иск и оставить у себя ребенка, то должен уплатить указанным нами лицам в указанном месте и в указанное время миллион долларов.

Но Бальтазар не слушал. Он схватил бутылку и хотел было запустить ее в голову ходатая. Ларра никогда еще не видал Бальтазара в таком сильном гневе.

— Не сердись. Оставь, я пошутил. Опусти же бутылку! — воскликнул Ларра, прикрывая рукою лоснящийся череп.

— Ты!.. Ты!.. — кричал взбешенный Бальтазар. — Ты предлагаешь мне продать родного сына, отказаться от Ихтиандра. Или у тебя нет сердца? Или ты не человек, а скорпион, тарантул, или тебе совершенно неизвестны отцовские чувства!

— Пять! Пять! Пять! — закричал Ларра, в свою очередь рассердившись. — Пять отцовских чувств! Пять сыновей имею! Пять дьяволят всякого размера! Пять ртов! Знаю, понимаю, чувствую! Не уйдет и твой от тебя. Наберись только терпения и дослушай до конца.

Бальтазар успокоился. Он поставил бутылку на

стол, опустил голову и посмотрел на Ларру:

— Ну, говори!

— То-то! Сальватор уплатит нам миллион. Это будет приданое твоему Ихтиандру. Ну, и мне кое-что перепадет. За хлопоты и авторское право на изобретение — какую-нибудь сотню тысяч. Мы с тобой столкуемся. Сальватор миллион уплатит. Ручаюсь головой! А как только уплатит…

— Мы подадим в суд.

— Еще немножечко терпения. Мы предложим издателям и редакторам самого крупного газетного концерна уплатить нам, ну, скажем, тысяч двадцать — тридцать — пригодится на мелкие расходы — за наше сообщение о сенсационнейшем преступлении. Может быть, нам достанется кое-что из секретных сумм тайной полиции. Ведь на таком деле агенты полиции карьеру себе могут сделать. Когда мы выжмем из дела Сальватора все, что только можно, тогда, пожалуйста, иди в суд, взывай там о своих отцовских чувствах, и да поможет тебе сама Фемида[12] доказать свои права и получить в отеческие объятия твоего любезного сына. — Ларра залпом выпил стакан вина, стукнул бокалом о стол, победоносно посмотрел

---

12 Примечания: 12

Фемида — богиня порядка, справедливости, правосудия у древних греков.

на Бальтазара.

— Что скажешь?

— Я не ем, не сплю ночей. А ты предлагаешь без конца тянуть дело, — начал Бальтазар.

— Да ведь ради чего?.. — прервал его горячо Ларра. — Ради чего? Ради миллионов? Мил-лионов! Неужели ты перестал понимать? Прожил же ты двадцать лет без Ихтиандра.

— Жил. А теперь… Одним словом, пиши заявление в суд.

— Он в самом деле перестал соображать! — воскликнул Ларра. — Опомнись, очнись, образумься, Бальтазар! Пойми! Миллионы! Деньги! Золото! Можно купить все на свете. Лучший табак, автомобиль, двадцать шхун, вот эту пулькерию…

— Пиши прошение в суд, или я обращусь к другому ходатаю, — решительно заявил Бальтазар.

Ларра понял, что возражать дальше бесполезно. Он покачал головой, вздохнул, вынул из рыжего портфеля бумагу, сорвал с бокового кармана «вечное перо».

Через несколько минут жалоба в суд на Сальватора, незаконно присвоившего и изуродовавшего сына Бальтазара, была написана.

— В последний раз говорю: одумайся, — сказал Ларра.

— Давай, — протягивая руку за жалобой, сказал индеец.

— Подай главному прокурору. Знаешь? — напутствовал клиента Ларра и проворчал под нос:

— Чтоб тебе на лестнице споткнуться и ногу сломать!

Выходя от прокурора, Бальтазар столкнулся на большой белой лестнице с Зуритой.

— Ты чего сюда ходишь? — спросил Зурита, подозрительно глядя на индейца. — Уж не на меня ли жаловался!

— На всех вас надо жаловаться, — ответил Бальтазар, имея в виду испанцев, — да некому. Где ты прячешь мою дочь?

— Как смеешь ты обращаться ко мне на «ты»! — вспыхнул Зурита. — Если бы ты не был отцом моей жены, я избил бы тебя палкой.

Зурита, грубо отстранив рукой Бальтазара, поднялся по лестнице и скрылся за большой дубовой дверью.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КАЗУС

Прокурора Буэнос-Айреса посетил редкий гость — настоятель местного кафедрального собора епископ Хуан де Гарсилассо.

Прокурор, толстый, маленький, живой человек с заплывшими глазками, коротко остриженными волосами и крашеными усами, поднялся со своего кресла, приветствуя епископа.

Хозяин бережно усадил дорогого гостя в тяжелое кожаное кресло у своего письменного стола.

Епископ и прокурор мало походили друг на друга. Лицо прокурора было мясистое и красное, с толстыми губами и широким, грушеобразным носом. Пальцы рук напоминали толстые короткие обрубки, а пуговицы на круглом животе ежеминутно готовы были оторваться, не будучи в силах сдержать колышущуюся стихию жира.

Лицо епископа поражало своей худобой и бледностью. Сухой нос с горбинкой, острый подбородок и тонкие, почти синие губы придавали ему типичный облик иезуита.

Епископ никогда не смотрел в глаза своему собеседнику, но тем не менее он зорко наблюдал за ним. Влияние епископа было огромно, и он охотно отрывался от духовных дел, чтобы управлять сложной политической игрой.

Поздоровавшись с хозяином, епископ не замедлил перейти к цели своего визита.

— Я бы хотел узнать, — тихо спросил епископ, — в каком положении находится дело профессора

Сальватора?

— А, и вы, ваше преосвященство, заинтересованы этим делом! — любезно воскликнул прокурор. — Да, это исключительный процесс! — Взяв со стола толстую папку и переворачивая листы дела, прокурор продолжал:

— По доносу Педро Зуриты мы произвели обыск у профессора Сальватора. Заявление Зуриты о том, что Сальватор производил необычайные операции животных, подтвердилось вполне. В садах Сальватора была настоящая фабрика животных-уродов. Это что-то изумительное! Сальватор, например…

— О результатах обыска я знаю из газет, — мягко перебил епископ. — Какие меры вы приняли в отношении самого Сальватора? Он арестован?

— Да, он арестован. Кроме того, мы перевезли в город, в качестве вещественного доказательства и свидетеля обвинения, молодого человека по имени Ихтиандр, — он же морской дьявол. Кто бы мог подумать, что знаменитый морской дьявол, который так долго занимал нас, оказался одним из чудовищ зверинца Сальватора! Сейчас эксперты, профессора университета, занимаются изучением всех этих чудовищ. Мы не могли, конечно, перевезти весь зверинец, все эти живые

вещественные доказательства, в город. Но Ихтиандра привезли и поместили в подвале здания суда. Он причиняет нам немало хлопот. Представьте, ему пришлось соорудить большой бак, так как он не может жить без воды. И он действительно чувствовал себя очень плохо. Очевидно, Сальватор произвел какие-то необычайные изменения в его организме, превратившие юношу в человека-амфибию. Наши ученые выясняют этот вопрос.

— Меня больше интересует судьба Сальватора, — так же тихо проговорил епископ. — По какой статье он подлежит ответственности? И каково ваше мнение: будет ли он осужден?

— Дело Сальватора — редкий юридический казус, — ответил прокурор. — Признаюсь, я еще не решил, к какой статье отнести это преступление. Проще всего, конечно, было бы обвинить Сальватора в производстве незаконных вивисекций и в увечье, которое он причинил этому юноше…

Епископ начал хмуриться:

— Вы полагаете, что во всех этих действиях Сальватора нет состава преступления?

— Есть или будет, но какое? — продолжал прокурор. — Мне было подано еще одно заявление — от какого-то индейца Бальтазара. Он утвер-

ждает, что Ихтиандр его сын. Доказательства слабоваты, но мы, пожалуй, сумеем использовать этого индейца как свидетеля обвинения, если эксперты установят, что Ихтиандр действительно его сын.

— Значит, в лучшем случае Сальватор будет обвинен только в нарушении медицинского устава и судить его будут лишь за производство операции над ребенком без разрешения родителя?

— И может быть, за причинение увечья. Это уже посерьезнее. Но в этом деле есть еще одно осложняющее обстоятельство. Эксперты — правда, это не окончательное их суждение — склоняются к тому, что нормальному человеку не могла даже явиться мысль так уродовать животных и совершить такую необычайную операцию. Сальватор может быть признан экспертами невменяемым, как душевнобольной.

Епископ сидел молча, сжав тонкие губы и глядя на угол стола. Потом он сказал совсем тихо:

— Я не ожидал от вас этого.

— Чего, ваше преосвященство? — спросил озадаченный прокурор.

— Даже вы, блюститель правосудия, как бы оправдываете действия Сальватора, находя его операции не лишенными целесообразности.

— Но что же здесь плохого?

— И затрудняетесь определить состав преступления. Суд церкви — небесный суд — смотрит на действия Сальватора иначе. Позвольте же прийти вам на помощь и подать совет.

— Прошу вас, — смущенно произнес прокурор. Епископ заговорил тихо, постепенно повышая голос, как проповедник, как обличитель:

— Вы говорите, что поступки Сальватора не лишены целесообразности? Вы считаете, что изуродованные им животные и человек получили даже некоторые преимущества, которых они не имели? Что это значит? Неужели творец создал людей несовершенно? Неужели нужно какое-то вмешательство профессора Сальватора, чтобы придать человеческому телу совершенный вид?

Потупясь и не двигаясь, сидел прокурор.

Перед лицом церкви он сам оказался в положении обвиняемого. Он никак не ожидал этого.

— Разве вы забыли, что сказано в священном писании в книге Бытия, глава первая, стих двадцать шестой: «И сказал бог: сотворим человека по образу нашему, по подобию нашему», — и далее стих двадцать седьмой: «И сотворил бог человека по образу своему». А Сальватор дерзает исказить этот образ и подобие, и вы — даже

вы! — находите это целесообразным!

— Простите, святой отец… — мог только проговорить прокурор.

— Не нашел ли господь свое творение прекрасным, — вдохновенно говорил епископ, — законченным? Вы хорошо помните статьи законов человеческих, но забываете статьи законов божеских. Вспомните же стих тридцать первый той же главы первой книги Бытия: «И увидел бог все, что он создал, и вот хорошо весьма». А ваш Сальватор полагает, что нужно что-то исправлять, переделывать, уродовать, что люди должны быть земноводными существами, — и вы тоже находите все это остроумным и целесообразным. Разве это не хула бога? Не святотатство? Не кощунство? Или гражданские законы уже не карают у нас религиозных преступлений? Что будет, если вслед за вами все станут повторять: «Да, человек плохо сотворен богом. Надо отдать человека в переделку доктору Сальватору»? Разве это не чудовищный подрыв религии?.. Бог находил все, что создал, хорошим, — все свои творения. А Сальватор начинает переставлять животным головы, менять шкуры, создавать воистину богомерзкие чудовища, словно издеваясь над создателем. И вы затрудняетесь найти в действиях Сальватора

состав преступления!

Епископ остановился. Он остался доволен впечатлением, которое произвела его речь на прокурора, помолчал и снова заговорил тихо, постепенно повышая голос:

— Я сказал, что меня больше интересует судьба Сальватора. Но разве я могу безразлично отнестись к судьбе Ихтиандра? Ведь это существо не имеет даже христианского имени, ибо Ихтиандр по-гречески значит не что иное, как человек-рыба. Даже если Ихтиандр сам не виновен, если он является только жертвой, то он все же является богопротивным, кощунственным созданием. Самым своим существованием он может смущать мысли, наводить на грешные размышления, искушать единых от малых сил, колебать слабоверных. Ихтиандр не должен существовать! Лучше всего, если бы господь призвал его к себе, если бы этот несчастный юноша умер от несовершенства своей изуродованной природы, — епископ многозначительно посмотрел на прокурора. — Во всяком случае, он должен быть обвинен, изъят, лишен свободы. Ведь за ним тоже водились кое-какие преступления: он похищал у рыбаков рыбу, портил их сети и в конце концов так напугал их, что, помните, рыбаки бросили

лов, и город оставался без рыбы. Безбожник Сальватор и омерзительное детище его рук Ихтиандр — дерзкий вызов церкви, богу, небу! И церковь не сложит оружия, пока они не будут уничтожены.

Епископ продолжал свою обличительную речь. Прокурор сидел перед ним подавленный, опустив голову, не пытаясь прервать этот поток грозных слов.

Когда наконец епископ окончил, прокурор поднялся, подошел к епископу и сказал глухим голосом:

— Как христианин грех мой я принесу в исповедальню, чтобы вы отпустили его. А как должностное лицо я приношу вам благодарность за ту помощь, которую вы оказали мне. Теперь мне ясно преступление Сальватора. Он будет обвинен и понесет наказание. Ихтиандра также не минет меч правосудия.

ГЕНИАЛЬНЫЙ БЕЗУМЕЦ

Доктора Сальватора не сломил судебный процесс. В тюрьме он оставался спокойным, держался самоуверенно, со следователями и экспертами говорил с высокомерной снисходительностью, как взрослый с детьми.

Его натура не переносила бездействия. Он много писал, произвел несколько блестящих операций в тюремной больнице. В числе его тюремных пациентов была жена тюремного смотрителя. Злокачественная опухоль угрожала ей смертью. Сальватор спас ей жизнь в тот самый момент, когда приглашенные для консультации врачи отказались помочь, заявив, что здесь медицина бессильна.

Наступил день суда.

Огромный судебный зал не мог вместить всех желающих присутствовать на суде.

Публика толпилась в коридорах, заполняла площадь перед зданием, заглядывала в открытые окна. Много любопытных забралось на деревья, растущие возле здания суда.

Сальватор спокойно занял свое место на скамье подсудимых. Он вел себя с таким достоинством, что посторонним могло показаться, будто он не обвиняемый, а судья. От защитника Сальватор отказался.

Сотни живых глаз смотрели на него. Но мало кто мог выдержать пристальный взгляд Сальватора.

Ихтиандр возбуждал не меньший интерес, но его не было в зале. Последние дни Ихтиандр чув-

ствовал себя плохо и почти все время проводил в водяном баке, скрываясь от надоедливых любопытных глаз. В процессе Сальватора Ихтиандр был только свидетелем обвинения — скорее, одним из вещественных доказательств, как выражался прокурор.

Дело по обвинению самого Ихтиандра в преступной деятельности должно было слушаться отдельно, после процесса Сальватора.

Прокурору пришлось так поступить потому, что епископ торопил с делом Сальватора, собирание же улик против Ихтиандра требовало времени. Агенты прокурора деятельно, но осторожно вербовали в пулькерии «Пальма» свидетелей будущего процесса, в котором Ихтиандр должен был выступить обвиняемым. Однако епископ не переставал намекать прокурору, что наилучшим выходом было бы, если бы господь прибрал неудачника Ихтиандра. Такая смерть была бы лучшим доказательством того, что рука человека способна только портить божьи создания.

Три ученых эксперта, профессора университета, прочли свое заключение.

С огромным вниманием, стараясь не пропустить ни одного слова, слушала аудитория суда мнение ученых.

— По требованию суда, — начал речь уже немолодой профессор Шейн, главный эксперт суда, — мы осмотрели животных и юношу Ихтиандра, подвергшихся операциям, произведенным профессором Сальватором в его лабораториях. Мы обследовали его небольшие, но умело оборудованные лаборатории и операционные. Профессор Сальватор применял в своих операциях не только последние усовершенствования хирургической техники, вроде электрических ножей, обеззараживающих ультрафиолетовых лучей и тому подобного, но и такие инструменты, которые еще не известны хирургам. По-видимому, они были изготовлены по его указаниям. Я не буду долго останавливаться на опытах профессора Сальватора над животными. Эти опыты сводились к чрезвычайно дерзким по замыслу и блестящим по выполнению операциям: к пересадке тканей и целых органов, сшиванию двух животных, к превращению двудышащих в однодышащих и обратно, превращению самок в самцов, к новым методам омоложения. В садах Сальватора мы нашли детей до четырнадцати лет, принадлежащих к различным индейским племенам.

— В каком состоянии вы нашли детей? — спро-

сил прокурор.

— Все дети здоровы и жизнерадостны. Они резвятся в саду и затевают игры. Многих из них Сальватор спас от смерти. Индейцы верили ему и приводили детей из самых отдаленных мест — от Аляски до Огненной Земли: эскимосы, яганы, апачи, таулипанги, санапаны, ботокуды, пано, арауканцы.

В зале послышался чей-то вздох.

— Все племена несли своих детей к Сальватору.

Прокурор начинал беспокоиться. После беседы с епископом, когда его мысли получили новое направление, он не мог слушать спокойно эти похвалы Сальватору и спросил у эксперта:

— Не думаете ли вы, что операции Сальватора были полезны и целесообразны?

Но председатель суда, седой старик с суровым лицом, опасаясь того, что эксперт ответит утвердительно, поспешил вмешаться:

— Суду неинтересны личные взгляды эксперта на научные вопросы. Прошу продолжать. Что дал осмотр юноши Ихтиандра из племени араукана?

— Его тело было покрыто искусственной чешуей, — продолжал эксперт, — из какого-то неизвестного, гибкого, но крайне прочного ве-

щества. Анализ этого вещества еще не закончен. В воде Ихтиандр пользовался иногда очками с особыми стеклами из тяжелого флинтгласа, показатель преломления которых равен почти двум. Это давало ему возможность хорошо видеть под водой. Когда мы сняли с Ихтиандра его чешую, то обнаружили под обеими лопатками круглые отверстия десяти сантиметров в диаметре, закрытые пятью тонкими полосками, похожими на жабры акулы.

В зале послышался заглушенный голос удивления.

— Да, — продолжал эксперт, — это кажется невероятным, но Ихтиандр обладает легкими человека и в то же время жабрами акулы. Поэтому он может жить на земле и под водой.

— Человек-амфибия? — иронически спросил прокурор.

— Да, в некотором роде человек-амфибия — двудышащее земноводное.

— Но каким образом у Ихтиандра могли оказаться жабры акулы? — спросил председатель.

Эксперт широко развел руками и ответил:

— Это загадка, которую, быть может, пожелает нам разъяснить сам профессор Сальватор. Наше мнение было таково: по биологическому закону

Геккеля каждое живое существо в своем развитии повторяет все те формы, которые прошел данный вид живого существа в течение вековой жизни вида на земле. Можно с уверенностью сказать, что человек произошел от предков, в свое время дышавших жабрами.

Прокурор приподнялся на стуле, но председатель остановил его жестом.

— На двадцатый день развития у человеческого зародыша обозначаются четыре лежащие друг за другом жаберные складочки. Но позже у человеческого зародыша жаберный аппарат преобразуется: первая жаберная дуга превращается в слуховой проход со слуховыми косточками и в евстахиеву трубу; нижняя часть жаберной дуги развивается в нижнюю челюсть; вторая дуга — в отростки и тело подъязычной кости; третья дуга — в щитовидный хрящ гортани. Мы не думаем, что профессору Сальватору удалось задержать развитие Ихтиандра в его зародышевой стадии. Науке, правда, известны случаи, когда даже у совершенно взрослого человека остается незаросшее жаберное отверстие на шее, под челюстью. Это так называемые шейные фистулы. Но с такими остатками жабр, конечно, нельзя жить под водой. При ненормальном развитии зароды-

ша должно было получиться одно из двух: или продолжали бы развиваться жабры, но за счет развития органа слуха и других анатомических изменений. Но тогда Ихтиандр превратился бы в чудовище с недоразвитой головой полурыбы-получеловека, или победило бы нормальное развитие человека, но за счет уничтожения жабр. Однако Ихтиандр — нормально развитый молодой человек с хорошим слухом, вполне развитой нижней челюстью и нормальными легкими, но, кроме того, у него есть вполне сформированные жабры. Как именно функционируют жабры и легкие, в каком взаимоотношении они находятся друг с другом, проходит ли вода через рот и легкие в жабры, или же вода проникает в жабры через небольшое отверстие, которое мы обнаружили на теле Ихтиандра повыше круглого жаберного отверстия, — мы не знаем. Мы могли бы ответить на эти вопросы, если бы мы произвели анатомическое вскрытие. Это, повторяю, загадка, ответ на которую должен дать сам профессор Сальватор. Профессор Сальватор должен разъяснить нам, как появились собаки, похожие на ягуаров, странные, необычайные животные, и земноводные обезьяны — эти двойники Ихтиандра.

— Какое же ваше общее заключение? — спро-

сил председатель эксперта.

Профессор Шейн, сам пользовавшийся большой известностью как ученый и хирург, откровенно ответил:

— Признаюсь, в этом деле я ничего не понимаю. Я могу лишь сказать, что то, что делал профессор Сальватор, под силу только гению. Сальватор, очевидно, решил, что в своем искусстве хирурга дошел до такого совершенства, что может разбирать, складывать и приспособлять тело животного и человека по своему желанию. И хотя он на деле блестяще осуществлял это, тем не менее его смелость и широта замыслов граничат с… безумием.

Сальватор презрительно усмехнулся.

Он не знал, что эксперты решили облегчить его участь и поднять вопрос о его невменяемости, чтобы иметь возможность заменить тюремный режим больничным.

— Я не утверждаю, что он безумец, — продолжал эксперт, заметив улыбку Сальватора, — но, во всяком случае, по нашему мнению, обвиняемого следует поместить в санаторий для душевнобольных и подвергнуть длительному наблюдению врачей-психиатров.

— Вопрос о невменяемости подсудимого не

поднимался судом. Суд обсудит это новое обстоятельство, — сказал председатель. — Профессор Сальватор, желаете ли вы дать разъяснение по некоторым вопросам экспертов и прокурора?

— Да, — ответил Сальватор. — Я дам объяснения. Но пусть это будет вместе с тем и моим последним словом.

СЛОВО ПОДСУДИМОГО

Сальватор спокойно поднялся и окинул взглядом зал суда, как будто искал кого-то. Среди зрителей Сальватор заметил Бальтазара, Кристо и Зуриту. В первом ряду сидел епископ. Сальватор несколько задержал на нем свой взгляд. На лице Сальватора появилась едва заметная улыбка. Затем Сальватор начал искать кого-то взглядом, внимательно осматривая весь зал.

— Я не нахожу в этом зале потерпевшего, — сказал наконец Сальватор.

— Я потерпевший! — вдруг крикнул Бальтазар, срываясь с места. Кристо дернул брата за рукав и усадил на место.

— О каком потерпевшем вы говорите? — спросил председатель. — Если вы имеете в виду изуродованных вами животных, то суд не счел

нужным показывать их здесь. Но Ихтиандр, человек-амфибия, находится в здании суда.

— Я имею в виду господа бога, — спокойно и серьезно ответил Сальватор.

Услышав этот ответ, председатель в недоумении откинулся на спинку кресла; «Неужели Сальватор сошел с ума? Или он решил изображать сумасшедшего, чтобы избегнуть тюрьмы?»

— Что вы хотите этим сказать? — спросил председатель.

— Я думаю, суду это должно быть ясно, — ответил Сальватор. — Кто главный и единственный потерпевший в этом деле? Очевидно, один господь бог. Его авторитет, по мнению суда, я подрываю своими действиями, вторгаясь в его область. Он был доволен своими творениями, и вдруг приходит какой-то доктор и говорит: «Это плохо сделано. Это требует переделки». И начинает перекраивать божье творение по-своему…

— Это богохульство! Я требую занести слова обвиняемого в протокол, — сказал прокурор с видом человека, оскорбленного в своих святых чувствах.

Сальватор пожал плечами:

— Я передаю только сущность обвинительного акта. Разве не к этому сводится все обвинение? Я

читал дело. Вначале меня обвиняли только в том, что я будто бы производил вивисекции и причинил увечье. Теперь мне предъявили еще одно обвинение — в святотатстве. Откуда подул этот ветер? Не со стороны ли кафедрального собора?

И профессор Сальватор посмотрел на епископа.

— Вы сами создали процесс, в котором невидимо присутствуют на стороне обвинения господь бог в качестве потерпевшего, а на скамье подсудимых — вместе со мной Чарлз Дарвин в качестве обвиняемого. Может быть, я огорчу еще раз некоторых сидящих в этом зале своими словами, но я продолжаю утверждать, что организм животных и даже человека не совершенен и требует исправления. Я надеюсь, что находящийся в этом зале настоятель кафедрального собора епископ Хуан де Гарсилассо подтвердит это.

Эти слова вызвали удивление всего зала.

— В пятнадцатом году, незадолго до моего отъезда на фронт, — продолжал Сальватор, — мне пришлось внести маленькое исправление в организм уважаемого епископа — вырезать ему аппендикс, этот ненужный и вредный придаток слепой кишки. Лежа на операционном столе, мой духовный пациент, помнится, не возра-

жал против того извращения образа и подобия божия, которое я произвел своим ножом, вырезая частицу епископского тела. Разве этого не было? — спросил Сальватор, глядя в упор на епископа.

Хуан де Гарсилассо сидел неподвижно. Только бледные щеки его чуть-чуть порозовели и слегка дрожали тонкие пальцы.

— И не было ли другого случая, в то время, когда я еще занимался частной практикой и производил операции омолаживания? Не обращался ли ко мне с просьбой омолодить его почтенный прокурор сеньор Ау густо де…

При этих словах прокурор хотел было запротестовать, но слова его были заглушены смехом публики.

— Я прошу вас не отвлекаться, — сурово сказал председатель.

— Эта просьба была бы гораздо уместнее в отношении самого суда, — ответил Сальватор. — Не я, а суд так поставил вопрос. Разве кое-кого здесь не испугала мысль, что все присутствующие здесь — вчерашние обезьяны или даже рыбы, получившие возможность говорить и слушать, так как их жаберные дуги превратились в органы речи и слуха? Ну, если не обезьяны, не рыбы, то их

потомки. — И, обращаясь к прокурору, проявлявшему признаки нетерпения, Сальватор сказал:

— Успокойтесь! Я не собираюсь здесь с кем-либо спорить или читать лекции по теории эволюции. — И, сделав паузу, Сальватор сказал:

— Беда не в том, что человек произошел от животного, а в том, что он не перестал быть животным… Грубым, злым, неразумным. Мой ученый коллега напрасно пугал вас. Он мог бы не говорить о развитии зародыша. Я не прибегал ни к воздействию на зародыш, ни к скрещиваю животных. Я — хирург. Моим единственным орудием был нож. И как хирургу мне приходилось помогать людям, лечить их. Оперируя больных, я должен был часто производить пересадку тканей, органов, желез. Чтобы усовершенствовать этот метод, я занялся опытами пересадки тканей у животных.

Подолгу наблюдал я оперированных животных у себя в лаборатории, стремясь выяснить, изучить, что происходит с органами, перенесенными на новое, иногда необычное даже место. Когда мои наблюдения кончались, животное переселялось в сад. Так создался у меня этот сад-музей. Особенно меня увлекла проблема обмена и пересадки тканей между далеко стоя-

щими животными: например, между рыбами и млекопитающими, и наоборот. И здесь мне удалось достичь того, что ученые считают вообще немыслимым. Что же тут необычайного? То, что сделал я сегодня, завтра будут делать рядовые хирурги. Профессору Шейну должны быть известны последние операции немецкого хирурга Зауербруха. Ему удалось заменить больное бедро голенью.

— Но Ихтиандр? — спросил эксперт.

— Да, Ихтиандр — это моя гордость. При операции Ихтиандра трудность заключалась не только в технике. Я должен был изменить всю работу человеческого организма. Шесть обезьян погибло на предварительных опытах, прежде чем я добился цели и мог оперировать ребенка, не опасаясь за его жизнь.

— В чем же заключалась эта операция? — спросил председатель.

— Я пересадил ребенку жабры молодой акулы, и ребенок получил возможность жить на земле и под водою.

Среди публики послышались возгласы удивления. Корреспонденты газет, присутствовавшие в зале, бросились к телефонам, торопясь сообщить редакциям эту новость.

— Позже мне удалось достигнуть еще большего успеха. Моя последняя работа — земноводная обезьяна, которую вы видели, может жить без вреда для здоровья неопределенное долгое время как на земле, так и под водою. А Ихтиандр может прожить без воды не более трех-четырех суток. Долгое пребывание на земле без воды для него вредно: легкие переутомляются, а жабры подсыхают, и Ихтиандр начинает испытывать колющие боли в боках. К сожалению, во время моего отъезда Ихтиандр нарушал установленный мною режим. Он слишком долго оставался на воздухе, переутомил свои легкие, и у него развилась серьезная болезнь. Равновесие в его организме нарушено, и он должен большую часть времени проводить в воде. Из человека-амфибии он превращается в человека-рыбу…

— Разрешите задать подсудимому вопрос, — сказал прокурор, обращаясь к председателю. — Каким образом пришла Сальватору мысль создать человека-амфибию и какие цели он преследовал?

— Мысль все та же — человек не совершенен. Получив в процессе эволюционного развития большие преимущества по сравнению со своими животными предками, человек вместе с

тем потерял многое из того, что имел на низших стадиях животного развития. Так, жизнь в воде дала бы человеку огромные преимущества. Почему бы не вернуть человеку эту возможность? Из истории развития животных мы знаем, что все земные животные и птицы произошли от водных — вышли из океана. Мы знаем, что некоторые наземные животные снова вернулись в воду. Дельфин был рыбой, вышел на сушу, стал млекопитающим животным, но потом вернулся в воду, хотя и остался, как и кит, млекопитающим. И кит и дельфин дышат легкими. Можно было дельфину помочь стать двоякодышащей амфибией. Ихтиандр просил меня об этом: тогда его друг — дельфин Лидинг — мог бы оставаться с ним долгое время под водой. Я собирался сделать дельфину такую операцию. Первая рыба среди людей и первый человек среди рыб, Ихтиандр не мог не чувствовать одиночества. Но если бы следом за ним и другие люди проникли в океан, жизнь стала бы совершенно иной. Тогда люди легко победили бы могучую стихию — воду. Вы знаете, что это за стихия, какая это мощь? Вы знаете, что площадь океана равна тремстам шестидесяти одному миллиону пятидесяти тысячам квадратных километров? Больше семи десятых

земной поверхности составляет пространство водной пустыни. Но эта пустыня с ее неистощимыми запасами пищи и промышленного сырья могла бы вместить миллионы, миллиарды человек. Больше трехсот шестидесяти одного миллиона квадратных километров — это только площадь, поверхность. Но ведь люди могли бы расположиться по нескольким подводным этажам. Миллиарды людей без тесноты и давки могли бы разместиться в океане.

А его мощность! Вы знаете, что воды океана поглощают энергию солнечного тепла, равную мощности семидесяти девяти миллиардов лошадиных сил? Если бы не отдача тепла воздуху и прочие теплопотери, океан давно закипел бы. Практически беспредельный запас энергии. Как он используется сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность морских течений! Один Гольфстрим вместе с Флоридским течением двигают девяносто один миллиард тонн воды в час. Это тысячи в три больше, чем несет большая река. И это лишь одно из морских течений! Как они используются сухопутным человечеством? Почти никак.

А мощность волн и приливов! Вы знаете, что

сила ударов, наносимых волнами, бывает равна тридцати восьми тысячам килограммов — тридцати восьми тоннам на квадратный метр поверхности, высота взбросов волн достигает сорока трех метров, и при этом волна может поднять до миллиона килограммов, — например, обломков скал, — а приливы достигают высоты более чем шестнадцать метров — высоты четырехэтажного дома. Как человечество использует эти силы? Почти никак.

На суше живые существа не могут подняться высоко над поверхностью и не проникают очень глубоко внутрь ее. В океане жизнь всюду — от экватора до полюсов, от поверхности до глубин почти в десять километров.

Как же мы используем беспредельные богатства океанов? Ловим рыбу — я бы сказал, снимаем улов только с самой верхней пленки океана, оставляя совершенно неиспользованными глубины. Собираем губки, кораллы, жемчуг, водоросли — и только.

Мы производим под водою кое-какие работы: устанавливаем опоры мостов и плотин, поднимаем затонувшие корабли — и только! Но и это делаем с большим трудом, с большим риском, нередко с человеческими жертвами. Несчастный

земной человек, который на второй минуте уже погибает под водой! Какие тут работы?

Иное дело, если бы человек без скафандра, без кислородных приборов мог жить и работать под водой.

Сколько сокровищ открыл бы он! Вот Ихтиандр. Он говорил мне… Но я боюсь дразнить демона человеческой алчности. Ихтиандр приносил мне со дна моря образцы редких металлов и пород. О, не волнуйтесь, он приносил мне совсем небольшие образцы, но их залежи в океане могут быть огромными.

А затонувшие сокровища?

Вспомните хотя бы океанский пароход «Лузитания». Весною тысяча девятьсот шестнадцатого года он был потоплен немцами у берегов Ирландии. Помимо драгоценностей, имевшихся у полутора тысяч погибших пассажиров, на «Лузитании» находились золотые монеты на сто пятьдесят миллионов долларов и золотые слитки на пятьдесят миллионов долларов. (В зале послышались восклицания.) Кроме того, на «Лузитании» хранились две шкатулки с брильянтами, которые предполагалось доставить в Амстердам. Среди брильянтов находился один из лучших в мире — «Калиф», стоящий многие

миллионы. Конечно, даже человек, подобный Ихтиандру, не мог бы опуститься на большую глубину, — для этого пришлось бы создать человека (негодующее восклицание прокурора), который смог бы переносить высокое давление, подобно глубоководным рыбам. Впрочем, в этом я тоже не нахожу ничего абсолютно невозможного. Но не все сразу.

— Вы, кажется, приписываете себе качества всемогущего божества? — заметил прокурор.

Сальватор не обратил внимания на это замечание и продолжал:

— Если бы человек мог жить в воде, то освоение океана, освоение его глубин пошло бы гигантскими шагами. Море перестало бы быть для нас грозной стихией, требующей человеческих жертв. Нам не пришлось бы больше оплакивать утопленников.

Все присутствующие в зале, казалось, видели уже завоеванный человечеством подводный мир. Какие выгоды сулило покорение океана! Даже председатель не мог удержаться и спросил:

— Но тогда почему же вы не опубликовали результатов своих опытов?

— Я не спешил попасть на скамью подсудимых, — ответил, улыбаясь, Сальватор, — и потом

я опасался, что мое изобретение в условиях нашего общественного строя принесет больше вреда, чем пользы. Вокруг Ихтиандра уже завязалась борьба. Кто донес на меня из мести? Вот этот Зурита, укравший у меня Ихтиандра. А у Зуриты Ихтиандра отняли бы, чего доброго, генералы и адмиралы, чтобы заставить человека-амфибию топить военные корабли. Нет, я не мог Ихтиандра и ихтиандров сделать общим достоянием в стране, где борьба и алчность обращают высочайшие открытия в зло, увеличивая сумму человеческого страдания. Я думал об…

Сальватор замолчал и, резко изменив тон, продолжал:

— Впрочем, я не буду говорить об этом. Иначе меня сочтут безумцем. — И Сальватор с улыбкой посмотрел на эксперта. — Нет, я отказываюсь от чести быть безумцем, хотя бы и гениальным. Я не безумец, не маньяк. Разве я не осуществил того, что хотел? Все мои работы вы видели собственными глазами. Если вы находите мои действия преступными, судите по всей строгости закона. Я не прошу снисхождения.

В ТЮРЬМЕ

Эксперты, освидетельствовавшие Ихтиандра, должны были обратить внимание не только на физические свойства юноши, но и на состояние его умственных способностей.

— Какой у нас год? Какой месяц? Число? День недели? — спрашивали эксперты.

Но Ихтиандр отвечал:

— Не знаю.

Он затруднялся в ответах на самые обычные вопросы. Но ненормальным его назвать нельзя было. Он многого не знал благодаря своеобразным условиям своего существования и воспитания. Он оставался как бы большим ребенком. И эксперты пришли к заключению: «Ихтиандр недееспособен». Это освобождало его от судебной ответственности. Суд прекратил дело по обвинению Ихтиандра и назначил над ним опеку. Два человека выразили желание быть опекуном Ихтиандра: Зурита и Бальтазар.

Сальватор был прав, утверждая, что Зурита донес на него из мести. Но Зурита не только мстил Сальватору за потерю Ихтиандра. Зурита преследовал еще иную цель: он хотел снова завладеть

Ихтиандром и стремился стать его опекуном. Зурита не пожалел десятка ценных жемчужин и подкупил членов суда и опекунского совета. Теперь Зурита был близок к цели.

Ссылаясь на свое отцовство, Бальтазар требовал, чтобы опекунские права предоставили ему. Однако ему не везло. Несмотря на все старания Ларры, эксперты заявили, что они не могут установить тождества Ихтиандра с рожденным двадцать лет тому назад сыном Бальтазара на основании показания одного только свидетеля — Кристо; к тому же он был братом Бальтазара и потому не внушал экспертам полного доверия.

Ларра не знал, что в это дело вмешались прокурор и епископ. Бальтазар как потерпевший, как отец, у которого украли и изуродовали сына, был нужен суду во время процесса. Но признать отцовство Бальтазара, отдать ему Ихтиандра — это не входило в расчеты суда и церкви: необходимо было совсем избавиться от Ихтиандра.

Кристо, переселившийся к брату, начал беспокоиться за него. В глубокой задумчивости сидел Бальтазар целыми часами, забывая о сне и еде, то вдруг приходил в сильнейшее возбуждение, метался по лавке и кричал: «Сын мой, сын мой!» В такие минуты он начинал бранить испанцев

всеми бранными словами, которые только находил на всех известных ему языках.

Однажды после такого припадка Бальтазар неожиданно объявил Кристо:

— Вот что, брат, я иду в тюрьму. Мои лучшие жемчужины я отдам сторожам, чтобы они позволили мне повидать Ихтиандра. Я поговорю с ним. Он сам признает во мне отца. Сын не может не признать отца. В нем должна заговорить моя кровь.

Как ни пытался Кристо отговорить брата, ничто не помогло. Бальтазар был непоколебим.

Бальтазар отправился в тюрьму.

Упрашивая сторожей, он плакал, валялся у их ног, молил их и, усыпав жемчугом путь от ворот до внутреннего помещения тюрьмы, добрался наконец до камеры Ихтиандра.

В этой небольшой камере, скудно освещенной узким окном с решеткой, было душно и скверно пахло; тюремные сторожа редко меняли воду в баке и не трудились убирать гниющую на полу рыбу, которой кормили необычайного узника.

У стены напротив окна стоял железный бак.

Бальтазар подошел к баку и посмотрел на темную поверхность воды, скрывавшую под собой Ихтиандра.

— Ихтиандр! — тихо сказал Бальтазар. — Ихтиандр… — еще раз позвал он.

Поверхность воды подернулась рябью, но юноша не показывался из воды.

Подождав еще немного, Бальтазар протянул трясущуюся руку и погрузил ее в теплую воду. Рука коснулась плеча.

Из бака вдруг показалась мокрая голова Ихтиандра. Он приподнялся до плеч и спросил:

— Кто это? Что вам нужно?

Бальтазар опустился на колени и, протягивая руки, быстро заговорил:

— Ихтиандр! К тебе пришел твой отец. Твой настоящий отец. Сальватор — не отец. Сальватор — злой человек. Он изуродовал тебя… Ихтиандр! Ихтиандр! Ну, посмотри же на меня хорошенько. Неужели ты не узнаешь своего отца?

Вода медленно стекала с густых волос юноши на бледное лицо и капала с подбородка. Печальный, немного удивленный смотрел он на старого индейца.

— Я не знаю вас, — ответил юноша.

— Ихтиандр, — закричал Бальтазар, — смотри на меня хорошенько! — И старый индеец вдруг схватил голову юноши, привлек к себе и начал покрывать поцелуями, проливая горячие слезы.

Ихтиандр, обороняясь от этой неожиданной ласки, заплескался в баке, проливая воду через край на каменный пол.

Чья-то рука крепко схватила Бальтазара за шиворот, приподняла на воздух и отбросила в угол. Бальтазар грохнулся на пол, больно ударившись головой о каменную стену.

Открыв глаза, Бальтазар увидел, что над ним стоит Зурита. Крепко сжав кулак правой руки, Зурита держал в левой руке какую-то бумажку и торжественно помахивал ею.

— Видишь? Приказ о назначении меня опекуном Ихтиандра. Тебе придется поискать богатого сынка в другом месте. А этого юношу завтра утром я увезу к себе. Понял?

Бальтазар, лежа на земле, глухо и угрожающе заворчал.

Но в следующее мгновение Бальтазар вскочил на ноги и с диким криком бросился на своего врага, сбив его с ног.

Индеец выхватил из рук Зуриты бумажку, сунул себе в рот и продолжал наносить испанцу удары. Завязалась ожесточенная борьба.

Тюремный сторож, стоявший у двери с ключами в руках, счел себя обязанным соблюдать строжайший нейтралитет. Он получил хорошие

взятки от обоих сражающихся и не хотел им мешать. Только когда Зурита начал душить старика, сторож забеспокоился:

— Не задушите его!

Однако рассвирепевший Зурита не обратил внимания на предостережение сторожа, и Бальтазару пришлось бы плохо, если бы в камере не появилось новое лицо.

— Прекрасно! Господин опекун тренируется в осуществлении своих опекунских прав! — послышался голос Сальватора. — Что же вы смотрите? Или вы не знаете своих обязанностей? — прикрикнул Сальватор на сторожа таким тоном, будто он был начальником тюрьмы.

Окрик Сальватора подействовал. Сторож бросился разнимать дерущихся.

На шум прибежали еще другие сторожа, и скоро Зуриту и Бальтазара оттащили в разные стороны.

Зурита мог считать себя победителем в борьбе. Но побежденный Сальватор был все же сильнее своих соперников. Даже здесь, в этой камере, на положении арестанта, Сальватор не переставал управлять событиями и людьми.

— Уведите из камеры драчунов, — приказал Сальватор, обращаясь к сторожам. — Мне надо

остаться с Ихтиандром наедине И сторожа повиновались. Несмотря на протесты и брань, Зурите и Бальтазара увели. Дверь камеры захлопнулась.

Когда в коридоре замолкли удаляющиеся голоса, Сальватор подошел к бассейну и сказал Ихтиандру, выглянувшему из воды:

— Встань, Ихтиандр. Выйди на середину камеры, мне нужно осмотреть тебя.

Юноша повиновался.

— Вот так, — продолжал Сальватор, — ближе к свету. Дыши. Глубже. Еще. Не дыши. Так…

Сальватор постукивал Ихтиандра по груди и выслушивал прерывистое дыхание юноши.

— Задыхаешься?

— Да, отец, — отвечал Ихтиандр.

— Сам виноват, — ответил Сальватор, — тебе нельзя было оставаться так долго на воздухе.

Ихтиандр опустил голову и задумался. Потом вдруг поднял голову и, посмотрев прямо в глаза Сальватору, спросил:

— Отец, но почему нельзя? Почему всем можно, а мне нельзя? Выдержать этот взгляд, полный скрытого упрека, Сальватору было гораздо труднее, чем отвечать на суде. Но Сальватор выдержал.

— Потому что ты обладаешь тем, чем не обла-

дает ни один человек: способностью жить под водой… Если бы тебе предоставили выбор, Ихтиандр, быть таким, как все, и жить на земле, или жить только под водою, чтобы ты выбрал?

— Не знаю… — ответил юноша, подумав. Ему одинаково были дороги подводный мир и земля, Гуттиэре. Но Гуттиэре теперь потеряна для него…

— Теперь я предпочел бы океан, — сказал юноша.

— Ты еще раньше сделал выбор, Ихтиандр, тем, что своим непослушанием нарушил равновесие твоего организма. Теперь ты сможешь жить только под водой.

— Но не в этой ужасной, грязной воде, отец. Я умру здесь. Я хочу на простор океана!

Сальватор подавил вздох.

— Я сделаю все, чтобы скорее освободить тебя из этой тюрьмы, Ихтиандр. Мужайся! — И, ободряюще похлопав юношу по плечу, Сальватор оставил Ихтиандра и пошел в свою камеру.

Усевшись на табурете у узкого стола, Сальватор глубоко задумался.

Как всякий хирург, он знал неудачи. Немало человеческих жизней погибло под его ножом от его собственных ошибок, прежде чем он достиг

совершенства. Однако он никогда не задумывался над этими жертвами. Погибли десятки, спасены тысячи. Эта арифметика вполне удовлетворяла его.

Но за судьбу Ихтиандра он считал себя ответственным. Ихтиандр был его гордостью. Он любил юношу, как лучшую свою работу. А кроме того, он привязался к Ихтиандру и полюбил его, как сына. И теперь болезнь Ихтиандра и его дальнейшая судьба беспокоили, заботили Сальватора.

В дверь камеры постучали.

— Войдите! — сказал Сальватор.

— Я не побеспокою вас, господин профессор? — тихо спросил смотритель тюрьмы.

— Нисколько, — отвечал Сальватор, поднимаясь. — Как чувствуют себя жена и ребенок?

— Благодарю вас, прекрасно. Я отправил их к теще, далеко отсюда, в Анды…

— Да, горный климат им будет полезен, — ответил Сальватор. Смотритель не уходил. Оглядываясь на дверь, он подошел к Сальватору и тихо обратился к нему:

— Профессор! Я обязан вам жизнью за спасение жены. Я люблю ее, как…

— Не благодарите меня, это мой долг.

— Я не могу оставаться в долгу у вас, — ответил смотритель. — И не только это. Я человек малообразованный. Но я читаю газеты, и я знаю, что значит профессор Сальватор. Нельзя допустить, чтобы такого человека держали в тюрьме вместе с бродягами и разбойниками.

— Мои ученые друзья, — улыбаясь, проговорил Сальватор, — кажется, добились того, что я буду помещен в санаторий как сумасшедший.

— Тюремный санаторий — та же тюрьма, — возразил смотритель, — даже хуже: вместо разбойников вас будут окружать сумасшедшие. Сальватор среди сумасшедших! Нет, нет, этого не должно быть!

Понизив голос до шепота, смотритель продолжал:

— Я все обдумал. Я неспроста отправил семью в горы. Я устрою теперь вам побег и скроюсь сам. Нужда загнала меня сюда, но я ненавижу эту работу. Меня не найдут, а вы… вы уедете из этой проклятой страны, где вершат дела попы и купцы. И вот еще что я хотел вам сказать, продолжал он после некоторого колебания. — Я выдаю служебную тайну, государственную тайну…

— Можете не выдавать ее, — прервал Сальватор.

— Да, но… я сам не могу… прежде всего не могу выполнить полученный мною ужасный приказ. Совесть всю жизнь мучила бы меня. А если я выдам эту тайну, совесть не будет меня мучить. Вы так много сделали для меня, а они… Я ничем не обязан начальству, которое к тому же толкает меня на преступление.

— Даже? — коротко спросил Сальватор.

— Да, я узнал, что Ихтиандра не отдадут ни Бальтазару, ни опекуну Зурите, хотя Зурита уже имеет бумажку. Но и Зурита, несмотря на щедрые взятки, не получит его, потому что… Ихтиандра решили убить.

Сальватор сделал легкое движение.

— Вот как? Продолжайте!

— Да, убить Ихтиандра — на этом больше всего настаивал епископ, хотя он ни разу не произнес слова «убить». Мне дали яду, кажется цианистого калия. Сегодня ночью я должен подмешать яд к воде в баке Ихтиандра. Тюремный врач подкуплен. Он установит, что Ихтиандра погубила произведенная вами операция, превратившая его в амфибию. Если я не выполню приказа, со мной поступят очень жестоко. А ведь у меня семья… Потом они убьют и меня, и никто не будет знать этого. Я весь в их руках. У меня в прошлом

преступление… небольшое… почти случайное… Все равно я решил бежать и все уже подготовил к побегу. Но я не могу, не хочу убивать Ихтиандра. Спасти обоих в такой короткий срок трудно, почти невозможно. Но спасти вас одного я могу. Я все обдумал. Мне жалко Ихтиандра, но ваша жизнь нужнее. Вы сможете создать своим искусством другого Ихтиандра, но никто в мире не создаст другого такого Сальватора.

Сальватор подошел к смотрителю, пожал его руку и сказал:

— Благодарю вас, но для себя не могу принять этой жертвы. Вас могут поймать и будут судить.

— Никакой жертвы! Я все обдумал.

— Подождите. Я не могу принять для себя этой жертвы. Но если вы спасете Ихтиандра, вы сделаете для меня больше, чем если бы освободили меня. Я здоров, силен и везде найду друзей, которые помогут мне вырваться на свободу. А Ихтиандра необходимо освободить немедленно.

— Я принимаю это как ваш приказ, — сказал смотритель. Когда он вышел, Сальватор улыбнулся и проговорил:

— Так лучше. Пусть же яблоко раздора не достанется никому. Сальватор прошелся по комнате, тихо прошептал: «Бедный мальчик!» — подошел

к столу, что-то написал, затем подошел к двери и постучал.

— Позовите ко мне смотрителя тюрьмы.

Когда смотритель явился, Сальватор сказал ему:

— Еще одна просьба. Не можете ли вы устроить мне свидание с Ихтиандром — последнее свидание!

— Нет ничего легче! Из начальства никого нет, вся тюрьма в нашем распоряжении.

— Отлично. Да, еще одна просьба.

— Весь к вашим услугам.

— Освободив Ихтиандра, вы сделаете для меня очень много.

— Но вы, профессор, оказали мне такую услугу…

— Допустим, что мы в расчете, — прервал его Сальватор. — Но я могу и хочу помочь вашей семье. Вот записка. Здесь только адрес и одна буква: «S» — Сальватор. — Обратитесь по адресу. Это верный человек. Если вам нужно будет временно укрыться, будете нуждаться в деньгах…

— Но…

— Никаких «но». Ведите меня скорее к Ихтиандру. Ихтиандр удивился, когда в камере появился Сальватор. Ихтиандр никогда не видел его таким

грустным и нежным, как в этот раз.

— Ихтиандр, сын мой, — сказал Сальватор. — Нам придется расстаться с тобою скорее, чем я думал, и, может быть, надолго. Твоя судьба беспокоила меня. Тебя окружают тысячи опасностей… Если ты останешься здесь, ты можешь погибнуть, в лучшем случае — оказаться пленником Зуриты или другого подобного хищника.

— А ты, отец?

— Суд, конечно, осудит меня и упрячет в тюрьму, где мне придется просидеть, наверное, года два, а может быть, и больше. Это время, пока я буду в тюрьме, ты должен находиться в безопасном месте и как можно дальше отсюда. Такое место есть, но оно очень далеко отсюда, по другую сторону Южной Америки, на запад от нее, в Великом океане, на одном из островов Туамоту, или иначе Низменных островов. Добраться туда тебе будет не легко, но все опасности пути несравнимы с теми, которым, ты подвергаешься здесь, дома, в заливе Ла-Плата. Легче добраться и найти эти острова, чем избежать здесь сетей и ловушек коварного врага.

Какой путь тебе начертать? Ты можешь направиться туда, на запад, обогнув Южную Америку с севера или с юга. Оба пути имеют свои достоин-

ства и свои недостатки. Северный путь несколько длиннее. Кроме того, избрав этот путь, тебе пришлось бы плыть из Атлантического в Тихий океан через Панамский канал, а это опасно: тебя могут поймать, в особенности на шлюзах, или же — при малейшей твоей неосторожности — тебя может раздавить корабль. Канал не слишком широк и не глубок: наибольшая ширина — девяносто один метр, глубина — двенадцать с половиной метров. Новейшие глубокосидящие океанские пароходы могут почти касаться дна своим килем.

Зато ты все время плыл бы в теплых водах. Кроме того, от Панамского канала идут на запад три большие океанские дороги: две — к Новой Зеландии, одна — к островам Фиджи и далее. Выбрав средний путь и следя за пароходами, а может быть, и прицепляясь к ним, ты добрался бы почти до места. По крайней мере оба пути к Новой Зеландии захватывают зону архипелага Туамоту. Тебе пришлось бы только подняться немного севернее.

Путь через южную оконечность ближе, но зато там ты будешь плыть в холодных южных водах, у границы плавающих льдов, в особенности же если ты обогнешь мыс Горн на Огненной Земле — самую южную оконечность Южной Америки.

Магелланов же пролив необычайно бурный.

Для тебя он, конечно, не так опасен, как для кораблей и пароходов, но все же опасен. Для парусных кораблей он был настоящим кладбищем. На востоке он широк, на западе — узок и усеян скалами, островками. Сильнейшие западные ветры гонят воду на восток — значит, тебе навстречу. В этих водоворотах даже ты можешь разбиться и под водой Поэтому я советую тебе лучше удлинить путь и обогнуть мыс Горн, чем плыть через Магелланов пролив. Вода океана становится холодней постепенно, и, я надеюсь, ты постепенно привыкнешь и останешься здоров. О запасах пищи тебе нечего заботиться, — она всегда под руками, так же как и вода. Ты с детства привык пить морскую воду без всякого вреда для здоровья.

Найти путь от мыса Горн к островам Туамоту тебе будет несколько труднее, чем от Панамского канала. От мыса Горн на север нет широких океанских дорог с большим пароходным движением. Я укажу тебе точно долготу и широту; ты определишь их по специальным инструментам, сделанным для тебя по моему заказу. Но эти инструменты несколько загрузят тебя и свяжут свободу движения…

— Я возьму с собою Лидинга. Он будет нести на себе, груз. Разве могу я расстаться с Лидингом? Он, наверно, и так истосковался по мне.

— Неизвестно, кто по ком больше, — снова улыбнулся Сальватор. — Итак, Лидинг. Отлично. До островов Туамоты ты доберешься. Тебе останется найти уединенный коралловый остров. Вот примета: на нем высится мачта, а на мачте, в виде флюгера — большая рыба. Не трудно запомнить. Быть может, ты затратишь на поиски этого острова месяц, и два, и три — не беда: вода там теплая, устриц довольно.

Сальватор приучил Ихтиандра терпеливо слушать, не перебивая, но, когда Сальватор дошел до этого места своих объяснений, Ихтиандр не удержался:

— И что же я найду на острове с флюгером-рыбой?

— Друзей. Верных друзей, их заботу и ласку, — ответил Сальватор. — Там живет мой старый друг — ученый Арман Вильбуа, француз, знаменитый океанограф. Я познакомился и подружился с ним, когда был в Европе много лет тому назад. Арман Вильбуа — интереснейший человек, но сейчас у меня нет времени рассказать тебе о нем. Надеюсь, ты сам узнаешь его и ту историю, которая приве-

ла его на одинокий коралловый остров в Тихом океане. Но сам он не одинок. С ним живет его жена, милая, добрая женщина, сын и дочь, — она родилась уже на острове, ей теперь должно быть лет семнадцать, а сыну лет двадцать пять.

Они знают тебя по моим письмам и, уверен, примут тебя в свою семью, как родного… — Сальватор запнулся. — Конечно, тебе придется теперь большую часть времени проводить в воде. Но для дружеских свиданий и бесед ты сможешь выходить на несколько часов в день на берег. Возможно, что твое здоровье поправится и ты сможешь по-прежнему оставаться на воздухе так же долго, как и в воде.

В лице Армана Вильбуа ты найдешь второго отца. А ты будешь ему незаменимым помощником в его научных работах по океанографии. Уже того, что ты знаешь об океане и его обитателях, хватило бы на десяток профессоров. — Сальватор усмехнулся. — Чудаки эксперты спрашивали тебя на суде по шаблону, какой сегодня день, месяц, число, и ты не мог ответить просто потому, что все это не представляло для тебя интереса. Если бы они спросили хотя бы о подводных течениях, температурах воды, солености в Ла-Платском заливе и его окрестностях, — из твоих ответов

можно было бы составить целый научный том. Насколько же больше ты сможешь узнать — и потом сообщить свои знания людям, — если твоими подводными экскурсиями будет руководить такой опытный и блестящий ученый, как Арман Вильбуа. Вы оба, я уверен в этом, создадите такой труд по океанографии, который составит эпоху в развитии этой науки, прогремит на весь мир. И твое имя будет стоять рядом с именем Армана Вильбуа, — я знаю его, он сам настоит на этом. Ты будешь служить науке и тем самым всему человечеству.

Но если ты останешься здесь, тебя заставят служить низменным интересам невежественных, корыстных людей. Я уверен, в чистых, прозрачных водах атолла и семье Армана Вильбуа ты найдешь тихую пристань и будешь счастлив.

Еще один совет.

Как только ты окажешься в океане — а это может произойти даже сегодня ночью, — плыви немедленно домой через подводный тоннель (дома сейчас только верный Джим), возьми навигационные инструменты, нож и прочее, найди Лидинга и отправляйся в путь, прежде чем солнце поднимется над океаном.

Прощай, Ихтиандр! Нет, до свидания!

Сальватор в первый раз в жизни обнял, крепко поцеловал Ихтиандра. Потом он улыбнулся, похлопал юношу по плечу и сказал:

— Такой молодец нигде не пропадет! — и быстро вышел из комнаты.

ПОБЕГ

Ольсен только что вернулся с пуговичной фабрики и сел обедать. Кто-то постучал в дверь.

— Кто там? — крикнул Ольсен, недовольный тем, что ему помешали. Дверь открылась, в комнату вошла Гуттиэре.

— Гуттиэре! Ты? Откуда? — воскликнул удивленный и обрадованный Ольсен, поднимаясь со стула.

— Здравствуй, Ольсен, — сказала Гуттиэре. — Продолжай свой обед. — И, прислонившись к дверям, Гуттиэре заявила:

— Я не могу больше жить с мужем и его матерью. Зурита… он осмелился ударить меня… И я от него ушла. Совсем ушла, Ольсен. Эта новость заставила Ольсена прервать обед.

— Вот так неожиданность! — воскликнул он. — Садись! Ты едва держишься на ногах. А как же? Ты ведь говорила: «Что бог соединил, человек да

не разлучает»? Отставить? Тем лучше. Радуюсь. Ты вернулась к отцу?

— Отец ничего не знает. Зурита нашел бы меня у отца и вернул бы к себе. Я остановилась у подруги.

— И… и что же ты будешь делать дальше?

— Я поступлю на завод. Я пришла просить тебя, Ольсен, помочь мне найти работу на заводе… все равно какую… Ольсен озабоченно покачал головой:

— Сейчас это очень трудно. Хотя я, конечно, попытаюсь. — И, подумав, Ольсен спросил:

— А как муж отнесется к этому?

— Я не хочу знать его.

— Но муж-то захочет узнать, где его жена, — улыбаясь, сказал Ольсен. — Не забывай, что ты в Аргентине. Зурита разыщет тебя, и тогда… Ты сама знаешь, что он не оставит тебя в покое. Закон и общественное мнение на его стороне.

Гуттиэре задумалась и потом решительно сказала:

— Ну что же! В таком случае я уеду в Канаду, Аляску…

— Гренландию, на Северный полюс! — И уже более серьезно Ольсен сказал:

— Мы обдумаем это. Здесь тебе оставаться

небезопасно. Я и сам давно собираюсь выбраться отсюда. Зачем я приехал сюда, в Латинскую Америку? Здесь еще слишком силен поповский дух. Жаль, что нам не удалось тогда бежать отсюда. Но Зурита успел похитить тебя, и наши билеты и наши деньги пропали. Теперь у тебя, вероятно, так же нет денег на пароходный билет в Европу, как и у меня. Но нам и необязательно ехать прямо в Европу. Если мы — я говорю «мы» потому, что я не оставлю тебя, пока ты не будешь в безопасном месте, — если мы доберемся хотя бы до соседнего Парагвая, а еще лучше — до Бразилии, то там Зурите будет уже труднее разыскать тебя, и у нас будет время подготовиться к переезду в Штаты или же в Европу… Ты знаешь, доктор Сальватор в тюрьме вместе с Ихтиандром?

— Ихтиандр? Он нашелся? Почему он в тюрьме? Могу я его увидеть? — забросала Гуттиэре вопросами Ольсена.

— Да, Ихтиандр в тюрьме, и он снова может оказаться рабом Зуриты. Нелепый процесс, нелепое обвинение против Сальватора и Ихтиандра.

— Это ужасно! И его нельзя спасти?

— Я все время пытался это сделать, но безуспешно. Но неожиданным нашим сотрудником оказался сам смотритель тюрьмы. Сегодня ночью

мы должны освободить Ихтиандра. Я только что получил две коротенькие записки: одну от Сальватора, другую от смотрителя тюрьмы.

— Я хочу видеть Ихтиандра! — сказала Гуттиэре. — Можно мне пойти с тобой?

Ольсен задумался.

— Я думаю, что нет, — ответил он. — И тебе лучше не видеть Ихтиандра.

— Но почему?

— Потому что Ихтиандр болен. Он болен как человек, но здоров как рыба.

— Я не понимаю.

— Ихтиандр больше не может дышать воздухом. Что же будет, если он снова увидит тебя? Для него это будет очень тяжело, да, может быть, и для тебя. Ихтиандр захочет видеться с тобой, а жизнь на воздухе погубит его окончательно.

Гуттиэре опустила голову.

— Да, пожалуй, ты прав... — сказала она, подумав.

— Между ним и всеми остальными людьми легла непреодолимая преграда — океан. Ихтиандр — обреченный. Отныне вода становится его родной и единственной стихией.

— Но как же он там будет жить? Один в безбрежном океане — человек среди рыб и морских

чудовищ?

— Он был счастлив в своем подводном мире, пока… Гуттиэре покраснела.

— Теперь, конечно, он не будет так счастлив, как раньше…

— Перестань, Ольсен, — печально сказала Гуттиэре.

— Но время излечивает все. Быть может, он даже обретет утраченный покой. Так он и будет жить — среди рыб и морских чудовищ. И если акула не съест его раньше времени, он доживет до старости, до седых волос… А смерть? Смерть везде одинакова…

Сгущались сумерки, и в комнате было почти темно.

— Однако мне пора, — сказал Ольсен, поднимаясь. Встала и Гуттиэре.

— Но я могу хоть издали видеть его? — спросила Гуттиэре.

— Конечно, если, ты не выдашь своего присутствия.

— Да, я обещаю это.

Уже было совсем темно, когда Ольсен в костюме водовоза въехал во двор тюрьмы со стороны

Коронель Диас.[13] Сторож окликнул его:

— Куда едешь?

— Морскую воду дьяволу везу, — ответил Ольсен, как учил его тюремный смотритель.

Все сторожа знали, что в тюрьме находится необычайный арестант — «морской дьявол», который сидит в баке, наполненном морской водой, так как пресной он не переносит. Эту морскую воду время от времени меняли, привозя ее в большой бочке, установленной на дроги.

Ольсен подъехал к зданию тюрьмы, завернул за угол, где помещалась кухня и находилась дверь в тюрьму для входа служащих. Смотритель уже все приготовил. Сторожей, обычно стоявших в коридоре и у входа, отослали под разными предлогами. Ихтиандр, сопровождаемый смотрителем, свободно вышел из тюрьмы.

— Ну, прыгай скорее в бочку! — сказал смотритель. Ихтиандр не заставил себя ждать.

— Трогай!

Ольсен ударил вожжами, выехал со двора тюрьмы и не спеша поехал по Авени да Альвар, мимо вокзала Ритеро, товарной станции.

Следом за ним невдалеке мелькала тень жен-

---

13 Примечания: 13

Коронель Диас — одна из улиц, на которую выходит тюрьма.

щины.

Была уже темная ночь, когда Ольсен выехал из города. Дорога шла берегом моря. Ветер крепчал. Волны набегали на берег и с шумом разбивались о камни.

Ольсен осмотрелся. На дороге никого не было видно. Только вдали сверкали фонари быстро мчавшегося автомобиля. «Пусть проедет».

Гудя и ослепляя светом, автомобиль промчался к городу и скрылся вдали.

— Пора! — Ольсен обернулся и сделал Гуттиэре знак, чтобы она скрылась за камни. Потом он постучал по бочке и крикнул:

— Приехали! Вылезай!

Из бочки показалась голова.

Ихтиандр оглянулся, быстро вылез и прыгнул на землю.

— Спасибо, Ольсен! — сказал юноша, крепко сжимая мокрой рукой руку великана.

Ихтиандр дышал часто, как в припадке астмы.

— Не за что. Прощай! Будь осторожен. Не подплывай близко к берегу. Опасайся людей, чтобы опять не попасть в неволю.

Даже Ольсен не знал, какие приказания получил Ихтиандр от Сальватора.

— Да, да, — задыхаясь, сказал Ихтиандр. — Я

поплыву далеко-далеко, к тихим коралловым островам, куда не приходит ни один корабль. Спасибо, Ольсен! — И юноша побежал к морю.

Уже у самых волн он вдруг обернулся и крикнул:

— Ольсен, Ольсен! Если вы увидите когда-нибудь Гуттиэре, передайте ей мой привет и скажите, что я всегда буду помнить ее! Юноша бросился в море и крикнул:

— Прощайте, Гуттиэре! — и погрузился в воду.

— Прощай, Ихтиандр!.. — тихо ответила Гуттиэре, стоявшая за камнями.

Ветер крепчал и почти валил людей с ног. Море бушевало, шипел песок, грохотали камни.

Чья-то рука сжала руку Гуттиэре.

— Идем, Гуттиэре! — ласково приказал Ольсен. Он вывел Гуттиэре на дорогу.

Гуттиэре еще раз оглянулась на море и, опираясь на руку Ольсена, направилась к городу.

Сальватор отбыл срок наказания, вернулся домой и снова занялся научной работой. Он готовится к какому-то далекому путешествию.

Кристо продолжает у него служить.

Зурита обзавелся новой шхуной и ловит жемчуг в Калифорнийском заливе. И хотя он не самый, богатый человек в Америке, но все же он

не может пожаловаться на свою судьбу. Концы его усов, как стрелка барометра, показывают высокое давление.

Гуттиэре развелась с мужем и вышла замуж за Ольсена. Они переселились в Нью-Йорк и работают на консервном заводе. На побережье Ла-Платского залива никто не вспоминает «морского дьявола».

Лишь иногда в душные ночи старые рыбаки, услышав в ночной тиши неведомый звук, говорят молодым:

— Вот так трубил в раковину морской дьявол, — и начинают рассказывать о нем легенды.

Только один человек в Буэнос-Айресе не забывает Ихтиандра. Все мальчишки города знают старого, полупомешанного нищего индейца.

— Вот идет отец морского дьявола!

Но индеец не обращает внимания на мальчишек.

Встречая испанца, старик каждый раз оборачивается, плюет ему вслед и ворчит какое-то проклятие.

Но полиция не трогает старого Бальтазара. Его помешательство тихое, он никому не причиняет вреда.

Только когда на море поднимается буря, старый

индеец приходит в необычайное беспокойство.

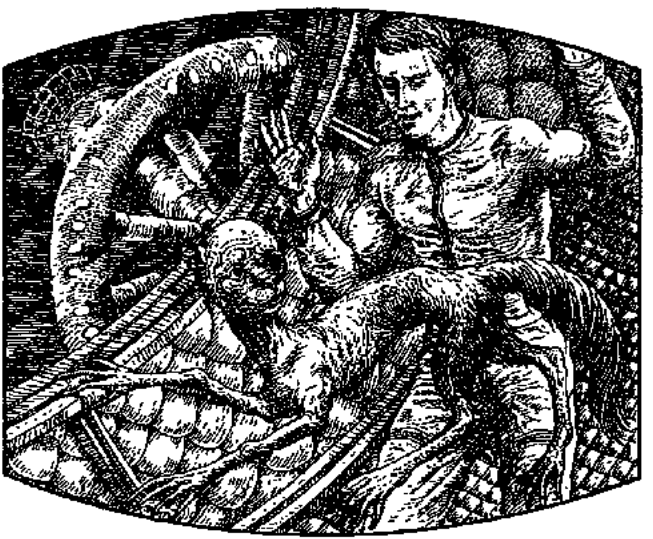
Он спешит на берег моря и, рискуя быть смытым водой, становится на прибрежные камни и кричит, кричит день и ночь, пока не утихнет буря:

— Ихтиандр! Ихтиандр! Сын мой!..

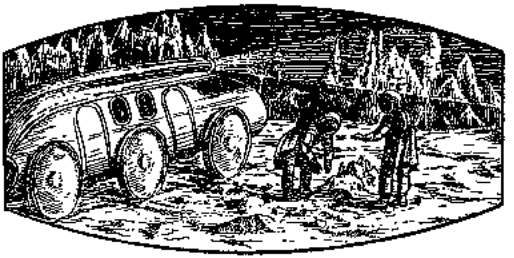
Но море хранит свою тайну.

Звезда КЭЦ

Посвящаю памяти
Константина Эдуардовича Циолковского



Звезда КЭЦ



I. ВСТРЕЧА С ЧЕРНОБОРОДЫМ

Кто бы мог подумать, что незначительный случай решит мою судьбу.

В то время я был холост и жил в доме научных работников. В один из весенних ленинградских вечеров я сидел у открытого окна и любовался на деревца сквера, покрытые светло-зелёным молодым пушком. Верхние этажи домов пылали палевыми лучами заката, нижние погружались в синие сумерки. Вдали виднелись зеркало Невы и шпиль Адмиралтейства. Было удивительно хорошо, не хватало только музыки. Мой ламповый радиоприёмник испортился. Нежная мелодия, заглушённая стенами, чуть доносилась из соседней квартиры. Я завидовал соседям и в конце

концов пришёл к мысли, что Антонина Ивановна, моя соседка, без труда могла бы помочь мне наладить радиоприёмник. Я не был знаком с этой девушкой, но знал, что она работает ассистентом физико-технического института. При встрече на лестнице мы всегда приветливо раскланивались. Это показалось мне вполне достаточным для того, чтобы обратиться к ней за помощью.

Через минуту я звонил у дверей соседей.

Дверь мне открыла Антонина Ивановна. Это была симпатичная девушка лет двадцати пяти. Её большие серые глаза, весёлые и бодрые, глядели чуть-чуть насмешливо и самоуверенно, а вздёрнутый нос придавал лицу задорное выражение. На ней было чёрное суконное платье, очень простое и хорошо облегавшее её фигуру.

Я почему-то неожиданно смутился и очень торопливо и сбивчиво стал объяснять причину своего прихода.

— В наше время стыдно не знать радиотехники, — шутливо перебила она меня.

— Я биолог, — пробовал оправдаться я.

— Но у нас даже школьники знают радиотехнику.

Этот укор она смягчила улыбкой, показав свои ровные зубы, и неловкость растаяла.

— Пойдёмте в столовую, я допью чай и пойду лечить ваш приёмник.

Я охотно последовал за ней.

В просторной столовой за круглым столом сидела мать Антонины Ивановны, полная, седая, розоволицая старушка. Она с суховатой любезностью поздоровалась со мной и пригласила выпить чашку чаю.

Я отказался. Антонина Ивановна допила чай, и мы направились ко мне.

С необычайной быстротой она разобрала мой приёмник. Я любовался её ловкими руками с длинными, подвижными пальцами. Говорили мы немного. Она очень скоро поправила аппарат и ушла к себе.

Несколько дней я думал только о ней, хотел зайти снова, но без повода не решался. И вот, стыдно признаться, но я нарочно испортил свой приёмник… И пошёл к ней.

Осмотрев повреждение, она насмешливо взглянула на меня и сказала:

— Я не буду чинить ваш приёмник.

Я покраснел как варёный рак.

Но на другой день снова пошёл — доложить, что приёмник мой работает великолепно. И скоро для меня стало жизненной необходимостью

видеть Тоню, как я мысленно называл её.

Она дружески относилась ко мне, по её мнению, я, видите ли, был только кабинетный учёный, узкий специалист, радиотехники не знал, характер у меня нерешительный, привычки стариковские — сиднем сидеть в своей лаборатории или в кабинете. При каждой встрече она говорила мне много неприятного и советовала переделать характер.

Моё самолюбие было оскорблено. Я даже решил не ходить к ней, но, конечно, не выдержал. Больше того, незаметно для себя я начал переделывать свой характер: стал чаще гулять, пытался заняться спортом, купил лыжи, велосипед и даже пособия по радиотехнике.

Однажды, совершая добровольно-принудительную прогулку по Ленинграду, я на углу проспекта Двадцать Пятого Октября и улицы Третьего Июля заметил молодого человека с иссиня-чёрной бородой.

Он пристально посмотрел на меня и решительно двинулся в мою сторону.

— Простите, вы не Артемьев?

— Да, — ответил я.

— Вы знакомы с Ниной… Антониной Герасимовой?

Я видел вас однажды с ней. Я хотел передать ей кое-что о Евгении Палее.

В это время к незнакомцу подъехал автомобиль. Шофёр крикнул:

— Скорей, скорей! Опаздываем!

Чернобородый вскочил в машину и, уже отъезжая, крикнул мне.

— Передайте — Памир, Кэц…

Автомобиль быстро скрылся за углом.

Я вернулся домой в смущении. Кто этот человек? Он знает мою фамилию? Где он видел меня с Тоней или Ниной, как он называл её? Я перебирал в памяти все встречи, всех знакомых… Этот характерный орлиный нос и острая чёрная борода должны были запомниться. Но нет, я никогда не видал его раньше… А этот Палей, о котором он говорил? Кто это?

Я пошёл к Тоне и рассказал о странной встрече. И вдруг эта уравновешенная девушка страшно разволновалась. Она даже вскрикнула, услыхав имя Палей. Она заставила меня повторить всю сцену встречи, а потом гневно набросилась на меня за то, что я не догадался сесть с этим человеком в автомобиль и не расспросил у него обо всём подробно.

— Увы, у вас характер тюленя! — заключила

она.

— Да, — зло ответил я. — Я совсем не похож на героев американских приключенческих фильмов и горжусь этим. Прыгать в машину незнакомого человека… Слуга покорный.

Она задумалась и, не слушая меня, повторяла, как в бреду:

— Памир… Кэц… Памир… Кэц.

Потом кинулась к книжным полкам, достала карту Памира и начала искать Кэц.

Но, конечно, никакого Кэца на карте не было.

— Кэц… Кэц… Если не город, так что же это: маленький кишлак, аул, учреждение?.. Надо узнать, что такое Кэц! — воскликнула она. — Во что бы то ни стало сегодня же или не позже завтрашнего утра…

Я не узнавал Тоню. Сколько неукротимой энергии было скрыто в этой девушке, которая умела так спокойно, методически работать! И всё это превращение произвело одно магическое слово — Палей. Я не осмелился спросить у неё, кто он, и постарался поскорее уйти к себе.

Не стану скрывать, я не спал эту ночь, мне было очень тоскливо, а на другой день не пошёл к Тоне.

Но поздно вечером она сама явилась ко мне,

приветливая и спокойная, как всегда. Сев на стул, она сказала:

— Я узнала, что такое Кэц: это новый город на Памире, ещё не нанесённый на карту. Я еду туда завтра, и вы должны ехать со мной. Я этого чернобородого не знаю, вы поможете отыскать его. Ведь это ваша вина, Леонид Васильевич, что вы не узнали фамилию человека, который имеет сведения о Палее.

Я в изумлении вытаращил глаза. Этого ещё недоставало. Бросить свою лабораторию, научную работу и ехать на Памир, чтобы искать какого-то Палея!

— Антонина Ивановна, — начал я сухо, — вы, конечно, знаете, что не одно учреждение ждёт окончания моих научных опытов. Сейчас я, например, заканчиваю работу по задержке дозревания фруктов. Опыты эти давно велись в Америке и ведутся у нас. Но практические результаты пока невелики. Вы, вероятно, слыхали, что консервные фабрики на юге, перерабатывающие местные фрукты: абрикосы, мандарины, персики, апельсины, айву — работают с чрезмерной нагрузкой месяц-полтора, а десять-одиннадцать месяцев в году простаивают. И это потому, что фрукты созревают почти одновременно и пере-

работать их сразу невозможно. Поэтому каждый год гибнет чуть ли не девять десятых урожая…

Увеличить число фабрик, которые десять месяцев в году находятся на простое, тоже невыгодно. Вот мне и поручили текущим летом отправиться в Армению, чтобы на месте поставить чрезвычайно важные опыты искусственной задержки созревания фруктов. Понимаете? Фрукты снимаются немного недозревшими и затем дозревают постепенно, партия за партией, по мере того как заводы справляются со своей работой. Таким образом, заводы будут работать круглый год, а…

Я посмотрел на Тоню и запнулся. Она не перебивала меня, она умела слушать, но лицо её всё больше мрачнело. На лбу, меж бровей, легла складка, длинные ресницы были опущены. Когда она подняла на меня глаза, я увидел в них презрение.

— Какой учёный-общественник! — сказала она ледяным тоном. — Я тоже еду на Памир по делу, а не как искательница приключений. Мне во что бы то ни стало надо разыскать Палея. Путешествие не продлится долго. И вы ещё успеете попасть в Армению к сбору урожая…

Гром и молния! Не мог же я сказать ей, в какое нелепое положение она меня ставит! Ехать с

любимой девушкой на поиски неведомого Палея, быть может, моего соперника! Правда, она сказала, что она не искательница приключений и едет по делу. Какое же дело связывает её с Палеем? Спросить не позволяло самолюбие. Нет, довольно с меня. Любовь мешает работе. Да, да! Раньше я засиживался в лаборатории до позднего вечера, а теперь ухожу, как только пробьёт четыре. Я уже хотел ещё раз отказаться, но Тоня предупредила меня:

— Вижу, мне придётся ехать одной, — сказала она поднимаясь. — Это осложняет дело, но, может быть, мне удастся найти чернобородого и без вашей помощи. Прощайте, Артемьев. Желаю вам успешного дозревания.

— Послушайте, Антонина Ивановна!.. Тоня!..

Но она уже вышла из комнаты.

Идти за ней? Вернуть? Сказать, что я согласен?.. Нет, нет! Надо выдержать характер. Теперь или никогда.

И я выдерживал характер весь вечер, всю бессонную ночь, всё хмурое утро следующего дня. В лаборатории я не мог смотреть на сливы — предмет моих опытов.

Тоня, конечно, поедет одна. Она не остановится ни перед какими трудностями. Что произойдёт

на Памире, когда она найдёт чернобородого и через него Палея? Если бы я сам присутствовал при встрече, мне многое стало бы ясным. Я не поеду с Тоней — это значит разрыв. Недаром, уходя она сказала «прощайте». Но всё же я должен выдержать характер. Теперь или никогда.

Конечно, я не поеду. Но нельзя же быть невежливым — простая любезность требует помочь Тоне собраться в дорогу.

И вот ещё не пробило четырёх часов, я уже прыгал через пять ступенек, сбегая с четвёртого этажа. Не хуже старого американского киногероя, я вскочил на ходу в троллейбус и помчался домой. Кажется, я даже без стука ворвался в комнату Тони и крикнул:

— Я еду с вами, Антонина Ивановна!

Не знаю, для кого большей неожиданностью было это восклицание — для неё или для меня самого. Кажется, для меня.

Так я был вовлечён в цепь самых невероятных приключений.

II. ДЕМОН НЕУКРОТИМОСТИ

Я смутно помню наше путешествие от Ленинграда до таинственного Кэца. Я был слишком

взволнован своей неожиданной поездкой, смущён собственным поведением, подавлен Тониной энергией.

Тоня не хотела терять ни одного лишнего дня и составила маршрут путешествия, использовав все быстрые современные средства сообщения.

От Ленинграда до Москвы мы летели на аэроплане. Над Валдайской возвышенностью нас здорово потрепало, а так как я не выношу ни морской, ни воздушной качки, мне стало плохо. Тоня заботливо ухаживала за мной. В пути она стала ко мне относиться тепло и ровно — словом, переменилась к лучшему. Я всё больше изумлялся: сколько сил, женской ласки, заботливости у этой девушки! Перед путешествием она работала больше меня, но на ней это совершенно не отразилось, Она была весела и часто напевала какие-то песенки.

В Москве мы пересели на полуреактивный стратоплан Циолковского, совершающий прямые рейсы Москва — Ташкент.

Эта машина летела с бешеной скоростью. Три металлические сигары соединены боками, снабжены хвостовым оперением и покрыты одним крылом — таков внешний вид стратоплана. Тоня немедленно ознакомилась с его устройством

и объяснила мне, что пассажиры и пилоты помещаются в левом боковом корпусе, в правом — горючее, а в среднем — воздушный винт, сжиматель воздуха, двигатель и холодильник; что самолёт движется силой воздушного винта и отдачею продуктов горения. Она говорила ещё о каких-то интересных подробностях, но я слушал рассеянно, новизна впечатлений подавляла меня. Помню, мы зашли в герметически закрывающуюся кабину и уселись на очень мягкие кресла. Самолёт побежал по рельсам, набрал скорость — сто метров в секунду — и поднялся на воздух. Мы летели на огромной высоте, — быть может, за пределами тропосферы, — со скоростью тысячи километров в час. И говорят — эта скорость не предельная.

Не успел я как следует усесться, а мы уже оставили позади пределы РСФСР. За облачным покровом земли не было видно. Когда облака начали редеть, я увидел глубоко под нами сероватую поверхность. Она казалась углублённой в центре и приподнятой к горизонту, словно опрокинутый серый купол.

— Киргизские степи, — сказала Тоня.

— Уже? Вот это скорость!

Такой полёт мог удовлетворить даже нетерпе-

ние Тони.

Впереди блеснуло Аральское море. И в кабине говорили уже не о Москве, которую только что покинули, а о Ташкенте, Андижане, Коканде.

Ташкента я не успел рассмотреть. Мы молниеносно снизились на аэродроме, и уже через минуту мчались на автомобиле к вокзалу сверхскорого реактивного поезда — того же Циолковского. Этот первый реактивный поезд Ташкент — Андижан по скорости не уступал стратоплану.

Я увидел длинный, обтекаемой формы вагон без колёс. Дно вагона лежало на бетонном полотне, возвышающемся над почвой. С обеих сторон вагона имелись закраины, заходящие за бока полотна. Они придавали устойчивость на закруглениях пути.

Я узнал, что в этом поезде воздух накачивается под днище вагона и по особым щелям прогоняется назад. Таким образом, вагон летит на тончайшем слое воздуха. Трение сведено до минимума. Движение достигается отбрасыванием назад воздушной струи, и вагон развивает такую скорость, что с разгона без мостов перепрыгивает небольшие реки.

Я опасливо поёжился, сел в вагон, и мы двинулись в путь.

Скорость «езды-полёта» была действительно грандиозна. За окнами ландшафт сливался в желтовато-серые полосы. Только голубое небо казалось обычным, но белые облака бежали назад с необыкновенной резвостью. Признаюсь, несмотря на все удобства этого нового способа передвижения, я не мог дождаться конца нашего короткого путешествия. Но вот под нами сверкнула река, и мы мигом перескочили её без моста. Я вскрикнул и невольно поднялся. Видя такую отсталость и провинциальность, все пассажиры громко рассмеялись. А Тоня восторженно захлопала в ладоши.

— Вот это мне нравится! Это настоящая езда! — говорила она.

Я тоскливо заглядывал в окно: когда же кончится это мутное мелькание?

В Андижане я запросил пощады. Надо же немного передохнуть после всех этих сверхскоростных передряг. Но Тоня и слушать не хотела. Её обуял демон неукротимости.

— Вы испортите мне весь график. У меня согласовано всё до одной минуты.

И мы вновь как одержимые помчались на аэродром.

Путь от Андижана до Оша мы пролетели на

обыкновенном аэроплане. Его совсем немалую скорость — четыреста пятьдесят километров в час — Тоня считала черепашьей. На беду, мотор закапризничал, и мы сделали вынужденную посадку. Пока бортмеханик возился с мотором, я вышел из кабины и растянулся на песке. Но песок был невыносимо горячий. Солнце палило немилосердно, и мне пришлось убраться в душную кабину.

Обливаясь потом, я проклинал в душе наше путешествие и мечтал о ленинградском мелком дождике.

Тоня нервничала, боясь опоздать в Оше к отлёту дирижабля. На моё несчастье, мы не опоздали и прилетели на аэродром за полчаса до отлёта дирижабля. Этот металлический гигант из гофрированной стали должен был нас доставить в город Кэц. Мы добежали до причальной мачты, быстро поднялись на лифте и вошли в гондолу.

Путешествие на дирижабле оставило самое приятное воспоминание. Каюты гондолы охлаждались и хорошо вентилировались. Скорость — всего двести двадцать километров в час. Ни качки, ни тряски и полное отсутствие пыли. Мы хорошо пообедали в уютной кают-компании. За столом слышались новые слова: Алай, Кара-куль,

Хорог.

Памир с высоты произвёл на меня довольно мрачное впечатление. Недаром эту «крышу мира» называют «подножием смерти». Ледяные реки, горы, ущелья, морены, снежные стены, увенчанные чёрными каменными зубцами, — траурный наряд гор. И лишь глубоко внизу — зелёные пастбища.

Какой-то пассажир-альпинист, указывая на покрытые зеленоватым льдом горы, объяснял Тоне:

— Вот это гладкий ледник, это игольчатый, вон там бугристый, дальше волнообразный, ступенчатый…

Внезапно сверкнула гладь озера…

— Кара-куль. Высота три тысячи девятьсот девяносто метров над уровнем моря, — сказал альпинист.

— Посмотрите, посмотрите! — окликает меня Тоня.

Смотрю. Озеро как озеро. Блестит. А Тоня восхищается.

— Какая красота!

— Да, блестящее озеро, — говорю я, чтоб не обидеть Тоню.

III. Я СТАНОВЛЮСЬ СЫЩИКОМ

Но вот мы идём на посадку. Я вижу с дирижабля общий вид города. Он расположен в очень длинной, узкой высокогорной долине меж снеговых вершин. Долина имеет почти прямое направление с запада на восток. Возле самого города она расширяется. У южного края её находится большое горное озеро. Альпинист говорит, что оно очень глубокое.

Сотни две домов сверкают плоскими металлическими крышами. Большинство крыш белые, как алюминий, но есть и тёмные. На северном склоне горы стоит большое здание с куполом — вероятно, обсерватория. За жилыми домами фабричные корпуса.

Наш аэродром расположен в западной стороне города, в восточной лежит какой-то удивительный железнодорожный путь — с очень широкой колеёй. Он идёт до самого края долины и там, по-видимому, обрывается.

Наконец-то земля.

Мы едем в гостиницу. Я отказываюсь осматривать город: устал с дороги, и Тоня милостиво отпускает меня на отдых. Сняв ботинки, я ложусь

отдохнуть на широкий диван. Какое блаженство; В голове ещё шумят моторы всяческих быстроходов, глаза слипаются. Ну, уж теперь-то я отдохну на славу!

Как будто кто-то в дверь стучит. Или это ещё гремят в голове моторы… Стучат в самом деле. Как некстати.

— Войдите! — сердито кричу я и вскакиваю с дивана.

Появляется Тоня. Она, кажется, задалась целью извести меня.

— Ну, как отдохнули! Идёмте, — говорит она.

— Куда идёмте? Почему идёмте? — громко спрашиваю я.

— Как куда? Зачем же мы приехали сюда?

Ну да. Искать человека с чёрной бородой. Понятно… Но уже вечер, и лучше заняться поисками с утра. Впрочем, протестовать бесполезно. Я молча натягиваю на плечи лёгкое ленинградское пальто, но Тоня заботливо предупреждает меня:

— Наденьте шубу. Не забывайте, что мы на высоте нескольких тысяч метров, а солнце уже зашло.

Надеваю шубу, и мы выходим на улицу.

Я вдыхаю морозный воздух и чувствую, что мне дышать трудно. Тоня замечает, как я «зеваю», и

говорит:

— Вы не привыкли к разрежённому горному воздуху. Ничего, это скоро пройдёт.

— Странно, что я в гостинице не чувствовал этого, — удивляюсь я.

— А в гостинице воздух искусственно сгущён компрессором, — говорит Тоня, — не все переносят горный воздух. Некоторые совсем не выходят на улицу, и с ними консультируются на дому.

— Как жаль, что эта льгота не распространяется на специалистов по разыскиванию чёрных бород! — невесело сострил я.

Мы шли по улицам чистенького, хорошо освещённого города. Здесь была самая гладкая и самая прочная в мире мостовая — из природного выровненного и отшлифованного гранита. Мостовая-монолит.

Нам часто встречались чернобородые: видимо, среди населения было много южан.

Тоня ежеминутно дёргала меня за рукав и спрашивала: — Это не он?

Я сумрачно качал головой. Незаметно мы дошли до берега озера.

Вдруг раздался вой сирены. Эхо отдалось в горах, и разбуженные горы откликнулись унылыми завываниями. Получился леденящий душу

концерт.

Берега озера осветились яркими фонарями, и озеро вспыхнуло, как зеркало в алмазной оправе. Вслед за фонарями зажглись десятки мощных прожекторов, устремив свои голубые лучи в синеву безоблачного вечернего неба. Сирена умолкла. Затихло и эхо в горах. Но город встрепенулся.

По озеру вдоль берега забегали быстроходные катера и глиссеры. Толпы народа стекались к озеру.

— Куда же вы смотрите? — услышал я голос Тони.

Этот голос напомнил мне о моей печальной обязанности. Я решительно повернулся спиной к озеру, к огням и начал выискивать в толпе бородатых людей.

Однажды мне показалось, что я увидел чернобородого незнакомца. Только я хотел сказать об этом Тоне, как вдруг она воскликнула:

— Смотрите, смотрите! — и показала на небо.

Мы увидели золотую звёздочку, приближавшуюся к земле. Толпа стихла. В наступившей тишине послышался отдалённый гром. Гром с безоблачного неба! Горы подхватили этот рокот и ответили глухой канонадой. Гром нарастал с каждой секундой, и звёздочка всё увеличивалась.

Позади неё ясно обозначилась тёмная дымка, и скоро звёздочка превратилась в сигарообразное тело с плавниками. Это мог быть только межпланетный корабль. В толпе слышались восклицания:

— Кэц-семь!

— Нет, Кэц-пять!

Ракета вдруг описала небольшой круг и перевернулась кормой вниз. Пламя вырвалось из дюз, и она всё медленнее стала снижаться к озеру. Длина её намного превышала длину самого большого паровоза. И весила она, наверное, не меньше.

И вот эта тяжёлая громадина, не долетая до поверхности воды нескольких десятков метров, как бы повисла в воздухе: сила взрывающихся газов поддерживала её в висячем положении. Отбросы газов рябили и волновали поверхность воды. Клубы дыма расстилались по озеру.

Затем стальная сигара стала едва заметно опускаться и скоро кормой коснулась воды. Вода забурлила, заклокотала, зашипела. Пар окутал ракету. Взрывы прекратились. Среди пара и дыма показался верхний острый конец ракеты и опустился вниз. Тяжёлый всплеск воды. Большая волна, качая на своём гребне катера и глиссеры,

пошла по озеру. Ракеты не было видно. Но вот она блеснула в лучах прожектора и закачалась на поверхности воды.

Толпа дружными криками приветствовала благополучный спуск. Флотилия катеров набросилась на плавающую ракету, как касатки на кита. Маленький чёрный катер взял её на буксир и отвёл в гавань. Два мощных трактора вытащили её по специальному мосту на берег. Наконец открылся люк, и из ракеты вышли межпланетные путешественники.

Первый из них, как только вышел, начал громко чихать. Из толпы послышался смех и восклицания: «Будьте здоровы!»

— Каждый раз такая история, — сказал прилетевший с неба. — Как только попаду на землю — насморк, кашель.

Я с любопытством и уважением смотрел на человека, который побывал в бесконечных просторах неба. Есть же такие смельчаки! Я ни за что не решился бы полететь на ракете.

Прибывших встречали радостно, без конца расспрашивали, пожимали руки. Но вот они сели в автомобиль и уехали. Толпа быстро поредела. Огни погасли. Я вдруг почувствовал, как окоченели мои ноги. Меня знобило и поташнивало.

— Вы совсем посинели, — сжалилась, наконец, Тоня. — Идёмте домой.

В вестибюле гостиницы меня встретил толстенький лысый человек. Покачав головой, он сказал:

— А вы плохо переносите, молодой человек, горы.

— Замёрз, — ответил я.

В уютной столовой мы разговорились с толстеньким человеком, который оказался врачом. Прихлёбывая горячий чай, я расспрашивал его, почему их город и прилетевшая ракета называются Кэц.

— И Звезда также, — отвечал доктор. — Звезда Кэц. Слыхали? В ней-то, собственно, всё дело. Она создала этот город. А почему Кэц? Неужто не догадываетесь? Чьей системы был стратоплан, на котором вы сюда летели?

— Кажется, Циолковского, — ответил я.

— Кажется… — неодобрительно сказал доктор. — Не кажется, а так оно и есть. Ракета, которую вы видели, тоже по его плану сделана, и Звезда тоже. Вот почему и Кэц: Константин Эдуардович Циолковский. Понятно?

— Понятно, — ответил я. — А что это за Звезда Кэц?

— Искусственный спутник Земли. Надземная станция-лаборатория и ракетодром для ракет дальнего межпланетного сообщения.

IV. НЕУДАВШАЯСЯ ПОГОНЯ

Уже давно я не спал так крепко, как в эту ночь. И проспал бы до двенадцати дня, если бы Тоня не разбудила меня в шесть утра.

— Скорее на улицу, — сказала она. — Сейчас рабочие и служащие пойдут на работу.

И снова я с утра пораньше взялся за свою роль сыщика.

— А не лучше ли нам через справочное бюро узнать, проживает ли здесь Палей?

— Наивный вопрос, — ответила Тоня. — Я ещё из Ленинграда справлялась об этом…

Мы шли по монолитной мостовой. Солнце уже поднималось над горами, но меня знобило, и дышать по-прежнему было трудно. Ледники нестерпимо блестели.

Показался небольшой садик — плод работы местных садоводов над акклиматизацией растений. До постройки города Кэц здесь, на высоте нескольких тысяч метров, не произрастало никакой зелени, никаких растений, никаких злаков.

Ходьба утомила меня. Я предложил посидеть. Тоня согласилась.

Мимо нас двигался людской поток. Люди громко разговаривали, смеялись — словом, чувствовали себя вполне нормально.

— Это он! — крикнул я.

Тоня вскочила, схватила меня за руку, и мы со всех ног пустились догонять машину. Машина мчалась по прямому как стрела проспекту, который вёл на ракетодром.

Бежать было трудно. Я задыхался. Меня мучила тошнота. Кружилась голова, ноги и руки дрожали. На этот раз и Тоня почувствовала себя плохо, но упорно продолжала бежать.

Так мы бежали минут десять. Автомобиль с чернобородым ещё виднелся впереди. Вдруг Тоня перебежала дорогу и, расставив руки, загородила путь встречному автомобилю. Машина круто остановилась. Тоня быстро вскочила в кабину и втащила меня.

Шофёр посмотрел на нас с недоумением.

— Летите стрелой вон за той машиной! — приказала Тоня таким властным тоном, что шофёр, ни слова не говоря, повернул назад и дал полный газ.

Дорога была прекрасная. Мы быстро оставили

за собой последние дома. И перед нами как на ладони предстал ракетодром. На широком «железнодорожном» пути лежала ракета, похожая на гигантского сома. Возле ракеты копошились люди. Вдруг завыла сирена. Люди поспешно отбежали в сторону. Ракета двинулась по рельсам, набирая скорость, и, наконец, заскользила с невероятной быстротой. Пока она ещё не пускала в ход взрывателей и двигалась при помощи электрического тока, как трамвай. Путь поднимался в гору градусов на тридцать. Когда до конца пути осталось не более километра, из хвоста ракет вырвался огромный сноп пламени. Клубы дыма окутали её. Вслед за тем долетел звук оглушительного взрыва. Ещё через несколько секунд нас обдало сильной волной воздуха, — мы пошатнулись. Ракета, оставляя за собой цепочку дымовых клубов, взвилась к небу, быстро укоротилась до чёрной точки и исчезла.

Мы подъехали к ракетодрому. Но, увы, чернобородого среди оставшихся не было…

V. КАНДИДАТ В НЕБОЖИТЕЛИ

Тоня бросилась в толпу и начала расспрашивать всех: не видели ли они человека с чёрной

бородой?

Люди переглядывались, вспоминали, и, наконец, человек в белом шлеме и белом кожаном костюме сказал:

— Это, наверное, Евгеньев.

— Конечно, Евгеньев. Другого чернобородого у нас сегодня не было, — подтвердил другой.

— Где же он? — с волнением спросила Тоня.

— Там. Пересекает стратосферу. На пути к Звезде Кэц.

Тоня побледнела. Я подхватил её под руку и отвёл в такси.

— Мы едем в гостиницу, — сказал я.

Тоня молчала всю дорогу. Покорно опираясь на мою руку, она поднялась по лестнице. Я отвёл её в номер и усадил в кресло. Откинув голову на спинку, она сидела с закрытыми глазами. Бедная Тоня! Как остро она переживала свою неудачу. Но, по крайней мере, теперь всё кончено. Не будем же мы сидеть в городе Кэц до возвращения чернобородого из межпланетного путешествия.

Постепенно лицо Тони начало оживать. Ещё не открывая глаза, она вдруг улыбнулась.

— Чернобородый улетел на Звезду Кэц. Ну что ж, мы полетим за ним!

От этих слов я едва не свалился с кресла.

— Лететь на ракете! В чёрные бездны неба!..

Я сказал это таким трагическим тоном и с таким испугом, что Тоня рассмеялась.

— Я думала, вы более храбры и решительны, — сказала она уже серьёзно и даже несколько печально. — Впрочем, если не хотите сопровождать меня, можете отправляться в Ленинград или Армению — куда вам вздумается. Теперь я знаю фамилию чернобородого и могу обойтись без вас. А сейчас идите в свой номер и ложитесь в кровать. Вы очень плохо выглядите. Горные высоты и звёздные миры не для вас.

Да, я, действительно, чувствовал себя скверно и охотно исполнил бы приказание Тони, но моё самолюбие было задето. В тот момент я больше всего на свете хотел остаться на Земле и больше всего боялся потерять Тоню. Что окажется сильнее? Пока я колебался, за меня решил мой язык.

— Антонина Ивановна! Тоня! — сказал я. — Я особенно счастлив, что вы приглашаете меня сопровождать вас теперь, когда я вам больше не нужен для розысков чернобородого. Я лечу!

Она чуть заметно усмехнулась и протянула мне руку.

— Спасибо, Леонид Васильевич. Теперь я вам должна рассказать всё. Ведь я видела, как вас

мучил Палей, которого я ищу с таким упорством. Признайтесь, вам не раз приходила в голову и такая мысль, что Палей сбежал от меня, а я, упрямая влюблённая девушка, гоняюсь за ним по миру в надежде вернуть любовь.

Я невольно покраснел.

— Но вы были настолько тактичны, что не задавали мне никаких вопросов. Ну, так знайте: Палей — мой друг и товарищ по университету. Это очень талантливый молодой учёный, изобретатель. Натура увлекающаяся, непостоянная.

Мы с ним, ещё на последнем курсе университета, начали одну научную работу, которая обещала произвести переворот в электромеханике. Работу мы поделили пополам и шли к одной цели, как рабочие, прорывающие туннель с двух сторон, чтобы встретиться в одной точке. Мы были уже у цели. Все записи вёл Палей в своей записной книжке. Неожиданно его командировали в Свердловск. Он уехал так поспешно, что не оставил мне книжку. Он всегда был рассеянным. Я писала ему в Свердловск, но не получила ответа. С тех пор он как в воду канул.

В Свердловске я узнала, что он переведён во Владивосток, но там следы теряются. Я пробовала самостоятельно продолжать работу. Увы, мне не

хватало целого ряда формул и расчётов, сделанных Палеем. Когда-нибудь я подробно расскажу вам об этой работе. Она стала моею навязчивой мыслью, моим кошмаром. Она мешала мне заниматься другими работами. Бросить на полпути такую многообещающую проблему — я и сейчас не понимаю этого легкомыслия Палея. Теперь вы поймёте, почему весть о нём так взволновала меня. Вот и всё… Вы в самом деле отвратительно выглядите. Идите и ложитесь.

— А вы?

— Я тоже отдохну немного.

Но Тоня не стала отдыхать. Она отправилась в отдел кадров главного управления Кэц и там узнала, что на Звезду Кэц можно попасть, только законтрактовавшись на работу. Физики и биологи были нужны. И Тоня, недолго думая, законтрактовала себя и меня на год.

Она радостно вбежала ко мне в комнату и оживлённо начала рассказывать о своих приключениях. Затем вынула из лилового кожаного портфеля бланки, самопишущее перо и протянула мне.

— Вот ваше заявление. Подпишитесь.

— Да, но… годовой срок…

— Не беспокойтесь. Я выяснила, что управле-

ние не слишком строго придерживается этого контракта. Необычайность обстановки, условий существования, климата принята во внимание. И кто будет переносить плохо…

— Климат? Какой же там климат?

— Я имею в виду жилые помещения Кэц. Там можно устроить любой климат, с какой угодно температурой и влажностью воздуха.

— Значит, там такая же разрежённая атмосфера, как здесь, на высоте Памира?

— Да, примерно такая, — неуверенно ответила Тоня и прибавила скороговоркой: — Или немножечко меньше. В этом, пожалуй, главное препятствие для вас. Кандидаты на Звезду проходят строгий физический отбор. Те, кто легко подвергается горной болезни, бракуются.

Я, правда, очень обрадовался, узнав, что у меня ещё есть путь к почётному отступлению. Однако Тоня тотчас утешила меня:

— Но мы как-нибудь это устроим! Я слышала, там есть комната с обычным давлением атмосферы. Давление уменьшается постепенно, и приезжие быстро привыкают. Я поговорю о вас с доктором.

Мне стало не по себе, и я с отчаянием ухватился за последний довод:

— Как же с работой на Земле?

У Тони был готовый ответ.

— Нет ничего проще! Кэц — очень авторитетное учреждение, и довольно сообщить по месту работы, что вы законтрактовались, вас сейчас же отпустят. Только бы ваше здоровье позволило. Как вы себя чувствуете? — И она взяла мою руку, чтобы проверить пульс.

— Ну, когда такой доктор прикасается к руке, то невольно ответишь: «Прекрасно!»

— Тем лучше. Подписывайте скорее бумаги, и я пойду к доктору.

Так, не успев оглянуться, я был завербован в небожители…

— Слабость? Посинение кожи? Головокружение? Тошнота? — допрашивал меня доктор. — Рвоты не было?

— Нет, только сильно тошнило, когда мы бежали за автомобилем.

Доктор с минуту подумал и глубокомысленно сказал:

— У вас лёгкая степень болезни.

— Значит, можно лететь, доктор?

— Да. Думаю, можно. В ракете, правда, только десятая часть нормального атмосферного давления, но зато вы будете дышать чистым

кислородом, не разбавленным на четыре пятых азотом, как в атмосфере. Этого вполне достаточно для дыхания. А на Звезде Кэц имеются внутренние камеры с нормальным давлением. Значит, вам придётся только немного потерпеть во время перелёта. Звезда находится на высоте всего в тысячу километров.

— Сколько же дней продлится перелёт? — спросил я.

Доктор насмешливо скосил глаза в мою сторону.

— Я вижу, вы мало понимаете в межпланетных путешествиях. Так вот, дорогой мой, ракета летит до Звезды восемь-десять минут. Но так как приходится перевозить непривычных людей, то полёт немного затягивается. Чтобы воспользоваться центробежной силой, снаряд летит под углом в двадцать пять градусов к горизонту по направлению вращения Земли. В первые десять секунд скорость возрастает до пятисот метров в секунду и лишь во время полёта через атмосферу несколько замедляется, а затем, когда атмосфера начнёт редеть, вновь повышается.

— Почему скорость замедляется при полёте через атмосферу. Торможение?

— Торможение преодолимо, но при чрезмер-

ной быстроте полёта через атмосферу от трения сильно накаляется оболочка ракеты, и тяжесть со скоростью увеличивается. А почувствовать своё тело тяжелее в десять раз не очень-то приятно.

— А мы не сгорим от трения оболочки об атмосферу? — опасливо спросил я.

— Нет. Может быть, немного вспотеете — не больше. Ведь оболочка ракеты состоит из трёх слоёв. Внутренний — прочный, металлический, с окнами из кварца, прикрытыми слоем обыкновенного стекла, и с дверями, термически закрывающимися. Второй — тугоплавкий, из материала, почти не проводящего тепла. Третий — наружный — хотя и относительно тонкий, но из чрезвычайно тугоплавкого металла. Если верхний слой накалится добела, то средний задержит тепло, и оно не попадёт внутрь ракеты, да и холодильники отличные. Холодильный газ непрерывно циркулирует между оболочками, проникая через рыхлую среднюю малотеплопроводную прокладку.

— Вы, доктор, настоящий инженер, — с восхищением сказал я.

— Ничего не поделаешь. Ракету легче приспособить к человеческому организму, чем организм к необычным условиям. Поэтому техникам прихо-

дится работать в контакте со мною. Посмотрели бы вы первые опыты. Сколько неудач, жертв!

— И человеческие были?

— Да, и человеческие.

У меня по спине забегали мурашки. Но отступать было поздно.

Когда я вернулся в гостиницу, Тоня радостно сообщила мне:

— Я уже знаю — всё прекрасно устроилось. Мы вылетаем завтра, ровно в полдень. С собою ничего не берите. Утром, перед полётом, мы примем ванну и пройдём дезинфекционную камеру. Вы получите стерилизованное бельё и костюм. Доктор сказал, что вы совершенно здоровый человек.

Я слушал Тоню как во сне. Страх поверг меня в оцепенение. Думаю, не стоит говорить о том, как я провёл последнюю ночь на Земле и что передумал…

VI. «ЧИСТИЛИЩЕ»

Настало утро. Последнее утро на Земле. Я тоскливо посмотрел в окно — светило яркое солнце. Есть не хотелось, но я заставил себя по-

завтракать и отправился «очищаться» от земных микробов. Эта процедура заняла больше часа. Врач-бактериолог говорил мне о каких-то головокружительных цифрах — миллиардах микробов, гнездившихся на моей земной одежде. Оказывается, я носил на себе тиф, паратиф, дизентерию, грипп, коклюш и чуть ли не холеру. На моих руках были обнаружены синегнойные палочки и туберкулёз. На ботинках — сибирская язва. В карманах проживали анаэробы столбняка. В складках пальто — возвратная лихорадка, ящур. На шляпе — бешенство, оспа, рожа… От этих новостей я впал в лихорадку. Сколько невидимых врагов ожидало случая, чтобы наброситься на меня и свалить с ног! Что ни говори, а Земля имеет свои опасности. Это немного примирило меня с звёздным путешествием.

Мне пришлось перенести промывание желудка, кишок и подвергнуться новым для меня процедурам облучения неизвестными аппаратами. Эти аппараты должны были убить вредные микробы, гнездившиеся внутри моего организма. Я был порядком измучен.

— Доктор, — сказал я. — Эти предосторожности не достигают цели. Как только я выйду из вашей камеры, микробы вновь набросятся на меня.

— Это верно, но вы, по крайней мере, избавились от тех микробов, которые привезли из большого города. В кубическом метре воздуха в центре Ленинграда находятся тысячи бактерий, в парках только сотни, а уже на высоте Исаакия лишь десятки. У нас на Памире — единицы. Холод и палящее солнце, отсутствие пыли, сухость — прекрасные дезинфекторы. На Кэце вы снова попадёте в чистилище. Здесь мы очищаем только начерно. А там вас подвергнут основательной чистке. Неприятно? Ничего не поделаешь. Зато вы будете совершенно спокойны за то, что не заболеете никакими инфекционными болезнями. По крайней мере, там риск сведён до минимума. А здесь вы рискуете ежеминутно.

— Это очень утешительно, — сказал я, облачаясь в дезинфицированное платье, — если только я не сгорю, не задохнусь, не…

— Сгореть и задохнуться можно и на Земле, — перебил меня доктор.

Когда я вышел на улицу, наш автомобиль уже стоял у тротуара. Скоро и Тоня вышла из женского отделения дезинфекционной камеры. Она улыбнулась мне и села рядом. Автомобиль тронулся в путь.

— Хорошо промылись?

— Да, баня была прекрасная. Смыл триста квадриллионов двести триллионов сто биллионов микробов.

Я посмотрел на Тоню. Она посвежела, загорела, на щеках появился румянец. Она была совершенно спокойна, словно мы собрались в парк культуры. Нет, хорошо, что я согласился лететь с нею…

Полдень. Солнце стоит почти над головой. Небо синее, прозрачное, как горный хрусталь. Блестит на горах снег, синеют застывшие ледяные реки ледников, внизу весело шумят горные ручьи и водопады, ещё ниже зеленеют поля, и на них, словно снежные комья, видны стада пасущихся овец. Несмотря на жгучее солнце, ветер приносит ледяное дыхание гор. Как красива наша земля! А через несколько минут я оставлю её и полечу в чёрную бездну неба. Право, об этом лучше читать в романах…

— Вот наша ракета! — радостно крикнула Тоня. — Она похожа на рыбий пузырь. Смотрите, толстенький доктор уже ждёт нас.

Мы сошли с автомобиля, и я по привычке протянул руку доктору, но он быстро спрятал руки за спину.

— Не забывайте, что вы уже дезинфицированы.

Не прикасайтесь больше ни к чему земному.

Увы, я отрешён от земли. Хорошо, что Тоня тоже «неземная». Я взял её под руку, и мы направились к ракете.

— Вот наше детище, — сказал доктор, указывая на ракету. — Видите — у неё нет колёс. Вместо рельсов она скользит по стальным желобам. В корпусе ракеты есть небольшие углубления для шаров, и она скользит на этих шарах. Ток для разгона даёт земная электростанция. Проводом служит металлический лоток-жёлоб… А у вас уже нормальный цвет лица. Привыкаете? Отлично, отлично. Передайте мой привет небожителям. Попросите врача Анну Игнатьевну Мёллер прислать с ракетой «Кэц-пять» месячный отчёт. Это очень симпатичная женщина. Доктор, имеющая самую малую в мире практику. Но дела у неё всё же хватает…

Волчье завывание сирены заглушило слова доктора. Люк ракеты открылся. На землю спустился трап.

— Ну, вам пора! Всего хорошего! — сказал доктор, вновь предупредительно пряча руки за спину. — Пишите.

Трап имел всего десять ступеней, но пока я поднимался, у меня сильно забилось сердце. Вслед

за мною вошла Тоня, за нею механик. Пилот уже давно сидел на месте. Мы с трудом разместились в узкой камере, освещённой электрической лампой. Камера была похожа на кабину маленького лифта.

Дверь крепко захлопнулась. «Как крышка гроба», — подумал я.

Связь с Землёй была прервана.

VII. КОРОТКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Ставни в окнах нашей каюты были закрыты, я не видел, что делается снаружи, и напряжённо ждал первого толчка. Стрелки часов сошлись на двенадцати, но мы оставались совершенно неподвижными. Странно. По-видимому, что-то задержало наш отлёт.

— Мы, кажется, двигаемся! — сказала Тоня.

— Я ничего не чувствую.

— Это, вероятно, потому, что ракета медленно и плавно идёт на своих шарах-колёсах.

Вдруг меня легко откинуло на спинку кресла.

— Конечно, движемся! — воскликнула Тоня. — Чувствуете? Спина всё больше придавливается к спинке кресла.

— Да, чувствую.

Но вот раздался грохот взрыва, он перешёл в вой. Ракета задрожала мелкой дрожью. Теперь уже не было никаких сомнений: мы летели. С каждой секундой становилось всё теплее. Центр тяжести начал перемещаться на спину. Наконец стало казаться, будто я не сижу в кресле, а лежу на спине в кровати, приподняв над собой согнутые в коленях ноги. Очевидно, ракета принимала вертикальное направление.

— Мы похожи на жуков, перевёрнутых на спину, — говорила Тоня.

— Да ещё придавленных сверху хорошим кирпичом, — добавил я. — Довольно сильно давит на грудь.

— Да. И руки стали свинцовыми — не поднять.

Когда взрывы прекращались, становилось легче. Несмотря на изоляционные прослойки и холодильники, было очень жарко: мы пролетали через атмосферу — ракета нагревалась от трения.

Опять передышка. Взрывов нет. Я вздохнул свободнее. Вдруг короткий взрыв, и я почувствовал, что валюсь на правый бок. Конечно, крушение. Сейчас мы грохнемся о Памир. Я судорожно хватаюсь за плечо Тони.

— Наверное, столкновение с болидом… — бор-

мочу я.

Лицо Тони бледно, в глазах испуг, но она говорит спокойно:

— Держитесь, как я, за спину кресла.

Но вот положение ракеты выравнивается. Взрывы прекращаются. В ракете становится прохладнее. По телу распространяется ощущение лёгкости. Я поднимаю руки, болтаю ногами. Как приятно, легко! Пытаюсь встать на ноги и, незаметно отделившись от кресла, повисаю в воздухе, затем медленно опускаюсь в кресло. Тоня размахивает руками, как птица крыльями, и поёт. Мы смеёмся! Изумительно приятное ощущение.

Внезапно ставня иллюминатора открывается. Перед нами небо. Оно сплошь усеяно немигающими звёздами и чуть-чуть окрашено в карминный цвет. Млечный Путь весь испещрён разноцветными звёздами, он вовсе не молочного цвета, как мы видим его с Земли.

Тоня указывает мне на крупную звезду возле альфы Большой Медведицы — новая звезда в знакомом созвездии.

— Кэц… Звезда Кэц, — говорит Тоня.

Среди бесконечного количества, немигающих звёзд она одна трепещет лучами, то красными, то зелёными, то оранжевыми. То вдруг разгорается

ярче, то угасает, то вспыхивает снова… Звезда растёт на глазах и медленно приближается к правой стороне окна. Значит, ракета направляется к ней по кривой линии. Звезда выбрасывает длинные голубые лучи и находит за край окна. Теперь на тёмном фоне неба видны только звёзды да беловатые туманности. Они кажутся совсем близкими, эти далёкие звёздные миры…

Ставня закрывается. Снова работают взрывные аппараты. Ракета маневрирует. Интересно бы посмотреть, как она причалит к небесному ракетодрому…

Небольшой толчок, остановка. Неужто конец путешествию? Мы ощущаем странную невесомость.

Дверь в капитанскую рубку открывается. Капитан, лёжа на полу, спускается вниз, придерживаясь за небольшие скобы. За капитаном, также ползком, следует молодой человек, которого мы до этого не видели.

— Простите за неприятные секунды, причинённые вам во время путешествия. Виноват мой молодой практикант: это он слишком резко повернул руль направления, и вы, вероятно, слетели со своих кресел.

Капитан прикасается указательным пальцем

к молодому человеку, и тот легко, как пушинка, отлетает в сторону.

— Ну-с, всё кончилось хорошо. Надевайте тёплые костюмы и кислородные маски. Филипченко, — это был молодой пилот, — помогите им.

Из рубки выполз бортмеханик в межпланетном костюме. Он походил на водолаза, только скафандр меньше водолазного да на плечах был накинут плащ, сделанный из блестящей, как алюминий, материи.

— Эти плащи, — объяснил капитан, — если будет холодно, сдвиньте в сторону. Пусть солнечные лучи вас обогревают. А если станет очень жарко, то прикройтесь плащом. Он отражает солнечные лучи.

С помощью бортмеханика и капитана мы быстро нарядились в межпланетные костюмы и с волнением ждали выхода из ракеты.

VIII. НЕБЕСНЫЙ МЛАДЕНЕЦ

Нас перевели в воздушную камеру и стали постепенно выкачивать воздух. Скоро образовалась «межпланетная пустота», и дверь открылась.

Я переступил порог. Трапа не было, — ракета ле-

жала на боку. В первое мгновение я был ослеплён и ошеломлён. Подо мною ярко блестела поверхность огромного шара диаметром в несколько километров.

Не успел я сделать шаг, как возле меня появился «звёздный житель» в межпланетном костюме. Он с необычайной ловкостью и быстротой надел мне на руку аркан на шёлковом шнуре. Недурное начало. Я рассердился, дёрнул руку, гневно топнул ногой… и в тот же момент взвился вверх на десяток метров. «Звёздный житель» поспешно притянул меня за шёлковый шнурок к поверхности блестящего шара. Я понял: если бы меня не привязали, то при первом неосторожном движении я улетел бы в мировое пространство и поймать меня было бы нелегко. Но как же я не потянул за собой человека, который держал мена на аркане? Я посмотрел на «землю» и увидел, что на блестящей поверхности имеются многочисленные скобы, за которые цепляется ногами мой провожатый.

Рядом я увидел Тоню, у неё тоже был спутник, который держал её на аркане. Я хотел приблизиться к ней, но путь преградил мой провожатый.

Через стекло скафандра я видел его улыбающе-

еся молодое лицо. Он прислонил свой скафандр к моему, чтобы я мог слышать, и сказал:

— Держитесь крепко за мою руку!

Я повиновался. Мой спутник выдернул ноги из скобы и ловко подпрыгнул. За его спиной блеснуло пламя, я почувствовал толчок, и мы понеслись вперёд над шарообразной «лунной» поверхностью. У моего провожатого была портативная ракета-ранец для недалёких полётов в межпланетных пространствах. Ловко стреляя то задними, то боковыми, то верхними, то нижними «револьверами» ранца, он увлекал меня всё дальше и дальше по дуге над поверхностью шара. Несмотря на ловкость моего спутника, мы кувыркались, как клоуны на цирковом манеже, — то вверх, то вниз головой, — но это почти не сопровождалось приливами крови.

Скоро наша ракета скрылась за горизонтом. Мы перелетали пустое пространство, отделявшее ракетодром от Звезды Кэц. Впрочем, если говорить о моих ощущениях, то мне казалось, что мы стоим на месте, а на нас летит блестящая труба, всё увеличивающаяся в размерах. Вот она повернулась на поперечной оси, и показался её конец, замкнутый блестящей полусферой. С этой стороны труба казалась небольшим шаром по

сравнению с «луной-ракетодромом». И этот шар, как бомба, направлялся прямо на нас. Ощущение было не совсем приятное: вот-вот блестящая бомба разобьёт нас вдребезги. Но вдруг бомба с необычайной быстротой описала в небе полукруг и оказалась за нашей спиной. Это мой водитель повернул нас спиной к Звезде, чтобы затормозить полёт. Несколько коротких взрывов, несколько толчков невидимой широкой ладони в спину, и мой спутник ухватился за металлическую скобу на поверхности полушария.

Нас, вероятно, ждали. Как только мы «причалили», в стене полушария открылась дверь. Спутник втолкнул меня внутрь, влез сам, и дверь захлопнулась.

Вновь воздушная камера, освещённая электрической лампой. На стене манометр, барометр, термометр. Мой провожатый подошёл к аппаратам и занялся наблюдением. Когда давление и температура оказались достаточными, он начал раздеваться и жестом предложил мне последовать его примеру…

— Ну что, накувыркались? — спросил он смеясь. — Это я нарочно так летел.

— Хотели позабавиться?

— Нет. Я боялся, что вы можете натерпеться

от жары и холода, не умея обращаться с плащом регулировки температуры. Поэтому я вертел вас, как кусок баранины на вертеле, чтобы вы равномерно «поджаривались» на солнце, — сказал он, окончательно освобождаясь от межпланетного костюма. — Ну, позвольте представиться; Крамер, лаборант-биолог Звезды Кэц. А вы? Работать к нам?

— Да, тоже биолог. Артемьев, Леонид Васильевич.

— Замечательно! Будем работать вместе.

Я начал раздеваться. И вдруг почувствовал, что физический закон — «сила действия равна силе противодействия» — обнаруживается здесь в чистом виде, не затемнённый земным притяжением. Здесь все вещи и сам человек превращаются в «реактивные приборы». Я отбросил костюм, говоря по-земному, «вниз», а сам, оттолкнувшись от него, подпрыгнул вверх. Получилось: не то я сбросил костюм, не то он меня подбросил.

— Теперь мне и вам надо почиститься — пройти дезинфекционную камеру, — сказал Крамер.

— А вам зачем? — удивлённо спросил я.

— Но ведь я прикасался к вам.

«Вот как! Словно я прибыл из зачумлённой местности», — подумал я.

И вот я опять в чистилище. Снова камера с гудящими аппаратами, которые пронизывают тело невидимыми лучами. Снова чистая, стерилизованная одежда, снова медицинский — последний — осмотр в маленькой белой амбулатории «звёздного врача».

В этой небесной амбулатории не было ни стульев, ни столов. Только одни ящики с медицинскими инструментами, прикреплённые к стенам лёгкими закрепками.

Нас встретила маленькая живая женщина-врач — Анна Игнатьевна Мёллер. В лёгком платье серебристого цвета, несмотря на свои сорок лет, она походила на подростка. Я передал ей привет и просьбу «земного врача» города Кэц.

После дезинфекции она сообщила мне, что в моей земной одежде нашлось ещё немало микробов.

— Я непременно напишу в здравотдел города Кэц, что у них плохо следят за ногтями. Под вашими ногтями была целая колония бактерий. Надо обрезать и чистить ногти перед отправкой на Звезду. Ну, а вообще вы здоровы и теперь относительно чисты. Сейчас вас отнесут в вашу комнату, а потом накормят.

— Отнесут? Накормят? — удивлённо спросил

я. — Ведь я же не лежачий больной и не ребёнок. Надеюсь, я сам пойду и поем.

— Не хвалитесь! Для неба вы ещё новорождённый.

И она хлопнула меня по спине. Я стремглав отлетел в другой конец камеры, оттолкнулся от стены, отлетел на середину и «повис», беспомощно болтая ногами.

— Ну как, убедились? — смеясь, сказал Мёллер. — А ведь у нас тут всё же тяжесть существует. Ползунок вы ещё. Ну-ка, пройдитесь!

Какое там! Только через минуту мои ноги коснулись пола. Я попробовал шагнуть и снова взвился в воздух. Ударившись головой о «потолок» и почти не почувствовав удара, я беспомощно заболтал руками.

Дверь отворилась, и вошёл мой знакомый Крамер, биолог. Увидав меня, он расхохотался.

— Вот, возьмите на буксир этого младенца и проводите его в комнату шесть, — обратилась к Крамеру Анна Игнатьевна. — Он плохо переносит разрежённый воздух. Дайте ему половинный воздушный паёк.

— Нельзя ли для начала нормальное давление? — попросил я.

— Хватит половины. Надо привыкать.

— Давайте вашу руку, — сказал Крамер.

Цепляясь ногами за ремённые скобы на полу, он довольно быстро и легко подошёл ко мне, взял меня рукой за пояс и вышел в широкий коридор. Повертев меня, словно лёгкий резиновый мяч, он бросил меня вдоль коридора. Я вскрикнул и полетел. Толчок был так рассчитан, что, пролетев метров десять по косой линии, я приблизился к стене.

— Хватайтесь за ремешок! — крикнул Крамер.

Эти ремешки, вроде ручек портпледа, были всюду: на стенах, на полу, на потолке. Я ухватился за ручку изо всей силы, ожидая, что меня рванёт при остановке, но в тот же миг с удивлением почувствовал, что в руке не ощущается напряжения. Крамер был уже возле меня. Он открыл дверь и, подхватив меня под мышку, вошёл в комнату цилиндрической формы. Ни кровати, ни стада, ни стульев здесь не было. Только ремешки на стенках да одно широкое окно, завешенное прозрачной зеленоватой материей. И поэтому свет в комнате был зеленоватый.

— Ну, садитесь и будьте как дома, — пошутил Крамер. — Сейчас я прибавлю кислорода.

— Скажите, Крамер, почему у вас ракетодром отдельно от Звезды?

— Это у нас недавнее изобретение. Раньше ракеты причаливали прямо к Звезде Кэц. Но не все пилоты одинаково ловки. Совершенно без толчка трудно причалить. И вот однажды капитан звездолёта «Кэц-семь» сильно ударил Звезду Кэц. Пострадала Большая оранжерея: в ней разбились стёкла, и часть растений погибла. Работы по ремонту идут до сегодняшнего дня. После этого несчастного случая наши инженеры решили устроить ракетодром отдельно от Звезды. Вначале это был огромный плоский диск. Но практика показала, что для причала удобнее полусфера. Когда ремонт оранжереи закончится, мы заставим Звезду Кэц вращаться вместе с оранжереей на поперечной оси. Получится центробежная сила, появится тяжесть.

— А что это за разноцветные лучи, которые мы видели во время полёта? — спросил я.

— Это световые сигналы. Такую крохотную звёздочку нелегко найти в просторах неба. Вот мы и устроили «бенгальское освещение». Как вы себя чувствуете? Легче дышится? Больше не дам, иначе вы опьянеете от чистого кислорода. Вам не жарко?

— Немного холодновато, — ответил я.

Крамер одним прыжком очутился возле окна и

отдёрнул занавеску. Ослепительные лучи солнца наполнили комнату. Температура начала быстро повышаться. Крамер прыгнул к противоположной стене и открыл ставню.

— А вот полюбуйтесь на эту красавицу.

Я повернулся к окну и замер от восхищения. Земля занимала половину небосклона. Я смотрел на неё с высоты тысячи километров. Она казалась не выпуклым шаром, как я ожидал, а вогнутой. Края её, очень неровные, с выступающими зубцами горных вершин, были словно подёрнуты дымкой тумана. Неясные, «размытые» очертания. Дальше от края Земли шли продолговатые серые пятна-облака, затемнённые толстым слоем атмосферы. Ближе к центру — тоже пятна, но светлые. Я узнал Ледовитый океан, очертания берегов Сибири и Северной Европы. Ослепительно ярким пятном выделялся Северный полюс. Маленькой искоркой отражалось Солнце в Баренцевом море.

Пока я рассматривал Землю, она приняла вид огромной Луны в ущербе. Я не мог оторвать глаз от гигантского полумесяца, ярко освещённого светом Солнца.

— Наша Звезда Кэц, — объяснил мне Крамер, — летит на восток и совершает полный оборот

вокруг Земли в сто минут. Солнечный день у нас продолжается всего шестьдесят семь минут, а ночь — тридцать три. Через сорок-пятьдесят минут мы вступаем в тень Земли…

Тёмная часть Земли, слабо освещённая отражённым светом Луны, была едва видна. Граница тёмной и светлой полосы резко выделялась огромными, почти чёрными зубцами, — тенями гор. Но вот я увидел и Луну, настоящую Луну. Она казалась совсем близкой, но очень маленькой по сравнению с тем, какой кажется с Земли.

Наконец Солнце совершенно скрылось за Землёю. Теперь я видел Землю в виде тёмного диска, окружённого довольно ярким кольцом света зари. Это лучи невидимого Солнца освещали земную атмосферу. Розовый отсвет проникал в нашу комнату.

— Как видите, у нас здесь темноты не бывает, — сказал Крамер. — Заря Земли вполне заменяет нам лунный свет, когда Луна заходит за Землю.

— Мне кажется, в ракете похолодало, — заметил я.

— Да. Ночная прохлада, — ответил Крамер. — Но это понижение температуры совсем незначительно. Средний слой оболочки нашей станции надёжно защищает её от теплового лучеис-

пускания, к тому же Земля излучает большое количество тепла, ночь на Звезде Кэц очень коротка, поэтому мы не рискуем замёрзнуть. Для нас, биологов, это очень хорошо. Но наши физики недовольны: они с трудом получают для опытов температуру, близкую к абсолютному нулю. Земля, как огромная печь, дышит теплом даже на расстоянии тысячи километров. Растения нашей оранжереи без вреда переносят короткую ночную прохладу. Мы даже не пускаем в ход электрических печей. У нас здесь чудесный горный климат. Скоро на ваших бледных ленинградских щеках заиграет румянец. Я здесь пополнел, у меня появился аппетит.

— Признаться, и я есть хочу, — сказал я.

— Так полетим в столовую, — предложил Крамер, протягивая мне бронзовую от загара руку.

Он вывел меня в коридор, и мы, подпрыгивая и хватаясь за ремешки, направились в столовую.

Это была большая комната цилиндрической формы, позолочённая первыми лучами «утра». Большое решётчатое окно с толстыми стёклами окружала рамка ярко-зелёных вьющихся растений. Такой яркой зелени мне на Земле не приходилось видеть.

— А вот и он!

Я оглядываюсь на знакомый голос и вижу Мёллер. Она прилепилась к стене, как ласточка, а возле неё Тоня в лёгком сиреневом платье. Волосы Тони после дезинфекционных процедур взлохмачены. Я радостно улыбаюсь ей.

— Пожалуйте, пожалуйте сюда, — зовёт Мёллер. — Ну, чем вас потчевать?

Передо мной на полке герметически закрытые банки, баллоны, кубы, шары.

— Мы вас будем кормить из соски жидкой пищей, манной кашей. С твёрдыми кусками вы не справитесь: вылетят из рук — не поймаете. У нас всё больше вегетарианская пища. Зато собственные плантации. Здесь яблочный мусс, — она указала на закрытую банку, — здесь клубника с рисом, абрикосы, персики, маседуан из бананов, репа Кэц, — такой вы на Земле не ели… Хотите репы?

И Мёллер ловко сняла с полки цилиндр с трубочкой на боку. В задней стенке цилиндра имелась трубка пошире. Эту трубку Мёллер вставила в небольшой насос и начала качать. На наконечнике боковой трубки показалась желтоватая пена. Мёллер протянула цилиндр Тоне.

— Берите и сосите. Если сосать будет трудно, подкачайте воздуху. Наконечники стерилизо-

ваны. Чего гримасничаете? Наша посуда не так красива, как греческие чаши, но зато хороша для здешних условий.

Тоня нерешительно взяла трубку в рот.

— Ну как? — спросила Мёллер.

— Очень вкусно.

Крамер подал мне другую «соску». Полужидкая жёлтая кашица из «кэцовской репы» была действительно очень вкусна. Маседуан из бананов тоже хорош. Я не успевал подкачивать насос. Затем следовало желе из абрикосов и клубничный мусс.

Я ел с удовольствием. Но Тоня была задумчива и почти ничего не ела.

В коридоре я нагнал её, схватил за руку и спросил:

— Чем вы озабочены, Тоня?

— Я сейчас была у директора Звезды Кэц, справлялась о Евгеньеве. Его уже нет на Звезде. Он отправился в длительное межпланетное путешествие.

— Значит, и мы последуем за ним? — с тревогой спросил я.

— Увы! — ответила она. — Нам надо работать. Но директор сказал, что, может быть, вы совершите межпланетное путешествие.

— Куда? — с испугом спросил я.

— Ещё не знаю. На Луну, на Марс, — может быть и дальше.

— Нельзя ли с Евгеньевым поговорить по радио?

— Можно. Радиосвязь Кэца не установлена только с Землёй: мешает слой Хевисайда. Он отбрасывает радиолучи. Мне как раз придётся работать на нём, чтобы короткими лучами пробить этот слой и установить радиосвязь с Землёй. Пока связь поддерживается световым телеграфом. Прожектор в миллион свечей даёт вспышки, которые прекрасно принимаются на Земле, если только небо не покрыто облаками. Впрочем, на Памире, в городе Кэц, небо почти всегда безоблачно. С летящими же в межпланетном пространстве ракетами Звезда Кэц говорит по радио… Сейчас я пойду на радиостанцию и постараюсь наладить связь с ракетой, исследующей мировое пространство между Звездой Кэц и Луной… А вас директор просил зайти к нему. — Посмотрев на часы-браслет. Тоня добавила: — Хотя к директору сегодня уже поздно. Полетим вместе на радиостанцию. Комната номер девять.

Огромный коридор, ярко освещённый электрическими лампами, уходил вдаль, как туннель

подземной дороги. Голоса здесь звучали тише обычного, потому что воздух был разрежён, и я не сразу услышал, что меня окликают.

Это был Крамер. Он летел к нам, махая небольшими крыльями. Сбоку и над спиной его торчали какие-то предметы, похожие на сложенные веера.

— Вот вам крылья, — сказал он, — чтобы вы совсем были похожи на небожителей. В раскрытом виде эти штуки немного напоминают крылья летучей мыши. Прикрепляются к кистям рук. Могут складываться и откидываться назад, и тогда вы можете свободно брать всё.

Крамер ловко прикрепил нам крылья размеров в большой лист лопуха, показал, как обращаться с механизмом, и улетел назад. Я и Тоня принялись за полёты. Мы не раз сталкивались головами, ударялись о стены, делали неожиданные повороты. Но неловкие движения не причиняли нам боли.

— В самом деле, мы похожи на летучих мышей, — со смехом сказала Тоня. — Ну, кто первый долетит до радиостанции?

Мы сорвались с места.

— А почему так пустынно в коридоре? — спросил я.

— Все на работе, — сказала Тоня. — Здесь, го-

ворят, по вечерам публика летает роем. Как майские жуки в погожий день!

Мы подлетели к комнате номер девять. Тоня нажала кнопку, и дверь бесшумно открылась. Первое, что меня удивило, — это радист. Он с наушниками на ушах примостился на «потолке» и записывал радиотелефонограмму.

— Готово, — сказал он, пряча в сумку у пояса записную книжку: эта сумка заменяла ему ящик письменного стола. — Вы хотите поговорить с Евгеньевым? Попытаемся.

— А это трудно? — спросила Тоня.

— Нет, нетрудно, но у меня сегодня не работает длинноволновый передатчик, а на короткой волне найти ракету, спирально поднимающуюся над Землёй, несколько сложнее. Я сейчас вычислю местонахождение ракеты и попробую…

Но в этот момент он неожиданно задел ногою за стену и отлетел в сторону. Его удержали шнуры радионаушников, и через мгновение радист принял прежнее положение. Вынув записную книжку, он посмотрел на хронометр и углубился в расчёты. А потом принялся за настройку.

— Алло… Алло! Говорит Звезда Кэц! Да. Да. Позовите к аппарату Евгеньева. Нет? Скажите ему, чтобы он, когда вернётся, вызвал Звезду Кэц. С

ним должна говорить новая сотрудница Звезды Кэц. Фамилия…

— Антонина Герасимова, — поспешила сказать Тоня.

— Товарищ Герасимова. Слышишь? Так. Много? Хороший улов? Поздравляю.

Он выключил аппарат и сказал:

— Евгеньева нет в ракете. Он вылетел в межпланетное пространство на промысел и вернётся часа через три. Занят ловлей мелких астероидов. Прекрасный строительный материал. Железо, алюминий, граниты. Я вызову вас, когда Евгеньев будет у радиотелефона.

IX. В БИБЛИОТЕКЕ

За вечерним чаем ко мне подлетел Крамер.

— Вы свободны сегодня вечером? — спросил он меня и пояснил: — Не удивляйтесь, пожалуйста, на Звезде стоминутные сутки, но по привычке мы рабочий день исчисляем по земному времени. Закрывая ставни, делаем «ночь» и спим шесть-семь «звёздных» суток. Теперь по московскому времени восемь часов вечера. Не хотите ли познакомиться с нашей библиотекой?

— Охотно, — ответил я.

Как и все помещения на Звезде Кэц, библиотека представляла собой цилиндр. Окон не было. Боковые стены были сплошь заняты ящиками. По продольной оси цилиндра — от двери до противоположной стены — натянуты четыре тонких троса. Придерживаясь за них, посетители передвигались в этом своеобразном коридоре. Пространство между «коридором» и боковыми стенками заполнял ряд сетчатых коек. В помещении был чистый, озонированный воздух с запахом хвои. Газонаполненные трубки, пролегающие между ящиками, светились приятным матовым светом. Тишина. На некоторых койках лежат люди с надетыми на голову чёрными коробками, изредка подкручивая выступающие из коробок круглые рукоятки.

Странная библиотека! Можно подумать, что здесь не читают, а проходят какой-то курс лечения.

Перебирая руками трос, я двигаюсь за Крамером к противоположному концу библиотеки. Там на фоне сложенных стеной чёрных ящиков порхает девушка в ярко-красном шёлковом платье.

— Наш библиотекарь, Эльза Нильсон. Познакомьтесь, — говорит Крамер и шутя бросает меня к девушке. Она, смеясь, подхватывает меня на

лету, и мы знакомимся.

— Что будете читать? — спрашивает она. — У нас миллион экземпляров книг почти на всех языках мира.

Миллион экземпляров! Где же они могут разместиться здесь? Но потом я догадываюсь:

— Фильмотека?

— Да, книги на плёнке, — говорит Нильсон. — Читают их с помощью проекционного фонаря.

— Легко и компактно, — добавляет Крамер. — Целый том, страница за страницей отпечатанный на плёнке, занимает места не больше, чем катушка ниток.

— А газеты? — спрашиваю я.

— Их заменяют радио и телевизор, — отвечает Нильсон.

— Книги на плёнках — это уже не новость, — говорит Крамер. — У нас есть вещи поинтереснее. Какую же программу вечера мы составим для товарища Артемьева? Давайте так: сначала мировая хроника. Покажем, что на Звезде Кэц мы не отстали от мировых событий. Затем дайте «Солнечный столб»...

— Это новый роман? — спросил я.

— Да, в некотором роде, — ответил, улыбаясь, Крамер. — Ну, и хотя бы «Атмосферную электро-

станцию».

Кивнув головой, Нильсон вынула из ящика круглые плоские металлические коробки.

Крамер предложил мне лечь на койку. Затем, вложив эти коробки в ящик с рукоятками, надел его мне на голову.

— Лежите, слушайте, смотрите, — сказал он.

— Лежу, но ничего не вижу и не слышу. Абсолютная тишина и мрак.

— Поверните ручку справа, — сказал Крамер.

Я повернул. Что-то щёлкнуло, тихо зажужжало. Сильный свет ослепил меня. На мгновение я закрыл глаза и в то же время услышал голос.

«Тропические джунгли Африки расчищаются под культурное земледелие».

Я открыл глаза и увидел сверкающую в ослепительных лучах африканского солнца сине-зелёную поверхность океана, а на ней — растянутый в боевую линию огромный флот: дредноуты, сверхдредноуты, линкоры, крейсеры и истребители всех видов и систем. Здесь были и старые военные корабли, изрыгающие из широкогорлых труб клубы чёрного дыма, и более новые теплоходы с двигателями внутреннего сгорания, и позднейшие — с электрическими двигателями.

Это зрелище было так неожиданно, что я

невольно вздрогнул. Неужто опять война? Но какая же может, быть война, когда с капитализмом покончено во всём мире? Не угощают ли меня старым фильмом из времён последней войны, которая привела к революции?

«Военный флот — орудие истребления — мы превратили в мирный грузовой транспорт», — продолжал всё тот же голос.

Ах, вот в чём дело! Ослеплённый ярким светом, я сразу не заметил, что боевые башни с чудовищными морскими пушками сняты. Вместо них на кораблях установлены грузовые краны. Сотни хлопотливых катеров, буксиров, барж снуют между «боевой» цепью судов и новенькой гаванью. В гавани кипит разгрузочная работа.

Я снова повернул ручку. И… это тоже похоже на войну.

Огромный лагерь, белые палатки и фанерные домики, окрашенные в белый цвет. У домов и палаток люди в белых костюмах — европейцы и чернокожие. За лагерем дымовая завеса, поднимающаяся почти до зенита. Дым валит клубами, как при огромном пожаре…

Новый «кадр» — сплошная стена непроходимого тропического леса пылает в огне. На пепелище стоят огромные фургоны — коробки из метал-

лической сетки на стальных каркасах. В них копошатся люди, выкорчёвывая небольшими машинами пни.

«Тропики — самые богатые солнцем места на Земле. Но они были недоступны для культурного земледелия. Непроходимые леса, болота, хищные звери, ядовитые гады, насекомые, губительные лихорадки наводняли тропики. Смотрите, чем они становятся теперь!..»

Равнина. Тракторы возделывают землю. Чернокожие трактористы сверкают белыми зубами в весёлой улыбке. На горизонте многоэтажные дома, густая зелень садов. «Тропики прокормят миллионы людей... Идея Циолковского претворяется в жизнь...»

«Как, и здесь Циолковский? — удивляюсь я. — Сколько же идей успел он заготовить впрок будущему человечеству!»

И, словно в ответ на эту мысль, я увидел другие картины великой переделки Земли по идеям Циолковского.

Превращение в оазисы пустынь путём использования энергии солнца; приспособление под жильё и оранжерейное «озеленение» доселе неприступных гор; солнечные двигатели, машины, работающие силой приливов, отливов и

морских волн; новые виды растений, которые используют больший процент солнечной энергии…

Но это уже по моей части. Об этих достижениях мне известно.

Мировая кинохроника окончилась. После минутного перерыва я вновь услышал голос. И всё, что он рассказывал, как наяву проходило перед моими глазами.

* * *

«Я участвовал в испытательном пробеге аэросаней нового типа, — говорил голос. — Условия были поставлены довольно тяжёлые: проехать сотни километров тундры далеко за Полярным кругом.

Я был начальником пробега и возглавлял колонну. Мы продвигались прямо на север.

Было темно. Северное сияние не полыхало на небе.

Только фары освещали путь. Стояли пятидесятиградусные морозы. Кругом безлюдная снежная равнина.

Мы ехали два дня, поглядывая на компас.

И вдруг мне показалось, что небо на горизонте порозовело.

— Начинается северное сияние. Будет веселее ехать, — сказал товарищ, который вёл наши сани.

Через полчаса северный небосклон разгорелся ещё ярче.

— Странное северное сияние, — сказал я спутнику. — Совершенно отсутствуют переливы света. И краски не те. Обыкновенно северное сияние вначале бывает зеленоватого цвета, потом расцвечивается розовым разных оттенков. А этот свет как заря, и притом совершенно неподвижный. Он только постепенно усиливается и медленно переходит от розового к белому, по мере того как мы продвигаемся вперёд.

— Быть может, это зодиакальный свет? — сказал мой товарищ.

— Невозможно ни по месту, ни по времени. И не похоже: глядите — световая полоса проходит почти от зенита до горизонта, постепенно расширяясь, как конус.

Мы так увлеклись созерцанием загадочного небесного явления, что не заметили глубокой лощины с довольно крутым склоном и едва не сломали санных лыж.

Через несколько минут, выбравшись из лощины, мы заметили значительное потепление.

Термометр показывал тридцать восемь ниже нуля, а всего час назад было пятьдесят.

— Может быть, этот свет излучает тепло? — сказал я.

— Если так, то это совершенно необъяснимо, — возразил спутник. — Световой столб, отапливающий тундру!

Он рассмеялся.

Столб лежал на пути нашего маршрута, и нам ничего больше не оставалось, как ехать к этому световому конусу и узнать, если удастся, в чём дело.

Мы ехали, а вокруг становилось всё теплее и светлее. Вскоре мой товарищ погасил фары; в них больше не было надобности. Затем мы заметили усиливающуюся тягу воздуха в направлении светового конуса, а в его вершине разглядели ослепительно сверкающий узкий серп, словно серп Венеры, наблюдаемый в бинокль.

Увы, по мере нашего продвижения загадка не только не разгадывалась, но становилась ещё более запутанной.

— Этот свет поразительно напоминает солнечный, — сказал мой товарищ в недоумении.

Скоро стало светло как днём. Но справа, слева и позади нас были сумерки, переходившие на

горизонте в полную тьму. Ветер, стлавшийся по земле, всё усиливался, поднимая снежную пыль. Мы продолжали путь в снежном самуме.

Между тем температура стремительно повышалась.

— Минус тридцать… Двадцать пять… Семнадцать. Девять… — сообщал мой спутник. — Ноль… Два градуса выше ноля… И это после пятидесяти холода! Теперь мне становится понятным ветер. Видимо, этот «солнечный столб» нагревает воздух и почву, — получается большая разница температур. Холодный воздух притекает снизу к тёплой зоне, а вверху, наверное, есть обратные течения тёплого воздуха.

Но вот мы приблизились к черте, на которую непосредственно падали световые лучи. Снежинки, увлекаемые ветром, таяли; буран превратился в дождь, который падал не с неба, а налетал сзади; снег на земле быстро таял, становился рыхлым и водянистым. На склонах бугров и лощин уже журчали ручьи. Санный путь портился. Тёмная морозная полярная зима, как в сказке, превращалась в дружную весну.

Ехать дальше становилось опасным: можно погубить сани. Я остановился. Остановился и весь поезд. Из аэросаней начали выскакивать водите-

ли, инженеры, корреспонденты, кинооператоры — участники пробега. Они не менее меня были заинтересованы необычайным явлением.

Я распорядился поставить несколько саней боком, чтобы защититься от ветра, и открыл совещание. Оно продолжалось недолго. Все были согласны, что ехать дальше рискованно, и решили, что несколько человек должны сопровождать меня в пешеходной экспедиции, остальные останутся с санями. Мы же, разведав, в чём дело, вернёмся, а затем все вместе объедем «солнечный столб» стороной и продолжим наш путь.

На месте нашей остановки термометр показывал восемь градусов тепла по Цельсию. Поэтому, скинув меховые одежды, мы надели охотничьи сапоги и кожаные костюмы, взяли с собой небольшие запасы продовольствия, инструменты и отправились в путь.

Этот путь был нелёгким. Сначала наши ноги проваливались в рыхлый снег, потом мы увязали в грязи. Нам приходилось обходить речки, болота, небольшие озёра. К счастью, кромка грязи была не очень широка. Мы уже видели сухой «берег», покрытый изумрудно-зелёной травой и цветами.

— В конце декабря далеко за Полярным кругом — свет, тепло и зелёная трава! Ущипните меня

за ухо, чтобы я проснулся! — воскликнул мой приятель.

— Но это не весна, а какой-то чудесный островок весны среди океана полярной зимы, — заметил другой спутник. — Если бы это была самая настоящая весна, то на всех здешних болотах и озёрах мы встретили бы массу птиц.

Наш кинооператор установил аппарат, навёл фокус и взялся за ручку. Но в этот момент налетел шквал и повалил его в грязь вместе с аппаратом. Плед кинооператора был поднят ветром на огромную высоту и заброшен неведомо куда.

Ураган не прекращался, и ветер буквально сбивал с ног. Здесь уже не было постоянного направления ветра; он дул порывами то в спину, то в лицо, то закручивался смерчем, почти приподнимая нас на воздух. Очевидно, мы подошли к той границе, где приток холодного воздуха встречался с нагретым, сталкивался и создавал вихревые восходящие потоки. Это была граница циклона, вызванного неведомым «солнечным столбом».

Мы уже не шли, а карабкались на четвереньках, ползли по грязи, цепляясь друг за друга из последних сил…

Совершенно измученные, мы добрались до

сухой почвы и попали в зону полного штиля. Здесь только чувствовались восходящие токи от нагретой земли, как над полем в жаркий летний полдень. Температура поднялась до двадцати градусов тепла.

Мы просохли в несколько минут и расстегнули куртки. Весна переходила в лето.

Невдалеке поднимался небольшой холм, покрытый травою, цветами и стелющимися по земле полярными берёзками. Летали комары, мухи, бабочки, воскресшие под живительными лучами.

Мы взошли на холм и остановились как вкопанные. То, что мы увидели, было похоже на мираж.

Перед нами колосилась пшеница. На отдельных полосах росли подсолнечники, зеленела кукуруза. За полем — огороды с капустой, огурцами, свёклой, помидорами, грядки клубники и земляники. Ещё дальше — пояс кустарников: смородины, крыжовника и даже участков виноградных лоз с гроздьями зрелого винограда. За кустарниками — плодовые деревья: груши, яблони, вишня, сливы; за ними — мандарины, абрикосы и персики, и, наконец, в центральном кольце оазиса, где температура, очевидно, была

очень высокой, росли апельсиновые, лимонные деревья, какао вперемежку с чайными и кофейными кустами.

Словом, здесь были собраны главнейшие культурные растения средней полосы, субтропиков и даже тропические.

Меж полями, огородами, садами были проложены дороги — концентрическими кругами и по радиусу к центру. Там возвышался пятиэтажный дом с балконами и радиомачтой наверху, ярко освещённый отвесными лучами. На балконах, на подоконниках открытых окон виднелись цветы, зелень. По стенам тянулись вьющиеся растения.

На полях, в огородах, в садах работали люди в лёгких костюмах и в широкополых шляпах…

Минуты две мы простояли в оцепенении. Наконец мой товарищ вымолвил:

— Это превосходит предел человеческого удивления. Ффу! — тяжело вздохнул он. — Вот так сказка из «Тысячи и одной ночи»!

Мы направились по радиальной дорожке к центру оазиса. Временами я поглядывал на небо, откуда исходили таинственные лучи. Ослепительный, как солнце, серп, превращался в диск.

Навстречу нам по дорожке, усыпанной жёлтым песком, меж апельсиновыми деревьями, отягчён-

ными зрелыми плодами, шёл загорелый человек в белой рубашке, белых брюках до колен и сандалиях на босу ногу. Широкополая шляпа бросала тень на его лицо. Он издали приветливо махнул нам рукой. Поравнявшись с нами, сказал:

— Здравствуйте, товарищи! Мне уже сообщили о вашем приходе. Однако вы смелые люди, если сумели пробраться сквозь полосу наших циклонов.

— Да, у вас хорошие сторожа, — смеясь, ответил мой товарищ.

— Сторожить нам незачем, — возразил человек в белом костюме. — Пограничные вихри — это, так сказать, побочное явление. Но если бы мы захотели, то могли бы создать такое вихревое заграждение, через которое не пробралось бы сюда ни одно живое существо. И мышь и слон с одинаковой лёгкостью были бы подняты на десяток километров и отброшены назад в мёртвую снежную пустыню. Вы всё-таки подвергались большой опасности. А между тем с восточной стороны имеется крытый ход, по которому можно совершенно безопасно проникнуть сюда сквозь «зону Бурь»… Ну, давайте знакомиться, Крукс, Вильям Крукс. Директор опытного оазиса. Вы, видимо, не знали, что здесь существует такой

оазис? Впрочем, это можно заключить по вашим изумлённым лицам. Оазис — не секрет. О нём сообщалось и в газетах и по радио. Но я не удивляюсь вашей неосведомлённости. С тех пор как трудящиеся взялись за переустройство мира, во всех частях земного шара производится столько работ, что стало трудно быть в курсе всего. Вы слыхали о Звезде Кэц?

— Да, — ответил я.

— Так вот, наше «искусственное солнце», — Крукс указал на небо, — обязано своим происхождением Звезде Кэц. Звезда Кэц — первая небесная база. Имея эту базу, нам уже не трудно было создать и наше «солнце». Вы, вероятно, догадываетесь, что оно собой представляет? Это вогнутое зеркало, состоящее и полированных металлических листов. Оно помещено на такой высоте, что лучи Солнца, находящегося за земным горизонтом, падают на зеркало и отражаются на Землю вертикально. Посмотрите на тени. Они отвесны, как на экваторе в полдень. Палка, прямо воткнутая в землю, не даёт никакой тени. Температура в центре оазиса тридцать градусов тепла и днём и ночью в продолжение круглого года. По краям оазиса она несколько ниже из-за притока холодного воздуха. Хотя этот

приток очень незначителен: холодный воздух тотчас же увлекается вверх восходящими токами. Соответственно этим температурным зонам мы и располагаем наши растения. В центре, как видите, у нас произрастают даже такие теплолюбивые растения, как какао.

— Но если это ваше искусственное солнце погаснет? — сказал я.

— Если бы оно погасло, растения нашего оазиса погибли бы в несколько минут. Но погаснуть оно не может, пока светит настоящее Солнце. Поворачивая зеркальные листы под известным углом, можно регулировать температуру. Здесь она у нас постоянная. И мы собираем несколько урожаев в год. Это «солнце» лишь первое среди десятков других, которые скоро зажгутся на высоких широтах юга и севера земного шара. Мы покроем целой сетью таких оазисов полярные и приполярные страны. Постепенно воздух будет прогреваться и между оазисами. Мы создадим мощное «солнце» над Северным полюсом и растопим вековые льды. Прогрев воздух и породив новые воздушные течения, отеплим всё северное полушарие. Мы превратим ледяную Гренландию в цветущий сад с вечным летом. И, наконец, доберёмся до Южного полюса с его неистощимыми

природными богатствами. Освободим ото льдов целый материк, который вместит и прокормит миллионы людей. Мы превратим нашу Землю в лучшую из планет…»

Голос умолк. Наступила темнота. Слышно было только жужжание аппарата. Затем опять вспыхнул свет, и я увидел новую необычайную картину.

В просторах стратосферы, под небом аспидного цвета летают странные снаряды, похожие на ощетинившихся ежей. Внизу — лёгкие перистые облака, под ними — кучевые, слоистые… Сквозь пелену облаков виднеется поверхность Земли: зелёные пятна лесов, чёрные квадраты пашни, извилистые серебристые нити рек, блёстки озёр, тончайшие ровные линии железных дорог. «Ежи» мечутся по небу в разных направлениях, оставляя за собой дымовые хвосты. По временам «ежи» замедляют свой полёт, останавливаются. Тогда из «ежей» вырываются ослепительные молнии и почти отвесно падают на Землю.

…Большая кабина. Круглые, иллюминаторы с толстыми кварцевыми стёклами. Сложные, невиданные мной аппараты. Двое молодых людей у аппаратов. Третий сидит у стола за измерительными приборами и управляет работой двух:

— …Пять тысяч… семь… Задержать полёт… Десять ампер… Пятьсот тысяч вольт… Стоп… Разряд!

Молодой человек у аппарата дёргает рычаг. Сухой треск необычайной силы разрывает тишину, молния срывается и летит на Землю.

— Вперёд, полный ход!.. — командует старший.

Он поворачивает лицо ко мне и говорит — Вы находитесь на атмосферной электростанции — тоже одно из предприятий Звезды Кэц.

Построив Звезду Кэц, мы смогли исследовать стратосферу с исчерпывающей полнотой, изучили атмосферное электричество. О нём знали давно. Были даже попытки использовать его для промышленных целей. Но эти попытки не увенчались успехом ввиду ничтожного количества атмосферного электричества. Считалось, что над одним квадратным километром накопляется всего 0,04 киловатт-часа энергии. Так оно и есть, если брать слои атмосферы, близкие к поверхности Земли. Разряды молнии дают неизмеримо больше — 700 киловатт-часов в одну сотую долю секунды. Но молния — случайный, редкий гость. Иное дело — высшие слои атмосферы. Там картина меняется.

Живя на Земле, мы находимся на дне воздушно-

го океана. Сравнительно давно люди научились пользоваться горизонтальными воздушными течениями, которые гнали их парусные корабли и вращали крылья ветряных мельниц. Потом открыли причину этих течений — неравномерное нагревание воздуха солнечными лучами. Затем, когда люди начали летать, они узнали, что по той же причине происходят движения воздуха и по вертикали — снизу вверх и сверху вниз. И, наконец, совсем недавно установили, что в нашем воздушном океане вследствие притяжения Солнца, и в особенности Луны, происходят такие же приливы и отливы, как в водных океанах. Но так как воздух почти в тысячу раз легче воды, то приливные явления должны быть особенно сильными. Атмосфера в отношении приливов и отливов ведёт себя примерно так, как водный океан глубиной в восемь километров.

Луна притягивает массы атмосферы, и наш воздушный океан вздымается, выпячивается по направлению к Луне. Получаются огромные периодические движения воздушных слоёв. Эти приливы и отливы сопровождаются трением газовых частиц, которые сильно ионизированы. Поэтому высокие слои атмосферы являются хорошим проводником для радиоволн. И вот в этих

сильно ионизированных слоях атмосферы при их движении относительно магнитного поля Земли возбуждаются, как в проводнике, индукционные токи Фуко.

Таким образом, в природе благодаря атмосферным приливам создаётся своеобразная динамомашина, влияющая на магнитное состояние Земли. Это обнаружено на записях магнитографов.

Изучая работу этой грандиозной машины, этого своеобразного «вечного двигателя», мы нашли, что запасы атмосферного электричества неистощимы. Они с лихвой покрывают потребности человечества в электроэнергии, надо только суметь «снять» это электричество.

То, что вы видите, — первое и несовершенное разрешение задачи. Ракеты снабжены остриями-иглами, принимающими на себя электричество, которое накопляется в своего рода лейденских банках. Затем происходит разряд «молний» над безлюдным местом, где существует приёмная станция с металлическими шарами, парящими высоко над нею и соединёнными с нею тросами.

Сейчас мы приступаем к строительству грандиозной атмосферной станции, работа которой будет совершенно автоматизирована. В страто-

сфере соорудим постоянные, неподвижные установки, соединённые друг с другом проводами. Эти установки будут накоплять электричество и отдавать его Земле по ионизированному столбу воздуха. Люди получат неистощимый источник энергии, необходимый для великой переделки Земли.

Снова темнота, молчание… Затем вспыхивает голубой свет. Он постепенно переходит в розовый. Утро. Яблони в цвету. Молодая мать держит ребёнка. Он протягивает руки лучезарному дню…

Видение исчезло.

Вдруг я увидел небесные просторы и нашу планету Землю, летящую в мировом пространстве. Послышалась торжественная музыка. Земля улетала в неведомые дали, превращаясь в звезду. А музыка становились всё тише и, наконец, словно угасла вдали. Сеанс был окончен. Но я ещё долго лежал с закрытыми глазами, переживая свои впечатления.

Да, Тоня, пожалуй, была права, упрекая меня в том, что я слишком замкнулся в своей работе. Вот только теперь я почувствовал, как изменилась жизнь во всём мире со времени мировой революции: какие работы, какие масштабы! А ведь это

только начало моих впечатлений. Что же ещё ждёт меня впереди?..

X. У ДИРЕКТОРА

Кабинет директора несколько отличался от других комнат, которые я видел. Возле окна стоял стол из чрезвычайно тонкого алюминия. На столе — папки, аппараты внутреннего телефона, радио и много кнопок с номерами. Возле стола — алюминиевый вращающийся стеллаж для книг и папок. На Звезде существовала небольшая искусственная сила тяжести, и предметы «лежали» на месте, но разлетались при малейшем движении. Поэтому все они были прикреплены автоматическими закрепками.

У стола на лёгком алюминиевом кресле сидел директор, пристегнувшись ремешком.

Это был человек лет тридцати, бронзовый от загара, с тёмным румянцем на щеках, с орлиным носом и большими выразительными чёрными глазами. На нём был лёгкий, не стесняющий движения костюм. Директор дружески кивнул мне головой (на Кэце за руку не здоровались) и спросил:

— Как вы себя чувствуете в наших условиях,

товарищ Артемьев? Не страдаете ли от недостатка кислорода?

— Как будто начинаю привыкать, — ответил я. — Но у вас здесь здорово прохладно и воздух разрежён, как на самых высоких горах Земли.

— Привычка, — ответил он. — Как видите, я чувствую себя превосходно. Лучше, чем на Земле. Там я был приговорён к смерти — третья стадия туберкулёза, кровохарканье, Меня чуть не на носилках внесли в ракету. И вот теперь я здоров как бык. Звезда Кэц делает и не такие чудеса. Это первоклассный курорт. Преимущество его перед земными в том, что каждому человеку здесь можно создать наилучший для него климат.

— Но как же вас при таком строгом отборе приняли на Кэц с открытой формой туберкулёза? — удивился я.

— Это было исключение для нужного человека, — с улыбкой рассказал директор. — Меня отправили в особой санитарной ракете и здесь долго выдерживали в изоляторе, пока не исчезли последние следы активного процесса. Наш врач, уважаемая Анна Игнатьевна Мёллер, занята хлопотами об открытии специальных надземных санаториев для больных костным туберкулёзом. Она уже делала опыты — результаты порази-

тельные. Никакого давления на разрушаемые процессы кости. Никаких гипсовых кроваток, корсета, костылей. Интенсивнейшие ультрафиолетовые лучи солнца. Полное дыхание кожи. Морской воздух. Нет ничего проще создать его в наших условиях. Полный покой, питание. Самые безнадёжные формы излечиваются в кратчайший срок.

— Но на землю этим людям возвращаться рискованно?

— Почему же, если процесс закончен? Многие вернулись и чувствуют себя прекрасно. Однако мы с вами отвлеклись. Ближе к делу… Так вот, товарищ Артемьев, биологи нам очень нужны. Работы здесь непочатый край. В первую очередь надо наладить снабжение Звезды фруктами, овощами собственной оранжереи. Пока с этим успешно справляется наш «огородник» Андрей Павлович Шлыков, но ведь мы всё расширяем небесные владения. На Земле люди могут расселяться только в четырёх направлениях: на восток, на запад, на север и на юг. А здесь ещё вверх и вниз — словом, во все стороны. Мы постепенно обрастаем всякими подсобными предприятиями. Новую оранжерею строим. Там работает помощник Шлыкова — Крамер.

— Я уже знаком с ним.

Директор кивнул головой.

— Так вот… — продолжал он, взмахнув рукой, в которой держал карандаш.

Карандаш выскользнул из пальцев и полетел по дуге мимо меня. Я хотел поймать его на лету, но ноги мои отделились от поля, колени приподнялись к животу, и я повис в воздухе. Только через минуту ступни моих ног коснулись «пола».

— Тут вещи непослушные, норовят убежать, — пошутил директор. — Так вот. Мы разводим фрукты и овощи в условиях почти полной невесомости. Вы подумайте, сколько интереснейших проблем открывается для биолога. Как ведёт себя в растениях при отсутствии силы тяжести геотропизм? Как происходит деление клеток, обмен веществ, движение соков? Как влияют ультракороткие лучи? Космические лучи? Да всего и не перечислишь! Шлыков делает открытие за открытием. А животные? Мы будем разводить и их. У нас уже есть несколько подопытных. Ведь этакая надземная лаборатория — клад для учёного, любящего своё дело. Вижу, и у вас глаза загорелись.

Я не видел своих глаз, но слова директора действительно обрадовали меня. Признаюсь, в этот

момент я позабыл не только об Армении, но даже и о Тоне.

— Я горю желанием приступить к работе, — сказал я.

— И завтра же приступите, — сказал директор. — Но пока не здесь, не в оранжерее. Мы организуем научную экспедицию на Луну. Полетят наш старик астроном Фёдор Григорьевич Тюрин, геолог Борис Михайлович Соколовский и вы.

Услышав это, я сразу вспомнил Тоню. Оставить её, быть может, надолго. Не знать, что происходит здесь без меня…

— А зачем биолог? — спросил я. — Луна ведь совершенно мёртвая планета.

— Надо думать, что так. Но не исключена возможность… Вы поговорите с нашим астрономом, у которого есть кое-какие предположения на этот счёт. — Директор улыбнулся. — Старик наш немного с сумасшедшинкой. У него есть один пунктик — философия. «Философия движения». Боюсь, что он заговорит вас. Но в своей области он крупнейшая величина. Что же делать? В старости люди часто имеют «хобби», как говорят англичане, свой конёк. Вы отправляйтесь сейчас к Тюрину и познакомьтесь с ним. Интересный

старик. Только не давайте ему болтать много о философии.

Директор нажал одну из многочисленных кнопок.

— Вы уже знакомы с Крамером. Я вызову его, он вам поможет перебраться в обсерваторию. Не забудьте, что там нет и той ничтожной силы тяжести, которая действует здесь.

Влетел Крамер. Директор объяснил ему всё. Крамер кивнул головой, взял меня за руку, и мы вылетели в коридор.

— Я в этом полёте постараюсь научиться передвигаться в межпланетном пространстве самостоятельно, — сказал я.

— Одобряю! — поддержал Крамер. — Дед, к которому мы полетим, сердитый добряк. Редька с мёдом. Вы ему только не противоречьте, когда он будет о философии толковать. Иначе он расстроится и будет дуться на вас всю дорогу до Луны. А в общем чудесный старик. Мы его все любим.

Положение моё осложнялось. Директор советовал не давать Тюрину много философствовать. Крамер предупреждает — не злить старого астронома-философа. Придётся быть дипломатом.

XI. УЧЁНЫЙ ПАУК

В межпланетных костюмах, с портативными ракетами-ранцами за спиной, мы прошли сквозь атмосферную камеру, открыли дверь и выпали наружу. Толчка ноги было достаточно, чтобы мы понеслись в безвоздушном пространстве. На небе снова было «полноземие». Огромный светящийся вогнутый «таз» Земли занимал полнебосклона — «сто двенадцать градусов», — объяснил Крамер.

Я увидал очертания Европы и Азии, север, затянутый белыми пятнами облаков. В просветы ярко блестели льды северных полярных морей. На тёмных массивах азиатских гор белели пятна снежных вершин. Солнце отражалось в озере Байкал. Его очертания были отчётливы. Среди зеленоватых пятен извивались серебристые нити Оби и Енисея. Чётко выделялись знакомы контуры Каспийского, Чёрного, Средиземного морей. Отчётливо вырисовывались Иран, Аравия, Индия, Красное море, Нил. Очертания Западной Европы были словно размыты. Скандинавский полуостров покрывали облака. Западная и южная оконечности Африки тоже были плохо видны. Неясным, расплывчатым пятном выделялся в си-

неве Индийского океана Мадагаскар. Тибет был виден отлично, но восток Азии тонул в тумане. Суматра, Борнео, белёсое пятно западного берега Австралии… Японские острова еле различимы. Удивительно! Я одновременно видел север Европы и Австралию, восточные берега Африки и Японию, наши полярные моря и Индийский океан. Никогда ещё люди не окидывали такого огромного пространства Земли одним взглядом. Если на Земле на осмотр каждого гектара тратить только одну секунду, то и тогда потребовалось бы четыреста-пятьсот лет, чтоб осмотреть всю Землю, — так она велика.

Крамер сжал мне руку и показал на светящуюся точку вдали — цель нашего путешествия. Пришлось оторваться от изумительного зрелища Земли. Я посмотрел на Звезду Кэц и на ракетодром, похожий на большую сияющую луну. Далеко-далеко, в тёмных глубинах неба, то вспыхивала, то гасла неведомая красная звёздочка. Я догадался: это к ракетодрому приближается с Земли ракета. Вокруг Звезды Кэц в тёмном пространстве неба было немало близких звёзд. Присмотревшись к ним, я убедился, что они — создание рук человека. Это были «подсобные предприятия», о которых говорил директор; я их ещё не знал. Большинство

их имело вид светящегося цилиндра, но были и иные формы: кубы, шары, конусы, пирамиды. Некоторые строения имели ещё пристройки; от них шли какие-то рукава, трубы, диски, назначение которых не было мне известно. Другие «звёзды» периодически испускали ослепительные лучи. Часть «звёзд» стояла неподвижно, другая медленно двигалась. Были и такие, которые двигались друг возле друга, вероятно соединённые невидимой проволокой или тросом. Этим вращением, очевидно, создавалось искусственное тяготение.

Крамер вновь отвлёк моё внимание. Показывая на обсерваторию, он прислонил свой скафандр к моему и сказал:

— Успеете ещё насмотреться. Нажимайте кольцо на груди и стреляйте. Нельзя терять времени.

Я нажал кольцо. В спину ударило, и я полетел кувырком. Вселенная завертелась передо мной. Я видел то синее Солнце, то гигантскую Землю, то тёмные просторы неба, усеянного разноцветными звёздами. У меня зарябило в глазах, закружилась голова. Я не знал, куда лечу, где Крамер. Приоткрыв глаза, я с ужасом увидел, что стремительно падаю на ракетодром. Я поспешно нажал другую кнопку, получил толчок в бок и метнулся влево от ракетодрома. Неприятнейшее

ощущение! А главное, я ничего не мог поделать. Я сжимался; разгибался, извивался — ничего не помогало. Тогда я закрыл глаза и ещё раз нажал кнопку. Снова удар в спину… Обсерваторию я давно потерял из виду. Земля голубовато светилась внизу. Край её уже потемнел: приближалась короткая ночь.

Справа вспыхнул огонёк, — вероятно, взрыв портативной ракеты Крамера. Нет, я не буду больше стрелять без толку. И вот в момент моего жуткого отчаяния я увидел Звезду Кэц совсем не в том месте, где предполагал. Не помня себя от радости, я выстрелил и закувыркался пуще прежнего. Мною овладел страх. Эти цирковые упражнения были совсем не в моём духе… И вдруг что-то ударило меня по ноге, затем по руке. Уж не астероид ли?.. Если моя одежда прорвётся, я моментально обращусь в кусок льда и задохнусь… У меня по коже поползли мурашки. Быть может, в моём костюме уже образовалась скважина и межпланетный холод пробирается к телу? Я почувствовал, что задыхаюсь. Правая рука чем-то сжата. Стук в скафандр, и я слышу глухой голос Крамера:

— Наконец-то я поймал вас. Наделали вы мне хлопот… Я думал, что вы ловчее. Только не

стреляйте больше, пожалуйста. Вы метались из стороны в сторону, словно пиротехническая шутиха. Я едва не упустил вас из виду. Вы бы тогда совсем пропали.

Крамер отбросил мой белый плащ, в котором я совсем запутался, и живительные лучи Солнца быстро согрели меня. Кислородный аппарат был в исправности, но я еле дышал от волнения. Крамер, подхватив меня под мышку, как при первой высадке из ракеты, стрельнул слева, справа, сзади. И мы помчались. Впрочем, движения я не ощущал, видел только, что «вселенная стала на место». И Звезда Кэц будто падает вниз, а навстречу нам несётся звёздочка обсерватории. Она разгорается всё сильнее и сильнее, как переменная звезда.

Вскоре я мог различить внешний вид обсерватории. Это было необычайное сооружение. Представьте себе правильный тетраэдр: четырехгранник, все грани которого — треугольники. В вершинах этих треугольных пирамид помещены большие металлические шары со множеством круглых окон. Шары соединены трубами. Как я узнал впоследствии, трубы эти служат коридорами для перехода из одного шара в другой. На шарах воздвигнуты телескопы-рефлекторы.

Огромные вогнутые зеркала соединены с шарами лёгкими алюминиевыми фермами. Обычная на земле телескопная труба в «небесном» телескопе отсутствует. Здесь она не нужна: атмосферы нет, поэтому рассеивания света не происходит. Кроме гигантских телескопов, над шарами возвышаются сравнительно небольшие астрономические инструменты: спектрографы, астрографы, гелиографы.

Но вот Крамер замедлил полёт и изменил направление, — мы приблизились к одному из шаров по касательной лини и остановились вплотную возле трубы, которая соединяла шары, не коснувшись её. Такая предосторожность, как потом объяснил мне Крамер, была вызвана тем, что обсерватория не должна испытывать ни малейших толчков. Горе тому посетителю, который, причаливая, толкнёт обсерваторию. Тюрин гневно обрушится на гостя, заявив, что ему испортили лучший снимок звёздного неба и чуть ли не погубили его жизнь…

Крамер осторожно нажал кнопку в стене. Дверь открылась, и мы проникли в атмосферную камеру. Когда воздух наполнил её и мы сняли костюмы, мой проводник сказал:

— Этот старик буквально прирос к телескопу.

Он не отрывается даже для еды. Пристроил возле себя баллончики, банки и посасывает из трубки пищу, не прекращая наблюдений. Да вы и сами увидите. Пока вы будете с ним беседовать, я слетаю в новую оранжерею. Посмотрю, как там идут работы.

Он вновь надел скафандр. А я, открыв дверь, ведущую внутрь обсерватории, попал в освещённый электрическим светом коридор. Лампы были у меня под ногами, — оказывается, я влетел в обсерваторию вниз головой. Чтобы случайно не раздавить ногами лампы, я поспешил ухватиться за спасительные ремешки у стен. Складные крылья были со мною, но я не решился пустить их в ход в святилище страшного старика. Таким рисовался он мне по рассказам Крамера и директора.

Было очень тихо. Обсерватория казалась совершенно необитаемой. Только мягко гудели вентиляторы, да где-то раздавалось шипение, по-видимому, кислородных аппаратов. Я не знал, куда мне направиться.

— Эй, послушайте, — сказал я и кашлянул.

Полное молчание…

Я кашлянул громче, затем крикнул:

— Есть здесь кто-нибудь?

Из дальней двери показалась лохматая голова

юного негра:

— Кто? Что? — спросил он.

— Фёдор Григорьевич Тюрин дома? Принимает? — пошутил я.

На чёрном лице белозубым оскалом сверкнула улыбка.

— Принимает. А я спал. Я всегда сплю, когда у нас во Флориде ночь. Вы вовремя меня разбудили, — сказал словоохотливый негр.

— Как же вы из Флориды попали на небо? — не утерпел я.

— Пароходом, поездом, аэропланом, дирижаблем, ракетой.

— Да, но… почему?

— Потому, что я любопытный. Здесь так же тепло, как во Флориде. Я помогаю профессору, — слово «профессор» он произнёс с уважением, — он ведь совсем дитя. Если бы не я, он умер бы с голоду возле своего окуляра. У меня есть обезьянка Микки. С ней не скучно. Есть книги. И есть большая интересная книга — небо. Профессор рассказывает мне о звёздах.

«По-видимому, этот старик не такой уж страшный», — подумал я.

— Летите прямо по коридору до шара. В шаре есть канат. И он приведёт вас к профессору

Тюрину.

Послышался крик обезьянки.

— Что? Не можешь посмотреть, кто здесь? С кем я разговариваю? Ха-ха! Она теперь барахтается в воздухе посреди комнаты и никак не может опуститься на пол. У неё непременно отрастут крылья, — убеждённо добавил негр. — Без крыльев тут плохо.

Я пролетел до сферической стены — ею заканчивался коридор, — открыл дверцы и очутился в «шаре». К стенкам шара были прикреплены машины, аппараты, ящики, баллоны. От входной двери наискось был протянут довольно толстый канат. Он пропадал в отверстии перегородки, которая разделяла шар на половины. Я ухватился за канат и, перебирая его руками, начал подвигаться вперёд-вниз или вверх, не могу сказать. С этими земными понятиями приходится распроститься раз навсегда.

Наконец я пролез в отверстие и увидал человека. Он лежал в воздухе. А от него во все стороны шли тонкие шёлковые шнуры, прикреплённые к стенкам.

«Как паук в своей паутине», — подумал я.

— Джон? — спросил он неожиданно тонким голосом.

— Здравствуйте, товарищ Тюрин. Я Артемьев. Прилетел…

— А, знаю. Директор говорил. На Луну? Да. Летим. Отлично.

Он говорил, не отрывая глаз от окуляра и не делая ни одного движения.

— Садиться не приглашаю: не на чём. Да и не нужно.

Я постарался осторожно подобраться поближе к «пауку», чтобы лучше рассмотреть его лицо. Первое, что я увидел, — это огромную копну белоснежных густых волос и бритое, немного бледное лицо с прямым носом. Когда Тюрин чуть-чуть повернул голову в мою сторону, я встретил живой взгляд чёрных глаз с красноватыми веками. Вероятно, он переутомлял свои глаза.

Я кашлянул.

— Не кашляйте в мою сторону, беспорядок наделаете! — строго сказал он.

«Начинается, — подумал я. — Уж и кашлять нельзя».

Но, присмотревшись, я понял, почему нельзя кашлять.

Тюрин разложил в воздухе книги, бумагу, карандаши, тетради, носовой платок, трубку, портсигар. Малейшее движение воздуха — и вещи

улетят. Придётся звать Джона на помощь, — ведь самому профессору, наверное, нелегко распутать свою паутину. Он, очевидно, этой паутиной поддерживает своё тело в неподвижном состоянии у объектива телескопа.

— Очень большая труба у вашего телескопа, — сказал я, чтобы начать разговор.

Тюрин рассмеялся довольным смехом.

— Да, земным астрономам о таком телескопе не приходится и мечтать. Только трубы никакой нет. Разве, подлетая, вы не заметили этого?.. Простите, чтобы не забыть, я должен продиктовать несколько слов.

И он начал говорить фразы, пересыпанные астрономическими и математическими терминами. Потом плавно протянул руку вбок и повернул рычажок на чёрном ящике, который также был привязан шнурами. Если бы эти движения показать на экране, зрители были бы уверены, что механик слишком медленно вертит ручку аппарата.

— Автоматическая запись на ленте — домашний секретарь, — пояснил Тюрин. — Спрятан в коробочке, работает безукоризненно и есть не просит. Это скорее, чем записывать самому. Наблюдаю и тут же диктую. Машина и математи-

ческие исчисления помогает мне производить. На всякий случай карандаш и бумага при мне. Только не дышите в мою сторону… Да, так телескоп… Такого на Земле не построить. Там вес ставит предел величине. Это у меня зеркальный телескоп-рефлектор. И не один. Зеркала имеют в диаметре сотни метров. Рефлекторы гигантских размеров. И сделаны они здесь из небесных материалов, стекло — из кристаллических метеоров. Я тут настоящий промысел метеоров-болидов организовал… Да, о чём я… Разве на Земле можно заниматься астрономией? Они там кроты по сравнению со мной. Я здесь за два года опередил их на целое столетие. Вот подождите, скоро мои труды будут опубликованы… Возьмите планету Плутон. Что о ней знают на Земле? Время обращения вокруг Солнца в сутках знают? Нет. Среднее расстояние от Солнца? Наклонение эклиптики? Нет. Масса? Плотность? Сила тяжести на экваторе? Время вращения на оси? Нет, нет и нет. Открыли, называется, планету!..

Он по-стариковски захихикал.

— А белые карлики, двойные звёзды? А строение галактической системы? А общее строение вселенной?.. Да что говорить! Даже атмосферу планет солнечной системы толком не знают!

До сих пор спорят. А у меня тут открытий на двадцать Галилеев хватит. Я не хвалюсь этим, потому что в данном случае не человек красит место, а место человека. Любой астроном на моём месте сделал бы то же. И работаю я не один. У меня целый штат астрономов… Уж если кто был гениален, так это тот, кто придумал надземную обсерваторию. Да, Кэц. Ему мы этим обязаны.

У отверстия что-то зашевелилось. И я увидел обезьянку, а затем курчавую голову Джона. Крепко запустив пальчики в густую шевелюру негритёнка, обезьянка восседала у него на голове.

— Товарищ профессор! Вы ещё не завтракали? — сказал Джон.

— Провались! — ответил Тюрин.

Обезьянка визгливо закричала.

— Вот и Микки тоже говорит. Выпейте горячего кофе, — настаивал Джон.

— Сгинь, пропади! Убери свою крикунью.

Обезьянка закричала ещё пронзительнее.

— Не уберу, пока не позавтракаете!

— Ну хорошо, хорошо. Вот видишь, уже начал, пью, ем.

Тюрин осторожно притянул к себе баллон и, открыв кран трубки, пососал раз-другой.

Обезьянка и голова Джона скрылись, но через несколько минут вынырнули снова. Так повторялось до тех пор, пока, по мнению Джона, профессор не насытился.

— И это каждый день, — со вздохом сказал Тюрин. — Прямо истязатели. Но и то сказать, без них я совершенно забываю о еде. Астрономия — это, молодой друг мой, такая увлекательная вещь!.. Вы думаете, что астрономия наука? Наука о звёздах? Нет. По-настоящему говоря, это мировоззрение. Философия.

«Началось», — с испугом подумал я. И, чтобы ускользнуть от опасной темы, спросил:

— Скажите, пожалуйста, нужен ли биолог при путешествии на Луну?

Тюрин осторожно повернул голову и посмотрел на меня испытующе, недоверчиво.

— А вы что же, о философии и слушать не хотите?

Вспомнив напутствия Крамера, я поспешно ответил:

— Наоборот, я очень интересуюсь философией, но сейчас… осталось мало времени, мне нужно подготовиться. Я хотел бы знать…

Тюрин припал к окуляру телескопа и молчал. Неужто рассердился? Я не знал, как выйти из

неловкого положения. Но Тюрин неожиданно заговорил:

— Я никого не имею на Земле. Ни жены, ни детей. В обычном смысле, я одинок. Но мой дом, моя родина — вся Земля и всё небо. Моя семья — все трудящиеся мира, такие же славные ребята, как и вы.

От этого внезапного комплимента у меня полегчало на душе.

— Вы думаете, здесь, в этом паучьем углу, я оторвался от Земли; её интересов? Нет. Мы здесь делаем большое дело. Вам ещё предстоит познакомиться со всеми научными разветвлениями Звезды Кэц.

— Кое с чем я уже познакомился в библиотеке. «Солнечные столбы»...

Тюрин вдруг плавно протянул руку, включил аппарат «автоматический секретарь» и продиктовал ему несколько фраз, по-видимому, записывая свои последние наблюдения или мысли. Потом продолжал:

— Я гляжу на небо. И что больше всего поражает мой ум? Вечное движение. Движение — это жизнь. Остановка движения — смерть. Движение — счастье. Связанность, остановка — страдание, несчастье. Счастье в движении — движении тела,

мысли. На этом фундаменте можно построить даже мораль. Как вы полагаете?

Наступил критический момент. Я не знал, что ответить.

— Мне кажется, вы правы, — наконец сказал я. — Но эту глубокую идею необходимо продумать.

— Ага! Вы всё-таки находите, что это глубокая идея? — весело запищал профессор и впервые резво повернулся в мою сторону. Паутина заколебалась. Хорошо, что здесь невозможно падение.

— Я непременно продумаю эту идею, — сказал я, чтобы окончательно завоевать симпатию своего будущего товарища по путешествию. — А сейчас за мною залетит товарищ Крамер, и я хотел бы…

— Ну что бы вы хотели знать? Зачем на Луне может понадобиться биолог? Луна ведь совершенно мёртвая планета. На Луне полное отсутствие атмосферы и потому абсолютно отсутствует органическая жизнь. Так принято думать. Я позволю себе мыслить несколько иначе. Мой телескоп… Да, вот извольте взглянуть на Луну. Цепляйтесь по этим шнурам, только осторожно. Не заденьте книг. Вот так! Ну, одним глазком…

Я взглянул в объектив и поразился. Поверхность Луны была на очень близком расстоянии,

я отчётливо различал даже отдельные глыбы и трещины. Край одной такой глыбы блестел разноцветными огнями. Очевидно, это были выходы кристаллических горных пород.

— Ну, что скажете? — самодовольно сказал профессор.

— Мне кажется, что я вижу Луну ближе, чем Землю с высоты Звезды Кэц.

— Да, а если вы посмотрите на Землю в мой телескоп, то разглядите и свой Ленинград… Так вот. Я полагаю на основе моих наблюдений, что на Луне есть хотя бы ничтожное количество газов. Следовательно, могут быть и кое-какие растения… Завтра мы с вами полетим проверять. Я, собственно, не любитель путешествий. Мне и отсюда видно. Но на этой экспедиции настаивает наш директор. Дисциплина прежде всего… Так вот… Теперь вернёмся к нашему разговору о философии движения…

Бесконечное прямолинейное движение ничем не отличается от неподвижности. Бесконечность впереди, бесконечность позади, — нет масштаба. Всякий пройденный отрезок пути по сравнению с бесконечностью равен нулю.

Но как же быть с движением во всём Космосе? Космос вечен. Движение в нём не прекращается.

Неужто же и движение Космоса — бессмыслица?

Я несколько лет думал о природе движения, пока не нашёл, наконец, где зарыта собака.

Дело оказалось совсем простым. Факт тот, что в природе вообще отсутствует непрерывное бесконечное движение — и прямолинейное, и по кривой. Всякое движение прерывисто, вот в чём секрет. Ещё Менделеев доказал закономерную прерывистость величин (даже величин!), в данном случае — атомов. Эволюционное учение заменяется, вернее углубляется, генетическим, всё большая роль отводится в развитии организмов скачкам, мутациям. Прерывистость магнитных величин доказана Вейсом, прерывистость лучеиспускания — Бланком, прерывистость термических характеристик — Коноваловым. Космос вечен, но все движения в Космосе — прерывисты. Солнечные системы рождаются, развиваются, дряхлеют и умирают. Рождаются новые разнообразные системы. Имеют конец и начало, а значит, и масштаб измерения. То же происходит и в органическом мире… Вам всё понятно? Вы следите за моей мыслью?..

На моё счастье, из люка вновь показалась голова негра с обезьянкой.

— Товарищ Артемьев, Крамер ждёт вас в атмо-

сферной камере, — сказал он.

Я поспешил проститься с профессором и выполз из этого паучьего угла.

Признаюсь, Тюрин заставил меня подумать о его философии. «Счастье в движении». Но какое печальное зрелище, если посмотреть со стороны, представляет собой творец философии движения! Затерянный в тёмных пространствах неба, опутанный паутиной, неподвижно висит он дни, месяцы, годы… Но он счастлив, это несомненно. Недостаток движения тела заменяется интенсивным движением мысли, мозговых клеток.

XII. ТЮРИН ТРЕНИРУЕТСЯ

Крамер ждал меня, не снимая своего скафандра, — он, видимо, торопился. Я быстро оделся. И мой провожатый, понизив атмосферное давление почти до полного вакуума, открыл наружную дверь. Крепко держа меня перед собой, он осторожно отделился от стенок обсерватории боковым скользящим движением и при помощи лёгких выстрелов повернулся к Звезде Кэц. Потом сделал несколько сильных выстрелов, и мы понеслись с огромной быстротой. Теперь Крамер мог бы выпустить меня из рук, но, видимо не

доверяя больше моему «лётному искусству», он придерживал сзади мой локоть.

Взглянув на приближающуюся Звезду Кэц, я заметил, что она довольно быстро вращается на своей поперечной оси. Очевидно, ремонт оранжереи был окончен, и теперь искусственно создавалась более значительная сила тяжести.

Нелёгкая задача — пришвартоваться к крылу вращающейся мельницы. Но Крамер справился с этим. Он начал описывать круги над концом цилиндра Звезды в направлении его вращения. Уравняв таким образом наше движение с движением цилиндра, он ухватился за скобу.

Не успел я раздеться, как меня вызвала к себе Мёллер.

Не знаю, намного ли в ракете увеличилась тяжесть. Вероятно, она была не более одной десятой земной. Но я почувствовал знакомое приятное напряжение мускулов. Радостно было «ходить» ногами «по полу», вновь обрести верх и низ.

Я бодро вошёл к Мёллер.

— Здравствуйте, — сказала она. — Я послала за Тюриным. Он сейчас будет здесь. Как вы его нашли?

— Оригинальный человек, — ответил я. — Однако я ожидал встретить…

— Я не о том, — прервала Мёллер. — Как он выглядит? Я спрашиваю как врач.

— Очень бледен. Несколько одутловатое лицо…

— Разумеется. Он ведёт совершенно невозможный образ жизни. Ведь в обсерватории есть небольшой сад, гимнастический зал, аппараты для тренировки мускулатуры, но он совершенно пренебрегает своим здоровьем. Признаться, это я уговорила директора отправить Тюрина на Луну и впредь буду настаивать на коренном изменении его жизненного режима, иначе мы скоро потеряем этого исключительного человека.

Явился Тюрин. При ярком освещении амбулатории он выглядел ещё более нездоровым. К тому же его ножные мышцы совершенно отвыкли от движения и, возможно, частично атрофировались. Он едва держался на ногах. Колени его подгибались, ноги дрожали, он беспомощно размахивал руками. Если бы его сейчас перенесли на Землю, он, вероятно, почувствовал бы себя, как кит, выброшенный на берег.

— Вот до чего вы себя довели! — укоризненно начала Мёллер. — Не человек, а кисель.

Маленькая энергичная женщина отчитывала старого учёного, как непослушного ребёнка. В за-

ключение она отправила его на массаж, приказав после массажа явиться на медицинский осмотр.

Когда Тюрин ушёл, Мёллер обратилась ко мне:

— Вы биолог и поймёте меня. Тюрин — исключение. Все мы чувствуем себя прекрасно. Однако эта лёгкость «небесной жизни» сильно беспокоит меня. Вы не ощущаете или почти не ощущаете своего тела. Но каковы будут последствия? Кэц — молодая звезда. И даже наши старожилы находятся в условиях невесомости не более трёх лет. А что будет через десяток лет? Как такое приспособление к среде отзовётся на общем состоянии организма? Наконец, как будут развиваться наши новорождённые дети? И дети детей? Весьма вероятно, что кости наших потомков будут становиться всё более хрящевидными, студенистыми. Мышцы атрофироваться. Это первое, что сильно беспокоит меня, как человека, отвечающего за здоровье нашей небесной колонии. Второе — космические лучи. Несмотря на оболочку нашего жилища, которая частично задерживает эти лучи, мы всё же получаем их здесь гораздо больше, чем на Земле. Пока я не вижу вредных последствий. Но опять-таки у нас ещё слишком мало материала для наблюдений. У мух-дрозофил здесь наблюдается усиленная мутация, причём

многие родятся с летальными генами — не дают потомства. Что, если такое же действие окажут лучи и на людей Звезды Кэц? Вдруг у них начнут рождаться дети-уроды или мертворождённые младенцы?.. В конечном счёте всё в наших руках. Все вредные последствия мы можем устранить. Искусственно создать любую силу тяжести, если нужно — даже большую, чем на Земле. Можем и изолироваться от космических лучей. Но нам надо проделать массу опытов, чтобы определить оптимальные условия… Видите, сколько работы для вас, биологов?

— Да, работы хватит, — сказал я, очень заинтересованный словами Мёллер. — Эта работа нужна не только для небесных колоний, но и для Земли. Насколько расширятся наши познания о живой и мёртвой природе! Я в восторге, что случай привёл меня сюда.

— Тем лучше. Нам нужны работники-энтузиасты, — сказала Мёллер.

Упоминание о «случае, который привёл меня сюда», навело меня на мысль о Тоне. Захваченный новыми впечатлениями, я даже не вспоминал о ней. Что с нею и как её поиски?

Я распростился с Мёллер и вылетел в коридор. В коридоре слышались весёлый смех, голоса,

песни и жужжание крыльев; хоть и появилась небольшая тяжесть, но молодёжь по привычке действовала крыльями. Им нравилось делать прыжки, пролетая несколько метров, как летучие рыбы. Некоторые упражнялись в ходьбе по полу. Сколько молодых, весёлых, загорелых лиц! Сколько забав и проказ: вот группа девушек, нарушая «уличное» движение, затеяла игру в «мяч», причём «мячом» была одна из них — маленькая толстушка. Она визжала, перелетая из рук в руки.

Все гуляющие чувствовали себя весело и беззаботно. Видимо, работа совсем не утомляла людей в этом «легковесном» мире. Бочком, держась стены, я добрался до двери комнаты Тони. Тоня сидела возле окна на лёгком алюминиевом стуле. Видимо, за это время из склада принесли мебель.

За окном на чёрном небе огромное зарево — кольцо «ночной» Земли. Свет зари румянил лицо и руки Тони. Её лицо было задумчиво.

Мне захотелось растормошить её. Я подошёл к ней и сказал, улыбаясь:

— Ну, сколько вы теперь весите?

И, не долго думая, взял её за плечи и легко приподнял, как трёхлетнюю девочку. Вероятно, весёлое настроение толпы заразило и меня.

Она молча отстранилась.

— О чём вы грустите? — спросил я, чувствуя неловкость.

— Так… о маме вспомнила.

— «Земное притяжение» действует? Тоска по родине?

— Может быть, — ответила она.

— А что с Евгеньевым?

— Ещё не дозвонилась. Аппарат всё время занят. А как ваш разговор с директором?

— Завтра лечу на Луну.

Она вскинула на меня глаза.

— Надолго?

— Не знаю. Самый полёт, говорят, продолжается не более пяти-шести дней. А сколько пробудем на Луне, неизвестно.

— Это очень интересно, — сказала Тоня, пристально глядя на меня. — Я бы с удовольствием полетела с вами. Но меня временно посылают в лабораторию, которая находится на таком расстоянии от Земли, что туда не достигает земное лучеиспускание. Там в тени царит холод мирового пространства. Я лечу оборудовать новую лабораторию для изучения электропроводности металлов при низких температурах…

Глаза её оживились.

— Есть интереснейшая проблема! Вы знаете, что сопротивление электрическому току в металлах с понижением температуры понижается. При температурах, близких к абсолютному нулю, сопротивление тоже почти равно нулю… Над этими вопросами работал ещё Капица. Но на Земле требовались колоссальные усилия, чтобы достичь низких температур. А в межпланетном пространстве… это просто. Представьте себе металлическое кольцо, помещённое в вакууме, в температуре абсолютного холода. В кольцо направляется индуцированный ток. Его можно довести до необычной мощности. Этот ток будет циркулировать в кольце вечно, если не повысится температура. При повышении же температуры происходит мгновенный разряд. Если в кольце дать ток достаточно высокого напряжения, то мы сможем иметь своего рода законсервированную молнию, которая проявит свою активность, как только температура повысится.

— Молния, законсервированная в сосуде Дьюара, — подхватил я, — который снабжён взрывателем, падает на Землю. При ударе о землю пистон взрывается, температура в сосуде повышается, и молния производит своё разрушительное действие.

Тоня улыбнулась.

— Какие у вас кровожадные мысли! Я не думала о таком применении.

— Совсем не кровожадные, — возразил я. — С войнами покончено. Но можно взрывать скалы, айсберги…

— Ах вот что… Разумеется. Вопрос только в том, что при отсутствии сопротивления падает и напряжение, — значит, и мощность… Надо произвести подсчёт. Как бы и в этом деле пригодился Палей! — воскликнула она почти со страстью.

Это, конечно, была страсть учёного, но я не мог скрыть своего огорчения.

* * *

Нам не удалось вылететь на другой день: заболел Тюрин.

— Что с ним? — спросил я у Мёллер.

— Раскис наш философ, — ответила она, — от «счастья» заболел, от движения. В сущности говоря, с ним ничего особенного не приключилось… Жалуется на боль в ногах. Икры болят. Это пустяки, но как его такого на Луну пустить? И себе и вам хлопот наделает. При десятой части земной тяжести раскис. А ведь на Луне — шестая. Там он, пожалуй, и ног не потянет. Я решила дать ему по-

тренироваться несколько дней. У нас в небе есть склады пойманных астероидов. Все эти небесные камни, куски планет, складываются в виде шара. Чтобы отдельные куски не разлетались от случайных толчков, наши гелиосварщики расплавили и сварили поверхность этих планеток. К одной такой «бомбе» мы прикрепили стальным тросом полый шар и привели их в круговое движение. Получилась центробежная сила, тяжесть внутри полого шара равна тяжести на Луне. Вот в этом шаре и тренируется Тюрин. Давление и количество кислорода в шаре такие же, как и в скафандре межпланетного костюма. Слетайте, голубчик, навестите Тюрина. Только один не летите. Захватите с собой вашу няньку — Крамера.

Я разыскал Крамера в гимнастическом зале. Он выделывал на трапеции головокружительные штуки. Цирковым гимнастам на Земле о таких трюках и мечтать не приходится.

— Полететь я с вами полечу, — сказал он, — но пора научиться летать самостоятельно. Ведь вы на Луну летите, а во время такого путешествия мало ли что может случиться!

Крамер привязал меня к себе длинной проволокой и предоставил мне лететь к «манежу» Тюрина. Я уже не кувыркался и «стрелял» до-

вольно удачно, но уменья «приземлиться» к вращающемуся шару у меня не хватило, и Крамер поспешил мне на помощь. Через четыре минуты после отлёта мы уже вползали в металлический шар.

Встречены мы были неистовым визгом и криком. Я с любопытством окинул взглядом внутренность шара, освещённого большой электрической лампой, и увидел, что Тюрин сидит на «полу» и стучит кулаками по резиновому ковру, а возле него гигантскими прыжками скачет негритёнок Джон. Обезьянка Микки с весёлым визгом прыгает с плеч Джона до «потолка», хватается там за ремешки и падает вниз, на плечо или голову Джона. «Лунная тяжесть», видимо, пришлась по вкусу Джону и обезьянке, что нельзя было сказать про Тюрина.

— Вставайте, профессор! — звонко закричал Джон. — Доктор Мёллер приказала вам ходить по пятнадцать минут, а вы ещё и пяти не ходили.

— Не встану! — разгневанно пропищал Тюрин. — Что я, лошадь на корде? Истязатели! У меня и так ноги отваливаются!

В этот момент я и Крамер «свалились с неба» возле Тюрина. Джон первый увидел нас и обрадовался.

— Вот смотрите, товарищ Артемьев, — затараторил он, — профессор меня не слушает, опять хочет залезть в свою паутину…

Обезьянка вдруг заплевала, завизжала.

— Да уйми ты свой патефон! — ещё тоньше и пронзительнее закричал Тюрин. — Здравствуйте, товарищи! — обратился он к нам и, став на четвереньки, тяжело поднялся.

«Ну как с таким на Луну лететь?» — подумал я и переглянулся с Крамером. Тот только головой качнул.

— Ведь вы, профессор, сами мне не раз говорили: чем больше движений, тем больше счастье… — не унимался Джон.

Такой «философский аргумент» со стороны Джона был неожиданным. Мы с Крамером невольно улыбнулись, а Тюрин покраснел от гнева.

— Надо же понимать! Надо понимать! — закричал он на самых высоких нотах. — Есть различного рода движения. Эти грубо физические движения мешают высшим движениям клеток моего головного мозга, моим мыслям. И потом всякое движение прерывисто, а ты хочешь, чтобы я маршировал без отдыха… Нате, ешьте моё мясо, пейте мою кровь!

И он зашагал с видом мученика, кряхтя, охая

и вздыхая.

Джон отвёл меня в сторону и быстро зашептал:

— Товарищ Артемьев! Я очень боюсь за моего профессора. Он такой слабый. Ему опасно без меня лететь на Луну. Ведь он даже есть и пить забывает. Кто о нём будет заботиться на Луне?..

У Джона даже слёзы выступили на глазах. Он горячо любил своего профессора. Я, как умел, утешил Джона и обещал заботиться о профессоре во время путешествия.

— Вы отвечаете за него! — торжественно произнёс негритёнок.

— Да, конечно! — подтвердил я.

Вернувшись на Звезду, я всё рассказал Мёллер. Она неодобрительно покачала головой:

— Придётся мне самой заняться Тюриным.

И эта маленькая энергичная женщина действительно отправилась в «манеж».

Я тоже времени не терял даром: учился летать в межпланетном пространстве и, по словам моего учителя Крамера, сделал большие успехи.

— Теперь я спокоен, что во время путешествия на Луну вы не потонете в пучинах неба, — сказал он.

Через несколько дней Мёллер вернулась из «манежа» и объявила:

— На Землю профессора я бы ещё не решилась пустить, но для Луны он «в полной лунной форме».

XIII. К ЛУННОЙ ОРБИТЕ

Накануне нашего лунного путешествия я проводил Тоню в лабораторию мирового холода. Прощание было краткое, но тёплое. Она крепко пожала мне руку и сказала:

— Берегите себя…

Эти простые слова сделали меня счастливым.

На другое утро Тюрин довольно бодро вошёл в ракету. Джон, совершенно убитый горем, провожал его. Казалось, он вот-вот заплачет.

— Вы отвечаете за профессора! — крикнул он мне перед тем как дверь ракеты захлопнулась.

Оказывается, мы летим на Луну не прямым путём, а по спирали, обращённой вокруг Земли. И неизвестно, сколько продлится путешествие. В нашей ракете могут разместиться двадцать человек. А нас всего шестеро: трое членов научной экспедиции, капитан, штурман и механик. Всё свободное пространство ракеты занято запасами продовольствия, взрывчатых веществ и жидкого кислорода. А наверху ракеты прикреплён вагон

на колёсах, предназначенный для нашего путешествия по лунной поверхности. Сопротивления воздуха нет, поэтому «лунный автомобиль» не уменьшит скорости полёта ракеты.

Скоро наша ракета покинула гостеприимный ракетодром Звезды Кэц. И сразу же Тюрин почувствовал себя очень плохо. Дело в том, что как только мы развивали скорость и взрывы учащались, вес тела менялся. И я понимал Тюрина: можно привыкнуть к тяжести, можно привыкнуть к невесомости, но привыкнуть к тому, что твоё тело то ничего не весит, то вдруг как будто наливается свинцом, невозможно.

Хорошо, что у нас были достаточные запасы продовольствия и горючего, поэтому мы могли не спешить, и взрывы были умеренные. Звук их передавался только по стенкам ракеты. К этим звукам можно было привыкнуть, как к жужжанию мотора или тиканью часов, но усиление тяжести!..

Тюрин вздыхал, охал. Кровь то приливала к его лицу, и оно становилось багровым, почти синим, то отливала, — лицо бледнело, желтело.

И только наш геолог Соколовский, жизнерадостный, плотный человек с пышными усами, неизменно был весел.

Когда невесомость тела возвращалась, астроном начинал говорить вслух, — привычка, которую он приобрёл в своём долгом одиночестве. Говорил он без связи: то сообщал интересные астрономические сведения, неизвестные земным астрономам, то изрекал «философские сентенции».

— Почему так привлекательно кино? Потому, что в нём мы видим движение…

Затем он начинал стонать и корчиться, потом снова говорить.

Я смотрел в окно. По мере того как мы удалялись от Земли, она казалась всё меньше. Наш «день» становился всё длиннее, ночи всё короче. В сущности, это были не ночи, а солнечные затмения.

А вот с Луной происходили забавные вещи.

Если наша ракета находилась в противоположной точке орбиты от Луны, Луна казалась маленькой, гораздо меньше, чем мы видим её с Земли, а если мы по орбите приближались к Луне, она становилась невиданно огромной.

Наконец наступил момент, когда максимальные размеры Луны сравнялись с размерами Земли. Наш капитан, не раз совершавший путешествие к лунной орбите, сказал нам:

— Поздравляю. Мы одолели четыре пятых расстояния, отделяющего нас от Луны. Сорок восемь земных радиусов позади. При наших межпланетных путешествиях в пределах солнечной системы земной радиус — 6378,4 километра — служит единицей измерения. Это своего рода миля межпланетных навигаторов, — пояснил он.

Теперь размер Луны колебался в течение суток — время обращения ракеты вокруг Земли. Половину суток Луна «пухла», увеличивалась в размерах, половина «худела». Но эти сутки уже стали гораздо больше земных.

Безоблачный, сияющий день всё рос.

Капитан говорит, что притяжение Луны с каждым часом сказывается всё сильнее и искажает путь ракеты. Движение ракеты то ускоряется, то замедляется в результате цепких объятий нашего земного спутника. Луна не хочет отпускать нас от себя. Если бы не сила противодействия, заключающаяся в наших взрывных приборах, мы были бы вечными пленниками Луны. Насколько же опаснее притяжение огромных планет солнечной системы!

В первые часы полёта капитан надолго покинул управление, предоставив ракете автоматически лететь по намеченному пути. Это не было

опасным. Но чем дальше, тем всё реже капитан отходил от пультов управления, хотя они и механизированы.

Мы неслись вокруг Земли уже примерно по той же орбите, что и Луна, поэтому путешествие вокруг Земли совершали в одинаковое с Луной время — около тридцати земных суток. Наша ночь — солнечные затмения стали так же редки, как лунные на Земле. Ракета всё реже нагоняла Луну, и, наконец, их движения уравнялись. Ракета достигла такого же расстояния от Земли, как и Луна. Расстояние между ракетой и Луной сделалось неизменным.

Казалось, что Луна, Земля и ракета неподвижны, и только звёздный свод непрерывно движется.

— Скоро здесь небесные колонии будем строить, — нарушил молчание Соколовский.

— Ну нет, батенька мой, не так скоро, — отозвался Тюрин. — Надо сперва достать тут материалы. Нельзя всё притащить с Земли. Наоборот, мы ещё Земле должны посылать кое-какие «небесные» подарки. Вот коллекцию метеоритов мы уже послали. Хорошая коллекция. Весь рой Леонидов.

И Тюрин довольно рассмеялся.

— Это верно, — сказал Соколовский. — Нам

надо много железа, никеля, стали, кварца для сооружения наших жилищ.

— И где же вы достанете эти ископаемые? — спросил я. Слово «ископаемые» вызвало взрыв смеха Соколовского.

— Не ископаемые, а излетаемые, — сказал он. — Метеориты — вот «ископаемые». Недаром я гонялся за ними.

— Метеоритный промысел организовал я. Это моя идея! — внёс поправку Тюрин.

— Я не оспариваю этого, профессор, — сказал Соколовский. — Идея ваша — осуществление моё. Вот и сейчас я послал Евгеньева в новую разведку.

Фамилия «Евгеньев» заставила меня вспомнить весь путь, приведший меня в небо. И подумать только, как быстро все эти личные дела отошли на задний план перед необычайными здешними впечатлениями!

— Вы знаете, товарищ Артемьев, что мы нашли целый рой мелких метеоритов совсем недалеко от Звезды Кэц? — обратился Соколовский ко мне. — Повыше попадались и более крупные. При их исследовании нашли железо, никель, кремнезём, глинозём, окись кальция, полевой шпат, хромовое железо, железные окислы, графит и

другие простые и сложные вещества. Словом, всё необходимое для построек плюс кислород для растений и воду. Обладая энергией Солнца, мы можем обработать эти материалы и получить всё, что нам надо, вплоть до карандашей. Кислород и вода, конечно, находятся здесь не в готовом, а в «связанном» виде, но химиков это не затрудняет.

— А я изучил по вашим данным движение этих остатков погибших небесных тел, — вмешался Тюрин, — и пришёл к интересным выводам. Часть метеоритов прилетела издалека, но большинство носилось вокруг Земли по той же орбите, что и Звезда Кэц…

— На это, профессор, обратил ваше внимание я, — сказал Соколовский.

— Ну да! Но выводы-то сделал я.

— Не будем спорить, — примирительно заметил Соколовский.

— Я не спорю. Я только люблю точность. На то я и учёный, — возразил Тюрин и даже приподнялся в кресле, но тотчас же опустился и заохал.

— Мёллер права, — сказал он. — Совсем я ослабел за годы неподвижного лежания в мире невесомости. Надо будет изменить режим.

— Вот Луна вас проманежит, — рассмеялся геолог.

— Да. Так я хотел сказать о моей гипотезе, — продолжал Тюрин. — Метеоритов, вращающихся вокруг Земли, так много, что, надо думать, они являются остатком разорвавшегося маленького земного спутника — второй Луны. Это была совсем крошечная Луна. Когда мы точно подсчитаем количество и массу этих метеоров, то сможем реставрировать былые размеры этого спутника, как палеонтологи реставрируют костяки вымерших животных. Маленькая вторая Луна! Но она могла светить не слабее нашей Луны, так как находилась ближе к Земле.

— Простите, профессор, — неожиданно вмешался молодой механик, цветом кожи и худощавым сложением похожий на индуса. — Мне кажется, на таком близком расстоянии Земля притянула бы к себе маленькую Луну.

— Что? Что? — грозно вскричал Тюрин. — А крошечная Звезда Кэц почему не падает на Землю? А? Всё дело в быстроте движения… Но маленькая Луна всё же погибла, — примирительно сказал он. — Борющиеся силы — инерция и земное притяжение — разорвали её в клочья… Увы, увы, это грозит и нашей Луне! Она распадётся на осколки. И Земля получит прекрасное кольцо, как у Сатурна. Я полагаю, что это лунное кольцо даст

не меньше света, чем Луна. Оно будет украшать ночи земных жителей. Но всё же это будет потеря, — со вздохом закончил он.

— Невознаградимая потеря, — вставил я.

— Гм… Гм… А может быть, и вознаградима. У меня есть кое-какой проект, но о нём я пока помолчу.

— А как вы охотились за метеорами? — спросил я у Соколовского.

— Это забавная охота, — ответил геолог. — Мне приходилось охотиться за ними не только на орбите Звезды Кэц и…

— В поясе астероидов между орбитами Марса и Юпитера, — перебил Тюрин. — Земными астрономами найдено немногим более тысячи этих астероидов. А мой каталог перевалил за четыре тысячи. Эти астероиды — тоже остатки планеты, более значительной, чем погибшая вторая Луна. По моим расчётам, эта планета была больше, чем Меркурий. Марс и Юпитер взаимным притяжением разорвали её на куски. Не поделили! Кольцо Сатурна — тоже погибший его спутник, раздроблённый на куски. Видите, сколько уже покойников в нашей солнечной системе. За кем очередь? Ой-ой… опять эти толчки!

Я снова заглянул в окно, придерживаясь ру-

ками за обитые кожей мягкие подлокотники кресла. За окном всё то же чёрное небо, сплошь усеянное звёздной пылью. Так можно лететь годы, столетия, и картина будет всё та же…

И вдруг мне вспомнилась моя давнишняя поездка в вагоне самого обыкновенного поезда со старичком паровозом. Лето. Солнце спускается за лес, золотя облака. В открытое окно вагона тянет лесной сыростью, запахом аконита, сладким запахом липы. В небе за поездом бежит молодой месяц. Лес сменяется озером, озеро — холмами, по холмам разбросаны дома, утопающие в садах. А потом пошли поля, повеяло запахом гречихи. Сколько разнообразия впечатлений, сколько «движения» для глаза, уха, носа, выражаясь словами Тюрина. А здесь — ни ветра, ни дождей, ни смены погод, ни ночи, ни лета, ни зимы. Вечно однообразный траурный свод неба, страшное синеватое солнце, неизменный климат в ракете…

Нет, как ни интересно побывать в небе, на Луне, других планетах, но эту «небесную жизнь» я не променяю на земную…

— Ну так вот!.. Охота за астероидами — самый увлекательный вид охоты, — вдруг услышал я басок геолога Соколовского.

Мне нравится слушать его. Он говорит как-то

просто, по-домашнему, «по-земному», словно беседует в своём кабинете где-нибудь на седьмой линии Васильевского острова. На него, по-видимому, необычайная обстановка не производит никакого действия.

— Подлетая к поясу астероидов, надо держать ухо востро, — говорит Соколовский. — Иначе того и гляди, какой-нибудь осколок величиной с московский Дворец Советов, а то и больше обрушится на ракету — и поминай её как звали! Поэтому летишь по касательной, всё более приближаясь к направлению астероидов… Замечательная картина! Вы подлетаете к поясу астероидов. Вид неба изменяется… Взгляните-ка на небо. По существу, его нельзя назвать совершенно чёрным. Фон чёрный, но на нём сплошная россыпь звёзд. И вот на этой светящейся россыпи вы замечаете тёмные полосы. Это пролетают не освещённые солнцем астероиды. Иные чертят на небе яркие, как серебро, следы. Другие оставляют полосы медно-красного света. Всё небо становится полосатым. По мере того как ракета поворачивает в сторону движения астероидов, набирает скорость, летит и уже почти наравне с ними, они перестают казаться полосами. Вы попадаете в необычайный мир и летите среди многочислен-

ных «лун» различной величины. Все они летят в одном направлении, но ещё опережают ракету.

Когда какая-нибудь из «лун» пролетает близко от ракеты, вы видите, что она совсем не круглая. Эти «луны» имеют самые разнообразные формы. Один астероид, скажем, похож на пирамиду, другой приближается к форме шара, третий похож на неотёсанный куб, большинство же — просто бесформенные обломки скал. Некоторые летят группами, иные под влиянием взаимного притяжения сливаются в «виноградную гроздь»... Поверхность их то матовая, то блестящая, как горный хрусталь.

«Луны» справа, «луны» слева, вверху, внизу... Когда ракета замедляет полёт, кажется, будто «луны» стремительно двинулись вперёд, но вот ракета снова набирает скорость, и они начинают как бы замедлять полёт. Наконец, ракета их обгоняет — «луны» отстают.

Опасно лететь медленнее астероидов. Они могут нагнать и вдребезги разбить ракету. Совершенно безопасно лететь в одном с ними направлении и с одинаковой скоростью. Но тогда видишь только окружающие астероиды. При этом кажется, что всё стоит неподвижно — и ракета, и «луны» слева, справа, сверху, сзади.

Только звёздный свод медленно течёт, потому что и астероиды и ракета всё-таки летят и меняют своё положение на небе.

Наш капитан предпочитал летать немного скорее астероидов. Тогда небесные глыбы не налетят сзади. И вместе с тем двигаешься в рое «лун», рассматриваешь их, выбираешь. Словом, выступаешь в роли гоголевского чёрта, который собирается похитить с неба луну. Только маленькую. У нас ещё не хватает сил сорвать большой астероид с его орбиты и прибуксировать к Звезде Кэц. Мы боимся израсходовать всё горючее и оказаться пленниками астероида, который увлечёт нас за собой. Требовалось большое умение и ловкость, чтобы приблизиться к астероиду без толчка и взять его «на абордаж». Капитан так направлял ракету, что она, летя наравне с астероидом, как можно ближе подходила к нему. Затем боковые взрывы прекращались. Мы пускали в ход электромагнит: ведь почти все астероиды, кроме кристаллических, состоят главным образом из железа. Наконец, когда расстояние уменьшалось до ничтожной величины, мы выключали электромагнит, предоставляя остальное силе притяжения. Через некоторое время мы ощущали едва заметный толчок. В первое время, однако,

причал не всегда сходил гладко. Иногда мы довольно-таки сильно сталкивались. Астероид — для нас незаметно — отклонялся от своей орбиты, зато ракета, как более лёгкая, отлетала в сторону, и приходилось снова маневрировать. Потом мы наловчились «причаливать» очень чисто. Оставалось только прикрепить астероид к ракете. Мы пробовали привязывать его запасными цепями, пробовали удерживать электромагнитом, но всё это было плохо. Впоследствии мы научились даже припаивать метеоры к оболочке ракеты, благо солнечной энергии у нас достаточно, а аппараты гелиогенной сварки мы всегда брали с собой.

— Но для этого надо было выходить из ракеты? — сказал я.

— Само собой. Мы и выходили. Даже путешествовали по астероидам. Помню один случай, — продолжал Соколовский, смеясь. — Мы подлетали к большому астероиду, имевшему вид плохо обточенной каменной бомбы несколько сплюснутой формы. Я вылетел из ракеты, уцепился за острые углы астероида и пошёл в «кругосветное» путешествие. И что же вы думаете? На сплюснутых «полюсах» я поднимался и стоял на ногах «вверх головой», а на выпуклом «экваторе» центр тяжести переместился, и мне

пришлось становиться на голову «вверх ногами». Так я и шёл, цепляясь руками.

— Это была, очевидно, вращающаяся планетка, и изменялся не центр тяжести, а относительная тяжесть, — поправил Тюрин. — У поверхности полюсов вращения тяжесть имеет наибольшую величину и нормальное направление к центру. Но чем дальше от полюса, тем тяжесть слабее. Так что человек, идущий от полюса к экватору, как бы спускается с горы, причём крутизна спуска всё растёт. Между полюсами и экватором направление тяжести совпадало с горизонтом, и вам казалось, что вы спускаетесь с совсем отвесной горы. А дальше почва представлялась уже наклонным потолком, и вам надо было хвататься за что придётся, чтобы слететь с планетки… С Земли в лучшие телескопы, — продолжал Тюрин, — видны планеты с диаметром не менее шести километров. А астероиды бывают величиною и с пылинку.

— На каких только мне не приходилось бывать, — сказал Соколовский. — На иных тяжесть так ничтожна, что достаточно было лёгкого прыжка, чтобы улететь с поверхности. Я был на одном таком с окружностью в семнадцать с половиной километров. Подпрыгнув на метр,

я опускался двадцать две секунды. Сделав движение не больше, чем то, которое необходимо, чтобы перешагнуть порог на Земле, я мог бы тут подняться на высоту двухсот десяти метров — немного ниже башни Эйфеля. Я бросал камни, и они уже не возвращались.

— Вернутся, но не скоро, — вставил астроном.

— Побывал я и на относительно большой планетке с диаметром только в шесть раз меньше лунного. Я поднимал там одной рукой двадцать два человека — моих спутников. Там можно было бы качаться на качелях, подвешенных на суровых нитках, построить башню в шесть с половиной километров высотой. Я пробовал там выстрелить из револьвера. Что получилось, можете себе представить! Если бы я сам не был сброшен с планетки выстрелом, моя пуля могла бы убить меня сзади, облетев вокруг астероида. Она, вероятно, и сейчас носится где-нибудь вокруг планеты, как её спутник.

— Поезда на такой планете двигались бы со скоростью тысячи двухсот восьмидесяти километров в час, — сказал Тюрин. — Кстати, несколько таких планет можно приблизить к Земле. Почему бы не устроить добавочное освещение? А затем и заселить эти планетки. Покрывать стеклянной

оранжереей. Насадить растения. Развести животных. Это будет великолепное жильё. Со временем так можно будет заселить Луну.

— На Луне то слишком холодно, что слишком жарко, — сказал я.

— Искусственная атмосфера под стеклянным колпаком и шторы умерят жар Солнца. Что же касается холода почвы во время лунных ночей, то у меня на этот счёт свои взгляды, — многозначительно заметил Тюрин. — Разве мы не отказались от теории раскалённого Ядра Земли с чрезвычайно высокой температурой? И тем не менее наша Земля тепла…

— Солнце и атмосферная шуба… — начал геолог, но Тюрин перебил его.

— Да, да, но не только это. В земной коре развивается тепло от радиоактивного распада в её недрах. Почему не может быть этого на Луне? И даже в более сильной степени? Радиоактивный распад сможет подогревать почву Луны. Да и не остывшая под лунной корой магма… Луна не так холодна, как кажется. И если там есть остатки атмосферы… Вот почему вы, биолог, включены в эту экспедицию, — обратился он ко мне.

Соколовский с сомнением покачал головой.

— На астероидах я что-то не встречал подогрева-

ния почвы радиоактивным распадом элементов.

— Астероиды меньше Луны, — пискливо ответил астроном.

Он ненадолго замолчал и вдруг опять ударился в философствование, словно две мыслительные линии в его мозгу шли параллельно.

Мёртвые немигающие звёзды заглядывают в окно нашей ракеты. Звёздный дождь, пересекая небосклон, мчится куда-то вбок и вверх, — ракета поворачивает.

— Мы набрали уже немало астероидов, — тихо говорит мне Соколовский, не обращая внимания на Тюрина, который, как пифия, изрекает свои фразы. — Прежде всего мы «подвели фундамент» под наш ракетодром. Чем больше его масса, тем он устойчивее. Случайные удары причаливающих ракет не будут смещать его в пространстве. Затем мы поставляем астероиды на наши фабрики и заводы, — вы ещё с этим познакомитесь. Недавно нам удалось поймать интереснейшую планетку. Правда, это совсем небольшой осколок — по-земному, тонны на полторы. Представьте себе, почти сплошной кусок золота… Недурная находка! Золотые россыпи в небе…

Очевидно, услыхав эти слов, Тюрин заметил:

— В больших планетах элементы располагают-

ся от поверхности к центру по их восходящему удельному весу: наверху силиций, алюминий-«сиал», ниже силиций, магний-«сима», ещё ниже никель, железо-«нифе», железо и ещё более тяжёлые металлы — платина, золото, ртуть, свинец. Ваш золотой астероид — обломок центрального ядра погибшей планеты. Редкий случай. На золотые россыпи неба много не рассчитывайте.

Меня клонило к сну. Мой организм ещё не отвык от земного распорядка дня и ночи, смены бодрствования и сна.

— Засыпаете? — спросил меня Тюрин. — Спокойной ночи. А со мною, знаете, творятся любопытные вещи. На обсерватории я совсем отвык от регулярного сна. И теперь похожу на тех животных, которые спят короткими промежутками. Вроде кота стал.

Он ещё говорил что-то, но я уже уснул. Взрывов не было. Тихо, спокойно… Мне снилась моя ленинградская лаборатория…

Когда через сутки я взглянул на небо, то был поражён видом Луны. Она занимала седьмую часть неба и прямо устрашала своей величиной. От неё нас отделяло всего две тысячи километров. Горы, долины, безводные «моря» были видны как на ладони. Резко выделялись контуры отдельных

горных цепей, конусы в кратерах вулканов, давно погасших, безжизненных, как всё на Луне. Видны были даже зияющие трещины…

Астроном смотрел на Луну, не отрывая глаз. Он уже давно знал «каждый камень её поверхности», как он выразился.

— Вон, смотрите, у края. Это Клавиус, ниже — Тихо, ещё ниже — Альфонс, Птолемей, правее — Коперник, а дальше идут Апеннины, Кавказ, Альпы…

— Не хватает Памира, Гималаев, Кордильеров, — сказал я.

— А мы назовём так горные вершины на другой стороне Луны, — смеясь, сказал геолог. — Там они ещё никем не именованы.

— Вот это Луна! — восхищался Тюрин. — В сто раз больше «земной». О, ах!.. — застонал он. — Опять тяжесть.

— Капитан тормозит, — сказал геолог. — Луна всё сильнее притягивает нас к себе. Через полчаса будем на месте.

Я обрадовался и немного испугался. Пусть назовёт меня трусом тот, кто уже совершил путешествие на Луну и не был взволнован перед первой посадкой.

Луна под нами. Она занимает уже полнеба. Её

горы растут на глазах.

Но странно: Луна, как и Земля, с высоты кажется уже не выпуклой поверхностью шара, а вогнутой, словно пёстрый опрокинутый зонтик.

Тюрин стонал: контрвзрывание всё усиливалось. Тем не менее он не отрывал взгляда от Луны. Но она вдруг стала сдвигаться куда-то вбок. И только потому, что моё тело отяжелело с одной стороны, я понял, что ракета вновь переменила направление полёта. Направление тяжести переместилось настолько, что Луна «ощущалась» уже высоко над нами. Трудно было представить, как можно будет ходить «по потолку».

— Терпите, профессор, — обратился геолог к Тюрину. — Осталось всего два-три километра. Ракета летит совсем медленно: не больше сотни метров в секунду. Давление газов ракеты равно лунному притяжению, и ракета спокойно идёт по инерции.

Снова стало легко. Тяжесть исчезла.

— А куда мы спускаемся? — спросил оживший через двадцать секунд Тюрин.

— Кажется, близко к нашему собрату Тихо Браге. Осталось всего пятьсот метров, — сказал Соколовский.

— Ой-ой! Опять контрвзрывы! — застонал Тю-

рин.

Ну вот, всё в порядке. Теперь Луна внизу, под нами.

— Сейчас спустимся... — сказал Соколовский с волнением в голосе. — Только бы не повредить наш «лунный автомобиль» при посадке.

Прошло ещё десять секунд, и я почувствовал лёгкий толчок. Взрывы прекратились. Мы довольно мягко упали на бок.

XIV. НА ЛУНЕ

— С приездом! — сказал Соколовский. — Всё благополучно.

— Мы даже не закрыли при посадке ставню, — заметил Тюрин. — Это неосторожность. Ракета могла удариться стеклом окна об острый обломок скалы.

— Ну, наш капитан не первый раз садится на Луну, — возразил Соколовский. — Итак, дорогие товарищи, надевайте межпланетные костюмы и пересаживайтесь на наш лунный автомобиль.

Мы быстро оделись и вышли из ракеты.

Я глубоко вздохнул. И хотя я дышал кислородом моего аппарата, мне показалось, будто газ приобрёл здесь иной «вкус». Это, конечно, игра

воображения. Вторым моим ощущением, уже вполне реальным, было чувство лёгкости. Я и раньше, во время полётов на ракете и на Звезде Кэц, где была почти полная невесомость, испытывал эту лёгкость, но здесь, на Луне, тяжесть ощущалась как «постоянная величина», только значительно меньшая, чем на Земле. Шутка сказать, я весил теперь в шесть раз меньше своего земного веса!

Я осмотрелся. Над нами было всё то же траурное небо с немигающими звёздами. Солнца не видно, не видно и Земли. Полная темнота, прорезываемая лишь лучами света из бокового окна нашей ракеты. Всё это как-то не вязалось с обычным представлением о сияющем земном спутнике. Потом я догадался: ракета снизилась несколько южнее Клавиуса, на той стороне Луны, которая с Земли никогда не видна. А здесь в это время была ночь.

Кругом мёртвая пустыня. Холода я не чувствовал в своём электрифицированном костюме. Но вид этой чёрной пустыни леденил душу.

Из ракеты вышли капитан и механик, чтобы помочь снять наш ракетный автомобиль. Геолог жестом приглашает меня принять участие в общей работе. Я гляжу на ракету-авто. Она имеет

вид вагона-яйца. Как она ни мала, вес её должен быть порядочный. Между тем я не вижу ни канатов, ни лебёдок, — словом, никаких приспособлений для спуска. Механик работает наверху, отвинчивая гайки. Капитан, Соколовский, Тюрин и я стоим внизу, готовые принять ракету. Но ведь она раздавит нас… Впрочем, мы на Луне. К этому не сразу привыкнешь. Вот уже кормовая часть «яйца» отвинчена. Ракета опустилась кормой. Соколовский ухватился за край отверстия дюзы. Капитан стоит посредине, я — у носовой части. Сейчас ракета соскользнёт вниз… Я уже держу руки наготове и вместе с тем думаю о том, куда и как отскочить, если тяжесть окажется не по моим силам. Однако мои опасения напрасны. Шесть рук, подхватив соскользнувшую ракетку, без особого напряжения ставят её на колёса.

Капитан и механик, помахав руками на прощание, ушли в большую ракету. Тюрин пригласил меня и Соколовского войти в наш автомобиль.

В нём было довольно-таки тесно. Но зато мы могли освободиться от наших костюмов и разговаривать.

Распоряжался Соколовский, уже знакомый с устройством маленькой ракетки. Он зажёг свет, наполнил ракету кислородом, включил электри-

ческую печь.

Внутренность ракеты напоминала закрытый четырёхместный автомобиль. Эти четыре сиденья занимали только переднюю часть ракеты. Две трети кабины были заняты горючим, продовольствием, механизмами. В эту часть ракеты вела узкая дверь, в которую с трудом можно было протиснуться.

Раздевшись, мы почувствовали холод, хотя электрическая печь уже работала. Я ёжился. Тюрин набросил на себя меховую курточку.

— Сильно остыла наша ракетка. Потерпите, скоро нагреется, — сказал Соколовский.

— Уже заря занимается, — пропищал Тюрин, взглянув в небольшое окно нашего экипажа.

— Заря? — с удивлением спросил я. — Какая же на Луне может быть заря: ведь здесь нет атмосферы?

— Оказывается, может быть, — ответил Тюрин. Он никогда не был на Луне, но как астроном знал лунные условия не хуже земных.

Я посмотрел в окно и увидел вдали несколько точек, светящихся, как раскалённые добела куски металла.

Это были освещённые восходящим солнцем вершины гор. Их яркий отсвет отражался на

других вершинах. Передаваясь дальше и дальше и постепенно ослабевая, он создавал своеобразный эффект лунной зари. При её свете я начинал различать находящиеся в полутени горные цепи, впадины «морей», конусообразные пики. Невидимые горы на фоне звёздного неба зияли чёрными провалами с причудливыми зубчатыми краями.

— Скоро взойдёт солнце, — сказал я.

— Не так-то скоро, — возразил Тюрин. — На экваторе Земли оно восходит в две минуты, а здесь придётся ждать целый час, пока весь солнечный диск поднимется над горизонтом. Ведь сутки на Луне в тридцать раз длиннее, чем на Земле.

Я, не отрываясь, смотрел в окно. Зрелище было изумительное! Горные вершины ослепительно вспыхивали одна за другой, словно кто зажигал на них факелы. А сколько этих горных вершин на Луне! Лучи ещё невидимого Солнца «срезали» все вершины на одинаковом расстоянии от поверхности. И казалось, будто в «воздухе» внезапно появлялись горы причудливых очертаний, но с одинаково плоским основанием. Этих пылающих гор становилось всё больше и больше, и вот, наконец, обозначилась их «проекция», и они перестали казаться висящими на чёрном фоне.

В своей нижней части они были пепельно-се-

ребристого цвета, а выше — ослепительно белого. Постепенно освещались отражённым светом и подножия гор. «Лунная заря» разгоралась всё ярче.

Буквально ослеплённый этим зрелищем, я всё же не мог оторвать глаз от окна. Мне хотелось разглядеть особенности в очертании лунных гор. Но горы были почти такие же, как и на Земле. Кое-где скалы нависали над пропастью, как огромные карнизы, и тем не менее не падали. Здесь они весили легче, притяжение было слабее.

На лунных равнинах, словно на поле сражения, были воронки разной величины. Одни маленькие, не больше тех, которые оставляет после разрыва снаряд трёхдюймовки, другие приближались к размерам кратера. Неужто это следы от упавших на Луну метеоритов? Это возможно. Атмосферы на Луне нет, следовательно, нет защитного покрова, который предохранял бы Луну, как Землю, от небесных бомб. Но ведь тогда здесь очень небезопасно. Что, если такая бомба-метеор в несколько сот тонн упадёт на голову!

Я высказал свои опасения Тюрину. Он посмотрел на меня с улыбкой.

— Часть воронок вулканического происхождения, но часть, безусловно, сделана падающими

метеорами, — сказал он. — Вы опасаетесь, что один из них может свалиться на вашу голову? Такая возможность, конечно, существует, но теория вероятности говорит, что риск здесь немногим больше, чем на Земле.

— Немногим больше! — воскликнул я. — Много ли падает больших метеоров на Землю? За ними охотятся, как за редкостью. А здесь, посмотрите, вся поверхность изрыта ими.

— Это правда, — спокойно ответил Тюрин. — Но вы забываете об одном: Луна у же; давно лишена атмосферы. Существует она миллионы лет, причём так как здесь нет ни ветров, ни дождей, следы от падения метеоров остаются неизменными. И эти воронки — летопись многих миллионов лет жизни. Если один большой метеор упадёт на поверхность Луны раз в столетие, это уже много. Неужто мы будем такими счастливчиками, что именно теперь, при нас, упадёт этот метеор? Я бы ничего не имел против, конечно, если только метеор упадёт не прямо на голову, а поблизости от меня.

— Давайте потолкуем о плане наших действий, — сказал Соколовский.

Тюрин предложил начать с общего осмотра лунной поверхности.

— Сколько раз я любовался в телескоп на цирк Клавиуса, на кратер Коперника! — говорил он. — Я хочу быть первым астрономом, нога которого ступит на эти места.

— Предлагаю начать с геологического исследования почвы, — предложил Соколовский. — Тем более, что видимая с Земли часть Луны ещё не освещена солнцем, а здесь наступило «утро».

— Вы ошибаетесь, — возразил Тюрин. — То есть вы не совсем точны. На Земле сейчас видят месяц в его первой четверти. Мы можем объехать этот «месяц» — восточный край Луны — за сорок пять часов, если пустим нашу ракету со скоростью километров двести в час. Остановимся мы только на Клавиусе и Копернике. Да кто тут начальник экспедиции: я или вы? — закончил он, уже горячась.

Прогулка по «месяцу» заинтересовала меня.

— Почему бы нам, в самом деле, не посмотреть величайший цирк и кратер Луны? — сказал я. — Их геологическое строение также представляет большой интерес.

Геолог пожал плечами. На лунной поверхности, видимой с Земли, Соколовский уже был однажды. Но если большинство за это путешествие…

— А вы не всходили на кратер? — с опаской

спросил Тюрин.

— Нет, нет, — засмеялся Соколовский. — Человеческая нога ещё не ступала на него. Ваша будет первая. Я был «на дне» моря Изобилия. И могу подтвердить, что это название оправдывает себя, если говорить о геологических материалах. Я собрал там чудесную коллекцию… Ну, нечего терять время. Ехать так ехать! Но только позвольте мне развить большую скорость. На нашем авто мы можем делать тысячу и больше километров в час. Так и быть, доставлю вас на Клавиус.

— И на Коперник, — сказал Тюрин. — Попутно мы осмотрим Карпаты. Они лежат немного севернее Коперника.

— Есть! — ответил Соколовский и нажал рычаг.

Наша ракета дрогнула, пробежала некоторое расстояние на колёсах и, отделившись от поверхности, стала набирать высоту. Я увидел нашу большую ракету, лежавшую в долине, затем яркий луч света ослепил меня: Солнце!

Оно стояло ещё совсем низко над горизонтом. Это было утреннее Солнце, но как оно не походило на то Солнце, которое мы видим с Земли! Атмосфера не румянила его. Оно было синеватое, как всегда на этом чёрном небе. Но свет его был

ослепителен. Сквозь стёкла окна я сразу почувствовал его тепло.

Ракета уже поднялась высоко и летела над горными вершинами. Тюрин внимательно всматривался в очертания гор. Он забыл о толчках, сопровождающих перемену скоростей, и о своей философии. Сейчас он был только астрономом.

— Клавиус! Это он! Я уже вижу внутри него три небольших кратера.

— Доставить прямо в цирк? — улыбаясь, спросил Соколовский.

— Да, в цирк. Поближе к кратеру! — воскликнул Тюрин. И вдруг запел от радости.

Для меня это было так неожиданно, словно я услышал пение паука. Я уже говорил, что у Тюрина был чрезвычайно тонкий голос, что, к сожалению, нельзя сказать о его слухе. В пении Тюрина не было ни ритма, ни мелодии. Соколовский лукаво посмотрел на меня и улыбнулся.

— Что? О чём вы? — вдруг спросил его Тюрин.

— Выискиваю место для посадки, — ответил геолог.

— Место для посадки! — воскликнул Тюрин. — Я думаю, здесь его достаточно. Поперечник Клавиуса имеет двести километров. Треть расстояния между Ленинградом и Москвой!

Цирк Клавиуса представлял собой долину, окружённую высоким валом. Тюрин говорил, что высота этого вала семь километров. Это выше Альп, высота Кордильеров. Судя по зубчатой тени, вал имеет неровные края. Три тени от небольших кратеров протянулись почти через весь цирк.

— Самое подходящее время для путешествия по цирку, — сказал Тюрин. — Когда Солнце над головой, на Луне невыносимо жарко. Почва накалена. Теперь же она только нагревается.

— Ничего, выдержим и лунный день. Наши костюмы хорошо предохраняют и от жары и от холода, — отозвался Соколовский. — Спускаемся. Держитесь крепче, профессор!

Я тоже ухватился за кресло. Но ракета почти без толчка стала на колёса, подпрыгнула, пролетела метров двадцать, снова упала, снова подпрыгнула и, наконец, побежала по довольно ровной поверхности.

Тюрин просил подъехать к центру треугольника, образуемого тремя кратерами.

Мы быстро направились к кратерам. Почва становилась всё более неровной, нас начало бросать из стороны в сторону, подкидывать на сиденьях.

— Пожалуй, лучше одним прыжком перенестись до места, — сказал геолог. — Того и гляди,

колёса поломаешь.

В этот момент мы почувствовали сильный толчок. Что-то под нами крякнуло, и машина, осев набок, медленно потащилась по кочкам.

— Ну вот, я говорил! — воскликнул с досадой Соколовский. — Авария. Придётся выходить наружу и исправлять повреждение.

— У нас есть запасные колёса. Починим, — сказал Тюрин. — В крайнем случае пешком пойдём. До кратеров осталось всего с десяток километров. Надо одеваться!

Он поспешно вынул трубку и закурил.

— А я предлагаю закусить, — сказал Соколовский. — Уже пора завтракать.

Как ни торопился Тюрин, ему пришлось подчиниться. Мы наскоро позавтракали и вышли наружу. Соколовский покачал головой: колесо было совсем испорчено. Пришлось ставить новое.

— Ну, вы возитесь, а я побегу, — сказал Тюрин.

И он действительно побежал. Этакий-то кисель! Вот что значит научная любознательность! Соколовский в удивлении развёл руками. Тюрин легко перепрыгивал через трещины в два метра шириной и только более широкие обегал кругом. Половина его костюма, обращённая к солнцу,

ярко блестела, а другая почти пропадала в тени. Казалось, по лунной поверхности движется необычайный урод, прыгая на правой ноге и размахивая правой рукой. Левая рука и нога периодически сверкали узкой световой ленточкой — «месяцем» освещённой части. Фигура Тюрина быстро удалялась.

Мы провозились с колесом несколько минут. Когда всё было исправлено, Соколовский предложил мне подняться на верхнюю открытую площадку ракеты, где имелся второй аппарат управления. Мы тронулись в путь по следам Тюрина. Сидеть на верху ракеты было интереснее, чем внутри. Я мог обозревать все окрестности. Справа от нас — четыре тени гор исполосовали ярко освещённую Солнцем долину. Налево — «горели» только вершины гор, а подножья их тонули в лунных сумерках. С Земли эта часть Луны кажется пепельного цвета. Горные цепи были более пологими, чем я ожидал. Мы ехали по самому краю «месяца», то есть по линии «терминатора», как говорил Тюрин, — границы света и тени.

Вдруг Соколовский легонько толкнул меня локтем в бок и кивнул головой вперёд. Перед нами была огромная трещина. Мы уже не раз с разбегу перескакивали такие трещины, а если трещина

оказывалась слишком широкой, перелетали через неё. Вероятно, Соколовский предупредил меня перед прыжком, чтобы я не свалился. Я вопросительно посмотрел на него. Геолог прислонил свой скафандр к моему и сказал:

— Смотрите, наш профессор…

Я взглянул и увидел Тюрина, только что выскочившего из теневой полосы. Он бежал, размахивая руками, вдоль длинной трещины навстречу нам. Перепрыгнуть через трещину он не мог.

— Боится, что мы опередим его и первыми станем в центре цирка, — сказал геолог. — Придётся остановиться.

Едва ракета стала, Тюрин с разбегу вскочил на верхнюю площадку. Луна решительно омолодила его.

Впрочем, я несколько преувеличиваю. Тюрин привалился ко мне всем телом, и видно было, как его одежда судорожно приподнималась на груди. Старик устал чрезвычайно.

Соколовский перед трещиной «нажал на педали». Произошёл взрыв — ракета рванулась вперёд и вверх. В то же время у меня перед глазами мелькнули ноги Тюрина. Утомление сказалось: он не успел крепко ухватиться за поручни и был сброшен. Я увидел, как его тело, описав

дугу, начало падать. Он падал медленно, но со значительной высоты. У меня замерло сердце. Убился профессор!..

А мы уже летели над широкой трещиной. Вдруг Соколовский круто повернул ракету назад, отчего я сам едва не сорвался, и мы быстро спустились на поверхность Луны невдалеке от Тюрина. Тюрин лежал неподвижно. Соколовский, как человек опытный, прежде всего осмотрел его одежду — нет ли разрывов. Малейшая дыра могла быть смертельна: мировой холод моментально превратил бы тело профессора в кусок льда. К счастью, одежда была цела, только испачкана чёрной пылью и немного поцарапана. Тюрин поднял руку, шевельнул ногой… Жив! Неожиданно он поднялся на ноги и самостоятельно направился к ракете. Я был поражён. Только на Луне можно падать так благополучно. Взобравшись на своё место, Тюрин молча показал рукою вперёд. Я заглянул в стекло его скафандра. Он улыбался!

Через несколько минут мы были на месте. Профессор первым торжественно сошёл с ракеты. Он совершал обряд. Он священнодействовал. Эта картина навсегда врезалась в мою память. Чёрное небо, испещрённое звёздами. Синеватое Солнце. С одной стороны ослепительно яркие го-

ры, с другой — «висящие в пустоте» раскалённые добела горные вершины. Широкая долина цирка, почти до половины покрытая тенью с зубчатым краем; на усыпанной пеплом и пылью каменистой почве — уходящие вдаль следы колёс нашей машины. Эти следы на лунной поверхности производили особенно сильное впечатление. У самого края тени мерно шагает фигура, похожая на водолаза, оставляя за собой следы — следы ног человека! Но вот эта фигура останавливается. Смотрит на кратеры, на нас, на небо. Собирает камни и складывает небольшую пирамиду. Затем наклоняется и чертит пальцем на пепле:

ТЮРИН

Эта надпись, сделанная на лёгком пепле пальцем руки, крепче рунических надписей на земных скалах: дожди не смоют её, ветры не занесут пылью. Надпись сохранится на миллионы лет, если только случайный метеорит не упадёт на это место.

Тюрин удовлетворён. Мы вновь усаживаемся в наш экипаж и летим на север. Солнце понемногу поднимается над горизонтом и освещает отдельные утёсы гор, лежащих на востоке. Однако как медленно катится оно по небу!

Снова прыжок над трещиной. На этот раз Тюрин предупреждён. Он цеплялся руками за железные поручни. Я гляжу вниз. Ужасная трещина! Едва ли такие существуют на Земле. Дна не видно — черно. А в ширину она несколько километров. Бедная старушка Луна! Какие глубокие морщины на твоём лице!..

— Альфонс… Птолемей… Мы уже видали их, подлетая к Луне, — говорит Тюрин.

Вдали я вижу вершину кратера.

Тюрин прижимает свой скафандр к моему — иначе мы не можем разговаривать — и сообщает.

— Вот он!.. Коперник! Один из самых больших кратеров Луны. Его диаметр больше восьмидесяти пяти километров. Самый же большой кратер на Земле — на острове Цейлоне — имеет менее семидесяти километров ширины.

— В кратер. В самый кратер! — командует Тюрин.

Соколовский ставит ракету «на дыбы». Она круто взвивается вверх, чтобы перелететь край кратера. С высоты я вижу правильный круг, в центре которого возвышается конус. Ракета опускается у подножия конуса. Тюрин соскакивает на поверхность и прыжками бежит к конусу. Неуже-

ли он хочет взобраться на вершину? Так и есть. Он уже карабкается по крутым, почти отвесным скалам и с такой быстротой, что самый лучший альпинист на Земле не угнался бы за ним. На Луне лазить гораздо легче. Здесь Тюрин весит десять-двенадцать килограммов. Это небольшой вес даже для его ослабленных мышц.

Вокруг конуса, на некотором расстоянии от него, — каменный вал. Мне не совсем понятно его происхождение. Если это камни, выброшенные некогда извержением вулкана, тогда они были бы разбросаны по всему пространству и не образовали бы такого правильного кольца.

Объяснение пришло совершенно неожиданно. Я вдруг почувствовал сотрясение почвы. Неужто на Луне бывают «лунотрясения»? Я в недоумении оглянулся на Соколовского. Тот молча протянул руку по направлению к пику: с его вершины летели огромные скалы, дробясь по пути. С разгона эти скалы докатились до вала.

Так вот в чём дело! На Луне нет ни ветров, ни дождей — разрушителей земных гор. Но зато есть более опасный разрушитель — огромная разница температур между лунной ночью и лунным днём. Две недели на Луне держится около двухсот градусов холода, а две недели — около двухсот

тепла. Разница в четыреста градусов! Скалы не выдерживают и трескаются, как настывшие стаканы, в которые налили кипятку. Тюрин должен это знать лучше меня. Как же он неосторожен, предпринимая свою экскурсию на гору… Видимо, профессор и сам понял это: прыгая с утёса на утёс, он быстро спускается вниз. Слева от него происходит новый обвал, справа — тоже. Но Тюрин уже около него.

— Нет, нет! Я не отказываюсь от своей мысли, — говорит он, — но я выбрал неудачное время. Восходить на лунные горы нужно или в конце лунного дня или ночью. Пока довольно. Летим в океан Бурь, а оттуда — прямо на восток, на другую сторону Луны, которую ещё не видел ни один человек.

— Хотел бы я знать, кто выдумал эти странные названия, — сказал я, когда мы двинулись в путь. — Коперник, Платон, Аристотель — это я ещё понимаю. Но что за океан Бурь на Луне, где никаких бурь не бывает? Море Изобилия, где ничего нет, кроме мёртвых камней, море Кризисов… каких кризисов? И что это за моря, в которых нет ни капли воды?

— Да, названия не совсем удачны, — согласился Тюрин. — Впадины на поверхности Луны, ко-

нечно, ложа бывших здесь когда-то океанов и морей. Но их названия… Надо же было как-нибудь назвать! Вот когда открывали маленькие планеты, то сначала называли их по установившейся традиции именами древнегреческих богов. Скоро все имена были исчерпаны, а новых планеток прибывало всё больше и больше. Тогда прибегли к прославленным именам людей: Фламмариона, Гаусса, Пикеринга и даже известных филантропов вроде американца Эдуарда Тука. Так капиталист Тук приобрёл в небе земельные участки. По-моему, для мелких планет лучше всего номерная система… А Карпаты, Альпы, Апеннины на Луне — это от скудости фантазии. Вот я, например, придумал совершенно новые названия гор, вулканов, морей и цирков, которые мы откроем на другой стороне Луны…

— Вы не забудете, конечно, и кратера Тюрина? — спросил, улыбаясь, Соколовский.

— На всех хватит, — ответил Тюрин. — И кратер Тюрина, и море Соколовского, и цирк Артемьева, если пожелаете.

Не прошло получаса, как Соколовский, «поддавший пару» нашей ракете, доставил нас в океан Бурь. Ракетка опустилась на «дно» океана. Дно было очень неровное. Кое-где поднимались

высокие горы. Их вершины, возможно, когда-то выдавались островами. Иногда мы опускались в глубокие долины, и нас покрывала тень. Но совсем темно не становилось: отражённый свет падал от вершин освещённых гор.

Я внимательно смотрел по сторонам. Камни отбрасывали от себя сплошные длинные тени. Вдруг в одном месте я видел странную решётчатую тень — как от полуразвалившейся корзины. Я указал не неё Соколовскому. Он тотчас же остановил ракету, и я побежал к тени. По виду это был камень, но камень необычайной формы: он напоминал часть позвоночного столба с рёбрами. Неужели мы нашли останки вымершего чудовища? Значит, на Луне существовали даже позвоночные животные? Следовательно, она не так уже скоро лишилась своей атмосферы. «Позвонки» и «рёбра» были слишком тонки для своих размеров. Но ведь на Луне тяжесть в шесть раз меньше, чем на Земле, и животные могли иметь здесь более тонкие скелеты. Притом это, наверное, было морское животное.

Геолог взял одно «ребро», валявшееся возле скелета, и разломил его. Снаружи чёрное, внутри оно имело сероватый пористый вид. Соколовский покачал головой и сказал:

— Я думаю, это не кости, а скорее кораллы.

— Но общий вид, очертания… — возразил я.

Научный спор готов был разгореться, но тут вмешался Тюрин. Ссылаясь на свои полномочия, он потребовал немедленного отправления. Он спешил осмотреть обратную сторону Луны, пока она была почти вся освещена Солнцем. Пришлось покориться. Я захватил несколько «костей», чтобы сделать анализ по возвращении на Кэц, и мы полетели дальше. Эта находка сильно взволновала меня. Если бы покопаться в почве морского дна, можно было бы сделать много неожиданных открытий. Восстановить картину кратковременной жизни на Луне. Кратковременной, разумеется, по астрономическим масштабам…

Наша ракетка мчалась на восток. Я смотрел на Солнце и удивлялся: оно довольно быстро поднималось к зениту. Вдруг Тюрин схватил себя за бока.

— Я, кажется, потерял свою лейку… Футляр цел, а аппарата нет… Назад! Я не могу остаться без фотографического аппарата! Я, вероятно, обронил его, когда вкладывал в футляр после съёмки этого злосчастного скелета! Здесь вещи так мало весят, что не мудрено обронить их и не заметить…

Геолог с неудовольствием дёрнул головой, но повернул ракету обратно. И тут я заметил необычайное явление: Солнце пошло вспять к востоку, постепенно скатываясь к горизонту. Мне показалось, что я брежу. Не слишком ли накалили мне голову солнечные лучи? Солнце, движущееся на небе то в одну, то в другую сторону! Я не решался даже сказать об этом своим спутникам и продолжал молча наблюдать. Когда мы, подъезжая к месту, убавили скорость и шли не более пятнадцати километров в час, — Солнце остановилось. Ничего не могу понять!

Тюрин, вероятно, заметил, что я слишком часто поглядываю на небо. Он усмехнулся и, прислонив свой скафандр к моему, сказал:

— Я вижу, вас беспокоит поведение Солнца. А

между тем причина простая. Луна — небольшое небесное тело, движение её экваториальных точек очень медленное: они проходят менее четырёх метров в секунду. Поэтому, если ехать по экватору со скоростью около пятнадцати километров в час на запад. Солнце будет стоять на небе, а если скоротать наше движение. Солнце начнёт «заходить на восток». И наоборот: когда мы ехали на восток, навстречу Солнцу, то мы, быстро перемещаясь по лунной поверхности, заставили Солнце ускорить своё восхождение. Словом, мы здесь можем управлять движением Солнца. Пятнадцать километров в час на Луне легко и пешком пройти. И тогда над пешеходом, движущимся с такой скоростью по экватору на запад, Солнце будет стоять неподвижно… Это очень удобно. Например, очень удобно идти следом за Солнцем, когда оно близко к заходу. Почва ещё тёплая, света достаточно, но нет изнуряющего зноя. Хотя наши костюмы хорошо предохраняют нас от смены температур, однако разница между светом и тенью чувствуется довольно ощутительно.

Мы приехали на старое место. Тюрин начал поиски аппарата, а я, воспользовавшись случаем, стал вновь осматривать дно океана Бурь. Может

быть, некогда на поверхности этого океана действительно бушевали ужаснейшие бури. Волны в пять-шесть раз превышали волны земных океанов. Целые водяные горы ходили тогда по этому морю. Сверкала молния, шипела вода, грохотал гром… Море кишело чудовищами гигантского роста, гораздо большего, чем самые большие животные, когда-либо существовавшие на Земле…

Я подошёл к краю трещины. Она была шириною не менее километра. Почему бы не заглянуть, что делается на глубине? Я засветил электрический фонарь и начал спускаться по пологим бокам трещины. Спускаться было совсем легко. Сначала осторожно, потом всё смелее прыгал я, опускаясь глубже и глубже. Надо мною сверкали звёзды. Кругом непроглядная темнота. Мне показалось, что с глубиной температура поднимается. Впрочем, может быть, я разогревался от быстрого движения. Жаль, что я не взял у геолога термометр. Можно было бы проверить гипотезу Тюрина о том, что почва Луны теплее, чем предполагали учёные.

На пути начали попадаться странные обломки камней цилиндрической формы. Неужто это окаменевшие стволы деревьев? Но как они могли очутиться на дне моря, в глубокой расщелине?

Я зацепился за что-то острое, едва не разорвал костюма и похолодел от ужаса: это было бы смертельно. Быстро наклонившись, я ощупал рукою предмет: какие-то зубья. Повернул фонарь. Из скалы торчала длинная чёрная двусторонняя пила — точь-в-точь как у нашей «пилы-рыбы». Нет, «это» не могло быть кораллом. Я направлял свет в разные стороны и всюду видел пилы, прямые винтообразные бивни, как у нарвалов, хрящевые пластины, рёбра… Целое кладбище вымерших животных… Ходить среди этих окаменевших орудий нападения и защиты было очень опасно. И всё же я бродил как зачарованный. Необычайное открытие! Ради одного этого стоило совершить межпланетное путешествие. Я уже воображал, как в расщелину опустится специальная экспедиция, и кости животных, погибших миллионы миллионов лет тому назад, будут собраны, доставлены на Кэц, на Землю, в музей Академии наук, и учёные реставрируют лунных животных…

А вот это кораллы! Они не в шесть, а в десять раз больше самых крупных земных. Целый лес «ветвистых рогов». Некоторые кораллы сохранили даже окраску. Одни были цвета слоновой кости, другие — розовые, но больше всего красных.

Да, значит, на Луне существовала жизнь. Быть

может, Тюрин прав, и нам удастся обнаружить остатки этой жизни. Не мёртвые останки, а остатки последних представителей животного и растительного царства…

Небольшой камешек, пролетев мимо меня, опустился в коралловый куст.

Это вернуло меня к действительности. Я поднял голову вверх и увидел на краю расщелины мигающие огоньки. Мои спутники, вероятно, уже давно сигнализировали мне. Надо было возвращаться. Я помигал им в ответ своим фонарём, затем поспешно собрал наиболее интересные образцы и нагрузил ими походную сумку. На земле эта кладь весила бы, вероятно, более шестидесяти килограммов. Значит, здесь весит не более десяти. Эта добавочная тяжесть не слишком обременяла меня, и я быстро поднялся на поверхность.

Мне пришлось выслушать от астронома выговор за самовольную отлучку, но когда я рассказал ему о своей находке, он смягчился.

— Вы сделали великое открытие. Поздравляю! — сказал он. — Мы, конечно, организуем экспедицию. Но сейчас не будем задерживаться. Вперёд и уже без всяких задержек!

Но одна задержка всё же произошла. Мы были

уже у края океана. Перед нами поднимались «береговые» скалы, освещённые Солнцем. Чудесное зрелище! Соколовский невольно задержал машину.

Внизу скалы были из красноватых порфиров и базальтов самых разнообразных красок и оттенков: изумрудно-зелёный, розовый, серый, синий, палевый, жёлтый цвета… Это напоминало волшебный восточный ковёр, переливающий всеми цветами радуги. Кое-где виднелись белоснежные отроги, розовые обелиски. Выходы огромных горных хрусталей сверкали ослепительным светом. Кровавыми каплями висели рубины. Словно прозрачные цветы красовались оранжевые гиацинты, кроваво-красные пироны, тёмные меланиты, фиолетовые альмандины. Целые гнёзда сапфиров, изумрудов, аметистов… Откуда-то сбоку, с острого края скалы, брызнул целый сноп ярких радужных лучей. Так сверкать могли только алмазы. Это, вероятно, были свежие разломы скал, поэтому блеск и разнообразие цветов не затянуло ещё космической пылью.

Геолог резко затормозил. Тюрин едва не выпал. Машина стала. Соколовский, вынимая на ходу из мешка геологический молоток, уже прыгал по сверкающим скалам. За ним я, за нами Тюрин.

Соколовского охватило «геологическое» безумие. Это не была жадность стяжателя при виде драгоценностей. Это была жадность учёного, встретившего гнездо редких ископаемых.

Соколовский бил молотком по алмазным глыбам с остервенением рудокопа, заваленного обвалом и пробивающего себе путь спасения. Под градом ударов алмазы разлетались во все стороны радужными брызгами. Безумие заразительно. Я и Тюрин подбирали алмазные куски и тут же бросали, чтоб схватить лучшие. Мы набивали ими сумки, вертели в руках, поворачивая к лучам Солнца, подбрасывали вверх. Всё искрилось и сверкало вокруг нас.

Луна! Луна! С Земли ты кажешься однообразно-серебристого цвета. Но сколько разнообразных, ослепительных красок открываешь ты для того, кто ступил на твою поверхность!..

Впоследствии мы не раз встречали такие сокровища. Драгоценные камни, как разноцветная роса, выступали на скалах гор, пиков. Алмазы, изумруды — самые дорогие на Земле камни — не редкость на Луне… Мы почти привыкли к этому зрелищу. Но я никогда не забуду «алмазной горячки», охватившей нас на берегу океана Бурь…

Мы снова летим на восток, перепрыгивая через

горы и трещины. Геолог нагоняет потерянное время.

Тюрин, придерживаясь одной рукой за подлокотник сиденья, торжественно приподнимает другую руку и даже привстаёт. Этим он знаменует наш перевал через границу видимой с Земли лунной поверхности. Мы вступили в область неизвестного. Ни один человеческий глаз ещё не видал того, что увидим сейчас мы. Моё внимание напрягается до крайних пределов.

Но первые километры принесли разочарование. Такое чувство бывает при первом посещении заграницы. Всегда кажется, что стоит тебе только переехать пограничную черту, и всё станет иным. Однако вначале видишь те же наши берёзки, те же сосны… Только архитектура домов да костюмы людей меняются. И лишь постепенно раскрывается своеобразие новой страны. Здесь разница была ещё менее заметна. Те же горы, цирки, кратеры, долины, впадины былых морей…

Тюрин волновался чрезвычайно. Он не знал, как поступить: наверху вагона-ракеты лучше видно, в самой же ракете удобнее вести записи. Выиграешь одно, проиграешь другое. В конце концов он решил пожертвовать записями: всё равно поверхность «задней» стороны Луны будет

тщательно измерена и со временем занесена на карту. Сейчас нужно получить лишь общее представление об этой неведомой людям части лунного рельефа. Мы решили проехать вдоль экватора. Тюрин отмечал только самые крупные цирки, самые высокие кратеры и давал им названия. Это право первого исследователя давало ему большое наслаждение. Вместе с тем он был настолько скромен, что не спешил назвать кратер или море своим именем. Он, вероятно, заранее заготовил целый каталог и теперь так и сыпал именами героев социалистических революций, знаменитых учёных, писателей, путешественников.

— Как вам нравится это море? — спросил он меня с видом короля, который собирается наградить земельной собственностью своего вассала. — Не назвать ли его «морем Артемьева»?

Я посмотрел на глубокую впадину, тянувшуюся до горизонта и испещрённую трещинами. Это море ничем не отличалось от других лунных морей.

— Если позволите, — сказал я после некоторого колебания, — назовём его «морем Антонины».

— Антония? Марка Антония, ближайшего помощника Юлия Цезаря? — спросил, не расслы-

шав, Тюрин. Его голова была набита именами великих людей и богов древности. — Что же, это хорошо. Марк Антоний! Это звучит неплохо и ещё не использовано астрономами. Так и будет. Запишем: «Море Марка Антония».

Мне неловко было поправлять профессора. Так ближайший сотрудник Юлия Цезаря получил посмертные владения на Луне. Ну, ничего. На меня и на Тоню ещё хватит морей.

Тюрин попросил сделать остановку. Мы находились в котловине, куда ещё не достигали лучи Солнца.

Высадившись, астроном вынул термометр и воткнул его в почву. Геолог спустился вслед за Тюриным. Через некоторое время Тюрин вытащил термометр и, взглянув на него, передал Соколовскому. Они сдвинули свои скафандры и, видимо, поделились соображениями. Затем быстро поднялись на площадку ракеты. Здесь снова заговорили. Я вопросительно посмотрел на Соколовского.

— Температура почвы около двухсот пятидесяти градусов холода по Цельсию, — сказал мне Соколовский. — По этому поводу Тюрин не в духе. Он объясняет это тем, что в данном месте мало радиоактивных веществ, распад которых

подогревал бы почву. Он говорит, что и на Земле океаны образовались именно там, где почва была наиболее холодна. На дне тропических морей температура действительно бывает холоднее, чем даже в морях северных широт. Он уверяет, что мы ещё найдём отеплённые радиоактивным распадом зоны. Хотя, между нами говоря, в общем тепловом режиме Земли тепло радиоактивного распада оставляет очень незначительную величину. Я думаю, и на Луне дело обстоит так же.

Соколовский предложил подняться повыше, чтобы лучше обозреть общий вид лунной поверхности.

— Перед нами развернётся вся карта. Её можно будет заснять, — сказал он Тюрину.

Астроном согласился. Мы крепко ухватились за подлокотники сидений, а Соколовский усилил взрывы. Ракета начала набирать высоту. Тюрин беспрерывно щёлкал фотоаппаратом. В одном месте, на небольшой возвышенности, я увидел скопление камней или скал в виде правильного прямого угла.

«Уж не постройки ли это лунных жителей, которые существовали, пока Луна не превратилась в мёртвую планету, лишённую атмосферы?» — подумал я и сразу же отбросил эту нелепую

мысль. Но правильная геометрическая форма всё же запомнилась мне, как одна из ещё не разгаданных загадок.

Тюрин ёрзал на своём кресле. Видимо, неудача с термометром сильно огорчила профессора. Когда мы пролетали над очередным «морем», Тюрин потребовал, чтобы Соколовский снизился в затенённую его часть, и снова измерил температуру. На этот раз термометр показал минус сто восемьдесят градусов. Разница огромная, если только она не была вызвана значительным нагревом почвы от Солнца. Однако Тюрин окинул Соколовского взглядом победителя и безапелляционно заявил:

— «Море Зноя» — так будет оно называться.

Зной в сто восемьдесят градусов ниже нуля! Впрочем, чем это хуже «моря Дождей» или «моря Изобилия»? Шутники эти астрономы!

Тюрин предложил проехать сотни две километров на колёсах, чтобы ещё в двух-трёх местах измерить температуру почвы.

Мы ехали по дну уже другого моря, которому я охотно дал бы название «море Тряски». Всё дно было покрыто буграми, некоторые из них имели маслянистую поверхность. Не были ли это нефтяные пласты? Трясло нас немилосердно,

но мы продолжали ехать. Тюрин довольно часто проверял температуру. Когда в одном месте Цельсий показал двести градусов холода, астроном торжественно поднёс термометр к глазам Соколовского. В чём дело? А в том, что если температура вновь понизилась несмотря на то, что мы едем навстречу лунному дню, то, значит, дело не только в нагреве почвы Солнцем. Пожалуй, профессор в этом прав.

Тюрин повеселел. Мы выбрались из котловины, объехали трещину, перевалили через каменную гряду цирка и, пробежав по гладкой равнине, поднялись над горами.

Перелетев через них, мы увидали грандиозную стену гор километров в пятнадцать высоты. Эта стена закрывала от нас Солнце, хотя оно уже довольно высоко стояло над горизонтом. Мы едва не налетели на эту неожиданно высокую преграду. Соколовский сделал крутой поворот и набрал высоту.

— Вот это находка! — восхищался Тюрин. — Эту горную цепь не назовёшь ни Альпами, ни Кордильерами. Это… Это…

— Тюриньеры! — подсказал Соколовский. — Да, Тюриньеры. Вполне звучное и достойное вас название. Гор выше этих мы, наверное, не найдём.

— Тюриньеры, — ошеломлённо повторил Тюрин. — Гм… гм… немножко нескромно… Но звучит отлично: Тюриньеры! Пусть будет по-вашему, — согласился он. Через стёкла скафандра я увидел его сияющее лицо.

Нам пришлось сделать большой полукруг, набирая высоту. Эти горы уходили в самое небо… Наконец мы вновь увидали Солнце. Ослепительное синее Солнце! Я невольно зажмурил глаза. А когда открыл их, мне показалось, что мы оставили Луну и несёмся в просторах неба… Я обернулся и увидал позади сияющую отвесную стену Тюриньеров, их основания уходили куда-то в чёрную бездну. А впереди — ничего. Внизу — ничего. Чёрная пустота… Отражённый свет постепенно гаснет, и дальше — полная тьма.

Вот так приключение! Луна с её обратной стороны, оказывается, имеет форму не полушария, а какого-то обрубка шара. Вижу, мои соседи волнуются не меньше меня. Я смотрю вправо, влево. Пустота. Мне вспомнились гипотезы о том, какою может быть невидимая часть Луны. Большинство астрономов утверждало, что эта часть такая же, как и видимая, только с другими морями, горами. Кто-то высказал мысль, что Луна имеет грушевидную форму. Со стороны Земли она шаровидна,

а с другой стороны вытянута почти как груша. И оттого будто бы Луна всегда обращена одной, наиболее тяжёлой стороной к Земле. Но мы нашли нечто ещё более невероятное: Луна — половина шара. Куда же девалась вторая половина?

Полёт продолжался несколько минут, а мы всё ещё летели над чёрной бездной. Тюрин сидел словно оглушённый. Соколовский молча правил, всё усиливая взрывы: ему не терпелось узнать, чем всё это кончится.

Не знаю, как долго летели мы среди черноты звёздного неба, но вот на востоке показалась светящаяся полоска лунной поверхности. Мы обрадовались ей, как путешественники, переплывшие неведомый океан, при виде желанного берега. Так, значит, мы не свалились с Луны? Что же тогда было под нами?

Тюрин догадался первый.

— Трещина! — воскликнул он, стукнувшись о мой скафандр. — Трещина необычайной глубины и ширины!

Так оно и оказалось.

Скоро мы достигли другого края трещины.

Когда я оглянулся назад, Тюриньеров не было. Они исчезли за горизонтом. А позади нас зияло чёрное пространство.

Мы все трое были слишком потрясены нашим открытием. Соколовский, выбрав посадочную площадку, снизился, посадив ракету недалеко от края.

Мы молча переглянулись. Тюрин почесал рукою скафандр, — он хотел почесать затылок, как это делают люди, вконец озадаченные. Мы сдвинули наши скафандры: всем хотелось поделиться впечатлениями.

— Так вот какое дело выходит, — сказал, наконец, Тюрин. — Это уже не обычная трещина, каких немало на Луне. Эта трещина идёт почти от края до края на поверхности задней стороны Луны. И глубина её едва ли не больше десятой части всего диаметра планеты. Наш милый спутник болен и серьёзно болен, а мы и не знали это. Увы, Луна — наполовину треснувший шар.

Мне вспомнились разные гипотезы о гибели Луны. Одни утверждали, что Луна, вращаясь вокруг Земли, всё больше удаляется от неё. И поэтому будущим земным жителям Луна будет казаться всё меньше и меньше. Сначала сравняется с Венерой, затем будет видна как простая маленькая звёздочка, и, наконец, наш верный спутник навсегда уйдёт в мировое пространство. Иные, наоборот, пугают тем, что Луна в конце

концов будет притянута Землёй и упадёт на неё. Нечто подобное будто бы было уже однажды на Земле: Земля имела второго спутника — небольшую Луну, которая в незапамятные времена упала на Землю. При этом падении образовалась впадина Тихого океана.

— Что же будет с Луной? — тревожно спросил я. — Упадёт ли она на Землю или уйдёт в мировое пространство, когда распадётся на части?

— Ни то, ни другое. Скорее всего она будет носиться вокруг Земли бесконечно долго, но в ином виде, — ответил Тюрин. — Если она расколется только на две части, то у Земли окажутся два спутника вместо одного. Две «полулуны». Но вернее всего — Луна разлетится на мелкие части, и тогда вокруг Земли образуется светящийся пояс, как у Сатурна. Кольцо из мелких кусков. Я предсказывал это, но, признаться, угроза потерять Луну стоит ближе, чем я думал… Да, жалко нашей старушки Луны, — продолжал он, глядя во мрак трещины. — Гм… м… А может быть, и не ждать неизбежного конца, а ускорить его? Если в эту трещину заложить тонну нашего потентала, то этого, вероятно, будет достаточно, чтобы разорвать Луну на части. Уж если суждено ей погибнуть, то, по крайней мере, пусть это про-

изойдёт по нашей воле и в назначенный час.

— Интересно, как глубоко уходит трещина в лунную кору? — сказал Соколовский. Его, как геолога, интересовала не судьба Луны, а возможность проникнуть почти до центра планеты.

Тюрин быстро согласился совершить это путешествие.

Мы начали обсуждать план действий. Тюрин предлагал медленно спускаться в ракете-вагоне по отвесному склону трещины, тормозя спуск взрывами.

— Можно делать остановки и измерять температуру, — сказал он.

Но Соколовский считал такой спуск трудным и даже рискованным. Притом на медленный спуск уйдёт слишком много горючего.

— Лучше мы опустимся прямо на дно. На обратном пути можно сделать две-три остановки, если найдём подходящие для ракеты площадки.

Соколовский был нашим капитаном, и Тюрину на этот раз пришлось согласиться. Он только просил опускаться не очень быстро и держаться ближе к краю трещины, чтобы осмотреть геологический состав склона, насколько это возможно при полёте.

И вот мы начали спуск.

Ракета поднялась над чёрной бездной расщелины и, описав полукруг, пошла на снижение. Солнце, стоявшее уже довольно высоко, освещало часть склона на значительную глубину. Но противоположный склон трещины ещё не был виден. Ракета всё наклонялась, словно сани, летящие с горы. Нам приходилось откидываться назад, упираться ногами. Тюрин защёлкал фотоаппаратом.

Мы видели чёрные, почти гладкие скалы. Иногда они словно наливались синевой. Затем появились красноватые, желтоватые, зелёные оттенки. Я объяснял это тем, что здесь дольше сохранялась атмосфера и металлы, в особенности железо, подверглись большому действию кислорода, окисляясь, как на Земле. Впоследствии Тюрин и Соколовский подтвердили моё предложение.

Внезапно мы погрузились в глубокую тьму. Ракета вошла в полосу тени. Переход был так резок, что в первое мгновение мы точно ослепли. Ракета повернулась вправо. В темноте было рискованно лететь вблизи скал. Вспыхнули лучи прожекторов. Два огненных щупальца шарили во мраке, ничего не встречая. Спуск замедлился.

Проходила минута за минутой, а мы всё ещё

летели в пустоте. Если бы не отсутствие звёзд по сторонам, можно было подумать, что мы несёмся в межпланетном пространстве. Но вот лучи света скользнули по острому утёсу. Соколовский ещё более замедлил полёт. Прожекторы освещали угловатые пласты отслоившихся горных пород. Справа показалась стена. Мы повернули влево. Но и слева виднелась такая же стена. Теперь мы летели в узком каньоне. Целые горы остроконечных обломков громоздились со всех сторон. Сесть было невозможно. Мы пролетали километр за километром, но ущелье не расширялось.

— Кажется, нам придётся ограничиться этим осмотром и подняться, — сказал Соколовский.

На нём лежала ответственность за наши жизни и за целость ракеты, — он не хотел рисковать. Но Тюрин положил свою руку на руку Соколовского, как бы запрещая этим жестом поворачивать руль высоты.

Полёт продолжался час, два, три, — я уж не могу сказать точно.

Наконец мы увидели площадку, лежащую довольно косо, но всё же на неё можно было спуститься. Ракета остановилась в пространстве, потом очень медленно снизилась. Стоп! Ракета стояла под углом в тридцать градусов.

— Ну вот, — сказал Соколовский. — Доставить вас сюда я доставил, но как мы поднимемся отсюда, не знаю.

— Главное — мы достигли цели, — ответил Тюрин.

Сейчас он ни о чём больше не хотел думать и занялся измерением температуры почвы. К его величайшему удовольствию, термометр показывал сто пятьдесят градусов холода. Не слишком-то высокая температура, но всё же гипотеза как будто оправдывалась.

А геолог уже бил молотком. Из-под его молотка сыпались искры, но ни один кусок породы не отлетал в сторону. Наконец, утомлённый работой, Соколовский выпрямился и, прислонившись ко мне скафандром, сказал:

— Чистейший железняк. Чего и можно было ожидать. Придётся ограничиться готовыми обломками. — И он зашагал по площадке в поисках образцов.

Я посмотрел вверх и увидел звёзды, полоски Млечного Пути и ярко расцвеченные разноцветными искрами сияющие края нашей трещины. Потом я взглянул в направлении луча прожектора. И вдруг мне показалось, что возле небольшой боковой расщелины луч как будто колеблется. Я

подошёл к расщелине. В самом деле: еле заметная струя пара или газа выходила из её глубин. Чтобы проверить себя, я взял горсть лёгкого пепла и бросил туда. Пепел отлетел в сторону. Это становилось интересным. Я нашёл обломок скалы, нависший над краем, и сбросил его, чтобы сотрясением почвы привлечь внимание моих спутников и позвать их к себе. Камень полетел вниз. Прошло не менее десяти секунд, прежде чем я почувствовал лёгкое сотрясение почвы. Затем последовало второе, третье, четвёртое — всё более сильные. Я не мог понять, в чём дело. Некоторые удары были так значительны, что вибрация почвы передавалась всему телу. И вдруг я увидел, как огромная глыба пролетела мимо меня. Попав в полоску света, она сверкнула, как метеорит, и исчезла в тёмной бездне. Скалы дрожали. Я понял, что совершил страшную ошибку. Произошло то, что бывает в горах, когда падение небольшого камешка вызывает грандиозные горные обвалы. И вот теперь отовсюду неслись камни, обломки скал, мелкие камешки. Они ударялись о скалы, отскакивали, сталкивались между собой, выбивая искры… Если бы мы находились на Земле, мы слышали бы громовые раскаты, гул, похожий на канонаду, бесконечно отражённую горным

эхом, но здесь не было воздуха, и поэтому царила абсолютная тишина. Звук, вернее — вибрация почвы, передавался только через ноги. Невозможно было угадать, куда бежать, откуда ждать опасности… Застыв в смертельном испуге, я, вероятно, так и погиб бы в столбняке, если бы не увидел Соколовского, который, стоя на площадке ракеты, неистово махал мне руками. Да, конечно, только ракета могла спасти нас!

В несколько прыжков я был возле ракеты, вспрыгнул с разбегу на площадку, и в тот же момент Соколовский рванул рычаг. Мы резко откинулись назад и несколько минут летели вверх ногами — так круто поставил Соколовский нашу ракету. Сильные взрывы ракетных дюз следовали один за другим.

Соколовский направлял ракету вверх и вправо, подальше от склона расщелины. Удивляюсь, как он мог править в таком неудобном положении! Судя по его выдержке, он был человеком бывалым, никогда не терявшим присутствия духа. А ведь с виду совсем «домашний» балагур и весельчак.

Только когда наша ракета вошла в освещённое Солнцем пространство и значительно удалилась от краёв ущелья, Соколовский замедлил полёт и

выпрямил ракету.

Тюрин вполз на сиденье и потёр скафандр. По-видимому, профессор немного ушиб затылок.

Как это часто бывает с людьми, благополучно избежавшими большой опасности, нас вдруг охватило нервное веселье. Мы заглядывали друг другу в стёкла скафандров и смеялись, смеялись…

Тюрин указал на освещённый склон лунной трещины. Случай приготовил нам площадку для посадки. И какую площадку! Перед нами был огромный уступ, на нём без труда мог бы поместиться целый ракетодром для десятков ракетных кораблей. Соколовский повернул ракету, и вскоре мы катились на колёсах, словно по асфальту. Подкатив почти к самой стене, остановились. Каменная или железная стена имела продольные трещины. В каждую из этих трещин могли бы въехать рядом несколько поездов.

Мы сошли на площадку «ракетодрома». Наше возбуждение ещё не улеглось. Мы чувствовали потребность двигаться, работать, чтобы скорее привести в порядок свои нервы.

Я рассказал Тюрину и Соколовскому о находке лунного «гейзера» и признался, что вызвал горные обвалы, едва не погубившие нас. Но Тюрин,

заинтересованный гейзером, даже не упомянул о моём проступке.

— Ведь это же величайшее открытие! — воскликнул он. — Я всегда говорил, что Луна не такая уж мёртвая планета. Хотя бы ничтожные остатки газов, атмосферы — какого бы то ни было состава — на ней должны сохраниться. Это, вероятно, выходы серных паров. Где-нибудь в толще Луны ещё осталась горячая магма. Последние догорающие угли великого пожара. В глубине этой трещины, которая, наверное, проникает внутрь не менее чем на четверть лунного радиуса, пары нашли себе выход. И мы не взяли их на пробу. Необходимо сделать это во что бы то ни стало. Ведь это же произведёт мировую сенсацию среди учёных. Гейзер Артемьева! Не возражайте! Вы имеете на это всё права. Летим сейчас же.

И он уже прыгнул к ракете, но Соколовский отрицательно покачал головой.

— На сегодня с нас довольно, — сказал он. — Надо отдохнуть.

— Что значит «на сегодня»? — возразил Тюрин. — День на Луне продолжается тридцать земных дней. Так вы тридцать дней не сдвинетесь с места?

— Сдвинусь, — примирительно ответил Соко-

ловский. — Но только если бы вы сидели у руля, когда мы вылетали из этой чёртовой щели, то поняли бы меня и рассуждали бы иначе.

Тюрин посмотрел на утомлённое лицо Соколовского и замолчал.

Мы решили обновить запас кислорода в скафандрах и разбрестись в разные стороны, не отходя слишком далеко друг от друга.

Первым делом я отправился к ближайшему ущелью, которое заинтересовало меня своей окраской. Скалы там были красноватых и розовых тонов. На этом фоне ярко выделялись густо-зелёные пятна неправильной формы, очевидно прослойки другой породы. Получалось очень красивое сочетание красок. Я постепенно углублялся в каньон. Одна стена его была ярко освещена Солнцем, по другой косо скользили солнечные лучи, оставляя внизу острый угол тени.

Я был в прекрасном настроении. Кислород вливался в лёгкие чуть пьянящими струями. Во всех членах я ощущал необычайную лёгкость. Мне иногда казалось, что всё это я вижу во сне. Увлекательный, чудесный сон!

В одном из боковых каньонов сверкал «водопад» навеки застывших самоцветов. Они привлекли моё внимание, и я свернул вправо.

Потом свернул ещё и ещё раз. И, наконец, увидал целый лабиринт каньонов. В нём было легко заблудиться, но я старался запомнить дорогу. И всюду эти пятна. Ярко-зелёные на полном свету, они в полосе тени были тёмно-рыжего оттенка, а в полутени — светло-бурого. Странное изменение окраски: ведь на Луне нет атмосферы, которая может изменять оттенки цветов. Я подошёл к одному из таких пятен и присмотрелся. Нет, это не выход горной породы. Пятно было выпуклым и казалось мягким, как войлок. Я уселся на камень и принялся разглядывать пятно.

И вдруг мне показалось, что оно немного сдвинулось с места от теневой полосы к свету. Обман зрения! Я слишком напряжённо смотрел на пятно. Сделав мысленную отметку на складке горной породы, я продолжал следить за ним. Через несколько минут я уже не мог сомневаться: пятно сдвинулось с места. Его край перешёл за теневую черту и стал зеленеть на моих глазах.

Я вскочил и подбежал к стене. Ухватившись за острый угол скалы, я дотянулся до ближайшего пятна и оторвал мягкий войлокообразный кусок. Он состоял из мелких нитей ёлкообразной формы. Растения! Ну, конечно, это растения! Лунные мхи. Вот так открытие! Я оторвал второй клочок

от бурого пятна. Этот клочок был совершенно сух. Повернув его обратной стороной, я увидел беловатые «орешки», оканчивающиеся подушечками-присосами.

Биологическая загадка. По виду это растение можно скорее отнести к мхам. Но эти присосы? «Корненожки»! Растение, которое может передвигаться, чтобы следовать за двигающимися по скалам солнечными лучами. Его зелёный цвет зависит, конечно, от хлорофилла. А дыхание? Влага? Откуда оно её берёт?.. Мне вспомнились разговоры о Кэце, о небесных камнях, из которых можно извлекать и кислород и воду. Разумеется, и в лунных камнях находятся в связанном виде кислород и водород — элементы, входящие в состав воздуха и воды. Почему бы и нет?.. Разве земные растения не являются чудесными «фабриками» со сложнейшим химическим производством? И разве наши земные растения, вроде «Иерихонской розы», не обладают способностью замирать от зноя и засухи, а потом вновь оживать, когда их поставишь в воду? В лунную холодную ночь здешние растения спят, при свете Солнца начинает действовать «химическая фабрика», вырабатывая всё, что нужно для жизни. Движение? Но и земные растения не лишены его

совершенно. А приспособляемость организмов беспредельна.

Я набил полную сумку мхами и в приподнятом настроении отправился назад, чтобы скорее похвалиться своей находкой.

Прошёл до конца бокового каньона, свернул направо, ещё раз направо. Здесь я должен был увидеть сверкающие россыпи рубинов и алмазов, но не увидел их… Пошёл назад, повернул в другой каньон… Совершенно незнакомое место!

Я ускорил ход. Уже не шагал, а прыгал. И вдруг на краю обрыва остановился в изумлении. Совершенно новый лунный ландшафт открылся передо мною. По ту сторону пропасти возвышались горные цепи. Среди них выделялись три вершины одинаковой высоты. Они сверкали, как головы сахара. Я ещё никогда не видал таких белых вершин. Ясно, что это не снег. На Луне не может быть снега. Возможно, эти горы меловые или гипсовые. Но дело не в горах. Мне стало ясно, что я заблудился, и заблудился основательно.

Тревога охватила меня. Словно весь этот необычайный лунный мир вдруг повернулся ко мне другой стороной. Как он был враждебен человеку! Здесь нет ни наших земных лесов, ни полей, ни лугов с их цветами, травами, птицами и жи-

вотными, где «под каждым листом» уготован «стол и дом».

Здесь нет речек и озёр, изобилующих рыбой. Луна — скупой Кашей, который не накормит и не напоит человека. Заблудившиеся на Земле могут целыми днями поддерживать своё существование хотя бы корнями растений. А здесь? Кроме голых скал — ничего. Разве только этот мох. Но он, вероятно, так же несъедобен, как песок. Но если бы даже кругом меня были молочные реки с кисельными берегами, я всё равно погиб бы от голода и жажды, испытывая муки Тантала: ведь я не могу снять своего скафандра.

Скафандр! Я вспомнил о нём и вздрогнул, будто ледяной холод мировых пространств проник в моё тело. Вся «атмосфера», которая даёт мне возможность дышать и жить, заключена в небольшом баллоне за моей спиной. Его хватит на шесть часов; нет, меньше: уже прошло часа два, как я возобновил запас кислорода. А дальше? Смерть от удушья… Скорее выбраться к большому каньону, пока не истощился запас кислорода и физических сил!

Я вновь повернул назад и запрыгал, как кузнечик. Хорошо ещё, что здесь прыжки не утомляют так, как на Земле…

Вот и конец каньона. Передо мной новый каньон, ярко освещённый солнцем и покрытый сплошным зелёным ковром. Видимо, все мхи приползли сюда из теневых мест. Отвратительные мхи! Я больше не хотел смотреть на них, но всюду мои глаза встречали зелёный цвет, от которого рябило в глазах.

А может быть, это и есть тот каньон, по которому я шёл сюда, но его сейчас трудно узнать, потому что он стал зелёным?

Новый поворот — узкое ущелье, погружённое в глубокую тьму. Сквозь прогретый солнцем костюм на меня пахнуло холодом. Или это нервы шалят?..

Куда же теперь идти? Позади, за двумя поворотами, обрыв. Впереди — тёмный, узкий, неведомый каньон.

Я почувствовал страшную слабость и в изнеможении опустился на бугристый камень. Вдруг камень подо мной зашевелился и пополз… Я вскочил как ужаленный. Мои нервы были слишком напряжены. Живой камень! Новое животное! Новое сенсационное открытие! Но в эту минуту мне было не до открытий. Я позволил уползти неведомому животному, даже не взглянув на него. И, как автомат, побрёл дальше.

Я даже не размышлял о том, куда иду. Иногда мне казалось, что кислород в баллоне иссякает. Наступило удушье. Тогда я приостанавливался и хватался за грудь. Потом это проходило. Нервы, нервы! Если бы на Луне была атмосфера, упругая среда, хотя бы и не годная для дыхания! Можно было бы стучать камнем о камень, призывая на помощь. Атмосфера могла бы передать отсветы — «зарево» прожекторов ракеты. Впрочем, сейчас это не помогло бы: с неба лился ослепительный солнечный свет, от которого можно было бы ослепнуть, если бы не дымчатые стёкла скафандра.

В тот момент, когда я был полон отчаяния и готовился к близкому концу, я неожиданно увидел большой каньон; Я обрадовался так, словно вышел на Большой проспект Васильевского острова.

Вот удача! Не инстинкт ли вывел меня, когда я перестал мудрить и высчитывать?

Однако моя радость скоро опять сменилась тревогой. В какую сторону идти? Вправо или влево? Совершенно потерял ориентировку! Попробовал испытать свой «инстинкт», но на этот раз он безмолвствовал… Шаг направо — инстинкт не возражает, шаг налево — то же самое.

Пришлось вновь обратиться к помощи «верхней коры головного мозга» — размышлять. Когда я вышел из ракеты, то повернул направо. Значит, теперь надо свернуть налево. Пойдём налево.

Так я шёл, вероятно, не меньше часа. Голод давал себя чувствовать. А конца каньона всё ещё не было видно. Странно. Ведь первый раз я шёл до поворота менее получаса. Значит, иду не в ту сторону. Повернуть назад? Сколько потерянного времени! Я продолжал упорно идти вперёд. Вдруг каньон сузился. Ясное дело — иду не в ту сторону. Назад скорее!

Солнце уже палило немилосердно. Пришлось накрыться белым плащом. Голод всё больше мучил меня, начала сказываться и усталость, но я прыгал и прыгал, словно за мной гнались неведомые чудовища. Внезапно мне путь преградила трещина. Она невелика, через неё можно перескочить. Но этой трещины я не встречал, когда шёл сюда! Или, замечтавшись, я перепрыгнул её, не заметив? Меня прошиб холодный пот. Сердце лихорадочно забилось. Гибну! Я принуждён был лечь, чтобы немного отдохнуть и прийти в себя. С чёрного неба на меня смотрело синее мёртвое Солнце. Вот так же безучастно оно будет освещать мой труп… Нет, нет! Я ещё не умер! У меня есть за-

пас кислорода и энергии… Вскочив, одним махом я перелетел через трещину и побежал… Куда? Вперёд, назад — всё равно, только бы двигаться!

Каньон расширился. Я прыгал безостановочно не менее часа, пока не упал, вконец изнеможённый. И тут впервые по-настоящему почувствовал недостаток воздуха. Это уже не было самообманом. В движении я слишком много тратил кислорода, и запас его истощился раньше времени.

Конец, конец… Прощай, Тоня!.. Армения…

В голове начало мутиться…

И вдруг я увидел над собой ярко освещённый Солнцем бок нашей яйцевидной ракетки. Меня ищут! Спасён! Собрав последние силы, вскакиваю, машу руками, кричу, совершенно забывая о том, что мой крик не уйдёт дальше скафандра… Увы! Радость угасла так же быстро, как и вспыхнула: меня не заметили. Ракетка пролетела над каньоном и скрылась за вершиной горы…

Это была последняя вспышка энергии. Затем мною овладело безразличие. Недостаток кислорода сказывался. Тысячи синих солнц замелькали перед глазами. В ушах зашумело, и я потерял сознание.

Не знаю, сколько времени пролежал я без

чувств.

Потом, ещё не открывая глаз, я глубоко вздохнул. Живительный кислород вливался в мои лёгкие. Я открыл глаза и увидел над собой склонённое лицо Соколовского. Он озабоченно смотрел в стекло моего скафандра. Я лежал на полу внутри нашей ракеты, куда, очевидно, меня принесли. Но почему же они не снимают с меня скафандра?

— Пить… — произнёс я, не соображая, что меня не слышат. Но Соколовский, вероятно, по движению губ понял мою просьбу. Он усадил меня в кресло и, подвинув свой скафандр к моему, сказал:

— Вы хотите пить и есть, конечно?

— Да.

— К сожалению, придётся потерпеть. У нас авария. Горный обвал в ущелье причинил некоторые повреждения ракетке. Камнями разбиты оконные стёкла.

Я вспомнил «сторонние» удары, которые почувствовал, когда мы вылетали из «ущелья Смерти». Тогда я не обратил на них внимания.

— У нас есть запасные стёкла, — продолжал Соколовский, — но чтобы вставить их и запаять, нужно немало времени. Словом, мы скорее

доберёмся до нашей большой ракеты. Лунное путешествие придётся закончить.

— А зачем вы меня перенесли внутрь ракеты?

— Затем, — отвечал Соколовский, — что мне придётся развить очень большую космическую скорость, чтобы за два-три часа доставить вас на место. Взрывы будут сильные, увеличение тяжести тела многократное. Вы же слишком слабы и не удержитесь на верхней площадке. Да и профессор Тюрин тоже будет вместе с вами в кабине.

— Как я рад, дорогой мой, что вы живы! — услышал я голос Тюрина. — Мы уже потеряли надежду найти вас…

В этом голосе была неожиданная теплота.

— Теперь лягте лучше на пол. Я тоже лягу с вами, а товарищ Соколовский сядет у руля.

Через минуту наша ракета с разбитыми стёклами уже взвилась над горными вершинами. Крутой поворот на запад. На мгновение ракетка почти легла на бок. Под собою я увидел бездну лунной трещины, которая едва не погубила нас, и посадочную площадку с каньоном. Ракетка дрожала от взрывов. Тело словно наливалось свинцом. Кровь приливала то к голове, то к ногам. У меня опять начали мутиться мысли… Я впал в лёгкий обморок, который на этот раз преодолел

сам. Кислород — великолепное живительное средство. Чувствовалось, что Соколовский позаботился о том, чтобы в мой скафандр поступали усиленные дозы кислорода. Но давление не должно было превышать одной атмосферы, иначе не выдержал бы костюм. Он и так раздулся, как раздувается водолазный, когда «заедает» золотник, выпускающий излишек воздуха.

К концу этого путешествия я оправился настолько, что мог самостоятельно выйти из ракетки и перебраться в наш большой межпланетный корабль.

С каким удовольствием я сбросил костюм «водолаза»! А пил и ел за пятерых!

К нам быстро вернулось хорошее расположение духа. И я уже со смехом рассказывал о своих злоключениях, о научных открытиях и никак не мог простить себе того, что упустил «лунную черепаху», которую принял за камень. Впрочем, я уже сомневался в её существовании. Быть может, это была только игра моего расстроенного воображения. Но мхи, «ползучие мхи», лежали в моей сумке, как трофей, принесённый из «страны Снов».

Наша экспедиция на Луну, при всей её кратковременности, дала богатые научные результаты.

У нас было много сенсаций для земных учёных.

Обратный путь прошёл хорошо. Не было той подавленности, которая невольно овладевает человеком, перед неизвестным. На Звезду Кэц мы летели как «домой». Но где она? Я посмотрел на небо. Где-то вверху над нами висел серп «новоземли». Внизу половину небосклона занимала Луна. Несмотря на то, что я едва не погиб на ней, её вид не возбуждал страха.

Я ходил по этой Луне, следы наших ног остались на её поверхности, «кусочки Луны» мы везли с собой на Кэц, на Землю. Это по-новому сближало, почти роднило нас с Луной…

XV. ЗВЁЗДНЫЕ БУДНИ

— Ну-ка, покажитесь, покажитесь! — говорила Мёллер, поворачивая Тюрина во все стороны. — Загорел, помолодел «паук». Прямо женихом стал! А мышцы? Да не прыгайте, не форсите. Дайте пощупать ваши мышцы. Бицепсы слабоваты. А ноги хорошо окрепли. На сколько лет опять в своей паутине завязнете?

— Не-ет, уже теперь не завязну, Анна Игнатьевна! — отвечал Тюрин. — Скоро снова на Луну полечу. Там много работы. На Марс, на Венеру

полечу.

— Ишь, расхрабрился! — шутила Мёллер. — Дайте-ка я вам анализ крови сделаю. Сколько кровяных шариков прибавило вам лунное Солнце… Лунные жители — редкие пациенты.

Покончив с врачебным осмотром, я поспешил к Тоне. Мне казалось, что она уже вернулась на Звезду. Только теперь я почувствовал, как соскучился по ней.

Я мчался по широкому коридору. Тяжесть на Кэце была меньше, чем на Луне, и я, как балерина, едва касаясь носками пола, порхал наподобие летучей рыбы. Кэцовцы поминутно останавливали меня и расспрашивали о Луне.

— Потом, потом, товарищи, — отвечал я и летел дальше.

Вот и её дверь. Я постучал. Из-за двери выглянула незнакомая девушка. Каштановые волосы обрамляли её лицо с большими серыми глазами.

— Здравствуйте, — растерявшись, произнёс я. — Мне хотелось видеть товарища Герасимову. Разве она переселилась из этой комнаты?

— Товарищ Артемьев? — спросила меня девушка и улыбнулась, как старому знакомому. — Герасимова ещё не вернулась из командировки и вернётся не скоро. Я пока занимаю её комнату.

Сейчас она работает в физико-технической лаборатории.

Вероятно, заметив моё огорчённое лицо, она прибавила:

— Но вы можете поговорить с ней по телефону. Зайдите в радиорубку.

Наскоро поблагодарив девушку, я помчался на радиотелефонную станцию. Пулей влетел в комнату радиста и крикнул:

— Физико-техническую лабораторию!

— Сейчас! — сказал он и завертел ручку аппарата. — Товарища Герасимову? Сию минуту... Алло! Алло! Пожалуйста.

— Я Герасимова. Кто со мной говорит? Артемьев?

Если эфир не лжёт, в её голосе слышится радость.

— Здравствуйте, я так рада вас слышать! Вы чуть не погибли? Я узнала об этом ещё до вашего прилёта. Нам сообщили из лунной ракеты... Но всё хорошо, что хорошо кончается. А я здесь веду очень интересные работы в лаборатории абсолютного холода. Она устроена на балконе теневой стороны нашей ракеты. Приходится работать в межпланетных костюмах. Это несколько неудобно. Но зато абсолютный холод, что называется,

под рукой. Я уже сделала несколько интересных открытий в области сопротивления полупроводников при низких температурах…

И она начала говорить о своих открытиях. Когда же она скажет о чернобородом и Палее? Самому как-то неудобно спрашивать. Она собиралась побывать на Кэце, но не ранее как через «земной» месяц.

— А как ваши поиски? — не утерпел я.

Но увы, в этот самый момент радист сказал.

— Срочный вызов ракеты Кэц-восемь. Простите, я должен прервать ваш разговор.

Я вышел из радиостанции расстроенный. Тоня обрадовалась мне, это очевидно. Значит, она всё-таки неравнодушна ко мне. Но говорила она больше о своих научных работах. И ни слова о Палее. И я не скоро увижу её…

В коридоре меня остановил молодой человек.

— Товарищ Артемьев, я вас ищу. Директор вас просит к себе.

Пришлось отправиться к Пархоменко. Он очень подробно расспрашивал меня о нашем путешествии на Луну. А я рассказывал довольно бестолково.

— Вижу, вы утомлены сегодня, — сказал директор. — Отдыхайте, а завтра принимайтесь за

работу. Наш биолог товарищ Шлыков уже давно поджидает вас.

Мне хотелось скорее остаться одному. Но я был голоден и отправился в столовую. Там мне пришлось рассказать кэцовцам о путешествии. Я прямо стал знаменитостью — один из первых людей, побывавших на Луне! Меня слушали с огромным вниманием, мне завидовали. В другое время всё это заняло бы меня, но сейчас я был огорчён тем, что не повидался с Тоней. Скомкав свой рассказ и отговорившись усталостью, я, наконец, добрался до своей комнаты. В моё отсутствие к стене привесили откидную кровать из тончайшей сетки. В матрацах не было нужды. Я улёгся на кровать и отдался своим думам... Так и уснул, перелетая мыслью с Луны на Васильевский остров, в свою лабораторию, от Тони к неведомому Палею...

* * *

— Товарищ Артемьев! Товарищ Артемьев!..

Я проснулся и вскочил. У дверей комнаты стоял молодой человек с бритой головой.

— Простите, что я разбудил вас. Но, кажется, вам всё равно пора вставать. Мы с вами немного знакомы. Помните, в столовой? Аэролог Кистен-

ко. Я вас расспрашивал о лунных мхах. Весть об этом уже дошла до города Кэца. Земные кэцовцы просят прислать образец. А я как раз посылаю в город Кэц аэрологическую ракету.

— Пожалуйста, — ответил я, вынимая из сумки кусочек «войлока».

— Отлично. Этот мох, кажется, тяжелее земного, но в общем весит немного. Вы удивляетесь, что я говорю о весе? Но ведь моя ракета полетит на Землю. Каждый день я отправляю в город Кэц по одной ракете. По пути на Землю она автоматически производит все аэрологические записи — состав атмосферы, интенсивность космических излучений, температуру, влажность и прочее на разных расстояниях от Земли. Примерно три четверти пути ракета управляется радиолучом Звезды Кэц, а затем её перехватывает радиолуч города Кэц. И она падает на автоматически раскрывающемся парашюте в строго определённой точке, на площадке в один квадратный метр. Недурно? В этой же ракете отправляется и почта… Вес ракеты рассчитан точно. Поэтому важен вес мха. Ещё раз благодарю вас.

Он ушёл. Я посмотрел на часы. По «земному», ленинградскому, времени было уже утро. Я позавтракал и отправился на работу.

Открыв дверь в кабинет биолога Андрея Павловича Шлыкова, я на минуту остановился. Уж очень этот кабинет не был похож на земные кабинеты «завов». Если Тюрина можно было сравнить с пауком, притаившимся со своей паутиной в тёмной узкой щели, то Шлыков походил на гусеницу в зелёном саду. Весь кабинет его был наполнен вьющимися растениями с очень мелкой листвой. Это была как бы зелёная пещера, освещённая яркими лучами солнца. В глубине её на плетёной кушетке полулежал Шлыков, полный, бронзово-загорелый мужчина средних лет. Он показался мне несколько вялым и как будто полусонным. У него были тяжёлые, словно набрякшие, веки. Когда я появился, сонные веки поднялись, и я увидел серые, очень живые умные глаза. Их живость не гармонировала с его медлительными движениями.

Мы поздоровались. Шлыков стал расспрашивать меня о Луне. Образчик мха уже лежал возле него на длинном алюминиевом столике.

— Я не вижу ничего удивительного в том, что вы нашли на Луне этот мох, — сказал он раздельно и тихо. — Споры бактерий, споры плесневых грибков, известных на Земле, могут переносить очень низкую температуру, до двух-

сот пятидесяти градусов ниже нуля, сохраняя жизнеспособность. Дыхание? Оно может быть и интрамолекулярным, причём даже кислород не обязателен, хотя бы и в связанном виде. Вспомните наших азотобактерий. Питание? Вспомните наших амёб. Они не имеют даже рта. Если они находят «съедобный» кусочек, то обволакивают его всем телом и ассимилируют. Вот с вашей «черепахой» дело несколько сложнее. Но я не отрицаю возможности существования и более сложных животных на Луне. Приспособляемость организмов почти беспредельна... Ну что же, начало положено. И скоро мы будем знать о прошлом органической жизни Луны не меньше, чем о прошлом нашей Земли.

Шлыков остановился, записал что-то в книжке и продолжал:

— Теперь о нашей работе. Наша первейшая задача на Звезде Кэц, — я говорю о нас, биологах, — состоит в том, чтобы максимально использовать растения для наших нужд. Что могут давать нам растения? Прежде всего пищу. Затем очищение воздуха и воды, и наконец, материал отбросов, который мы должны утилизировать до последней молекулы.

Мы должны переделывать, изменять, усо-

вершенствовать растения так, как нам нужно. Можем ли мы сделать это? Вполне. И гораздо легче, чем на Земле. Здесь нет ни заморозков, ни засухи, ни ожогов солнечными лучами, ни суховеев. Мы искусственно создаём любой климат для любого растения. Температура, влажность, состав почвы и воздуха, сила солнечного излучения — всё в наших руках. На Земле в оранжереях можно создать лишь относительное подобие того, что мы имеем на Звезде Кэц. У нас здесь есть короткие ультрафиолетовые лучи, которые никогда не достигают поверхности Земли, рассеиваясь в её атмосфере. Я говорю о космическом излучении. Наконец отсутствие тяжести. Вы, конечно, знаете, как действует земное притяжение на рост и развитие растений, как они реагируют на это притяжение…

— Геотропизм, — сказал я.

— Да, геотропизм. Корни чувствуют направление силы земного притяжения так же, как стрелка компаса север. И если корень отклоняется в сторону от этого направления, то лишь в «поисках» влаги, пищи. А как происходит деление клеток, рост, формирование растений при отсутствии силы тяжести? Здесь мы имеем лаборатории, в которых сила тяжести отсутствует

совершенно. Поэтому мы ставим опыты, которые на Земле невозможны. Разрешив неясные ещё вопросы жизни растений, мы переносим наш опыт в условия земной весомости. Я хотел бы, чтобы вы начали свою работу с изучения геотропизма. В Большой оранжерее работает ассистент Крамер, в лаборатории вам будет помогать новая сотрудница Зорина.

Шлыков замолчал. Я было повернулся к двери, но он жестом руки остановил меня.

— Растения — это ещё не всё. У нас удивительно интересные работы над животными. Там работает Фалеев. Я им не очень доволен. Вначале он работал хорошо, а в последнее время словно его подменили. Если бы вы заинтересовались этим делом, я перевёл бы вас туда. Побывайте, во всяком случае, в этой лаборатории, посмотрите, что там делается. А сейчас отправляйтесь в Большую оранжерею. Крамер познакомит вас с нею.

Тяжёлые веки опустились. Кивнув мне на прощанье головой, Шлыков углубился в свои записи.

XVI. У КРАМЕРА ПОРТИТСЯ ХАРАКТЕР

Я вылетел в коридор.

— Товарищ Артемьев! Вам письмо! — услышал я за собою голос. Молодая девушка-«почтальон» протянула мне конверт. Я схватил его с жадностью. Это было первое письмо, полученное мною на Звезде Кэц. Почтовая марка. Штемпель — Ленинград. У меня от волнения забилось сердце.

— Письмо из Ленинграда, — сказала девушка. — Я никогда не была в этом городе. Скажите, хороший город?

— Замечательный город! — с горячностью ответил я. — Это самый лучший город после Москвы. Но мне он правится даже больше, чем Москва.

И я с увлечением начал рассказывать ей о чудесных новых кварталах Ленинграда, подступивших к Стрельне и Пулковским высотам, о его изумительных парках, о живописных каналах, придающих ему вид Венеции, о метрополитене, о ленинградском воздухе, совершенно очищенном от копоти фабричных труб и пыли, о стеклянных перекрытиях, защищающих пешехода от ветра на многочисленных мостах, о зимних садах для детей, о первоклассных музеях, о театрах, о биб-

лиотеках…

— Даже климат его стал лучше, — говорил я. — Торфяные болота на сотни километров вокруг осушены, заболоченные реки и озёра приведены в культурный вид, кое-какие каналы в черте города засыпаны и превращены в аллеи или покрыты сплошными мостами-автострадами. Влажность воздуха значительно уменьшилась, а чистота его дала ленинградцам добавочный солнечный паёк. Теперь у нас всякому автомобилю и грузовику, въезжающим в черту города, колёса окатывают водой, чтобы они не заносили в город грязи и пыли. Да что говорить! Ленинград — это Ленинград!

— Непременно побываю в Ленинграде, — сказала девушка и, кивнув головой, «упорхнула».

Я распечатал письмо. Мой лаборант сообщал мне, что в лаборатории заканчивается ремонт. Устанавливается новое оборудование. Покончив с установкой новейшей аппаратуры, лаборант отправляется в Армению вместе с профессором Габелем, так как на моё скорое возвращение они потеряли надежду.

Я был взволнован. Может быть, бросить всё и полететь на Землю?

Появление Крамера изменило направление мо-

их мыслей. А когда я увидел оранжерею, то сразу забыл обо всём. Сильное впечатление произвела она на меня.

Но попал я туда не сразу. Крамер предложил мне надеть «водолазный» костюм, хотя и более облегчённого типа, чем для вылазок в межпланетное пространство. Костюм был снабжён радиотелефоном.

— В оранжерее давление значительно ниже, чем здесь, — объяснил Крамер. — И в её атмосфере гораздо больше углекислоты. На Земле углекислота составляет всего одну трёхтысячную часть атмосферы, в оранжерее — три сотых, а в некоторых отделениях — ещё выше. Это уже вредно для человека. Но зато для растений!.. Растут, как в каменноугольном периоде!

Крамер вдруг залился беспричинным продолжительным смехом, даже слишком продолжительным, как мне показалось.

— В этих скафандрах, — сказал он, когда приступ смеха прошёл, — имеется радиотелефон, так что нам не надо будет прислонять головы друг к другу, чтобы разговаривать. Скоро таким радиотелефоном будут снабжены и межпланетные скафандры. Это очень удобно, не правда ли? Его сконструировала, кажется, ваша знакомая,

которую вы привезли с Земли.

Крамер подмигнул мне и снова захохотал.

«Неизвестно, кто кого привёз, — подумал я. — И почему Крамер сегодня так дико хохочет?..»

Мы пошли сквозь атмосферную камеру и не спеша направились по длинному коридору, соединяющему ракету с оранжереей.

— У нас несколько оранжерей, — болтал Крамер без умолку. — Одна длинная, которую вы видели подлетая. Ха-ха-ха! Помните, как вы едва не улетели и я привязал вас, как собачку. Сейчас мы идём к новой, конической оранжерее. На ней, как и на ракете, существует вес, но очень незначительный. Всего тысячная доля земного. Лист, сорвавшийся с дерева на высоте метра от пола, падает целых двадцать секунд. Но этой силы тяжести вполне достаточно, чтобы все отбросы и пыль осаждались вниз и чтобы созревшие плоды падали на почву, а не витали в пространстве... Вы ещё не купались в «невесомой ванне»? Замечательно! «Пошёл купаться Веверлей...» — вдруг запел он и вновь разразился диким смехом. — У нас ведь есть ещё несколько опытных лабораторий, где сила тяжести совершенно отсутствует. Там и ванна... Ну вот мы и пришли. «Завеса сброшена...» — продекламировал он, открывая дверь.

Сначала меня ослепил свет. Потом, приглядевшись, я увидел колоссальной величины тоннель, расширяющийся воронкой. Входная дверь находилась в узком основании воронки. На противоположном конце воронка замыкалась огромной стеклянной полусферой выпуклостью наружу.

Сквозь стёкла лились потоки света. Сила его была необычайна. Словно тысячи прожекторов при киносъёмках слепили глаза. Стены тоннеля утопали в зелени всевозможных оттенков от ярко-изумрудного до почти чёрного. Этот зелёный ковёр пронизывали узкие мостки с лёгкими перилами из алюминия. Зрелище было изумительное. Но ещё больше удивился я, когда ближе познакомился с отдельными растениями. Я, биолог, ботаник, специально изучающий физиологию растений, оказывается, не имел ни малейшего представления от том, до какой степени растения могут быть податливым, «пластическим» материалом, как может измениться их внешний вид и внутренняя структура.

Мне хотелось всё обстоятельно и спокойно осмотреть. Но над ухом назойливо жужжал Крамер.

— Это всё Шлыков! Он гений. Скоро у него рас-

тения будут танцевать на задних ножках, как собачки, и петь по-соловьиному. Выдрессирует! «Зерновые хлеба, — говорит он, — используют одну шестидесятую долю солнечной энергии, а банан в сто раз больше. И дело не только в климате. Можно заставить все растения повысить использование энергии в сотни раз».

— Он уже мне говорил об этом, — попробовала прекратить словоизлияния Крамера, но тот не унимался.

— И Шлыков достиг этого. А результаты? Не угодно ли посмотреть на этот экземпляр? Что вы о нём скажете? Ха-ха-ха!

Я стоял в молчаливом удивлении. Передо мною был куст ростом с человека; листья в ладонь, а красные сочные плоды величиною с большой арбуз напоминали землянику. Это и была чудовищная земляника. Кустик не стлался по земле, а тянулся вверх. На тонком стебле висели эти огромные ягоды. (Вот что значит отсутствие тяжести!) Одни из них были совершенно красные, другие ещё не созрели.

— Каждый день мы снимаем десяток таких «ягодок» с одного этого куста, — тараторил Крамер. — Одни снимаем, другие дозревают. Лезут беспрерывно. Наши растения не знают даже того

двухнедельного отдыха, который имеют на Земле тропические растения. Гони и гони! Вбирай лучи Солнца, отбросы и воду из почвы и превращай их в эти вкусные плоды. А Солнце здесь не заходит. Атмосфера оранжереи всегда прозрачна. Это одно. Второе — в здешней атмосфере уйма углекислоты, как во время каменноугольного периода.

— Вы уже говорили мне про углекислоту.

— Взгляните-ка на эти листья, — продолжал Крамер, нисколько не смутившись. — Они почти чёрные и поэтому поглощают чуть ли не целиком солнечную энергию, но перегревания растений не происходит. Только уменьшается испарение воды. Вы знаете, сколько энергии тратит растение на испарение? В тридцать пять-сорок раз больше, чем на полезную работу. А здесь эта энергия идёт в «мясо». Видите, листья толстые, мясистые. Некоторые из них совсем лишены устьиц. А плоды какие огромные! Зато вот этот экземпляр только и делает, что выделяет воду, — сказал он, — указывая на растение, с конца листьев которого капала вода. — Не растение, а Бахчисарайский фонтан. Видали «фонтан Слёз»? Капает и капает! Это наш естественный фильтр.

А вот тоже интересное растение, — продол-

жал он, двигаясь по узкому мостику. — «Киоск фруктовой воды», так сказать, сокоточащая рана. Видите: разрез на стволе, трубочка, и из неё тоже капает. Попробуйте на язык. Вкусно? Сладко? Лимонад! Обратите внимание на почву — измельчение частиц идеальное. И полезных бактерий на каждую тысячу твёрдых частиц приходится не одна, а несколько десятков. Зато посмотрите на горох, бобы, фасоль. Как яблоки!

А вот эти стеклянные отделения существуют для того, чтобы создать для некоторых растений особые условия; самый подходящий состав газовой среды, наилучшую температуру. Вредители отсутствуют. Сорняки отсутствуют. Светофильтры дают благоприятный состав лучей… Ира! Ира! Что ты делаешь, сумасшедшая? — вдруг испуганно закричал он, подпрыгнул и полетел по оранжерее. — Ира! Ира! — кричал он где-то за кустами, словно его резали на части.

Что случилось с этим человеком? Ещё недавно он был спокойный, добродушный малый. А теперь у него страшно повышенная возбудимость. Я не мог понять, что так взбесило его. Я слышал шум, шипение и видел, как опавшие листья летели от широкого конца воронки к узкому.

— Зачем ты пустила вентилятор с такой силой?

Ураган хочешь устроить? — орал Крамер. — Поломать растения?.. Убавь силу, не то я тебя на Землю сброшу!

Шум и движение листьев уменьшились. Откуда-то послышался писклявый голос:

— Вчера ведь сам распорядился ставить вентилятор на двадцать шесть…

— Это тебе приснилось!

Я медленно продвигался к стеклянной полусфере, поминутно задерживаясь у особо интересных растений. На тончайших стволах ярким пламенем горели цветы мака. «Коробочки» его были величиною с голову грудного ребёнка.

— Вот видишь? Вот видишь, как шатается и роняет семена мак! — кричал он.

Семена эти были с горошину.

Многометровый горох тянулся к середине «воронки». Корзинка подсолнуха в полметра диаметром почти не поднималась над почвой. Огурцы, морковь, картофель, земляника, малина, виноград, смородина, крыжовник, слива, рожь, пшеница, овёс, гречиха, свекловица, конопля… Я едва узнавал их: так были изменены их размеры и формы.

Не раз я останавливался в полном недоумении: что же это такое?..

Земные карлики превращались в гигантов и, наоборот, земные древесные великаны превращались в карликов. В особых, несколько затемнённых местах росли грибы — чудовищные шампиньоны…

А вот субтропики и тропики. Карликовые фиговые деревья с гигантскими плодами, чайные, кофейные, какаовые деревья, кокосовые пальмы величиною с зонтик, но с плодами, вдвойне превышающими земные размеры.

В одном стеклянном ящике я увидел настоящий тропический лес карликовых размеров. Пальмы, бананы, папоротники, лианы… Не хватало только слонов величиною с крысу, чтобы вообразить себя Гулливером в стране лилипутов…

Какими ничтожными казались мне все мои «земные» достижения!

Как легко разрешаются здесь проблемы, над которыми я так много лет ломал себе голову. Здесь в продолжение всего года свежие фрукты и овощи, и заводы, которые их перерабатывают, могут работать круглый год без перебоя…

А разве опыт Звезды Кэц нельзя перенести на Землю?

Взять хотя бы Памир. На высоте Памира ультрафиолетовых лучей меньше, чем на Звезде Кэц,

но гораздо больше, чем в местностях, лежащих на уровне моря. Плоскогорье Памира можно превратить в сплошную оранжерею. Все расходы окупятся. В оранжерее можно создать любую атмосферу, увеличить количество углекислоты…

А безоблачное небо тропиков с их жарким климатом и изобилием солнечных лучей?.. Когда мы окончательно победим джунгли, миллионы людей найдут там кров и пищу.

А земные пустыни? Мы уже успешно ведём там борьбу с песками, с безводьем. Но сколько ещё пустынь на Земле! И мы призовём на помощь Солнце, используя опыт Кэца. Солнце, выпившее воду, убившее своим зноем растения, возродит пустыни. Они станут сплошным зелёным садом…

Нет, земному шару никогда не будет угрожать перенаселение! Человечество может смело смотреть в будущее!..

— Или у вас столбняк, Артемьев? — услышал я резкое восклицание Крамера.

— Простите, замечтался, — ответил я, вздрогнув от неожиданности.

Я оглянулся — оранжерея-конус ожила. По узким дорожкам летали молодые девушки с корзинками. Их яркие, разноцветные костюмы

выделялись на зелёном фоне, как цветы. Девушки собирали плоды. Невидимая музыка сопровождала их работу.

— Мифологическая картина, — расхохотался Крамер. — Звёздные девушки! Сказка наших дней! Скоро их заменят автоматами… Однако нам пора идти. Я ещё не показал вам лабораторию. Она находится вне Звезды Кэц. Там полная невесомость. Придётся переодеваться в межпланетные костюмы и перелетать довольно большое пространство. Вам пора научиться управлять портативной ракетой. Так и знайте: если вы улетите на этот раз, я не буду гоняться за вами!

Но на этот раз я «стрелял» более умело и не отставал от Крамера. И всё же этот небесный перелёт доставил мне некоторое волнение. У меня начала стынуть правая нога. Я забеспокоился, нет ли повреждения в костюме, не просачивается ли мировой холод. Но оказалось, что нога находилась в тени. Я повернул ногу к свету, и она согрелась.

Вот и лаборатория. Она имеет вид цилиндра. Внутри цилиндр разделён стеклянными перегородками. Из отсека в отсек приходится переходить через «изоляционные» камеры, потому что давление и состав воздуха в каждом отсеке

различны. В одной стороне цилиндра во всю его длину — окна, на противоположной — растения. Некоторые из них посажены в стеклянные сосуды, чтобы можно было видеть развитие корней. Это меня удивляет: корни не любят света. Честь растений на грядках, другая — в горшках, которые расставлены на грядках, другая — в горшках, которые расставлены рядами в воздухе. И растут они необычайно: ветви и листья расходятся в виде лучей от горшка к окну. У одних корни развиваются «вверху», у других — «внизу». Но у большинства корни на затемнённой стороне. Отсутствие силы тяжести как бы уничтожило силу геотропизма, и здесь, по-видимому, «направление» роста даёт только гелиотропизм — сила, которая направляет растения к источнику света.

— Оставь! Уйди! Говорю тебе, уйди! — слышу я чей-то женский голос и смех Крамера.

Гляжу в конец лаборатории и вижу сквозь стёкла перегородок молодую девушку в лиловом костюме. Она витает где-то под «потолком», а Крамер, махая крыльями, подлетает к ней и толкает её. Девушка, отлетев в сторону, ударяется о «потолок», летит к противоположной стороне, стараясь при помощи таких же крыльев-вееров принять неподвижное положение. Ей, видимо,

нужно стать лицом к тёмно-зелёному кусту. Но в мире невесомости не так-то легко принять нужное положение. Оставив веера, девушка снимает привязанный к поясу металлический диск и устанавливает его в пространстве ребром к себе, как тарелку, которую несут в руках. Потом она поворачивает диск, и он вертится в одну сторону, девушка — в обратную. Чтобы повернуться до вертикальной оси, девушке приходится ставить диск боком, ребром вверх. Теперь диск поворачивает её тело как на трапеции.

Я приближаюсь к Крамеру и девушке. Мне кажется, я где-то видел её. Да, так и есть, она живёт в комнате Тони! Значит, мне с ней придётся работать. Я смотрю на неё сбоку и вверх, она и Крамер смеются, видя мои нелепые движения. Я чувствую себя рыбой, вытянутой из воды. Но девушка управляется с диском и крыльями не лучше меня. Один Крамер плавает, именно плавает, как рыба в воде. Он продолжает вертеться вокруг девушки, ставя её то вверх, то вниз головой по отношению к себе. Она и сердится и смеётся. Потом Крамер, взглянув на меня, говорит:

— Знакомьтесь, Зорина!

— Мы уже встречались, — отвечает Зорина и кивает мне головой.

— Ага, знакомы? Тем лучше, — почему-то сердито говорит Крамер. — Ну, идёмте, Артемьев. Ванна рядом. Перед работой и после работы мы здесь принимаем ванну.

Узкими переходами мы пробираемся в новый цилиндр — «предбанник» — диаметром около четырёх метров и почти такой же длины. Там мы раздеваемся, пролезаем в круглое отверстие и попадаем в «ванну». Это цилиндр такого же диаметра, но значительно длиннее. Гладкие алюминиевые стенки, боковое освещение — и ни капли воды. Я останавливаюсь на самой середине цилиндра и никак, без диска и крыльев, не могу добраться до стенок. Вишу в пустоте. Крамер возится у входа. Но вот он повернул ручку, что-то зашумело, и из крана, находящегося в круглой плоской стенке, замыкающей цилиндр, показалась вода. Струя под напором ударила в меня и разбилась на капли и шары. Я отлетел в сторону. Водяные шары, летая вокруг меня, сталкивались, всё увеличиваясь в размерах.

В тот же самый момент цилиндр начал вращаться на продольной оси всё быстрее и быстрее. Получилась центробежная сила. Капли и шары начали оседать на стенках. И скоро стенки цилиндра были покрыты метровым слоем воды.

Вода была всюду — справа, слева, стояла сводом над головой. Только центральная часть цилиндра, по его большой оси, оставалась пустой. Я почувствовал, как меня начинает «притягивать» ближайшая стенка. Через несколько минут я погрузился в воду. А ещё через несколько секунд стоял «на дне». Крамер оказался на противоположной стенке цилиндра, головой ко мне. Но оба мы чувствовали себя вполне устойчиво: ходили по дну, плавали, ныряли. Эта необычайная ванна мне очень понравилась. Тяжесть тела была небольшая, и держаться на воде было очень легко.

Крамер поплыл к входному отверстию и повернул медную ручку. Вода начала быстро убегать в небольшие дырочки, движение цилиндра замедлилось. Когда он остановился совершенно, в ванне уже не было воды, а наши тела вновь стали невесомыми.

В раздевальне я неловким движением выпустил из рук костюм и долго не мог поймать его. В этом мире невесомости вещи ведут себя очень коварно. Маленький толчок — и они убегают, начинают метаться из угла в угол, от стенки к стенке — поймай их! Крамер из этого сделал игру: он бросал вещи «дуплетом в угол» и ловил их

после того, как они прилетали обратно, иногда рикошетируя по нескольку раз.

— Как вам нравится Зорина? Право, хороша? — неожиданно спросил он меня. При этом лицо его стало злым и мрачным. — Вы смотрите! — угрожающе произнёс он.

Уж не приревновал ли он Зорину ко мне? Вот чудак!

— Ну, теперь я вас провожу в зоологическую лабораторию, — сказал Крамер, подозрительно посмотрев на меня. — Мы можем пройти туда «тоннелем». Я доведу вас и оставлю.

Действительно, он покинул меня у самой двери лаборатории и на прощанье многозначительно повторил:

— Так смотрите же!

— На что смотреть? — не утерпел я.

Лицо его вдруг перекосилось.

— Вы не будете, так я буду смотреть в оба! — процедил он сквозь зубы и удалился.

Что за дикий, нелепый человек!

Я уже взялся за ручку двери, как Крамер вернулся. Держась кончиком ноги за ремешок в стене, «стоя» передо мной под углом в шестьдесят градусов, он сказал:

— И вот ещё что. Я вам не верю! Зачем вы прише-

тели сюда? Уж не за тем ли, чтобы познакомиться с работами Шлыкова и, улетев обратно на Землю, выдать там эти работы за свои? Шлыков — гений! И я не позволю никому…

— Послушайте, Крамер! — возмутился я. — Или вы больны, или должны отвечать за свои поступки. Вы оскорбляете меня без всякого основания. Подумайте сами, какую чепуху вы несёте! Кто из нас теперь способен выдавать чужие труды за свои? И к чему? В какое время и где мы живём?

— Так помните же! — прервал он меня, и, сделав огромный прыжок, скрылся в тоннеле.

Я был озадачен. В чём дело? Машинально открыв дверь, я вошёл в лабораторию.

XVII. ЗООЛАБОРАТОРИЯ

В ту же секунду я увидел перевёрнутое вниз лицо человека с широко открытыми, недоуменными глазами и выдающейся челюстью.

— Ну что вы прикажете делать? — воскликнул человек, словно читая мои мысли.

Я был совершенно сбит с толку. Час от часу не легче! До сих пор я встречал на Кэце нормальных, здоровых, жизнерадостных людей, а тут сразу два каких-то психопата!

— В чём дело, товарищ? — спросил я.

— Я не знаю, как мне поступить с козликом, собственно-с его ножками. Два раза уже переделывали стойло, а ноги у козлика всё растут. Не вмещаются, гнутся ножки, крючатся. Прямо хоть отрезай их!.. Вы Артемьев? А я Фалеев. Хорошо, что вы тоже биолог. Подумаем вместе. Зоологическая лаборатория самая беспокойная. Всякие рогатые, четвероногие проблемы одолели. Шлыков даёт всё новые и новые задания. А как их выполнить, когда результаты опытов бывают совершенно неожиданные? Отсутствие силы тяжести — это раз, действие космических лучей — два. Благодаря действию этих лучей получаются такие мутационные скачки, что руками разводишь! Да вы взгляните сами.

Фалеев довольно ловко перевернулся в воздухе и, подгребая воздух широкими ладонями, поплыл по лаборатории. Я, как умел, полетел за ним.

Животными здесь совсем не пахло: видимо, уборка и вентиляция помещения поставлены идеально. Стойла представляли собой простые перегородки из сеток. Возле одного стойла я увидел огромную свинью, которая напоминала шар, вернее — гигантское яйцо. Вместе с тем ноги у свиньи были длиннейшие и тонкие, как макаро-

нины. Мягкие копытца походили на два пальца, сложенные клешнёй. Если бы такую свинью внезапно перенесли на Землю, она расплющилась бы там в блин, раздавленная собственной тяжестью, как выброшенный из воды кит.

Козлик ещё больше поразил меня. Морда его была чрезвычайно вытянута, рога — длинные и кривые, как турецкие ятаганы, ноги тонкие, полутораметровой длины и оканчивались двумя хилыми придатками, расставленными под углом в тридцать градусов, как птичьи пальцы. Ростом этот «козлик» был с большого барана, но на нём совершенно не было шерсти.

— Как голая африканская собака, — сказал Фалеев. — Это «мясной» козлик. А дальше вы увидите козла — производителя шерсти. Он совсем мал ростом, но зато его шерсть отросла на метр. И какая волна! Живая фабрика шерсти!

— Но ваш шерстяной козлик помещается, конечно, не в такой температуре? — спросил я.

— Само собой разумеется. Его мы держим в холоде, но хорошо питаем. С шерстью — это ещё простое дело. Шлыков задаёт задачи посложнее. Вот нам нужны струны для музыкальных инструментов и лаун-теннисных ракеток. Извольте вывести породу баранов с длиннейшими кишка-

ми. Шлыков не признаёт трудностей. Он говорит, что нет ничего невозможного. А указания даёт самые краткие. «Если, — говорит, — надо удлинять кишки, пробуйте разную пищу, меняйте корм». Корм кормом, а у барана вместо удлинения кишок вдруг разрастается желудок. Здесь действуют какие-то новые факторы… Вот с ногами козлика не знаю, что делать. Неужто опять перестраивать хлев? Тут прямо сказка про горох получается: прорубили пол, прорубили потолок, прорубили крышу, а он всё растёт. Только крыши прорубать мы не можем.

— А вы и крыши не рубите и ничего не перестраивайте, — сказал я. — Есть предположение, что космические лучи играли огромную роль в эволюции животных на Земле. Необычайно быстрые мутации, о которых вы говорите, подтверждают эту гипотезу. По-видимому, здесь происходит «скачкообразное» приспособление организмов к изменившимся условиям среды. Силы тяжести нет — тела не стоят, не имеют твёрдой опоры. Животные витают в воздухе. Они стремятся выйти из этого положения. Им становятся необходимы длинные конечности…

— Ну да! — перебил меня Фалеев. — Первые собаки здесь скулили неимоверно. Они часами

махали лапами, как белки в колесе, чтобы дотянуться до стенки или до кусочка мяса в прищепке. И, конечно, не сдвигались с места.

— Вот-вот, поэтому ноги и растут. А вы не увеличивайте размеров помещения. Если ноги станут такими длинными, что будут доставать до любой стены, я думаю, их рост приостановится. Или же сделайте такую решётку, за которую животные могли бы хвататься. Замените эту мелкую сетку другою, с более крупными ячеями, или же сделайте загородку из прутьев. Тогда у животных будут развиваться хватательные органы. Ваши козлы и бараны станут «четверорукими», как обезьяны, приспособятся к хватательным движениям. Будут лазить по клетке. Одной-двумя конечностями держаться, а свободными доставать, что им надо.

— А ведь верно! — воскликнул Фалеев. — С вами у нас дело скорее пойдёт. А то я как-то в последнее время совсем растерялся, прямо отупел… Знаете, — сказал он испуганно-приглушённым голосом, — тут недолго и с ума сойти, когда на твоих глазах кошмарные чудовища рождаются… А только куда нам лучше направить приспособляемость? Может быть, прямо на то, чтобы сразу делать животных летучими? По здешним условиям это практичнее всего. Козлы летучие!

Горюшко! — Он плаксиво рассмеялся. — Но про четвероруких вы тоже неплохо придумали. У одной моей кошки отрос такой хвост, что она им, как обезьяна, орудует. Где лапами не достанет, там хвост в дело пускает. Ухватится кончиком, а лапами подтягивается, как на канате. Опять же, во время прыжков она рулит хвостом, как белка-летяга. И у неё как будто между лапами перепонки образовались. Совсем летягой скоро станет. А собака Джипси? Жутко, право… Да вот я сейчас… Джипси! Джипси…

Откуда-то донёсся собачий лай. И вдруг я увидел летящее к нам чудовище. Оно махало ногами, как собака во время самого быстрого бега, но приближалось медленно. Между тонкими его пальцами были видны небольшие перепонки. Эти перепонки помогали толкать тело вперёд, отбрасывая воздух. Собака была немного крупнее бульдога, тело её покрывала редкая шерсть каштанового цвета, хвост был длинный и пушистый, морда совершенно безволосая, короткая, почти плоская нижняя челюсть была недоразвита. Это было что-то среднее между собачьей мордой, обезьяньей и лицом человека. Действительно, жуткий вид! Собака подлетела совсем близко и посмотрела мне прямо в глаза. Я невольно вздрог-

нул: у Джипси были большие, совсем человечьи грустные карие глаза, полные мысли… Джипси махнул хвостом, повернул своё тело и ухватился концами пальцев без когтей за край перегородки. Потом перевёл глаза с меня на Фалеева. В глазах был вопрос.

Фалеев вдруг смутился, словно имел дело не с собакой, а с человеком, который ему мало знаком. Эти человеческие глаза на собачьем «лице» были страшны. Я сам почувствовал смущение.

— Вот познакомься, Джипси, — сказал Фалеев, смотря куда-то мимо внимательных глаз собаки. — Наш новый товарищ — Артемьев.

Я полагал, что Фалеев обращается к собаке с такой речью в шутку, как многие любители собак. И я уже сделал движение рукою, чтобы погладить Джипси по его лысой голове. Каково же было моё изумление, когда собака кивнула мне головой и протянула лапу! Я был так поражён, что моя протянутая рука застыла на мгновенье в воздухе. И вместо того чтобы погладить Джипси, как простую собаку, я, пересилив себя, вежливо пожал её тёплую безволосую лапу, хотя рукопожатия на Кэце и были отменены.

— Щенята Дианы накормлены? — спросил Фалеев.

Собака отрицательно покачала головой.

— Почему? Соски с молоком не принесены?

Джипси утвердительно кивнул.

— Ну, тогда лети, Джипси, нажми седьмую кнопку. Вызови Олю и поторопи её.

Собака, окинув меня испытующим взором, полетела в обратный путь. Я почувствовал, что моё сердце учащённо забилось.

— Видели? — тихо спросил Фалеев. — Всё понимает. Только отвечать не может. Речевого аппарата не приобрела, Приходится по вопросно-ответной системе изъясняться. Зато в развитии мозга произошёл колоссальный скачок. Право, жутко с такой собакой! Я стараюсь с нею ладить. Меня она как будто любит, а Крамера почему-то невзлюбила. Увидит — сердито посмотрит и улетает от него. Она сама, видно, страдает от того, что говорить не может. Тут уж мне приходится её собачий язык изучать.

В глубине лаборатории послышался отрывистый лай.

— Вот видите, этак она призывает меня. Что-то там не ладится! Летим к ней!

К лаю Джипси присоединился визг щенка. Мы быстро понеслись по лаборатории.

Щенок с перепончатыми лапами просунул

один палец в сетку и не мог его вытащить. Он отчаянно визжал, смотря на нас взглядом ребёнка. Джипси суетился возле, безуспешно пытаясь своими длинными пальцами вынуть застрявшую лапу щенка. Мы пришли на помощь и общими усилиями освободили палец.

Я решил «поговорить» с Джипси.

— Джипси! — Как трудно выдержать взгляд этих глаз! — Ты не умеешь говорить? Хочешь, я буду учить тебя?

Джипси быстро закивал головою, и мне показалось, что в глазах его сверкнула радость. Собака подлетела ко мне и лизнула мою руку.

— Это значит, что он очень доволен. Я вижу, вы будете с ним друзьями, — сказал Фалеев. — Ну, так как же, товарищ Артемьев, где вы намерены работать? В лаборатории физиологии растений или здесь?

— Пусть решит Шлыков, — сказал я. — А пока мне придётся поработать в оранжерее. До свиданья, товарищ Фалеев! До свиданья, Джипси!..

Остаток дня я провёл в оранжерее. Крамер находился в мрачном настроении и со мною не разговаривал. Он молча возился возле кустов клубники. Когда Зорина подлетала ко мне с каким-нибудь вопросом, Крамер угрюмо следил

за нею и за каждым моим движением. Тяжело работать в такой обстановке! Я решил просить Шлыкова перевести меня в лабораторию физиологии животных.

Когда я сообщил свою просьбу Шлыкову, он очень обрадовался.

— Я решил значительно увеличить штат зоолаборатории, — сказал он. — В оранжерею я направлю новых работников, которые сегодня прибывают с Земли. А вы отправляйтесь к Фалееву. Не понимаю, что с ним стало? С каждым днём он становится всё более бестолковым и рассеянным. С ним происходит что-то неладное.

— На мой взгляд, не только с ним одним, — заметил я.

— А с кем ещё? — спросил Шлыков, приподнимаясь на своей кушетке.

— С Крамером. Это был первый человек, с которым я познакомился на Кэце. Тогда он был совершенно иным. Теперь же я не узнаю его. Он стал раздражителен, подозрителен, неуравновешен. Мне кажется, его психика не в порядке, — сказал я.

— Не знаю… Я редко вижу его. Но если вы это находите, надо будет показать его Мёллер. К Фалееву я перевожу и новую сотрудницу — Зорину.

— Зорину? — воскликнул я.

— А почему бы и нет? Вы имеете что-нибудь против неё?

— Против неё нет, ничего не имею, — ответил я. — Но, мне кажется, Крамер почувствовал недоброжелательство ко мне именно из-за этой девушки. И если она будет работать в одной лаборатории со мной…

— Ах, вот в чём дело! — рассмеялся Шлыков. — На Звезде Кэц родилась ревность. Тогда понятно, почему Крамер вдруг стал неуравновешенным. Но на это не стоит обращать внимания.

Что мне оставалось делать? И я рассказал Шлыкову, что дело здесь не только в Зориной, что Крамер подозревает меня в намерении похитить и присвоить открытия самого Шлыкова, и при этом он беспричинно хохочет… Но Шлыков сказал, что всё это проистекает из одного — ревности Крамера. Я решил подождать и посмотреть, как будет вести себя Крамер дальше.

XVIII. НОВЫЙ ДРУГ

Началась трудовая жизнь.

Я с увлечением работал в лаборатории.

Вечерами и в выходные дни мы развлекались

в клубе, в общественном саду, в кинотеатре, в гимнастическом зале. Молодёжь устраивала «шарады». Делали «верблюда» из трёх человек, покрытых скатертью. Зорина вскакивала на верблюда и, погоняя, неслась по коридору. Словом, забавлялись, как дети. «Старики» не отставали от «молодёжи».

Один Крамер вёл себя по-прежнему странно. Он то хохотал как сумасшедший, то вдруг погружался в глубокую задумчивость. Нет, это не только ревность. Меня он оставил в покое, но продолжал следить за каждым моим шагом.

Я познакомился со многими кэцовцами и даже приобрёл друзей. Я всё больше входил во вкус «небесного» житья-бытья и тосковал только о Тоне.

Изредка я говорил с нею по телефону. Она сообщала мне, что чернобородый всё ещё витает где-то между Марсом и Юпитером, в кольце астероидов, но скоро прилетит на Кэц и что она сделала какое-то очередное «поразительное открытие».

Мои новые друзья познакомили меня с небесной колонией. Молодой инженер Карибаев приглашал посетить завод, на котором он работал.

— Замечательное сооружение, — говорил он с небольшим акцентом. — Целая планетка. Шар. Большой шар! Только мы живём не на поверхности, а внутри шара. В диаметре он в два километра. Шар медленно вращается. От вращения получается сила тяжести — одна сотая земной. Слабая тяжесть помогла нам поставить самые сложные производства. У нас законы рычага, жидких тел и газов не осложняются весом. Звуки и вообще разные колебания распространяются, как на Земле. Барометр, правда, не работает, но он нам и не нужен. Часы, весы — пружинные. Массу можно определить и на центробежной машине. Магнитные, электрические и другие силы действуют яснее, чем на Земле. Для процессов штамповочных машин сила тяжести не нужна. Топок с жидким и твёрдым горючим мы избегаем. Для выработки электрической энергии мы используем Солнце при помощи самых разнообразных машин.

Представьте себе два цилиндра. Один цилиндр в тени, другой освещён Солнцем. Солнечная теплота превращает заключённую в цилиндре жидкость в пар. Пар бежит по трубе и вращает турбину. Затем пар попадает в холодный цилиндр, который стоит в тени, и охлаждает-

ся. Когда вся жидкость из горячего цилиндра переходит в виде пара в холодный, цилиндры автоматически меняются местами. Тот, который служил холодильником, становится паровым котлом, и наоборот. Разница температур между освещённой Солнцем стороной и теневой огромная. Машина работает автоматически и безотказно. Это почти «вечный двигатель», если не считать износа трущихся частей.

Другая солнечная установка имеет вид большого шара с маленьким отверстием. Шар внутри чёрный. Сквозь маленькое отверстие в шар попадает собранный зеркалом луч Солнца и нагревает внутреннюю поверхность шара. Это тепло мы можем применять и для двигателя и для своих металлургических работ. Мы легко получаем шесть тысяч градусов тепла, то есть столько же, как на поверхности Солнца. Вы видели, когда летали на Луну, наш шар-завод?

— Видел, — ответил я. — Он похож на маленькую планетку.

— А позади шара заметили огромный квадрат, который закрывает часть звёздного неба?

— Не обратил внимания.

— Возможно, что вы пролетели с другой стороны и «квадрат» стоял ребром к вам. Когда он

освещён Солнцем, то далеко виден, как необычайная «квадратная луна». Это фотоэлемент. Тончайший медный лист в десять тысяч квадратных метров, покрытый окисью меди. От него идут невидимые издали тонкие провода. Над ним помещается ещё более грандиозное сооружение, похожее на радиатор парового отопления. Термоэлектрическая установка. Металлические трубки из разного металла, спаянные посредине. При нагревании Солнцем места спая получается электрический ток.

Словом, мы имеем энергию в неограниченном количестве. Специальные металлообрабатывающие машины нетрудно было создать. Ковка, конечно, не может быть у нас применена. Молотки ничего не весят. Но ковку прекрасно можно заменить штамповкой, прессами. И поэтому на наших фабриках и заводах полное отсутствие дыма, копоти, грязи. Чистота, тишина, отличный воздух. Передвижение огромных тяжестей даётся легко. Наши ловцы метеоров собрали тысячи тонн железа, меди, свинца, олова, иридия, платины, хрома, вольфрама, которые «висят» за шаром «на дворе». Нужную нам глыбу мы притягиваем на завод тончайшими проволоками. Так просто устроен наш «внутризаводской транспорт».

Иногда мы пользуемся и небольшими ракетами, «безвоздушными ракетокарами», заменяющими электрокары. Преимущественно мы применяем электросварку, но и иногда непосредственную «солнцесварку». Если вы хоть немного интересуетесь техникой, непременно побывайте на нашем заводе… Кстати, где вы были сегодня в двенадцать часов утра по нашему счёту времени?

— Кажется, в оранжерее или в лаборатории.

— Тревогу слышали?

— Нет.

— Ну, значит, в это время вы были в лаборатории, отдалённой от Кэца. Иначе не могли бы не слышать. Сирена гудела и завывала как бешеная. Я в это время был у Пархоменко. Посмотрели бы вы, какая суета поднялась на Звезде!

— Чем же была вызвана тревога?

— Редчайшим случаем, первым в летописи Звезды. Маленький метеор, быть может, величиною немного более песчинки, пронизал насквозь нашу Звезду, пробив по пути листья растений и плечо одной нашей сотрудницы. Метеор был ничтожно мал. Об этом можно судить по тому, что образованная им в оболочке Кэц скважина сама собой запаялась, вначале расплавившись от удара. Но Горева, сквозь комбинезон и плечо

которой прошёл небесный гость, говорила, что видела вспышку и слышала треск, как от молнии. Сейчас же была объявлена тревога. Ведь метеор мог пробить большое отверстие в оболочке. Газ начал бы выходить, и мировой холод проник бы в ракету. Вот поэтому наша ракета разделена на глухие отсеки. Двери моментально герметически закрываются, и утечки атмосферы из других отделений ракеты не происходит. В отделение, где случается авария, направляются рабочие в скафандрах. Горева успела выскочить из своей комнаты прежде, чем двери автоматически захлопнулись. На всякий случай у нас, впрочем, имеются ключи. Они дают возможность открыть дверь и выбежать, если она автоматически уже закрылась. Несмотря на переполох, всё шло в общем очень дисциплинированно и чётко. Мёллер осмотрела ранку Горевой и заявила, что никогда не приходилось ей видеть столь «стерильной» раны. Впрочем, едва ли можно назвать раной отверстие немногим больше булавочного укола. Эта «сквозная рана» не потребовала даже перевязки. Однако я заболтался, — сказал инженер, взглянув на ручные часы. — Так я вас жду!

Я обещал, что побываю на заводе непременно. Но обещанию этому не суждено было осуще-

ствиться. Иные события отвлекли меня.

* * *

Я почти переселился в зоолабораторию, часто даже не являлся обедать в Кэц переодевания в «водолазный» костюм, атмосферные камеры — всё это отнимало немало времени, а я дорожил каждой минутой. Ведь одна минута в этой лаборатории давала больше, чем многие часы на Земле; так быстро протекали здесь при опытах различные биологические процессы. Мутация мух-дрозофил происходила буквально на моих глазах. Я поражался разнообразию всё новых и новых разновидностей. Я весь был поглощён исследованием законов, которые управляют всеми этими изменениями. Понять их — значит, найти новое могучее орудие произвольного управления развитием и ростом животных. Я изучал ядра клеток и находящиеся в них хромосомы — носители наследственных признаков, — изучал хромосомные наборы или комплекты. Я уже мог безошибочно получать у дрозофил потомство «заказанного» пола и роста.

Какие перспективы развития земного животноводства! Правда, там нет космических лучей такой интенсивности, какая существует здесь.

Но на Земле уже открыли способы искусственного получения космических лучей. Там это ещё слишком дорогое удовольствие, но опыты можно производить здесь, а результаты сообщать на Землю. И на Земле в особых камерах станут подвергать искусственному космическому облучению животных, для того чтобы наверняка получать желаемый результат. В стаде мы сможем получать столько коров и столько быков, сколько нам нужно, а не сколько желает природа. Мы по заказу сможем получать животных-гигантов. Слоноподобная корова каждый день даёт десятки вёдер молока. Разве это не заманчивая задача?

За работой я не забывал Джипси. Он решительно привязался ко мне и не отлетал ни на шаг. С ним было не скучно. Правда, не легко было привыкнуть к его внешности и небывалой натуре. Но я привык, и впечатление его уродства сгладилось. Даже глаза самого Джипси повеселели.

Ведь люди не всегда вежливы со своими четвероногими друзьями. Особенно этот Крамер. «Ну ты, лысый баран! — грубо приветствовал он Джипси, встречаясь с ним. — Не подходи!» — и грозил кулаком. Понятно, что Джипси терпеть его не мог.

Обучение Джипси «говорить» сводилось к созданию «условного языка». Мне приходилось запоминать те звуки, которые издавал Джипси по тому или иному поводу. Звуки эти мало походили на членораздельную речь, но всё же они отличались друг от друга. Джипси сам стал помогать мне, обращая внимание на интонацию, силу тона, паузы. Так, постепенно мы начали довольно свободно изъясняться друг с другом. Неудобство было только в том, что Джипси всё же оставался «иностранцем», которого мог понять один я. Тем больше он ценил и любил меня. Он часто лизал мне руки — это собачье выражение ласки у него осталось. Да и как иначе он мог проявить свои нежные чувства?

Забавно было смотреть на Джипси, когда он с величайшей заботливостью и терпением обучал молодых щенят двигаться, «летать» в невесомом пространстве. Жаль, что эти картины не были засняты на киноплёнку!

Глядя на него, я думал: как плохо мы ещё используем животных для служения человеку! Джипси с его перепончатыми лапами мало приспособлен для движения по Земле. Его мышцы и скелет, вероятно; ослаблены. Но ничего нет проще создать здесь тип высокоразвитой собаки,

годной для земных условий. Нужно только выращивать этих собак при искусственной тяжести. Развитие же их мозга при влиянии интенсивнейших космических лучей идёт здесь гораздо быстрее, чем на Земле. Я заметил у Джипси необычайно тонкий нюх и слух. Он мог бы быть не только прекрасным сторожем, который при случае может зажечь сигнальные огни, позвонить в звонок, вызвать лаем по телефону, но и своего рода живым реактивом на производстве. Он чувствует малейшие изменения запаха, температуры, звука, цвета и тотчас может подать сигнал. Это, конечно, идеально делают и наши автоматы. Но Джипси не автомат, и он может больше: не только «отмечать», но и изменять направление работы при помощи тех же автоматов.

Он очень любил, когда я посылал его с разными поручениями, и исполнял их почти всегда безошибочно. Если он не понимал меня, то мотал головой. «Да» и «нет» он уже передавал звуками «ввa», «ввэ».

Его преданность была безгранична. Однажды в нашу лабораторию прилетел служащий, недавно прибывший с Земли, и неумело замахал предо мною веерами. Джипси вообразил, что новый человек хотел ударить меня, он буквально налетел

на него и отбросил далеко в сторону. Несчастный едва не умер от страха, увидев такое кошмарное чудовище.

Мне будет нелегко расстаться с Джипси, а взять его на Землю невозможно. Там он чувствовал бы себя отвратительно.

Словом, я был очень доволен Джипси. Зато Фалеев приводил меня всё в большее недоумение. Этот человек поразительно изменялся у меня на глазах. Он становился всё бестолковее. Иногда, не понимая простых вещей, он долго «висел» передо мною. Работа у него совсем не ладилась. Он всё забывал, делал массу ошибок. Даже внешне он как-то опустился, оброс бородой, редко менял костюм, в ванну мне приходилось тащить его чуть не насильно. Самое же удивительное, — он начал изменяться физически. Я долго не верил своим глазам, но в конце концов убедился, что он становится всё выше, длиннее… Лицо его тоже удлинялось. Нижняя челюсть выдавалась всё больше. Пальцы на ногах и руках вытягивались, хрящи и кости утолщались. Словом, с ним происходило то, что происходит с человеком, заболевшим акромегалией. Однажды я подвёл его к зеркалу, в которое он, вероятно, не заглядывал уже месяц, и сказал:

— Посмотрите, на кого вы стали похожи!

Он долго смотрел в зеркало, потом спросил:

— Кто это?

Совсем не в себе человек!

— Разумеется, вы.

— Не узнаю, — сказал Фалеев. — Неужели это я? Страшнее Джипси. — Он сказал это совершенно равнодушным тоном и, отойдя от зеркала, тотчас заговорил о другом.

Нет, этого человека надо лечить, и лечить немедленно.

Я решил в тот же день слетать на Кэц и обо всём сообщить Мёллер.

Но в этот день произошло ещё одно событие, которое заставило меня сделать доклад Мёллер уже не об одном больном, а о двух.

XIX. СТРАННОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

Наши пружинные часы (Часы с маятником не работают в мире невесомости) показывали уже около шести вечера. Фалеев улетел на Звезду Кэц, Зорина ещё оставалась в зоолаборатории. Эта девушка увлекалась работой не меньше меня и часто засиживалась здесь до ужина. Всегда весёлая, жизнерадостная, радушная, она была не

только прекрасным работником, но и отличным товарищем.

Она часто обращалась ко мне с различными научными вопросами, и я охотно давал разъяснения.

Так было и на этот раз.

Вера Зорина изучала влияние холода на рост шерсти. Подопытное животное находилось в особой камере с довольно низкой температурой, и работать там приходилось в тёплом костюме. Эта камера помещалась в конце нашей трубообразной лаборатории.

Я сидел один у стеклянного ящика, рассматривая чудовищную дрозофилу величиною с голубя. Несмотря на такой рост, крылья у мухи были не больше пчелиных. Так как эти крылья почти не помогали ей во время полёта, то она предпочитала быстро лазить по стенкам своего стеклянного домика. Но эта гигантская муха уже не была бесполым существом. Дрозофила была самка — по моему заказу. Размышляя о последствиях своего успеха, я не сразу заметил, как ко мне полетел Джипси и начал изъясняться на своём собачьем языке. Потом я понял: меня просит к себе Зорина.

Я поднялся, Джипси полетел вперёд, махая

своими перепончатыми лапами, я за ним. Долетев до конца лаборатории, я надел тёплый костюм и «вошёл» в камеру. Под потолком «парил» баран. У него была такая длинная шерсть, что ног совершенно не было видно. Я пощупал мягкое шелковистое руно. Поистине золотое руно! Шерсть окружала барана, как облако.

— Недурно! — сказал я. — Вы делаете успехи.

— И представьте, — обрадовалась Зорина, — совсем недавно я стригла барана. Вот шерсть опять отросла и даже длиннее прежнего. Но она стала несколько жёстче. Это озаботило меня.

— Что вы, шёлк не может быть мягче, — возразил я.

— Но паутина тоньше шёлка, — в свою очередь, возразила Зорина. — Вот попробуйте снятое руно. — И она подала мне клок белоснежной шерсти, лёгкой, как газ.

Зорина права: снятая шерсть была тоньше.

— Неужели после стрижки шерсть становится грубее? — спросила меня девушка.

Я не мог ответить сразу.

— Холодно здесь, — заметил я. — Выйдемте отсюда и побеседуем.

Мы перешли из камеры в лабораторию, сняли шубы и, «повесив их на воздух» рядом с собой,

начали разговор. В окно заглядывало синее Солнце. Где-то внизу висел гигантский месяц Земли. Брильянтовой россыпью светился Млечный Путь. Белели пятнышки туманности. Знакомая, уже привычная картина… Зорина слушала меня, зацепившись пальцем ноги за ремешок в «потолке». Я, обняв Джипси за голову, примостился возле самого окна.

Вдруг Джипси тревожно проворчал: «Кгмррр…» В этот же момент я услышал голос Крамера:

— Небесная идиллия! Дуэт на Звезде!

Я переглянулся с Зориной. Её брови нахмурились. Джипси снова заворчал, но я успокоил его. Крамер, махая веером правой руки, делал медленные круги в воздухе, приближаясь к нам.

— Мне надо поговорить с Верой! — сказал он, остановившись и глядя на меня в упор.

— Я вам мешаю? — спросил я.

— Надо самому быть догадливым, — злобно ответил Крамер. — С вами у меня будет разговор попозже.

Я резко оттолкнулся ногой от стенки и полетел в противоположный конец лаборатории.

— Куда же вы, Артемьев? — услышал я за собой голос Зориной.

Оглянувшись на полдороге, я увидел, что

Джипси колеблется — лететь ли за мной, или оставаться с девушкой, которую он любил не меньше меня.

— Идём, Джипси! — крикнул я.

Но Джипси, в первый раз за всё время, не исполнил моего приказания. Он ответил мне, что останется с Зориной и будет охранять её. Этот ответ Крамер, конечно, не понял. Для него «слова» Джипси были набором ворчанья, лая и чавканья челюстями. Тем лучше!

Я полетел к камере дрозофил и остановился, прислушиваясь к тому, что делается в другом конце лаборатории. Странный вид Крамера и поведение собаки, почувствовавшей опасность, настроили меня тревожно.

Но всё было тихо. Джипси не ворчал, не лаял. И голоса Крамера не было слышно. Наверное, он говорил очень тихо. Атмосфера в нашей лаборатории не так плотна, как на Земле, и потому звуки приглушены. Прошло минуты две в напряжённом ожидании. И вдруг до меня долетел неистовый призывный лай Джипси. Потом он умолк, и только слышалось глухое ворчанье.

Я рванулся и полетел обратно, хватаясь на лету за выступы перегородок и этим нагоняя скорость.

Ужасная картина представилась моим глазам.

Крамер душил Зорину. Вера старалась разжать его руки, но ей это не удавалось. Джипси вцепился зубами Крамеру в плечо. И тот, пытаясь освободиться от собаки, делал резкие движения всем телом. Джипси отчаянно махал лапами. И все трое вертелись посреди лаборатории, как клубок.

Я с налёту врезался в группу сплетённых тел и схватил Крамера за горло. Больше мне ничего не оставалось делать.

— Джипси! Вызывай на помощь! Звонок! Телефон! — крикнул я.

Крамер хрипел, но не выпускал шеи Зориной. Его руки словно окостенели. Лицо было искажено, глаза безумны.

Джипси помчался к звонковому номератору и нажал кнопку «тревоги». Затем вновь вернулся ко мне и вцепился Крамеру в нос. Крамер закричал и отпустил руки. Джипси тотчас же разжал челюсти.

Но нам ещё рано было праздновать победу. Правда, мне удалось оттолкнуть Веру подальше от Крамера. Но в следующий момент он сильно ударил Джипси в его курносое «лицо» и набросился на меня. Началась необычайная борьба. Я

отчаянно махал крыльями, чтобы увернуться от Крамера. Однако мой противник, более привычный к движениям в невесомом пространстве, быстро изменял положение и неожиданно оказывался возле моей головы. Тогда Джипси бросался между нами, угрожая снова вцепиться в лицо Крамера.

Крамер неистово наносил мне удары кулаком и ногами. Но, на моё счастье, кулаки врага не имели ни малейшего веса. И я чувствовал удар только тогда, когда Крамер налетал на меня, оттолкнувшись от стены.

Наконец ему удалось схватить меня сзади, и его руки стали подбираться к моей шее. Тут Джипси повис на кисти его правой руки. Крамеру пришлось освободить левую, чтобы отбросить собаку, но в это время к нашей свалке присоединилась Вера. Она ухватила Крамера за ноги.

— Оставьте, Крамер! Вам не справиться одному с троими! — уговаривал я его.

Но он был как бешеный.

В лаборатории послышались голоса людей, и вскоре пять юношей растащили нас. Крамер продолжал драться, вырываться и неистово кричать. Пришлось четверым держать его, а одному слетать за верёвкой на наш небольшой склад.

Крамера связали.

— Сбросьте меня в безвоздушное пространство! — прохрипел он.

— Какой позор! — сказал один из прибывших. — Никогда ещё подобного не было на Кэц!

— Наш директор, товарищ Пархоменко, имеет и судебные полномочия. Я думаю, этот первый хулиганский поступок будет и последним, — сказал другой.

— Не судите его раньше времени, товарищи, — примирительно сказал я. — Мне кажется, что Крамера надо не судить, а лечить. Он болен.

Крамер стиснул зубы и замолчал.

Опасаясь, что он снова начнёт драться, его так и одели в «водолазный» костюм связанным по рукам и ногам и доставили на Кэц как груз. Мы с Зориной также последовали туда. В лаборатории оставили только одного дежурного и Джипси.

Когда мы прибыли на Кэц, я настоял на том, чтобы Крамера немедленно показали Мёллер. Я рассказал ей о его поведении с начала моего знакомства с ним вплоть до последнего его поступка. И помянул также о том, что и Фалеев, по моему мнению, заболел и телесно и психически и что, быть может, причина их болезни одна и та же.

Мёллер внимательно выслушала меня и ска-

зала:

— Да, это весьма вероятно. Условия на Звезде слишком необычны. У нас уже были случаи острого помешательства. Один из первых «небесных переселенцев» вообразил, что он «на том свете». Можете представить себе, какие пережитки ещё существуют в нашей психике!

Она потребовала, чтобы к ней привели Крамера, а затем Фалеева.

Крамер не отвечал на вопросы, был угрюм и только один раз повторил свою фразу:

— Сбросьте меня в безвоздушное пространство.

Фалеев проявлял «тихое недоумение», как в шутку выразилась Мёллер. Из ответов Фалеева она всё же, видимо, сделала кое-какие заключения. И когда обоих увели, она сказала:

— Вы совершенно правы. Они оба больны, и серьёзно больны. О суде над Крамером не может быть и речи. Его нужно только пожалеть. Это жертва научного долга. Но как же вы, биолог, не догадались о причине?

— Я здесь недавний гость, и я не медик… — смущённо ответил я.

— А между тем вы легко могли бы догадаться. Впрочем, и я, старая кочерыжка, не лучше вас.

Тоже прозевала… Всё дело в космических лучах! Вы подумайте. Уже на высоте каких-нибудь двадцати трёх километров от поверхности Земли сила космического излучения в триста раз больше, чем на Земле. Через земную атмосферу до поверхности Земли проникает только ничтожное количество этих лучей. Мы же находимся за границей атмосферы и подвергаемся длительному действию космических лучей, в тысячу раз большему, чем на Земле…

— Позвольте, — перебил я. — Но ведь тогда все жители Кэц должны были бы перебеситься или выродиться в уродов. Однако этого не происходит.

Мёллер укоризненно покачала головой.

— И вы всё ещё не понимаете! Этим мы обязаны строителям Кэц. Хотя и существовало мнение, что космические лучи опасности не представляют, но строители Кэц всё же создали в оболочках наших небесных жилищ изоляционные слои, которые предохраняют от действия самых сильных космических излучений. Понятно?

— Я не знал этого…

— А вот часть лаборатории — физиологии растений и зоолаборатория — были созданы так, чтобы пропускать максимальное количество кос-

мических лучей. Мы должны были определить, как воздействуют они на организм животных и растений. Ведь все ваши опыты с дрозофилами и более крупными животными на чём основаны? Все эти мутации откуда происходят? От действия космических лучей. Вы это знаете?

— Я это знаю. И теперь понял…

— Наконец-то. Дрозофилы изменяются; из собак, козлов, баранов невесть какие чудища получаются. А вы сами что — из другого теста? На них действует, на вас не действует? И ведь я же знала это! Знала и предупреждала. А меня вот такие биологи, как вы, уговаривали: ничего опасного! Ну и довели одного до сумасшествия, другого до уродства. Космические лучи оказывали действие на железы, железы влияли на физиологические и психические функции. Это ясно… У Фалеева акромегалия. С этой болезнью мы скоро справимся. А с Крамером придётся повозиться. Да если и вы, друг мой, проработали бы в такой лаборатории года два, то, наверное, и с вами случилась бы такая же неприятная история.

— Но что же теперь делать? Я не могу оставить работу.

— Вы и не оставляйте. Придумаем что-нибудь. Работают же рентгенологи, радиологи с опас-

ными лучами, надо только умело изолировать себя. Изоляционные шлемы с козырьком, изоляционная одежда. Подопытные животные могут находиться под непосредственным действием лучей, научные же сотрудники — под «крышей», не пропускающей космический «дождь». И выходить под такой «ливень» в опытную камеру можно только с «зонтиком». Я сделаю распоряжение, и наши инженеры устроят всё нужное.

XX. ЧЕРНОБОРОДЫЙ ЕВГЕНЬЕВ-ПАЛЕЙ

Прошло восемь месяцев с тех пор, как я оставил Землю.

Звезда Кэц готовилась к празднику. Здесь каждый год с большой торжественностью празднуется день основания Звезды. Старожилы рассказывали мне, что к этому дню на Звезду Кэц слетаются все небесные колонисты, где бы они ни были. Делают доклады, выслушивают отчёты о годовой работе, сообщают о своих достижениях, делятся опытом, строят планы на будущее. В этом году готовился особенно торжественный праздник. Я ожидал его с большим нетерпением: я знал, что увижу, наконец, не только Тоню, но и неуловимого чернобородого.

На Звезде уже начались подготовительные работы. Из оранжереи приносили вьющиеся растения, цветы и декорировали главный зал. Художники рисовали плакаты, портреты, диаграммы, музыканты разучивали новые песни и кантаты, артисты репетировали пьесу, руководители научной работы составляли доклады.

Весело было летать по «вечерам» вдоль озеленённого «тоннеля», украшенного разноцветными лампами. Всюду была предпраздничная суета, слышались пение, музыка, молодые голоса. Каждый день появлялись новые лица. Преобладала молодёжь. Знакомые встречали друг друга шумными приветствиями и оживлённо делились впечатлениями.

— Ты откуда?

— С пояса астероидов.

— На кольце Сатурна был?

— Как же!

— Расскажи! Расскажи! — слышались голоса.

Вокруг рассказчика немедленно образовывалась плотная группа, вернее рой: тяжесть была ничтожна, и многие слушатели летали над головой рассказчика.

— Кольцо Сатурна, как вы знаете, представляет собой мириады летящих в одном направлении

осколков. Это, вероятно, остатки разорвавшейся на части планетки — спутника Сатурна. Есть совсем небольшие камешки, есть огромные глыбы и целые горы.

— А можно ходить по кольцу, перескакивая с камня на камень? — спросил кто-то.

— Конечно, можно, — смеясь ответил рассказчик, и нельзя было понять, говорит ли он правду, или шутит. — Я так и делал. Некоторые осколки действительно летят так близко, что можно перешагнуть с одного на другой. Но, вообще говоря, расстояния между ними не так уж малы. Однако при помощи наших портативных ракет мы легко перелетали с осколка на осколок. Вот где богатство, товарищи! Некоторые куски состояли из сплошного золота, некоторые — из серебра, но большинство было из железняка.

— И ты, конечно, привёз золото?

— Образцы привезли. Кольца Сатурна хватит нам на сотни лет. Мы будем извлекать камень за камнем из этого чудесного ожерелья. Сначала мелкие камни, а затем возьмёмся и за большие.

— И Сатурн лишится своего прекрасного украшения. Это всё-таки жалко, — сказал кто-то.

— Да, признаюсь, зрелище эффектное. Подлетая к кольцу в одной плоскости с ним, видишь

только его ребро — тонкую светящуюся линию, которая прорезает также светящуюся планету. Если смотришь сверху, видишь сияющее кольцо необычайной красоты. Сбоку — золотую дугу, опоясывающую полнеба, то правильную, то вытянутую эллипсисом или даже параболой. Прибавьте к этому десять лун-спутников, и вы представите себе, какое поразительное зрелище ожидает путешественника.

— А на Сатурн не спускались?

— Нет, это мы тебе оставили, — сказал рассказчик. Все рассмеялись. — Вот на Фебе были, на Япете были. Маленькие луны, лишённые атмосферы, и больше ничего. Но вид неба отовсюду изумительный.

— Словом, мы изучили стратосферу, как атмосферу собственной комнаты. Для нас больше нет тайн… — послышался голос аэролога, пролетавшего мимо рука об руку с моим знакомым Соколовским.

Я помахал рукой геологу и вдруг увидел Тюрина. Он осторожно ступал по полу рядом с директором Пархоменко и что-то говорил о движении. Уж не собирается ли он сделать доклад о своей философии движения?..

Пархоменко подошёл к Зориной. Не первый раз

я встречаю директора вместе с этой девушкой. Хорошо, что Крамер не видит. Он, бедняга, всё ещё сидит в изоляторе. Тюрин, с классической рассеянностью учёного, даже не заметил, что потерял своего спутника, и медленно пошёл дальше разглагольствуя:

— Движение — благо, неподвижность — зло. Движение — добро, неподвижность…

Звуки оркестра заглушили речь проповедника новой философии.

Я облетел весь главный коридор, заглянул в огромный зал, в столовую, на «стадион», в бассейн. Всюду порхающие, скачущие, лазящие люди. Всюду звонкие голоса и смех. Но среди них нет Тони… Мне стало тоскливо, и я отправился в зоолабораторию побеседовать со своим четвероногим другом…

Наконец настал день праздника. Для того чтобы многочисленные колонисты могли расположиться удобнее, силу тяжести на Звезде почти совершенно уничтожили. И собравшиеся разместились равномерно по всему пространству. Они облепили стены, наполняя зал, как мухи-дрозофилы стеклянную коробку.

В конце коридора была сооружена «эстрада». За нею помещался художественно исполненный

светящийся транспарант. На нём была изображена наша Земля, над нею — Звезда Кэц, ещё выше — Луна. В большом овальном отверстии транспаранта виднелась платиновая статуя Константина Эдуардовича Циолковского. Он был изображён в своей любимой рабочей позе: положив дощечку с бумагой на колени. В правой руке его был карандаш. Великий изобретатель, указавший людям путь к звёздам, как будто прервал свою работу, прислушиваясь к тому, что будут говорить ораторы. Художник-скульптор передал с необыкновенной выразительностью напряжение лица глуховатого старца и радостную улыбку человека, «не прожившего даром» свою долгую жизнь. Это серебристо-матовая статуя, эффектно освещённая, оставляла незабываемое впечатление.

Стол президиума заменяло висящее в воздухе золотое кольцо. Оно напоминало «новоземие». Вокруг этого кольца, придерживаясь за него руками, расположились члены президиума. В центре появился директор Пархоменко. Зал приветствовал его возгласами и аплодисментами.

Я почувствовал, что кто-то прикоснулся к моей руке. Я обернулся — Тоня!

— Ты!.. — только и мог воскликнуть я. Так, неожиданно для себя, я стал называть Тоню на

«ты».

Вопреки правилами Кэц, мы крепко пожали друг другу Руки.

— Работа задержала! — сказала Тоня. — Я сделала ещё одно открытие. Очень полезное здесь, но, к сожалению, очень мало применимое на Земле… Помнишь тот случай, когда маленький астероид едва не вызвал катастрофу, пронизав наше жилище? Это убедило меня в том, что как ни мало вероятны такие случаи с точки зрения вероятности, но они всё же случаются. И вот я изобрела…

— Значит, не открытие, а изобретение?

— Да, изобретение. Я изобрела аппарат, который реагирует на приближение даже малейших астероидов и автоматически заблаговременно отодвигает Звезду с их пути.

— Вроде радиоаппаратов, предупреждающих о появлении на пути корабля айсбергов?

— Да, с тою только разницей, что мой аппарат не только предупреждает, но и отодвигает наш «корабль» в сторону. Я после расскажу тебе подробнее… Пархоменко уже начинает свой доклад.

Всё стихло.

Директор поздравил собравшихся с «успешным

окончанием звёздного года». Взрыв аплодисментов, и снова тишина.

Потом он, подводя итоги, говорил, что Звезда Кэц, детище Земли, «начинает возвращать долг своей матери». Он говорил, что у кэцовцев есть огромные достижения, что они своими трудами в области астрономии, аэрологии, геологии, физики, биологии обогатили всё человечество. Сколько сделано крупнейших научных открытий, сколько разрешено неразрешимых на Земле задач! Необычно ценные открытия сделал, например, Тюрин. Его «Строение Космоса» войдёт в историю науки как классический труд, создающий эпоху. Его имя становится в ряд имён таких титанов науки, как Ньютон и Галилей.

Высокую оценку получили и работы аэролога Кистенко, геолога Соколовского, «выдающегося изобретателя и экспериментатора товарища Герасимовой», упомянуты были мои скромные труды, как мне кажется, не в меру оценённые.

— Истинным героем — завоевателем небесных пространств проявил себя товарищ Евгеньев, — сказал Пархоменко и начал аплодировать кому-то позади себя.

Евгеньев! Чернобородый! Я вытягиваю шею, чтобы разглядеть его, но герой скрывается. Он не

вышел даже на аплодисменты.

— Он, товарищи, скромничает, — говорит Пархоменко. — Но мы заставим его сделать доклад о своих необычайных приключениях в поясе астероидов. Начальник экспедиции должен отчитаться перед нами.

Евгеньев, наконец, показался в кольце. Я сразу узнал его.

— А ты бы узнала? — спросил я Тоню.

Тоня улыбнулась.

— Среди безбородых — да, но среди таких же бородатых, как он, едва ли. Я ведь его только мельком видела, когда он ехал на аэродром.

Евгеньев заговорил. При первых же его словах Тоня вдруг сильно побледнела.

— Что с тобой? — испуганно воскликнул я.

— Да ведь это же Палей! Его голос… Но как он изменился! Палей-Евгеньев… ничего не понимаю!

Я, вероятно, побледнел не меньше Тони: так взволновала меня эта новость.

— Как только он кончит речь, пойдём к нему! — сказала Тоня решительным тоном.

— Может быть, тебе удобнее одной? Вам много о чём надо поговорить.

— У нас нет тайн, — ответила Тоня. — Так лучше. Идём!

И как только овации умолкли и чернобородый отошёл от «стола». Тоня и я направились к нему.

Торжественная часть заседания оканчивалась. «Рой мух» пришёл в движение. Играл оркестр. Все пели хором «Звёздный гимн». Начинался карнавал цветов.

С трудом пробираясь через толпу, мы, наконец, приблизились к Палею. Увидев Тоню, он заулыбался и крикнул:

— Нина! Товарищ Артемьев! Здравствуйте!

— Идём куда-нибудь в тихий уголок. Мне нужно поговорить с тобой, — сказала Тоня Палею и схватила плававший в воздухе букет душистых фиалок.

— И мне тоже, — ответил Палей.

Мы отправились в отдалённый угол зала, но и там было слишком шумно. Тоня предложила перейти в библиотеку.

Палей-Евгеньев был в отличном настроении. Он предложил нам «усесться» на стулья, хотя они нисколько не поддерживали нас. Сам он с необычайной скоростью и ловкостью подставил под себя стул, витавший в воздухе, и, придерживая его ногами, «уселся». Мы последовали его примеру далеко не с такой ловкостью. Тоня оказалась повёрнутой на бок — Палей поставил

её стул рядом с собою. Я висел вниз головой по отношению к ним, но не хотел менять своего положения, чтобы не вызвать смеха Палея неумелыми движениями.

— Так оригинальнее, — сказал я.

Некоторое время мы молчали. Несмотря на всю внешнюю весёлость. Палей волновался. Тоня тоже не скрывала волнения. Что же касается меня, то моё положение было совсем неловким. Право, я охотно улетел бы, как ни хотелось мне послушать, о чём они будут говорить. Я почувствовал себя ещё более неловко, когда Палей, кивнув на меня головой, спросил Тоню:

— Товарищ Артемьев твой жених?

Мне показалось, что я падаю. Но, к счастью, здесь люди не падают, если даже упадут в обморок. Что ответит Тоня? Я пристально посмотрел на неё.

— Да, — ответила она без колебания.

Я вздохнул свободнее и почувствовал себя твёрже на «воздушном» стуле.

— Так я не ошибся, — тихо сказал Палей, и в его голосе мне почудилась грусть.

Значит, и я не ошибся, предполагая, что у них было что-то, кроме научного интереса.

— Я очень виноват перед тобой, Нина… — про-

изнёс Палей, помолчав.

Тоня утвердительно кивнула головой.

Палей взглянула на меня.

— Мы — товарищи, — сказал он, — а с товарищами можно говорить вполне откровенно. Я любил тебя, Нина… Ты это знала?

Тоня немного опустила голову.

— Нет.

— Верю. Я хорошо умел скрывать свои чувства. А ты как ко мне относилась?

— Для меня ты был другом и товарищем по работе.

Палей кивнул головой.

— И в этом я не ошибся. Ты увлекалась нашей работой. А я страдал, сильно страдал! Помнишь, с какой радостью принял я предложение ехать на Дальний Восток? Мне казалось, что когда меня не будет возле тебя…

— Я была очень огорчена, когда наша работа прервалась на самом интересном месте. Все записи ведь вёл ты. У тебя остались формулы. Без них я не могла двигаться дальше.

— И только из-за этих формул ты искала меня по земле и по небу?

— Да, — ответила Тоня.

На этот раз Палей искренне рассмеялся.

— Всё, что делается, делается к лучшему. Ты не раз упрекала меня, Нина, что я человек увлекающийся. Увы! Это мой недостаток, но и моё достоинство… Без этого увлечения я не совершил бы «двенадцати подвигов Геркулеса», о которых сегодня говорил Пархоменко. Кстати, нас всех представляют к награде. Это награда за мой увлекающийся характер… Так вот, — продолжал он. — Уехал я на Дальний Восток и там… влюбился в Соню и женился на ней и уже имею прекрасную дочурку. Жена и дочь на Земле, но скоро приедут сюда.

У меня ещё больше отлегло от сердца.

— Почему же ты стал Евгеньевым? Евгений Евгеньев? — спросила Тоня.

— Евгений Евгеньев — это случайность. Фамилия Сони — Евгеньева. А она у меня оригиналка. «Почему бы тебе не носить мою фамилию» — сказала она мне перед тем, как идти в загс. «Твоя так твоя», — согласился я. Палея мне было не жалко: он человек увлекающийся. Бросает работу на самом интересном месте… Быть может, Евгеньев будет лучшим работником.

— Но почему ты не переслал мне своих записок?

— Во-первых, я был так счастлив, что забыл обо

всём на свете. Во-вторых, я чувствовал себя виноватым перед тобой. После своего неожиданного отъезда я два раза был в Ленинграде. И один раз видел тебя с товарищем Артемьевым. Я слышал, как ты назвала его по фамилии. Но я сразу понял ваши отношения. В то время я работал уже в системе Кэца, новая работа совершенно захватила меня. Я весь жил «небесными интересами». К нашей с тобой работе, признаться, потерял всякое влечение. Я помнил, что наши общие записки я должен вернуть тебе… И вот я встречаю товарища Артемьева. А надо сказать, что это случилось в очень горячее время. За час до отлёта на аэродром из Ленинграда мы вдруг получили телеграмму о том, что нам необходимо закупить некоторые физические приборы, только что выпущенные ленинградскими заводами. Мы с товарищем распределили покупки, условившись встретиться на углу улицы Третьего Июля и проспекта Двадцать пятого Октября. Поэтому-то я и уехал так быстро, что не успел сообщить своего адреса. Успел только крикнуть: «Памир, Кэц!» А приехал на Памир и завертелся. Потом улетел на Звезду Кэц, отсюда — в межпланетное путешествие… Вот и весь сказ. Виноват, кругом виноват!

— Но где же, наконец, эти записки? — восклик-

нула Тоня.

— Только не сбрось меня, пожалуйста, со стула, а не то упаду и разобьюсь на куски, — засмеялся Палей. — Увы, увы! Тебе совсем не надо было летать на небо, чтобы получить их. Они остались в Ленинграде, в доме почти рядом с твоим, у моей сестры.

— И ты не мог даже написать об этом! — с упрёком сказала Тоня.

— Повинную голову и меч не сечёт, — сказал Палей-Евгеньев, подставляя Тоне свою черноволосую голову.

Тоня запустила пальцы в его густую шевелюру и, улыбаясь, потрепала его. Оба они от этого движения закружились.

— Высечь тебя надо, негодника, а не к награде представлять!

— За что высечь, а за что и наградить, — шутливо возразил Палей.

Тоня вдруг обернулась ко мне и сказала:

— Ну, что же, летим на Землю, Лёня?

«Летим на Землю! Лёня!» Как обрадовали бы меня эти слова несколько месяцев тому назад! Теперь же обрадовало только слово «Лёня». Что же касается полёта на Землю, то…

— Об этом мы ещё поговорим. Нельзя же так

скоро. И у тебя и у меня есть незаконченные работы, — ответил я.

— Как? — удивилась она. — Теперь ты не хочешь лететь со мной на Землю?

— Хочу, Тоня. Но я накануне величайшего открытия в биологии. И закончить эту работу можно только здесь. А дело прежде всего.

Тоня посмотрела на меня так, словно видела в первый раз.

— Ты, кажется, успешно дозрел на Кэце, — сказала она не то насмешливо, не то одобрительно. — Этой твёрдости характера я в тебе ещё не замечала. Что же, таким ты мне больше нравишься. Поступай, как хочешь. Но я здесь больше оставаться не могу. Свои работы я окончила даже с превышением плана, как говорится, а новые начинать не собираюсь. Мне необходимо окончить ту, которую я начала когда-то с Палеем.

— Да, Нина, — поддержал её Палей. — Впрочем, кажется, ты стала Тоней, как я Евгеньевым. Всё меняется! Ты должна окончить эту работу. Осталось немного. Нельзя такую проблему бросать на половине…

— А кто бросил? — спросила Тоня. — Ну, хватит счётов!.. Пойдём веселиться. Это моя последняя ночь на Звезде!

XXI. НАКОНЕЦ Я ВЫДЕРЖИВАЮ ХАРАКТЕР

На другой день я сидел в своей зоолаборатории и работал вместе с Зориной. Мы уже были в особых изоляционных костюмах, предохраняющих от действия космических лучей. Над нами были воздвигнуты изоляционные крыши. Только на подопытных животных космические лучи лились, как дождь.

Зорина сообщила мне, что Фалеев поправляется. Его тело и лицо принимают прежний вид. Улучшается и психическое состояние. Но с Крамером всё ещё плохо, хотя Мёллер надеется на его поправку.

Дверь лаборатории открылась. Неожиданно появилась Тоня.

— Я улетаю, Лёня! — сказала она. — Перед дорогой зашла проститься и поговорить.

Зорина, чтобы не мешать нам, удалилась в другой конец лаборатории. Тоня посмотрела ей вслед и сказала:

— Жаль, что ты не едешь.

— Ничего, наша разлука ненадолго, — сказал я.

В это время к нам подлетел Джипси.

— Тоня, помнишь я тебе рассказывал о действии космических лучей? Так вот посмотри, что они сделали с Джипси.

— Какой фантастический урод!.. — воскликнула Тоня.

Урод улыбнулся и завилял хвостом.

— Вот теперь мне кажется, что тебе опасно здесь оставаться, — сказала Тоня. — Явишься ко мне вот таким чудовищем.

— Не беспокойся. Я защищён этой одеждой и «зонтиками». Они сохранят моё тело, мой мозг и… мою любовь к тебе!

Тоня недоверчиво посмотрела на меня.

— Поступай как знаешь! — сказала она и, сердечно со мной простившись, ушла.

— Эх, Джипси, остались мы с тобой бобылями! — сказал я.

Джипси лизнул мою руку.

XXII. ЗЕМЛЯ И ЗВЁЗДЫ

Весна. Окна открыты. Вечерний ветер приносит запах молодых берёз. Я дописал страницу рукописи и взглянул в окно. Словно зацепившись за шпиль Адмиралтейства, на небе стоит полная

луна. Из репродуктора льются звуки скрипки. Всё, как тогда, много лет тому назад… Но теперь я смотрю на Луну иными глазами. Это уже не далёкий, недоступный спутник Земли. На лунной поверхности остались следы моих ног. Они и сейчас такие свежие, как будто я только что прошёл по усыпанной пеплом и космической пылью почве.

Иногда всё это кажется мне сном…

Рядом с моим кабинетом кабинет Тони. Она, как и я, уже профессор.

Из столовой доносится пение сына-школьника.

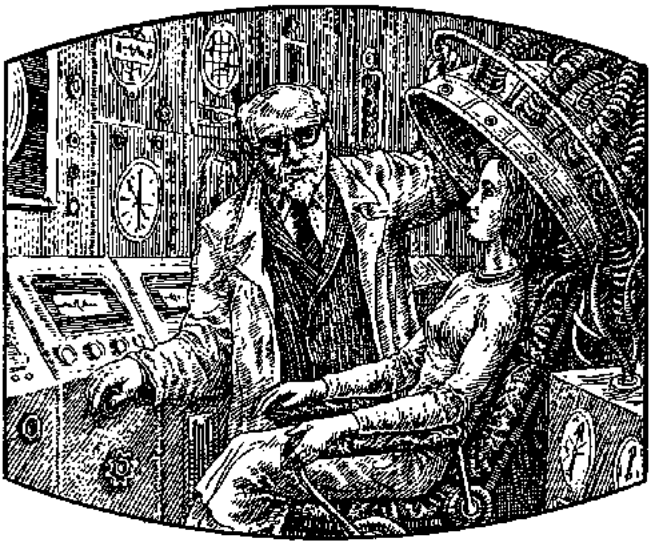
На ковре возле моего кресла лежит моя любимая собака — чёрный пудель Джипси. Я назвал его так, вспоминая о другом Джипси, которого я оставил на Звезде. Какое трогательное было расставание!

Я не прерываю связи со своими кэцовскими друзьями. Все они живы и здоровы. Зорина вышла замуж за директора Пархоменко. Выздоровевший Крамер принял это как и полагается нормальному человеку: не слишком радостно, но не делая из этого драмы. Палей-Евгеньев работает главным инженером-конструктором и «облётчиком» ракет. Тюрин подготовляет путешествие за

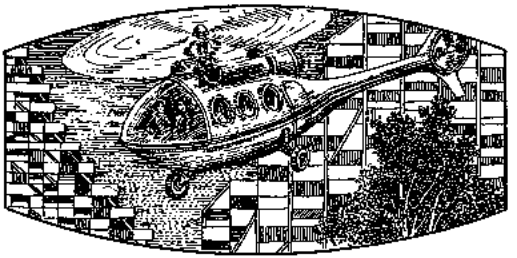
пределы солнечной системы. Он решительно не хочет стариться.

Месяц тому назад я окончил большую книгу «Биологические опыты на Звезде Кэц». Материалом послужили работы Шлыкова, Крамера и мои собственные. Получилась чрезвычайно интересная книга. Она уже сдана в печать. Окончив её, мне захотелось ещё раз пережить все приключения, связанные с моей не совсем обычной женитьбой. И вот я заканчиваю и эту книгу.

...Мой сын поёт «Марш Звезды Кэц». Сколько раз я рассказывал ему о своём путешествии! Теперь он только и мечтает о том, как полетит на Звезду, когда вырастет большой. И он, наверное, будет жителем звёзд.



Лаборатория Дубльвэ



Нина Никитина вошла в большой прохладный вестибюль. На его пороге кончалась власть климата, времен года и суток. Бушевала ли над Ленинградом зимняя вьюга, или беспощадно палило июльское солнце, в новом здании Института экспериментальной медицины был свой постоянный климат с твердо установленной температурой и влажностью. После уличного зноя начисто отфильтрованный воздух освежал, как морской бриз.

Никитина огляделась вокруг: лифт-экспресс («Первая остановка на десятом этаже»), слева — медленно ползущий вверх пологий эскалатор, прямо широкая мраморная лестница. Нина решительно двинулась к лестнице. Кабинет Зайцева был на десятом этаже, но ей хотелось выиграть время: еще немного подумать перед тем, как дать окончательный ответ…

Нина Никитина — аспирант, еще не имеющий звания кандидата биологических наук, — должна сегодня до некоторой степени решить свою судьбу: будет ли она работать с профессором Сугубовым. «Друзья-соперники», как их называют, оба крупные ученые, оба работают в одной области: над «узловой» проблемой медицины — проблемой долголетия, но у каждого своя школа, свое направление… И какие разные у обоих характеры!

Нина охотно пошла бы к Лаврову, но друг ее Семен Зайцев настойчиво советует работать со своим шефом — Сугубовым.

— Лавров — мечтатель, а Сугубов прочно, обеими ногами стоит на земле.

Нина медленно поднимается вверх, этаж за этажом. Ей видны длинные светлые коридоры, серо-серебристые двери с надписями: «Сывороточно-вакционный отдел», «Отдел физиологии», «Лаборатория по изучению лучей», «Отдел микробиологии»…

Бесшумно прокатились электровагонетки с оперированными больными. Мелькают фигуры в белоснежных халатах.

Но вот и десятый этаж. У двери кабинета Зайцева маленький микрофон.

— Семен, можно?

— Нина? Входи, входи!

В кабинете темно. Только на большом столе, перед которым сидит Зайцев, одно за другим вспыхивают матовые стекла. Рядом — медицинская сестра, а перед нею — маленькая лампочка, освещающая только одну страницу тетради.

— Сейчас кончаю. Садись, Нина.

Зайцев занят «обходом» больных своего отделения. На матовых экранах появляются то кривая температуры и давления крови, то изображения пульсирующего человеческого сердца и дышащих легких. Одновременно слышатся удары сердца, сердечные шумы, легочные хрипы. Хитроумные приборы дают возможность видеть движение сосудов, рельеф слизистой оболочки желудка, печени и желчного пузыря, спинного и головного мозга…

Быстро мелькают анализы крови, мочи, выделений желез внутренней секреции. В несколько минут организм человека открывает перед врачом свои сокровеннейшие уголки.

Как ни слаба еще врачебная опытность Никитиной, она прекрасно понимает, что на небольших матовых экранах возникают и исчезают изображения органов старых людей: старче-

ские, уставшие, расширенные сердца и легкие, склеротические сосуды, гипертрофированные простаты… Целый ряд болезней, порожденных преждевременной, патологической старостью.

— Ну, вот и все!

Зайцев быстро выключил аппараты. Экраны погасли, открылись металлические шторы, солнечный свет залил комнату.

Зайцев дал сестре несколько дополнительных указаний и, широко улыбаясь, повернулся к Никитиной.

— Еще раз здравствуй, Нина! Подсаживайся поближе.

Зайцев и Никитина — друзья с детства. Зайцев на шесть лет старше Нины. Он высок, худощав, черноволос.

— Ну, как решила? Сугубов или Лавров? Конечно, Сугубов? Да?

— Видишь ли…

— Так ты еще не решила? Колеблешься? Неужто опять повторять все сначала? Ну, слушай же…

* * *

В вестибюль вошел высокий, плечистый молодой человек с усами и остроконечной бородкой. На нем белый костюм, широкополая шляпа —

панама.

Швейцар принял шляпу.

— Здравствуй, Миша. Когда рыбу удить поедем?

— В выходной день, Леонтий Самойлович.

— Профессор Лавров здесь?

— Нет еще.

Молодой человек взглянул на свои часы-браслет.

— Так. Ну, смотри, чтобы все было готово. Полетим на Чудское озеро. — И направился к лифту.

— Здравствуйте, Леонтий Самойлович, — поздоровался с ним научный сотрудник. — На последней олимпиаде в парке были?

— Нет, я теперь все свободное время за городом пропадаю. А кто победил? Разумеется, Самохин! Ведь это я указал ему настоящую дорогу. Раньше парень увлекался выжиманием тяжестей да бросанием диска!.. Ознакомился с особенностями его ног, с их строением, с влечениями самого Самохина. «Послушайте, товарищ Самохин, — говорю я ему, — да ведь вы самой природой созданы для бега и прыжков». Самохин послушался моего совета, а теперь, видите, в мировые чемпионы выходит.

Сугубов (это был он, известный профессор Су-

губов) вошел в лифт, сел в удобное кресло, нажал кнопку и быстро понесся вверх.

Тем временем в вестибюль вошел новый посетитель — бодрый, жизнерадостный старик с большими нависшими усами. Казалось, все его лицо излучало улыбку. Улыбались голубые глаза, улыбались морщинки вокруг глаз, улыбались усы. Глядя на это румяное, оживленное лицо, молодой швейцар невольно улыбнулся.

— Здравствуйте, товарищ Лавров! — весело воскликнул он.

— Здравствуйте, маэстро! — ответил профессор и шевельнул правой бровью. — Когда реванш?

— Через выходной день, Иван Александрович, если вы свободны, — ответил «маэстро».

Швейцар был одним из лучших мастеров шахматной игры и нередко состязался с Лавровым.

— Почему не в следующий? — спросил Лавров.

— В ближайший выходной едем на рыбную ловлю с Леонтием Самойловичем.

— Вот и попадете под дождь за измену шахматам!

— Дождь нам не страшен, Иван Александрович. Мы с Леонтием Самойловичем закаленные рыболовы и охотники.

— А он здесь?

— Пришел.

— Точен, как всегда. А меня в пути девочка задержала. Маму, изволите ли видеть, потеряла. Ну, пришлось покататься с ней на моем электромобиле. Хорошо, хоть скоро маму нашли… Так через выходной день у вас на квартире?

Лавров поднялся на десятый этаж. Он шел по широкому светлому коридору, и все встречные уже издали начинали улыбаться, как будто ожидая, что профессор вот-вот отпустит одну из своих обычных шуток.

* * *

— Уверяю тебя, Нина, ты не пожалеешь. Сугубов не только крупный ученый, но и великолепный педагог. Вот мы и пришли…

Зайцев и Никитина стояли перед дверью кабинета профессора Сугубова. Получив в микрофон разрешение войти, Зайцев открыл дверь и… Нина так смутилась, что быстро отступила назад, готовая вот-вот убежать. Оба профессора, Сугубов и Лавров, сидели в кабинете и горячо о чем-то спорили.

— Да входите же, чего вы испугались? — не совсем любезно крикнул Сугубов, недовольный тем, что спор прервался на самом интересном

месте.

— Мы зайдем в другой раз… — дипломатично откликнулся Зайцев, но Сугубов настойчиво предложил им войти.

Зайцев учел обстановку и быстро изменил план действий. Никитина до последней минуты колебалась… Отлично, так и запишем!

— Я воспользовался тем, что вы здесь вместе, Иван Александрович и Леонтий Самойлович. Мне хочется, чтобы вы совместно решили один вопрос. Суд Соломона, так сказать. Вот эта аспирантка…

— Видал, видал, — перебил его Сугубов, — вы слушали у меня лекции? Ваша фамилия…

— Никитина.

— Так вот, — продолжал Зайцев, — Никитина не может решить вопроса, с кем ей работать: с профессором Лавровым или с профессором…

— Но мы же за нее решать не можем, — снова перебил Сугубов. — И соперничать нам не пристало. Кто ей кажется краше, пусть того и выбирает.

Лицо Лаврова, как всегда, излучало улыбку. Он по очереди переводил взгляд с одного собеседника на другого и, наконец, заговорил:

— Леонтий Самойлович! Мне кажется, что здесь самым правильным будет именно соломоново

решение…

— Разрубить этого младенца пополам? — Сугубов насмешливо кивнул головой в сторону Никитиной.

— Зачем же рубить? Пусть поработает и у вас и у меня. Ну, скажем, по четным дням у вас, по нечетным у меня… или по пятидневкам. Когда она ближе познакомится с работой каждого из нас, ей легче будет сделать окончательный выбор. Правильно я говорю, товарищ Никитина?

Нина утвердительно кивнула головой.

— Как же это так, работать и у вас и у меня? — возразил Сугубов. — Вы что-то совсем странное предлагаете, Иван Александрович.

— Соглашайтесь, Леонтий Самойлович, — сказал Зайцев. — В самом деле, это лучший выход: Никитина только выиграет, ознакомившись с методами двух школ.

Сугубов широко развел руками.

— Ну ладно, пусть будет так. Соломоново решение принимаю, но за благие результаты не ручаюсь.

Так, неожиданно и вопреки обычаю, Никитина стала помощницей двух ученых, двух «друзей-соперников».

* * *

Сугубов правил сам. Никитина сидела с ним рядом. Маленький светло-серый, блестящий, как зеркальное стекло, аккумуляторный электромобиль бесшумно двигался по широчайшему проспекту, выложенному гладким настилом из желтых полос разных оттенков — от бледно-желтого до бурого. Каждая полоса была обсажена липовыми, каштановыми или сосновыми деревьями.

— Красота! — проникновенно сказал Сугубов. Он был в великолепном настроении. — Гляжу и не нагляжусь, не налюбуюсь на наш Ленинград.

Авто Сугубова двигалось со средней скоростью по светло-желтой полосе в липовой аллее. Профессор не спешил, он хотел подышать утренним воздухом. Рядом, по более темной полосе, в аллее каштанов (садоводы привили им благоухающие цветы белой акации и садовой сирени) быстро двигались более торопливые машины. Посредине улицы, в сосновой аллее, столь же бесшумно катились двухэтажные электрические вагоны на больших колесах с толстыми резиновыми шинами. Перекрестки не задерживали движения: автомобили и вагоны переходили перекресток,

поднимаясь по пологому перекрытию-путепроводу или же спускаясь в пологую выемку пути под перекрытием. Для перевода машин с одной полосы скорости на другую были устроены подземные тоннели.

Дома стояли не угрюмой сплошной стеной, как в старых, отживающих свой век кварталах города, они как бы росли на просторе, окруженные светом, воздухом, зеленью. Цветы устилали подножия домов, пестрели на окнах, уступах, балконах, красовались на плоских крышах, свисали с арок, обвивали колонны.

Раннее утреннее солнце золотило белоснежные вершины домов. Зеркала новых каналов отражали необычайно прозрачное для Ленинграда голубое небо. Великолепный проспект уходил вдаль, незаметно поднимаясь к Пулковским высотам. Несмотря на оживленное уличное движение, тишина стояла такая, что можно было разговаривать вполголоса.

— Чувствуете? Ведь липой пахнет! А тут еще на каштанах белая акация и сирень в цвету. Что делает наука! Цветы с весны до поздней осени! Пчеловодство — в центре города!

В самом деле, над цветущими деревьями и над газонами с гудением летали пчелы. На газонах

кое-где стояли синие и красные ульи, сделанные в виде моделей многоэтажных домов затейливой архитектуры. Хорошо регулированное уличное движение не мешало пчелам, и пчелы не мешали людям.

— Радостно сознавать, что в этом замечательном преобразовании Ленинграда есть и твоя доля труда, — продолжал Сугубов. — Чудак Лавров посмеивался надо мной, говорил, что я разменяюсь, что я превратил себя в санитарного врача. А хоть бы и так!.. Мы объявили войну пыли — домашней, уличной, производственной. Мы объявили войну дыму — печному, заводскому, фабричному. Вы видите, чем кончилась эта война!

Никитина знала о том, что Сугубов в водолазном костюме опускался на дно старых каналов, чтобы и там навести чистоту и порядок, что он заглядывал на задние дворы и в канализационные трубы, путешествовал по тоннелям подземного Ленинграда…

За эту работу Сугубов был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

— Теперь нам дано все не только для счастливой, но и для долгой жизни, — продолжал Сугубов. — Проблема долголетия, нормальной,

здоровой старости решена Октябрьской революцией. И если тем не менее многие из нас умирают преждевременно, так это только потому, что сами допускают в круг своей жизни какие-то вредности. Вот эти-то вредности мы, врачи, и обязаны устранять.

К примеру, вчерашний случай с Прониной, работницей завода «Синтез». Молодая девушка — и вдруг непорядок в легких! Похоже на отравление газами. Вот мы и посмотрим, не осталась ли какая-нибудь вредность на том производстве, где работает Пронина…

Электромобиль подошел к перекрестку, откуда надо было свернуть в сторону, и Сугубов направил машину в специальный тоннель. И здесь, под землей, свет казался естественным, солнечным. Воздух такой же чистый и теплый, как и на поверхности…

Тоннель шел некоторое время в том же направлении, как и надземная дорога.

Никитина вздрогнула: навстречу двигался электромобиль… Столкновение неизбежно! И… тотчас же улыбнулась: во встречных пассажирах она узнала себя и Сугубова.

— Ф-фу, никак не могу привыкнуть к этим зеркалам перед поворотами!

Сугубов затормозил. Но если бы он зазевался, то за него ход машины затормозил бы автоматический тормоз с фотоэлементом.

Далее тоннель разветвлялся. Сугубов свернул налево, и вскоре авто поднялось на улицу, пересекавшую проспект.

В этом квартале, среди домов оригинальной архитектуры, Никитину давно интересовал многоэтажный дом, построенный в виде уступчатой пирамиды. Каждой квартире принадлежала часть уступа, представлявшего собой большую площадку. С внешнего края она была огорожена изящной решеткой серебристого цвета, а от соседних участков отделялась густыми стенами ползучих растений. В дождь, в зимнюю и осеннюю погоду эти сады-площадки могли прикрываться прозрачными, как стекло, шторами из пластмассы, прекрасно защищающими от холода. Здесь росли не только цветы, но и плодовые растения, кусты ягод, клубники.

В это летнее утро все шторы были открыты, и дети заполняли сады-площадки. Ребята качались на качелях и качалках, пели, играли. Но их звонкие голоса не только не долетали до улицы, но и не мешали занятиям взрослых обитателей дома-пирамиды. Об этом позаботились советские

ученые-акустики, создавшие остроумные изоляционные завесы-звукопоглотители.

Никитина в последний раз оглянулась на дом-пирамиду. Издали он был похож на изумительный водопад, зеленые воды которого ниспадали вниз.

— Хотела бы я жить в этом доме! — сказала Никитина.

Она уже побывала в доме-пирамиде у своей подруги и ознакомилась с его своеобразным устройством. Немало трудных задач пришлось разрешить архитекторам, проектируя здание. Жилые квартиры занимали только поверхность пирамиды. Вся внутренняя часть была занята универмагом, кинотеатром, клубом, библиотекой, амбулаторией, аптекой. Отличное искусственное освещение ничем не отличалось от солнечного. Прекрасная вентиляция, водопровод, отопление, канализация с необычной проводкой труб — все это доставило строителям немало хлопот. Зато счастливые обитатели квартир чувствовали себя в центре города как на даче: принимали солнечные и воздушные ванны или же, сидя в плетеных креслах где-нибудь под вишней, грушей или яблоней, пили чай с вареньем из ягод, собранных в собственных садах…

— Не угодишь человеку, — отозвался Сугубов. — Вы говорили, что у вас прекрасная квартира? Так нет, дай лучше! За чем же дело стало? На Пулковском проспекте закладываются две новые пирамиды. Подайте заявку, и к ноябрю ваше желание исполнится. Буду у вас на новоселье.

Открылся гранитный берег Невы, обсаженный соснами. По реке вверх и вниз сновали голубые «автобусы» речного транспорта.

Сугубов и Нина подъезжали к новому мосту. Как и все другие, он имел перекрытие в виде цельного полуцилиндра из пластмассы, прозрачного и прочного.

При въезде на мост Сугубов задержал ход машины, а Никитина немного нагнула голову, как будто желая уберечь ее от невидимого препятствия. И в самом деле, в тот же момент она почувствовала на руках, голове, плечах, спине легкий тепловой удар, подобный удару струй теплой воды из душа. Удар повторился трижды.

Они проезжали воздушные завесы, предупреждавшие возникновение сквозняка на мосту. Воздух падал под значительным давлением, и поэтому невидимая завеса обладала заметной упругостью. Приходилось даже несколько сдерживать ход машины при въезде на мост.

— На таком мосту, — сказал Сугубов, — простуды не схватишь. Тепло и ниоткуда не дует, воздух свежий и чистый. Кажется, мелочь, но и эта мелочь на какую-то долю процента увеличивает среднюю продолжительность жизни ленинградца. Погодите, мы еще и не то… — Сугубов не кончил фразы, въехав в полосу воздушных завес на другом конце моста.

За мостом начинался рабочий город завода «Синтез»: жилые дома, магазины, школы, библиотеки, кино, театры, в том числе большой телевизорный театр, передающий постановки академических театров Москвы и Ленинграда.

Но вот квартал жилых домов кончился, и автомобиль, продолжая двигаться по той же прекрасной дороге, въехал в настоящий дремучий лес. Повеяло свежестью и смешанным запахом мха, папоротника, сосны и ели. Щебетали лесные птицы. Возле самой дороги на стволах деревьев усердно стучали дятлы, и белки прыгали с ветки на ветку.

Несколько лет тому назад лес был посажен как защитная зона, отделяющая жилой рабочий город от заводов с его дымными трубами. Теперь трубы перестали дымить, а лес стал местом прогулок.

Но вот и конец леса. Открылось широкое поле, покрытое густой золотистой пшеницей. За нивой виднелась ажурная железная решетка, за нею купы деревьев, а над ними — стеклянные громады завода «Синтез».

Когда Сугубов вошел в цех, в котором работала больная Пронина, его встретили инженер и представители рабочкома. Вскоре сюда же подошли секретарь партийного комитета и заведующий охраной труда. Сугубов был для них не только суровым критиком, но и добрым советником.

— Опять по нашу душу, Леонтий Самойлович? — спросил инженер.

— Что поделаешь! — засмеялся Сугубов. — За вами следи да следи! Производство ваше сложное. Тут и ацетон, и бензин, и сернистый ангидрид…

— Помилуйте, Леонтий Самойлович, — вступил заведующий охраной труда, не вы ли сами раз двадцать вымывали и прочищали наш воздух! У нас тут фильтры, циклоны, вентиляторы… Да вы понюхайте, пожалуйста! Разве тут пахнет чем! Не цех, а курорт…

Все рассмеялись.

Сугубов сам не без удовольствия окинул взглядом огромный цех и глубоко вдохнул чистейший воздух. Да, это был его идеал: рабочий у станка

должен дышать таким же чистым воздухом, каким дышит горный пастух или рыбак в море.

Никитина с интересом рассматривала цех, огромный, как зал столичного вокзала. Сложные агрегаты, перегонные кубы, змеевики, метальные машины… Блестящий паркетный пол, зеленые кустарники и целые деревья у стен. Только не цветы! Сугубов был против цветов: их аромат мог замаскировать проникновение вредных газов.

Но больше всего заинтересовали Никитину свет, тишина и воздух. Слепящие и прямые солнечные лучи сюда не допускались — только рассеянные. Когда солнце заходило за тучу или садилось за горизонт, контролеры-фотоэлементы включали дополнительное искусственное освещение ровно столько, чтобы поддержать силу света на одном уровне. Звукопоглотители уничтожали все производственные шумы.

Профессор Сугубов недоверчиво бросил:

— Нос наш — плохой контролер. Вредные вещества могут и не иметь ощутимого запаха. Ведь это факт, что ваша работница, товарищ Пронина, лежит в моей клинике. Очень похоже, что ее легкие пострадали от какого-то отравляющего вещества.

Председатель рабочкома был явно смущен.

После некоторого колебания он решительно заявил:

— А, пожалуй, вы правы, Леонтий Самойлович. Подруга Прониной — Лиза Серова — тоже заболела и жалуется на легкие…

— Вот видите! — воскликнул Сугубов. — Товарищ Никитина, возьмите-ка пробу воздуха!

Никитина надломила тонкий кончик запаянной стеклянной трубки, воздух цеха вошел в сосуд, и трубку снова запаяли.

— Я был у Серовой, — сообщил секретарь парткома. — Ее квартира рядом с квартирой Прониной. Вот я и думаю: нет ли какой вредности, каких-нибудь ядовитых газов в доме, где живут обе подруги? Ведь у нас в цехе других случаев заболеваний не было.

— Обследуем и дом и квартиру, — сказал Сугубов. — Но только откуда быть вредным газам в квартире? О других заболеваниях не слышно?

Сугубов прошел по цехам завода, проверил работу фильтров, вентиляторов, дал несколько указаний заведующему охраной труда и, попрощавшись, вышел с завода. Никитина за это время взяла еще несколько проб воздуха.

По приезде в ВИЭМ Никитина тут же отдала первую пробу воздуха в лабораторию для ана-

лиза. Затем вместе с Сугубовым направилась в палату, где лежала Пронина. Сугубов учинил Прониной форменный допрос, но та по-прежнему упрямо твердила, что не знает причины своего заболевания.

— Ваши легкие отравлены каким-то ядовитым газом, — сердито сказал ей, наконец, профессор. — Пока не узнаю каким, не могу лечить. Придется выписать вас из больницы.

Тут Пронина не выдержала и рассказала совершенно неожиданную историю. У подруги ее, Лизы Серовой, есть жених, молодой химик завода «Синтез» Рябинин. Живет он в одном доме с ними. Рябинин любит химию, устроил у себя в квартире домашнюю лабораторию и проделывает там разные опыты. Недавно он объявил Серовой и Прониной, что изобрел необычайный газ, и притом совершенно безвредный… На себе проверил! «Понимаете, человек грезит наяву! Никакое кино не доставит столько удовольствия, как этот безвредный наркоз». И Рябинин тут же пригласил подруг к себе на сеанс. Все шло хорошо. Но тут под влиянием наркоза Серова замахала руками — ей показалось, что она летает, — задела и разбила баллончик с каким-то другим газом. С каким именно газом, Пронина не знает. Рябинин

тоже пострадал, но меньше. Обо всем этом они с Серовой решили не говорить, боясь навлечь на Рябинина неприятности, жених ведь…

И Пронина заплакала: обидно стало, что пришлось выдать тайну друзей.

Никогда еще Никитина не видела Сугубова таким взбешенным.

— Скажите-ка мне адрес этого вашего жениха… Да не плачьте вы, ничего с ним не будет! Его можно застать дома? Едемте, Никитина!

Подошел лаборант и подал бумажку.

— Анализ воздуха.

Сугубов наскоро просмотрел анализ.

— Азот, кислота, аргон, двуокись углерода, вот… 0, 01 — даже меньше средней нормы… Водород, неон, криптон, гелий, озон, ксенон… Все в порядке.

* * *

В этот день Никитина возвращалась домой в аэробусе. Она сидела возле окна и задумчиво смотрела на лучи проспектов и каналы новых районов города. Когда-то мелководные речки: Черная, Волковка, Пулковка, Большая и Малая Кировка, Дудергофка, Красинька и другие — были соединены друг с другом, наполнены водой из

Невы, закованы в гранит и превращены в новые каналы, по которым сновали бесчисленные суда водного транспорта.

День медленно угасал.

«Какой интересный, содержательный день!» — думала Нина.

И как хорошо, что она работает с Сугубовым! Широчайший охват тем, внимание, чуткость к человеку… Взять хотя бы Пронину. После признания девушки выяснилось, что причина ее болезни — «частный случай», который никак не может повлиять на «продолжительность жизни ленинградца». Тем не менее Сугубов не поручил этого дела никому другому и не успокоился до тех пор, пока сам не расследовал его до конца. Да, он любит и жалеет людей, хотя умеет и бранить их. Неудачливый изобретатель «психического кино на дому» Рябинин, вероятно, до конца своих дней не забудет той головомойки, которую закатил ему Сугубов. Зато легкие Прониной, Серовой и самого Рябинина будут излечены в кратчайший срок… Замечательный человек Сугубов! Он умеет совместить борьбу за продолжение жизни всех ленинградцев с борьбою за сохранение и продление жизни каждого человека в отдельности. Зайцев был прав, рекомендуя работать с Сугу-

бовым. У него действительно можно многому научиться. Она останется работать у него.

Аэробус опустился по вертикали и плавно, без толчка, сел на плоскую крышу большого здания.

Открылись двери, автоматически выдвинулись лесенки. Пассажиры вышли из вагона. В двери с противоположной стороны уже входили новые пассажиры. Спустя минуту все лесенки снова были убраны, двери захлопнулись, и аэробус бесшумно поднялся вверх.

Никитина спешила к своему дому по легкому и узкому пешеходному мостику, переброшенному через дорогу на высоте второго этажа. Лифт спустил ее с мостика возле самого дома, другой лифт поднял на пятый этаж, в коридор, широкий и длинный. Вот и дверь ее квартиры. Она не заперта: кражи давно отошли в область преданий.

Во внутреннем стенном ящике возле двери Нина нашла ужин, заказанный ею в «Гастрономе», взяла горячей воды, которая всегда была наготове в чистой, как лаборатория, кафельной кухне, заварила чай и принялась ужинать в своей уютной столовой. Рядом — рабочий кабинет с удобным письменным столом из черного дуба, с мебелью, обитой коричневой кожей. Тут же в шести вместительных шкафах помещалась

библиотека девушки. Пол был устлан мягким ковром. Стены оклеены легко моющимися обоями темно-коричневого цвета. Стены спальни, наоборот, были светлые, почти белые, с серебристым узором, яркий свет заливал все уголки спальни. Посреди комнаты на ковре — синяя кровать с белоснежной постелью, в углу — туалетный столик с зеркалом в синей раме, возле кровати — два легких синих стула. Последняя небольшая комната служила то комнатой для приезжающих — здесь стояли два дивана, то лабораторией — в нескольких стенных ящичках помещались химикалии, микроскоп, инструменты для биологических опытов, то просто «рабочей комнатой». Ящики помещавшегося в углу простого стола были наполнены разными столярными и слесарными инструментами и материалами. Нина в шутку называла иногда эту комнату еще и «зимним садом». Возле окна на столе находился японский карликовый сад с толстыми деревьями двухсотлетнего возраста, но всего двадцати — тридцати сантиметров высоты.

…С ужином кончено. Остатки отправлены в мусоропоглотительную трубу. Руки вымыты. В кондиционной установке повернута ручка, чтобы усилить обмен воздуха и проветрить ком-

нату после ужина, телефон включен. И в тот же момент Никитина слышит голос Зайцева. Она может разговаривать с ним, не беря в руку телефонной трубки и продолжая спокойно сидеть в мягком кресле: репродуктор и микрофонная установка на столе хорошо переносят звуки в ту и другую сторону.

— Нина! Я говорил с тобой, но ты не отзывалась.

— Аппарат был выключен. Не люблю разговаривать с цыплячьим крылышком в руке.

— Скажи мне, чем кончилось ваше расследование по делу об отравлении Прониной? И какому наказанию подвергнут преступник? Наверно, добрейший Леонтий Самойлович у этого Рябинина все колбы перебил?

— И колбы и ребра, — смеясь, ответила Нина и рассказала о поездке к Рябинину.

— А каково твое решение: попробуешь еще поработать с Лавровым или останешься с Сугубовым?

— К Лаврову мне теперь переходить незачем. Остаюсь у Сугубова.

— Очень рад... Сегодня вечером никуда не идешь? Нет? Ну, до свиданья! — И голос Зайцева умолк.

Нина поднялась, прошла в кабинет, села за стол и раскрыла толстую книгу. Многочисленные микроскопические фотоснимки вдоль широких полей книги поясняли почти каждую строчку. Пристроив аппарат, проецирующий эти рисунки в увеличенном виде на небольшом настольном экране, девушка углубилась в занятия. В движении, в красках видела она на экране и работу желез, выделяющих гормоны, и разрушение красных кровяных телец, и превращение в новые кровяные тельца кровяных клеток-эритробласт, и причудливые блуждания лейкоцитов. Иногда картины пояснял голос самого автора книги.

Вот Нина видит кожный покров пальца, как бы изнутри его. Вдруг покров прорывается, и в прорыв проникает конусообразное тело, похожее на нос межпланетной ракеты, но с очень грубо «обтесанной» поверхностью. Появляется и исчезает. Это швея уколола себе палец иглой. С «ракеты» — острия иглы свалились на края и на дно образовавшегося отверстия огромные глыбы камня, целые утесы (в действительности это ничтожные пылинки, молекулы твердых частиц). Вместе с ними проникли сквозь брешь прокола и странные тельца в виде шариков, соединенные в цепочки. Это страшные стрептококки, которые

могут вызвать у человека и рожу, и заражение крови, и различные гнойные процессы. Враг проник в организм! Какой-то неведомый «беспроволочный телеграф» сейчас же разносит эту весть по окружающим тканям и сосудам тела. И вот целые полчища лейкоцитов уже спешат навстречу врагу. Они то вытягиваются в ниточку, проникая сквозь стенки сосудов, то собираются в комочек, то выпускают бесформенные ножки, чтобы быстрее двигаться через ткани тела и нащупывать дорогу, и тогда начинают походить на диплодоков, неуклюжих животных минувших эпох. Наконец они добираются до места, отрывают от цепочки один смертоносный шарик, медленно обволакивают его своим телом плазмой и… «съедают», переваривают, растворяют… В ожесточенном бою массами гибли кокки, но гибли и лейкоциты, убитые ядами, которые выбрасывали из себя бактерии. На этот раз победили лейкоциты. Враг уничтожен. Жизнь швеи спасена. А швея? Она и не подозревала о напряженной схватке, в которой участвовали миллионы бойцов под кожей ее пальца. Она заметила лишь небольшое нагноение…

Но — изумительное дело! — те же самые лейкоциты становятся врагами стареющего человека,

внося в его организм болезненные изменения. Можно часами смотреть на эти полные захватывающего интереса картины, забыв о еде, о сне, обо всем…

«Радиогувернер», заведенный самой же Ниной, уже несколько раз напоминал ей о позднем времени, с каждым разом все громче, все настойчивее.

— Да иду! Вот надоедливый! — наконец не выдержала она, улыбнулась, сладко зевнула, погасила аппараты и закрыла увлекательную книгу, подсунув под нее стопку исписанных листов бумаги. Нина писала научный труд на соискание ученой степени кандидата биологических наук.

«Восемь часов! Пора вставать!» — произнес отчетливо радиобудильник.

Нина открыла глаза. В спальне стоял сумеречный свет ленинградского осеннего утра. По железному подоконнику стучали капли дождя. Ленинградцам удалось значительно улучшить климат своего города, но изменить его более решительно они не могли. Переделка климата в пределах одного города невозможна, а борьба за изменение климата в мировом масштабе еще только начиналась.

Вековечный спор европейского ледника — Гренландии — с печкой Европы Гольфстримом — продолжался: ленинградская погода оставалась неустойчивой, осень и зима несли с собой дожди и туманы вперемежку с заморозками, морозами и нежданными оттепелями.

Нина проснулась в плохом настроении. Отчего бы это? Действие осени, дождя, серого утра? Нет, не то: ее настроение было испорчено еще вчера... И вдруг она вспомнила: Лавров!

Вчера утром, как всегда, она вошла в кабинет Сугубова. Леонтий Самойлович, сердито нахмурив брови, ходил по комнате. За столом сидел улыбающийся Лавров.

При появлении Нины он поднялся с кресла и, подойдя к ней, сказал:

— Товарищ Никитина, позвольте вам напомнить о вашем первом появлении в этом кабинете. Тогда, помните, вы колебались, с кем вам работать, со мною или с Леонтием Самойловичем. И мы решили: будете работать попеременно у профессора Сугубова и у меня. Вместо одной пятидневки вы непрерывно проработали у профессора Сугубова более двух месяцев. Но не пора ли вам поработать и у меня?

В этот момент Никитина почти ненавидела

Лаврова: нетактично! Неужели старик не понимает, что она уже сделала выбор? Как бы отвечая на ее мысли, Лавров улыбнулся.

— Насильно мил не будешь, и я не напоминал бы вам о нашем договоре, если бы не одно обстоятельство. Мой лаборант, моя правая рука, уехал в длительную командировку, и вся моя работа стала. Вот тут-то я и вспомнил о вас. Ну, думаю, и вы сама и профессор Сугубов, конечно, не откажете мне в товарищеской услуге…

Вот как поставил вопрос этот хитрый Лавров! И возразить нечего… Нина в последней надежде обратила умоляющий взгляд на Сугубова. Но форма просьбы, видимо, и его обезоружила…

И вот сегодня Нина должна начать работать с Лавровым. Она сердито бьет ногой по кровати, нехотя встает и направляется в ванную. Гидроэлектромассаж изгоняет дурное настроение. Вчерашняя сцена в кабинете уже не кажется ей столь неприятной.

* * *

— А где же профессор Лавров? — спросила Никитина, обводя глазами кабинет.

Из-за бюро в углу кабинета выглянула женщина.

— Товарищ Никитина? — спросила она. — Профессор Лавров пошел в лабораторию регенерации. Он просил вас разыскать его, как только вы придете.

Никитина кивнула головой и вышла из кабинета.

Направо и налево по коридору — двери, двери без конца… Но сколько же у него лабораторий! У Сугубова только одна — химическая, и в ней производятся самые разнообразные анализы. «Моя лаборатория — весь Ленинград», — говорит Сугубов.

«Лаборатория КВ», «Лаборатория УКВ», «Лаборатория…», «Лаборатория…» — читала Нина надписи на дверях. А вот, наконец, и «Лаборатория регенерации».

— Можно войти? — спрашивает Нина в микрофон у двери и слышит в ответ:

— Нельзя.

— Но мне нужно видеть профессора Лаврова.

— Профессора Лаврова срочно вызвали в рентгеновский кабинет.

Нина досадливо пожала плечами. Встречная санитарка указала ей, как пройти в рентгеновский кабинет. Оказывается, их несколько десятков, но главный находится в подвальном помещении.

Никитина решила пойти в главный кабинет.

Не без труда разыскала она в лабиринте широких коридоров и залов подвального этажа огромную стальную дверь. Над ней ярко-красным светом горели зловещие слова:

НЕ ВХОДИТЬ! ВКЛЮЧЕНО 3 000 000 ВОЛЬТ!

На вопрос, в кабинете ли профессор Лавров, Нина получила ответ:

— Да, он здесь и просит вас подождать. Аппарат будет скоро выключен.

Через три минуты красные буквы погасли, и тяжелая стальная дверь открылась.

Лавров сидел в кресле перед высокой стеной, не доходящей до потолка. Эта толстая стена из бетона и свинца должна предохранять врача от действия чудовищного аппарата. Над стеной поднимается перископ.

— Вы еще не видали эдакой тяжелой артиллерии? Не хотите ли заглянуть в перископ? — предложил Лавров Нине.

Никитина посмотрела и увидела: такой же пустой зал, посредине сложный аппарат с огромной двенадцатиметровой стеклянной лампой. Больного не видно. Вероятно, он уже увезен авто-

матической вагонеткой…

— Ну, вы еще насмотритесь на все это, Нина. Идем в лабораторию!

* * *

Лаборатория регенерации несколько напоминала магазин живой природы. На высоком столе у одной из стен в несколько этажей были установлены аквариумы, террариумы, клетки с птицами и белыми мышами. За стеклами виднелись морские звезды, гидры, лягушки, дождевые черви, раки, пауки, ящерицы, полипы. У многих ящериц были двойные и тройные хвосты. У лягушек раздвоенные ноги, у аксолотля пятая нога на спине — результат действия регенеративных сил…

На столе, расположенном посреди комнаты, заведующий лабораторией Марин с ассистентом, рыжеволосой девушкой, производили какую-то сложную операцию на спине аксолотля. На длинном столе возле другой стены — стеклянная посуда, приборы химической лаборатории. В углу шкаф с химикалиями.

Осмотрев лабораторию, Нина с недоумением обратилась к Марину:

— Я не совсем понимаю, какое отношение имеет изучение регенерации к проблеме старости…

— Косвенное, — коротко ответил Марин.

— Знакомитесь с нашим хозяйством? — обратился к Никитиной Лавров.

— У вас много помощников? — ответила Нина вопросом на вопрос.

— У них у всех своя работа. А мне нужна такая помощница, которая ходила бы за мной, как нянька. Работа найдется, не беспокойтесь. Разве этого мало? О, если бы можно было работать дни и ночи! Но… голова начинает уставать. — Он похлопал по своему высокому лбу. — Работы бесконечно много. Вы сами знаете, что, несмотря на все успехи, медицина страшно отстала от общего прогресса страны. Медицина в неоплатном долгу у народа. И каждый недожитый день каждого гражданина СССР увеличивает этот долг.

И Лавров с горячностью стал доказывать, что неизлечимых болезней нет. Дело лишь в том, что медицина еще не нашла средств для излечения этих болезней.

— Но мы найдем эти средства, обязательно найдем!

Никитина внимательно слушала Лаврова. Перед ней был как будто совершенно другой человек. Ее поразили не слова ученого — нет, она и сама не раз об этом думала. Ее поразила

глубокая убежденность Лаврова. Так вот какой огонь пылал под холодным пеплом старости!

— Я вовсе не хочу преуменьшать достижения нашей медицины, они велики. Именно благодаря им с каждым годом все больше граждан доживает до старости. Не в этом дело. Дело в том, что в большинстве случаев старость и является самой страшной и неизлечимой болезнью. Вы знаете, что именно здесь я расхожусь с профессором Сугубовым. В самом деле, даже и при самых благоприятных условиях, какие у нас сейчас имеются, предел человеческой жизни — семьдесят — семьдесят пять лет. А теория говорит, что жить мы должны сто двадцать — сто пятьдесят лет и при этом почти до конца дней своих быть бодрыми, здоровыми, работоспособными, обладать светлым умом и твердой памятью. Откуда же появляется эта «собачья старость», с ее специфической дряхлостью, старческим слабоумием?.. В чем тут корень зла? Может быть, капитализм и предшествующие ему эпохи испортили гены людей, создали вредные мутации? Как бы то ни было и что бы ни утверждал профессор Сугубов, стариков одолевает склероз, лейкоциты размножаются и поедают благородные ткани, всяческие отбросы, «шлаки» организма посте-

пенно засоряют его, размножаются вредоносные бактерии, работа желез разлаживается, а неразрывно с этим и весь организм расшатывается. Вот что делает нашу старость патологической, болезненной, вот что отравляет наши последние дни! Теперь, надеюсь, вам понятна моя «школа», линия моих работ? Я веду активную борьбу с патологическими явлениями старости: со «шлаками», лейкоцитами, бактериями. Я стремлюсь достигнуть «великого очищения» старческого организма от всех вредоносных факторов, а тем самым продления счастливых дней наших соотечественников… Ну-с, а теперь скажите, следует мне в этом помочь? — заключил Лавров, и добрая, лукавая улыбка заиграла на его губах.

Работа у Лаврова захватила Никитину.

Ей действительно приходилось неотступно ходить за Лавровым. Она записывала в блокнот указания профессора многочисленным научным сотрудникам, новые мысли, которые рождались у него во время работы, проверяла исполнение работ. Затем отправлялась в лабораторию ультракоротких волн или в главный рентгеновский кабинет и помогала Лаврову производить опыты. Для каждого класса и вида бактерий, живущих в организме, он старался подобрать такой вид

лучистой энергии, который убивал бы только эти определенные бактерии и был совершенно безвреден для других, а также и для клеток организма. Работа чрезвычайно тонкая и сложная!

Опыты производились исключительно над животными.

Нина была хорошо осведомлена почти обо всех работах своего патрона. Только в лаборатории Z и W Лавров никогда не заходил вместе с ней. Однажды Нина поинтересовалась, что помещается в этих лабораториях.

— Много будете знать — скоро состаритесь, — отшутился Лавров. Но неожиданно сам открыл перед Ниной дверь лаборатории Z: — Входите!

Темно…

Щелкнул выключатель, вспыхнул свет под потолком, и Нина увидала комнату, напоминающую купол обсерватории. Стены, постепенно переходившие в круглый потолок, были сплошь покрыты свинцовыми листами, так же как и дверь. Окна отсутствовали. Пол из блестящей, немного эластичной при нажиме ногой массы.

Лавров прикрыл дверь. Щелкнула задвижка, и сверху до полу опустилась мелкая металлическая сетка.

— Прислушайтесь: здесь тише, чем в знаме-

нитой павловской «Башне молчания». Сюда не долетает ни один звук. И ни один ток, ни одно электроколебание не могут проникнуть из внешнего мира. Сюда нет доступа даже космическим лучам.

Нина слушала и смотрела с огромным вниманием. Вот она, та научная романтика, о которой она мечтала еще на школьной скамье!.. А Лавров тем временем бесшумно ходил по комнате и знакомил девушку с новой для нее обстановкой и приборами.

Посреди комнаты стоит глубокое кожаное кресло с очень отлогой спинкой. Перед креслом на уровне головы висит маленькая лампочка рубинового стекла. Над головой, впереди, сбоку и сзади, нечто вроде купола из металлических прутьев.

— Радиоантенна, — пояснил Лавров.

От антенны идут провода к аппарату, установленному на высоком столике позади кресла.

— Приемник. Настраивается на длину волны от ноль одной до пяти метров. Электромагнитные волны, излучаемые мозгом испытуемого, воспринимаются антенной и передаются в детектор приемника. Здесь они настолько усиливаются, что могут уже воздействовать на механические

части аппарата: вот осциллограф — прибор, записывающий кривую колебаний; вот высокочувствительный панцирный гальванометр, а вот аппарат, трансформирующий электроколебания в звуковые колебания.

Теперь осмотрите место экспериментатора. Оно, как видите, находится за аппаратом и представляет собою металлическую сетку или клетку. В эту клетку я сажусь сам… Чего не сделаешь для науки! Клетка заземлена. Следовательно, волны, излучаемые моим собственным мозгом, не могут достичь антенны и смешаться с волнами мозга испытуемого. Волны моего мозга, достигнув металлической сетки, уходят в землю… Итак, я вхожу в клетку, закрываю дверь, сажусь на этот стул перед этим небольшим столиком. Аппараты на столе соединены с приемником проводами. Вот радионаушники. Я надеваю их во время опыта себе на голову. А эти циферблаты дают характеристику излучаемой волны: длину, амперaж, вольтаж и прочее.

— Ну, а теперь не хотите ли сесть, или, вернее, прилечь, на это кресло? Не бойтесь, это не электрический стул.

— Я нисколько не боюсь и охотно подвергну себя опыту, — ответила Нина и сейчас же уселась

в кресло, откинувшись на отлогую спинку.

— Вот так! Свободнее! — поощрял Лавров, окидывая девушку таким взглядом, как будто собирался ее фотографировать. Затем он подошел к двери, выключил лампу под потолком и зажег маленькую лампочку, висящую перед креслом. Комната стала похожа на лабораторию фотографа.

— Красный свет больше всего способствует сосредоточенности, а она необходима в нашем опыте. — Лавров еще раз испытующе осмотрел Нину и затем прошел к своему месту. Захлопнулась железная дверь клетки, щелкнул выключатель… Нина смотрела на рубиновый огонек, и ее клонило ко сну.

— Полное спокойствие чувств, мыслей и тела, — как будто из-за стены послышался голос Лаврова, — ослабьте все ваши мышцы. Никакого напряжения. Так…

Голос Лаврова умолк. Тишина невероятная, сверхъестественная… Нине становится даже жутко. Уж не гипноз ли это?

— То-то молодость! — вновь слышит она голос ученого. — Волна-то какая! Стрелку прибора вон куда метнуло! Но и мы, старики, еще не сдаемся!..

Снова пауза.

— Теперь сложите в уме двадцать девять и восемьдесят восемь… Перемножьте шестнадцать на тридцать семь… Что-о? Еще не сосчитали? Вот так штука!

— Что же делать… — оправдывается Нина. — Говорят, великий математик Пуанкаре и тот путался в устном счете.

— Ну хорошо, оставьте счет. Займемся другим. Вспомните какой-нибудь страшный случай из вашей жизни.

— Страшный? Кажется, ничего страшного не было. Вот разве во время одного полета ночью, когда мы потеряли ориентировку и наш аппарат задел летящий дирижабль… Вы знаете эту конструкцию, каждая кают-кабина автоматически «проваливается», затем у нее выбрасываются крылья, и она планирует. Так вот, когда я «провалилась», а затем наша каюта, превратившаяся в планер, задела другой такой же планер и мы начали кувыркаться вниз друг через друга, тогда… тогда, помнится, действительно было страшно. Но ведь это длилось секунды, пока не раскрылся запасной парашют.

— Ну, вот вы и постарайтесь так ярко представить эту жуткую картину, чтобы сердце усиленно

забилось.

Снова пауза.

— Фу! Кажется, я достаточно напугала себя! — воскликнула Нина.

— Отлично, отлично!

Лавров вышел из клетки, зажег лампу под потолком, вынул из аппарата узкую длинную ленту — цереброрадиограмму — и показал ее Нине.

— Видите, какая ровная ниточка? Ваш мозг спокоен. И вот «узелки»: амплитуда колебаний увеличилась. Это вы счетом занимались… А вот здесь снова тонкая линия и — внезапный размах! Рисунок кривой напоминает воронку. Это вы с поднебесных высот падали. Ну, вот и весь опыт… — Лавров задумался, затем решительно встряхнул головой, как бы отгоняя непрошеные мысли, и сказал: — Идем дальше.

Они вышли в коридор. Возле двери лаборатории W Лавров приостановился, протянул было руку, но тотчас же быстро отошел от двери. и зашагал дальше.

Лавров посмотрел на большие часы, висевшие в коридоре, приостановился, как-то странно взглянул на Никитину, немного подумал и, наконец, сказал:

— Вот что, Нина. Сейчас я спешу на заседание

ученого совета, а мне нужно поговорить с вами по очень серьезному делу. Не зайдете ли вы ко мне запросто на квартиру? Часов в восемь. Кстати, познакомитесь с моей семьей, с ребятами.

Нина была несколько удивлена этим приглашением, но охотно приняла его.

* * *

Был туманный осенний вечер. Но Нина не боялась простуды и ехала в открытом электротакси рядом с шофером, плотным мужчиной средних лет.

Новый проспект был ярко освещен, но фонарей нигде не было видно. Мягким голубоватым светом светились фасады зданий с колоннами и статуями, отчего они казались воздушными, словно сотканными из световых лучей. Светились колонны портиков между зданиями. Большие площади освещались одним «солнцем» в несколько миллионов свечей. «Солнце» висело в центре двух перекрещивающихся дуг так высоко, что не беспокоило глаз. А в такие туманные дни, как сегодня, площади освещались очень эффектно и необычайно: «солнце» не горело над головой, но зато весь воздух, наполненный туманом, светился зеленовато-лиловым светом, как

газонаполненная трубка. Дело в том, что на самой земле между клумбами были установлены электрические дуговые лампы с направленным вверх светом. Ломкие фиолетовые лучи вольтовой дуги, встречая молекулы тумана, многократно преломлялись, рассеивались, и весь насыщенный туманом воздух начинал светиться…

Повернувшись к шоферу, Нина спросила его:

— Чем вы занимаетесь, товарищ?

Шофер серьезно ответил:

— Веду машину.

«Не сообразил», — подумала Нина. А ведь ее вопрос так прост и понятен. Разве современный человек не многогранен по своей культуре, запросам, интересам, занятиям? Вот, например, колхозник Зорин — прекрасный астроном: недавно он открыл новую переменную звезду; Габрилович — математик с мировым именем, одновременно отличный скрипач; про Лаврова рассказывают, что он виртуоз работы на токарном станке… А уж о людях вроде шоферов и вагоновожатых, голова которых в свободное от работы время не слишком занята заботами основной профессии, — о них и говорить не приходится. Все они имеют «вторую жизнь», какие-то другие интересы. А руль — это ясно. Об этом и спрашивать нечего. Нет, ты мне

скажи, что еще, помимо руля, наполняет твою жизнь…

— А вы чем занимаетесь? — неожиданно спросил шофер.

— Стихи пишу, — полунасмешливо, полусерьезно отозвалась Нина.

— Нет, правда?

— К сожалению, правда, — ответила Нина уже с некоторым смущением. — Я только никому об этом не говорю. Вот вам сказала: ведь вы случайный собеседник…

— Стихи! Это же очень интересно. Быть может, и сонеты пишете?

— Пишу. Отвратительные… и знаю, что плохо, а тянет.

— Может быть, не так уж плохо, — сказал шофер. — Прочитайте что-нибудь на память.

— А вы понимаете в этом деле? — спросила Нина.

— Немножко понимаю. В итальянских сонетах эпохи Ренессанса, во всяком случае, неплохо разбираюсь.

И шофер, наконец, рассказал, чем он занимается: уже много лет он увлекается историей искусств; его специальность — эпоха Возрождения.

— Несколько моих работ о флорентийских художниках — мастерах раннего Возрождения — уже напечатано… Сколько радости дает искусство! Прочитайте же мне одно из ваших стихотворений. Если можно, сонет.

— Как-нибудь в другой раз… по телефону!

И они обменялись номерами телефонов.

Машина въезжала в пределы старого города. Нина попросила шофера проехать по проспекту 25 Октября. Уже давненько не заглядывала она сюда.

Новое время наложило свою печать и на проспект 25 Октября. Давно исчезли паутина проводов и «аллеи столбов», исчезли грохочущие трамваи и даже троллейбусы. Только бесшумные двухэтажные автобусы и авто на аккумуляторах двигались по улицам, а возле тротуаров медленно катились удобные одноместные кресла-самоходы — любимый способ выезда в город пожилых людей, одиноких старух и стариков пенсионеров. Молодые люди скользили по тротуарам на автороликах — этот способ передвижения был изобретен совсем недавно.

Стены домов солнечной стороны были выложены блестящими полированными листами из нержавеющего металлического сплава. Ле-

том эти листы время от времени промывались. Из того же полированного, и блестящего, как стекло, металла были сделаны прожекторы, укрепленные на краю крыши. Особые механизмы передвигали эти рефлекторы вслед за солнцем. Таким образом, в солнечные дни рефлекторы отражали солнечные лучи прямо в окна домов теневой стороны.

Перед Ниной открылся Кировский проспект. Он мало изменился. Только кое-где на месте старых неуклюжих «доходных» домов появились новые здания, выстроенные по проектам талантливого архитектора Марии Титовой.

Пластмассовая мостовая проспекта не была разделена цветными полосами и аллеями. Большие деревья росли только по краям проспекта, вдоль тротуаров. Не было здесь и подземных тоннелей для поворота и перехода с полосы одной скорости на другую. Шоферу пришлось, озираясь налево, повернуть машину поперек улицы и переехать на противоположную сторону, к № 26/28.

— Я буду ждать вашего звонка! — крикнул шофер, провожая Нину глазами. Так хотелось узнать ее имя, но… побоялся, что девушке не понравится такая навязчивость.

* * *

Дверь автоматически открылась перед Ниной. Она вошла в просторную переднюю, и тотчас же где-то под верхним карнизом вспыхнул свет.

Семья Лавровых, очевидно, была довольно большая. На паркетном полу, в углу возле зеркала, стояло несколько пар электророликов разных размеров, а возле окна — «стариковское» электрокресло.

На вешалке висели пальто и непромокаемые плащи из «стеклянной шерсти», мягкие, белые, отливающие серебром.

Из внутренних комнат в переднюю донесся разноголосый собачий лай. Чей-то резкий, крикливый голос картаво спрашивал:

— То там? То там? То там?

— Это я, Никитина!

В переднюю вбежали две белые собачки. Вслед за ними, мягко переступая с ноги на ногу, вошли леопард и молодая львица, крадущейся походкой приблизились к Нине и начали обнюхивать ее.

— Вадик! Зачем ты выпустил Найфа и Пойнт? Они могут испугать… послышался из внутренних комнат женский голос.

— То там? То там? То там? — монотонно кричал

картавый голос.

— Они сами, бабушка! — И в переднюю быстро вошел черноглазый мальчик лет восьми, с бронзовым от загара лицом, в белой рубашке с короткими рукавами и в штанишках по колени. Мальчик вежливо поздоровался и спросил, не напугали ли Нину звери.

— Дедушка просит вас в столовую... Идем, Пойнт, Найф! — Мальчик ухватил львицу за клок мягкой шерсти и пошел вперед; маленькие собаки убежали; леопард следовал за Ниной, замыкая шествие и как бы отрезая девушке путь к отступлению.

Так, торжественным цугом, вошли они в столовую.

Эта комната, с тремя окнами и гардинами на них, казалась уголком музея старого быта и культуры. Она переносила посетителя в прошлое, лет на сто назад. Тяжелая мебель черного дуба с резными украшениями, огромный буфет, стулья с высокими спинками. Возле окон и на подоконниках цветы в горшках, на стенах — клетки с птицами, в углу — большая клетка серого попугая, все еще продолжавшего выкрикивать свое «то там?».

На большом чайном столе, накрытом вышитой по краям скатертью, возвышался самовар, возле него — чайник, а на чайнике — теплый матерчатый футляр в виде курицы-наседки. По столу были расставлены старинный чайный сервиз — синий с золотыми каемками, темно-коричневая деревянная хлебница в виде блюда с надписью по краям славянскими буквами: «Хлеб, соль ешь, да правду режь».

Возле самовара сидела полная пожилая женщина со стриженными седыми волосами, на противоположном конце — профессор Лавров, слева от старухи молодая женщина с Вадиком, справа — бритый тридцатилетний полковник,

который при входе Нины сейчас же поднялся. Собачки улеглись возле старухи, Найфа и Пойнт увели в соседнюю комнату.

— Знакомьтесь, — сказал Лавров, — моя жена, Варвара Николаевна. Глава семьи. Ведь у нас дома матриархат.

— Нина Васильевна может подумать, что я тебя под башмаком держу, — с улыбкой отозвалась старуха.

— И еще как держишь! — невозмутимо продолжал Лавров. — А это моя дочь Лиза. Студентка физико-математического института. Мать сего младенца Вадика и жена, полагаю, небезызвестного вам исследователя Антарктики Степанова… Сейчас он в научной командировке… Вадик — пионер, отличник учебы и изобретатель летающей торпеды, которая, впрочем, пока что никак летать не хочет. И, наконец, полковник Лавров, мой сын Максимушка, авиаторпедист. Его радиоторпеды летают, и, кажется, довольно удачно.

Нину усадили рядом с Максимом, Варвара Николаевна подала чашку душистого чая и спросила:

— Вас не напугали наши звери?

Нина не успела ответить, как Лавров со смехом заговорил, указывая глазами на жену:

— Это она из квартиры зверинец устроила! А чтобы объяснить, как она дошла до жизни такой, придется начать издалека. — И Лавров рассказал чуть не всю биографию своей жены, пересыпая рассказ шутками и прибаутками. Старуха слушала со снисходительной улыбкой.

Оказалось, что жена Лаврова тоже была профессором — крупным специалистом в области ветеринарии. Лет тридцать тому назад Варвара Николаевна, будучи еще молодой ученой, вела упорную борьбу с весьма распространенной в то время повальной болезнью рогатого скота. Но вот настал день, когда Лаврова нашла, наконец, радикальное средство против болезни.

Эпизоотии совершенно прекратились. Специальные лаборатории пришлось закрыть, сотрудников распустить.

— Так Варвара Николаевна сама себя довела до безработицы, — посмеивался Лавров.

Впрочем, тотчас же нашлось новое дело. В то время через пустыни и степи Монголии прогоняли многотысячные гурты скота. В пути особый вредоносный вид клещей заражал животных. И вот на борьбу с опасным клещом в Монголию была отправлена большая научно-исследовательская экспедиция во главе с Варварой

Николаевной. Экспедиция была великолепно оборудована и снабжена всеми средствами передвижения в пустыне, вплоть до аэропланов. Работа шла успешно, но как-то раз аэроплан, на котором летела Лаврова, неудачно сел в песках, и при этом Варвара Николаевна сильно повредила ногу. Пришлось, не закончив работу, вернуться в Ленинград.

«Пусть они там ловят клещей, а я здесь возьмусь за разрешение проблемы совсем с другого конца», — решила Лаврова и принялась за опыты над анабиозом теплокровных животных…

— Анабиоз, как вам известно, произвел переворот в транспорте животных. А тут подоспели и грузовые мощные цельнометаллические дирижабли. На клещей можно было махнуть рукой, и моя Варвара Николаевна снова осталась как бы безработной. Да, кроме того, к этому времени… «укатали сивку крутые горки»: прыгать по всему СССР стало трудновато. Вот она и взяла работу полегче — в зоопарке. Ну, и если там родится какой-нибудь слабенький львенок, медвежонок или же какая-нибудь мамаша отказывается кормить своих сосунков — в неволе это бывает, — Варвара Николаевна тащит обиженных на квартиру и здесь из рожка выпаивает, выкарм-

ливает, выхаживает.

Несмотря на шутливый тон, Лавров с большой теплотой рассказывал о своей старушке жене. Они прожили рука об руку хорошую трудовую жизнь.

Разговор постепенно стал общим. Максим рассказал несколько интересных историй из своей летной практики… Но Лавров-отец нетерпеливо заерзал на стуле, посмотрел на часы и обратился к Нине:

— А ведь у меня к вам одно дельце есть. Прошу ко мне в кабинет.

* * *

В кабинете было тихо. Сюда не долетали ни собачий лай, ни крик попугая.

Лавров усадил Нину в кресло возле письменного стола. Лицо его было необычно серьезно.

— Вы знаете, что Михеев очень болен?

— Я знаю, что он очень стар, — ответила Нина.

— Стар, да. Увы, старость, конечно, его главная болезнь… Мы, врачи, в частности Сугубов и я, делали все, чтобы поддержать и продлить драгоценную жизнь Михеева. Мы уберегли его от многих опасностей, предохранили от многих болезней и недомоганий и таким образом дали

ему возможность продолжать работу. А вы понимаете, что это значит? Каждый час работы гениального мозга обогащает человечество на века. И вот нужно же было произойти такому несчастью: в то время как Михеев был уже совсем близок от цели, завершая свои гениальные работы в области получения атомной энергии, старость сказала: стоп! У него обнаружились признаки слабоумия…

— Но ведь у Михеева много талантливых молодых помощников, и они…

— Закончат дело без него, хотите вы сказать? Да, в этом не может быть никакого сомнения… Но тут имеется и другая сторона вопроса. Вы подумайте только! Пятьдесят лет человек упорно шел к цели. Преодолел бесчисленное множество препятствий, тяжелых сомнений, ошибок, пока не вышел, наконец, на верный путь. И вот, когда цель уже была видна, так сказать, осязаема, силы вдруг стали изменять ему… Меня пригласили к Михееву. Я никогда не забуду этой сцены… Он сидел в своем кабинете за письменным столом. Он еще продолжал работу, но, по-видимому, уже ясно представлял, какое несчастье надвигается на него. Он долго смотрел на меня… потом… с мольбой протянул руки: «Иван Александрович!

Обещайте мне сделать все, чтобы поддержать мои угасающие умственные силы хотя бы только на год. По моим расчетам, этого вполне достаточно. Я должен… понимаете, я должен закончить дело моей жизни прежде, чем уступлю последней старческой дряхлости и… неизбежной смерти». Глаза его сверкнули былым боевым задором, и он в упор спросил меня: «Неужели мы не оттесним, не задержим врага хоть на несколько месяцев, мой старый друг?» И я дал слово исполнить его просьбу.

— Что же вы хотите предпринять и чем я могу помочь вам? — спросила Нина.

— Вот… вот и дошли до главного, — сказал Лавров и забарабанил пальцами по столу. — Вы уже видели аппарат, регистрирующий электромагнитные волны, излучаемые работающим мозгом, — начал он. — Так вот, в лаборатории Дубльвэ, куда мы с вами еще не заглядывали, стоит другой аппарат, сконструированный под моим наблюдением. Этот аппарат воспроизводит электромагнитные колебания такой же природы, длины и частоты, как и работающий человеческий мозг. Технически, вы понимаете, в этом нет ничего трудного. Моя гипотеза такова: работающий мозг, излучая электромагнитные

колебания, безусловно, затрачивает на это некоторую энергию. Представьте же теперь, что мозг получит извне электромагнитные колебания, которые прежде он вырабатывал сам. Ясно, что у работающего мозга должна получиться какая-то экономия в расходовании энергии. Иначе говоря, работа мозга будет облегчена, мозг начнет работать, то есть мыслить более интенсивно. Понятно? Ума электрическим током не прибавишь, но облегчить напряженную умственную работу, я полагаю, вполне возможно. Нормальному мозгу этого не нужно, а вот для старческого «электризация» может оказаться полезной, как палка или костыли при слабости ног…

— И вы производили опыты?

— Производил. Над старыми крысами.

— Над старыми крысами?! — удивилась Нина. — Но как же узнать об угасании умственных способностей старой крысы и о возрождении их под влиянием лучистой энергии? У крысы ведь не спросишь?

— Это не так уж трудно, — ответил Лавров. — У циркового дрессировщика животных я взял дрессированную крысу. Она умела поднимать флаг, но забыла свой номер, состарившись и ослабев умом. Я начал электризовать ее мозг, и она подня-

ла флаг. К сожалению, память возвращалась к ней только во время электризации мозга… Но ведь для человека не представит особых неудобств ношение в часы умственной работы этакой легкой тюбетейки с электродами на висках.

— Если ваши теоретические предположения оправдались на опыте, значит задача разрешена!

— С крысами. С крысами, деточка, а не с людьми!

— Но, мне кажется, это дает вам право…

— Подвергнуть риску жизнь человека? Таким правом я не воспользуюсь, даже если мне его и предоставят.

Наступила неловкая пауза. Нина была сбита с толку и никак не могла понять, куда же клонит Лавров. Вдруг она вспомнила, что в отделение безнадежных хроников недавно прибыл новый больной — слабоумный старик Сурков, несчастное, неопрятное существо, одновременно возбуждающее и жалость и отвращение. Не его ли Лавров решил подвергнуть первому опыту?.. Быть может, профессор ждет теперь моральной поддержки, одобрения со стороны? Что ж, надо помочь ему, если дело только в этом. И Нина с горячностью заговорила:

— Иван Александрович! В отделении хроников имеется больной Сурков, старик-полуидиот…

Но Лавров не дал Нине договорить. При первом же упоминании имени Суркова он нахмурился и, явно взволнованный, горячо заговорил:

— И вы, молодой врач, предлагаете мне такие вещи? Нехорошо, стыдно, Нина! Не возражайте: я прекрасно знаю ход ваших мыслей. С одной стороны Михеев, высочайший пик ума современного человечества, с другой — какой-то безвестный Сурков, бесполезное, грязное полуживотное, и так далее и так далее…

— Но ведь с завершением работы Михеева связаны интересы родины! воскликнула Нина, задетая упреком Лаврова. — Разве каждый из нас не отдаст с радостью всю свою жизнь на благо родины?

— Свою, Нина! Свою собственную жизнь, а не чужую. Буду говорить прямо. Я решил начать опыт с самого себя. Но так как быть одновременно в двух ролях — подопытного кролика и экспериментатора-наблюдателя — трудно, то здесь я рассчитываю на вашу помощь и… вашу скромность. Я долго присматривался к вам: вы девушка не болтливая и дельная… Теперь вам все понятно? Дайте же мне ответ, согласитесь ли вы

быть моей помощницей в этом деле.

— А если лучистая энергия разрушит клетки вашего мозга, вызовет кровоизлияние?

Лавров иронически прищурил глаз.

— Без некоторого риска здесь не обойдешься.

— Что ни говорите, но жизнь разных людей не равноценна…

— Каждый дает обществу по способностям, и в этом смысле полезность людей различна, но сама жизнь, всякая жизнь бесценна, — серьезно возразил Лавров. — Я допускаю право распоряжаться для блага родины лишь своей жизнью.

— А если вы погибнете, разве интересы родины в этом случае не пострадают? Я уж не говорю о вашей научной работе. Но ведь никто, кроме вас, не сможет вернуть Михееву работоспособность, а в этом сейчас весь вопрос… Нет, воля ваша: я не могу взять на себя ту роль, которую вы мне предлагаете!

— Значит, вы отказываетесь помочь мне?

— Не отказываюсь, но хочу предложить вам иное. Вы сами говорили, что общественная полезность людей различна. Давайте говорить прямо: в этом смысле ценность вашей и моей жизни несоизмеримы… Словом, я предлагаю для опыта себя. Ведь каждый может распоряжаться своею

жизнью, не так ли? Так пусть буду я подопытным кроликом, а вы экспериментатором.

Лавров посмотрел на Нину с удивлением. Несколько минут просидели они в глубоком молчании. Наконец Лавров твердо заявил:

— Вы хотите пожертвовать науке свою молодую жизнь? Это очень трогательно, но я ни в коем случае не соглашусь на ваше самопожертвование!.. Да вы и не годны для этого опыта. То, что может перенести ваш молодой мозг, окажется непосильным для мозга Михеева… Нет, разговор может идти только обо мне и ни о ком другом. Если вы откажетесь помогать, придется мне работать одному. Это несколько снизит шансы на успех, ну, и понятно… увеличит риск эксперимента.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Наконец Лавров поднялся, протянул руку и сказал:

— Завтра в институте вы дадите мне ответ.

Когда на другой день Нина вошла в кабинет Лаврова, старый профессор внимательно посмотрел ей в лицо и, ничего не спросив, сказал: «Вот и отлично», — и повел ее в лабораторию. За всю свою жизнь никогда еще Нина так не волновалась.

Ничего страшного не произошло. Все оказалось

проще, чем она ожидала.

Лавров уже давно изучил природу электромагнитных колебаний своего мозга, и аппарат был настроен соответствующим образом. Ученый надел на голову металлический колпак, поправил электроды у висков, протянул было руку к выключателю, но, не включив аппарата, обратился к девушке:

— Не исключена возможность, что я вдруг почувствую себя худо. Тогда вы должны помочь мне: выключить аппарат, снять колпак, оказать первую помощь… Но ваша роль этим не ограничивается: вы понадобитесь мне в качестве экспериментатора. Как только я поверну выключатель и электроволны пройдут через мой мозг, я превращусь в подопытное животное — и только. Вы будете наблюдать за мною и говорить в диктофон все, что заметите. Вот он перед вами. Садитесь. Итак, начинаем…

Нина заговорила срывающимся от волнения голосом. Ее слова немедленно ложились невидимыми знаками на тончайшей проволоке.

— Десять часов шестнадцать минут. Профессор Лавров включает аппарат. Его лицо спокойно. Он улыбается. Говорит, что не испытывает никаких изменений в работе мозга.

…Семнадцать минут! Все то же.

Девятнадцать! Нетерпеливое движение в кресле. На лице озабоченность.

Двадцать минут! Лицо проясняется. Улыбаясь, говорит, что «как будто посвежело в мозгу». Начинает вспоминать забытые имена, фамилии: «Вот тот, что приходил дней семь тому назад из Института мозга. Аспирант. Такая длинная фамилия…»

Пауза пять секунд. «Скоробогатов! И приходил не семь, а девять дней тому назад… Как фамилия больного, который выписался двадцать дней назад?..»

Пауза три секунды. «Воробьев».

Двадцать две минуты! «Мозг работает молодо. Совсем молодо. Попробую умножить в уме двадцать два на двадцать два…»

Пауза одна секунда. «Четыреста восемьдесят четыре». «Двадцать девять на тридцать семь…»

Пауза четыре секунды. «Тысяча семьдесят три». «Удивительно проясняется в голове! Сейчас я попишу, Нина. Набросаю кое-какие мысли…»

Вынимает перо, записную книжку, сосредоточенно пишет.

Десять часов тридцать одна минута. «Ну вот, на первый раз и довольно. Потом прочту». Прячет перо и книжку, выключает аппарат, снимает с

головы колпак, проверяет пульс. Просит меня помочь ему определить давление крови. Пульс нормальный. Давление немного повышено, «как всегда…».

— Ну, вот и окончен наш опыт, — говорит Лавров, поворачивая к Нине улыбающееся лицо. — Знаете, у меня даже сейчас остается ощущение свежести мысли… Ну, я иду на обход больных, а вы тем временем заставьте диктофон медленно повторить ваши слова… Запишите все вон в тот журнал… После обхода я зайду за вами, и мы вместе отправимся к товарищу Михееву.

— К Михееву?

Нина обрадовалась, ей еще не приходилось встречаться с этим великим человеком.

— Ну, разумеется. Опыт удался, и я больше не хочу медлить ни одного часа. Понятно, нужна большая осторожность: Михеев много старше меня! Сейчас мы возьмем с собой только аппарат из лаборатории — определим характер волн, излучаемых мозгом Михеева.

И он вышел веселый и бодрый.

«Как удача молодит людей!» — невольно подумала Нина и под диктовку собственного голоса принялась записывать в журнал ход опыта.

* * *

На улице разыгралась метель. Нина сидела рядом с Лавровым и задумчиво смотрела сквозь прозрачные стенки электромобиля.

Мелькали и уносились назад дома, сосны и серебристые ели, арки, колоннада, статуи, башни…

Машина нырнула в тоннель путепровода, круто повернула вправо и въехала на автостраду, проложенную к Институту физических проблем имени академика Михеева. По сторонам этой загородной дороги виднелись нарядные коттеджи, окруженные садами, огородами и грандиозными оранжереями пригородного плодоовощного хозяйства. Отсюда каждое утро во всякое время года двигались вереницы машин, снабжавших ленинградцев свежими овощами, фруктами и ягодами.

На автостраде движение было незначительное, и шофер пустил электромобиль со скоростью ста двадцати километров в час.

Лавров снял со стенки трубку радиотелефона, вызвал коменданта института и сказал:

— Мы приедем через пятнадцать минут. Предупредите семью Семена Григорьевича. Профессор Сугубов еще не приехал?

— Семья уже предупреждена. Вас ждут. Профессор Сугубов только что говорил со мной. Он едет следом за вашей машиной.

— Ах, вот как! — воскликнул Лавров и повесил трубку радиотелефона. Едет за нами и не подает о себе вести? Ну, мы сами сейчас его вызовем. Алло! Леонтий Самойлович?

— Я, — услышала Нина голос Сугубова так отчетливо, как будто он сидел рядом с нею.

— Что же вы, дорогой мой, не предупредили, что поедете следом за мной?

— А зачем? Приедем — увидимся!

— Как зачем? Поговорили бы: летучий консилиум, так сказать.

— Какие тут разговоры на скорости в сто двадцать километров! У вас шофер, а я сам правлю.

— Риска-то никакого нет, — убеждал Лавров. — Вот вы институт вызывали, на несколько секунд управление оставляли же, и ничего: «автоматический шофер» сам управлял… В чем же дело?

— А вот вы сами садитесь за руль, Иван Александрович, тогда я вам отвечу, — не совсем любезно отозвался Сугубов.

— Экий вы, право! — проворчал Лавров и выключил радиотелефон.

Дорога начала полого подниматься вверх. По

сторонам виднелся густой сосновый лес. Просеки открывали вид на швейцарские домики, английские коттеджи, белые виллы с колоннами, верандами, балконами.

— Въезжаем в михеевскую республику, — шутливо сказал Лавров, обернувшись к Нине.

Институт физических проблем был расположен на лесистом холме. Это был целый город, на строительство которого правительство не жалело никаких средств. Лаборатории низких температур, сверхвысоких давлений, сверхвысоких напряжений и электромагнитных полей и многие другие лаборатории занимали огромные здания. Стоили они десятки миллионов рублей. Целая армия научных работников, опытных экспериментаторов обслуживала эти лаборатории.

Для Михеева ни в чем не было отказа, и он не оставался в долгу: в его лабораториях были созданы микроаккумуляторы необычайно большой емкости. Они произвели настоящую революцию в транспорте и сохранили для синтетической химии драгоценное жидкое топливо. На широких проспектах городов Советского Союза появились первые бесшумные электромобили. На площадях и на автострадах вместо станций и колонок для заправки горючего возникли изящные ки-

оски с маленькими «шоколадными плитками» и «папиросными коробками» аккумуляторов, хранивших энергию на многочасовое движение электромобиля. Вслед за электромобилями родились бесшумные электроаэробусы и электропланы. Механизмы машин и их управление упростились. Этим дело не ограничивалось: микроаккумуляторы находили все новое и новое применение…

С помощью своих ближайших сотрудников Михеев практически осуществил проблему передачи электроэнергии на далекое расстояние без проводов. Он создал совершенно новый тип генератора с простым металлическим диском, без всяких обмоток, вместо ротора. Изготовление генераторов чрезвычайно упростилось и удешевилось. Немало сделали и сотрудники института.

Молодой талантливый помощник Михеева — Малинин изобрел новые фотоэлементы с таким высоким коэффициентом полезного действия, что промышленное использование их как двигателей получило самое широкое распространение. Другой сотрудник Михеева справился с задачей создания на земле «сверхтяжелой материи», вызвавшей целый переворот в технике. Третий

создал невесомый и «летающий» металлы, которые внесли коренные изменения во все виды транспорта и строительства. Четвертый изобрел новый тип солнечного двигателя.

В демократической «михеевской научной республике» каждый получал по заслугам и никто не тонул в лучах славы мирового ученого. Но все же целый ряд ценнейших изобретений и открытий института по праву принадлежал самому Михееву.

За последнее время Михеев подошел к высочайшей вершине своей многолетней творческой деятельности — к овладению внутриатомной энергией. Рука об руку со своими верными помощниками он упорно и верно подвигался к цели, направляя силу своего необычайного ума и остроумие своих молодых сотрудников на твердыни самой укрепленной и неприступной крепости природы.

Весь мир следил за напряженной, титанической борьбой.

И вот в это самое время природа, словно для того чтобы спасти свою великую тайну, нанесла сокрушительный удар командиру научной армии: Михеевым начала овладевать старческая дряхлость. Силы быстро падали.

Успеет ли великий ученый довести свое дело до конца?..

Вскоре Михееву стало трудно передвигаться по научному городку, спускаться в подвалы, подниматься по лестницам. Михеев обратился за помощью к врачам. Началась великая борьба со старостью академика Михеева. Советское правительство отпустило на эту борьбу специальные средства.

Квартиру Михеева соединили с лабораториями, расположенными в отдельных домах, теплыми, крытыми переходами и специальными лифтами. Михеев снова получил возможность, не сходя с удобного электрокресла, посещать все уголки научного города. В то время голова его была еще свежа, в слабом теле заключалось еще немало энергии. Глуховатый голос ученого стал снова слышаться то тут, то там.

Среди молодых было несколько выдающихся, исключительно одаренных экспериментаторов. С ними старик академик особенно охотно делился своими мыслями.

Работа в институте вновь пошла полным ходом.

Квартира академика была превращена в своеобразный санаторий. Чтобы дом не слишком

нагревался летом, бригада молодых инженеров облицевала стены металлическими пластинами, как рыбьей чешуей. Одна сторона пластин была белая, полированная и блестящая, другая — темная, матовая. Эти пластины в зимние морозы поворачивались к солнцу своей темной стороной — для наибольшего поглощения слабых тепловых лучей, летом белой и блестящей для отражения солнечных лучей. Крышу дома сделали совершенно плоской и покрыли ее слоем воды в пятьдесят сантиметров. Летом вода поглощала тепловые лучи, зимою же, смерзаясь в лед, она служила прекрасной изоляцией от холода.

Особое внимание было обращено на кондиционные установки внутри здания. Воздух в квартире беспрерывно обновлялся, очищался от пыли, промывался, пропускался через особые фильтры статического электричества (для уничтожения вредной ионизации воздушных молекул) и, наконец, подогревался. По желанию Михеева воздух в одну минуту мог быть напоен ароматами моря, цветущего поля, хвойного леса.

Врачи нашли, что полная тишина необходима Михееву только в часы умственных занятий. В часы же отдыха работу нервов и мозга ученого необходимо поддерживать умело подобранными

звуковыми, световыми и другими раздражителями.

Кроме того, мышцы Михеева должны работать во что бы то ни стало.

Молодые инженеры удачно справились и с этой сложной задачей, применив завоевания кино и радиотехники. Пока ноги Михеева еще не слишком ослабели, он совершал довольно длительные и интересные прогулки, «не сходя с места»: под его шагающими ногами медленно и незаметно подвигался в обратную сторону транспортер. Михееву казалось, что он идет берегом моря. Он видел далекий горизонт, яхты, электроходы, движение облаков, переливы синих и зеленых пятен на поверхности воды, слушал шум прибоя, шуршание гальки по песку и всей грудью вдыхал свежий морской воздух. Мягкие волны бриза ласкали его лицо.

Иногда он «отправлялся» в сосновый лес, «всходил» на небольшие пригорки — это необходимо было для укрепления работы сердца — и обозревал окрестность.

С этих прогулок ученый «возвращался» освеженный, бодрый, с хорошим аппетитом.

Но «пешеходные» прогулки становились все короче и короче. Настал день, когда Михеев заявил,

что его утомляют даже поездки в кресле по институту, в особенности лифты. Как ни медленно опускались и поднимались они, Михеев уверял, что это действует ему на сердце. Пришлось еще раз призвать на помощь технику. Приемные и передающие телевизоры были установлены во всех лабораториях, перед всеми аппаратами и в лекционном зале. Михеев продолжал «бывать всюду» и руководить работой из своего кабинета, не сходя с кресла.

Руководство ученого в это время приносило уже мало пользы. Многое он путал, забывал, делал ошибки. Но сотрудники и виду не подавали. С обычным вниманием выслушивали они его и не сетовали, если Михеев за Ивана бранил Петра или же приказывал сделать то, что уже давно было сделано. Они слишком любили и уважали своего старого учителя и друга.

Врачи неослабно следили за здоровьем Михеева.

Но старость непреклонно разрушала гениальный мозг.

Настал день, когда Михеев вдруг забыл свою фамилию и заявил, что ему совершенно неинтересно заниматься какими-то атомами. Он предпочитает им манную кашу с клубничным

вареньем.

А работа была уже совсем близка к окончанию. Сотрудники института, от заместителя директора до юного лаборанта, переживали дни и часы глубочайшей скорби…

* * *

Снег перестал падать. Сквозь разрывы в тучах проглядывали голубые пятна неба. Машина въехала на холм. Сосны расступились, открыв вид на серо-мраморный фасад главного корпуса института. Длинное здание делилось на части тремя огромными нишами, достигавшими высоты третьего этажа. В средней нише была дверь для пешеходов. К боковым нишам, на высоту второго этажа, через всю площадь поднимались мосты-путепроводы для автомашин, похожие на висящие в воздухе полотнища.

Электромобили въехали в нишу правого путепровода, повернули налево и остановились над главным входом на высоте второго этажа. Шофер помог снять ящик с аппаратом Лаврова и положить его на транспортер. О ящике с надписью «Квартира академика Михеева» можно было не беспокоиться: он дойдет по назначению.

От площадки, на которую вышли прибывшие,

в разные стороны расходились эскалаторы, лифты. Кроме того, здесь же находилась станция «горизонтального» внутридомового транспорта. Лавров, Сугубов и Нина сели на кожаный диван, который двинулся в путь по этажам и коридорам института, пока не остановился против двери со скромной фарфоровой табличкой: «Семен Григорьевич Михеев».

— Алло! — крикнул Сугубов, и механический «слуга» открыл дверь.

В большой белой передней у ящика с аппаратом Лаврова возились двое людей: плотный лысый мужчина с большими очками, одетый в серебристо-серый комбинезон, и пожилая женщина в платье из того же материала. Лавров и Сугубов дружески поздоровались с ними и познакомили с Ниной. Это были сиделка и санитар. Затем в переднюю быстро вошел молодой человек в светло-коричневом костюме с наглухо, до шеи застегивающейся курткой дежурный врач. Он проводил прибывших в соседнюю комнату, круглую и белую, как внутренность эмалированной кастрюли. Врач повозился у распределительной доски. Послышался сухой треск и гул. Сверху пролился водопад видимых и невидимых лучей, дезинфицирующих костюмы и открытые части

тела вновь прибывших. Только после этой процедуры Лавров, Сугубов и Нина могли отправиться во внутренние комнаты.

— Кто дома? — спросил Лавров дежурного врача.

— По обыкновению одна Анна Семеновна.

С Михеевым неразлучно жила со дня своего рождения его старшая дочь. Она окончила три университетских факультета и два института, но так и не выбрала себе профессии. Замуж она не вышла, чтобы не разлучаться с горячо любимым отцом. В последние десятилетия эта глуховатая седая женщина не моложе шестидесяти пяти лет была верным помощником, другом и личным секретарем великого ученого.

Михеев в расцвете своих сил был человеком широчайших интересов и в то же время величайшей целеустремленности. Это наложило печать и на его квартиру.

Стержнем жизни Михеева была научная работа, и ей он подчинял весь уклад окружающей его жизни. Ничто не должно мешать основной цели. Наоборот, все должно помогать и способствовать ее достижению. Работа была рассчитана на десятилетия. Значит, нужно постараться прожить как можно дольше, а для этого нужен строгий

режим. И Михеев подчинил себя этому режиму.

Нина и ее спутники прошли уже четыре комнаты. Их отделка и меблировка придавали дому какой-то холодноватый, музейный характер. И стены, и потолок, и пол были из блестящей эмали нежных оттенков и художественных рисунков. На окнах, дверях, стенах не висело ничего: ни гардин, ни портьер, ни картин, ни полочек. И, однако, комнаты были полны картинами, вазами, скульптурами первоклассных мастеров. Но все они помещались в стенных нишах, прикрытых на уровне стены стеклами необычайной прозрачности.

Мебели было немного. За исключением столов с их традиционной горизонтальной поверхностью все вещи — кресла, книжные шкафы, буфет в столовой — имели обтекаемую форму. В шкафах и буфетах со сфероидальными или эллипсоидальными куполами не было никаких карнизов, горизонтальных плоскостей, ниш. Даже подоконники были закруглены. На ходу Нина случайно задела плечом большой шкаф с книгами и была очень удивлена, когда он неожиданно откатился в сторону больше чем на метр.

Лавров рассмеялся:

— Тут все вещи как на катке: только тронь, и

покатятся. Это чтобы легче было чистоту наводить. Мало того, что воздух в комнаты подается очищенный и стерилизованный, комнаты два раза в день еще моются — да, да, не только стены, шкафы, но и кресла, диваны! Моются и затем сушатся теплым воздухом. Зато попробуйте найти в этом воздухе хоть одну пылинку, хоть одну бактерию. Леонтий Самойлович неоднократно брал пробы воздуха.

— Как на Северном полюсе, — кивнул головой Сугубов.

Войдя в кабинет, Нина не сразу увидала Михеева. У левой стены возле большого окна стоял письменный стол. Ни одного предмета не лежало на нем. На его блестящей зеленоватой, как вода пруда, поверхности отражались длинное окно с цельным хрустальным стеклом и большой шкаф обтекаемой формы с моделями электронных «пушек», которые Михеев изобретал одну за другой для бомбардировки атомного ядра. На второй сверху полке шкафа Нина узнала знакомые формы аппарата, изображение которого несколько лет тому назад печаталось во всех журналах и газетах мира. Это был знаменитый двигатель, приводимый в движение космическими лучами. Пока он представлял только теоретический инте-

рес, но обещал в будущем превратиться в новый источник неисчерпаемой энергии. О, если бы Михеев не был так стар, когда взялся за эту работу!..

О том, как живет и работает Михеев, писалось немало. Нину не удивило отсутствие книг в его кабинете. Было известно, что любую книгу Михеев получает по пневматической почте через несколько минут после телефонного заказа. В большинстве же случаев изображение нужных ученому страниц проецировалось на большой экран в его кабинете.

Весь угол комнаты между окном в левой стене и входной дверью занимал длинный овальный диван. Сюда Михеев приглашал самых любимых, даровитых научных сотрудников и обсуждал здесь их работу, делился своими заветными мыслями.

Но все это было в прошлом. Уже давно Михеев не требовал ни одной книги, давно прекратились и совещания на овальном диване.

Кабинет представлял собою растянутый прямоугольник. Стена против входной двери в правой своей половине как бы обрывалась и переходила в другую комнату или глубокую нишу, по обеим сторонам которой возвышались две белые колонны строгого дорического стиля.

К этой нише и направились Лавров и Сугубов, а вслед за ними и Нина.

Она увидела широкие, откинутые назад спинки двух кресел, почувствовала падающие сверху теплые лучи невидимого солнца, в лицо пахнуло ветерком, напоенным запахом моря, послышался мерный шум прибоя, и, наконец, в глубине ниши она увидела самое море. Конечно, это были только оптика и техника, но неожиданность усиливала иллюзию. Нина так засмотрелась на океан, что даже забыла о великом ученом. А тем временем Лавров и Сугубов уже здоровались с ним и с дочерью.

Так вот он, знаменитый Михеев! На первый взгляд он не показался Нине расслабленным стариком. На его голове была «историческая» шапочка из черного шелка, знакомая по портретам. Седые усы, бритый подбородок, ровный нос, еще живые, но чуть сонные глаза… Он с видимым трудом поднял правую руку и протянул Лаврову, а затем Сугубову, без улыбки и какого-либо выражения на лице. Видимо, он не узнавал их, хотя они навещали его не реже двух раз в месяц. Лавров представил Нину. Но Михеев поднял в это время глаза вверх, посмотрел на капители колонн и сказал:

— Хороший кабинет. Хотел бы я иметь такой.

Затем его взгляд упал на лицо Нины. Он вдруг протянул к ней обе руки и воскликнул:

— Тамара! Вот хорошо, что приехала. Наклонись, я поцелую тебя в щечку.

Нина смутилась, но быстро наклонилась, и старик поцеловал ее.

— Принял за Тамару, любимую внучку, — пояснила дочь Михеева.

Услышав голос дочери, Михеев повернулся к ней, неуверенно протянул руку и сказал:

— Мы, кажется, знакомы с вами?

— Да уж будет тебе, папа, — отвечала дочь, с печальной улыбкой пожимая его руку. — Вот так-то целыми часами и днями греемся на солнышке и дремлем под шум прибоя. И никаких картин ему больше уже не надо. Говорит, что новые впечатления его утомляют, — обратилась Анна Семеновна к Лаврову.

Лавров объяснил ей, зачем они приехали.

— Ну что ж… Отца и спрашивать нечего, — ответила Анна Семеновна. Сами видите, в каком он состоянии. Делайте все, что необходимо, только осторожно. Варвара Львовна и Иван Константинович помогут вам, — и указала глазами на сиделку и санитара.

В кабинете Михеева не было лабораторных условий: стены и потолок не изолированы, и, кроме того, в комнате находилось несколько мозговых генераторов. Поэтому Лавров не решился принимать электроволны мозга Михеева на антенну, а захватил с собою для верности надевающийся на голову колпак.

Михеев поворчал немного и даже помотал головой, пока с его головы снимали шелковую шапочку и надевали колпак аппарата. Затем утих и задремал.

Так как необходимо было, чтобы мозг Михеева проявлял возможно большую деятельность, Лавров попросил санитара пустить на ученого струю свежего воздуха. Михеев поморщился и приоткрыл глаза. Лавров сейчас же начал громко рассказывать о последнем научном эксперименте ближайшего ученика и заместителя Михеева — академика Наумова и молодого ученого Малинина, продолжавших работы Михеева над получением внутриатомной энергии. Все свое остроумие, весь свой ораторский талант призвал Лавров на помощь, чтобы заинтересовать Михеева. И это как будто удалось. Лицо Михеева несколько ожило, он даже попытался задать какой-то вопрос. Он был похож на человека,

отчаянно борющегося с сильной дремотой. Но… дремота одолела. Михеев закрыл глаза и пробормотал:

— Как неприятно подуло с моря холодным воздухом…

Лавров недовольно крякнул и буркнул, даже не понижая голоса:

— Больше из него, кажется, ничего не выжмешь.

Колпак сняли с головы Михеева, аппарат унесли. Лавров, Сугубов и Нина распрощались с дочерью ученого — сам он продолжал дремать — и вышли.

* * *

В голубой эмалевой гостиной аппарат уже стоял на овальном столе. Лавров быстро подошел к столу:

— Интересно посмотреть цереброграмму Михеева!

Сугубов безнадежно махнул рукой:

— Да разве это мозг Михеева?! Это развалина великого здания. Какое печальное зрелище!

— Вы слишком мрачно настроены, Леонтий Самойлович, — возразил Лавров. Не все же процессы необратимые…

— Так, по вашему мнению, и старческий маразм Михеева — процесс обратимый? — колко возразил Сугубов.

— Я совсем не утверждаю, что патологическая старость — процесс обратимый. Но мы можем…

— Поздно, поздно, Иван Александрович. Вы знаете, я больше на профилактику налегаю. Ортобиоз, правильный образ жизни должен обеспечить нам здоровую, бодрую, нормальную старость без ослабления памяти и…

— А разве Михеев вел неправильный образ жизни?! — воскликнул Лавров. Не вы ли сами вырабатывали для него жизненный режим?..

Обычный спор между «друзьями-соперниками» зашел бы далеко, если бы внимание ученых не было отвлечено лентой, которую Нина тем временем извлекла из аппарата. На ленте видна была кривая работы мозга Михеева.

— Смотрите, смотрите! — уже совершенно дружеским тоном обратился Лавров к Сугубову. — Это что-то совершенно исключительное…

На ленте сначала шла тоненькая вибрирующая ниточка. Размах зигзагов, то есть амплитуда колебаний, «пульсация», был совершенно ничтожен, почти незаметен для глаза. Это характеризовало вялость мозговой работы Михеева… И вот эта

тончайшая линия в нескольких местах вдруг как бы раздулась. Размах отдельных колебаний был так велик, что выходил за пределы ленты.

— Вот он, взлет гения!.. — тихо проговорил Лавров, почти подавленный грандиозностью явления. Нечто подобное, вероятно, испытывает сейсмолог, просматривая необычайную сейсмограмму. В зигзагах, ничего не говорящих непосвященному человеку, он отчетливо видит взрывы грандиозных сил природы.

— Вы помните тот момент, когда мне удалось оживить внимание Михеева? Вот оно, видите? А ведь мозг его и в этот момент работал не на полную мощность. Значит, сила мысли у Михеева не исчезла совершенно, а лишь ослабла и как бы дремлет… А вы говорите: «Необратимый процесс». Я решительно утверждаю, что если мозгу Михеева дать «костыли» — искусственное электропитание, — то на этих костылях он еще пошагает…

Сугубов задумался. Да, под пеплом старости еще тлеют угли былого огня. Кто знает, может быть, их действительно удастся раздуть в яркое пламя?

— Я первый поздравлю вас, если это вам удастся, — сказал, наконец, Сугубов. — Но ведь это

было бы довольно рискованным экспериментом. Нужны предварительные опыты, но над кем? Над животными? Они не показательны. Над людьми? Недопустимы.

— Вы опоздали, Леонтий Самойлович! Я уже проделал ряд опытов над животными, и, представьте, довольно показательных… Проделал опыт и над человеком…

— Как?! Вы осмелились? — взволнованно воскликнул Сугубов. — И кто же тот несчастный, над которым вы…

— Я сам. Да, я сам этот счастливый человек! — торжествующе улыбнулся Лавров.

— Вы?

— Да, я. Теперь об этом можно говорить… Я думаю, что каждый из нас сделал бы то же самое.

— Да, но…

— Простите, Леонтий Самойлович: я наперед знаю все ваши «но», потому что они одновременно и мои «но». Я моложе Михеева — это раз. То, что перенес мой мозг, может не перенести мозг Михеева. Второе — качественные показатели мозга Михеева тоже совершенно иные, чем мои. Нынешний мозг Михеева стоит ниже качественного уровня моего мозга. Но в его гениальных взлетах… На низком теперешнем уровне

работающий мозг Михеева излучает столь слабые электромагнитные колебания, что их едва воспринимает даже этот сверхчувствительный аппарат. Ну, а во время вспышек былого проблеска сознания этот необычный мозг вырабатывает электрическую мощность, превышающую чуть ли не в десятки раз мощность «мозговых генераторов» среднего человека. Мы должны дать мозгу Михеева эквивалент той электроэнергии, которая когда-то вырабатывалась этим необычным мозгом самостоятельно. Эквивалент же этот является даже не лошадиной, а слоновьей дозой по сравнению с электромощностью среднего человеческого мозга. Выдержат ли эту дозу изношенные мозговые клетки Михеева? А дать дозу меньшую — значит не поднять работу мозга Михеева до былой мощности.

— Что же вы предполагаете делать? — спросил Сугубов.

— Продолжать опыты.

— Над собой?

— Зачем над собой? Над собой продолжать опыты не имеет смысла. Новый эксперимент будет показателен лишь в том случае, если мы произведем его над таким же дряхлым стариком и с таким же старческим слабоумием, как

у Михеева… Ежели этот мозг выдержит максимальную дозу электропитания, выдержит ее и мозг Михеева.

— Неужели же вы хотите?.. — в ужасе воскликнул Сугубов.

— Я ничего не хочу. Я только сказал, какой эксперимент мог бы быть вполне показательным, — быстро возразил Лавров. — Ничьей жизнью рисковать не собираюсь… Впрочем, при известной осторожности и последовательности риск может быть сведен до минимума. Можно подбирать для опыта стариков сначала бодрых, затем все более дряхлых и усиливать дозы электропитания их мозга с крайней осторожностью и самой пунктуальной последовательностью. В таком случае, я полагаю, никакого серьезного вреда здоровью испытуемых мы не причиним.

— Может быть, вы и правы, — не совсем твердо сказал Сугубов. — Во всяком случае, прошу вас: прежде чем мы произведем опыт над Михеевым, ознакомьте меня с результатами ваших предыдущих опытов.

— Контроль? Охотно принимаю! — воскликнул Лавров. — Будет исполнено. Вот вам в залог моя рука! — И он протянул Сугубову руку.

* * *

Размеренная жизнь ВИЭМ неожиданно резко нарушилась. Из клиники исчезли двое больных — Кудрявцев и Голубев. Весь институт был поднят на розыски стариков, и, наконец, их нашли в дальнем секторе Парка культуры и отдыха. Оба они в течение нескольких дней проявили одинаковую и непонятную возбудимость и странное для старческих организмов ослабление тормозных процессов.

Наблюдая больных, Нина следила и за Лавровым. Ей казалось, что ему известны причины отклонения больных от психической нормы, но он скрывает эти причины. «Неужели, — задавала она себе вопрос, — неужели Лавров вопреки своему слову начал тайно производить рискованные опыты?» Нина вспомнила классическое определение высшей нервной деятельности:

«Это — сила обоих основных нервных процессов: раздражения и торможения, затем — соотношение по силе их между собою — уравновешенность и, наконец, подвижность их. Эти пункты, с одной стороны, ложатся в основание типов высшей нервной деятельности, а эти типы играют большую роль в генезисе нервных и так

называемых душевных заболеваний; с другой представляют характерные изменения при патологическом состоянии этой деятельности».

Так писал великий Павлов. Из этого незыблемого научного положения следует, что электризация мозга должна вести к патологическому состоянию. Все же Нина решила не вызывать Лаврова на объяснение и не делиться своими подозрениями с Сугубовым.

В тот самый день, когда Кудрявцев и Голубев, наконец, вернулись к своему обычному состоянию, из лаборатории Дубльвэ санитары вывезли труп Суркова, жалкого, дряхлого старика, который много месяцев находился на попечении института. Нина вошла в лабораторию, когда Суркова поднимали с пола. Одного взгляда на Лаврова, кресло, провода и тело несчастной жертвы было достаточно, чтобы понять, что произошло.

Бледный Лавров сурово и упорно смотрел в одну точку. Казалось, он хотел вызвать Нину на самое резкое столкновение. И вдруг она поняла, что не только Сурков, не только Голубев и Кудрявцев, но и сам Лавров является жертвой своего экспериментаторского увлечения.

«Он электризует свой мозг и перестал контролировать свои желания. Он не управляет

собой», — с ужасом подумала Нина. Она пробормотала какую-то фразу и быстро вышла, с облегчением захлопнув за собой стальную дверь лаборатории Дубльвэ.

«К Сугубову, непременно к Сугубову», — решила Нина, хотя знала, что профессор отдыхает далеко за городом…

* * *

Такси летело довольно низко над землей. Пушистые от инея леса были освещены лучами заходящего солнца. Нина открыла окно, ее лицо обдал влажный, свежий воздух. Во всем чувствовалось приближение весны.

Показался холм, покрытый лесом, озеро и на берегу дом, окруженный садом.

Летчик еще раз нагнулся над картой и направил машину к дому, постепенно убавляя скорость.

Сугубов провел Нину в дом, сложенный из толстых бревен и напоминавший старинные постройки норвежских крестьян.

— Вот моя гостиная-столовая, — сказал Сугубов.

Нина с любопытством разглядывала вместительную комнату, большой стол и стулья с растопыренными резными ножками, диван,

шкафчики резного дерева. По стенам висели ружья, ягдташи, удочки, хитроумные рыболовные снасти. В углу в большом очаге-камине пылали дрова. Над огнем висел медный чайник.

— Будьте как дома, — продолжал Сугубов. — Сюда люди с деловыми разговорами обыкновенно мною не допускаются. Вы — исключение. Здесь я только отдыхаю. Кругом леса, простор. Ближайший мой сосед — судостроитель Климов. Его дача на том берегу озера. Мы нередко с ним вместе охотимся.

— А еще чем вы тут занимаетесь?

— Отдыхом, отдыхом и отдыхом, — ответил Сугубов. — Чтобы хорошо работать, надо уметь хорошо отдыхать.

— Это тоже входит в ваш ортобиоз?

— Всенепременнейше. Ортобиоз — правильная жизнь, а правильная жизнь это жизнь естественная, по законам природы и близкая к природе. И это вполне возможно даже для нас, жителей больших городов. Электромобили, аэротакси — все это великолепно. Но почему бы не прокатиться на хорошей лошадке зимним вечером по лесной дороге и полям?

— Как, вы…

— Представьте, большой любитель лошадей.

И у меня замечательная пара. Непременно вас покатаю. Но сначала о деле. Говорите, что у вас там стряслось.

Сугубов выслушал рассказ Нины, сидя у камина в деревянном кресле.

— Бедный мой друг-соперник… Вы знаете, мы наблюдаем за здоровьем друг друга. И мне казалось, что я знаю все тайники физической природы и высшей нервной деятельности Ивана Александровича…

Сугубов глубоко задумался. Нина тоже сидела молча, не мешая ему сосредоточиться.

Как бы рассуждая с самим собой, Сугубов, наконец, заговорил:

— Завтра же Ивана Александровича осторожно отстраним от работы. Придумаем неотложную командировку. Придется и мне ехать понаблюдать за ним. Может быть, удастся подвинтить его ослабнувшие тормоза и восстановить нормальное взаимоотношение двух процессов.

Однако эти планы Сугубову выполнить не удалось. Когда на следующий день он приехал в ВИЭМ, ему встревоженно сообщили об исчезновении Лаврова и Никитиной. К вечеру стало ясно, что нигде в Ленинграде профессора и его ассистента нет. Как ни дика показалась вначале

Сугубову мысль, что Лавров похитил Нину и сам скрылся, опасаясь, что ему помешают продолжать опыты, эта мысль с каждым часом все больше и больше овладевала им.

* * *

Иван Александрович Лавров действительно увлек Нину в путешествие и действительно радовался тому, что таким образом помешает Нине выступать против его опытов. Но решение о поездке появилось только вследствие того, что его старый приятель Глебов, начальник подводной арктической станции, срочной радиограммой попросил Лаврова приехать произвести ему операцию.

Нина едва успела вернуться от Сугубова, когда ее вызвал Лавров, и, будто накануне ничего не произошло, мягко и сосредоточенно заговорил:

— Мне нужна ваша помощь, и я надеюсь, что вы не откажете мне. Я получил радиограмму. Умирает мой близкий друг. Нужна операция. Ее успех отчасти зависит и от вас: я уже привык работать с вами, у вас ловкие руки, и вы понимаете с полуслова, что нужно делать. Наше путешествие продлится недолго. Может быть, мы успеем вернуться сегодня же вечером, в крайнем случае

— завтра к утру.

— Летим, — ответила Нина.

Ничего другого она не могла сказать; нельзя же отпустить Лаврова одного, и притом ведь он собирается делать серьезную операцию. Кто знает, как еще может измениться его настроение в пути и к чему эти перемены приведут?..

Уже на втором часу пути эти перемены, которых опасалась Нина, начали сказываться. Лавров хмурился, прикладывал концы пальцев к вискам и, наконец, сказал:

— Здесь, в ящике, переносный аппарат для электризации… Мне надо освежить свой мозг. Вы, вероятно, и не знали, что я частенько прибегаю к этому.

Нина мгновение колебалась, затем ответила:

— Я знала, Иван Александрович.

— Будто бы? — спросил он, посмотрев на нее насмешливо и в то же время испуганно. — Неужели вы исподтишка выслеживали меня? Но ведь я закрывался в лаборатории…

— Нет, Иван Александрович, я не выслеживала, но у вас так резко изменился характер, вы стали совершать несвойственные вам поступки…

— Ну, конечно! — гневно воскликнул Лавров. — Вы хотите сказать, что от электризации мозга я

спятил с ума?.. Помогите же мне. Аккумуляторы малы, но чрезвычайно тяжелы.

— Не помогу, профессор.

— Почему?

— Потому что электризация губит вас!

Лавров опустился перед ящиком и, открывая его, быстро заговорил:

— Упрямица! Без электризации я могу погибнуть еще быстрее. Мой мозг уже привык к электризации, как к наркотику. Если я не получу привычной дозы, наступит реакция, глубокий сон, если не что-нибудь худшее. А что, если в полете произойдет какая-нибудь неожиданность? Как ни совершенны автоматы, в известных условиях они не могут заменить человека.

— Научите меня управлять ими.

— Это не так просто, — возразил Лавров. — И, кроме того, не забывайте, что мне предстоит чрезвычайно сложная операция. От состояния моего мозга зависит жизнь человека.

С этими доводами нельзя было не согласиться. «Ведь и применение наркотических средств нельзя слишком резко обрывать», — убеждала себя Нина, нехотя помогая Лаврову.

Когда электризация мозга была закончена, Лавров шумно вздохнул и откинулся на спинку

кресла.

— Вот! Теперь хорошо! Мысль ясна и легка.

— Мне не совсем понятно действие электризации, — сказала Нина. — Если работа мозга и облегчается, получая электроэнергию извне, то усиление мозговой деятельности должно происходить только в то время, когда получает добавочное искусственное электропитание. Но с прекращением этого питания работа мозга, во всяком случае, по субъективному ощущению, должна скорее ухудшиться. Между тем вы как будто находите, что действие…

— Да, нахожу, — прервал Нину Лавров. — Почему так происходит, для меня самого еще неясно, но действие электризации мозга имеет длительный характер. Разве иначе я стал бы прибегать к электризации? Именно потому, что действие было длительным и пятиминутной зарядки хватало на сутки, я и начал систематически подвергать себя этой процедуре. Не думайте, что я стал каким-то электронаркоманом. Когда я сочту опыт законченным и верну память Михееву, то подвергнусь электронаркозу, высплюсь и проснусь как ни в чем не бывало.

«Так его и придется лечить», — подумала Нина и тут же вспомнила, что не оставила Сугубову

сообщения о своем отъезде. Впрочем, вероятно, это сделал Лавров.

— Конечно, в ВИЭМ знают о нашем отъезде? — спросила Нина.

— Что? Зачем? — вспыхнул Лавров и вдруг закричал: — Я распоряжаюсь собой! И вами! Понимаете?

Нина пожала плечами и, стараясь не обнаружить перед Лавровым своего волнения, поставила экран «телеглаз».

Густая пестрая и синяя сеть каналов пересекалась во всех направлениях.

Могучий экран переносил океанский корабль через водяной перекресток. Бесчисленные поезда, похожие на чудовищных ящеров, шли по необычайно широкой колее, сверкая окнами двух этажей. Над этими поездами по легким ажурным эстакадам на высоте ста метров мчались другие, еще более быстроходные. По автострадам мчались вереницы безрельсовых поездов и автомобилей. Машина Лаврова то плавно поднималась, то делала вираж, чтобы обойти встречный воздушный поезд — гигантский крейсер воздушного океана. Об этом заботились зоркие и неутомимые глаза — фотоэлементы автоматического пилота.

В поле зрения «телеглаза» вошел летающий

городок — научный институт. Там ведется напряженная и разнообразная научная работа по астрономии, метеорологии, аэрологии, биофизике. Как своеобразна должна быть жизнь в этом летающем городе под вечно безоблачным небом! Раньше Нина мечтала побывать в этом исключительном сооружении эпохи, но ее теперь так угнетала мысль о поведении Лаврова и ее собственном легкомысленном согласии на поездку, становящуюся похожей на плен, что она равнодушно смотрела на купола обсерватории и «минареты» — вышки с научными приборами, придававшие городу восточный характер.

Воздушный городок остался позади.

Нина тихо встала и пошла в аппаратную. Лавров не окликал ее. Узкая дверь открылась без звука. За нею — маленькая комнатка, вся уставленная сложными авиационными приборами. Вот и радиотелефон. С волнением Нина взялась за вариометр. Длина волны приемно-передающей радиостанции института…

Так. Но почему аппарат не оживает?..

Нина нетерпеливо склонилась над столом и вдруг услышала насмешливый голос Лаврова:

— Не трудитесь понапрасну. Ничего не выйдет. Эта радиостанция с секретом…

* * *

То, что издали Нина приняла за форму моста, оказалось аэродромом, сооруженным между двумя отрогами гор…

Аэродром был снабжен тормозными электромагнитами и подвижной поверхностью посадочной площадки. Эта поверхность могла двигаться, таким образом машины могли садиться на небольшой аэродром даже при значительной посадочной скорости.

Транспортер подтянул машину Лаврова к краю аэродрома. Лавров и Нина с чемоданами, в которых были медицинские принадлежности, вошли в кабину лифта. Началось новое путешествие. Лифт опустил их с горы. Они вышли на небольшую площадь, сели в электромобиль и покатили по дороге, высеченной в граните, к берегу моря. Там они вошли в кабину другого, последнего лифта. Это путешествие длилось всего шесть минут. Лавров и Нина вышли. Перед ними был настоящий вокзальный зал, хотя и не очень большой. «И это под водой, под вечным покровом двигающихся льдов», — подумала Нина и сказала, обращаясь к Лаврову:

— Однако и забрался же ваш Глебов. Его и со

сказочным наливным яблочком не найдешь.

— Найдем, — ответил Лавров. — Мы почти на месте. Входите в кабину лифта, Нина, будем погружаться в пучину Полярного океана.

Нина вошла в кабину и на ее стене увидела чертежи подводной лаборатории. Это было обширное круглое здание, поднимающееся из глубины океана, вершина его была ниже подошвы ледяных полей. Оно стояло на обрыве подводного плато. Из нижнего этажа шел тоннель-отросток, погружавшийся в еще большую глубину. Пока они опускались, лифтер успел сообщить Нине кое-какие подробности о здании. Во всех этажах производятся научные исследования соответствующих слоев воды — биологические, физические, химические, берутся пробы воды через особые камеры. Стены здания построены из специальных сплавов, не подвергающихся коррозии. Двадцать подводных лодок совершают плавания для изучения центрального полярного района.

На вопрос Лаврова о Глебове лифтер ответил:

— Дмитрий Иванович лежит в больнице. Это во втором этаже.

В предоперационной комнате Лавров потребовал для себя и Нины стерильные халаты,

переоделся и начал мыть руки. В это время вышел молодой врач. Он приветствовал профессора и грустно сказал:

— Несчастье, профессор… Глебов…

— Что с Дмитрием? — воскликнул Лавров.

— Увы… Дмитрий Иванович только что умер от шока во время операции.

Лавров крякнул, но, к удивлению Нины, продолжал мыть руки с необычайной поспешностью и даже каким-то ожесточением. «Быть может, подумала она, — это происходит у него бессознательно?»

— Скорее, Нина, мойте руки, — приказал он.

«Видно, смерть Глебова еще больше омрачила его разум», — подумала Нина, но не стала перечить профессору.

Несмотря на всю спешку, Лавров постоял еще вместе с Ниной под ливнем лучистой энергии, чтобы окончательно стерилизовать поверхность тела, и только после этого вошел в операционную.

Глебов еще лежал на операционном столе. Хирург — уже немолодой человек — стоял, опустив голову, возле стола. Сестра убирала инструменты.

— Давайте сюда инструменты, — властно

потребовал Лавров и повернулся к хирургу: — Помогите закончить операцию.

Хирург непонимающими глазами посмотрел на Лаврова и сказал:

— Но ведь Глебов мертв, профессор.

— Знаю. Нина, возьмите из серебряного ящичка шприц и две ампулы.

И Лавров начал с необычайной скоростью и ловкостью оперировать мертвое тело. Хирург был так ошеломлен, что несколько секунд оставался неподвижным, а затем, подчиняясь авторитету профессора, хотя и не понимая цели посмертной операции, начал помогать Лаврову. У покойного Глебова был очень тяжелый случай ущемленной грыжи. В две минуты Лавров докончил начатую до него операцию, поразив хирурга и Нину совершенством техники, находчивостью и быстротой. Оставалось только наложить швы. Предоставив это дело хирургу, Лавров сказал Нине:

— Теперь давайте скорее шприц и ампулы. — Он быстро отколол головки ампул, наполнил шприц жидкостью, сделал укол в сердце мертвеца, и через несколько секунд Глебов начал подавать признаки жизни. Появился слабый пульс. Изменился цвет лица. Он начал дышать. Открыл глаза. А еще через некоторое время спро-

сил:

— Удалось закрыть камеру?

* * *

Вечером два друга, Лавров и Глебов, тихо беседовали.

— Понимаешь, Ваня, — рассказывал Глебов, — у нас здесь в стенах камеры, при помощи которых мы берем пробы воды. Мне нужно было взять пробу из нижнего этажа. Внешнее давление воды там большое. Когда дверка камеры открылась и вода начала вливаться в особый бак, я заметил, что механические затворы не действуют. Попытался поднять дверцу руками, чтобы закрыть отверстие, — не тут-то было. Напрягся из последних сил, меня и схватило. Едва успел сигнал подать. А вода идет и идет. Уже наполняет помещение, в котором я нахожусь. Этак все этажи может затопить. У нас в каждом этаже, по горизонтали, водонепроницаемые перегородки. Думал, уж не закрыть ли их, по крайней мере один погибну, других бед вода не причинит. Дернул затвор, тоже не действует. Когда пришли на помощь, я уж почти без памяти от боли был, и вода стояла у подбородка.

Потом Глебов рассказал о ходе работ по рас-

топлению ледников Гренландии и о том, как, не ожидая окончания этих работ, советские люди добрались подо льдом до рудных недр Гренландии.

— Понимаешь, — с увлечением заговорил он на новую тему, разрабатывается проект использования энергии движения арктических льдов, их дрейфа. Как тебе нравится?

Глебов засмеялся молодым смехом, и Лавров попросил его не хохотать.

— Швы разойдутся!

— Ну что там швы! Забудем о них. Понимаешь, какая это силища!

Заметив, что Глебов устал, Лавров перевел беседу на более легкий предмет. Они стали вспоминать детство.

— Помнишь, как мы брали призы на скутере?

— А наш буер «Самолет»!

— А наш школьный театр! Помнишь, ты играл роль Гамлета? У нашей Офелии-то, у Жени Стаховой, случился тогда маленький скандал с костюмом.

— Как же, помню!

— А ты не забыл лето, проведенное у моих родителей в Тропине? Во время экскурсии мы обнаружили тогда залежи каменного угля, — сказал Глебов.

— Да, и наловили раков. Вот где раков-то было! Твой отец их очень любил. Он жив?

— Живехонек. Что ему сделается, — ответил Глебов, — бодрый старик. Да он не так еще стар. Всего сто два года. У меня и дед жив.

— Неужели? — удивился Лавров. — Тому-то уж много лет должно быть.

— Да, дед в преклонных годах. Сто тридцать девять лет. На пасеке работает. Читает без очков. Книгу пишет, какие-то мемуары со странным названием «Чего у нас нет». На одно жалуется — память ослабевает.

— Уставать стал? И память ослабела? — с интересом спросил Лавров. — Так это дело поправимое! У меня с собою аппарат. Сто тридцать девять лет… Я непременно должен его видеть. Если хочешь, я и тебе могу освежить мозги.

— Не надо, Ваня, спасибо, мозги мои свеженькие.

— А все-таки, Митя…

— И память отличная, Ваня. Хоть сейчас мемуары пиши. Да и старик мой не захочет. Он еще себя старым не считает. Вот у него приятель есть, Магомет Закиров, тому сто шестьдесят девять лет.

— Сто шестьдесят девять? — повторил Лавров с непонятным Глебову увлечением.

— Да.

— Ну, как хочешь. Отдохни теперь, Митя, — пробормотал профессор и вышел из комнаты.

В коридоре Лавров встретился с Ниной. Воспользовавшись беседой Лаврова с Глебовым, она смогла, наконец, передать в Институт весть о себе и Лаврове. Сугубов обещал вылететь на Полярный остров и забрать Лаврова с собой. Но радостная улыбка застыла на ее губах, когда Лавров отрывисто сообщил:

— Сейчас отправляемся.

* * *

Островитяне тепло проводили Лаврова и Нину. Через двадцать минут полоса полярных льдов исчезла. Почему же, однако, машина Лаврова летит на юго-восток? Или он ошибся, давая маршрут пилоту-автомату?

— Мы не сбились с пути, Иван Александрович?

— Нет, все в порядке. Летим куда надо. Я хочу навестить одного интересного человека. Он живет… на Памире. Не сердитесь, Нина, это отнимет у вас еще одни сутки. Да ведь у вас, кажется, дома дети не плачут. Полет должен быть интересным, — утешил он ее с легкой насмешкой, — летим навстречу весне!

Действительно, при быстром полете на юг время как будто ускорило свой бег. Давно ли внизу расстилался белый снежный покров! Потом в этом белом покрове стали появляться, и чем дальше, тем чаще, темные проталины. Затем вся земля стала черной, с белыми пятнами снежных остатков возле лесов, в долинах и на северной стороне холмов. Скоро исчезли и эти белые пятна. Внизу расстилался черный покров, на котором кое-где начали появляться зеленые пятна; их становилось все больше и больше, и вот все зацвело и зазеленело — и луга, и поля, и леса. Молодые леса широкими полосами тянулись с запада на восток, а кое-где с севера на юг. Зелеными стенами окружали они зеркальную гладь озер и тянулись вдоль берегов серебристых рек. Дальше полет продолжался над горными хребтами. Нина уснула и проснулась, когда они уже снижались над аэродромом Солнечного города…

* * *

Пилот-автомат повернул машину к аэродрому. Сугубов посмотрел вниз и увидел Солнечный город, весь залитый электрическим светом. Среди огромных круглых зеркал и огромных черных шаров — собирателей солнечных лучей вид-

нелись дома с плоскими, посеребренными для отражения солнечных лучей крышами, окруженные садами, пирамидальными тополями, кипарисами и виноградниками. Вид кипарисов и виноградников на плоскогорье не удивил Сугубова; он уже видел чудеса акклиматизации и переделки растений.

Легкий, едва уловимый толчок. Машина коснулась гладкой поверхности аэродрома.

Сугубов посмотрел на часы.

— Двадцать два пятнадцать, — сказал он. — Не думаю, чтобы Закиров ложился спать так рано. Возможно, что Лавров и Никитина еще у него, если догадка Глебова верна…

Подъехал небольшой гелиоэлектромобиль.

— В гостиницу? — спросил шофер.

— Если можно, к товарищу Закирову. Он живет…

— Прошу садиться. Я знаю, где он живет, — перебил Сугубова шофер.

Машина бесшумно, как тень, пробежала огромный аэродром, миновала ряд домов аэропорта и стала подниматься по великолепной, хорошо освещенной горной дороге, по сторонам которой росли абрикосовые, персиковые деревья и кусты цветущих роз. В горах на открытых местах вид-

нелись дома, окруженные садами, и странные сооружения на высоких башнях в форме ромбов.

— Мощные ветросиловые установки, — сказал шофер. — Комбинация многих десятков пропеллеров-ветряков на одной раме, которая может поворачиваться по ветру.

Дорога сделала поворот, и Сугубов увидал внизу горные луга, местами напоминавшие лужайки, покрытые только что выпавшим снегом.

То были освещенные ярким лунным светом бесчисленные стада тонкорунных овец, отдыхавших в ночной прохладе. А еще ниже, от гор до горизонта, тянулась необозримая площадь сплошных культурных земель, хлопковых полей, виноградников, садов. Блестели выпрямленные русла рек, новых озер и гидропортов.

Новый поворот, и Сугубов увидел прилепившееся к скале гнездо — дом с верандой, покрытый вьющимся виноградом. К дому вела каменная лестница. Недалеко от нее был устроен лифт. Окна и веранда были ярко освещены.

Шофер подъехал к лифту.

— Дом Магомеда Закирова.

* * *

Входная дверь дома была открыта. На пороге стоял красивый, загорелый мальчик. Его черные кудрявые волосы прикрывала тюбетейка. Одет он был в рубашку, короткие штанишки и сандалии. Тюбетейка и весь костюм мальчика, казалось, были сделаны из серебристой паутины.

Мальчик смотрел куда-то вверх и кричал:

— Авис! Авис!

Увлеченный этим странным занятием, он не заметил Сугубова.

Вдруг откуда-то камнем свалился сокол и уселся на плечо мальчика.

В тот же момент послышался женский голос:

— Леонид!

Из дома вышла молодая женщина в длинной белой одежде. Ее черные косы были перевиты жемчужными нитками, лицо поражало красотой.

— Иду! — крикнул мальчик.

Он убежал в дом с соколом на плече, а женщина, увидев Сугубова, выжидательно остановилась.

— Могу я видеть Магомета Закирова? — спросил Сугубов. — Он еще не спит?

— Нет, он не спит, — певучим, музыкальным

голосом ответила молодая женщина. — Но вам придется подождать. Сейчас его осматривает профессор из Ленинграда.

— Профессор из Ленинграда? — воскликнул Сугубов. — Его-то мне и надо. Прошу вас немедленно провести меня к нему. Дело не терпит ни малейшего отлагательства. Я профессор Сугубов, друг профессора Лаврова.

— Пожалуйста, — спокойно и так же певуче ответила женщина.

Сугубов последовал за ней. Они вошли в комнату со сводчатым потолком, узкими окнами и нишами. Все свободное пространство возле стен было заполнено книгами и географическими картами Памира. Прямо против двери в кресле с высокой спинкой сидел высохший старичок в бухарском халате и в тюбетейке на совершенно облысевшей голове. Его бритое лицо со старчески обострившимися линиями напоминало маску Вольтера работы скульптора Гудона. Его запавшие, но еще живые глаза выражали недоумение, на губах застыла улыбка. Старик поворачивал голову то направо, то налево. За креслом, на полу лежал аппарат Лаврова для электризации мозга.

Возле Закирова стоял взбешенный Лавров, по другую сторону кресла — побледневшая Нина.

— Это снова ваши проделки! — почти кричал Лавров, обращаясь к Нине. — Я вас взял в помощницы не для того, чтобы вы мешали мне работать.

Нина заметила в дверях молодую женщину и Сугубова, вскрикнула и бросилась к ним навстречу, как бы ища защиты. Лицо ее сразу порозовело. Она быстро шепнула на ухо Сугубову:

— Я испортила аппарат, чтобы Лавров не смог произвести опыта.

— И хорошо сделали, — вслух сказал Сугубов.

Он решительно шагнул к Лаврову, который недружелюбно смотрел на незваного гостя.

— Товарищ Закиров… — Сугубов поклонился старику. — Простите, что побеспокоил вас…

— Пожалуйста! Пожалуйста, пожалуйста! — Старик закивал головой, как китайская статуэтка, и все лицо его расплылось в улыбке. — Мой дом — ваш дом…

— У меня совершенно неотложное дело к Ивану Александровичу Лаврову.

— Пожалуйста! Пожалуйста! — вновь закивал головой Закиров. — Значит, лечение на сегодня откладывается? — спросил он и, обратившись к Сугубову, продолжал: — У меня с памятью что-то неладно. Обедал я сегодня или не обедал?

* * *

Полная луна осветила ледники. Внизу горел огнями Солнечный город. Из городского сада доносилась музыка.

— Нет, нет и нет! — волновался Лавров. — Глупости и чепуха. Я совершенно здоров.

— Но поймите, Иван Александрович, — убеждал его Сугубов. — Вы сами врач…

— О, я понимаю. Я все понимаю! — воскликнул Лавров. — Вижу вас насквозь. Вы просто завидуете мне!

При этих словах Сугубов выпрямился, лицо его нахмурилось, но он тотчас сдержал себя и добродушно улыбнулся. Это, по-видимому, еще более рассердило Лаврова.

— Да, да. Вы только прикидываетесь моим другом. Вы и ваша сообщница Нина, которая шпионит за мною и срывает мою работу, хотите скомпрометировать мой новый метод лечения.

Но чем больше горячился Лавров, чем больше говорил он обидных, оскорбительных слов, тем спокойнее становился Сугубов. Его движения стали скупыми, сдержанными, он даже понизил голос, когда обратился к Лаврову:

— Опомнитесь, Иван Александрович. В нашей

стране в наше время кто же руководствуется низкими личными мотивами?

— Атавизм всегда возможен. Выродки могут быть и в наше время.

— Я прощаю вам ваши слова, — ответил Сугубов, — потому что вы жертва опасного эксперимента над самим собою и, безусловно, нуждаетесь в лечении. Ничего, кроме добра, мы не желаем вам, поймите это наконец.

— Лицемерие! Вы не остановитесь и перед тем, чтобы обвинить меня в умышленном убийстве Суркова. Вы, наверное, уже состряпали соответствующее медицинское заключение в компании с врачами вашей школы. Между нами все кончено!

Дрожа от негодования, Лавров поднялся и направился в кабинет Закирова.

Закиров открыл глаза, услышав шаги.

— Прощайте, товарищ Закиров! — громко сказал Лавров. — К сожалению, я не могу восстановить вашу память в настоящее время. Люди препятствуют этому. Они умышленно испортили аппарат.

Лавров многозначительно посмотрел на Сугубова и Нину.

Закиров растерянно пожаловался:

— Но как же так? Я не могу жить без памяти! Я беспрерывно задаю вопросы окружающим все об одном и том же и очень им надоедаю. Почему вы не хотите вернуть мне память, профессор?

— Потому, что аппарат профессора Лаврова — средство новое и еще опасное, — спокойно сказал Сугубов.

— Опасное! И это говорите — вы! — воскликнул Лавров. — Ворвались сюда непрошеным гостем, помешали мне лечить товарища Закирова… Довольно!

Лавров решительными шагами вышел в смежную комнату, где помещались радиотелефонные аппараты. Вскоре послышался его возбужденный голос:

— Аэродром! Дежурного! Алло, говорит профессор Лавров. Немедленно приготовьте мою машину к полету. Невозможно? Почему невозможно? Механизм поврежден? Необходим ремонт? Сколько это займет времени? Не ранее завтрашнего утра? Но это никуда не годится! Мне необходимо немедленно лететь в Ленинград. В таком случае дайте мне другую индивидуальную машину. Нет? А когда вылетают пассажирские аэропланы? А скорый воздушный поезд на Ленинград? В шесть часов десять минут утра? Но

это же безобразие! Немыслимая вещь! А! Это... Я понимаю, что это все значит!

Голос Лаврова замолк, и через несколько секунд он как буря ворвался в кабинет Закирова.

Потрясая кулаками, он кричал, обращаясь к Сугубову и Нине:

— Это вы! Ваши интриги! Заговор! Безжалостные, бессердечные, жестокие люди! Я ненавижу вас!

Казалось, он бросится на спокойно стоящего Сугубова, но внезапно наступила реакция.

— Что я сделал вам? — воскликнул он голосом, полным тоски и отчаяния. За что вы мучаете меня?.. — Он бессильно опустился на оттоманку, закрыл лицо руками и залепетал, как обиженный ребенок: — За что? За что?..

Нина подбежала к Лаврову, опустилась на ковер, схватила его руку и заговорила горячо и искренне:

— Милый Иван Александрович, успокойтесь! Поверьте, что мы вас очень, очень любим и...

Но он грубо оттолкнул ее:

— Уйдите! Уйдите! Не прикасайтесь ко мне! Оставьте меня в покое.

Смущенная, опечаленная, Нина отошла от Лаврова. Ее попытку повторила молодая женщина,

встречавшая Сугубова. Она села возле Лаврова и погладила его по голове. Было что-то успокоительное и убедительное в простых словах, в ее ласковых жестах и мелодичном голосе. Лавров не отталкивал ее. Судорожные рыдания утихли и перешли в глубокие вздохи, которые также постепенно затихли.

— Ну, вот и хорошо, — сказала молодая женщина, продолжая гладить Лаврова по голове и плечу. — Вы отдохнете у нас, а рано утром улетите. И все будет хорошо. Вы устали, вам надо отдохнуть. Идемте, идемте! — И она помогла ему подняться, поддерживая под локоть.

Когда молодая женщина увела Лаврова, Сугубов глубоко и облегченно вздохнул.

— Главное сделано. Лавров проведет здесь ночь. Надо воспользоваться этим и обсудить план действий.

* * *

Михеев дремал в кресле. Возле него сидела седовласая дочь, неизменный спутник его старости, и читала книгу, поглядывая на часы, — не пора ли давать лекарство. Лица отца и дочери обвевал искусственный бриз, ритмически шумели волны иллюзорного моря на экране. Сегодня, как вчера,

как третьего дня, и так будет, пока последняя искра жизни не угаснет в ее дряхлом отце. Она не жаловалась на свою судьбу, на однообразие жизни. Она не только горячо и нежно любила отца, но и глубоко уважала его научный гений. Помощь ему — помощь родине, человечеству. Михеева с огорчением думала не о себе, а об отце. Насколько она себя помнила, он всегда был стариком. Седым стариком он уже склонялся над ее колыбелью. Но какой это был живой, бодрый старик! Все величайшие свои работы и изобретения он осуществил при ее жизни, у нее на глазах. Дочь жила одной жизнью с отцом, хорошо знала ход его работы, вместе с ним печалилась над его неудачами, радовалась его успехам. И с последней его работой — задачей получения атомной энергии — она сжилась, сроднилась, глубоко веря, что отец успешно разрешит эту величайшую проблему, над которой работало несколько поколений. Но вот пришла неумолимая старость и ее спутники — дряхлость, ослабление, а затем потеря памяти и угасание умственных сил. Такого конца она не ожидала. С какой радостью отдала бы она свою жизнь, чтобы только отец мог довести работу до конца! Но что могла сделать она? Крупнейшие светила медицинской науки оказа-

лись бессильны перед старческим маразмом.

Анна Семеновна в долгие часы своих дежурств с грустью размышляла о приближающейся смерти отца… Да, ужасно, что великие общественные деятели, писатели, строители, художники, скульпторы уходят из жизни… Сугубов, Лавров и другие… Сколько их перебывало у отца. Все они обещали вернуть ему работоспособность, память — и все напрасно. Вот теперь появился этот новый белобрысый безусый доцент с юношески пухлым лицом — Алексеев. Обещает и он…

Бесшумно, чтобы не побеспокоить Михеева, вошла сиделка. Наклонившись над ухом Анны Семеновны, она шепнула:

— Доктор Алексеев спрашивает, можно ли войти.

«Легок на помине», — подумала Анна Семеновна, вздохнула, захлопнула книгу.

— Пусть войдет.

Через минуту Алексеев вошел с небольшим чемоданом в руках.

— Здравствуйте, Анна Семеновна. Не побеспокоил? Разрешите произвести Семену Григорьевичу внутривенное вливание?

Самого Михеева уже не спрашивали о таких вещах. Он был безразличен и апатичен ко всему.

— Что же, можно. Только постарайтесь не делать ему больно.

— Не беспокойтесь, и не почувствует.

Алексеев с помощью дежурного врача занялся приготовлениями, а Анна Семеновна принялась будить отца.

— Не надо, Анна Семеновна, — остановил ее Алексеев. — Пусть спит. Так даже лучше.

Домашний врач поднял рукав блузы Михеева, Алексеев продезинфицировал и анестезировал локтевой сгиб руки, быстро и ловко ввел в вену шприц и влил содержащуюся в нем жидкость. Он внимательно посмотрел на лицо Михеева, который, по-видимому, даже не почувствовал произведенной над ним операции. Лицо Михеева оставалось спокойным. По указанию Алексеева домашний врач уже готовил другой шприц, с другой жидкостью, а сам Алексеев, не переставая наблюдать за лицом Михеева, вынул из чемодана небольшую круглую коробку и приложил ее к сердцу Михеева. В кабинете начали отчетливо раздаваться удары сердца, сопровождаемые шумом. Частота ударов все увеличивалась, и вдруг начались перебои. Лицо Алексеева выразило крайнее внимание и, как показалось Михеевой, волнение.

Анна Семеновна забеспокоилась. «Нельзя доверять этому юноше, — думала она, враждебно глядя на Алексеева. — Еще погубит отца…»

— Шприц! — коротко приказал Алексеев и произвел инъекцию в области сердца. Через несколько секунд перебои прекратились, удары стали ровнее и медленнее. Алексеев облегченно вздохнул и радостно улыбнулся.

— Все в порядке, Анна Семеновна, — уже громко сказал он, собирая инструменты.

— Но я не вижу никаких изменений, — скептически ответила женщина.

Алексеев ничего не ответил, только заулыбался еще шире.

Вдруг на ее глазах начало происходить чудо. Безжизненная маска лица Михеева начала оживать. Тупое, бессмысленное выражение сменилось сознательным. Дряблые мышцы как-то подобрались. Она начала узнавать знакомые и любимые черты, черты, давно уже обезображенные дряхлостью. Михеев проснулся и глядел на нее. Замирая от радостного изумления, она увидела в глазах отца ясную мысль, полное сознание. Он улыбнулся, чего не делал все последние годы, и своим прежним, внезапно окрепшим голосом бодро сказал:

— Как я хорошо себя чувствую, Анечка!

Потрясенная Анна Семеновна искала Алексеева, но молодой человек незаметно ускользнул из комнаты…

Институт ликовал, и с ним вместе ликовала вся страна, почитавшая гений великого ученого…

* * *

Когда молодая женщина увела Лаврова, Сугубов и Нина снова вышли на веранду.

— Если бы к нам привезли раненого, потерявшего сознание, положение которого потребовало бы немедленной операции, мы не стали бы дожидаться, пока он придет в себя, а произвели бы эту операцию немедленно, — точно раздумывая, заговорил Сугубов.

— Разумеется, — согласилась Нина.

— Вы согласны? — Сугубов потряс руку Нины. — Я думаю применить электронаркоз. Благотворные результаты этого метода лечения проверены над Голубевым и Кудрявцевым.

— Удобно ли эту процедуру производить здесь? — спросила Нина.

— Вполне, — ответил Сугубов. — Этот план лечения я принял еще в Ленинграде, вылетая на поиски Лаврова, и захватил с собой всю необхо-

димую аппаратуру.

— Лавров сам высказывался за электронаркоз, — подтвердила Нина. — Но как мы это проделаем?

— После того крайнего возбуждения, в котором находился Иван Александрович, должна наступить реакция. Бороться с нею новой электризацией он не может, так как аппарат испорчен. И я думаю, он должен крепко уснуть. Во время сна мы пустим в действие аппарат, и естественный сон Лаврова незаметно перейдет в электросон.

Нина опять выразила согласие кивком головы.

— Имейте в виду, — напомнил Сугубов, — что погрузить человека в электронаркоз на час, на два, даже на восемь часов нетрудно. Но в данном случае необходимо продержать нашего пациента во сне десять-двенадцать суток. Все это время нужно будет поддерживать его искусственным питанием, следить за правильностью естественных отправлений, за работой сердца — ведь на искусственном питании организм, а следовательно, и работа сердца ослабевают…

Через два часа молодая женщина вернулась с долгожданной вестью:

— Уснул.

Сугубов выждал еще несколько минут. Вместе

с Ниной они пошли по коврам, хорошо заглушающим шаги. Казалось, Лавров ничего не слышит, но вдруг он мучительно застонал и открыл глаза. Сугубов и Нина не успели скрыться, как он поспешно вскочил и закричал:

— Хотите захватить спящего?

Лавров дико засмеялся, сорвал со стены ятаган и бросил в Сугубова. Ятаган задел руку Сугубова, и профессор пошатнулся. Его белый рукав окрасился кровью.

Лавров напряженно уставился в расползающееся кровавое пятно, потом схватился за голову.

— Что я наделал? Я ранил вас! Поднимите скорее рукав рубашки. Покажите рану! Я сделаю вам перевязку.

При виде крови он забыл обо всем, кроме того, что он врач, хирург.

«На этот раз ослабление тормозов пошло на пользу», — подумала Нина.

Пользуясь тем, что Лавров, безгранично отдаваясь чувству беспокойства, всецело занят раной, Сугубов незаметно передал Нине ящичек аппарата для электронаркоза, чтобы Лавров, увидав аппарат, вновь не перешел к возбуждению. Нина незаметно спрятала аппарат за занавеской окна.

— Пустяки, — успокаивал Сугубов Лаврова. —

Немного рассечены кожа и мышцы. Промою антивирусом, Нина сделает перевязку, и все будет в порядке.

— Нет, нет, — задыхался Лавров. — Края раны необходимо сшить. Нина с этим не справится. Нина, вы здесь? Приготовьте сейчас же необходимые инструменты.

Чтобы отвлечь Лаврова, Сугубов не возражал. И Лавров, продезинфицировав свои руки, ловко и быстро зашил рану. Когда работа была окончена, Сугубов сказал:

— Благодарю вас, Иван Александрович. И простите нас. В этом печальном инциденте виноваты сами мы. Мы хотели только посмотреть, хорошо ли вы спите…

Сказал и тотчас понял свою ошибку. Не надо было выходить из роли пациента и наводить Лаврова на другие мысли. Лавров вновь нахмурился и недружелюбно посмотрел на Сугубова.

— Спокойной ночи, Иван Александрович. Больше мы не будем беспокоить вас, — поспешил сказать Сугубов, предупреждая новую вспышку, и быстро вышел вместе с Ниной из комнаты. В коридоре они встретили молодую хозяйку.

— Теперь я попробую, — прошептала женщина.

— Что?

— Приготовить больного для вашего лечения.

Она проскользнула в комнату Лаврова со старинным серебряным бокалом в руке.

— Простите, что я вошла к вам, — сказала она. — Я слышу ваши шаги. Вам не спится? У нас есть старый обычай: если гостю не спится, ему подносят бокал вина. Чудесное вино нашей чудесной страны. Прошу вас… — И она протянула бокал.

В глазах Лаврова вспыхнули огоньки недоверия.

— А у нас другой старинный обычай, — процедил он. — Хозяйка, подающая гостю вино, должна пригубить из той же чаши. — И он пытливо посмотрел в глаза молодой женщины. Спокойно улыбаясь, она отпила вина и протянула бокал Лаврову. Через несколько минут он крепко спал.

Сугубов и Нина спокойно вошли в комнату и без помех погрузили Лаврова в глубокий электронаркоз.

* * *

Для Сугубова и Нины началась страдная пора. Слова Сугубова — «когда спит пациент, не спят врачи» — оправдывались. Все ночи напролет они проводили возле спящего. Только иногда днем

Сугубов позволял себе вздремнуть на несколько часов, надев радионаушники, но даже в дремоте продолжал следить за работой сердца Лаврова. При малейших перебоях он просыпался. Так опытный механик даже во сне слышит работу мотора и просыпается при малейшем нарушении ритма. Рана на руке заживала нормально. Благодаря новейшим анестезирующим средствам Сугубов не испытывал боли, хотя рана все же мешала работать.

Жена Лаврова, Варвара Николаевна, каждый день справлялась по радио о муже, хотела приехать с дочерью, но Сугубов отговаривал.

— На работе и дома вы сейчас нужнее, — сказал он. — Иван Александрович вполне обеспечен уходом, а за его здоровье отвечаю я.

Лечение электронаркозом протекало нормально, хотя Лавров терял в весе и деятельность его сердца немного ослабла. Сугубов худел гораздо быстрее. Лицо его побледнело, черты обострились, щеки втянулись, глаза от бессонных ночей покраснели. Нина просила его отдохнуть и не переутомлять себя. В Солнечном городе были опытные врачи. Неужели они не могли заменить его хотя бы на одну ночь? Но Сугубов об этом и слушать не хотел.

— Несмотря на все наши знания, на совершенство наших регистрирующих аппаратов, на идеальный уход, мы не гарантированы от неприятных случайностей. Человеческий организм не открыл нам еще до конца всех своих тайн. Я не могу допустить ни малейшего риска и останусь на посту, решительно заявил он.

На восьмой день, однако, с ним случилось головокружение, и он едва не упал.

Оправившись, он нахмурился и сказал:

— Не люблю прибегать к латинской кухне, но иногда без нее не обойтись.

И он начал принимать лекарство и искусственно поддерживать деятельность нервной системы и головного мозга.

Нина знала, что со стороны яростного поклонника ортобиоза — правильной естественной жизни — это был огромный компромисс, граничащий с жертвой.

Наконец настал давно ожидаемый день, когда Сугубов позвал Нину.

— Думаю, теперь его пора будить.

Ток был выключен, аппараты унесены.

Нина с волнением и некоторой тревогой смотрела на побледневшее лицо Лаврова.

Скоро он шевельнул рукой, глубоко вздохнул,

открыл глаза и проговорил:

— Однако как сладко я спал! — и усы его зашевелились от знакомой добродушной улыбки. Давно Нина не видала на лице профессора этой улыбки. Лаборатория унесла ее, а вот теперь улыбка вернулась. Это было хорошим признаком.

Лавров сел на кровати и без всякой враждебности посмотрел на Сугубова и Нину.

— Я, кажется, вчера наделал глупостей. И вообще за последнее время… Он мягко улыбнулся.

— Не будем говорить об этом, Иван Александрович, — поспешно возразил Сугубов. — Вот лучше выпейте-ка этого крепкого бульона.

Нина подала Лаврову приготовленную чашку.

— Гм, я, по-видимому, прихворнул? Впрочем, уже все прошло, и аппетит у меня отличный.

Он с удовольствием выпил бульон.

— Ну, а теперь расскажите, Леонтий Самойлович, почему вы так ухаживаете за мною.

Сугубов, уверенный в том, что Лавров вернулся к нормальному состоянию, рассказал все, не исключая электролиза.

Лавров сохранил память о всех прошедших событиях, начиная с того момента, когда впервые в лаборатории Дубльвэ подверг электризации свой мозг, и до бокала вина, который он принял из рук

молодой женщины в этом доме. Но пережитые события принимали теперь иное освещение.

Слушая Сугубова, Лавров утвердительно кивал головой и, наконец, протянул руку.

— Благодарю вас, дорогой друг. Вы сделали то, что сделал бы я сам, если бы мы с вами поменялись ролями. Благодарю и вас, Нина. — И он дружески пожал им руки. — Теперь скорее в Ленинград.

— Иван Александрович! Летим вместе в моем субстратоплане. Он очень вместителен, — предложил Сугубов, не желая в пути разлучаться с Лавровым.

— А моя машина? — спросил Лавров.

— Ничего нет проще, — ответил Сугубов. — Дежурный механик аэропорта даст задание пилоту-автомату лететь на Ленинград, и ваш электроплан отлично долетит до ленинградского аэропорта.

Лавров согласился — он был в отличном настроении. Тепло простившись с радушными хозяевами, Сугубов, Лавров и Нина вылетели в Ленинград. В пути «друзья-соперники» — Лавров и Сугубов — по обыкновению завели научные споры, но в этих спорах Лавров не горячился и говорил с выдержкой и самообладанием. Не

оставалось больше сомнения в том, что электронаркоз крепко подвинтил ослабевшие «тормоза» Лаврова. Из субстратоплана Лавров поговорил с женой.

— Не брани меня, старушка, — ласково сказал он, увидев в телевизоре знакомые черты. — Блудный сын возвращается в отчий дом. Через час буду у тебя, но сначала надо заглянуть в институт.

Лицо Варвары Николаевны выражало живейшую радость.

— Как я счастлива, что вижу тебя таким, каким ты был всегда! Приезжай скорее, поставлю самовар, попьем чайку.

— И с клубничным вареньем, — шутливо добавил Иван Александрович.

* * *

Лавров прошел в лабораторию Дубльвэ вместе с Сугубовым и Ниной.

— Вот она, злосчастная лаборатория, — сказал он. — Наделала бед. Уж не закрыть ли ее?

— Вы завтра же открыли бы ее вновь, — смеясь, ответил Сугубов. Знаете, я не сторонник вашего метода, но в умелых и осторожных руках профессора Лаврова лаборатория найдет себе отличное

применение. Пути науки многообразны. И я буду первый аплодировать вашему успеху и вашим достижениям.

— Да, но все-таки, — немного грустно сказал Лавров, — с электризацией мозга неудача, еще раньше не удались опыты по регенерации. Это похоже на банкротство моей школы.

— Ну, вы еще не сказали своего последнего слова, Иван Александрович. Да и неудачи ваши относительны. Перед самым вашим пробуждением я получил известие, что ваша работа по регенерации тканей не пропала даром. Вы потерпели неудачу только потому, что сделали маленькую ошибку. Эта ошибка исправлена Старцевым, Горбовым, Алексеевым. Людям больше не придется пользоваться протезами. У них будут отрастать утраченные конечности. Без вас этот вопрос был бы, возможно, разрешен на десяток лет позже.

— Почему же вы не сказали этого раньше? — с радостью воскликнул Лавров.

На его лице не было и тени неудовольствия оттого, что задачу разрешили другие. Главное — она разрешена, и калек больше не будет.

— Не говорил потому, что не был уверен, примете ли вы это как должно советскому врачу

нашего времени.

— Не уверены в этом? — с недоумением спросил Лавров. — Разве я всей своей деятельностью не доказал…

— Да не то, Иван Александрович! — перебил его Сугубов. — Может быть, я не точно выразился. Я не был окончательно уверен в том, что в работе вашего мозга не осталось следов неуравновешенности, что малейшее проявление личного неудовольствия, которое еще может копошиться где-то в недрах вашего интеллекта, не будет заторможено при самом возникновении. И если вы так хорошо приняли это известие, то я вам сообщу и другое, не менее важное: проблема восстановления умственных сил и памяти также разрешена. Михеев вернулся к работе и успешно завершает дело своей жизни. Все Михеевы, Глебовы, Закировы отныне получают добавочный паек полноценной жизни…

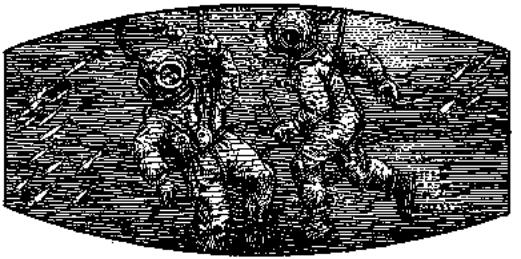
Лавров даже не спросил, кто это сделал. Лицо его выражало огромную радость. Даже глаза стали влажными.

— Это самый радостный день моей жизни!

Весть о выздоровлении и возвращении Лаврова уже разнеслась по институту. Его сотрудники от седовласых стариков до юных аспирантов

радостно входили в лабораторию Дубльвэ…

Чудесное око



ПРОЛОГ

Океанский пароход назывался «Левиафаном» по праву. Это был настоящий плавучий город с «улицами», садами, площадями, кинотеатрами, концертными залами, фонтанами, бассейнами, спортивными площадками, садами-оранжереями тропических растений. По мягким коврам длинных коридоров неслышно скользили вымуштрованные лакеи в униформе. Двери кают, стены, панели отсвечивали красным деревом, сверкали начищенной медью. В помещениях, занимаемых пассажирами, стоял своеобразный запах — смесь дорогих духов, мыла, сигар, кожаных чемоданов и ещё чего-то неуловимого, приносимого, наверное, свежим дыханием оке-

ана.

На верхней открытой палубе, под широким тентом, укрывшись от раскалённых лучей солнца, отдыхали пассажиры. Удобные плетёные белые кресла были расставлены между пальмами, кустами цветущих олеандров и душистых гиманантусов. Журчали фонтаны.

Глубокая синева Гольфстрима казалась недвижной. Там и сям виднелись красноватые островки водорослей, принесённых течением из Саргассова моря. Летучие рыбки выскакивали из воды и летели рядом с кораблём, блестя плавниками. Они то падали на воду, то вновь взлетали, словно хотели развлечь пассажиров.

— О, как жарко! Хотя бы ветерок подул, — сказал, отдуваясь, дородный, краснощёкий пассажир лет пятидесяти. Он сидел в глубоком кресле и обмахивался белым шёлковым платком. Отлично сшитый белый костюм, массивный золотой перстень, золотая цепочка от часов на жилете и золотые очки придавали ему вид преуспевающего коммерсанта.

— А всё-таки прекрасно! — глядя сквозь приспущенные веки в сияющую даль, продолжал он. — «Левиафан» — настоящий плавучий дворец. Комфортабельно, удобно и, главное, совершенно

безопасно. Ведь так? Что может случиться с таким великаном?

И пассажир поднял глаза на своего соседа, человека неопределённых лет, в светло-сером костюме. У него было бледное лицо, впалая грудь, большие задумчивые чёрные глаза, густые брови, нос с горбинкой. Француз? Испанец? Комиссионер? Землевладелец? Не разберёшь. Во всяком случае, не миллионер…

Следя глазами за кольцами сигарного дыма, сосед пожал плечами и ответил глухим голосом:

— Я слышал, «Левиафан» застрахован на такую сумму, что на одни лишь годовые страховые взносы можно было бы построить неплохой каботажный пароход.

— Что вы хотите этим сказать? — насторожился толстяк и засопел.

— Вы коммерсант, и вам нетрудно сделать вывод: если бы не было риска, пароходная компания не выбрасывала бы груды денег на страхование. Швейцарцы не страхуют своих жилищ от наводнений, а голландцы — от землетрясений… — Человек с бледным лицом замолчал, а коммерсант ещё сильнее засопел.

— Вспомните трагическую судьбу «Титаника», — продолжал после паузы худощавый. —

«Титаник» мало чем уступал «Левиафану». А «Пасифик»? А «Лузитания»? Да разве мало можно привести подобных примеров. На море ни за что нельзя поручиться.

— «Лузитания» была потоплена миной во время войны. «Титаник» погиб, наскочив на подводный айсберг, — возразил толстяк, заметно волнуясь. — На «Левиафане» есть специальный прибор, какой-то радиоинструмент, который сигнализирует о приближении подводной лодки. На случай пожара также установлена автоматическая сигнализация…

— А пароход всё-таки застрахован, — не успокаивался худощавый. — Столкновение в тумане, да разве мало причин… И затем… Эти пальмы, бассейны, концертные залы — всё это хорошо, а обеспечен ли корабль достаточным количеством шлюпок и спасательных поясов на случай аварии?

— Я… не знаю, — ответил толстяк.

— А я знаю, подсчитал.

— Ну и что?

— Две трети пассажиров останется без шлюпок, — спокойно ответил худощавый.

— Нет, у вас сегодня просто дурное настроение, дон Хургес, и вы хотите испортить его и мне! —

воскликнул толстяк.

— Ничуть, — ответил дон Хургес и чуть заметно усмехнулся. — Я лишь трезво смотрю на вещи. Надо быть всегда готовым ко всему… Однако почему мои слова взволновали вас, мистер Вильямс? Вы так боитесь за свою драгоценную жизнь?

— Не только за жизнь, — загадочно ответил Вильямс, порывисто обмахивая лицо платком.

— Резонно. Бывают ценности, которые дороже собственной жизни, — так же загадочно промолвил Хургес.

Со средней палубы долетали весёлые звуки джаза. Музыка немного отвлекла внимание толстяка от грустных раздумий. Вильямс даже начал притопывать в такт, но лицо его оставалось хмурым.

— Вы сказали, надо быть готовым ко всему, — снова обратился он к Хургесу. — Какую готовность имели вы в виду? Психологическую?

— Конечно, психологическую прежде всего, — ответил Хургес. — Тот, кто готов ко всему, наверняка не растеряется в первый миг, не поддастся панике, а это главное. Мы должны иметь готовый план спасения и самих себя и тех ценностей, которые мы везём.

— У вас есть такой план? — спросил Вильямс.

— Да, я обдумал его до мельчайших подробностей ещё дома. Я, кажется, предусмотрел всё: и пожар и аварию…

— Интересно было бы познакомиться с вашим планом, дон Хургес.

Хургес пожал плечами:

— Вряд ли он пригодится вам. Мой багаж невелик; вашего я не знаю. Каждый план должен быть индивидуальным.

— Мой багаж! — тяжело вздохнул Вильямс.

Джаз безумствовал. Молодые пары танцевали на середине палубы. Слышались смех, весёлые восклицания. Избранники судьбы тешились опьяняющими звуками джаза, радостным днём, лазурью и чистым воздухом океана.

И вдруг короткий толчок. Упал один из танцующих молодых парней. Послышался смех.

— Землетрясение… Водотрясение…

— Господи, что такое? — скороговоркой вымолвил Вильямс. Он мгновенно побледнел. — Не вы ли накаркали? — Вильямс злобно взглянул на Хургеса, спокойно курившего сигару.

Пароход по-прежнему рассекал воды океана. Снова начались танцы, однако кое-кто отправился узнать, что случилось.

— «Внимание! Внимание! — неожиданно разда-

лось из громкоговорителей на палубах, этажах, в коридорах, каютах. — Случилась небольшая авария. Ни малейшей опасности для судна. Просим не волноваться. Вторая смена экипажа должна немедленно выйти на работу».

— Что случилось? — послышалось отовсюду.

Никто не мог ответить. Джаз гремел по-прежнему, но танцы расстроились.

Кресло Вильямса дёрнуло с такой силой, что он, боясь упасть, ухватился за кресло Хургеса. Многие пассажиры упали. Закричала перепуганная женщина. Её истерический крик подхватили другие.

— «Аврал! — снова разнёсся голос из репродуктора. — Авария, но ничего серьёзного. Пассажирам рекомендуется сохранять полное спокойствие. Разойдитесь по каютам».

Вильямс почти выпрыгнул из кресла и, взволнованный, забегал перед Хургесом.

— Дело принимает серьёзный оборот, чёрт побери! Как вы предполагаете, мы не утонем?

Хургес снова пожал плечами.

— «Левиафан» имеет перегородки, — ответил он. — Если он получил пробоину, то вода не пройдёт дальше первой перегородки. К тому же мы на одной из «людных» морских дорог: Буэнос-Айрес — Лондон. «Левиафан» вызовет по радио помощь.

И всё же надо быть готовыми ко всему.

Пароход резко убавил ход. Корма заметно опустилась. На судне начиналась паника.

— Дон Хургес, мы тонем! Тонем! — почти кричал Вильямс. — Надо быть готовыми ко всему… Ваш план, дон Хургес?! Я не хочу умирать! И я… Мой багаж… моя жизнь… Эквадор. Двадцать два года лишений, труда… Бочонки… Шлюпки… Потонуть… и когда — не в бурю, при солнце… Штиль… Мираж… Страшный сон… Кошмар!

— Пассажирам предлагается надеть спасательные пояса, — прогремела команда.

— Боже мой! Боже мой, не оставь меня! — закричал Вильямс и, схватившись за голову, побежал.

Хургес не спеша двинулся к каюте, вынул из чемодана пластинку из тёмного металла с цепочкой и замком на ней, бутылку с герметической крышкой и пошёл на нос корабля.

— Дон Хургес, вы здесь? Я ищу вас по всему пароходу, — окликнул его Вильямс. На нём уже был спасательный пояс. — А почему вы без пояса? Разве это не входит в ваш план?

— Не входит, — ответил Хургес. — Мой друг, бывалый капитан, говорил мне, что он против спасательных поясов: они лишь удлиняют страдания тонущих… Впрочем, это касалось холодных

морей. Что же всё-таки случилось с «Левиафаном»?

— Никто ничего не знает. Даже сам капитан, если только он не скрывает причин…

«Левиафан» был обречён, в этом не оставалось сомнений. Корму накрыла вода. Прозвучал приказ: спускать шлюпки. Началась паническая беготня. Возле шлюпок завязалась звериная битва за существование. Хургес оказался прав: шлюпок не хватало.

— Почему вы не спешите к шлюпкам? — спросил Хургес.

— Потому, что я успел наметить свой план и даже осуществить его, — ответил Вильямс. Усмешка мелькнула на его побледневшем лице. — Лишь бы только они не опоздали… О, золото царит над человеком, пока он жив. Я пообещал матросам бочонок… А может быть, всё обойдётся. Радист передал сигнал бедствия, и говорят, что к нам уже спешат на помощь два парохода… Вот они… Вот.

— Пароходы?

— Да нет.

Хургес увидал матросов, которые тащили бочонки, продираясь сквозь толпу к шлюпке, висевшей на носу.

— Садитесь быстрее в шлюпку! — крикнул

Вильямс.

— Я ещё не выполнил свой план, — ответил Хургес. Он продел цепочку в звено якорной цепи, щёлкнул замком, прикрепил металлическую пластинку к цепи. Потом быстро написал записку, сунул её в бутылку, плотно приладил герметическую крышку. На удивлённые взгляды Вильямса он кратко ответил:

— Это мой багаж. Итог моей жизни.

Матросы отшвыривали пассажиров и грузили в шлюпку бочонки.

— Перегрузка, — покачал головой Хургес, глядя на тяжёлые бочонки.

— Не могу же я их оставить, — сказал Вильямс.

Шлюпку спустили на воду. Десять матросов, Хургес, Вильямс, бочонки с золотом, сухари, бочка воды… Шлюпка была перегружена и осела до бортов. А за борта цеплялись утопающие. Матросы безжалостно били их по рукам вёслами, ножами и кулаками.

— Успеть быстрее отъехать от тонущего парохода!.. — бормотал Вильямс трясущимися бескровными губами.

Шлюпка не успела отплыть и двадцати метров, как пароход, став носом кверху, пошёл ко дну. Над местом гибели вздыбился огромный столб

воды, тяжело осел и хлынул бешеным валом. Вал ринулся на шлюпку.

— Конец! — взвизгнул Вильямс.

— Всякий конец может быть и началом, — спокойно ответил Хургес и швырнул бутылку в воду. Это были его последние слова.

Вода накрыла шлюпку, заглушила последние крики утопающих. Через два часа на место катастрофы прибыл первый пароход, принявший сигналы бедствия.

ЗА МОРСКИМ ОКУНЕМ

На длинном столе — чёрный шар диаметром в полтора метра. Один бок его срезан. Широкое окно выходит на Кольский залив. Там виднеются мачты и трубы траулеров рыбного треста. Однако в окно никто не смотрит. Взоры всех устремлены на чёрный шар. Двенадцать комсомольцев, членов кружка по изучению радиотехники, тесным кольцом обступили стол. Большинство — студенты морского техникума, часть — радисты с траулеров.

Мотя Гинзбург, конструктор, изобретатель и руководитель кружка, радист траулера «Серго Орджоникидзе», похлопывая ладонью по чёрной

металлической поверхности шара, спросил с усмешкой на умном худощавом лице:

— Вы видите глазное яблоко…

Кружковцы засмеялись:

— Хорошенькое яблоко!

— Какой же должна быть орбита, чтобы вместить такое яблоко!

— Орбитой будет море. Довольно? — спросил Мотя. — Это радиоглаз, с помощью которого мы увидим, что творится в глубинах моря.

— Телевизор! — вскричал один из стоявших возле стола.

В сущности говоря, Мотя не изобрёл ничего или почти ничего. Ему случалось видеть фотографии американских и немецких телевизоров, приспособленных для наблюдений на морской глубине. Правда, это были фотографии. Но принцип работы телевизора известен. Оставалось самостоятельно продумать кое-какие конструктивные особенности подводного телевизора. И Мотя как будто бы удачно справился с этим: маленький опытный телевизор работал исправно. Почему бы не работать и этому, большому? Он почти готов. Вставить в круглое отверстие объектив, возле него — лампы прожекторов, и всё. Одним словом, часа два монтажных работ, и

телевизор можно опускать в воду.

— Чтобы взглянуть, что делается на дне моря? — спросил первокурсник морского техникума.

— Именно. Взглянуть, как поживают морские крабы, — подхватил, снисходительно улыбаясь, его сосед, который считал себя человеком бывалым.

— Что ж, и это интересно, — серьёзно ответил Гинзбург.

— Будем ловить морских окуней?

— Да, да. Сегодня — первая проба. Траулер уходит в час ноль-ноль. К этому времени мы успеем закончить, — ответил Гинзбург и приказал: — А ну, хлопцы, за работу!

Слушатели ушли, а пять человек, во главе с Гинзбургом, остались и приступили к делу.

— А знаете, кто будет с нами на пробном лове? — спросил Мотя своих товарищей. — Бласко Азорес, испанский коммунист, корреспондент. Он недавно приехал к нам, чтобы осмотреть новый Мурманск.

Азорес вышел из гостиницы треста в полночь и направился по спуску к траловой базе. Испанец поёживался в своём осеннем пальто. Льдистый полуденный ветер бил в лицо. Падал мокрый снег.

«Удивительный край! — размышлял Азорес. — Здесь всё наоборот: „солнечные ночи“, „ночные дни“. В этих краях люди выбирают квартиры окнами не на юг, а на север, потому что северный ветер, пролетая над тёплым течением Гольфстрима, нагревается, а южный — охлаждается над ледяным горным плато тундры. Суровый край, тяжёлый климат. Но всего этого не ощущаешь, даже не замечаешь — так интересен здесь человек и его дело».

Внизу горели огни траловой базы. Высоко вздымались корпуса рыбообрабатывающих цехов. Гремели лебёдочные цепи. У пристани стояли траулеры. Одни разгружались, другие готовились к отплытию. Сновали транспортёры: к складам — с рыбой, от складов — с солью. Азорес быстро прошёл в конец пристани к большому траулеру. Был отлив, и борт траулера покачивался почти вровень с пристанью. Азорес взошёл на борт и поднялся в капитанскую рубку. Капитан Маковский приветствовал его и попросил пройти в свою каюту. Азорес вошёл.

Каюта капитана состояла из двух крохотных помещений: кабинета-спальни и гостиной. В первом стоял небольшой письменный столик, над ним — большая керосиновая лампа (на слу-

чай повреждения электрического освещения), и два кресла, прикреплённые к полу цепочками (на случай качки). Сейчас цепочки обвисали, и кресла можно было передвигать. В нише, за занавеской — койка, рядом — вход в ванную «комнату», в которой, видимо, с трудом можно было снять одежду. В «гостиной» — угловой диванчик и столик перед ним. На столике — чайный сервиз, печенье…

Красное лакированное дерево, сияющие медные части, тиснёная кожа, стекло, свет, тепло, калориферы, вентиляторы… Здесь было тихо и комфортабельно, как в купе пульмановских вагонов.

Капитан в рубке распоряжался. С берега отдали концы. Пароход медленно и осторожно начал поворачиваться. Азорес смотрел сквозь большое окно каюты на берег. Мелькали траулеры, освещённые окна засолочного цеха, высокий, поросший низкими берёзками противоположный берег Кольского залива… Скорость хода увеличивалась. Качки не было.

Капитан передал управление помощнику и пришёл в каюту. Оба — Азорес и капитан Маковский — неплохо владели английским. Как радушный хозяин, капитан налил чаю. Завяза-

лась беседа. Азорес интересовался подводным телевизором.

— Вы видели морских окуней? — спросил капитан гостя.

— Конечно. Большая рыба с красными глазами, вылезающими из орбит, — ответил Азорес.

— А почему они красные и вылезают из орбит?

Азорес пожал плечами. Капитан усмехнулся и продолжал:

— Это потому, что морской окунь очень пугливая рыба; оказавшись в трале, он умирает от испуга, и от испуга же у него глаза вылезают из орбит… Подобные объяснения мне приходилось слышать не раз от старых рыбаков. Разумеется, это басня. Морской окунь живёт на глубине многих десятков метров. И попадаться-то в наши тралы он стал лишь недавно, когда мы научились спускать тралы на большую глубину. И вот, когда окунь попадается в сеть и его быстро вытаскивают на поверхность, где давление в несколько раз ниже того, к которому приспособлен окунь, глаза его наливаются кровью и выходят из орбит.

— Это очень интересно, — заметил Азорес, — но при чём тут телевизор?

— А вот при чём. Окунь — вкусная, полезная, жирная рыба, а найти её на большой глубине

очень трудно! Мы плывём по морю, где-то под нами плавают громаднейшие косяки рыбы — сотни, тысячи тонн. Но мы не видим этой рыбы и после многих дней тяжёлого плавания часто возвращаемся домой с пустыми трюмами. Народ ждёт от нас рыбы, а у нас неудача за неудачей. Срыв плана, начальство рвёт и мечет, моряки нервничают…

— Но вы ведь часто опускаете трал и находите рыбу, — возразил Азорес. — Я сам видел, какой богатый улов тех же окуней попадает в ваши тралы.

— А сколько их не попадает, этого никто не видит, — перебил капитан. — Одному траулеру посчастливится набрести на косяк, другому нет. Игра слепого случая. Куда это годится? Бывают дни, когда мы десятки раз опускаем трал и вытаскиваем только водоросли, крабов и камни. Трал зачастую цепляется за грунт, рвётся об острые камни. Ведь мы не видим поверхности дна. Ловим вслепую. Правда, наши научные изыскания помогают нам. «Персей» обследовал морское дно, изучил ход рыбы, температуру воды на разных глубинах и кое-что иное. Это помогло, но всё же случай не положен на обе лопатки. Мы живём Гольфстримом, а он капризен. Иногда он немного

меняет течение: порой бывает более тёплым, порой — более холодным. И рыба то наведывается к нашим берегам, то исчезает, откочёвывая туда, где вода теплее. Там, где в минувшем году рыба ловилась прекрасно, сегодня — никакого улова. И это только потому, что за тысячи километров от нас, в Мексиканском заливе, лето было холоднее обычного или в Исландии зима посуровела. Мы призвали на помощь эхолот и радиолот. Вам знаком принцип работы эхолота? Мы шлём вниз под воду звуковую волну, ну, скажем, взрыв патрона или удар колокола. Звуковая волна достигает дна, отражается и возвращается назад. Зная скорость звука в воде, можно определить глубину. Если звук возвращается быстро, значит звуковая волна отражена не дном, а большим скоплением рыбы. Этот способ чрезвычайно продуктивен и полезен, но и у него есть недостатки.

Радиолот, показывающий глубину по скорости отражения радиолуча, и эхолот каждый по-своему «слепы». Им ведь всё равно, от чего именно отражаются радиолучи или звуковая волна. Например, эхолот показал меньшую глубину в таком-то месте. Думаешь: звук отразился от рыбного косяка. Спустишь трал — ни единой рыбки. Звук отразился либо от затонувшего корабля,

либо от подводной скалы. Иное дело, когда мы получим возможность видеть, что делается в глубинах моря. Тогда мы удвоим, утроим улов.

— И достигнуть этого поможет телевизор?

— Мы надеемся.

После чая капитан ушёл в рубку. Азорес остался в одиночестве. Он стал приводить в порядок свои заметки.

Траулер стало болтать сильнее.

«Выходим в открытое море», — догадался Азорес, набросил пальто и вышел на палубу.

Сильный ветер, мокрый снег, брызги… Траулер сильно качало.

«И так день и ночь, летом и зимой, в штиль и в шторм длится борьба с морем, — подумал Азорес. — Казалось бы, невероятно тяжёлый труд. Но какие у них у всех весёлые, жизнерадостные лица! Шутки, смех, песни…»

Траулер смело резал седые волны, держа курс на Медвежий остров. Помощники Гинзбурга в тяжёлых морских сапогах, в кожаных тужурках бегали от шара к капитанской рубке, проверяя исправность проводов. Экран телевизора был установлен в капитанской рубке.

Азорес подошёл к шару.

«Вроде гондолы стратостата», — подумал он.

— В этом шаре находится радиостанция? — обратился он с вопросом к Гинзбургу.

— Нет, — ответил тот. — Изображение передаётся по проводам. В шаре — батареи сухих элементов, аккумуляторы, часовой механизм.

— Аккумуляторы для прожекторных ламп?

— Только для фотоэлемента. Дуговые фонари прожектора получат энергию от электростанции траулера.

— Значит, это не совсем радиопередача? — с некоторым разочарованием спросил Азорес.

— И даже совсем не радиопередача, — ответил, усмехаясь, Гинзбург.

— Почему?

— Потому, что вода сильно поглощает радиолучи. Радиоволна, несущая изображение, угасает, не достигнув поверхности моря. Мы предполагаем опускать наш телевизор на глубину двухсот-трёхсот метров, максимум четырёхсот. На таком расстоянии нетрудно обойтись и проводами. Это надёжнее и проще.

Наконец все приготовления были закончены. Тяжёлый шар бережно прицепили к крану паровой лебёдки и начали опускать в воду.

— Теперь лучше наблюдать не здесь, а на экране телевизора, — сказал Гинзбург испанцу.

Азорес поспешил в капитанскую рубку.

Гинзбург поместил экран в глубокую коробку, которая так защищала его от света, что можно было следить за экраном, не выключая электрического света. Благодаря этому капитан мог следить и за компасом, и за картой, и за экраном телевизора.

— Однако где же экран? — удивился Азорес.

Его постигло новое разочарование, когда капитан показал ему коробку, немногим более спичечной.

— Что поделаешь, — сказал капитан, — Гинзбург изготовил свой аппарат кустарным способом. Это пробный телевизор. Если он оправдает надежды, тогда наша центральная радиолаборатория изготовит прекрасные аппараты. Лишь бы… мы что-нибудь увидели.

Азорес посмотрел в коробочку, но ничего не увидел.

— Значит, рыбы нет, — утешил его капитан.

— А возможно, ваше подводное око не видит рыбу? — спросил Азорес.

— Возможно, — ответил капитан. — Но Гинзбург уверяет, что он кое-что уже видел на этом примитивном экране.

Текли томительные, долгие минуты. Азорес не

спускал глаз с экрана. Вдруг он воскликнул:

— Смотрите! Экран оживает!

Маковский взглянул и увидел на красновато-жёлтом фоне экрана невыразительные, расплывающиеся пятна. Они двигались в разных направлениях и то исчезали из поля зрения, то вновь появлялись. Одни из них выделялись на экране тёмным, другие более светлым обрамлением.

— Это рыба, — спокойно сказал Маковский.

Азорес впился глазами в волшебную коробку.

— Ну что? — спросил вошедший Гинзбург.

— Смотри сам, — ответил капитан.

Тот только взглянул и весело сказал:

— Есть.

— Но почему так смутно? — спросил Азорес.

— Потому, что рыба далеко от телевизора. Мы, очевидно, около границ контура.

Азорес уже слышал термин «оконтуривание косяка». Когда Гинзбург отвернулся, чтобы дать распоряжение по телефону своим помощникам, Азорес вновь взглянул на экран и вскрикнул, радостно удивлённый. Он увидел выразительные очертания рыбы, блеснувшей боком и исчезнувшей в левом углу экрана. Вслед за первым появилось второе, потом третье изображение

рыбы, ещё и ещё…

— Спускать трал!

С палубы раздались возбуждённые голоса, шум, грохот лебёдки. Матросы разворачивали огромнейший трал, висевший на мачте, и спускали его в воду. Это длилось несколько минут. Траловый лов с помощью телевизора начался.

Через сорок пять минут трал подняли. Он был полон рыбы и чуть не оборвался от тяжести. Азорес и Гинзбург сбежали вниз, на палубу. Моряки кричали «ура» изобретателю.

— Качать, качать! — кричали они. Потом схватили Мотю и подбросили.

— Черти! И без того качает. Ещё за борт уроните! — кричал счастливый изобретатель.

Капитан остановил эту игру, но не сделал предупреждения за нарушение дисциплины. Он понимал настроение экипажа и сам был рад не меньше матросов.

ВЕСТНИК АВАРИИ

Лов шёл прекрасно. Подводное око безупречно выполняло свою работу. Иногда экран вдруг мертвел, игра пятен прекращалась — значит, траулер выходил из косяка. Начинались новые поиски,

потом экран снова оживал. Опытный капитан быстро определял «контур» косяка и теперь мог вести лов до тех пор, пока трюмы наполнятся до отказа.

Траулеры уходили на промысел на долгое время и блуждали по морю месяцами. Теперь же «зрячий» траулер мог выполнить задание за несколько дней. Какая экономия!

Люди, забыв об усталости, о резком северном ветре, ловили рыбу, набивая трюмы. Рыбу разделывали и солили здесь же, на траулере, — он был настоящим плавучим заводом.

На обратном пути, как ни торопились, Гинзбург упросил капитана сбавить ход, чтобы опустить ещё раз телевизор на мелководье и посмотреть дно. Капитан согласился, и телевизор был спущен. Гинзбург, следивший за экраном, вскрикнул и побледнел.

— Что такое? — спросил капитан с тревогой.

— Мы, кажется, нашли один из наших погибших траулеров, — промолвил Мотя.

— Задний ход!

Капитан взглянул на экран. Да, там чётко виднелась корма траулера, лежавшего вверх дном.

Железо обросло мелкими водорослями, словно мхом. Везде виднелись пятиконечные морские

звёзды, крабы, мелькали рыбы, привлечённые огнём прожектора… Мелькнула надпись: «Пик…».

— Это «Пикша», — сказал капитан. — Дизельный траулер, он погиб вместе с «Окунем» в шторм под тридцатое декабря 1931 года. Так вот где погибла «Пикша»! А последние сигналы были приняты почти с широты Медведки.

— «Пикшу» могло отнести на юг уже опрокинутую, — высказал догадку Гинзбург.

— Печальная находка, — вздохнул капитан. — Он сам едва не погиб во время той ужасной бури. — Но для тебя, Гинзбург, конечно, и подходящая… Ну, ну, не маши рукой. Ведь мы понимаем друг друга. Мы нашли траулер, и он лежит неглубоко. Эпроновцы поднимут его. На дне Баренцова моря похоронено немало траулеров и наших, и немецких, и норвежских, и английских. С помощью твоего ока мы разыщем и поднимем их.

Известие о найденной «Пикше» разлетелось по траулеру. Моряки вспоминали погибших товарищей, штормы, бури. Но разве вся жизнь не борьба?

Распогодилось. Правда, по морю ещё ходили огромные волны, но ветер угомонился, тучи исчезли, на небе сияла луна. Серебристые отблески лунного света плясали на волнах.

Азорес подошёл к борту и, покачиваясь в такт пароходу, пристально смотрел в одну точку.

— К чему ты присматриваешься? — спросил Гинзбург.

— Видишь, блестит, как звёздочка, — ответил Азорес, указывая вдаль.

— Вижу: луна отражается в волнах.

— Нет, не луна, — ответил Азорес. — То блестит бутылка.

— Ну и что?

— А то, что если она не утонула, значит её закупорили. В таких бутылках бывают письма потерпевших аварию, вот что. Надо поймать эту бутылку.

Азорес поспешил к капитану. Маковский выслушал его без особого удовольствия. Ловить бутылку, в которой, возможно, ничего и нет, — терять время. С другой стороны, морские традиции обязывают: бутылка должна быть выловлена. И он дал команду. Траулер сбавил ход и остановился. Качка усилилась. Азорес был сильно обрадован новым приключением.

Матросы прикидывали, как изловить бутылку. Спускать трал нецелесообразно: ячейки его сети были широкими и бутылка проскочила бы сквозь них. Отыскалась небольшая сеть с мелкими ячей-

ками, ею и поймали бутылку.

Азорес не ошибся: бутылка была герметически закупорена резиновой пробкой и в ней виднелась бумага. Бутылку доставили в каюту капитана. Маковский осторожно вынул пробку и достал из бутылки свёрнутый в трубочку листок. В записке размашисто было написано по-английски:

> «На случай гибели парохода „Левиафан“. Прошу доставить эту записку в Аргентину, Буэнос-Айрес, Литл-стрит, 344. Жуану Хургесу.
>
> Бласко Хургес».

Далее шёл шифрованный текст — сплошные ряды отпечатанных на машинке букв. В самом конце, после шифра, — приписка:

> «В письме чрезвычайно важные сведения. Прошу доставить с нарочным. Затраты на проезд будут оплачены на месте.
>
> Если отослать с нарочным невозможно, прошу передать по бильдаппарату».

Маковский повертел лист в руках и рассмеялся.

— Какой-то чудак, — сказал он. — Думает, что

найдутся люди, которые бросят своё дело и поедут на свой счёт в Южную Америку, чтобы разыскать адресата и передать ему письмо в надежде на оплату расходов.

— А адресат, возможно, уже умер или выбыл в неизвестном направлении, — добавил штурман.

— Можно сфотографировать письмо и отослать снимок, — посоветовал Гинзбург.

Азорес, до этого слушавший молча, неожиданно сказал:

— Для меня совершенно ясно, что Бласко Хургес, погибший вместе со знаменитым «Левиафаном», желал, чтобы его письмо было передано без огласки. Письмо зашифровано не зря, и если этот шифр передать через многие страны телеграфом или бильдом, то, естественно, им заинтересуются тайные полиции и министерства иностранных дел ряда стран. Присяжные шифровальщики утратят сон и аппетит, пока не расшифруют это письмо. Хургес, очевидно, был уверен в сообразительности и благородстве тех, в чьи руки попадёт его бутылка. К бильдаппарату он просил прибегнуть лишь в крайнем случае. Последняя воля трагически погибшего человека должна быть выполнена.

— А вдруг этот документ заключает в себе ору-

жие против нас, СССР? Что, если Хургес — агент империалистической державы, замышляющей каверзы против нас? — спросил капитан.

Все умолкли.

— Опасения трезвые. Всё возможно, — ответил после размышления Азорес. — Однако маловероятно, чтобы официальные дипкурьеры или шпионы бросали в океан бутылки с зашифрованными документами. Как бы ни был хитро составлен шифр, всегда найдётся дотошный расшифровщик. Расшифровали же египетские иероглифы. Правительства всегда располагают возможностью направлять секретные документы с дипломатической почтой. Если бы на пароходе погиб государственный документ, его копии остались бы в министерстве. Вместо погибшего Хургеса был бы послан иной человек, если бы Хургес был дипкурьером; на том бы дело и кончилось. Здесь же что-то иное. Я полагаю, Хургес, — кто бы он ни был, — работал, как говорится, за свой страх и риск. Возможно, это один из авантюристов, открывших золотые россыпи или что-нибудь в этом роде. В свой смертный час он решил открыть тайну своему родственнику — Жуан Хургес, видимо, его брат, отец или сын. — Азорес окинул взглядом моряков. Все молчали,

и он продолжал: — Мой план таков: редакция газеты, в которой я работаю, предложила мне ехать в Южную Америку. Там сейчас происходят интересные события. Я поеду туда и возьму письмо с собой. На всякий случай мы снимем копию. А я, приехав в Буэнос-Айрес, прежде всего осторожно разузнаю, кто такой Хургес. Если он не из нашего лагеря, я… придержу письмо, пока мы не расшифруем его сами и не убедимся, что оно безопасно для нас.

— Последняя воля погибшего должна быть выполнена, — с иронией повторил Гинзбург слова Азореса.

— Да, если погибший не враг, — спокойно отпарировал Азорес. — Наша этика состоит в том, чтобы стоять на страже интересов своего класса. Так ведь? Одним словом, я еду разыскивать Хургеса. Вы согласны со мной, товарищи?

— Такой вопрос мы не можем решить сами, — осторожно сказал капитан.

— Разумеется, — подтвердил Азорес. — Я буду в Москве и условлюсь. Но не слишком ли мы мелочны?.. Ведь Хургес, бросая бутылку в море, знал, что она может быть занесена течением Гольфстрима и к северным берегам Франции, и к западным берегам Англии, и к берегам Но-

рвегии, даже к Новой Земле и Земле Франца Иосифа, где Гольфстрим, между прочим, уходит на большую глубину. Хургес, если он не дурак (а он, кажется, был не дурак), знал, что его бутылка может оказаться и в капиталистической стране и в Советском Союзе. Он знал, конечно, что его шифром будут интересоваться. Однако он был уверен, очевидно, что без ключа его шифр не будет расшифрован. Поэтому и просил в крайнем случае передать по бильду. Наконец, бутылка могла затеряться в океане. Чистая случайность, что нашли её мы, а не норвежцы или немцы. Она могла попасть в руки фашистов…

— В конце концов, не слишком ли большое значение придаём мы всему этому? — спросил Гинзбург. — То, что составляет огромную важность для Хургесов, — для нас, да и для всех других, возможно, не стоит выеденного яйца…

Корреспондент аккуратно свернул письмо и спрятал его в карман.

— Во всяком случае, возвратившись из Аргентины, а может быть и раньше, я уведомлю вас о своих успехах. Сфотографировать письмо мы ещё успеем.

Траулер сильно качало, поднялся ветер. Капитан перешёл в рубку и принял команду.

СЛЕПАЯ СТАРУХА

Азорес искал улицу, на которой проживал Хургес. Хмурые люди подозрительно осматривали хорошо одетого Азореса и молча показывали направление — с каждым разом всё более вглубь трущоб рабочего квартала. Азорес был немного встревожен. Что бы это значило? Тот, кто бросил бутылку, путешествовал на «Левиафане» — на пароходе богачей. Какие же дела могли быть у состоятельного бизнесмена, трагически погибшего в океане, с людьми этого предместья?

С большими трудностями Азоресу, наконец, удалось найти улицу, которую он искал. Невесёлое место — возле кладбища бедноты и нового здания тюрьмы. «Что же, власти были предусмотрительны, устроив кладбище и тюрьму именно в этой части города. Забота о рабочем населении квартала: приблизить места „общего пользования“, с которыми оно чаще всего имеет дело», — подумал Азорес.

Вот и дом № 344, если только эти развалины можно назвать домом… Позвонить? Нет звонка. Дверь полуоткрыта. Постучал… Никто не отвечает. Азорес постучал сильнее и, не ожидая

ответа, вошёл в комнату. Старый косматый пёс хрипло залаял на Азореса и из последних сил приподнялся на передние лапы. Задние были парализованы.

— Кто здесь? — услышал Азорес грубый старческий голос и повернулся.

В тёмном углу сидела старая женщина в лохмотьях. Она смотрела в пустоту невидящими глазами.

«Ну и обстановка!» — подумал Азорес.

— Скажите, будьте добры, здесь ли живёт дон Хургес? — спросил Азорес, приближаясь к старухе.

Усмешка растянула её беззубый рот. Длинный крючковатый нос почти касался острого, поднятого кверху подбородка.

— «Дон», — издеваясь, передразнила она. — Разве доны живут в таких халупах?

— Вы всё-таки не ответили на мой вопрос.

— Нет здесь никакого Хургеса, — сердито прошамкала старуха.

Азорес приуныл.

— Но, возможно, он жил здесь? Вы сами давно живёте в этом доме?

— Семьдесят шесть лет, — ответила старуха.

— И никогда не слышали о Хургесе?

— Может, и слышала. За семьдесят шесть лет о ком не услышишь. Да вы-то кто такой и что вам нужно? — спросила она подозрительно, и ноздри её зашевелились, словно обоняние могло заменить ей зрение.

— У меня письмо к Жуану Хургесу. Очевидно, от его брата, который погиб во время крушения «Левиафана». Письмо было обнаружено в бутылке и благодаря счастливому случаю оказалось в моих руках.

Старуха с интересом прислушивалась. Азорес следил за выражением её лица. Очевидно, она всё-таки знает Хургеса.

— Подойдите ко мне, я вас ощупаю, — неожиданно сказала она после минутного молчания.

Азорес выполнил эту странную просьбу. Старуха старательно ощупала рукав его пиджака, заставила наклониться и быстро провела сухой морщинистой рукой по лицу от лба к подбородку.

Осмотр, очевидно, удовлетворил её. Подумав, она промолвила:

— Да, вы испанец. И вы недавно сюда приехали…

Азорес не мог уразуметь, из чего она сделала такой вывод, однако не отважился спросить об

этом.

— Уверяю вас, что я не обманываю и пришёл к вам как друг, — горячо сказал Азорес. Видя, что старуха начинает сдаваться, он рискнул открыть карту, которая могла решить игру в его пользу. — Я корреспондент коммунистической газеты «Барселонский пролетарий».

Эффект превысил его ожидания. Старуха выпрямилась и сурово спросила:

— Вы говорите правду?

Коммунист Азорес горячо и искренне произнёс старинную испанскую клятву, и это произвело должное впечатление. Старуха обратила лицо на звук его голоса и молвила:

— Я вам верю.

Азорес вздохнул с облегчением:

— Дайте мне вашу руку.

Азорес сильно пожал руку старухи.

— Нам надо быть осторожными, очень осторожными, — продолжала она, покачивая головой, — особенно такой слепой бабе, как я. Вокруг шпионы и изменники. Если бы я вовремя отрезала себе язык, Жуан Хургес, возможно, не был бы там, где он теперь.

Старуха скорбно наклонила голову. Очевидно, она уже однажды проговорилась и этим погубила

Хургеса.

— Где же он? — спросил Азорес.

— Там, куда вам не добраться, — ответила старуха. Она указала на окно, через которое была видна крыша новой тюрьмы. — Ко мне однажды вот так же пришли и спросили: «Товарищ Хургес у вас проживает?» И я, старая дура, поймалась на слово «товарищ».

Азорес смутился. Обстановка усложняется… Тот, кого он искал, сидит за толстыми стенами тюрьмы…

— Скажите, с ним действительно никак невозможно увидеться?

— Если бы вы были прокурором или начальником тюрьмы, то могли бы видеться с ним ежедневно, — ответила старуха. — А так… — она печально покачала головой.

— Но у него должны же быть друзья! Они могут мне помочь. Вы не знакомы с кем-нибудь из них?

Старуха вновь насторожилась и взглянула на Азореса своими белёсыми невидящими глазами, словно надеялась прочесть замыслы Азореса сквозь плёнку катаракты.

— Я понимаю вас, — сказал Азорес. — Вы боитесь открыть конспиративную квартиру. Но

встреча может произойти у вас. Здесь достаточно безлюдное место и товарищи могут убедиться, что хвост шпиков не тянется за мной. Можно назначить свидание и в другом месте — где хотите. Назначайте час и место.

Старуха минут пять молчала. Азорес уже стал терять терпение.

— В воскресенье в десятом часу вечера на кладбище, возле часовни, — неожиданно сказала она, не глядя на него.

Азорес поблагодарил её, пожал руку и вышел. Потом вернулся и немного растерянно обратился к старухе:

— Простите меня за моё желание помочь вам и не поймите этого превратно, — он сунул ей кредитки. — Здесь двадцать пять долларов.

— Чтобы не обижать вас, я возьму, но не сейчас, а потом, после свидания.

Он понял её. Эти деньги могли стать ценой предательства, если бы Азорес оказался шпионом. Старуха имела право быть недоверчивой к людям.

Азорес вышел.

НА КЛАДБИЩЕ

Азорес был молод, горяч и обладал живым воображением. Он строил самые смелые проекты свидания с Хургесом и даже его освобождения. Может быть, выдать себя за священника из Испании и пройти к Хургесу под видом исповедника? Но в тюрьме свои исповедники… Подкоп? Похищение с тюремного двора на самолёте? Подкуп? Азорес вспомнил несколько историй трудных тюремных побегов. Воображение разгулялось. С этими мыслями он уснул и видел во сне какие-то мрачные подземные ходы, лестницы, решётки…

Дни, оставшиеся до встречи на кладбище, он использовал на сбор материалов для своих газет. В эти дни в Буэнос-Айресе разразилась стачка рабочих и служащих городского транспорта. Азорес успевал всюду, не забывая и про Хургеса: «Странная фамилия, — думал он, — звучит для иностранцев, как испанская, однако не испанская. Хургес… Кем бы он мог быть?»

Наконец настал день свидания. Азорес пришёл немного ранее и стал бродить по кладбищу.

«Классовые привилегии не кончаются и со смертью», — думал Азорес. Вчера ему случилось

побывать на кладбище аристократов и богачей. Там мраморный город: мавзолеи, фамильные склепы, часовни, широкие, усыпанные жёлтым песком дорожки, цветы. Настоящая выставка! Здесь же, на кладбище бедноты, простые деревянные кресты, так тесно поставленные один возле другого, что между могилами трудно пройти. Такое же перенаселение, как и в рабочих кварталах. Труп не успевал сгнить, а в его могилу хоронили другой… Вот могилы и без крестов. На иных — только столбик с надписью, красная ленточка, свежий венок из красных маков… На сером могильном камне вырезаны серп и молот.

Азорес взглянул на часы. Без пяти десять. Скорым шагом двинулся к часовне. Темнело. Из узкого окна падал густой красный свет лампады. В небе — серп молодого месяца. Пахнет свежевынутой землёй и дымом соседней фабрики.

Азорес вздрогнул: слышны чьи-то шаги. Двое мужчин быстро подошли к часовне.

— Товарищ Азорес? — спросил один.

— Да, это я, — ответил Азорес.

Судя по всему, это были рабочие. Они пожали ему руку.

Азорес повторил свой рассказ и показал им удостоверение редакции. Пришедшие внимательно

прочитали документ. При этом они переводили взгляды с фотокарточки на его лицо, убеждаясь в сходстве. Покончив с удостоверением, попросили показать письмо.

Рабочие долго и внимательно рассматривали документ, потом, переглянувшись, возвратили его Азоресу. Один сказал:

— Товарищ Азорес, мы верим вам. Постараемся сообщить об этом письме Хургесу. Приходите к старухе ровно через неделю. — И, попрощавшись, пошли.

«А я?..» — едва не вскрикнул Азорес. Ему самому хотелось принять участие во всех событиях. Но, видимо, ему придётся довольствоваться пассивной ролью и ожидать известий.

Азорес зашёл к старухе и, поблагодарив её, вложил ей в руку деньги. Теперь она не отказывалась. На её морщинистом лице появилось нечто похожее на улыбку. Азорес не знал, что бедная старуха уже несколько дней поддерживала своё существование только луком — луковица на обед, пол-луковицы на ужин и склянка воды, — вот и всё. А её бедная собака от голода и слабости уже не могла поднять голову…

Снова беготня, суматоха корреспондентской работы… На второй день Азорес оказался замешан

в неприятную историю, когда фотографировал уличные бои стачечников с полицией и штрейкбрехерами. Азореса арестовали, а его аппарат конфисковали — такие снимки были запрещены. Через несколько дней ему удалось выйти на свободу, но аппарат остался в полиции.

В назначенный день Азорес пришёл к старухе, однако, кроме неё и повеселевшей собаки, никого тут не застал. «Неужели и те рабочие арестованы»? — подумал он. Старуха приветливо кивнула и передала ему записку.

— Адрес, — сказала она. — Идите по этому адресу. Человек, названный в адресе, даст вам объяснения. Возьмите с собой найденное вами письмо.

Азорес поблагодарил старуху и попрощался.

ПРАВАЯ РУКА БЛАСКО ХУРГЕСА

С окраины города Азоресу пришлось идти пешком почти до центра — на Майскую улицу. Служащие транспорта продолжали бастовать. На улицах стояла необычная для огромного города тишина. Не гремели трамваи, не слышно было автомобильных сирен. Всюду стояли пикеты. Тяжеловесно погромыхивал полицейский танк.

Над городом барражировали самолёты — разыскивали скопления рабочих и по радио оповещали командование полицейских отрядов.

Азорес, то и дело вытирая пот со лба и шеи, шёл мимо пустых магазинов. Кризис и стачка наложили свой отпечаток на город, — он был похож на тяжелобольного. Как пятна проказы, белели на стенах ромбы и квадраты снятых вывесок. Витрины, прикрытые железными шторами, неубранный мусор на тротуарах, клочья газет, перевёрнутый автобус…

На углу улицы возле закрытого беломраморного ресторана стоял старый индеец с драным одеялом на плечах. В руках он держал большой стеклянный кувшин с водой, в которой плавали жёлтые дольки лимонов. Азорес выпил стакан воды, — она оказалась холодной, — и спросил, где помещается здание электрической компании. Индеец неопределённо пожал плечами. Он не имел дела с такими важными предприятиями.

Наконец Азорес нашёл нужное семиэтажное здание с вывесками на фронтоне. Вошёл в застеклённый вестибюль. Его встретил заспанный швейцар. На вешалке всего три соломенные шляпы.

— Скажите, здесь проживает мистер Кар? —

спросил Азорес.

Азорес направился к лифту.

— Не проживает, а только работает. Седьмой этаж, комната семьсот тридцать два, — суховато ответил швейцар.

— Не работает, — флегматично предупредил швейцар.

Пришлось подниматься по лестнице.

В пролёте между четвёртым и пятым этажами ему повстречался бледный молодой человек, с виду клерк. Взглянув на Азореса, он явно встревожился и несколько раз обернулся.

«Странные тут порядки! — подумал Азорес. — Не работают у них сегодня, что ли? Впечатление такое, что здание оставлено. Может быть, компания переехала?»

Но вот и седьмой этаж. Шаги Азореса гулко отдавались в длинном коридоре. Мимоходом он заглядывал в приоткрытые двери. Длинные столы, на них — катушки, лампы, аккумуляторы, стеклянные трубки, аппараты, приборы… Очевидно, лаборатории. Все комнаты были пусты. Ни одного человека. На всех предметах тонкий слой пыли. Коридор повернул направо, ещё раз направо. Вот и комната 732. Азорес постучал. За дверью послышались быстрые шаги, стук, шур-

шание, словно кто-то наскоро убирал комнату; потом дверь раскрылась, и на пороге выросла испуганная фигура маленького человека с рыжей козлиной бородкой. На нём был заношенный синий халат.

— Могу ли я видеть мистера Кара? — спросил Азорес.

— Я Кар. К вашим услугам, — отвечал человек с козлиной бородкой и, раскрыв дверь шире, пропустил гостя. — Чем могу служить?

— Я по делу дона Бласко Хургеса.

— Бласко Хургеса? — подскочив, вскрикнул Кар. — Садитесь, пожалуйста. — Он засуетился, придвигая гостю стул. — Бласко! Он погиб, погиб, бедняга… Погиб в тот момент, когда его жизнь была так необходима!.. Однако какое же может быть дело? — И он подозрительно взглянул на Азореса.

Азорес рассказал Кару всё, начиная с выловленной в море бутылки и кончая посещениями старухи.

Кар слушал, кивал головой, тряс козлиной бородкой и всё повторял:

— Так, так… Бедняга Бласко Хургес!.. Жуан сидит в тюрме. Этого следовало ожидать. Можно мне взглянуть на письмо?

Азорес подал письмо. Кар схватил его, почти вырвал из рук, и впился глазами в бумагу.

— Так, так… Это его рука, его шифр…

— А ключ от шифра? — спросил Азорес.

Кар ещё раз испытующе взглянул на Азореса: можно ли ему верить?

— Я коммунист, — решительно сказал Азорес. — Понравится это вам или нет, но это так. Видите, я откровенен, будьте же и вы откровенны со мной.

— О, конечно, конечно! — засуетился Кар. — Шифр у меня. Вот здесь, в этом шкафу, где хранятся провода, изоляторы и всякий хлам. Надёжнейшее место! Лучше, чем на квартире. Ведь это здание, как вы уже, наверное, заметили, по существу безлюдно. Да, да. Кризис. В пору процветания электрическая компания организовала здесь широчайшие исследовательские работы: радиолампы, фотоэлементы, телевизоры… Сотни научных сотрудников, известнейшие специалисты, изобретатели… А теперь вся работа свёрнута, научные сотрудники рассеялись в поисках работы.

— А вы? — спросил Азорес.

— В настоящее время — полулаборант, полусторож, — с печальной усмешкой ответил Кар.

— Вы были хорошо знакомы с Бласко Хургесом?

— Хорошо ли я был знаком! — воскликнул Кар, и его рыжие ресницы заморгали. — Я был ближайшим помощником Хургеса. Хургес! Это великий изобретатель. Великий ум, великое сердце! Вот в этой комнате, у этого стола мы проработали с ним двенадцать лет. Много дней и… много ночей.

Азорес не был бы опытным корреспондентом, если бы не попытался выведать у Кара всё, что касалось Хургеса. Кар охотно отвечал, и Азорес узнал больше, чем ожидал.

Отец Хургеса, Соломон Хургес, был польским евреем. В своё время он эмигрировал в Соединённые Штаты, но там ему не повезло, и он перебрался в Южную Америку. Именно здесь, в Буэнос-Айресе, у него была мастерская по ремонту автомобилей, велосипедов, мотоциклов. Жуан Хургес помогал отцу, а когда отец умер, устроился на большой завод и там включился в революционную борьбу. Старшему его брату, Бласко Хургесу, удалось получить высшее техническое образование, и он работал в исследовательской лаборатории электрической компании, бывшей филиалом нью-йоркской. Его очень ценили. Он

дал фирме много замечательных изобретений, внедрил экономичные лампы, а когда было налажено производство радиоприёмников, сконструировал очень удачный тип любительского гетеродинного радиоприёмника.

— Но душу свою он не продал фирме, — многозначительно промолвил Кар.

— Что вы хотите этим сказать? Хургес был коммунист?

— Он мыслил, как коммунист, — ответил Кар. — Вот и всё, что я могу сказать. Он жил очень дружно со своим братом. Однажды при мне Бласко сказал Жуану: «Мы идём к одной цели, но разными путями, и, наверное, нам выгоднее реже видеться друг с другом, чтобы твоя „революционная популярность“ не накликала подозрений и на меня, на „нашу революционную работу“, — и он указал на меня». Да, на меня, — с гордостью повторил Кар. — Ибо мы трудились вместе, у нас не было секретов.

— И что же это за «революционная работа»?

— Революция в области науки и техники, которая призвана послужить революции пролетарской, — ответил Кар. — Мы изобретатели. Само собой, изобретал Бласко, а я помогал ему. Ах, у него была подлинно эдисонова голова! Со

времени Октябрьской революции Бласко жил мыслью о Стране Советов. Он трудился для неё и мечтал приехать туда не с пустыми руками. О, он готовил богатый подарок! И вот, когда… Ах, Бласко, Бласко!.. Такой осторожный даже в мелочах и… Почему ты не послушал меня?.. — Красные веки с рыжими ресницами снова задрожали, заморгали, словно Кар собирался заплакать.

Азорес догадывался, что здесь кроется великая тайна.

— А что это за изобретение, над которым вы трудились?

— Это изобретение… — Глаза Кара вспыхнули огнём вдохновения, однако он погасил этот огонь, быстро подошёл к двери, приоткрыл её, выглянул в пустой коридор и, оставив дверь полуоткрытой, — так слышнее приближение шагов, — возвратился на место, сел возле Азореса и прошептал: — Камень мудрости. — Кар затаил дыхание и беззвучно рассмеялся.

«Не сошёл ли с ума этот чудак?» — подумал Азорес. Но тот продолжал:

— Да, философский камень. Мечта алхимиков о превращении элементов. А по-современному — снаряд для расщепления атомного ядра. Переворот? Новая эпоха в химии, в истории че-

ловечества!

В увлечении он всплеснул сухими ручками и усмехнулся. Азорес отшатнулся к спинке стула и несколько секунд молча смотрел на Кара.

— Да, да, да, — пламенно зашептал Кар, выдерживая взгляд Азореса. — Не мечта, не проблема, не гипотеза, а факт. Вот здесь, вот на этом самом столе, мы завершили последние опыты. Вот здесь, на этом месте, стоял аппарат — новейшая «пушка» для бомбардировки атомного ядра. И что она творила! Какие чудеса превращения вещей делала она на наших глазах!

— И где этот аппарат? — спросил Азорес, чувствуя, что у него холодеет спина и бегут мурашки по телу.

— Нигде. — Кар тяжело вздохнул. — Такие вещи нельзя было брать с собой. Безопаснее возить их в голове. Но разве голову нельзя погубить в дороге? Хургес располагал большими деньгами и почти все их истратил на исследования. А на последние купил билет на лучший, казалось безопаснейший пароход — пароход миллиардеров, как его звали в обеих Америках, — «Левиафан». Но нет такого корабля, который не мог бы затонуть… Хургес принял все меры предосторожности. Свои расчёты, формулы, выкладки — одним словом, весь

«экстракт» своего наизнаменитейшего открытия он изготовил в двух экземплярах: один — на бумаге, он хранился у него в широком поясе…

— А второй? В металлическом ящичке? — с нетерпением спросил Азорес.

— Хургес был предусмотрительнее. Что такое ящик? Пароход может затонуть на огромной глубине, и тогда давление воды расплющит ящик и бумаги погибнут. Нет, Хургес поступил иначе. Он выгравировал все цифры, формулы, схемы и краткие пояснения на тонких металлических пластинках, сложил пластинки и края их запаял. Прекрасно придумано! — Кар сухо рассмеялся. — Если бы такой «портфель» затонул даже на десяти тысячах метров глубины, с ним всё равно ничего бы не случилось.

— Несчастный Бласко! Значит, ты погиб… До сегодняшнего дня у меня ещё были надежды, — уже другим тоном продолжал Кар после паузы. — Теперь этой надежды больше нет. Ошибка, горькая ошибка!

— Но в чём же его ошибка? — спросил Азорес.

— А в том, что он не оставил мне копии.

— Разве вы без него не в состоянии соорудить «пушку»?

Лицо Кара выразило страдание.

— Что такое я? — простонал Кар. — Я был только руками Бласко, и Бласко очень хвалил эти руки. — Кар посмотрел на свои руки, поросшие рыжими волосами. — Ну, допустим, я видел, как строился аппарат, своими руками его делал. Но… Вы не знаете, какая это сложная вещь! По формулам и схемам я мог бы сделать, а формулы лежат теперь на дне океана… Не захотел оставить копию, вот и ошибка. Естественно, это было опасно. Жуан сидит вот… Шпики могли заинтересоваться и его братом, хотя бы и покойным, могли заглянуть сюда…

— Однако что же написал Хургес в своём шифрованном письме?

— Сейчас прочтём. Хотя я наперёд, почти наверняка, могу сказать, что он написал.

Кар приподнялся, отворил большой шкаф и из кучи всяких электротехнических материалов и старых деталей вынул тонкую алюминиевую пластинку такого же формата, как и письмо. На пластинке были вырезаны в разных местах четырёхугольные отверстия величиной с литеру печатной машинки. Кар наложил пластинку на письмо и прочёл:

— «В случае моей смерти известите S3R».

— Что это обозначает? — спросил Азорес.

— Дорогой Бласко! Узнаю тебя. Даже в шифре ты прибегнул к формуле, — с мягкой грустью промолвил Кар, словно разговаривая с покойным другом. Обращаясь к Азоресу, он спросил: — Разве вы не догадываетесь? Эс-три-эр. Это СССР. Сообщить правительству СССР о том, что в глубине Атлантического океана хранится сокровище, предназначенное для Советского Союза. Но выдаст ли теперь океан свою тайну? — спросил Кар, обращаясь к Азоресу. — Если я не ошибаюсь, «Левиафан» затонул где-то около Азорских островов. «Портфель» Бласко Хургеса лежит на глубине двух-трёх тысяч метров. Разве можно спуститься на такую глубину? Правда, чтобы найти «портфель», не нужно поднимать пароход. Бласко был предусмотрителен, — я уже говорил об этом. Он собирался прикрепить дощечку к якорной цепи. И всё-таки это мало облегчает задачу. Водолаз не может опуститься глубже, чем на триста метров, и я боюсь, что тайна Хургеса погибла навсегда.

— Ну, это ещё рано предрешать, — ответил Азорес. — Я, во всяком случае, исполню последнюю волю великого учёного и извещу Советское правительство обо всём, что знаю. Пусть решают, что делать. Благодарю вас, мистер Кар…

— Товарищ Кар, — с мягким упрёком поправил

Азореса Кар.

— Товарищ Кар... Благодарю вас и разрешите проститься.

— Нет, обождите, — живо возразил Кар. — Вы догадываетесь, как мне дорого это дело. И потом... Ведь я могу быть и полезен. Мне хотелось бы, чтобы вы, товарищ Азорес, ставили меня в известность о дальнейшей судьбе этого дела.

— Ставить в известность — это не легко, — смеясь, ответил Азорес. — Вы, конечно, понимаете, что о таких вещах писать нельзя.

— Зачем писать?! Можно поступить иначе. Мы будем говорить. И говорить так, что ни один человек нас не поймёт. — Кар снова засмеялся. — Это также одно из последних открытий Хургеса. Не такое важное, как «пушка», но всё же интересное. Он подарил, его мне перед отъездом. Коротковолновая радиостанция. Для неё необходима энергия в десятые доли ватта — меньше, чем для батареи карманного электрического фонарика. Антенна — пять сантиметров, дальность действия неограниченна. Главное же — острая направленность гарантирует тайну передач. Вот этот прибор следит за направлением луча. Мельчайшие отклонения регистрируются и тотчас автоматически устраняются. Как вам нравит-

ся? — Кар снова засмеялся и потёр руки. — Я дам вам одну приёмно-передаточную радиостанцию. Или нет… Я дам вам схему и кое-какие пояснения на двух страничках записной книжки. В СССР, конечно, имеются опытные радисты?

— Разумеется.

— Так вот, мы будем разговаривать. Вручаю вам свой подарок. — Кар вынул из письменного стола бумагу, быстро набросал схему, пояснения к ней и всё это передал Азоресу.

— Так вот, мы будем разговаривать и даже… видеться, если захотим. Да, да, по телевизору. В полдень по местному времени я буду ловить волну. До свидания.

Они расстались друзьями.

Азорес почти бежал по тротуару, не чувствуя под собой ног. Его охватила бурная радость. Он не видел ни пустых магазинов, ни опрокинутых автомобилей и трамваев. Что ему до этих картин умирающего Старого Света! Скорее в отель и оттуда — в порт.

СУДЬБА ЭКСПЕДИЦИИ РЕШАЕТСЯ

В Москве Азорес доложил всё специальной комиссии. На заседание были приглашены спе-

циалисты.

— Ваше мнение? — обратился председатель к академику Тоффелю.

Седой, высокий, полный, румяный академик поднялся и негромко произнёс:

— Во всём мире ведётся упорная атака, точнее — правильная осада, твердынь атомного ядра. Люди работают, не жалея труда, средств, энергии, и понятно почему. Если удастся оседлать атомную энергию, то последствия будут чрезвычайные. Мы теперь даже не можем представить, каким станет мир, когда в наших руках окажется эта подлинно космическая сила. Со времён, когда люди стали изобретать, ни одно изобретение, ни одно открытие — ни пар, ни электричество, ни радио — ничто не может сравниться с этим. Атомные двигатели совершат полный переворот в технике, в быту. Мы станем неизмеримо сильнее и богаче. Взять хотя бы нашу единую высоковольтную сеть. Она стоила нам миллиарды, и её эксплуатация стоит миллионы, десятки миллионов. Провода, опоры, кабели, дорогие, громоздкие динамо-машины, турбины — всё это станет ненужным или почти ненужным. Мы сберёжём наше топливо: уголь, нефть, лес. Они уже не будут топливом. Они будут только исходным

сырьём для химической переработки в высокоценные продукты. Древесина пойдёт только на выделку бумаги, штучного шёлка, сахара и других продуктов и товаров. Одно лишь это спасение угля, нефти, леса от варварского истребления в топках обещает миллиардные сбережения.

Относительно самой атомной энергии нечего и говорить. То, что она может принести, не поддаётся исчислению. Зачем мы прокладываем теперь наши электромагистрали на тысячу километров? Затем, чтобы передать энергию туда, где её нет. Уголь, нефть, лес, вода — современные источники энергии — не всегда имеются там, где есть руда и другие полезные ископаемые. Атомная энергия и атомные двигатели дадут неограниченные ресурсы энергии там, где она необходима, без всяких хлопот, без громоздких сооружений. В тундре и тайге, в горах и пустынях — везде мы сможем иметь карманные Днепрогэсы.

Целиком преобразится транспорт. Ненасытные паровозы исчезнут. Появятся новые виды скоростного наземного, воздушного и водного транспорта. Даже полёты на планеты станут реальностью. Исчезнут преграды и для строительных работ. Мы сможем покрыть каналами всю страну. Мы будем буквально двигать горами.

Мысль, творческая фантазия современного строителя до сих пор были связаны «энергетическим лимитом». Теперь многие из проектов нам просто не приходят на ум потому, что для их выполнения необходимы непосильные для нас затраты энергии. Свобода технических мечтаний станет подлинной. Человек будет полновластным хранителем природы.

Можно ли определить денежную стоимость этого изобретения? Я затрудняюсь назвать цифры. Исчислять пришлось бы уже не в миллиардах, а в триллионах. Если представляется хотя бы малейшая возможность овладеть подобным изобретением, то любые затраты, как бы велики они ни были, окупятся в невиданных размерах.

Академик сделал паузу и продолжал:

— Но всё это при одном условии: если аппарат Хургеса пригоден для получения не слишком дорогой внутриатомной энергии. Мы сами научились разрушать атомное ядро и если не сконструировали опытного атомного двигателя, то только потому, что это преждевременно. А преждевременно потому, что добывание атомной энергии стоит пока неизмеримо дорого. Ведь для расщепления атома мы пользуемся высокими и сверхвысокими напряжениями в миллионы

вольт. А результат этой дорогой атаки, к сожалению, слишком невелик. Наши «снаряды» плохо попадают в цель. Из тысячи выстрелов одно попадание.

Товарищ Азорес сообщил нам, что есть свидетель, сотрудник Хургеса товарищ Кар, который подтверждает факт, что Хургес успешно разрушал атомные ядра. Но описание великого открытия лежит пока на дне моря. Я не допускаю мистификации. Однако кто поручится, что Хургес и Кар не из породы прожектёров? Разве алхимики не были уверены, что они «почти» открыли секрет превращения неблагородных металлов в золото?

— Ваш вывод? — спросил председатель.

— Мой вывод: искать таблицы Хургеса, если это технически возможно и если затраты на поиски под силу нашему государству.

— Извините, академик, — обратился с вопросом пожилой экономист, — а расщепление атома, так сказать в заводском масштабе, не повлечёт за собой…

— Мировую катастрофу? — спросил Тоффель. — Не думаю. Как я уже сказал, атомы расщепляют теперь чуть ли не ежедневно. И ничего, мир целёхонек. Подобные опасения мне приходилось слышать не раз. Полагаю, что они неоснова-

тельны.

— Ваше мнение, профессор Рейнберг?

Низенький, опрятный старичок — бородка клинышком, длинные седые усы — легко приподнялся, круто повернулся к Тоффелю, потом к председателю и горохом рассыпал слова:

— Прежде всего я должен отметить одно печальное недоразумение. Здесь говорилось о добывании внутренней энергии при расщеплении атомного ядра. Когда о подобных вещах пишут романисты-фантасты, это ещё допустимо, но когда с идеей добычи неисчерпаемой внутриатомной энергии выступает учёный, я, как энергетик, протестую. Это чрезвычайно глубокая, печальная и даже пагубная ошибка. При расщеплении атомного ядра никакой внутренней энергии мы не будем иметь, пока существует и не опровергнут второй закон термодинамики.

Да и не к этому стремился Хургес, насколько я понимаю. Его интересовало самоё расщепление атомных ядер, а не энергия. Он подходил к вопросу как физик, химик, а не как энергетик. И в этом свете «пушка» Хургеса — величайшее изобретение, если только это не миф. Но это уж пусть определят химики.

Рейнберг быстро сел и глотнул чаю.

— А искать следует? — спросил его председатель.

— Если намереваетесь добывать из атома энергию, то нет нужды лезть под воду. Химер и на земле достаточно, — ответил Рейнберг с места и одним духом допил остывший чай.

— Ваше слово, профессор Багорский.

Богатырски сложённый мужчина с сивыми усами и и молодыми глазами встал не торопясь, опёрся руками о стол и начал:

— Я, как и все мы, располагаю очень скудными материалами для того, чтобы судить об открытии Хургеса по существу. Но и того, что есть, с чем мне удалось ознакомиться, достаточно, чтобы сделать вывод, что вопрос заслуживает серьёзнейшего внимания. Я согласен с Петром Ивановичем Рейнбергом: энергетика здесь ни при чём. — Рейнберг победоносно взглянул на Тоффеля. — Однако от этого вопрос не становится менее важным, — продолжал Багорский. — Товарищ Азорес пересказал мне всё, что слышал от Кара, и у меня осталось такое впечатление: если этот человек и может ошибаться, как и все, то он не склонен заведомо вводить в обман других. А то, что он рассказал об опытах погибшего изобретателя, — это нечто необычайное. Если «пушка» Хургеса способна

вышибать при ничтожных расходах энергии заданное количество электронов из атомного ядра, то это действительно эпохиальное изобретение. Вот здесь Пётр Иванович вспомнил фантастов и романистов. Если бы я принадлежал к ним, я мог бы изобразить вам чудесные перспективы. Но я не фантаст и не романист. Значение проблемы разложения атомного ядра вы знаете и сами. И я могу сказать вам только одно: если нам удастся достать со дна океана ключи к изобретению Хургеса и если оно оправдает только десятую часть наших надежд, то и в этом случае расходы на поиски запрятанного сокровища окупятся сотни и тысячи раз.

Председатель обратился к председателю ЭПРОНа инженеру Кириллову.

— Ваше мнение?..

Кириллов, здоровый, загорелый мужчина средних лет, в морской тужурке, поднялся и не спеша начал:

— Нам всё ещё точно неизвестно место, где затонул «Левиафан», и абсолютно неизвестна глубина. Всё дело зависит в конце концов от глубины. ЭПРОН до сих пор работал на глубинах примерно двадцать-тридцать сажен.

— Товарищ Кириллов, — приостановил его

председатель, — большинство собравшихся здесь — люди сухопутные, привыкли считать на метры.

— Морская сажень равняется шести футам, или одному и восьмидесяти шести сотым метра, — пояснил Кириллов. — Ну что ж, буду переводить на метры. Так вот, мы работаем на глубинах пятидесяти-шестидесяти метров и выше, конечно.

— Не глубже?

— Глубина в сто метров для водолаза в обычном водолазном костюме считается уже рекордной. В американских жёстких костюмах можно опускаться на двести, даже на триста метров. Это пока что граница для водолазов. Опускаться на глубину семьсот пятьдесят — тысячу метров можно только в особой стальной гондоле, способной выдержать огромное давление. К сожалению, в подобной гондоле можно лишь наблюдать подводную жизнь, фотографировать — и только. Нам же необходимо действовать под водой — поднять затонувший корабль или, в случае необходимости, отыскать на нём «сокровище» Хургеса. Выходит, дело сводится к тому, насколько глубоко лежит «Левиафан». Вы знаете, что в океанах есть глубины в десять тысяч метров. А современная граница опускания — немногим

более тысячи метров.

— Стратосферу, оказывается, легче завоевать, чем гидросферу, — заключил, усмехаясь, председатель.

— Да, подняться над землёй на двадцать пять — тридцать километров легче, нежели спуститься в океан на два-три километра. Ужасающее давление воды хранит тайны морских сверхглубин. Я даже сомневаюсь, смогут ли и в будущем люди спускаться в глубочайшие места океана…

— Даже в гондоле?

— Даже в гондоле, и лишь для того, чтобы наблюдать. Гондола с людьми должна быть привязана к тросу или цепи, чтобы её можно было вытащить из воды. Но никакой трос длиной в десять километров не выдержит собственного веса. Это уж… я не знаю… трос пришлось бы делать в виде конуса с огромным диаметром в основании. Я уже не говорю о том, что с корабля невозможно поднять такую тяжесть, да и краны такие невозможно соорудить.

— А если спустить стальной шар без людей, но с аппаратами, которые передавали бы на землю изображения глубоководного мира? — заинтересовался экономист.

Кириллов усмехнулся.

— Вы предлагаете мне вопросы, выходящие за границы водолазной практики. Это, если хотите, уже область почти фантастики. Но полагаю, что и с таким шаром ничего не получится.

— Стальной шар со стенками колоссальной толщины, — не успокаивался экономист.

— А стекло? — спросил Кириллов. — Всё-таки ваш шар должен иметь окна, сквозь которые можно было бы прожектором осветить морское дно для работы телевизора. Мне кажется, что даже кварцевое стекло не выдержит давления. Кроме того, не забывайте, что такой шар не будет иметь никаких проводов. Видимо, в нём самом надо иметь электростанцию или аккумуляторы достаточной силы и радиостанцию. Однако и это ещё не всё. Как передать изображение без проводов? Радиолучи будут поглощаться десятикилометровой толщей воды. Нет, то, что расположено на глубине десяти километров, для нас полностью недоступно.

— К счастью, «Левиафан» затонул не в Тихом, а в Атлантическом океане, более «мелководном». Правда, и в Атлантическом есть «провалы» глубиной в несколько километров, но имеется немало и доступных для нас глубин. Есть и подводные горные хребты, вершины которых лежат срав-

нительно близко к поверхности океана, а кое-где эти горные вершины поднимаются над поверхностью океана, создавая всем известные острова, например группу Азорских, Канарских островов.

В связи с этим общий план экспедиции я представляю так. В сигналах бедствия, рассылавшихся «Левиафаном» накануне гибели, означены долгота и широта. Это место, насколько мне известно, представляет собой достаточно приподнятое подводное плато с чрезвычайно изрезанным рельефом. Имеются и глубокие пропасти и высокие горы. На общих картах всё это обозначено, естественно, лишь приблизительно. Мы ещё не располагаем столь достоверными картами, на которых рельеф каждого квадратного километра Атлантики был бы изображён точно. Мы отплываем к месту гибели «Левиафана» и старательно измеряем лотлинем глубины. Если они достигают нескольких километров, то, как это ни печально, нам придётся отступить. Подобные глубины превышают современные технические возможности ЭПРОНа. Иное дело, если научно-исследовательские учреждения помогут нам и дадут техническое оснащение для завоевания подобных глубин. В любом случае эта рекогносцировочная экспедиция будет стоить недорого.

— А если глубина будет подходящей? — спросил председатель.

— Тогда мы приступим ко второй стадии работы — поискам затонувшего парохода. Здесь на сцену выступают водолазы. Если же «Левиафан» будет найден, в дальнейшем мы работаем по вашим заданиям: ищем «сокровище» на пароходе, под водой, или поднимем его на поверхность, что, однако, обойдётся уже не дёшево.

Азорес попросил слова.

— Я думаю, что нам не придётся поднимать пароход, — сказал он. — Хургес был столь предусмотрителен, что повесил, если только он успел это сделать, свои пластинки на якорную цепь на носу парохода. Таким образом, нам следует только отыскать пароход на дне моря и найти пластинки на якорной цепи.

— Однако чтобы найти, надо опуститься на дно, а если дно на большой глубине? — сказал Кириллов.

— Человеку нет надобности спускаться, — спокойно ответил Азорес.

— Но как найти? — не успокаивался эпроновец.

— Очень просто. Я знакомился с вашими рыбными промыслами в Мурманске. Плавал на

траулерах. И там мне довелось видеть сконструированный одним комсомольцем подводный телевизор, с помощью которого рыбаки очень легко находят рыбу. И не только рыбу. Нам случайно удалось найти на дне Баренцева моря затонувший траулер. Вы, очевидно, уже слышали об этом. Так вот. Сделать большой телевизор, который можно было бы опускать хотя бы на глубину тысячи метров, — не столь уж трудная техническая проблема. С помощью телевизора мы сумеем найти носовую якорную цепь и пластинки. Остаётся только поднять эти спаянные пластинки. Предполагаю, что советские техники смогут создать такие механические руки, которые будут в состоянии опускаться на дно моря, хватать там железными пальцами добычу и поднимать её на поверхность.

— Это в самом деле неплохая идея, — молвил Кириллов.

— Радиоглаз — вот что поможет найти «сокровище» Хургеса, — закончил Азорес.

— Как вы думаете? — спросил председатель инженера Борина, крупного изобретателя в области радио.

— Что касается телевизора, — ответил Борин, — то эта идея, на мой взгляд, полностью реальна.

Телевизор вскоре будет внедрён в водолазную практику. Правду говоря, это будет не совсем радиоглаз. Исследования радиосигналов из ушедшей в глубину подводной лодки показали, что радиоволны сильно поглощаются водой. Поэтому передачи из глубин моря должны направляться не путём радиоволн, а по проводам от телевизора. Но это уж вопрос техники. Я знаю изобретателя. Не так давно он был у меня, показывал небольшой телевизор. Я охотно возьму его к себе в помощники и с ним разработаю конструкцию глубоководного телевизора. Я могу взять это на себя. «Механические руки»... Думаю, мы их соорудим.

— Однако, товарищи, мы словно забыли отправной момент, — снова заговорил Тоффель. — Ведь мы всё-таки не знаем, действительно ли «пушка» Хургеса является сокровищем, пусть даже не для энергетики, хотя бы для физики, химии и промышленности.

— Возможно, вы сделали бы более уверенный вывод, — поднялся Азорес, — если бы непосредственно переговорили с товарищем Каром.

— Но ведь он за океаном, — возразил Тоффель.

— Да, но разве мы не разговариваем с людьми, которые находятся за океаном? — улыбаясь,

спросил Азорес.

— Согласитесь, однако, что вопрос не таков, чтобы о нём можно было открыто говорить по телефону или по радио, — поучающе возразил Тоффель.

— Вашего разговора никто не услышит, — ответил Азорес. — Я ещё не всё рассказал вам, товарищи. — И Азорес, вынув маленький ящичек, рассказал о коротковолновой радиостанции Хургеса и преподнёс этот подарок от имени Кара.

Борин подбежал к аппарату и с интересом стал его рассматривать, бормоча что-то под нос. Потом он поднял голову и сказал:

— Чертовски умное решение задачи, простите за грубое слово. У этого Хургеса поистине была дельная голова.

— Таким образом, сегодня вы переговорите с Каром. Надеюсь, товарищ Борин сумеет быстро наладить связь.

В тот же день, около шести часов вечера, когда в Буэнос-Айресе стоял полдень, два человека, разделённые тысячами километров, говорили друг с другом.

Кар рассказал Тоффелю всё, что знал о Хургесовом методе расщепления атомного ядра. Тоффель понял больше того, что содержалось в голове и в

словах Кара. Понял идею и был поражён её оригинальностью. Правда, без формул, без схем Хургеса понадобилось бы, возможно, несколько лет, чтобы осуществить это изобретение. Но и то, о чём узнал Тоффель, было подлинным сокровищем.

Хургес предложил новый метод, совершенно новое направление. Да и сам Тоффель больше уже не сомневался в том, что Хургес вёз в СССР подлинное сокровище. Это бесценное сокровище, казалось, сверкало даже сквозь извечный мрак океанских глубин.

И на очередном заседании комиссии Тоффель горячо выступал уже по-иному — без колебаний, убеждённо:

— Имеются все основания думать, что открытие Хургеса будет ценным вкладом в науку. Оно поможет разрешить вопрос расщепления атомного ядра. Мы незамедлительно обязаны послать экспедицию на место гибели «Левиафана» во что бы то ни стало и сколько бы это ни стоило!

Вопрос был решён, средства отпущены. В лабораториях научных институтов уже кипела ударная работа.

Гинзбург, оставив на некоторое время свой траулер, переселился в лабораторию Борина. Они работали день и ночь, забывая о сне и пище. И

скоро в лаборатории высился огромный шар, напоминавший гондолу стратостата. Но этот шар должен был совершить прыжок не ввысь, а в бездну океана.

Поскольку глубина ещё не была точно известна, Борин рассчитывал на максимальную глубину моря в районе аварии. Оболочка могла выдержать колоссальное давление. На верхней части шара находился стальной баллон со сжатым воздухом. Борин рассчитал так, что по мере опускания шара и увеличения давления воздух из баллона будет автоматически перемещаться в большой шар — телевизор. Это дополнительное внутреннее давление послужит как бы пневматическим упором против внешнего давления. По мере же подъёма воздух также автоматически должен переходить из шара в баллон.

Пришлось делать точные расчёты: какого сечения необходим кабель, на котором будет спущен шар, какой толщины должно достигать кварцевое стекло, сквозь которое будут освещать подводный мир лучами прожекторов. По всей оболочке шара телевизора были сделаны большие и маленькие круглые отверстия. Сквозь маленькие пройдут лучи света, сквозь большие — изображения предметов, принятые фотоэле-

ментом, попадут в объектив. Диск Нипкова Борин заменил кинескопом. Энергию для прожекторов подадут провода корабельной динамо-машины; причём свет вспыхнет автоматически только при заданном давлении, когда будет достигнута заданная глубина.

…Одновременно механики сооружали «механическую руку». Она напоминала паука на привязи. Стальные суставчатые лапы этого «паука» были сделаны так, что автоматически схватывали и цепко держали добычу. Импульс тока по проводам заставлял «паука» разжимать лапы, если они случайно хватали не то, что надо.

Штурм гидросферы готовился с той кипучей энергией, с какой когда-то готовился штурм стратосферы.

НЕСЧАСТНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК В СССР

Русый голубоглазый сын инженера Борина, комсомолец Мишка Борин, учился в университете и в этом году перешёл на второй курс. Ещё когда он кончал среднюю школу, его товарищи много спорили о выборе профессии.

«Кем ты будешь?» — спрашивали они друг друга. Почти все мечтали стать инженерами и

лётчиками, кое-кто — геологом, врачом, педагогом. У Мишки Борина и не спрашивали: его судьба всем казалась ясной. Сын известного радиоинженера, изобретателя, конечно, должен стать радиоинженером. И Мишка Борин сильно удивил не только товарищей, но и отца, неожиданно объявив, что он будет географом. Так он решил уже несколько лет назад. Когда он учился в школе, затаённым и самым большим желанием его было стать Героем Советского Союза. Челюскинская эпопея произвела на него величайшее впечатление. Нет, Мишка не был зазнайкой. Его привлекали не сами по себе награды, почести, почётное звание Героя. Он хотел быть достойным этого звания и принести своему Отечеству действительную пользу. Однажды, вскоре после челюскинской эпопеи, он ехал за город с экскурсией и в вагоне слышал, как молодой моряк-практикант рассказывал своей девушке о том, что вскоре уйдёт в «ледяное плавание». Как завидовал ему Мишка!

Он много думал, никому не рассказывая о своих планах. А планы у него были очень широкие. Прежде всего знания. Они оберегают нас от ошибок. Вот, например, Витя. Он изучал химию, а стал полярником, геофизиком. Сколько зря потеряно

времени! Мишка сразу возьмёт быка за рога. Сначала перечитать историю всех ледовых походов и морских путешествий. Мишка подналёг на немецкий язык и вскоре прочёл в подлиннике дневник Штеллера, написанный на старинном немецком языке. Походы советских ледоколов он знал назубок. Потом взялся за навигацию, лоции, океанографию, даже за астрономию.

Как это ни странно, всего менее его интересовало радио.

Он вёл записки. В общей тетради имелся раздел: «Как люди выходили из безвыходного положения». Сюда он записывал все случаи, казусы, которые угрожали действительным и выдуманным романистами путешественникам. Необходимо научиться быть смелым, сообразительным, решительным.

Однако и это ещё не всё: надо было стать сильным, бодрым, выносливым. Иметь ум учёного и тренированное тело морского волка. Спорт, физкультура составляли немалую долю Мишкиного плана «геройской» подготовки.

И вот здесь-то ему не повезло. Но об этом дальше.

Когда Мишка стал студентом, он отнёсся критически ко многим «детским мечтаниям». Так,

в школе его сильно занимали размышления о том, что будет, когда он станет Героем. Теперь его более интересовало «самоё дело». Однако «генеральная линия» его плана осталась, и он, как и ранее, усиленно изучал «необходимые» науки и тренировался физически: рано вставал, закалял своё тело, совершал большие пешие экскурсии, увлекался спортом, однако уже не делал таких глупостей, как в школе: не окунался в проруби и не пугал мать «полным отсутствием аппетита», — она не знала, что так он приучал себя «переносить голод».

Когда он проведал от отца о том, что готовится экспедиция в Атлантический океан на поиски затонувшего корабля, все его желания путешествовать, стремления к приключениям, к подвигам вспыхнули с новой силой. Конечно, Атлантический океан — не то, что полярные моря. Какие здесь могут быть приключения? Почти обычная прогулка. И отправляются туда не ледоколы. Однако всё-таки в экспедиции можно изучить на практике устройство корабля и навигацию… И он стал просить отца устроить его в экспедицию. Время летнее, подходящее — каникулы. К началу учебного года он возвратится. Отец не дал решительного ответа, — надо

получить разрешение начальника экспедиции. Мишка насел на Гинзбурга, с которым успел подружиться. Гинзбург обещал поговорить с Кирилловым. В дни ожидания Мишка даже немного похудел. И вот однажды вечером отец принёс радостную весть: разрешение получено.

— Едем вместе, Гинзбург!.. — Мишка схватил Гинзбурга и закружил его по комнате. Потом побежал в свою комнату собираться. Отложил книги, целую кипу записных книжек, две автоматические ручки, бинокль, ружьё.

Мишка окинул взглядом комнату: что ещё взять? Комната отражала «генеральный план» его жизни: на стенах висели географические карты, главным образом карты Арктики, на письменном столе — глобус, барограф, мореходные инструменты… Сколько раз эта комната превращалась в каюту, а письменный стол — в капитанскую рубку! Какие драматические сцены разыгрывались здесь в борьбе с арктическими льдами! Сколько раз Мишка терпел здесь аварии! А в углу, мирно уживаясь с книгами, лежал спортивный инвентарь для хоккея, тенниса, бокса, футбола…

Футбол! Ведь завтра встреча команды их университета с командой технологического институ-

та. За этими хлопотами Мишка едва не забыл об экспедиции. Мишка — «бек»-чемпион. Конечно, он обязан участвовать… Победит «технологичку» в последний раз в этом сезоне и поедет.

Ночью Мишке снились пальмы и летучие рыбы вперемежку с футбольными мячами. Надо было «пасануть» летучую рыбу, как мяч, но это никак ему не удавалось. Рыбы пролетали мимо, дребезжа крыльями-плавниками.

«Да это же будильник дребезжит!»

Какая была игра! Всё шло прекрасно, но когда игра вступила в высшую фазу напряжения, случилось несчастье. Как это случилось, Мишка впоследствии никак не мог вспомнить. Игроки набросились на мяч как сумасшедшие… Сбились в кучу… Вдруг Мишка почувствовал острую боль в ноге и упал… Свисток судьи… Игра была прервана… Мишка не смог встать. Принесли носилки и на них отнесли Мишку в приёмный покой. Врач стадиона осмотрел ногу и покачал головой.

— Да, кажется, перелом. Придётся полежать.

— Сколько? — спросил Мишка.

— Месяца два-три, а возможно, и меньше. Посмотрим, что покажет рентген.

Это был неожиданный и страшный удар. Два-три месяца! Значит, Мишка не сможет принять

участия в экспедиции…

Когда Мишку привезли домой и уложили в постель, он сказал Гинзбургу:

— Я несчастнейший человек в СССР.

— Уже несчастнейший? Кость срастётся и будешь прыгать, как и прежде, — ответил Гинзбург. — Сильно болит?

— Боль — это мелочь, — ответил будущий герой. — Но я не смогу ехать с вами.

Приехал отец и начал также успокаивать Мишку.

— Не горюй, Михель. Молодые кости срастаются быстро. А поиски «Левиафана» могут продлиться не один месяц.

— Но пароходы уплывут!

— Связь с экспедицией будут поддерживать наши пароходы, плывущие в Америку, и самолёты. Обещаю тебе: как только поправишься, так или иначе доставлю тебя на «Серго».

Отца позвали к телефону, и он вышел… Мишка вздохнул.

— Успокоился? — спросил Гинзбург.

— Нет, — печально ответил Мишка. — Я всё-таки не увижу, наверное, самого интересного.

— Думаю, что ты увидишь всё, абсолютно всё.

— Но как?

— Ты не знаешь ещё самого интересного, — ответил Гинзбург. — Твой отец и я конструируем новые аппараты телепередачи…

— Знаю. Телевидение на помощь водолазам.

— Это ещё не всё. — Гинзбург сел на стул. — Мы конструируем приспособление и для непосредственного телевидения, — иначе говоря, передачи движения предметов при дневном свете и ноктовидения — видения ночью, телевидения в тумане и под водой. Отец твой разрешил задачу, — об этом ещё никто не знает, — цветного стереовидения. На очереди — телекино… Лежи спокойно и слушай дальше. У твоего отца грандиозные планы. Он намеревался использовать экспедицию, чтобы испытать все свои новейшие изобретения в области телевидения. Помощь водолазам в поисках затонувшего корабля — это только деталь. Мы с твоим отцом — он здесь, а я в океане — проведём чрезвычайно интересные испытания телепередачи сюда, в Москву, в кабинет твоего отца, абсолютно всего, что будет происходить в экспедиции. Наши аппараты будут работать беспрерывно днём и ночью на палубе траулера и в глубинах океана. Если все эти пробы будут удачны, — а я в этом не сомневаюсь, — то мы совершим целый переворот. Николай

Петрович хочет организовать телепередачу в широчайшем масштабе. Показ работ экспедиции — это только первая проба.

Когда мы наладим это дело, миллионы зрителей увидят, как сооружается плотина на Ангаре, что наблюдает стратонавт, как проводятся работы на Волго-Донском канале. Ты только представь, что было бы, если бы в лагере Шмидта была современная телеустановка! Какое прекрасное зрелище! Наверное, многие поняли бы лучше, за что у нас награждают званием Героя.

Миша покраснел. Не догадался ли Гинзбург о его мечтах? А Гинзбург спокойно продолжал:

— Изменился бы самый характер экспедиции. Отто Юльевич Шмидт мог бы прекрасно руководить ледовыми походами из своей квартиры. Или возьми наши исследовательские геологические экспедиции. Молодёжь будет шагать по пескам Кара-Кумов, в дебрях тайги, будет всходить на Памир, а выдающиеся наши геологи, не отрываясь от работы, увидят каждый шаг путешественников, каждый минерал и будут давать советы.

Вспомни хотя бы историю Хибин. В первые годы приходилось совершать чрезвычайно тяжёлые путешествия и лазить по горам самому академику Ферсману. Сколько, по сути говоря,

он тратил времени непродуктивно! Поездка в вагоне, пешие переходы по тундре, зачастую безрезультатные блуждания… Иногда только для того, чтобы обойти горное ущелье, человек, каждый час которого имеет огромное значение для науки, терял несколько дней; много дней, недель для нескольких минут, даже секунд, чтобы определить породу, минерал.

— Я знаю, читал! — оживился Миша. — Теперь первоначальную разведку ведут самолёты, потом на «интересные» места самолёт забрасывает геологов, доставляет им палатки и пищу. А когда работы закончатся, прилетают и увозят их назад. Вместо двух-трёх месяцев экспедиция теперь длится две-три недели и стоит вдесятеро дешевле.

— Они могут обходиться ещё дешевле, — продолжал Гинзбург. — Представь: экспедиции имеют лёгкие компактные радиостанции и телевизорные установки. Академик Ферсман наших дней спокойно сидит в своём кабинете и трудится над рукописью. Перед ним — экран телевизора. Вот геологи нашли что-то интересное, и он слышит их голос по радиотелефону. Выключает свет, смотрит на экран, даёт указания и вновь углубляется в свою работу. И только когда всё разведано,

намечено, академик садится в самолёт, чтобы сделать на месте последние выводы, отдать последние распоряжения. Да и это не всегда будет необходимо.

Именно так, друг мой, мы организуем и экспедицию по розыску «Левиафана». Административный и научный штаб экспедиции будет здесь, в Москве, в этом доме, в кабинете твоего отца. Так было решено на последнем заседании совета.

Лицо Мишки просияло.

— Мы с Николаем Петровичем сейчас перенесём твою постель в кабинет и поставим против экрана. Ты увидишь всё или почти всё, что будет происходить в экспедиции. Мы будем разговаривать с тобой так, как разговаривали все дни. В кабинете будут проводиться совещания штаба. Начальник экспедиции Барковский, эпроновец Кириллов и твой отец будут ежедневно обсуждать ход поисков.

Отец Миши возвратился. Он выслушал последние слова Гинзбурга и сказал:

— Этого ещё мало. На тебя будут возложены обязанности. Возле экрана и радиостанции установим дежурство. В дежурстве примешь участие и ты. Ты будешь «лежать на вахте».

Как видишь, ты будешь непосредственным

участником экспедиции. Лёжа здесь, за тысячи километров от «Серго», ты увидишь во много раз больше, чем увидел бы на самом траулере, если бы лежал там на судовой койке, но без «чудесного ока» — телевизора. Ну что ж… — инженер развёл руками. — Тебе будет недоставать лишь запаха океана. Но это ты уж дополнишь воображением.

ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР АТОМА

Мишка Борин «лёг на вахту». Теперь он уже желал, чтобы экспедиция скорее отправлялась в путь и экран ожил бы. Однако отъезд затягивался. Шли последние испытания «железных пауков». Гинзбург всё время проводил в лаборатории и лишь вечерами навещал Мишу.

— Что поделываешь? Грустишь? — спросил он однажды Мишу.

Нет, Миша не привык терять время зря. Теперь он ощутил новый интерес к радио и телевидению. Мише предстояло вскоре отправиться в интересное «путешествие». И он начал изучать радиотехнику, устройство радиоэлементов, аппаратов телевидения. И в этот вечер на вопрос Гинзбурга он как-то растерянно ответил:

— А я, знаешь, написал этакую… фантазию,

чтобы уяснить самому себе кое-какие принципы телевидения. Хочешь, прочту?

Гинзбург взглянул на часы.

— Читай, если не очень длинно.

И Миша начал читать:

— "Профессор Филинов так стар, что давно запамятовал год своего рождения. И такой учёный, что одной пары очков ему мало: он носит две пары, а вечерами даже три. У него в голове так много мозга, что самые большие шапки не налезают ему на голову, — приходится делать на заказ. Голова его абсолютно лысая, зелёно-золотистая борода спускается до пояса.

У Филинова два молодых ученика: профессора Харичкин и Ларичкин; одному пятьдесят, второму шестьдесят лет. Филинов зовёт их «молодые люди», потому что на их головах только небольшие лысины, бороды едва укрывают грудь, а на носу всего по одной паре очков.

Филинов — великий изобретатель.

Однажды Харичкин и Ларичкин приходят к Филинову в кабинет и видят на столе большой чёрный полированный ящик с объективом.

— Вот, — говорит Филинов, — я изобрёл аппарат, который может уменьшать людей и делать человека меньшим, чем молекула. Хотите, я ис-

пробую на вас?

Ларичкин и Харичкин погладили свои бороды и переглянулись, а Филинов уже нацелил объектив, щёлкнул и засмеялся.

И начали Ларичкин и Харичкин уменьшаться.

Нет, им совсем не казалось, что они уменьшаются. Им казалось, что они остаются такими же, а Филинов начал расти, и все предметы начали расти, и комната раздвигалась в стороны, и потолок поднимался в какую-то стратосферную высоту. Открылись огромные двери, и в комнату вошёл гигантский тигр. Харичкин и Ларичкин испуганно забились под стул. Тигр величиной с быка прыгнул на огромный диван, и был этот тигр любимой кошкой Филинова. Ужасный гром шатнул комнату — это засмеялся Филинов. Он нашёл Харичкина и Ларичкина, которые спрятались под стул, и бережно посадил их на письменный стол.

А величиной они были уже с булавку. И посадил их профессор Филинов на пластинку цезия. Харичкин и Ларичкин помнили, что была эта пластинка гладенькая, полированная. Но сейчас она казалась бугристой, как вспаханное поле. Ходить было трудно — того и гляди упадёшь. Над их головами покачивались золотистые колосья — волосы бороды Филинова — и гремел гром, с

каждым разом тише: уши Харичкина и Ларичкина уже отказывались воспринимать такие звуковые колебания. Испуг и страх охватили молодых учёных: от одного выдоха Филинова они могли упасть в чернильницу и утонуть в ней, как в Чёрном море. Харичкин и Ларичкин уселись на пластинку и уцепились за бугры. А предметы всё увеличивались. Потолок и пол отошли куда-то в бесконечность. Чернильница также удалялась и вырастала, как Эльбрус. Скоро обычный свет исчез из поля зрения неожиданных путешественников, и они видели перед собой только гористые края цезиевой пластинки. Горы росли на их глазах. Поднимались всё выше и выше. В атмосфере появились летающие небесные тела. Одни из них проносились, другие плавно опускались на поверхность.

— Это пылинки. Да, это, видимо, пылинки, которыми наполнен воздух комнаты, — догадался Харичкин.

Одна из пылинок упала на Ларичкина, и он еле выбрался из-под неё, как из-под лавины. В «небе» летали огромные шары — молекулы воды.

К счастью, скоро все «небесные тела» вдруг полетели в одном направлении — видимо, кто-то открыл дверь и по комнате прошла волна

воздуха.

Скалы росли. И, к удивлению учёных, они становились всё ноздреватее, пористее. Везде обнаруживались огромные пещеры, тоннели, ущелья, пропасти, каньоны. Они раздвигались, становились всё более огромными по размерам.

И скоро Харичкин и Ларичкин могли уже проходить по всем тоннелям в любом направлении, проходить сквозь вещество цезия.

Плотная пластинка цезия словно распалась на свои составные части, оставляя между ними свободные проходы.

Но на этом не кончилось превращение мира. Харичкин и Ларичкин, чтобы лучше видеть, поднялись на вершину огромного «материка» с необычайно пористым строением. Прошло немного времени — и новое чудо.

Учёные заметили, что отдельные куски не касаются друг друга. Тот мир, в котором они сейчас находились, напоминал собой остатки разбитой на куски планеты. И все эти обломки двигались. А между ними было пустое пространство. Обломок, на котором находились Харичкин и Ларичкин, рос неимоверно быстро. Он и сам превращался в настоящую «планету». Её размеры исчезали за горизонтом. Иногда эта планета приближалась к

другой настолько, что можно было перепрыгнуть с неё на другую планету, иногда же уносилась далеко. Планеты опускались, поднимались, блуждали по небу во всех направлениях. Расстояние между ними всё увеличивалось. Планета, на которой были Харичкин и Ларичкин, вырастала, а все другие словно бы уменьшались — удалялись в межпланетное пространство. Скоро они уже казались далёкими тёмными массами.

— Мы находимся сейчас на молекуле цезия, — сказал Ларичкин. — Хорошо, что это не молекула газа. На ней мы ощутили бы подлинное броуновское движение частиц — танец молекул — и, видимо, болели бы морской болезнью.

— До определённого времени, — возразил Харичкин. — Когда мы стали бы неизмеримо меньшими, чем молекула, мы не заметили бы этого танца, как не замечаем движения Земли.

— Ловко же подшутил над нами Филинов!

— И до каких же размеров мы будем уменьшаться? Сколько времени прошло с тех пор, как мы оставили обычный мир?

— У нас теперь своё время. На часах Филинова прошло, возможно, лишь несколько секунд, а в этом мире они равняются миллионам лет. Ведь сколько «геологических переворотов» уже совер-

шилось на наших глазах! Однако я попытаюсь подсчитать.

Ларичкин вынул из кармана записную книжку, которая ему казалась ничуть не меньше обычного размера, и, сев на выступ, начал высчитывать. Испуганный голос Харичкина прервал его занятия.

— Я удаляюсь от вас! — кричал Харичкин, сидя на своём астероиде.

Ларичкин, выронив записную книжку, совершил гигантский прыжок и успел уцепиться за полу пиджака своего друга.

— Нам надо держаться вместе. Не хватает ещё, чтобы мы разлетелись в разные стороны, — сказал он.

А перед их глазами совершались катастрофически быстрые изменения. Расстояния всё время увеличивались, объёмы тел возрастали — всех тел, кроме тел Харичкина и Ларичкина. С «планетой», на которой они «приземлились», совершались удивительные перемены. Она также стала распадаться на большое число обособленных тел и телец, и все они находились в движении. Харичкин и Ларичкин очутились на небольшом шаре, который нёсся с необычайной быстротой. В центре этого шара на огромном

расстоянии виднелась великая планета, или «солнце», вокруг которого и носились без конца по кругу наши путешественники. Кроме их планеты, вокруг центрального «светила» летала тьма других точно таких же планеток. Солнечные системы с центральным светилом и «спутниками» виднелись всюду. Всё пространство, куда ни бросишь взор, превратилось в причудливый узор летающих по кругу планеток. Это было зрелище чрезвычайное. Везде кольца, переплетающиеся одно с другим… Быстрота спутников была такой, что их орбиты казались тёмными сплошными кольцами — вроде кольца Сатурна.

Диаметр этих кругов постоянно рос, расстояния между «солнечными системами» увеличивались. Планета, на которой летели Харичкин и Ларичкин, тоже росла. Она уже приобрела размеры такого шара, что Ларичкин и Харичкин могли путешествовать по её поверхности. Центральное «солнце» и другие солнечные системы были далеко. На этой же планете, как и на Земле, действовала центростремительная сила. Харичкину и Ларичкину не угрожала опасность упасть с планеты и потерять друг друга. И они осмелились разойтись. Один стал на «северном», второй — на «южном» полюсах. Они могли перекликаться,

но не видели друг друга из-за кривизны поверхности. А вскоре перестали и слышать, так как планета ещё более разбухла и расстояние между полюсами удлинилось. Они снова сошлись на «экваторе».

— Ну, что вы на это скажете? — спросил Харичкин.

— То, что мы попали в мир атомов. Наша молекула рассыпалась на атомы, из которых она состояла. Мы пребываем на электроне — «спутнике» нашего центрального «солнца» — протона. Нас окружает «звёздный мир» иных солнечных систем, иных атомов. И все вместе они составляют нашу «галактическую систему». Далее тянутся неизмеримые просторы «межзвёздных пустынь», а вон там маячит новое скопление «звёзд» — иная «галактика», представляющая скопление атомов иной молекулы. Совокупность их составляет «метагалактику» — это атомы всей нашей пластинки. По числу спутников-электронов можно определить, что это атомы цезия.

— А что далее? — спросил Харичкин. — За «метагалактикой»?

— Далее, наверное, конец «мира цезия» и начало иных бесконечных миров…

Харичкин сел на землю и ударил по электрону

рукой.

— Обратите внимание, — сказал он Ларичкину, — моя рука проходит сквозь поверхность, как сквозь газ. И если мы не провалились в центр, то, стало быть, нас держит какое-то поверхностное натяжение. Мне это всё же не нравится. Я придерживаюсь научной гипотезы, что электроны вовсе не частицы, а лишь волны электрического происхождения.

— Ну что ж, вероятно, нам посчастливилось видеть, так сказать, в проекции «сгусток» этой волны, — успокаивающе ответил Ларичкин, которому вовсе не хотелось начинать научный спор в такой необычайной обстановке.

Однако Харичкин не сдавался:

— То есть как так: проекция сгустка волны? Это неопределённо и ненаучно.

Препирательство готово было вспыхнуть, однако внимание путешественников было отвлечено новым событием. Сквозь их «атмосферу» неожиданно пронеслось тело почти такой же величины, как и их планета.

— А это что такое? — испуганно спросил Харичкин.

— Свободный электрон, по всей видимости, — ответил Ларичкин.

Таких свободных электронов было довольно много. Они пересекали пространство между солнечными системами во всех направлениях, иногда пересекая орбиты «спутников», иногда сталкиваясь с ними. В этом случае спутник соскакивал с орбиты и летел в сторону, сам превращаясь в свободный электрон.

Харичкин произвёл ещё одно интересное наблюдение. «Свободные» электроны не были совершенно свободными в своём полёте: они не уносились за пределы этого необычайного мира.

— Они просто летают в пределах цезиевой пластинки.

— И ещё одно, — дополнил Ларичкин. — Обратите внимание на полёт наших «планет» и «комет» — свободных электронов. Мы находимся на вершине нашей сверхгалактики и видим, как небесные тела поднимаются вверх и дуговым полётом возвращаются в недра системы. Выше определённой границы они не взлетают. Что это означает? Что свободные и несвободные электроны взлетают над поверхностью цезиевой пластинки.

— Однако как же всё-таки волновая теория… — не успокаивался Харичкин.

Мир атомов словно достиг своей границы и

уже не увеличивался. Но вдруг — новое ужасное событие. Путешественники увидели, как с «неба» к их миру летят светящиеся массы. Они в одно мгновение преодолели «небесные» пространства и обрушились на солнечную «систему» настоящим огненным дождём. И каждая «капелька» напоминала пылающее солнце. Путешественники перепугались. Что, если одно из таких «солнц» упадёт им на головы и совершенно испепелит их?

— Я понял, что это такое! — вскричал Харичкин.

— Я тоже! — подхватил Ларичкин. — Это просто луч света. Да, Филинов осветил цезиевую пластинку сильным лучом света, и мы видим «световые кванты» — потоки света, беспрерывно летящие в наш мир.

— Не совсем беспрерывно, — поправил Харичкин. — Мы видим отдельные раскалённые ядра, которые пробивают наш мир в одном и том же направлении. Беспрерывным же огненный поток кажется только вследствие быстрого движения световых квант.

— Смотрите! Одно из «солнц» столкнулось с «планетой», и она улетела в пространство.

— Мы видим, — сказал Харичкин, подымая

палец, — так называемый фотоэффект. Под влиянием света электроны приобретают дополнительный запас энергии и летят с такой скоростью, что вовсе уносятся из нашего цезиевого мира.

— Иначе говоря, солнечные «бомбы» вышибают электроны из цезиевой пластинки.

— Точно так же они вырывали бы электроны и из всякого иного вещества.

— Конечно. Ведь электроны — принадлежность всякого вещества, составная его часть.

Таким образом, мы являемся свидетелями того, что было открыто учёными ещё в конце прошлого столетия: при освещении поверхности некоторых металлов световыми волнами определённой длины эти металлы испускают электроны.

Световой поток прекратился так же неожиданно, как и начался. И сразу же после этого события потекли в обратном порядке. Все масштабы начали уменьшаться. «Планета» Харичкина и Ларичкина сжималась на глазах, становясь всё меньше. Она уже не летела вокруг огромного протона по орбите, а приближалась к нему по спирали. Уменьшался и сам протон. «Солнечные системы» сближались до тех пор, пока не слились в одну молекулу. Росли и приближались

одна к другой суетливые молекулы. Вот они все объединились и стали подобны огромной долине с горными складками. Горы быстро сужались, словно таяли, и скоро Харичкин и Ларичкин увидели, что они стоят на пластинке цезия возле большой, как цистерна, чернильницы.

На этом их приключения не окончились. К ним приблизилась, поблёскивая, выпуклая поверхность. Это была лупа профессора Филинова. Но и сквозь лупу старый учёный ещё не мог разглядеть своих учеников. Пришлось немного «подрастить» их. Потом Филинов взял тоненький пинцет, подхватил Харичкина и Ларичкина и бросил их в пустоту. Видимо, он снова уменьшил их, ибо Харичкин и Ларичкин долго летели в мировом пространстве, прежде чем упали на вершину горы. Нет, они не разбились. Ведь они были легче пушинок. Встали, осмотрелись вокруг. На сей раз они очутились в новом мире.

«Земля», на которой они пребывали, не была ограничена горизонтом. Края «земли» полого поднимались ввысь и переходили в «небесную сферу» того же цвета, что и «земля».

— Не находимся ли мы в мире четвёртого измерения? — спросил Харичкин.

— Какое там четвёртое измерение! — возразил

Ларичкин. — Просто мы стоим на внутренней поверхности шарообразного тела. Смотрите, в центре этого шара имеется огромное кольцо, укреплённое на стержне, воткнутом в «землю», а на «небе», напротив нас, туманно мерцает какое-то светило. Оно занимает почти четверть всего небосклона.

— Послушайте! — воскликнул Ларичкин. — Да ведь это же середина стеклянного баллона фотоэлемента! Я сковырнул слой «земли», и что-то заблестело. Это, по-видимому, слой серебра. На него нанесён слой цезия. Следовательно, мы стоим на катоде фотоэлемента, а кольцо в середине нашей «вселенной» — анод. Круглое отверстие в лампе, как великан-иллюминатор в иной мир, светит туманно: фотоэлемент, очевидно, уже включён в батарею, однако струи тока и света ещё малы и фотоэлемент не действует.

— Мы, кажется, снова уменьшились, — сказал Харичкин.

— Видите, как увеличились «горы» на нашей «земле», а в небе мы вновь видим то, чего не замечали ранее, — тьму-тьмущую «небесных тел», которые движутся во всех направлениях. Это уже не пылинки, это молекулы газа.

— Интересно бы попутешествовать на такой

планете, — мечтает Ларичкин. — Маленькая планетка — газовая молекула — приближается к поверхности «земли». Летит она с величайшей скоростью, но путешественникам кажется, что движется она плавно, — ведь они сами микроскопические существа.

— Прыгаем! Гоп! Готово!.. — Харичкин и Ларичкин улетают в пространство.

— Межпланетное путешествие началось, — говорит Ларичкин. — Ну и танец вокруг нас! Представить только, что весь мир пребывает в таком непрерывном движении! Ничто не стоит на месте, «даже то, что стоит». Внутри могильного камня и в угрюмой скале, в перочинном ножике и в потонувшем якоре неугомонно топчутся, суетятся, прыгают молекулы. В твёрдых телах — плавнее, в газообразных — быстрее, и чем выше температура, тем живее танец.

Ларичкин и Харичкин пересекают «межпланетное пространство» там и сям. Их молекула то с невиданной быстротой падает вниз, то летит вверх, ударяется о «небо», затем — снова вниз, в сторону, сталкивается с другой «планеткой» резко отскакивает от неё, — держись, не упади!

Во время этого странствия путешественники имели возможность изучать «небесные тела» из-

нутри. Одни молекулы несли на себе позитивные заряды электричества, другие — негативные, а у многих были и те и другие. Это были «нейтральные» молекулы газа.

Неожиданно гигантский иллюминатор, занимавший почти четверть сферы, ослепительно вспыхнул. Теперь он казался подобным настоящему солнцу. Это Филинов направил в отверстие фотоэлемента луч света. Массы света вырвались из отверстия, пронеслись сквозь «межпланетный простор» и стали падать метеоритами на противоположную стенку. Здесь-то и началось забавное.

Огненные бомбы упали на долины и горы, а над долинами и горами встревоженно засуетились, словно ожидая беды, электроны. Световые снаряды начали вышибать эти электроны — отрывать их от поверхности, и электроны полетели в межпланетный простор, на центральное кольцо — анод. По дороге они сталкивались с «нейтральными» газовыми молекулами и вышибали из них электроны.

Поток этих электронов направлялся к центру вселенной — к кольцу. Это и был ток. Фотоэлемент начал действовать. Колоссальный межпланетный простор, разделявший анод и катод, был

побеждён. Под влиянием света «пропасть» словно бы исчезла. Электроны — негативно заряженные частички электричества — летели к позитивному полюсу.

Но на этом дело не кончилось. «Нейтральные» планетки — газовые молекулы, — утратив электрон, становились «позитивным ионом». Такая молекула имеет уже только одного спутника — позитивный заряд. Её стала неудержимо притягивать «земля» цезия, заряженная отрицательным электричеством. И позитивные ионы начали падать на «землю». Можно было подумать, что случилась космическая катастрофа. Дождь позитивных электронов падал на «землю», выбивал с каждым разом новые и новые электроны. Они взмывали с поверхности, мчались в межпланетный простор на центральное кольцо и падали. Иные из них сталкивались на пути с нейтральными молекулами, вышибали из них электроны, которые тотчас же падали на «землю». И поток «метеоритов», который срывался с «земли» и летел к «центру вселенной», рос, как лавина, — происходило то, что называется увеличением силы тока.

Филинов, видимо, ещё увеличил напряжение в цепи тока, к которой был присоединён фото-

элемент, и газовые молекулы вдруг засветились. Теперь каждая из них стала похожа на луну, а все вместе они представляли чрезвычайно красивое зрелище — тысячи, миллионы лун, которые непрестанно движутся.

— Свечение газа? — воскликнул Ларичкин, который не забывал о «земных» именах явлений, совершавшихся в этом мире. Солнце-иллюминатор то разгоралось, то тускнело. Филинов регулировал силу света. И когда «иллюминатор» светил сильнее, поток электронов от поверхности к центру шара увеличивался, если же «иллюминатор» тускнел, уменьшалось и течение электронов, — иначе говоря, падала сила тока. То, что учёный определяет лишь воображением, расчётами, данными приборов для наблюдения, Харичкин и Ларичкин видели собственными глазами. Они могли наблюдать, как малейшее увеличение или уменьшение света увеличивало или уменьшало количество электронов, падающих на центральное кольцо, — то есть силу тока.

Харичкин и Ларичкин были очарованы невиданным зрелищем. Они даже забыли об опасности и вдруг с ужасом увидели, что на их планетку-молекулу падает небесное тело. Не успели они вскрикнуть с испуга, как произошло столкнове-

ние и они потеряли сознание. А когда пришли в себя, то увидели, что лежат на диване возле кошки профессора Филинова, которая имела обычные размеры, как и всё вокруг.

— Ну вот, — молвил Филинов, — вы и побывали в мире микрокосма и теперь, наверное, много лучше усвоили все процессы, какие совершаются в фотоэлементе. Свет может рождать электрический ток, — это вы знали и раньше. Теперь вы видели, как он рождается.

Фотоэлемент! Это новое могучее оружие человека. Рождённый или усиленный светом ток может привести в движение механизм. Свет может открывать и закрывать двери, предупреждать о пожарах, останавливать поезда, автомобили, приводить в движение огромные машины. Свет звезды, расположенной на расстоянии сотен миллионов километров от Земли, может включать электроосвещение, выполнять любое задание; фотоэлемент может сортировать сигары и считать выработку на конвейере; фотоэлемент вошёл в промышленность, он скоро войдёт и в быт. Фотоэлемент открывает перед изобретателями неограниченные возможности во всех областях. Наши фотоэлементы всё ещё слабы как самостоятельные источники энергии,

но уже скоро придёт то время, когда мы научимся добывать непосредственно из солнца электроэнергию «промышленного значения». Крыша кузова автомобиля будет фотоэлементом, и автомобиль будет двигаться солнечной энергией, превращённой в ток. Крыши домов будут собирать свет днём, чтобы расходовать его ночью. Полярное лето даст столько фотоэлектроэнергии, что её достанет на всю долгую полярную ночь. И ночь перестанет быть ночью.

— Вы забыли упомянуть об одном важном применении фотоэлементов — в телевидении, — сказал Харичкин.

Ларичкин толкнул его в бок, однако было уже поздно. Филинов оживился и заговорил:

— Да, в телевидении. Сейчас я вам поясню, какую роль играет фотоэлемент в телевидении.

— Мы знаем, — ответил Ларичкин.

— Знаете? — налетел на него Филинов. — А я, грешный, не до конца знаю. И хочу понять, объясняя вам.

Это был его метод: «изучать, обучая». О Филинове рассказывали, будто бы он однажды жаловался: «Какие тупые у меня ученики! Раз объяснишь — не понимают, два объяснишь — не понимают. Наконец, сам начинаешь понимать, а

они всё ещё не понимают». И он любил объяснять «давно известное», уверяя, что в этих объяснениях всегда и сам себе уясняешь что-нибудь такое, что казалось непонятным и что неожиданно поймёшь глубже и лучше.

— Я знаю, — сердился Филинов, — так могут говорить только ребятишки вроде вас. Кое-что мы, конечно, знаем, однако в области радио, как и в иных областях, нам ещё многое не известно. Разве нам известны полностью особенности слоя Хевисайда? Разве мы в состоянии объяснить, почему радиопередатчик плохой домашней малосильной радиостанции достигает иногда такого дальнего приёма и передачи, каких не всегда достигнешь на мощных станциях? Мы часто блуждаем в потёмках. Если бы мы уже «всё знали», это было бы ужасно. Молодёжи на долю осталась бы одна зубрёжка. К счастью, для пытливого, изобретательного ума остаётся непочатый край работы. И для вас в том числе, мои седоватые ученики и помощники! — добавил он задиристо. — Тот, кто больше всех знает, скромнее всех.

Кстати, о фотоэлементах и телевидении. Без фотоэлементов, конечно, невозможно было бы и телевидение. Оно и сейчас ещё несовершенно. И потому, прежде чем идти вперёд, «повторим

пройденное». Я скажу только о принципах.

Ларичкин вздохнул с облегчением.

— Из вашего «путешествия» мы узнали, что свет можно превратить в электрический ток. И наоборот: люди научились электрический ток преобразовывать в свет. На этих двух фактах и зиждется всё телевидение. Вот пучок света определённой яркости. Я пропускаю его в фотоэлемент. Свет возбуждает ток соответствующей силы. Я передаю этот ток по проводам или без проводов. В месте приёма я превращаю электрический ток вновь в свет. И на экране приёмного аппарата появляется световое пятно точь-в-точь такое же, как если бы луч света от своего источника падал непосредственно на наш экран, не подвергаясь преобразованию и передаче…

— Не точь-в-точь, — поправил Ларичкин. Он был зол на эту лекцию о вещах, давно известных. — Луч света кое-что теряет в силе. Кроме того…

— Ну, конечно, — согласился Филинов, — при всякой передаче энергии приходится иметь дело с потерями. И наша цель — свести их к минимуму. Но вы не перебивайте меня. Ведь я поставил задачу уяснить себе… то есть вам, основное. — И он продолжал: — Таким образом, луч света может

быть передан в другое место с помощью электричества. Казалось бы, что и передача изображений по радио нетрудна. Поставь человека лицом к фотоэлементу, освети посильнее лицо, и свет, отражённый от обличья, попадёт в фотоэлемент, возбудит ток, ток поступит в иное место, там он превратится в свет — и вот перед вами на экране изображение человека. А на самом деле что мы имеем? Не изображение лица, а световое пятно, не более. Почему? Уже и на этот, казалось бы, простой вопрос не так легко ответить. Тут нам придётся подумать о том, как мы вообще видим, как устроено наше зрение.

Почему мы видим? И при каких условиях? Мы видим предметы только потому, что на них есть светотени. Во тьме всё укрыто абсолютной «тенью», всё черно, и мы не видим. Однако и при ярком свете мы также ничего не видели бы, если бы исчезли тени. Всё ослепительно блестело бы, слепило бы глаза. И только. Иногда неопытные фотографы усаживают фотографируемого против сильного источника света. Тени почти исчезают, и на карточке вместо лица получается «блин». Черты лица почти невозможно различить. А света ведь было больше, чем надо! Если бы у нас, как и на Луне, не было атмосферы, то все

предметы, стоящие в тени, абсолютно исчезли бы из поля нашего зрения, а предмет, освещённый наполовину, казался бы нам разрезанной надвое фотографией. Наше зрение приспособлено к земным условиям, где благодаря атмосфере мы располагаем неисчислимым множеством теней и полутеней. Возьмём лицо человека, освещённое сбоку. Мы видим это лицо. Однако в действительности мы видим огромное количество различно освещённых точек — и не потому только, что точки освещены неравномерно, а ещё и потому, что лицо неодинаково поглощает и отражает лучи света.

Луч, упавший на чёрную, словно сажей нарисованную бровь, почти целиком поглощается, а бледная щека отразит свет полностью. Но и на этой щеке будет немало отдельных точек, которые неодинаково отразят свет. Каждая точка лица посылает в наш глаз отдельный луч, и лучи эти разной силы. Кое-какие точки и совсем не посылают лучей. Все лучи сходятся в нашем глазном «объективе» — зрачке, а затем, преломившись, вновь расходятся, — точь-в-точь как в объективе фотоаппарата! Но отображение возникает не на «матовой пластинке», а на глазной сетчатке. Последняя состоит из огромного числа

отдельных колбочек, и каждая колбочка имеет свой «провод» — нерв, передающий изображение в мозг. Посмотрите в микроскоп на глаз мухи. Там это отчётливее видно. Глаз мухи подобен сотам. Это не один, а сотни шестигранных глазков. И на каждый из них попадает лишь один луч — сильный или слабый. Наша сетчатка представляет собой нечто вроде доски для мозаики с готовыми ямочками, в которые можно вставлять камешки первого попавшегося цвета. Совокупность этих «разноцветных», вернее разносветных, камешков и создаёт общую картину, будь это лицо или какой-либо иной предмет.

А фотоэлемент не имеет «сетчатки». Фотоэлемент — это только одна колбочка нашей сетчатки, это только одна ячейка глаза мухи. Если бы муха могла закрыть все ячейки своего глаза, кроме одной, то в эту ячейку попадала бы или одна световая точка, или среднее арифметическое всех лучей. И муха видела бы лишь одно пятно. Вот такое же среднее арифметическое всех лучей получает и фотоэлемент от освещённого лица человека. И отражает он только одно пятно.

Но как же в таком случае передать изображение лица? Человеческий глаз не переделаешь, а фотоэлемент, если на него падают все лучи,

отражённые лицом человека, может передавать только световое пятно. Невозможно! Но отдельные точки на лице, резко освещённые, передать можно. Если прикрыть освещённое лицо экраном и в экране сделать небольшую дырочку, которая, скажем, пропускает световой луч только от одной точки лица, то этот луч, не смешиваясь с другими, попадает на фотоэлемент и вызывает соответствующий ток, который можно передать и вновь превратить в точку света. Если мы эту дырочку в экране поместим против ярко освещённой точки на носу, то яркий луч вызовет и ток соответствующей силы, а значит, и на принимающем экране вспыхнет более яркая точка. Если же дырочка окажется против затенённой точки лица, то и на экране она отразится более тёмным пятном.

Таким образом, можно передавать для нашего мозаичного портрета только отдельные «камешки» разной окраски. При этом на нашей мозаике эти «камешки» расположатся в том же пространственном соотношении, в каком они находились на лице. Однако как же сделать законченный мозаичный портрет? Ведь мы имеем возможность «пересылать» за один раз только один «камешек». Допустим, переслали чёрный — брови — и

надо послать белый «камешек» — лоб. Но едва мы переместим дырочку экрана с бровей на лоб, чёрный «камешек» исчезнет, и мы не получим мозаичного портрета. Так оно и было бы, если бы на помощь не пришла одна особенность нашего зрения. С экрана чёрный «камешек» исчезает, но в нашем глазу он ещё живёт и держится некоторое время. Наше зрение способно сохранять увиденное в течение приблизительно седьмой доли секунды после того, как предмет исчез из поля зрения. Таким образом, мы ещё будем видеть чёрный «камешек» на экране в то время, когда на нём появился в ином месте белый. И не только эти два. Если за одну седьмую секунды мы успели бы переслать один за другим сотни и даже тысячи «камешков», то на экране мы видели бы их одновременно все. Само собой разумеется, что чем меньшее количество «камешков» будет уложено в нашу мозаику, тем «грубее» будет портрет. Задача, выходит, в том, чтобы за самое краткое время передать возможно больше «камешков» — точек света. Эта задача была решена диском Нипкова. В этом диске дырочки размещены по спирали. Каждая точка лица посылает луч света через определённую дырочку диска. И все точки одновременно создают полный «портрет» — изоб-

ражение лица, которое во время передачи может даже двигаться, смеяться, и все эти движения будут повторены на экране.

Так была решена проблема телевидения.

Однако решение всё же было неполным. Я уже говорил, что чем больше «камешков» в нашей мозаике, тем полнее и выразительнее изображение. Но мы ограничены временем. И если мы за короткое время будем передавать слишком много «камешков», то каждый из них просуществует очень короткое время. Чем больше «камешков», тем меньше времени «горит» на экране точка света, тем слабее работает фотоэлемент, тем меньше света передаётся на экран, и изображение выходит тусклым. Надо было искать выход в иной конструкции фотоэлемента, а верный путь поисков мог быть лишь один — попробовать создать фотоэлемент, приближающийся своим устройством к человеческому глазу с его «мозаикой» светочувствительной сетчатки.

Такой фотоэлемент и был создан. В нём имеется передающая трубка, на ней светочувствительная мозаика, по которой и скользит катодный луч. Каждый элемент, каждая ячейка этой мозаики является как бы особым фотоэлементом микроскопического размера подобно колбочке нашего

глаза. Каждый элемент получает заряд от светового луча. Этот заряд посылается ламповым усилителем. Каждое очко нового фотоэлемента состоит из маленького серебряного шарика покрытого слоем цезия, для фоточувствительности. Чего же мы достигли? Изображение стало выразительным, более ясным и освещённым. Появилась возможность увеличения экранов.

Решается ли этим до конца проблема идеального видения на расстоянии? Понятно, что не решается. Чудесное око телевизора ещё уступает чудеснейшему оку человека. Задача в том, чтобы на экране телевизора мы видели не хуже, чем на экране кино. Но и кино ещё не сказало своего последнего слова. Почему бы не достичь цветных изображений, идеально передающих натуру, почему бы не решить проблему стереоскопичности изображения? Одним словом, экран телевизора призван дать и даст идеальные копии действительности. Изображение на экране достигает полной иллюзии. Человек забывает, что он видит изображение на плоском экране, а не «открытое окно в мир». Телевидение соединяется со звуковой радиопередачей. Человек и видит и слышит, что делается в ином месте. Человек создаёт себе телеглаз и телеухо. Перед ним открыт целый

мир, и он становится поистине хозяином мира. Его горизонты расширяются до беспредельности. Его познание мира увеличивается. Он сам становится новым человеком в сравнении со своими предками — человеком-великаном. Предки ведь слышали только на расстоянии, доступном уху, и видели только невооружённым глазом.

Да, сам человек претерпит чудесное превращение, поднимется на высшую ступень, приобретёт «божественные» свойства всевидения и всеслышания.

Вечная слава тем, кто трудился над созданием этих новых орудий человеческого познания мира — «сверхушей» и «чудесного ока»!"

— Ну что? Как? — спросил Миша, закончив чтение.

Гинзбург пошевелил губами.

— Ничего, интересно. Кое-что ты не понял, кое-что неточно осветил. А в целом интересно. Про кошку-тигра, это у тебя хорошо вышло.

Миша был немного разочарован. Кошка — это так, для юмора, а вот какие научные неточности? Но Гинзбург спешил.

— Добирайся сам! Изучишь поглубже, сам исправишь. Тогда прочтёшь мне ещё раз.

— Но ведь ты скоро едешь!

Гинзбург широким жестом показал на экран, репродуктор и театрально продекламировал:

— Разлуки больше нет. Мы будем видеться и говорить вот как сейчас.

Наконец наступил и день отъезда экспедиции. Гинзбург тепло простился с Мишей.

— До свидания и, надеюсь, до скорого, — сказал он. — Ты увидишь меня на экране, как только я прилечу в Мурманск и войду в радиорубку. На нашем траулере я расставлю телевизоры так, что ты сможешь видеть почти всё и на пароходе и вокруг. Мы не зря поработали с твоим отцом!

Миша крепко пожал руку Гинзбургу, и они расстались.

Инженер Борин вышел проводить гостя.

Когда Миша остался один, он посмотрел на белый экран размером в квадратный метр, как на страницу книги, где скоро появится текст увлекательного романа.

МИША БОРИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ТЕЛЕЭКСПЕДИЦИЮ

Вечером того же дня Миша услышал из репродуктора голос Гинзбурга:

— Алло, Миша! Лечу над Петрозаводском. Над Петрозаводским аэродромом маяк в два миллиона свечей. Болтанка. Ночной полёт над Карелией. Аэромаяки указывают направление полёта… Только что возвратился из салон-ресторана. Ел вкусную рыбу — лососину. За ужином — концерт из Мадрида. Скоро ложусь спать. Доброй ночи! Утром, надеюсь, увидимся.

Голос смолк. Вошёл отец.

— Кто с тобой говорил? — спросил он.

— Мотя, — ответил Миша и вздохнул.

Этой ночью он спал тревожно. Ему снился полёт над Карелией. Самолёт упал в дремучем лесу. Сбежались медведи и стали прыгать возле разбитой машины. Миша отгонял их горящей головнёй. Потом он вновь летел, и вновь самолёт падал. Миша выбросился с парашютом и сломал ногу. Нога заныла. Он застонал и проснулся. Окна кабинета были плотно закрыты, светила лампа, и нельзя было определить, утро сейчас или ночь. Пришла санитарка, умыла Мишу и дала горячего чая. Был девятый час утра. Вдруг Миша снова услышал голос Гинзбурга:

— Алло, Миша! Погаси свет.

Миша забыл о чае и щёлкнул выключателем. Экран ожил. Гинзбург, улыбаясь, стоял на палубе

траулера и кивал головой. За Гинзбургом виднелись шлюпка и возле порта — стрела и лебёдка для поднятия трала. Миша уже знал, что этой лебёдкой будут поднимать подводный телевизор. За бортом виднелись тёмные воды Кольского залива.

Гинзбург сделал знак рукой, и экран потемнел. Через несколько минут Миша снова услышал голос Гинзбурга:

— Микрофоны ещё не установлены на палубе. Скоро ты увидишь и услышишь меня. Через час двинемся в море.

Так экран телевизора превратился для Миши в подлинный увлекательный роман. Недостатком этой книги являлось то, что Миша не мог сам перевёртывать прочитанные страницы. Однако Гинзбург утешал его тем, что, как только траулер придёт на место, начнётся беспрерывная передача всего, что будет происходить.

Страницы перевёртывались одна за другой. Миша видел, как «Серго» вышел в открытое море и закачался на седых волнах, как быстроходный «Персей» догнал траулер «Серго» и пошёл вперёд... Прошли шхеры Финляндии, мыс Нордкап, Лофотенские острова, берега Норвегии, Швеции.

Дни шли за днями, и на экране телевизора по-

явилась новая картина — Ленинградский порт. Большой теплоход поднимал якори и уходил в плавание. Все три корабля должны были встретиться в Атлантическом океане.

Николай Петрович Борин установил двустороннюю радиосвязь со всеми тремя пароходами. Миша мог теперь по нескольку раз в день говорить со своим другом Мотей. Познакомился с капитаном Маковским, ещё молодым человеком, со смуглым Азоресом, который также отправился в путешествие, и, наконец, с водолазом Протчевым. Протчев заинтересовал Мишу. Если у капитана Маковского было типичное лицо англичанина, то бритое лицо Протчева обладало явно монгольскими чертами. Его можно было принять за монгола или китайца. Однажды Миша спросил у Протчева, почему он похож на китайца, и тот ответил, что он родился во Владивостоке. Мать его монголка.

Протчев вырос на берегах океана и с детства полюбил водолазное дело. Теперь это был человек лет под сорок, очень крепкий. Круглая голова, широченная грудь, по-морскому широко расставленные ноги, тяжёлые кулаки. Он называл себя ныряльщиком по призванию. Ещё юношей он «ставил рекорды» длительного пребывания

под водой без водолазного костюма. Протчев уже опускался на дно пяти советских морей и теперь с нетерпением ожидал, когда можно будет посмотреть, что творится на дне Атлантического океана.

Во время плавания экран загорался не очень часто. Миша видел то палубу «Персея», то капитанскую рубку «Серго», то каюту большого теплохода.

Корабли держали курс на двадцать градусов западной долготы и тридцать семь градусов северной широты, — именно здесь, на великом океанском пути из Буэнос-Айреса в Лондон и Гамбург, погиб «Левиафан». Москва давно уже сияла электрическими огнями, а на экране телевизора лицо Маковского с английским профилем всё ещё было залито вечерним солнцем. А какие тона! Этот золотистый свет солнца, синь океана, жёлтые с чёрными полосами трубы парохода, белые рубахи моряков — какая чёткость! Да, это лучше, чем на экране кино.

Капитаны трёх кораблей докладывали Барковскому. Погода благоприятствовала экспедиции. Океан был спокоен. Миша сам мог, наблюдать ритмичное колыхание водной поверхности, и ему иногда казалось, что он вдыхает «аромат

океана». Но, возможно, этот аромат приносил эпроновец Кириллов, если только аромат крепкого «кепстена»[14] мог напоминать запах моря.

Иногда на краю экрана виднелись пароходы с иноземными флагами. Их немало проходило по великому пути между Европой и Америкой. Советская флотилия из трёх судов не могла, конечно, не привлечь внимания. Но так как советские суда в это время часто пересекали океан, то разговоры о флотилии велись пока что лишь среди команд иностранных судов. Ещё несколько дней, и флотилия придёт на место.

В АТЛАНТИКЕ

Маковский сидел в капитанской каюте, склонившись над картой.

— Так, — сказал он и поставил карандашом точку на скрещении двадцать девятого градуса западной долготы и тридцать седьмого северной широты.

— Прибыли? — спросил Азорес, выпуская изо рта густые клубы дыма манильской сигары.

— Как будто бы, — ответил капитан. — Место

---

14 Примечания: 14
Сорт табака.

гибели «Левиафана» обозначено довольно точно. Нам, видимо, придётся зондировать дно на площади около четверти квадратной мили, не более. Необходимо сообщить штабу, что мы прибыли на место. — Маковский протянул руку к телефону.

— Постой, — остановил его Азорес, — я сам пройду в радиорубку.

Миша Борин перечитывал историю ледовых походов.

— Алло! — услышал он голос Азореса. — Кто дежурит в штабе?

Миша привскочил на постели. Он уже мог сидеть, но ходить ему ещё не позволяли.

— Я. Миша. Это вы, Азорес? Что нового? Вы прибыли на место?

— Да. Передай об этом по телефону отцу и товарищу Барковскому. Капитан Маковский ждёт распоряжений штаба.

— Сейчас! — услышал Азорес взволнованный голос Миши и усмехнулся. Азорес знал, с каким нетерпением любознательный подросток ожидал, когда флотилия прибудет на место. Пока Миша звонил по телефону членам штаба, Азорес возвратился в каюту капитана и сказал:

— Мне не совсем понятно одно: ты, Маковский, говоришь, что место гибели «Левиафана» извест-

но довольно точно; глубины Атлантического океана тоже точно известны, почему же наши учёные и техники, проектируя подводный телевизор, рассчитывали на глубину около тысячи метров? Возможно, такая глубина и не нужна.

— Да. Глубины Атлантического океана достаточно известны, — ответил Маковский. — Промерами океанских глубин установлено наличие величайшего подводного плоскогорья, которое начинается южнее Британских островов, тянется на запад вдоль африканского побережья и под углом подходит к Южной Америке. Однако это подводное плоскогорье отнюдь не плоское. В 1898 году прокладывали телеграфную линию из Европы в Северную Америку. За девятьсот километров на север от Азорских островов кабель оборвался и упал на дно. Чтобы поднять конец, пришлось несколько дней искать его по дну стальными кошками. И вот тогда и выяснилось, что дно в этом месте напоминало горную цепь: везде встречались высокие скалистые вершины, крутые склоны, ущелья, глубокие долины. Сами Азорские и Канарские острова — лишь вершины этих подводных гор. Затонувший «Левиафан» мог лечь на вершину подводной горы, и тогда нам, возможно, удастся спустить к нему даже водола-

за. Но он мог нырнуть и в глубокое ущелье, и в подводную долину. Тогда, кто знает, сможем ли мы спустить даже телевизионный передатчик. Не придётся ли нам переконструировать его с расчётом на большую глубину, а значит, и большее давление. Мы сейчас находимся над очень неровным подводным рельефом. Расчёты велись на средние глубины этих мест.

— С чего же начнём? — спросил Азорес.

— Как прикажет штаб, — ответил капитан. — Я думаю, с промера глубин.

Маковский не ошибся. Штаб приказал начать тщательные промеры глубин по радиусу пятисот метров от той точки, где погиб, как предполагали, «Левиафан».

«Разведываемый круг», как он назывался на карте, был разделён на три сектора. В каждом из них должен был вести работы один из пароходов экспедиции. Все данные отмечались на карте большого масштаба и передавались в штаб по радио.

Для Миши настали интересные дни и часы: он также раздобыл карту и обозначил на ней глубины, характер грунта и тому подобное. Вскоре кусочек дна Атлантического океана стал ему известен, видимо, лучше, чем топография улиц

Москвы. Какая это была дивная подводная страна! В районе гибели «Левиафана» со дна моря поднимался горный пик, который полого опускался на юго-запад. На северо-западе проходило глубочайшее ущелье в тысячу четыреста метров глубиной. Теперь весь вопрос был в том, куда опустился «Левиафан».

Но самое интересное было впереди. Люди спустят в глубину океана «подводное око», и Миша увидит тайники подводного мира. О, как медленно идёт время!

«Серго», «Персей» и «Марти» работали несколько дней, пока закончили промеры.

Радиосвязь действовала почти беспрерывно. Обдумывался сложный вопрос: как придать пароходам возможно большую устойчивость в открытом океане. Удлинённые якорные цепи едва доставали до вершин подводной горы. Один пароход ещё мог бросить якорь, но для трёх над пиком не было места. Волны и ветер могли привести к столкновению пароходов и катастрофе. Да и «Левиафан» мог лежать на значительном отдалении от подводного пика. Плавучий якорь лишь замедлял дрейф пароходов, относимых морским течением и ветром. Между тем для работы с «телеоком» необходима была почти полная непо-

движность судов. Ведь опускать телеоко надо было на самое дно, а оно чрезвычайно неровное. Аппарат будет тащиться по дну и может разбиться о выступы острых скал. Оставалось держать машины под парами и маневрировать винтом.

— А разве нельзя удлинить цепь якоря? — спросил Азорес.

— Конечно, можно, — ответил Маковский. — Но ты представляешь, каков будет вес полуторакилометровой цепи?

— Значит, нельзя?

— До определённой глубины можно. Для больших же глубин нам пришлось бы строить специальные пароходы, специальные лебёдки, стрелы, специальные палубы или же понтонные мосты для складывания цепи. Глубина — это твердыня, которую не так-то легко одолеть.

В то время когда пароходы готовились к спуску «телеглаза», в Москве, в институте телемеханики, подготавливались три новых аппарата подводного телевидения. Ведь с первым могла случиться авария. К тому же и поиски будут вестись быстрее, если каждый пароход будет иметь свой телевизор. На корабли телевизоры будут доставлены гидростратопланом, создание которого только что завершено новым заводом

реактивного сверхвысотного транспорта.

ПОДВОДНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Миша только что позавтракал и «лёг на вахту». Гинзбург обещал на сегодня много интересного.

Радиотелефон и телевизорная установка работали безотказно. Пусть за окном звенят московские трамваи и гудят автомобили, а здесь, в просторном кабинете, — «Атлантический океан».

Наконец-то на экране возникло весёлое лицо Моти. Как он загорел!

— Сеанс начинается! — послышался голос, и Миша увидел на экране узкие доски палубы, ослепительно освещённые солнцем. Чьи-то босые ноги пробежали по палубе, мелькнуло белое ведро с синей надписью «Серго», послышались возбуждённые голоса, почему-то коротко прогудел низким шмелиным басом гудок парохода, ему откликнулся другой.

Борт траулера. На стреле — два матроса укрепляют люльку, прицепную площадку на четырёх канатах. Наверное, будут красить корпус траулера. В зарубежном плавании моряки любят похвастаться чистотой и красотой своего судна.

Возле лебёдки — компрессор, рядом с ним — водолазный костюм, шлем, свёрнутый шланг. Всё снаряжение водолаза.

Попыхивая трубкой и одёргивая шерстяную фуфайку, выходит Протчев. На его голове — шерстяная шапочка-феска.

— Протчев, нырять собираешься? — спросил Миша. И его слова, звуки его голоса, претерпев сложные превращения, уже звучат на палубе траулера. Протчев невольно поворачивает голову к репродуктору и говорит:

— Да, хочу спуститься, посмотреть, что тут под водой.

В кабинет Борина входит Кириллов. На ходу он приветствует Мишу и даёт в микрофон распоряжение:

— Приготовиться к спуску! Одного на компрессор, одного на сигнал, одного на шланг, одного на манометр, одного на часы!

Протчев выколачивает трубку — под водой не покуришь — и уже командует сам:

— Рубашку! Калоши! Манишку! Шлем! Тросы!

Начинают одевать водолаза. Протчев влезает в водолазную рубаху — зелёный прорезиненный костюм из крепкой парусины; ему помогают надеть тяжёлые ботинки с прочными носками

и свинцовыми подошвами, затягивают ремешки, через голову надевают тяжёлую манишку, привинчивают к медному патрубку воздушный шланг.

Пока Протчев готовится к спуску, Миша тихо спрашивает Кириллова: зачем он отдал команду «один на сигнал», то есть следить за сигнальной верёвкой, — ведь в шлеме имеется телефон.

— И при железной дороге не забывай двуколку, — отвечает Кириллов афоризмом Козьмы Пруткова.

Матросы прицепили на грудь и спину Протчева водолазные тяжеловесы в сорок килограммов, протянули от спины под ноги Протчева «подхватник» и закрепили его спереди.

Наконец, на голову Протчева надели тяжёлую «медную голову» и начали привинчивать её к манишке. Одновременно заработал компрессор, подающий воздух. В лучах солнца медный шлем и стекло его ослепительно блестели. Протчев стоял ещё на палубе, но был уже «водяным жителем». Каким чудовищем казался он Мише!

Старый товарищ Протчева эпроновец Сизый похлопал рукой по шлему: можно спускаться. Люлька была прицеплена возле самого борта. Протчев двинулся по палубе, гулко стуча свинцо-

выми подошвами.

— Какой богатырь! Какая сила! — удивлялся Миша.

Вот Протчев сел в люльку, как в качели, ухватился руками за верёвку.

— Спускай! — прозвучала команда Кириллова в Москве и в Атлантическом океане.

Лебёдка начала работать. Протчев погрузился в воду. Телеоко скользнуло по борту, и Миша увидел вторую лебёдку, а около неё Гинзбурга. Тот суетился среди матросов, которые помогали спускать телеоко на дно. Большой чёрный шар с конусоподобными выступами медленно уходил в воду.

Кириллов закурил папиросу. Азорес на палубе траулера также. Испанец стоял возле борта. Гинзбург наклонился над бортом и смотрел в воду. На траулере прозвенел звонок. Кириллов подошёл к столу Борина и начал писать. Вошла Мишина тётя и подала ему конверт. Письмо прислал товарищ, отправившийся на Памир.

Наверное, интересное письмо, но читать некогда. Звуки Атлантического океана словно провалились в пропасть молчания. И сразу стал слышнее неумолкающий шум Москвы. На экране мигнул дымок сигары Азореса. Погас и экран…

Что там случилось?

И вдруг Миша увидел Протчева. Он сидел в своей люльке, которая висела в зеленоватой мгле океана. Верёвки уходили ввысь.

Теперь Протчев, наверное, не ощущает тяжести своего костюма. Прекрасно! Летит «между небом и землей» и любуется подводным миром. В лучах подводного прожектора отчётливо видно, как из воздушного патрубка на медной голове поднимаются воздушные пузыри, похожие на капельки ртути. Это Протчев «травит воздух», нажимая головой на «головной золотник».

— Протчев, ты слышишь меня? — взволнованно спросил Миша.

— Слышу, — звучит бас Протчева.

— Зачем ты спустился под воду?

— Иголка потерялась, ищу её.

— А телеоко зачем?

— Одно око — хорошо, два — лучше, а три — ещё лучше. Разве не так? — отвечает Протчев. — У меня поле зрения шире, но глаз привычен. Телеоку ещё учиться надо смотреть по-водолазному, — шутит Протчев.

В этой шутке Миша слышит определённое недоверие к новинкам.

— Что ты видишь?

— Пока что карасей, не знаю, как по-здешнему их величают. Сейчас и ты увидишь то же, что и я. Ну, где твой пузырь? — Эта фраза касается уже Гинзбурга.

— Подвожу, смотри левее! — отвечает Мотя.

Медный шлем Протчева слепяще блестит. Миша видит сквозь стекло широкое монгольское лицо водолаза. Наверное, прожектор совсем близко. Протчев протягивает левую руку и что-то ловит. Его рука надвигается на экран, растёт, закрывает всё поле зрения… Зелёная муть… Сильный сноп света, и в нём — табун рыб. Медленно проплывает большая красивая медуза… Золотой сноп идёт вглубь океана, постепенно слабея, рассеиваясь. И там, внизу, видны смутные очертания гор. Да, это горы и даже покрытые растительностью.

Горная вершина словно растёт и идёт навстречу… Нет больше Москвы, кабинета, постели. Не сам ли Миша висит в люльке и смотрит на подводный мир? Нет, он лежит в гондоле подводного «аэростата» над горным краем. Подводный Кавказ, но без ледников, горных рек и водопадов. Нет рек в краю, где «воздушное пространство» — вода.

Вновь палуба, ослепительно освещённая солн-

цем. Гремит лебёдка. Слышно, как шумят волны, ударяясь о борт траулера. Гинзбург обернулся. Блеснули белые зубы…

— Ну, что там? — слышен голос. — Чей?

Миша не сразу догадался. Ах, это «говорит Москва».

Кириллов отходит от стола и смотрит на экран.

Палуба исчезла. Муть… Миша живёт в «трёх планах»: под водой, на палубе траулера и в Москве.

Ничего не разберёшь… Муть! Какие-то тени проползают по экрану…

— Водоросли, — слышит Миша голос капитана Маковского.

Проплыла тёмная тучка. Возможно, поблизости проплыла акула или касатка. Блеснул огромный плавник, белое брюхо… И снова муть…

И вдруг снизу поползла через экран сверкающая линия. Она всё больше утолщалась, принимала круглую форму.

— Мачта! Мачта затонувшего корабля! — воскликнул Миша.

— Да, очевидно, это мачта, — ответил Гинзбург. — Тебе хорошо видно, Миша? — спросил он.

— Сейчас прояснится, — промолвил Николай Петрович.

Миша не заметил, когда подошёл отец. Не сон ли это? Миша, отец, Гинзбург, Барковский, Москва, Атлантический океан — всё сгрудилось в одной комнате. Да, теперь Миша чувствовал себя участником экспедиции. Ведь и Гинзбург там видит то же самое, что Миша.

Мачта сошла с экрана, аппарат, видимо, повернулся в другую сторону. Косяк крупных рыб проплыл в отдалении, размеренно взмахивая плавниками и поблёскивая серебристыми телами. Метнулось очень длинное тело, извиваясь, как змея. Где-то очень далеко вспыхнул фосфорический огонёк.

«Дивный, чарующий мир подводных глубин! — думал Миша. — Там нет бурь, нет смен температуры, нет погоды. Всегда мрак, холод, молчание… И там — жизнь, борьба, свои радости и своё горе…»

— Смотрите! — вскричал вдруг Миша.

Вдали появилась новая горная вершина. На одном выступе лежал четырехмачтовый корабль, склонившись над кручей под углом в сорок пять градусов. На нём нет ни парусов, ни снастей. Они давно сгнили. Ниже, на другом выступе, лежит

большой пароход вверх кормой, а рядом странное судно с коротким высоким корпусом, с ещё более высокой кормой и вырезанной из дерева фигурой на носу.

— Испанская каравелла, — сказал Азорес. — Пролежала на дне не одно столетие. Я хочу опуститься на дно и осмотреть каравеллу.

— Но ты же не водолаз, — возразил Маковский.

— Я уже присмотрелся к работе водолазов, говорил с Протчевым. Быть водолазом не такое уж трудное мастерство. Справлюсь…

Его отговаривали, но испанец был упрям. Да и как корреспонденту пропустить такой случай! Подводное путешествие… Каравелла… Из этого выйдет прекрасный фельетон, очерк, рассказ.

Маковский усмехнулся:

— Ну пусть попробует. С ним Протчев и потом… — Маковский тихо отдал Гинзбургу какое-то распоряжение.

Азореса быстро одели, хлопнули по шлему — готово! — и бережно опустили в океан.

На экране тотчас появилось изображение Азореса, спускавшегося вглубь. На его верёвочные сигналы Маковский, видимо, не надеялся. Даже те, кто прошёл водолазную школу, в первое

время практики от волнения путают сигналы: например, вместо того чтобы дёрнуть трижды («поднимай вверх»), дёргают четыре раза («много воздуха»), и воздушная помпа начинает работать медленнее. Телефон надёжнее, но и телефон может испортиться. Протчев проследит за Азоресом, к тому же благодаря телевизору на палубе траулера все будут видеть каждое движение Азореса. «Водолаз-любитель» будет под неусыпным наблюдением. Но Маковский, кажется, решил немного проучить самоуверенного журналиста…

Спуск совершался очень медленно. Мотя, не отрываясь, смотрел на фигуру водолаза.

Странно! Ноги Азореса словно бы раздуваются. Живот, спина полнеют, растут… И вдруг Азорес перевернулся вверх ногами и стремглав полетел вверх…

Ослепительное солнце… Синяя, изборождённая волнами поверхность океана… На ней неожиданно появляются ноги «отважного» водолаза… Его быстро вытаскивают на палубу, снимают шлем. Лицо Азореса бледное, испуганное. Его мутит, из носа течёт кровь — лопнули кровеносные сосуды от быстрой смены давления. Однако ничего страшного. Азорес всплыл, как щепка, с небольшой глубины.

— Что это? Почему? — спросил растерянный Азорес.

— Догадайся сам. Ты изучал теорию водолазного дела у Протчева, — отвечает Маковский.

— Вода не принимает, — смеётся Гинзбург.

Матросы осматривают Азореса — ему надо отлежаться. Испанец сидит на палубе. Солнце отражается в лужах, натёкших со скафандра. Все молчат. Азорес хлопает себя по лбу и смеётся.

— Понял! — кричит он. — Я забыл, что надо нажимать головой на клапан «головного золотника», — выпускать лишний воздух — «травить воздух», как говорил Протчев. Меня раздуло и выбросило на поверхность.

— Фельетон не вышел? — смеётся Кириллов.

— К сожалению, откладывается, — отвечает Азорес. — Но я всё-таки спущусь на дно.

— Тихим ходом подвести траулер к затонувшему пароходу! — распорядился Барковский.

— Когда они все успели собраться? — удивился Миша. Он так увлёкся экраном, что не замечал ничего вокруг.

Изображение на экране колыхалось — телеоко двигалось вперёд, наталкивалось на преграду воды и покачивалось.

Чем ближе подходил траулер к скале, тем боль-

ше погибших кораблей и пароходов виднелось на выступах и в расщелинах подводной горы. Она вся была усеяна ими. Здесь встречались и старинные каравеллы, и парусники минувшего столетия, и колёсные пароходы времён Фултона, и современные винтовые.

— Кладбище кораблей, — тихо промолвил Маковский. — Сколько их погибло по дороге из Америки в Европу!

— Да, весь путь, видимо, усеян, — ответил Борин.

— Одного железа сколько, — добавил Кириллов.

— А сколько сокровищ лежит в трюмах, сколько бочек золота и серебра! Ведь с самого открытия Америки люди тонули сами и губили в океане награбленное и найденное в Новом Свете золото. Только испанцы посеяли на дне не один десяток тонн золота, — сказал Азорес.

— А сколько людей пошло ко дну из-за человеческой жадности! — услышал Миша голос Гинзбурга.

— И ради смелости, пытливости! — поправил его Барковский.

— Однако не легко будет найти нашего покойничка, — добавил он, глядя на кладбище

кораблей, которое всё увеличивалось.

— Растения! Нет, кораллы… — удивлённо воскликнул Миша. — Разве кораллы растут на такой глубине?

— Они жили, видимо, тогда, когда эти горы ещё лежали намного ближе к поверхности моря, — сказал Тоффель. — Перед нами, очевидно, затонувший материк.

Маковский осторожно вёл траулер, подводя телеоко ближе к затонувшему большому кораблю. Телеглаз прошёл вдоль корпуса. Мелькнули, блеснув стёклами, иллюминаторы. Вот и нос. Надпись. Надпись… На железе, заржавевшем, покрытом ракушками, нельзя было прочесть название парохода.

— Во всяком случае, это не «Левиафан», — заверил Маковский. — «Левиафан» крупнее. Поищем ещё.

— А может быть, посмотрим, что скрывает в себе этот покойничек? — спросил Протчев. В нём уже заговорили инстинкты «подводного охотника». — Если обнаружим что-либо ценное, поставим буёк, возьмём на заметку. Глубина подходящая.

— Поищи, но долго не задерживайся. Тебе уже скоро вылезать, — сказал Барковский.

— Захвати телеглаз! — говорит инженер.

Протчев весело дёрнул дважды за сигнальную верёвку, хотя при телефоне в этом не было нужды. Привычка. Люлька стала опускаться ниже.

Протчев плавно пролетает над верхней палубой, сходит с люльки, идёт, разрезая воду правым плечом. Впереди — люк. Протчев перестаёт «травить воздух», немного раздувается и легко перепрыгивает через люк, как через пропасть на шаре-прыгуне. Все медные части, поручни, раструбы вентиляторов поросли, словно мохом, мелкими зелёными водорослями. Под ногами хрустят ракушки. Из раструбов выплывают рыбы и удивлённой стаей кружатся возле головы водолаза. Их столько, что они мешают рассматривать.

— Кыш, вы! — машет рукой Протчев.

Ещё один люк. Протчев осторожно спускается по железным сходням трапа. За водолазом тянутся «сигнал», шланг, провода телефона и электрического фонаря. Не зацепить бы за что-нибудь острое. А тут ещё эта морока — телеоко со своими проводами…

Вот он уже идёт по коридору. Каюты… Заглядывает в одну — по столу бежит испуганный краб. Под потолком — деревянный стул, ящик. Всё, как

в мире невесомого.

Протчев спускается в трюм. Здесь он находит горы цинковых ящиков. Известное дело. Наверное, ещё во время империалистической войны на пассажирском пароходе перевозили снаряды. А вот и огромная, величиной с ворота, дыра на дне. Пароход был пущен ко дну торпедой подводной лодки. А в этих больших ящиках что может быть?

— Не увлекайся, Протчев! Пора подниматься! — предупреждает дежурный.

— А, чтоб вам! — бурчит Протчев и поворачивает назад. Но на экране Миша видит только угол ящика, обросший водорослями и облепленный ракушками. Что такое? Протчев остановился…

— Что там случилось? — спрашивает Барковский.

Невнятное бормотание. Кряхтение.

— А, чтоб тебя! Нога застряла в железном хламе.

Миша хотел крикнуть, чтоб Протчев повернул телеглаз к себе… А впрочем, Протчеву никто не может оказать помощь… Нет, оказывается, могут.

— Спустить на помощь водолаза!

— Шланги, сигналы, провода ещё больше пере-

путаем. Сам управлюсь! — отвечает Протчев.

У Миши гулко колотится сердце. Какая опасная работа! А Азорес ещё собирался спуститься на каравеллу… Проходят долгие минуты. Слышны глухие удары. Что он там делает?

— Проклятая проволока, хоть бы костюм не проколоть.

— Какая опасность! Прорвётся костюм, и водолаза зальёт вода.

— Ух! — слышится облегчённый вздох Протчева.

Телеглаз спустился с мохнатого ящика и осветил сходни трапа. Протчев освободился. Вместе с ним облегчённо вздыхают все.

Протчева поднимают на поверхность медленно, то и дело останавливаясь. Шесть сажен вверх — остановка на пять минут. Четыре сажени — десять минут, ещё две сажени — пятнадцать минут.

Наконец Протчев на палубе. Матросы снимают шлем. Вот мелькнуло лицо Протчева. Оно спокойно, как всегда. Риск — обычное для него дело, его профессия.

Поиски продолжаются с помощью телеглаза. Траулер обходит подводную вершину. Телеглаз осматривает каждый большой пароход. «Мтарб-

рук», «Южный крест», «Мери», «Эль-Пазо» нашли здесь последнюю пристань.

Азорес, уже отдышавшийся, говорит:

— Древние римляне хоронили усопших со словами: «Пусть будет тебе земля пухом». Утонувшим можно было бы сказать: «Пусть будет вам вода пухом». Земля, тяжесть могильной земли почти везде одинакова — около двух метров толщины. А вот утонешь ли на глубине десяти тысяч метров или на сотне метров — большая разница. Десять тысяч метров — это давление в сто атмосфер. Дерево под таким давлением становится крепче камня. Что же станет с телом человека? Да, Хургес был предусмотрителен, сделав свои записи на металлических пластинках.

Траулер обошёл подводную горную вершину и направился к южному её склону. Здесь, как ранее показала разведка лотом, шло плоскогорье, плавно снижаясь. Кое-где плоскогорье поднималось так высоко, что его достигал рассеянный солнечный свет. Глубина — менее ста метров.

Вынуждены были даже приподнять телеглаз, чтобы обследовать одно такое высокогорное плато. Флора и фауна здесь были богаче. Погибшие корабли лежали в густом лесу красных водорослей. Возносили вверх свои ветви красные

кораллы. Между водорослями плавали рыбы. За ними гонялись огромные хищники. Из щелей разбитого фрегата выпростал длинные щупальца спрут. Плоскогорье постепенно поднималось. И вдруг на экране телевизора появилась каменная статуя, изображающая человека, ладони рук которого лежали на коленях. Прямо поставленный корпус, стиснутые колени ровно поставленных ног напоминали египетское искусство, но только напоминали. Это было искусство неведомой культуры.

— Вот это находка! — воскликнул Протчев. — Я буду не я, если не спущусь на это горное плато.

Вскоре подводный глаз обнаружил ещё несколько лежащих статуй, разбитых колонн, мраморные пьедесталы и, наконец, подошёл к руинам городской стены с неведомыми надписями. «Глаз» перешагнул через стену и очутился на середине улицы затонувшего города. Кровли не сохранились, но стены многих зданий были целы. Дорога, вымощенная каменными плитами, заросла мохом и покрылась ракушками. Лишь по поднятым кое-где плитам можно было догадаться, что они когда-то устилали дорогу. Мелькали дворы с бассейнами и остатками фонтанов, руины большого храма среди площади, на которой

когда-то стояли статуи. Статуи лежали разбитые возле своих пьедесталов. Очевидно, затоплению предшествовало землетрясение. Все были так захвачены находкой, что на какое-то время забыли о таблицах Хургеса.

— Прекрасно! — радостно воскликнул Барковский. — Наши археологи будут поражены этой находкой.

Пауза. Борин глубоко задумался. По его лицу пробежала тень тревоги, и он поспешно спросил Барковского:

— А не полагаете ли вы, что сюда прибудут такие же гости океана, как и мы, и тогда здесь начнётся настоящее столпотворение?

— Ну что ж, возможно, но это ничего не значит. Мы молча будем искать. На нас, безусловно, обратят внимание. Я не поручусь за то, что путешествие советской флотилии осталось незамеченным. Пока наши корабли шли в открытом океане, иноземные суда могли думать, что мы совершаем рейс в Америку. Теперь же, как только они заметят, что мы остановились, сразу же начнутся, да, кажется, уже и начались догадки: зачем и почему? Но пусть. Пусть думают, что им угодно. Будут на нас обращать внимание или нет, мы все так же упорно будем продолжать поиски таблиц.

Борин подумал и в знак согласия кивнул головой. Потом он с наслаждением набрал в лёгкие океанского воздуха, оглядел чистую, прозрачную голубизну неба и сказал:

— Вот бы всё время стояли такие дни, а то ведь, знаешь, море… оно изменчиво. Разгуляются волны, вот и стой, жди…

— У моря погоды, как говорит пословица, — добавил, усмехаясь, Барковский и тоже осмотрел безмерные дали. Он положил свою руку на плечо Борина и сказал по-товарищески: — Волны — это пустое. Главное — если кто-нибудь ещё приедет искать затонувший «Левиафан». Вот это будет серьёзная помеха. А впрочем, сейчас нечего гадать. Может быть, будет как раз и погода, и никто нам поперёк пути не станет. Ну, а теперь надо спускаться в долину и продолжать поиски.

И вновь на экране телевизора сменяются картины подводного мира. Там, в водных глубинах, в темноте, — своя жизнь. Водяные жители то плывут стаей, кто знает куда, то снуют поодиночке. А вот там какой-то хищник гонится за добычей. Закипает упорная борьба за существование. Миша смотрел на экран, и ему казалось, что экран опускается всё ниже. Можно было легко представить, будто не экран, а он, Миша, опускается в глубины

океана. Дивный мир…

Миша вспомнил своё путешествие на Кавказ. Там самая буйная растительность у подножия гор. Чем выше взбирался Миша, тем она становилась беднее. Высокие деревья сменялись низкорослыми, деревья — кустами, а ещё выше — царство мёртвых ледников. В подводном мире наоборот: вершина подводной горы, близкая к поверхности океана, была покрыта бесчисленными водорослями — целым лесом ламинарий. Стаи разноцветных рыб, словно цветистые попугаи, наполняли этот подводный лес движением, суматохой. Чем ниже, тем беднее растительность, тем меньше жителей подводного мира, тем медленнее их движения, тем тусклее свет. И, наконец, телеглаз и Миша спустились в царство подводной ночи и извечной тишины. Удивительные, неизвестные рыбы медленно проплывали в зелёной мгле. Кое-где светились фонарики глубоководных рыб. Они похожи на головастиков — огромная голова-туловище, ужасающе широкий открытый рот и очень короткий хвост. Казалось, вся рыба — придаток зияющей пасти. Над головой её — согнутый тонкий эластичный чёрный «кабель», который заканчивается «лампочкой». Мелкие рыбы шли на свет этой лампы

и попадали в широкую пасть…

А со дна, как и прежде, вздымались мачты, трубы затонувших кораблей. Это было не только кладбище, это был музей, история мореплавания и кораблестроения. Вот из расщелины виднеется длинный узкий нос совсем небольшого, видимо вёсельного, корабля. Возможно, древние викинги совершали на таком судне смелые морские походы… Неужели они отваживались уплывать так далеко на юг? Или их занесла сюда буря… Вот финикийское вёсельное судно… Римская трирема… Неужели на таких триремах римляне плавали из Италии в Британию? Наверное, их буря отнесла на юго-запад от европейских берегов.

Прозвенел звонок: Николай Петрович просил сотрудников штаба в столовую. Миша остался один «лежать на вахте». Из столовой слышались голоса. Барковский о чём-то спорил с Кирилловым.

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

— Большой пароход на горизонте. Держит курс на нашу флотилию! — услышал Миша голос Маковского.

Да мало ли пароходов проходит по этой мор-

ской дороге. Миша продолжал наблюдать за подводным миром. Плоскогорье, до сих пор полого спускавшееся, вновь поднялось. На горной площадке лежал огромный океанский пароход. Не «Левиафан» ли это? Телеоко стало медленно приближаться к нему. Пароход лежал вверх трубами. Их было четыре. Он словно двигался по подводной равнине, но это был обман зрения — двигался не пароход, а телеглаз. Вскоре на экране появились чёткие буквы «Георг Вашингтон». Рядом с ним подводная лодка и небольшой крейсер. На этом месте разыгралась драма во время империалистической войны. Крейсер потопил пассажирский пароход. Подводная лодка потопила крейсер, а затем погибла сама, наскочив на мину.

А на поверхности океана неизвестный пароход всё приближался, и скоро Маковский мог уже прочесть в морской бинокль его название: «Урания».

— Пароход подошёл к нашей флотилии и остановился, — доложил Маковский штабу.

Миша тотчас позвал отца, и все возвратились в кабинет. Появление иностранного парохода не могло не взволновать экспедицию. С какой целью прибыла «Урания»? О подводном городе

ещё никто не знает. Все радиопередачи между экспедицией и штабом ведутся на коротких волнах приёмо-передаточной радиостанции Хургеса. Вряд ли кто-нибудь в мире мог перехватить эти волны. Да если бы и перехватил, иностранцы не успели бы за несколько часов снарядить научную экспедицию и прийти сюда. До ближайшего порта несколько дней пути.

— Неужели тайна открытия Бласко Хургеса стала кому-либо известна? — сказал, насупясь, Барковский. — Надо переговорить с Каром.

Невидимая нить протянулась от Москвы к Буэнос-Айресу. Карликовая радиостанция заработала. Кар был чрезвычайно взволнован появлением «Урании». Он клялся, что тайна Хургеса никому не могла быть известна, кроме него, Кара, и Жуана Хургеса. Жуан не выдаст. Кар был всегда нем как рыба. Бласко Хургес буквально «спрятал концы в воду». Тут, видимо, что-то иное. «Уранию» он знает — это большой аргентинский пароход. Кар постарается выяснить, кто и для чего её зафрахтовал.

— Так, — сказал Барковский и прошёлся по кабинету. — А я всё-таки думаю, что нас подслушали. Ваше мнение, товарищ Борин?

Инженер пожал плечами.

— На фронте радио идёт такая же борьба, как и во всех других областях техники. То, что сегодня является собственностью одной страны, завтра становится общей собственностью.

Барковский подошёл к карте мира и концами линейки соединил Москву и Буэнос-Айрес.

— Наш прямой луч, — сказал он, — пересекает Румынию, Югославию, Италию, Алжир, Сахару, Сенегамбию, Боливию, Парагвай и, наконец, Аргентину — самый краешек Аргентины, ибо Буэнос-Айрес расположен на границе, возле залива Ла-Плата. Пароход аргентинский, как уверяет Кар. И если наши передачи перехватили, то, вероятнее всего, в самом Буэнос-Айресе. Возможно, из-под носа у Кара.

— Даже из соседней комнаты, — добавил Борин.

— Я полагаю, что Кар прав: тайна Хургеса никому, кроме нас, неизвестна, — прозвучал голос Азореса. — Зачем прибыл пароход «Урания», мы скоро узнаем. Не будем волноваться преждевременно.

— А что делает «Урания»? — спросил Барковский.

— Стоит на плавучем якоре, спускают якорную цепь большого судового якоря, — ответил Маков-

ский. — С борта спускают шлюпку, — продолжал он. — Очевидно, к нам прибудет депутация. Тем лучше. Мы узнаем их цели. Шлюпка отчалила. На ней четыре матроса на вёслах, пятый — на руле и один пассажир в белом фланелевом костюме.

— Примите их на борту, — распорядился Барковский. — Поставьте телевизор и микрофон. Наш штаб будет незримо присутствовать при беседе с этими гостями.

— Есть! — коротко ответил капитан и дал распоряжение принести на палубу несколько стульев. Одно плетёное кресло Маковский поставил так, чтобы она приходилось против телевизора. Микрофон Гинзбург спрятал в свёрнутом трале.

— Всё отлично, — доложил капитан.

И тотчас же на экране возник борт корабля и клочок неба. Спустили трап. Через минуту над бортом появилась голова в пробковом шлеме, а потом и вся фигура человека. На палубу, переступив борт, вышел ещё не старый, худощавый блондин с бритым, чрезвычайно жёлтым лицом и с запавшими глазами. Такие лица бывают у европейцев, побывавших в лапах у тропической лихорадки.

— Джемс Скотт, — кратко отрекомендовался гость по-английски, не называя своей профес-

сии.

Капитан пожал ему руку и пригласил его сесть. Скотт молча вынул портсигар, молча протянул Маковскому сигару, не спуская с него глаз. Очевидно, Джемс Скотт пытался воспользоваться паузой, чтобы узнать, с каким человеком ему придётся иметь дело. Маковский взвешивал: ждать ли ему вопросов Скотта или самому начать наступление. Кто спрашивает, тот наступает. А наступление — более выгодная позиция. И Маковский решил взять инициативу переговоров в свои руки.

— Неожиданная встреча в океане! Может быть, у вас случилась маленькая авария: поломался винт или что-нибудь в этом роде? Всегда рады помочь, мистер Скотт.

— Нет, на моём пароходе всё в порядке, — ответил Скотт, выпуская кольцо дыма.

— Что же вас принудило остановиться?

— Я прибыл на место — вот и всё! — спокойно ответил Скотт. — Но я увидел что это место занято, и поэтому интересуюсь узнать, с кем имею дело и что привело вас именно на эту точку поверхности Атлантического океана, — спросил, в свою очередь, Скотт.

— Разве эту точку океана вы сняли в аренду,

мистер Скотт? — усмехаясь, спросил Маковский. — Международное право признаёт свободу морей. И поскольку мы прибыли первыми…

— Однако это ведь не безлюдный остров, который вы желаете занять по праву первой оккупации, — возразил Скотт.

— Мы и не имеем намерения оккупировать его, — ответил Маковский. — Но стоять мы имеем право там, где хотим.

— Зачем, с какой целью?

Это уж слишком. Маковский решил дать отпор.

— Мы никому не обязаны давать отчёт о своих поступках. С таким же правом мы можем спросить вас: какова цель вашего прибытия сюда?

На лице Скотта не отражалось ни малейшего волнения. Он выпустил ещё одно колечко дыма, которое было подхвачено ветром и отнесено за борт, и сказал более миролюбиво, видя, что лобовая атака не удалась:

— Я явился сюда не для споров с вами, капитан. Если я спросил, с какой целью вы прибыли сюда, то я имею на это свои основания. Мне надо исследовать дно как раз на этом месте. И в лице вашей эскадры…

— Три судна гражданского флота — не эскад-

ра, — возразил капитан.

— В лице вашей флотилии, если это вам больше нравится, я встретил преграду к достижению цели, — закончил он. — Мы, конечно, не обязаны ставить в известность друг друга о целях наших экспедиций, но вы мне будете мешать…

— А вы нам… — отрезал капитан.

— Таким образом, возникает необходимость определить некий «модус вивенди». Вы начальник экспедиции?

— Я капитан флагманского судна, технический руководитель нашей маленькой флотилии, — ответил Маковский. — Экспедицией же руководит штаб.

Скотт невольно скривил губы. Сколько зря потраченных слов! И, поднявшись, сухо спросил:

— Вы могли бы познакомить меня с начальником вашего штаба?

— Боюсь, что это будет тяжёленько, — ответил капитан. — Штаб находится в Москве.

— В Москве? — удивился Скотт. — Как же может штаб из Москвы управлять флотилией?

— Мы живём в эпоху радио, — ответил Маковский. — В шестом часу вечера по местному времени мы рапортуем штабу о своей работе. Если вы придёте в этот час, я могу предоставить

вам возможность переговорить с начальником штаба.

Скотт подумал, бросил за борт дымящуюся сигару и заносчиво ответил:

— В шестом часу я обедаю, а я не привык менять свои привычки.

Капитан пожал плечами:

— Мы также не привыкли менять свой распорядок.

— В таком случае, извините, что обеспокоил вас.

Скотт сухо поклонился и двинулся к трапу. Матросы проводили его далеко не дружественными взглядами, хотя и помогли спуститься в шлюпку.

ЛОВЕЦ АКУЛ

Когда шлюпка закачалась на волнах, Скотт дал волю гневу. Его желтоватое лицо посинело. Шлюпка ударилась о борт траулера, и Скотт обругал матросов ослами за их нерасторопность. Ему хотелось на ком-нибудь сорвать зло. Он был недоволен собой. Он считал, что его унизили и оскорбили. А основное — он не достиг цели. Всю дорогу к «Урании» Скотт бурчал и ругался. Но

перед тем как взойти на борт своего парохода, он неожиданно громко рассмеялся. Удивлённый этим, молодой матрос также рассмеялся. Скотт набросился на него с руганью. Видно было, что Скотт привык обращаться с людьми по-колониальному.

По трапу он лез быстрее, чем можно было ожидать от человека, изнурённого тропической лихорадкой. Очевидно, он прошёл добрую жизненную тренировку. Скотт спустился в свою каюту. Она была комфортабельно обставлена. Удобные кресла, обитые бархатом, стол красного дерева, на нём — вентилятор, электрическая лампа с бронзовой подставкой и множество бутылок с виски. Скотт был уверен, что виски прекрасно предупреждает приступы тропической малярии, которой он заболел в болотах Амазонки много лет назад.

— Какой тон! Какой неприступный тон! — возмущался он, вспоминая свой разговор с Маковским. Он ждал, что «непрошенные гости» придут первыми к нему, «владыке морей», на поклон. Но они не пришли. Желание узнать, что привело советские пароходы на это место океана, заставило, наконец, Скотта пойти первым. И он возвратился ни с чем.

Скотт налил виски в серебряную стопку, одним духом выпил, запил водой со льдом, сел в кресло и, закурив, начал размышлять вслух:

— Тысяча чертей! Когда в снегах Аляски, в горах Сьерра-Невады, в безлюдных пустынях я встречался с человеком, я знал, что он пришёл сюда за тем же, за чем и я. И вот теперь эта встреча… Атлантический океан велик. И если с разных концов света в одну точку необозримого океана собралось столько кораблей, то совершенно ясно, что их привела сюда одна цель. Но как они узнали? Как могли узнать? Неужели эта тайна не сохранилась, как тайна Изиды…

Скотт, чтобы «прочистить мозги», выпил ещё стопку и вновь, как и на шлюпке, громко рассмеялся.

— И всё-таки они идиоты, простаки, эти большевики. Капитан Мак… ковский сказал мне, что вечерами в шестом часу они разговаривают со штабом. Очень мне надо вторично идти к ним на поклон! Да и что ответит мне начальник штаба? Они, конечно, не откроют секретов, но разве у меня нет своей радиостанции? Разве я не взял на службу лучшего радиста Аргентины? Мы перехватим волну, и я скоро буду знать то, что мне надо.

Сквозь открытый иллюминатор долетел всплеск, словно кто-то упал с палубы. Скотт выглянул в иллюминатор и увидел плавник акулы. Отбросы с четырёх кораблей собрали большую стаю морских хищников. Скотт, покачиваясь от морской качки и выпитого виски, пробубнил:

— Надо замести следы! — Позвал капитана и приказал ловить акул.

Спустили сети, и ловля началась. Скоро на палубе билась первая акула. Скотт вышел из каюты, в которой было душно, несмотря на холодильники и вентиляторы, и сошёл на палубу. Огромная акула лежала неподвижно. Только её низко посаженный рот ритмично открывался. Серое туловище поблёскивало на солнце.

— Не подходите близко к хвосту! — поспешил крикнуть капитан.

Но было уже поздно. Акула неожиданно метнулась, ударила хвостом Скотта в грудь, и он, описав дугу, перелетел через борт и упал в воду. Скотт бился на волнах. Утонуть он не боялся. Ему угрожала другая опасность. Акулы, испуганные неожиданным падением, метнулись в разные стороны, но тотчас повернули назад. Жизнь Скотта повисла на волоске. Забыв свою гордость, он начал растерянно вопить, и, прежде

чем на «Урании» опомнились, с траулера загремели выстрелы. Пули ударялись о воду вокруг Скотта. Скотт сначала не понял, в чём дело. Не хотят ли «большевики» убить его? Стая акул была отогнана. В тот же момент возле Скотта упал спасательный круг на верёвке. Его бросили с борта «Урании». Скотт ухватился за круг, и его потянули вверх. Когда ноги Скотта находились в полуметре от воды, одна акула попыталась схватить его за ноги, но он поджал их и счастливо взобрался на палубу. Новый удар его по самолюбию!

— Передайте им мою благодарность! — приказал он капитану. — Скажите: «Мистер Скотт благодарит вас за своевременную помощь». Этого довольно.

Капитан прокричал в рупор эту фразу.

Скотт переоделся и снова вышел на палубу, словно ничего не случилось. Ловля продолжалась. Траулер ещё ближе подошёл к «Урании». Можно было разговаривать без рупора.

— Рыбку ловить приехали? — спрашивали матросы «Серго». — Хороший ужин у вас будет сегодня! Разве солонина вышла?

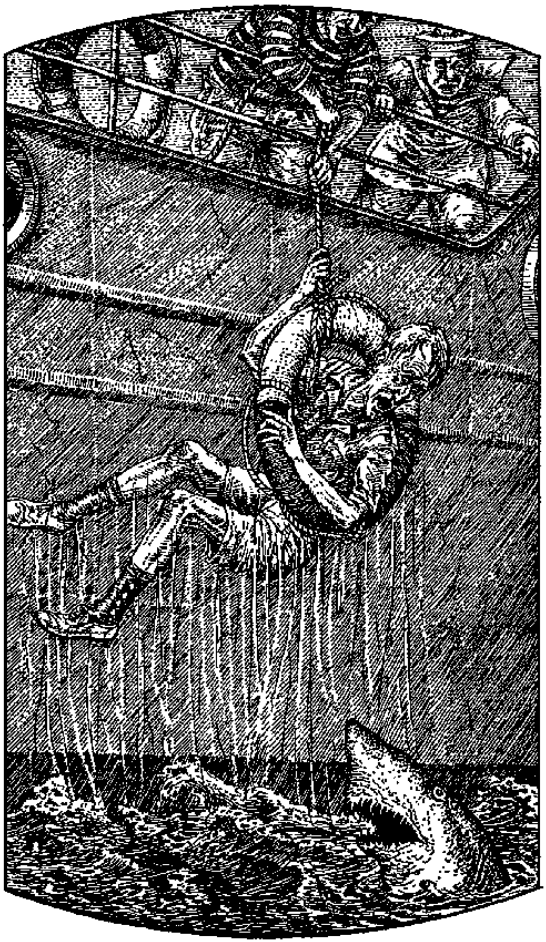
— Зато акулы остались без ужина, — ответил матрос с «Урании» и добавил тише: — А жаль! Акуле и акулина смерть была бы.

Матросы стали перебрасывать друг другу подарки — папиросы, сигары. Скотту это пришлось не по душе. Он приказал, чтобы «Урания» отошла от «Серго» подальше.

— Хочет убедить нас, что он прибыл сюда ловить акул, — улыбнулся Маковский. — Детское занятие!

— Вон фигура на корабле, смотрите! — обратил внимание Протчев. — Японец. И второй. Бьюсь об заклад, что это японские водолазы. У меня нюх на это острый. Морское дно Скотту нужно, а не акулы. Увидите, всех этих акул он ночью швырнёт за борт.

В шестом часу прозвенели склянки. Скотт быстро ушёл с палубы, Гинзбург толкнул локтем Маковского.



— Видишь? Пошёл наше радио слушать. Ну, ну, пусть попробует. Это ему не акула.

— Ну, а всё же, зачем принесло сюда Скотта? Неужели тайна Хургеса ему известна? — уж в который раз спрашивал Маковский, ни к кому не обращаясь.

Скотт вскочил в радиорубку.

— Поуэрс! — позвал он радиста. — Вы должны немедленно поймать Москву.

— Поймать Москву?

— Какой вы бестолковый, Поуэрс. Вы должны перехватить радиопередачу московской радиостанции.

— Длина волны?

— В том-то и дело, что я не знаю.

— Но в Москве десятки радиостанций…

— На таком расстоянии обычно Москва говорит на коротких волнах. Начните с самых коротких, какие только в состоянии взять ваша радиостанция.

— Десятки метров во всяком случае…

— Вертите же, вертите, чёрт побери!

Радист начал искать волну. В репродукторе послышалась незнакомая русская речь, песни, музыка…

— Не то, не то! — волновался Скотт. — Катаяма!

Фудзияма!.. Как там его, желтолицего дьявола, зовут… Позовите ко мне переводчика-японца… — Скотт от нетерпения и досады стучал кулаком о стол. — Когда вы научитесь, Поуэрс, русскому языку?!

— Русский язык так труден, — ответил радист, продолжая настраивать аппарат.

— Вот… подождите. Беседа!

Вошёл японец и неподвижно встал у двери.

— Подойдите и переводите! — скомандовал ему Скотт.

Картавя и шепелявя, японец стал переводить:

— В нашей бригаде охвачено технической учёбой девяносто пять процентов…

— Не то… к чёрту! Крутите дальше.

— …Хлеб начал поступать на ссыпные пункты…

— К чёрту хлеб! Крутите!

— …Пущен новый завод-великан…

— Пусть они провалятся со своими заводами! Должна передаваться беседа, диалог. Ищите, ищите!

Поуэрс взмок от этой гонки. Московские радиостанции словно издевались над Скоттом. Музыка, песни, доклады, лекции, радиопереклички… Иногда врывался стрекот радиотелеграфа… и снова

музыка… А время идёт… И в это время Маковский, наверное, разговаривает с начальником штаба о посещении траулера им, Скоттом, и получает инструкции.

— Проклятие! Да вертите же, Поуэрс!

Но Поуэрс вдруг отодвинул стул от аппарата.

— Больше некуда крутить, — сказал он раздражённо. — Я исчерпал диапазон. И если вы, мистер, не нашли того, что вам надо, то или передачи, которую вы ждёте, нет, или…

— Она должна быть…

— Или же…

— Или что?

— Или эту передачу вообще невозможно принять нашей станцией.

— Как так нельзя принять? Разве я приобрёл не лучшую радиостанцию, которая когда-либо устанавливалась на пароходах? Разве я не заплатил за неё три тысячи долларов?!

Поуэрс пожал плечами.

— Наша станция коротковолновая, обычного типа, — ответил он. — А они, возможно, передают по остронаправленной волне.

Скотт ударил себя по лбу.

— Ах, я старый ослиный хвост! — в своих скитаниях он собрал огромный лексикон руга-

тельств. — Вот почему Маковский был так упрям. Довольно! Можно не крутить. Бросьте, Поуэрс, это зряшное дело.

— Я уже бросил.

— Вы не могли бы переоборудовать нашу радиостанцию, Поуэрс? Вы получите тысячу долларов. Если не сумеете сами, мы выпишем специалиста. Теперь безработного инженера можно найти легко. Я должен принимать их передачи во что бы то ни стало, и я буду их принимать.

Скотт посмотрел в окно-иллюминатор. Неподалёку дымили советские корабли. Какая нелепость! Вот они стоят так близко, что можно разговаривать даже без рупора, но их радио нельзя принять. Они разговаривают с Москвой, а эта шелудивая крыса не может!

— Господин Скотт, — проговорил штурман, становясь у открытых дверей. — Вся палуба завалена акулами. Что прикажете делать?

— За борт, за борт! Подождите. Только не сейчас. Ночью. Бросайте за левый борт так, чтобы с советских пароходов не видели. А утром начинайте ловить вновь.

«Совсем рехнулся, — подумал штурман и пошёл на палубу. — Туши мёртвых акул привлекут иных акул, и скоро, кажется, мы соберём здесь

всех акул Атлантического и Тихого океанов!»

АЛЛО! СЛУШАЙТЕ И СМОТРИТЕ!

Миша Борин был удручён тем, что не может показать своим товарищам экран телевизора: в комнату штаба не пропускали посторонних. Подумать только: видеть, как ловят акул! А падение Скотта за борт парохода? Как ловко акула поддала ему хвостом!

Скотту и в голову не приходило, что на советских пароходах установлены «радиоглаза», которые зорко следили за всем, что происходило на «Урании». Советская флотилия расположилась треугольником, в центре которого находилась «Урания». За ней следили со всех сторон. Каждое движение Скотта и экипажа отражалось на экране.

— Неужели мои товарищи не увидят всего этого? — с сокрушением говорил Миша отцу.

— Увидят, погоди немного. Мы скоро организуем массовую трансляцию. Увидят и радиолюбители, имеющие телевизоры, увидит и публика в кино. Вот прилетят наши учёные — геологи и археологи, начнутся плановые подводные экспедиции телеглаза, и мы проведём ряд публичных

сеансов и лекций.

Учёные не заставили себя долго ждать. Через два дня Миша увидел на экране большой гидроплан, плавно опустившийся возле траулера. В Москве близился полдень, а в Атлантическом океане первые лучи солнца золотили ровную поверхность океана и крылья самолёта.

С траулера немедленно была спущена шлюпка, и учёные перебрались на борт парохода. Первым взошёл археолог Чудинов. Он совсем не походил на тот тип старого учёного, каким изображали археологов в романах. Это был ещё молодой человек, профессор истории материальной культуры. Статный, быстрый, подвижной и жизнерадостный, он скорее напоминал профессионала спортсмена. Геолог Правдин выглядел постарше. Он едва поднялся по трапу и ходил, немного прихрамывая: несколько лет назад он сорвался со скалы на Памире и остался хромым. Это, однако, никак не отразилось на его подвижности.

После взаимных приветствий на палубе парохода прибывших отвели в столовую. А гидроплан тотчас же улетел обратно. Барометр падал, и самолёт спешил спрятаться от непогоды в бухте Зелёного мыса.

Учёные начали с точного исследования морско-

го дна при помощи эхолота. Одновременно были спущены прожекторы и телеглаз. Морская глубь шаг за шагом открывала свои тайны. Старательно обследовали срезанную вершину горы и на ней руины, которые, возможно, являлись частью великого города, лежавшего ниже на плоскогорье. Эта срезанная вершина лежала на глубине всего лишь тридцати метров от уровня океана.

— Самый подходящий объект для трансляции, — сказал Борин. — С этого мы и начнём.

Борин в Москве и Гинзбург на траулере в Атлантическом океане поддерживали постоянную связь по радио, налаживали технику трансляции. Миша оповестил своих товарищей по телефону, чтобы они «готовились к приёму», и дал им технические советы.

Скоро в «Известиях», которые выходили одновременно в пятидесяти крупных индустриальных центрах страны, появилось объявление о будущем цикле телевизионных передач «со дна Атлантического океана». Население СССР было широко оповещено об этих трансляциях и по радио. Одну из таких радиоинформации принял Поуэрс. Он сразу же рассказал об этом Скотту.

— Выходит, они всё же передают радиосводки и изображения, — сказал Скотт. — Что касается

меня, я в этом не сомневаюсь. Это только вы такой немощный.

Поуэрс пылко возражал и начал говорить о технике телевидения, в чём, однако, Скотт плохо разбирался.

— Вы должны понять, мистер Скотт, — сказал Поуэрс, — что я не могу сам достичь тех результатов, которые превосходят современные достижения нашей техники.

— Вы хотите сказать, что советская техника опередила американскую?

— У нас техника телевидения развивалась очень быстро до кризиса, — пояснил Поуэрс. — Ещё в апреле 1927 года телеграфно-телефонная компания Белла демонстрировала возможность видеть своего собеседника во время телефонного разговора. Через год Берд демонстрировал трансатлантическую передачу. Пассажиры парохода «Бернгария», плывя по океану, видели на экране людей, находящихся в Лондоне. В том же году Берд демонстрировал цветное телевидение. «Дженерал электрик компани» демонстрировала в Скенектеди передачу сцен из оперы по радио и по проводам, причём слушатели видели исполнителей. Американская радиокорпорация открывает телепередачу со своей радиостанции

в Нью-Йорке, а компания Вестингауза в 1928 году начала передавать кинофильмы. В том же 1928 году создана специальная корпорация Дженкинса с капиталом в десять миллионов долларов.

— Меня абсолютно не интересует эта история развития телевидения, — перебил Скотт.

— К сожалению, на этом «история» и заканчивается, — ответил Поуэрс. — Экономический кризис, наступивший в это время, задержал дальнейшее развитие телевидения в Европе и Америке. Советские же учёные и изобретатели продолжали работать и… очевидно, опередили нас.

— Постойте, Поуэрс. Я вот чего не пойму: ведь вы приняли радиосообщение о будущей телевизионной трансляции. Очевидно, наша станция примет и самую трансляцию. Почему же мы не могли до сих пор поймать не только телевизионную, но обычную радиопередачу с этих судов в штаб, — в Москву, и из штаба сюда?

Поуэрс пожал плечами.

— Значит, они перехитрили нас, и я никогда не увижу и не услышу того, что они передают секретно?

— Очевидно, так.

— Нет, с этим я не могу примириться! — закри-

чал Скотт. — Я выпишу лучших специалистов из Америки, Англии, Италии и добьюсь своего. Послушаем и посмотрим их трансляцию.

Увы, когда эти трансляции начались, Скотт вынужден был согласиться, что Поуэрс говорил резонно.

Первой шла лекция инженера-изобретателя Борина о достижениях советской радиотехники. Борин почти слово в слово повторил кое-какие фразы Поуэрса.

— В технике телевидения, — говорил Борин, — мы продолжали работу с того места, на котором она остановилась на Западе и в Америке вследствие кризиса.

Как вам известно, в первый период развития телевидения применялись механические методы разложения изображения с помощью так называемого «диска Нипкова», многогранных зеркал, «барабана Вейлера», зеркального винта и тому подобное. Сама оптико-механическая система телевидения имела в себе органический порок, вследствие которого телевизор задыхался от недостатка света. Именно поэтому первые экраны имели микроскопические размеры — девять на двенадцать сантиметров, максимум — двенадцать на восемнадцать. Выход из этого

был найден — это катодное телевидение…

Далее Борин популярно изложил принципы построения иконоскопа… кинескопа… Миша вспомнил о своей «сказке». Да, он многое представлял себе неточно. Лектор, который учил миллионы слушателей, — его отец, а он, Миша, плохо знает радио… И он принял решение в будущем наладить «близкое знакомство» с одним из лучших советских учёных и изобретателей.

— …Свет, отражённый от передаваемого предмета, — продолжал Борин, — с помощью объектива киноаппарата попадает на мозаику иконоскопа, действует на его микроскопические фотоэлементы и с помощью электронных лучей претворяется в электрические колебания, которые на ультракороткой волне поступают в приёмник. Все механические приспособления: диски, моторы, оптические системы — становятся излишними. Телевизор насыщается светом в тысячу раз сильнее, чем при механических системах передачи разложения и передачи светового луча. Изображения могут быть значительно больших размеров.

Теперь о приёме. И здесь диски Нипкова стали не нужны. Приёмная часть — кинескоп, что означает «наблюдающий движение». Кинескоп — это

та же катодная трубка, имеющая на дне экран, который светится, флуоресцирует под влиянием электронного пучка. Это изображение можно наблюдать и в зеркале, укреплённом на внутренней стенке покрышки приёмника, можно проектировать и на большой экран.

Надо отметить также, что при прежних системах передачи на большие расстояния — то ли на длинных, то ли на коротких волнах — приходилось ограничиваться незначительным количеством элементов разложения изображения: тысяча двести — тысяча четыреста. Катодное же телевидение даёт нам семьдесят тысяч и больше элементов. Справедливость заставляет меня сказать, что катодное телевидение, как законченное изобретение, разработано на Западе и главным образом в Америке до мельчайших подробностей.

Но на это готовое изобретение обрушился мировой кризис, который не затронул, да и не мог затронуть нас. Таким образом, это изобретение не могло развиваться дальше в капиталистических странах и получило развитие у нас…

— Одним словом, большевики попользовались готовеньким, — пробурчал Скотт.

И, словно отвечая на это, Борин продолжал:

— В процессе освоения иностранной техники, товарищи, мы её основательно реконструировали, усовершенствовали, иногда переделывали почти наново. Мы не являлись простыми копировальщиками. К опыту иностранной техники наши изобретатели прилагали свою смётку. И в результате телевидение, одно время сильно у нас хромавшее, теперь идёт впереди телевидения многих буржуазных стран.

Мы вправе гордиться и тем, чего не показываем сейчас на экране, но что вам должно быть известно: широкое применение телевидения. У нас телевизоры служат не только для передачи изображений на расстояние. Они водят наши суда в опасных местах, будучи нашими бдительными вахтенными, которые предупреждают о приближении подводных камней, плавучих льдин, подводных лодок. Телеглазами вооружены наши пилоты. А приходилось ли вам слышать о применении телевизора для лова глубоководных морских рыб? Телевизор даёт нам возможность видеть даже в абсолютной темноте с помощью невидимых инфракрасных лучей, проходимость которых в шестнадцать раз больше, чем проходимость белого света. Это изобретение Берда, не возражаю. Но пусть посмотрел бы сам Берд, что

осталось от его изобретения и что внесли в него мы. И, главное, как широко мы внедрили это изобретение в практику жизни.

Я уж не говорю о применении телевидения в оборонной технике. Значение его огромно. Однако подчёркиваю: для нас это оборонная, а не военно-наступательная техника. Телевизоры — наши стражи, охраняющие наши границы.

Катодное телевидение сделало человека почти всевидящим. Уже теперь вы видите на экране, как сооружают плотину на Енисее, как работает солнечная установка в Туркменистане, газовые двигатели на сопках Камчатки. Близок момент, когда переносные телевизионные передатчики проникнут в отдалённейшие точки земного шара, и тогда воистину весь мир будет перед нашими глазами. Начало этой эры наступило. Вы, сидящие в Саратове, Бобруйске, Вязьме, в степном совхозе! Смотрите! Сейчас перед вами откроется далёкий Атлантический океан. Вы спуститесь «на дно морское» и будете путешествовать под водой, не замочив ног. Слушайте, смотрите! Мы начинаем!

— Тьфу, тьфу, и смотреть не буду! — Скотт ругался последними словами.

Взволнованный, он ходил по радиорубке, от-

плёвывался, закуривал и бросал сигары, в то же время, помимо своей воли посматривал на небольшой экран телевизора. Поганенький экран с тусклым изображением… Старая калоша… Разве не обидно?

Скотт подошёл к иллюминатору и смотрел, как советские матросы под руководством Гинзбурга бережно опускали в воду большой металлический шар, поблёскивавший стёклами объектива и прожекторов.

Скотт не утерпел и взглянул на экран своего телевизора. Он увидел слабенькое мигающее изображение… Скотт вновь отвернулся и посмотрел в иллюминатор. Шар спущен. Плавно углубляется в воду трос…

«Экскурсия по дну океана» началась. Теперь Миша мог разделить свою радость со всеми товарищами и миллионами зрителей, которые, как и он, впивались глазами в экраны телевизоров. В огромных кинотеатрах, вмещающих двадцать тысяч человек, зрители смотрели на экран. Они видели голубизну океана, белые барашки волн, тёмные силуэты пароходов, жёлтые трубы с чёрными краями, мачты судовых радиостанций. Многие узнавали наши пароходы и спрашивали:

— А четвёртый откуда взялся? Под иностран-

ным флагом? Что он делает там?

Но вот и море, и небо, и корабли словно взмыли вверх. Телеоко опустилось в воду, экран заполнила зеленоватая мгла. Везде мелькали серебристые мелкие рыбки. Они летали меж водорослей. Настоящий подводный лес! Одни водоросли тянутся вверх, разбросав свои листья, словно струи фонтана, другие, словно длинные ленты, тянутся во все стороны. И всё это плавно всплывало кверху. На смену маленьким рыбам появились большие, водоросли становились бурыми, тёмно-красными, подводный лес густел. И вдруг среди густых водорослей поднялась белая колонна с обломанной капителью. Рядом с ней — вторая, ещё и ещё — целый лес колонн. Остатки храма или площади, обрамлённой колоннадою.

Колонны, казалось, летят вверх. Появился пьедестал. Потом колоннада начала уходить в сторону… И зрители — «подводные путешественники» — увидели узкую улицу. На дороге, некогда вымощенной плитами, лежал толстый слой ила. Небольшие здания, сложенные из камня, были без крыш. Возможно, катастрофу опускания в бездну сопровождал взрыв вулкана. Раскалённая лава сожгла стропила крыш, и они обвалились… Телеглаз завернул в небольшой дворик. Портик,

колоннады, остатки фонтана, статуи…

— Мы снова на улице среди маленьких домиков, — долетел голос «экскурсовода» археолога Чудинова, — улица выводит на площадь перед храмом. Он хорошо сохранился. Лишь глубокая трещина расколола здание наискось от верхнего угла до нижнего. Архитектура немного напоминает египетскую.

Эта часть города лежит на срезанной вершине горы. Солнечный свет ещё доходит сюда, и вам всё видно без прожекторов. Когда мы станем опускаться ниже, придётся путешествовать с фонарями… Вы видите один из затонувших городов. Таких немало в морях и океанах. У нас на Чёрном море возле Херсонеса на дне моря давно найден такой город. С помощью телеглаза мы достаточно хорошо его изучили. В 1933 году доктор Гартман обнаружил телеглазом подводный город между Сицилией и Африкой. Теперь нам удалось найти ещё один затонувший город.

Вы знаете, что материки поднимались из морских глубин и опускались. Процесс этот не прекратился и в наши дни. В Тихом океане когда-то существовал огромный материк, который назван учёными Пацифидой. Он занимал почти всю впадину между Австралией и Южной Аме-

рикой. Африка простиралась далеко на восток и на запад и, возможно, соединялась с восточными берегами Южной Америки. Континент между Африкой и Австралией назывался Гендванной. Азия в незапамятные времена соединялась с Северной Америкой. И все эти материки опускались на дна океана. Но особенно заинтересовала учёных Атлантида…

Древний философ Платон, живший за четыреста лет до нашей эры, сберёг для нас рассказ об исчезнувшем острове Атлантиде, который размерами был больше «Ливии и Азии, взятых вместе», — иначе говоря, все известные древнему миру части Азии и Африки, — и лежал на запад от Геркулесовых столбов — теперешнего Гибралтара.

По свидетельству Платона, Атлантида погибла «в один день и бедственную ночь». Это был великий остров, целый континент. Были здесь гигантские леса, огромные табуны слонов и других животных. Как писал Платон, жители Атлантиды «дважды в год пожинали произведения земли, пользуясь в течение зимы водами небесными, а летом привлекая воду, которую даёт земля через каналы».

Вся Атлантида была разделена на десять царств,

которые находились под властью одного рода. Таким образом, в Атлантиде мы видим древнейшую, существовавшую много тысяч лет назад, доарийскую культуру.

Десятки, сотни учёных делали удачные догадки о том, где была полумифическая Атлантида. И геологи, и ботаники, и лингвисты, и зоологи вносили свой вклад в изучение этого чрезвычайно интересного вопроса. Нам удалось открыть ещё один затонувший город и таким образом перевернуть очень древнюю страницу человеческой истории. Мы, советские учёные, становимся в строй атлантидологов, и, возможно, нам удастся осветить тёмные уголки древней истории точно так же, как освещаем мы прожектором телеглаза тёмные глубины океана…

Оратор смолк. В это время телеоко плавно двигалось вниз по горному склону между величественными статуями. Постепенно темнело. Вдруг вспыхнули огни прожекторов. Появились красные водоросли. Длинные широкие полосы их стояли неподвижно. Ветер водной стихии — движение воды — почти не доходил сюда, как и естественный свет.

Зрители видели широкую дорогу, которая шла на вершину горы — к крепости или царскому

дворцу. По обе стороны дороги стояли громадные статуи, грубо высеченные из камней. Длинноголовые герои или божества сидели на широких постаментах и угрожающе смотрели на восток. Возможно, оттуда затонувшему городу некогда угрожала опасность и статуи-стражи должны были пугать врага.

— Мы постараемся расшифровать эти надписи, — сказал Чудинов.

Поперёк дороги лежал затонувший пароход. Его корпус был облеплен ракушками. Телевизор, перепрыгнув через корабль, продолжал блуждать по улицам и площадям затонувшего города. Дорогу пересекла огромнейшая расщелина, из которой торчали мачты другого затонувшего корабля. По обе стороны расщелины лежали статуи…

«РТ-118» — иначе говоря, рыболовный траулер «Серго Орджоникидзе» — плавно подвигался вперёд, маневрировал влево, вправо, туда, куда указывал Чудинов, который теперь был «капитаном».

Затонувший город раскинулся на огромном пространстве, опускаясь всё далее по пологой равнине.

И вот, наконец, телевизор достиг границы го-

рода — большой гавани с каменной набережной и волнорезом.

— Посмотрите, — продолжал голос лектора, — в гавани стоит несколько кораблей! Разве не удивительно? Они затонули одновременно с городом и гаванью. Возможно, они окаменели. Ведь с тех пор, как они под водой, прошли тысячелетия.

Тут раздался другой голос:

— Товарищи! Пока вы любуетесь гаванью на дне океана, позвольте геологу поговорить с вами…

«Это Правдин», — подумал Миша.

— Товарищ Чудинов уже кое-что сказал вам о колебаниях земной коры. Изучение этих колебаний имеет не только исторический интерес. Поднятия и опускания земной коры совершаются в течение срока более короткого, чем многие из нас думают. В Мурманске, например, мне приходилось слышать сетования моряков на неточность морских карт: на них, говорят, не обозначены кое-какие подводные мели, скалы, и по этой причине потерпели аварию несколько наших рыболовных судов. Я принуждён был встать на защиту старых лоцманских карт. Для своего времени карты были правильны, но менее чем за сотню лет берега Мурмана и морское дно

поднялись. И возможно, что в недалёком геологическом будущем на Мурмане появятся большие новые участки суши, которые сейчас покрыты морем. Широкая водная полоса, которая прилегает к северной части мурманского побережья, была некогда сушей. Измеряя морское дно, мы выявили широкие русла рек, которые когда-то текли по поверхности земли…

Или другой пример. На Новой Земле, на верховьях гор, находят сравнительно свежий лес — плавунец, который обычно приносится на острова морскими течениями. Как мог этот лес попасть на вершины гор? Ясно, что в сравнительно недалёком прошлом эти горы едва виднелись над поверхностью воды. Стало быть, на нашем Севере геология работает на нас. Зато в северо-западной части Европы совершается обратный процесс — снижение материка. Об этом мало кто знает, и европейские учёные замалчивают этот факт. А тем временем Голландии и части Бельгии угрожает опасность. Если процесс будет продолжаться с той же быстротой и далее, то вероятно, что через полтораста-двести лет эти страны окажутся под водой…

Во время последней фразы Миша явственно услышал какой-то необычный шум. И тотчас

будто у него за спиной зашептались Чудинов и Маковский. Потом Чудинов сказал громко:

— Товарищи! На этом нам придётся окончить сегодняшнее путешествие. Над океаном начинается гроза. Барометр резко падает. Вы, конечно, не промокнете от дождя в этом подводном путешествии, но дело в том, что ветер крепчает и на траулере, с которого спущено телеоко, начинается сильная качка. Трос телеглаза может оборваться. Мы поднимаем его…

Гавань на дне океана вместе с затонувшими кораблями стала быстро уходить вниз, в тёмную бездну. На мгновение мелькнула поверхность океана — бушующие волны, качавшиеся на них корабли, блеснула молния, и экран погас.

— До свидания, товарищи, — прозвучал голос Чудинова. — О следующем нашем путешествии мы сообщим.

Никакой фильм не производил на зрителей такого огромного впечатления, как это «подводное путешествие».

Всё это время, не отрываясь, смотрел на экран судового телевизора и мистер Скотт. Как только экран погас, Скотт поднялся, зажёг сигару и сказал:

— Чёрт побери, сколько в Америке можно было

бы нажить денег на этом! Тысячи радиолюбителей приобрели бы телевизоры. Кинотеатры трещали бы от наплыва зрителей! Проклятый кризис…

Он пошёл в свою каюту, выпил сода-виски, сел и задумался.

ВСЕМИРНАЯ СЕНСАЦИЯ

Снова заговорил радиорепродуктор: парижская радиостанция передавала мнение известного французского учёного о затонувшем городе.

— Открытие советской экспедицией подводного города не является в буквальном понимании открытием. Это результат научного расчёта, основанного на достоверных сопоставлениях и выкладках.

Далее оратор привёл примеры того, как учёные заранее предупреждали о существовании ещё неизвестных химических элементов, планет и как эти предвидения оправдывались.

— Такова сила правильных научных методов. Геолог проходит сотни километров по пустыне. Неожиданно он останавливается на месте и, основываясь на непонятных неосведомлённому признаках, говорит: «Здесь должно быть золото,

нефть, вода, железо». Рабочие копают и находят. Точно так же была открыта и Атлантида. Советские пароходы плывут из заполярного Мурманска в Атлантический океан, бороздят его неизмеримые пространства, выбирают одну точку, опускают лот, затем телевизор: здесь должен находиться затонувший материк с остатками человеческой культуры. И находят то, что искали…

Если бы Скотт мог слышать, как смеялись Чудинов и Правдин, слушая эту информацию!

— Прекрасно! — воскликнул Чудинов. — Профессор Мишо льёт воду на нашу мельницу. Я был скромен и не говорил о том, что открытие подводного города — результат расчёта и научного предвидения. Ну что ж, тем больше чести для нас!

Смеялись и в Москве, в штабе. Барковский говорил:

— Теперь наша экспедиция оправдана перед мировым общественным мнением. Мы создали всемирную сенсацию. За нашими работами будет следить весь мир. Мы будем всё сильнее возбуждать интерес, время от времени оповещая о новых археологических открытиях, а в них не будет недостатка. А главная цель экспедиции останется в тени.

— Я побаиваюсь только одного, — вставил эпроновец Кириллов, — как бы это «открытие» не привлекло на место экспедиции иностранные корабли с археологами. Они могут помешать нам. Довольно с нас и одного Скотта.

— Ваши опасения преувеличены, — ответил Барковский. — Какая из буржуазных стран станет расходовать сейчас деньги на подобную экспедицию? Там, где закрываются университеты, не до экспедиций…

— Однако ведь этот Скотт…

— Ну, Скотт — иное дело. Цель его нами не разгадана. Он, конечно, ищет не подводный город. Скорей всего, он тоже охотится за пластинками Хургеса. Если бы нам посчастливилось узнать, как он открыл эту тайну…

— Не взяться ли мне за это? — предложил Азорес. — Я уже приобрёл некоторую «изыскательскую практику». Дайте мне гидроплан, и я полечу в Америку искать следы мистера Скотта.

— Не гидроплан, а цельнометаллический дирижабль «Ц-шесть», — неожиданно прозвучал в микрофоне чей-то незнакомый голос по-английски.

— Что за передача? — воскликнул Азорес и посмотрел на Маковского. На лице капитана

отразилась тревога. Неужели их радиопередачу перехватили и Скотт слушает эту конспиративную беседу в эфире?

Но Гинзбург усмехался загадочно.

— Кто вы? — спросил Азорес в микрофон.

— Я человек, летящий в небе, — донёсся тот же голос.

— Карпиловский, ты? — крикнул в микрофон из-за плеча Азореса Гинзбург.

— Я, — уже по-русски ответил голос.

— Это наш океанограф, — пояснил Гинзбург. — Он летит к нам на дирижабле «Циолковский-шесть». Собирается изучать океанографию. Я два часа назад установил связь с «Ц-шесть».

— И мы, сидя в дирижабле, имели удовольствие уже совершить вместе с вами подводное путешествие, — откликнулся Карпиловский. — Прекрасная передача!

— Ну и как же с моим путешествием в Америку? — спросил Азорес.

— Что ж, ты можешь попытать счастья, — ответил из Москвы Барковский. — Дирижабль идёт в трансатлантический рейс. Высадит Карпиловского на ваш корабль, а ты займёшь его место и полетишь.

— Согласен! — Азорес потёр руки: он очень

любил приключения.

Тревоги советских исследователей были напрасны: радиостанция Хургеса сохранила свою тайну. Ни Скотт, ни кто другой в буржуазном мире не имел понятия о пластинках Хургеса.

Скотт всё ещё сидел, глубоко задумавшись. Телевизионная передача с морского дна, из затонувшего города, и лекция археолога не убедили Скотта в том, что советская экспедиция ставит только научную цель.

Кто теперь станет расходовать огромные деньги на археологию? Но чёрт их поймёт, этих большевиков! Может быть, они действительно не знают о существовании затонувших сокровищ! Да и откуда им знать!

Скотт повеселел и выпил ещё одну стопку сода-виски, на этот раз уже не с горя, а с радости. Красные его веки слипались. Под качку он начал дремать. Неожиданный толчок, от которого пароход содрогнулся, разбудил Скотта. «Что такое?» От сонливости и хмеля не осталось и следа. Скотт умел владеть собой при любых неожиданностях. Он поспешно встал, подошёл к умывальнику, облил голову холодной водой и, хватаясь за стены, — качало всё сильней, — выбежал на палубу.

Высокий вал поднялся над бортом. Гребень

белой пены с шипением обдал Скотта брызгами с ног до головы. Шкипер «Урании» перебрасывался ругательствами со шкипером советского траулера.

— Что ты горло дерёшь, чумная крыса? — кричал шкипер с траулера. — Ведь ваш же пароход наскочил на траулер. Не видите, откуда ветер! Давно надо было отойти.

Ссора длилась ещё некоторое время, затем затихла: шум волн и ветер заглушали голоса. Все четыре парохода стояли под парами. Ветер рвал густые клубы дыма, расстилал их на длинных валах волн, и дым смешивался с брызгами пены. Куда девалась голубизна океана! Небо и поверхность моря до самого горизонта приобрели зловещий тёмно-синий цвет. Дождя ещё не было, но молнии то и дело рвали тучи, гром грохотал почти беспрерывно. Его удары отражались от высоких волн, и казалось, что это рычит разлютовавшийся океан. Плавучие якори уже не держали корабли. В такую бурю им небезопасно находиться друг возле друга — волнами и порывами ветра их может столкнуть и разбить. И корабли торопились быстрее разойтись в разные стороны.

Качка крепчала. Капитаны пароходов распорядились стать против ветра и идти полным

ходом.

Ветер был почти горячим. За несколько часов он высушил костюм Скотта.

— Начался шторм, — сообщил Маковский в штаб. — Идём на всех парах навстречу ветру.

— А как у вас? — спросил Гинзбург Карпиловского.

— Можешь полюбоваться, — ответил Карпиловский.

И на судовом экране Гинзбург увидел часть пассажирской каюты дирижабля. Через большое окно виднелось безоблачное небо. Солнце ярко освещало лицо молодого океанографа. Его золотистые волосы казались огненными, глаза жмурились от яркого света.

— Летел бы я на дирижабле, если бы не нога, — вздохнул Миша, который также видел Карпиловского.

— Вот как у нас, — отвечал Карпиловский. — Под нами буря. Если хочешь, могу показать. — Карпиловский повернул объектив, и Гинзбург в океане, а Миша в Москве увидели тучи, клубившиеся под дирижаблем. Змеистые молнии пробегали между ними. Изредка гремел гром.

— Мы тоже попали в грозу, — продолжал Карпиловский. — Но нам легче выбраться из неё,

чем вам. Мы поднялись над тучами и вот, как видишь, снова летим в безоблачном небе. Нашли попутное течение воздуха и летим без моторов. Вообрази только, что и в глубине океана такая же точно тишина, даже ещё тише. Не колыхнётся ни один листочек водорослей. Не зря говорят, что крайности сходятся.

— А у нас такая кутерьма… Слышишь? — Карпиловский и Миша услышали, как свистит ветер в снастях, как гремит гром и волны глухо ударяют о борт парохода.

— Словно черти готовят обед на тысяче сковородок!..

Экран погас, смолкли звуки. В комнате Миши наступила такая тишина, что стало слышно, как стучат в углу большие стенные часы. Все члены штаба уже разошлись.

Миша откинулся на подушки и закрыл глаза. Впечатления этого дня утомили его. Подводное путешествие, буря в океане… Полёт над облаками… беседа людей, находящихся за тысячи километров друг от друга… Всё это напоминало сказку. И Миша стал мечтать.

Когда во всём мире народы установят социалистический строй, у Миши будут друзья в Южной Америке, в Австралии, на Шпицбергене, в Зе-

ландии и на Огненной Земле. Школьники будут изучать географию на экране телевизора. Увидят, как в Атласских горах люди прокладывают огромные трубы для создания искусственных ураганов, «вечных» ветряных двигателей, как пробиваются ледоколы по Великому Северному морскому пути и как дирижабли и самолёты завоёвывают ледовитый континент Антарктики. Многомиллионная армия трудящихся расчищает тропические джунгли, чтобы на их месте основать культурные поселения. Единое мировое хозяйство, одна семья трудящихся, мир без кордонов и границ. Да, мы уже имеем «всемирный глаз», «всемирный голос»... Из подходящего центра можно будет осматривать в телеглаз весь мир, обмениваться опытом... Какие увлекательные перспективы! Какая интересная жизнь!

С этими мечтами Миша уснул.

ВИЗИТ ВРАЧА

— Ну, как мы себя чувствуем? — услышал он чей-то знакомый голос.

А, это врач...

— Вы видели подводный город? — спросил Миша, открывая глаза.

Седой врач в больших очках улыбнулся.

— Видел, дорогой мой, лишь уголок подводного мира. Смотреть не смог: вызвали на операцию. Ещё увижу. А вот больные в моём отделении все смотрели. Для них это прекрасное развлечение, как и для вас, конечно. Но что же вы не отвечаете на мой вопрос?

— Доктор, я уже давно здоров, — сказал Миша. — И вы напрасно так долго держите меня в постели.

— Но ведь вы лёжа совершаете чудесные подводные путешествия!

— Да, конечно. Но всё же это не то, что настоящее путешествие. Мне отец обещал: как только я поправлюсь, он отпустит меня на корабль в Атлантику. Через десять дней туда полетит стратоплан. Понимаете, стратоплан! Он может пролететь полторы тысячи километров за час, и я смогу за день побывать на корабле и возвратиться назад в Москву. Разве это не удивительно! Неужели и через десять дней нельзя будет встать?

— А вот посмотрим, — ответил врач и начал осторожно снимать лубки.

Он щупал, пробовал, надавливал ногу.

— Болит? Только говорите правду.

Было больно, но Миша силился не кривиться и

отвечал твёрдо:

— Ничуть не болит. Хоть сейчас снова в футбол!

Старый врач улыбнулся в усы, покачал седой головой и пробормотал баском:

— Вы такой пациент, которому нельзя верить. Через три дня посмотрим кость.

— Снова рентген? — обеспокоенно спросил Миша.

— Нет, на этот раз не рентген, — ответил врач. — Мы начинаем изменять рентгену. Его всё больше вытесняет новое приспособление: катодные трубки. Это высокочастотные излучения. Они абсолютно безвредны для человека и в то же время дают полную возможность видеть, что делается в организме.

Недавно в институте экспериментальной медицины, в лаборатории климатологии мы проделывали такой опыт. Нам надо было выяснить, проникают ли короткие световые волны сквозь шерсть и кожу животных к внутренним органам. Мы разрезали организм подопытного животного до органов внутренней секреции, поставили выводные трубки и по количеству выделенных органами продуктов намеревались узнать, как реагирует организм на облучение той или иной

волной света. Это был очень несовершенный метод. Ведь изменения в работе желез внутренней секреции могли наступить и по иным причинам. И вот один молодой научный сотрудник, Толя Томашкевич, предложил нам такой способ: уж если «потрошить» бедных животных, то почему бы не поставить возле вскрытых органов фотоэлементы? Потом зашить разрез и облучить животное. Если лучи пройдут сквозь шерсть, кожу, мускулы и кости и достигнут фотоэлементов, то, значит, всё отлично. Остаётся только установить результат облучения. А если поместить в организм животного крохотный телевизор, то мы сможем даже наблюдать работу внутренних органов.

— А зачем это?

— Для многих целей. Ну хотя бы для установления дозировки облучения. В наших зоопарках приходится давать животным «дополнительный паёк света». А какой длины должны быть световые волны? Как они проходят, «пронзают» животных? Ведь и без опытов очевидно, что облучать бесшёрстную африканскую собачку — это одно, а косматого медведя, черепаху, крокодила — совсем другое. Ветеринары зоопарков немало возятся с дозированием. Иные пришли даже к выводу, что необлучаемые звери чувствуют себя

лучше, чем облучаемые. А на поверку вышло иначе. И всё дело в том, что облучали не так, как надо, и, конечно, могли принести больше вреда, чем пользы. То же самое и с облучением людей…

— Но это не совсем то же, что телеглаз, — заметил Миша.

— Да, пока это только применение фотоэлемента, — согласился доктор. — А фотоэлемент — душа телевидения. Да и самоё телевидение уже входит в нашу медицинскую практику. Недавно мне сообщили по радио, что на ледоколе, плававшем в арктических морях, произошёл несчастный случай с кочегаром, которому во время качки чугунной болванкой раздавило ногу. На ледоколе был неплохой хирург, но случай вышел очень сложный, и хирург попросил моей консультации, как делать операцию. Нам помогло телевидение. Больного положили перед аппаратом, и я очень чётко видел оперируемого на экране. Мы с хирургом были соединены судовым радиотелеграфом. И я, сидя в Москве, руководил операцией.

— Это всё очень интересно, — сказал Миша, — но скажите, когда я смогу встать?

— Не спешите, успеете ещё полетать на стратопланах. Ваше время впереди. Когда я был в ваших летах, полёт на аэроплане был новинкой.

Теперь вы точь-в-точь, как я в детстве, мечтаете о стратопланах, но вы будете счастливее меня. Вам, возможно, доведётся полетать и на звездолётах. Может быть, на Луне или на Марсе побываете…

— А знаете, — воскликнул Миша, забыв о своей болезни, — я читал об одном необычайном проекте! Ведь ракета без пассажиров уже летает? Так вот, институт реактивных двигателей строит такую ракету, которая сможет полететь на Луну и даже облететь её. Слой Хевисайда будет пробит. Управлять ракетой будут по радио. И на ракете будет установлен аппарат телевидения. Когда ракета будет лететь возле Луны, мы сможем видеть лунную поверхность совсем близко. А вторую сторону Луны…

Доктор добродушно усмехнулся:

— Так, пожалуй, и я на планетах побываю, не выходя из своего кабинета… Ну, потерпите ещё немного, не поднимайтесь. Передавайте привет от меня вашим атлантическим товарищам.

Вечером того же дня Миша узнал ещё об одной новости: «Ц-б» уже прилетел на место стоянки экспедиции, но не спускался, так как в нижних слоях атмосферы и на море всё ещё была буря. Дирижабль плавно кружился над тучами. Миша боялся заснуть и упустить момент спуска. И всё-

таки заснул.

ПЕРЕСАДКА В ВОЗДУХЕ

Проснулся он в шестом часу утра.

Портьеры на окнах были спущены, и Миша подумал: «Какая погода на улице?» Вдруг прогремел гром. В океане гроза! Значит, спуск не состоялся. Хотя, возможно, гроза сейчас только в Москве, а там, в Атлантике, её уже нет... Экран был мёртв. Гинзбург, наверное, ещё сладко спит. Ведь там недавно минула полночь. Время тянулось без конца. Только в одиннадцатом часу Миша услышал весёлый голос Гинзбурга.

— Доброго утра, Миша! Ну, как погода в Москве?

— Дождь и гром.

— А у нас прекрасно! Сейчас начнётся спуск. Передай по телефону членам штаба, чтобы быстрее съезжались.

Вот и экран ожил. Это Мотя постарался, чтобы Мише не было скучно ждать.

Палуба парохода, фальшборт и за ним — большие волны океана. Да, волны океана ещё не улеглись. Зато какое яркое южное солнце! А где же другие пароходы? Во время бури они разо-

шлись в разные стороны.

— Мотя, покажи дирижабль, — попросил Миша.

Палуба корабля и море вдруг провалились, словно Миша делал мёртвую петлю на самолёте, и в голубизне безоблачного неба он увидел сверкающую «сигару» дирижабля. Гинзбург что-то сказал, но Миша не расслышал. На экране телевизора произошла перемена. Теперь Миша видел море с огромной высоты, и траулер казался точкой на океанском просторе. Видимо, Гинзбург переключил Мишу на телеоко дирижабля.

Гинзбург и радист дирижабля устроили репетицию, опробовали аппараты. Всё было в порядке. И скоро мощные станции СССР оповестили об очередной трансляции: «Спуск дирижабля». Тысячи людей бросились к экранам телевизоров.

На экране — палуба, залитая ярким светом, матросы в белых костюмах, капитан, учёные, Азорес в дорожном костюме: серая куртка, короткие брюки, носки, туфли, небольшой чемоданчик в руке и на груди — неизменный фотоаппарат.

Потом другая картина: траулер с высоты дирижабля… Кадры начали чередоваться. Чёрная дымящаяся точка на поверхности океана то вырастала в большой траулер, то исчезала, на её

месте появлялась «сигара» дирижабля. Отчётливо видны гондолы, пропеллеры. Дирижабль быстро опускался… Ветер совсем утих, и это облегчало задачу.

— Но как же он сядет на воду? — спросил Мотя.

— Он не сядет, — ответил Барковский. — Он опустится над палубой и выбросит трап.

— И Карпиловскому придётся в воздухе спускаться по трапу?

— Чему же ты удивляешься? — вдруг услышал Миша голос геолога Правдина с борта траулера. — Советские учёные давно перестали быть кабинетными крысами. Подумаешь, диво — спуститься по трапу с воздуха! Ты посмотрел бы, как нам, геологам, приходится вскарабкиваться на обледенелые пики и вершины гор!

Тень от дирижабля укрыла весь траулер. Матросы выстроились возле борта. На всякий случай шлюпки держали наготове. У матросов в руках — спасательные круги. Всякую случайность надо предвидеть, чтобы она не превратилась в несчастный случай.

Ещё минута — и трап спущен. Он закачался над палубой. Дирижабль немного сносило ветром, а траулер — течением. Трап двигался в воздухе над палубой, приближаясь к антенне. Вдруг изоб-

ражение исчезло и тотчас же появилось снова. Теперь палуба была видна сверху — начал работать аппарат «Ц-6».

Трап пронёсся на четверть метра выше антенны. Дирижаблю пришлось сделать круг, и вновь трап появился над палубой возле кормы. По трапу спускался учёный. Карпиловский ловко перебирал перекладины верёвочной лестницы.

— Наверное, сдал нормы на значок ГТО второй ступени, — заключил Миша.

На дирижабле пустили в ход все аппараты для охлаждения газа. Дирижабль осел. Прежде чем трап коснулся палубы, Карпиловский спрыгнул под приветственные крики встречающих. Азорес успел щёлкнуть аппаратом, чтобы увековечить этот момент, и побежал за трапом, который удалялся от него. Все взгляды были обращены на прибывшего, и об Азоресе на мгновение забыли. Вдруг Маковский вскрикнул:

— Стой! Куда ты, сумасшедший!

Конец трапа быстро волокло по палубе от кормы к носу парохода. Азорес бежал, пытаясь вскочить на трап.

— Подожди! Дирижабль сделает ещё круг! Вот отчаянный! — Но Азорес уже уцепился за трап и взбирался по нему вверх. Трап, раскачиваясь,

приближался к выступу на носу парохода. Об этот выступ Азорес сейчас разобьётся. Все крикнули, а Азорес с проворством кошки продолжал взбираться вверх. И всё-таки он не успел убрать ноги, и ступни его ударились о рубку. В ту же минуту трап перелетел через рубку и повис над морем.

— Ой, упадёт! — разом вскрикнуло несколько человек. — Вот горячка!

Видно было, как Азорес стал дрыгать ногами.

— Разбил ноги!

— Смотрите, смотрите, он взбирается на руках. Вот неугомонный!

Азоресу помогли с дирижабля: капитан приказал быстро поднять трап. Так на трапе и втянули Азореса.

Длинный коридор на «Ц-6». Азорес пытается встать на ноги и сразу же садится. Его подхватывают.

— Ничего, чепуха, — бормочет он и, пошатываясь как пьяный, идёт по коридору. — Капитан, где моя каюта?

Так произошёл обмен пассажирами в воздухе.

Дирижабль поднялся, сделал круг над траулером и быстро стал удаляться.

— Как ты себя чувствуешь, Азорес? — спросил Маковский.

— Прекрасно! Пляшу, — шутя, ответил тот.

Однако через несколько минут врач дирижабля, осмотрев ноги Азореса, сказал, что удары значительны, хотя переломов и вывихов нет.

— До Америки во всяком случае ему придётся полежать.

ОДИН ПРОТИВ ТРЁХ

Океан успокоился, и корабли стали собираться да прежнее место.

Расположение затонувшего города было уже точно определено. Но советские корабли курсировали и обследовали дно в значительном отдалении от этого места.

— Подозрительные манёвры, — бормотал про себя Скотт. Он не ослаблял внимания к советским кораблям и приказал капитану «Урании» держаться поблизости от них. С деланной любезностью Скотт крикнул с мостика в рупор:
— Неужели и на этом месте найдём подводный город?

— Этого пока никто не может сказать, — осторожно ответил капитан советского теплохода.

Скотт продолжал наблюдения. Вслед за драгой с теплохода был спущен телевизор. Шёл час за

часом, а теплоход находился на том же месте.

— Опустите наш аппарат телевидения! — приказал Скотт и пошёл в свою каюту, где стоял телевизор с маленьким экраном. Экран вспыхнул. Мгла. Мелькают рыбы, мачты и трубы затонувших кораблей. Три парусника и два парохода… Луч прожектора советского телевизора шарил около пароходов.

— Так и есть! — воскликнул Скотт. — Теперь не остаётся никаких сомнений. Они ищут затонувший пароход. Они ищут «Левиафан». Проклятье! Но мы ещё увидим, кто первый придёт к финишу.

Затонувшие в этом месте пароходы были небольшими, и советский телеглаз стал подниматься вверх.

— Ну, конечно, — прикидывал вслух Скотт. — Они убедились, что это не «Левиафан», и больше их ничего не интересует. О, таких пароходов, как «Левиафан», возможно, лишь два-три на дне Атлантического океана… Что же мне делать? Их пароходы технически оснащены лучше. Правда, «Урания» быстроходней, но в данном случае это небольшое преимущество. Наши поиски не выходят за границу четырёх-пяти квадратных километров. Я, по сути говоря, мог бы спокойно

ждать момента, когда их суда найдут «Левиафан». А потом… начать действовать, но лучше найти самому. Кто найдёт первым, у того больше преимуществ.

Скотт приказал непрерывно кружить на месте, где, как предполагали, погиб «Левиафан». Телеоко целые сутки блуждало в глубине океана. Капитан «Урании» поделил на карте участок на квадраты в триста метров каждый. Обследованные отмечались крестиками.

Но и советские суда не теряли времени даром. Покинув затонувший город, они тоже усиленно искали «Левиафан».

— Оставим старым бабам верить, что большевикам интересны затонувшие материки и города, — бормотал Скотт. — У них та же цель, что и у меня, но у них превосходство: три парохода. Значит, и шансов на удачу втрое больше. Впрочем, посмотрим, кто будет смеяться последним!

Началось настоящее соревнование. «Урания» и три советских парохода бороздили небольшой участок океана во всех направлениях. Четыре телеглаза рыскали по морскому дну. Водолаз Протчев часами висел в своей подводной люльке, мечтая «утереть нос всем телеглазам».

«Поднять со дна такой пароход — тоже сокро-

вище», — думал Протчев.

Он вспомнил работу по подъёму судов: как шлангом-пипкой" промывают под корпусом судна ходы, протягивают металлические «ремни» и поднимают судно понтонами. Однажды Протчев едва не погиб под кормой, засыпанный песком. Сколько раз он видел смерть! И всё же любит своё дело и не променяет свою профессию ни на какую иную.

— Только бы найти «Левиафан»!..

Но огромный пароход словно сквозь землю провалился.

Скотт нервничал. Один против трёх. Нет, не против трёх, а против целой державы. Надо что-то придумать, чтобы уравновесить шансы. Скотт часами ходил по каюте из угла в угол и, наконец, придумал.

— Да, это будет надёжнее, — сказал он и вызвал к себе японского водолаза. Между ними произошла длительная беседа. Японец возражал, он не хотел спускаться под воду. Очень опасно: вода кишит акулами:

— Глупости, — парировал Скотт. — Акулы убрались после бури. Уже давно не видно ни одной. Советский водолаз спускается ежедневно.

— Но я сам видел акулу, — настаивал японец.

— Вы привыкли нырять только в ванне! — обозлился Скотт. — Каждая профессия связана с опасностями. Разве акула не нападает на ловцов жемчуга? У вас будет нож… Наконец, ваш водолазный костюм такой жёсткий…

— Акула может прокусить шланги, разорвать рубашку…

— Одним словом, вы отказываетесь? — закричал разгневанный этим «саботажем» Скотт. Он не привык к подобным протестам «купленных людей».

Нет, японец не отказывался. Он просто хотел набить цену. Чем больше риск, тем выше плата. Скотт облегчённо вздохнул. Если только в этом… И они начали торговаться.

О, мистер Скотт умел торговаться: два раза японец доходил до дверей и возвращался, три раза Скотт возвращал его, и, наконец, поладили. Скотт выплатил половину обусловленной суммы вперёд.

— Остальное получите, когда выполните задание.

Японец тщательно пересчитал деньги, не обращая внимания на то, что подобное недоверие «оскорбляет» Скотта, аккуратно сложил их, сунул в карман и вышел.

ПОИСКИ ЗАТОНУВШЕГО ТЕЛЕГЛАЗА

Той же ночью случилось неожиданное событие: свет на экране вдруг погас.

Гинзбург, который стоял на вахте возле телевизора, решил, что испортилось освещение. Возможно, где-то разъединились контакты? Гинзбур оповестил капитана и просил остановить пароход.

Проверили провода до самого борта. Они были исправны. Очевидно, что-то разладилось в самом аппарате. Придётся поднять телеоко. Лебёдка заработала быстрее обычного.

— Дела плохие, кажется, телеоко оторвалось, — взволнованно сказал Гинзбург. Как бы в подтверждение этих слов из воды показался конец троса… Телеоко осталось на дне океана.

— Возможно, акула перекусила?

— Акула или не акула, а пока что надо искать телеоко, — ответил Маковский.

Пришлось спустить второй телеглаз.

Ветром и течением пароход могло отнести от места аварии, и Маковский распорядился поставить буёк.

Начали искать затонувший аппарат. Гинзбург

побежал к экрану. На нём виднелись каменные складки, расщелины, небольшие пики: типичный горный ландшафт. Как нарочно, телеоко упало в таком неподходящем месте! Нелегко найти шар, который мог закатиться в одну из глубоких расщелин. Всю ночь Гинзбург «лазил по дну». Он ежеминутно требовал то придержать ход парохода, то пройти немного вперёд, то повернуть вправо, то отпустить трос, то поднять выше. Это была утомительная для всех работа. Иногда на экране неожиданно вырисовывался скалистый пик. Телеоко шло прямо на него; выступающие части объектива и прожектора могли разбиться. И Гинзбург спешил предупредить столкновение:

— Стоп! Задний ход! — кричал он.

Вся подошва горного пика была обследована. Гинзбург начал медленно подниматься выше. Одна из скал была похожа на сахарную голову. На ней имелись острые выступы, за которые телеоко, падая, могло зацепиться. Пришлось осматривать каждый выступ, каждую впадину. Луч прожектора взбирался всё выше. Стали резче видны скалы, стоявшие поодаль, хотя на них не падал свет прожектора. Гинзбург за работой забыл о времени. «Почему светится скала?» —

думал он. Случайно взглянув на часы-браслет, он увидел, что близится восход солнца. Косой луч пробивал толщу воды, и с каждой минутой скалы освещало всё сильнее. Скоро можно будет погасить прожектор. Но он погас автоматически, как только уменьшилось давление воды.

«Значит, я совсем близко от поверхности», — подумал Гинзбург. Он во время обдумывания так сливался с аппаратом, что ему казалось: это он сам бродит под водой.

Здесь, на высоте подводной вершины, «пейзаж» был разнообразнейший. Появились рыбы. Вершина покрылась водорослями. Лёгкое волнение достигало этих глубин, и водоросли плавно покачивались, словно от утреннего ветерка. Красные кораллы ветвились, как оленьи рога. На склонах виднелись красные, оранжевые, жёлтые морские звёзды. Ползали крабы.

— Вот! — закричал Гинзбург.

— Что, нашёл? — в двадцатый раз спросил его капитан.

— Нет, — разочарованно ответил Гинзбург.

— А что же закричал?

— Показалось, что нашёл. Перевёрнутая шлюпка. Издали она похожа на шар телеока. В шлюпке кто-то поселился. Спрут! Он выпускает свои щу-

пальца. Охота из раковины. Вот схватил рыбину. Есть чем позавтракать. Эх, жаль, что не видит этого Миша Борин! Передавай, Маковский, в Москву.

— Спрут! Спрут! — воскликнул Миша. Он уже давно скучал оттого, что экран не оживает.

— Почему вы сегодня опоздали с трансляцией? — спросил он Маковского.

— Были заняты, — ответил Маковский. — Передай штабу, что у нас большая авария: оборвался телевизор. Теперь ищем его.

— Правда, интересно? — услышал Миша голос Гинзбурга. — Я всю ночь искал.

— Ещё не нашёл?

— Нет.

— Да ты уже с ног, наверное, валишься и ничего не видишь, — остановил Гинзбурга Маковский. — Надо тебя сменить.

— Ни за что! — ответил Гинзбург.

— Тогда не увлекайся спрутами и ищи телевизор, — сурово приказал Маковский.

— Спрут — это тоже интересно, — вмешался Карпиловский.

Все учёные стояли у телевизора. Маковский развёл руками.

— Этого ещё недоставало! Нет, так дело не пой-

дёт. Или научная экспедиция, или…

— Не волнуйтесь, Маковский. Нам, учёным, будет выделено особое судно, — успокаивающе проговорил Чудинов.

— Вот это лучше всего — ответил капитан.

— С вами каши не сваришь. Мне нужно найти телеоко. А вас спруты интересуют. Гинзбург, постарайся обвести телеглаз вокруг затонувшей шлюпки и посмотри её название.

— Дай ход немного вперёд! Стоп! Довольно! Ах, чёрт! Скала мешает. Плохо видно. Сейчас прочту… Лёле… леви…

— «Левиафан!» — вскрикнул капитан. — Наверное, это шлюпка с «Левиафана». Выходит, мы близки к цели. Замечательная находка! Но всё-таки надо найти телеоко.

— А вот не очень приятная находка, — продолжал Гинзбург. — Скелет человека, и на грудной клетке мешочек. Далее ещё скелет.

— И рядом с ним какая-то колода! — закричал Миша, тоже участвовавший в этой экспедиции.

— Не колода, а бочонок, — поправил Правдин. — Видимо, с сухарями.

— Ну уж вы, сухопутные граждане, — иронически сказал капитан. — Сухари в таких бочонках! Сказали бы с солониной. Да и солонину в таких

маленьких не хранят.

— А может быть, с золотом? — засмеялся Чудинов. — Вот была бы находка!

— Подставляй шапку. Так тебе дно океана золотыми бочонками и усеяно!

— Разве мало золота похоронено на дне океана?

— Немало, но попробуй достань.

— И достанем, — вмешался в разговор Протчев. — Час придёт — достанем.

— Нашёл, нашёл! — вдруг закричал Гинзбург. — Вот оно, затонувшее телеоко, теперь уже без обмана. Уберите рабочее телеоко, поднимите вверх, теперь оно не нужно. Здесь и так видно. Вишь, упало за шлюпку! Еле видно. Подайте немного вперёд, — командовал он капитану. — Опускайте ваши «механические руки».

— Щупальца спрута на телевизоре! — вскрикнул Миша.

— Да, обнимают. Спрут не хочет отдать нам телеоко. Этого ещё недоставало. Ну, погоди, мы тебя вместе с твоей конурой-шлюпкой вытянем, если ты будешь задерживать, — сказал, смеясь, Гинзбург. Он был очень рад, что нашёл телевизор, и забыл о бессонной ночи.

Сверху стал медленно спускаться металличе-

ский «паук». Гинзбург управлял его движениями.

— Левее. Ещё. Так! Теперь чуть вперёд.

«Паук» растопырил свои коленчатые пальцы, замер над шаром телеока.

— Сжимай! — разрешил Гинзбург.

Лапы «паука» сжались, скользнули по поверхности шара, но не ухватили его.

— Распустить пальцы шире. Ещё. Так! Спускай! Сжимай! Есть! Схвачен! Тихо поднимай!

Трос натянулся. Слой ила, атмосферной пыли и отложений мелких организмов поднялся со дна и заклубился, как дым. На минуту весь экран закрыло этой тучей. Но «паук» уже тянул свою добычу вверх.

— Быстрее переведите объектив на палубу, — подгонял Миша, боясь прозевать момент, когда «добыча» появится на поверхности воды и опустится на палубу.

Неожиданно экран осветился ярким солнечным светом. Отблескивают чисто вымытые палубные доски. Видна стрела возле кормы. К лебёдке спешат Гинзбург, учёные и матросы.

— Не загораживайте! — уже закричал Миша.

Расступились… Вот показалась из-за борта блестящая круглая мокрая поверхность шара. На ней

что-то извивается.

Раскатистый смех.

— Спрут! Спрут! Он всё-таки не бросил своей добычи.

— Отойдите! — кричит капитан со своего мостика.

Но матросы не очень торопятся отойти — очень уж интересный морской зверь попался! Да и что за опасность. Обовьёт щупальцем — это тебе не в океане, быстренько ножом полоснул — и готово.

Шар со спрутом, который в него вцепился, спускается на палубу. Спрут угрожающе шевелит щупальцами.

— У, гадюка! — Матрос бьёт по щупальцам шваброй, которой мыл палубу. Спрут подбирает щупальце, как хобот, но выпускает другое. Сколько же их у него? Восемь!

— Вот бы такого паука приспособить поднимать со дна моря то, что нам нужно!

— Полюбуйтесь, — говорит один матрос, — Скотт следит за нами в бинокль.

— Пусть следит, — спокойно отвечает капитан. — Спустите вниз «кишку», надо поднять шлюпку…

— И бочонок! — взволнованно кричит Миша. В это мгновение он забывает, что лежит в посте-

ли в Москве. Он чувствует себя полноправным участником экспедиции.

— Поднимем и бочонок, — успокоил его капитан.

Матросы тешились со спрутом, но Гинзбургу хотелось скорее осмотреть телеоко, — не повреждено ли оно.

— Обрубите спруту щупальца, — сказал Миша.

Повар, прибежавший с камбуза, вынул длинный острый нож и начал быстро отсекать длиннущие ноги-щупальца. Сверху они были гладенькие, внизу — беловатые, по краям — присоски.

Отрезанные щупальца долго извивались на палубе, истекая кровью.

— Как змеи, — сказал матрос и наступил ногой на отрезанное щупальце. Оно закрутилось и обвило ему ногу.

— Фу, сатана! — выругался матрос, отрывая щупальце. А спрут подыхал от потери крови. По его мягкому телу пробегали судороги.

— Пора опускать телеоко, — сказал Гинзбург. — Сколько времени потеряно зря!

ШЛЮПКА «ЛЕВИАФАНА»

— Скотт всю ночь плавал вокруг, — сказал, зевая, матрос, который сменился после ночной вахты. — Теперь к нам ближе подплыл, вынул очки, усмехается.

Протчев внимательно осматривал концы троса.

— Ты думаешь, это акула перекусила? — спросил он Гинзбурга.

— А кто же?

— А ты когда-нибудь видел зубы акулы?

— Ни разу, — признался Гинзбург.

— Я бы на твоём месте то же ответил. Зубы у акулы, как пилы. Один слой зубов на другом. Когда стираются одни зубы, подрастают другие. Красивые. Филигранная работа. Словно китайский резчик на кости вырезал. Но суть не в красоте, а в том, что зубы акулы оставили бы зубчатые следы. Да и вряд ли акула перекусила бы стальной трос, хотя он и тонкий. На изоляционном слое проводов зубы акулы оставили бы отчётливые рубчики. Я как-нибудь покажу тебе своё плечо, на нём зубы акулы оставили след. Я уж не ошибусь.

— Что же ты думаешь?

— Я думаю, — ответил Протчев, — что акула здесь ни при чём. Трос и провода перерезаны рукой человека — ножом или ножницами, какими режут проволочные заграждения. Это дело рук японца с «Урании», вернее — Скотта.

— Но «Урания» не подходила ночью близко к нашему траулеру.

— А вот мы выясним, — Протчев позвал матроса, стоявшего на вахте в первую половину ночи.

Матрос сказал, что около полуночи «Урания» подошла близко к нашему траулеру.

— Но так как они на «Урании» делали своё дело — спускали драги и лоты, то я и не беспокоился, — говорил матрос. — Ведь и днём «Урания» часто близко подходила к нашим пароходам.

— Скотт дал команду спускать лоты, драги только для того, чтобы отвлечь внимание, — заметил Протчев. — Нам надо быть осторожнее и не подпускать близко к себе «Уранию». А впрочем... — и Протчев усмехнулся. — Может быть, и подпустим... — многозначительно добавил он.

Вбежал радист и сообщил новость: на теплоходе этой ночью тоже оборвалось телеоко. Его ищут.

— За одну ночь две аварии! — воскликнул Протчев.

— Да, это проворный японец, — добавил он почти с увлечением профессионала, умеющего ценить работу другого.

— Вот вредители проклятые! — возмутился один из матросов.

— Ну что же, будем вылавливать шлюпку и бочонок? — спросил Гинзбург.

— Будем, — ответил Барковский, — но станем другим бортом.

— Чтобы «скотты» не напортили, — добавил молодой матрос.

Скотт заметил манёвр и тотчас приказал обойти траулер. Но «Урании» для этого надо было сделать полукруг, и прежде чем Скотт занял новый наблюдательный пост, шлюпка, поднятая со дна моря, уже лежала на палубе.

Она была покрыта илом и ракушками. Одна уключина уцелела, но была изъедена коррозией. Через среднюю банку был протянут завязанный узлом ремень, под ним лежало несколько тазобедренных костей.

— Вот что осталось от человека, — толковали матросы. — Наверное, привязал себя, чтобы не смыло волной, да так привязанный и пошёл на дно. Рыбы сделали своё дело — обгрызли мясо. Остались одни косточки.

Два матроса ножами осторожно соскребли налипший слой с носа и боков шлюпки. Чётко выступила надпись: «Левиафан».

— Мы не ошиблись. Эта шлюпка с «Левиафана». Как известно, он затонул так быстро, что все спущенные шлюпки захлестнуло волной. Следовательно, и сам «Левиафан» должен быть поблизости.

— А почему затонул «Левиафан»? — спросил Гинзбург.

— Это так и осталось невыясненным, — ответил Маковский. — Одна из неразгаданных тайн океана. Ну, теперь что же, поднять кожаную сумочку с груди скелета?

— В кисете табак, наверное, — пошутил матрос.

С «кисетом» пришлось повозиться.

Телеоко довольно быстро разыскало скелет — он лежал на открытом месте, и его было хорошо видно при рассеянном солнечном свете.

Пальцы «паука» были не очень приспособлены для такой мелкой работы. Они сжимались и разжимались несколько раз и никак не могли схватить кожаную сумочку… Она проходила сквозь «пальцы». Гинзбург пробовал поднять всю грудную клетку, но едва железные «пальцы»

стиснули скелет, кости рассыпались и упали на дно. Наконец Гинзбургу удалось зацепить ногтем железного пальца за ремешок. Мотя приказал поднимать «паука». Но он допустил ошибку: ему надо было следить за подъёмом с помощью телеока, он же считал, что ремешок прочно зацеплен пальцем. Увы, то ли ремешок перегнил в воде, то ли «паук» раскачался во время подъёма и ремешок при этом выпал. Так или иначе, «паук» явился без добычи. Найти место, куда упала сумочка, было почти невозможно. Гинзбург не мог простить себе этой ошибки. Он готов был искать весь день. Однако несколько часов поисков «кисета» не дали результатов. Возможно, он упал в одну из узких расщелин.

— Придётся прекратить поиски, — сказал Маковский. — Да, возможно, и находка того не стоит. В самом деле, что могло быть в этой сумочке? Всего вероятнее несколько золотых монет или бумажные деньги. А если были бумаги и документы, то они, конечно, давно испорчены водой и, считай, погибли, хотя бы они и имели какое-то значение для нас.

— А бочонок… — хотел крикнуть Миша, но Маковский опередил его желание.

— Поднимем хотя бы бочонок, — сказал он.

— Мой подводный глаз нашёл его, — проговорил Гинзбург. — Подводите «паука» левее.

«Паук», расставив лапы, медленно приближался к своей добыче.

СЛЕДАМИ АВАНТЮРИСТА

Дирижабль «Ц-6», высадив Карпиловского и взяв на борт Азореса, полетел в северо-западном направлении. Азоресу это было не с руки. Корреспондент уже выработал план поисков. На «Урании» был флаг Аргентинской республики. О том, что «Урания» аргентинский пароход, говорил и Кар. Скотт наверняка отплыл от берегов Аргентины. Значит, Азоресу надо было начать поиски с Буэнос-Айреса, тем более, что этот город он уже знал и там живёт Кар, который также может оказаться полезным.

Но «Ц-6» летел на Нью-Йорк, и Азоресу ничего не оставалось, как высадиться в этом городе и оттуда лететь самолётом в Аргентину. Появление советского цельнометаллического дирижабля вызвало сенсацию, и это дало Азоресу материал для корреспонденции.

В Нью-Йорке Азорес не терял времени зря. Прежде всего он написал очерк об этом капитали-

стическом Вавилоне: что произошло с городом за два года, в течение которых Азорес не был здесь.

«Можно подумать, — писал Азорес в очерке, — что в Нью-Йорке исчез жилищный кризис. Даже в Бауэре, квартале бедноты, — тьма пустых берлог. Но их обитатели выселены за неуплату квартплаты. Быстрыми темпами идёт „рабочее жилстроительство“: выселенные из своих квартир рабочие переселились на окраины города и строят там „здания“ из старых ящиков, автомобильных кузовов, консервных банок, старых листов железа и всякого хлама.

В центре города вы можете выбрать для жилья первую попавшуюся квартиру в любом небоскрёбе… если только у вас есть для этого капитал.

Вместо фешенебельных ресторанов выросли маленькие „спикизи“ — кабачки. Возле дверей закрытых кафе нищие, грязные, ободранные индейцы продают сосиски с хреном и „собачью колбасу“ — пять центов порция».

Азорес проведал и биржу. Ему казалось, что он попал в дом сумасшедших или в больницу, где больные тифом, оставленные без присмотра, бегают и выкрикивают что-то в суматохе.

Азорес придержал за рукав одного «сумасшедшего», который казался менее буйным, чем

другие, и заговорил с ним. Это был мелкий биржевый спекулянт, комиссионер, который доллара за два был готов на всё. Азорес пообещал ему намного большую сумму, если тот добудет ему кое-какие сведения о мистере Скотте.

— Мистер Скотт? — сказал маклер. — Их тысячи. Какой вам нужен?

— Тот, который недавно зафрахтовал пароход «Уранию» в Буэнос-Айресе… За сорок лет, лицом жёлт. Очевидно, болен тропической лихорадкой.

— Тогда вам следует отправиться в Буэнос-Айрес, — ответил маклер, но решив, что нельзя упустить клиента, добавил: — Впрочем, я постараюсь узнать всё возможное. Где вы остановились?

Азорес сообщил адрес и прибавил:

— Вот вам пять долларов на расходы.

Маклер почтительно поклонился и, улыбаясь, — кто же в Америке не улыбается? — исчез в толпе.

«Конечно, он ничего не узнает, — думал Азорес. — Да мне-то что, пусть хоть пообедает сегодня».

Но «кое-что» маклер узнал. В день отъезда Азореса он неожиданно появился с четырьмя справками о четырёх Скоттах, которые больше других походили на того, которого ищет Азорес.

Журналист просмотрел справки и остановился на одной. В ней было сказано немногое: "Несколько лет назад в Нью-Йорке существовала небольшая рекламная контора какого-то Скотта и Вильямса. Эта «компания» была нестоящей, то есть у неё не было основного капитала, хотя она и умудрялась делать небольшие обороты. После одного удачного трюка Скотт и Вильямс исчезли. «Возможно, бежали в Палестину. Дальнейшая их судьба неизвестна».

Азорес поблагодарил маклера, заплатил ему за справки и взял их с собой. «Возможно, пригодятся».

Вечером он уже летел в самолёте.

Первый визит — к Кару.

Как он похудел и побледнел! Но на лице всё та же улыбка, скорбная улыбка человека, который хочет показать, что его дела — о, конечно, копеечные! — не столь уж плохи. Без этой улыбки разве лавочник отпустит в кредит, а домовладелец разве подождёт с квартирной платой?

— Как я рад вас видеть, дорогой товарищ Азорес! — воскликнул Кар, потирая свои сухие руки. — Дела идут успешно. Каковы последние новости?

Азорес рассказал.

— Последнее, что я видел, — это как Гинзбург потерял кожаную сумочку, висевшую на груди скелета, и как наш «паук» опустился, чтобы вытащить какой-то бочонок… Но что с вами, дорогой Кар? Вы так побледнели…

— Скелет… сумочка! — закричал Кар подавленным от волнения голосом. — И вы говорите, что его нашли возле шлюпки с «Левиафана»?

— Да, близ шлюпки, поднятой на борт траулера.

— Да ведь это же скелет Хургеса! — По худым, заросшим рыжей щетиной щекам Кара потекли обильные слёзы.

Азорес расчувствовался. Даже корреспонденту не так уж часто случается видеть, как плачут взрослые мужчины.

— Может быть, вы ошибаетесь? Скелеты все похожи. Я, признаюсь, не отличил бы даже женского скелета от мужского.

— Нет, нет, это он, это мой бедный Хургес! Так вот что осталось от него. Какая несправедливость судьбы! Такой ум! Такой человек! Он так и не увидел своей новой родины. Мир потерял великого человека. Скелет возле шлюпки. А сумочка… Вы знаете, что было в этой сумочке? Вот здесь, в этой комнате, Хургес показывал её мне и примерял к

своей груди…

«Если пароход будет тонуть, я эту сумочку привяжу на шею, — сказал тогда он. — Возможно, мне посчастливится спастись на шлюпке». Да. В сумочке находилось его изобретение — бумаги со схемами и формулами… Но бумаги, конечно, уже испорчены водой. Гинзбург напрасно так сокрушался, я бы его успокоил. Но он сам виноват, — с мягким укором продолжал Кар. — Почему он не вспомнил обо мне?

— Товарищ Кар, Гинзбург, возможно, не очень виноват. Он при мне несколько раз пытался связаться с вами, но не получал ответа. И мы решили, что или вы больны, или что-то вам мешает.

— Это верно, — оживился Кар. — Мои дела вовсе плохи, — не сегодня-завтра меня уволят. Хозяева решили, что, как ни мало они мне платят, это роскошь, когда вся заработная плата идёт одному человеку. И они поделили мой оклад между двумя служащими. Да, да! Они пригласили ещё одного, который чем-то выслужился. Теперь мы работаем с ним через день. По сути дела, он, как и я, почти ничего не делает для фирмы — нет работы. Всё стоит. А мой сотрудник к тому же ещё и ленив. Дремлет вот в этом кресле. И это хорошо. Из-за лени он ничем не интересуется. Мне при-

шлось всё же перенести нашу коротковолновую радиостанцию к себе на квартиру. А это рискованно. Но ничего не поделаешь. И в те дни, когда я работаю или, вернее, не работаю, я уж не могу разговаривать с вами. Но я обязательно сообщу дни. И мы будем продолжать… если только…

— Если что?

— Если меня совсем не выгонят и я не умру под забором.

Азорес забарабанил пальцами по столу.

— Товарищ Кар, а почему бы вам не уехать в СССР? Вы там будете необходимы. Ведь вы сотрудник Хургеса!

Красноватые веки с рыжими ресницами вздрогнули. В глазах Кара блеснул радостный огонёк, блеснул и погас.

— Это невозможно, — тихо сказал он. — Ведь у меня нет средств на такую далёкую поездку.

— Средства найдутся, — с уверенностью сказал Азорес. — Вот и решено. Вы поедете со мной. Вас здесь ничто не держит? Ну, я имею в виду родных, возможно — возлюбленную…

Кар вспыхнул, как девушка.

— О, нет! Я одинок, как перст. И я готов выехать хоть сегодня.

— Сегодня рано, — промолвил Азорес улыба-

ясь. — Вы мне ещё здесь окажете помощь. Ведь вы уже слышали о Скотте?

— Как же! И понять не могу, что ему надо или как он узнал о тайне Хургеса, если только он узнал о ней. Это мне чрезвычайно неприятно. Это бросает тень на меня… Могут подумать, что я продал тайну…

Азорес пожал Кару руку.

— Прекрасно. И чтобы вам не мешала работа в этой мышиной норе, вы сегодня же откажетесь от должности…

— Отказаться от должности?! — со страхом вскрикнул Кар.

— Разве вы не решили ехать со мной? — удивлённо спросил Азорес.

Кар провёл рукой по лбу.

— Да, да, конечно… Но всё это так неожиданно! Ну, конечно же, сегодня же я сам заявлю, что ухожу. Но ведь у нас это чрезвычайное происшествие!

— …и мы с вами примемся за розыски. Узнаем, что возможно, и потом улетим в Атлантический океан, к месту нашей экспедиции. Я уверен, что вы не пожалеете.

— И после этого уверяют, что чудес на свете не бывает, — сказал Кар. Его руки дрожали, как в

лихорадке. От волнения он стал переставлять с места на место индукционные катушки, словно уже собирался в дорогу.

ИСТОРИЯ МИСТЕРА СКОТТА

«Паук» схватил добычу и потащил её вверх. На этот раз Гинзбург попросил поднимать его возможно медленнее. Телеоко он решил оставить на дне. Если бочонок упадёт, то вертикально — на то же место. И Гинзбург внимательно следил за экраном. Но на нём мелькали только рыбы, гнавшиеся друг за другом, да воздушные медузы. Наконец Гинзбург с облегчением услышал:

— Есть! Бочонок перевалил за борт.

Три пары глаз оторвались от экранов: капитан следил в своей каюте, Гинзбург — на палубе в специальной камере, Миша — в штабе.

Миша волновался. Это он первым заметил бочонок. Что же в бочонке? Миша присел на постели и попросил Гинзбурга, чтобы никто не заслонял бочонок от объектива приёмного аппарата.

— А-а-ах! — вдруг донёсся чей-то, как показалось всем, женский голос с моря. Все повернули головы.

Пока поднимали бочонок, «Урания» успела

всё-таки обогнуть траулер, — не зря она была быстроходным судном. Скотт увидел бочонок и… Что сталось с этим холодным самоуверенным человеком, который так умел владеть собой! Он закричал, как истеричка, уронил бинокль в воду и упал на палубу, словно сражённый пулей.

Гинзбург и капитан переглянулись. Скотт обнаружил свою тайну. Так вот что, он искал, бочонок! В этом бочонке хранится, конечно, не тухлая солонина…

Один матрос поднял бочонок и снова положил.

— Ого, тяжёленькую добычу поймал наш «паук», — пошутил он. — Дайте скорее топор!

Через несколько минут обручи были сбиты, бочонок открыт. Он был полон золотых слитков.

— Что, что там, в бочонке? — крикнул Миша так громко, что отец прибежал из столовой.

— Что случилось? — спросил он.

— Золото, золото, золото! — прозвенел голос Гинзбурга. — Этого достаточно, чтобы вся экспедиция окупилась!

И Борин-отец увидел Гинзбурга, который держал высоко в руке сверкающий слиток золота.

— Пусть полюбуется мистер Скотт, — хохотали матросы.

А мистер Скотт уже пришёл в себя. Из-за борта

появились сначала его руки со скрюченными пальцами, потом перекошенное от злобы лицо.

— Бандиты! Разбойники! Будьте вы прокляты! — ревел он хриплым голосом и вновь сполз за борт.

Смех матросов был ответом на этот истерический выкрик человека, потерявшего самообладание.

Скотта подняли и перенесли в каюту. Он прогнал всех и выпил целую бутылку рома. «Ром успокаивает нервы, как виски — приступы малярии», — так полагал Скотт.

— Бочонок… Мой бочонок… Золото… его вторично крадут у меня… О, проклятый Вильямс, проклятые большевики!.. — И Скотт потерял сознание.

Ему чудились бесплодные пустыни, мулы, мешки с провизией, палящее солнце, проводники-индейцы, ножи, костры, прерии, горы… И Вильямс, толстый Вильямс… На привале он своей тушей придавил Скотта, и Скотт задыхается от тяжести тучного тела. Вильямс закрывает своим телом вход в пещеру, и Скотт задыхается. Вильямс хватает мешки с золотом и удирает на мулах, а Скотт бежит за ним по плоскогорью, безлюдному, как поверхность Луны, горячему, как раскалён-

ная плита, и кричит: «Стой, стой, предатель!»

Эти крики разносились по пароходу. Матросы покачивали головами и говорили:

— Совсем свихнулся.

— Золото в голову шибануло, — заметил старый матрос. — Оно крепче спирта обжигает.

Через несколько часов Скотт приподнялся, облил голову холодной водой, посмотрел в иллюминатор, откуда был виден траулер, и процедил сквозь зубы:

— Однако не всё ещё потеряно, и… мы потягаемся, чёрт побери!

На пароходах советской экспедиции и в Москве, в штабе, радовались.

— Найдено золото! Но это лишь случайный подарок океана, — сказал Барковский. — Стократ краше и дороже золота то, что тайна Хургеса, очевидно, неведома Скотту и неизвестна никому за границей, кроме Кара и Азореса. А открытие Хургеса — ценнее золота.

— Пригодится и золото, — сказал Миша. Ведь это он, сидя в московской квартире, нашёл на дне Атлантического океана бочонок.

— Ну, теперь мистер Скотт, наверное, снимется с якоря и уйдёт, с чем пришёл. Он больше не будет мешать, — сказал Барковский.

Но он ошибся. Скотт продолжал поиски.

— Неужели на дне океана схоронен не один бочонок с золотом? — удивлялись на траулере. — Кто-то вёз порядочное богатство на «Левиафане». Если бы золото принадлежало какой-либо стране, то, конечно, его искали бы не мистеры Скотты.

— Скотт, видимо, не уйдёт до тех пор, пока не уйдём мы, — высказал предположение Маковский. — Если он сомневался в том, что мы сидим здесь ради подводного города, то теперь он и подавно не верит в это. Если бы мы взяли всё, что интересует Скотта и что берег океан, то, поверьте, Скотт потерял бы всякий интерес к нашей экспедиции и не задерживался бы здесь ни одного лишнего дня. Ведь ему, наверное, не дёшево стоит фрахт такого судна.

АЗОРЕС ПОДАЁТ ВЕСТОЧКУ

Азорес уже несколько дней не давал знать о себе, и Барковский очень обрадовался, когда, наконец, услышал знакомый голос:

— Алло! Здравствуйте. Это я, Азорес. Со мной товарищ Кар. Мы объездили Боливию, Перу, Эквадор. Тьма приключений. Расскажу, когда вернусь. Напали на след и кое-что узнали о

мистере Скотте. Как и следовало ожидать, это чистой воды авантюрист. Ещё в Нью-Йорке Скотт сошёлся с таким же авантюристом, — нет, с ещё более прожжённым, каким-то Вильямсом. Скотт открыл в Эквадоре богатые золотые россыпи. Но у него не было средств для их разработки, и он пригласил в компанию Вильямса, у которого были деньги. Чтобы их увеличить, «друзья» открыли в Нью-Йорке одно из дутых предприятий, которые могут привести или к быстрому обогащению, или к тюрьме. Сорвав добрый куш, Скотт и Вильямс исчезли из Нью-Йорка и отправились добывать золото. Очевидно, им действительно повезло. Со слов одного индейца, который работал на золотых приисках, они намыли золота чуть ли не пять бочонков. Часть золота — крупные самородки. Вильямс надул своего компаньона: воспользовавшись тем, что Скотт любит выпить, Вильямс подбавил в бутылку с виски снотворного порошка и ночью удрал, прихватив с собой всех мулов и бочонки с золотом. Он, очевидно, поручил одному из индейцев «прикончить» Скотта. Почему Скотт остался жив, не удалось выяснить. Вильямс поспешил на пароход «Левиафан», который как раз отплывал, чтобы удрать в Англию. Пароход, как вы знаете, затонул, а с ним, очевидно, и Вильямс

вместе со своими награбленными богатствами. Таким образом, на «Левиафане» плыли и Вильямс и Бласко Хургес. Вот почему Скотт прибыл на место гибели «Левиафана»… Он, конечно, считает себя «законным наследником» затонувшего сокровища и решил на остатки своего капитала организовать поиски.

— Благодарю за информацию, — сказал Барковский из Москвы. — Тебя, возможно, удивит, но мы уже знаем, зачем приплыл Скотт. — И Барковский рассказал Азоресу о находке и об истерике Скотта. — Стало быть, бочонок не один. Мы и сами так догадывались, потому что Скотт всё ищет. Пусть ищет. Можем пожелать ему успеха. Нам его золото не нужно, лишь бы он не мешал. Приезжай быстрее и привози Кара. Привет ему. Мне очень хочется лично познакомиться с сотрудником Хургеса.

МИЛЛИОНЕР-НЕУДАЧНИК

Мистер Скотт переживал тяжёлые дни. Когда он отплывал в экспедицию искать затонувшие сокровища, то прикидывал так:

«„Левиафан“ не иголка. Его нетрудно

отыскать на дне океана. Место гибели парохода точно известно. Я приглашу опытных японских водолазов, хорошо заплачу им, и они быстро вытянут бочонки с золотом из затонувшего парохода. Самые крупные расходы — на фрахт парохода. Если зафрахтовать на месяц, считая и время переезда туда и обратно, то этого времени будет достаточно. На месяц фрахта у меня есть деньги. К счастью, я припрятал от своего компаньона немного золотых слитков, которые удалось найти самому. Риск невелик: вложенный в это дело капитал окупится сторицей».

И Скотт, как это не раз бывало в его жизни, поставил на карту всё, что имел, надеясь сразу сорвать «банк».

С фрахтом вышло лучше, чем он ожидал: в портах, доках Северной и Южной Америки и Европы стояло много «безработных» пароходов с потушенными топками. О безработных моряках и говорить не приходилось — их можно было бы «накупить» по дешёвой цене на целую флотилию.

Когда Скотт объявил о желании зафрахтовать

пароход — не было отбою от предложений. Агенты пароходных компаний и комиссионеры роем вились возле отеля, где остановился Скотт. Как человек «коммерческий», Скотт организовал публичные торги. И ему удалось «просто даром» зафрахтовать «Уранию» на месяц. Это «даром» всё же влетело в немалую копейку. Оно поглотило почти четыре пятых наличных средств.

Дальше пошло труднее. Когда Скотт запросил агента японской компании подводных работ, тот пояснил ему, что подъёмные работы их компания обычно проводит на небольшой глубине. Работать на глубине около ста метров компания отказывается. «Левиафан» же затонул на глубине нескольких сот, а возможно, и тысяч метров.

«Цену набивает», — думал Скотт, выслушивая пояснения агента, но он ошибался. Японцы отказались взяться за это дело. А пароход был уже зафрахтован. Часть денег уплачена вперёд. Отступать поздно.

Скотт бросился ко всякого рода специалистам, которые имели отношение к морям и их глубинам, прося у них совета. Однако получил ту же самую грустную отповедь.

Американские водолазы опускаются в твёрдых «панцирных» водолазных костюмах на двести

пятьдесят-триста метров, к это почти граница для водолазных работ.

Один учёный предложил Скотту воспользоваться аппаратом для подводного телевидения.

— Вы наверняка сможете с его помощью найти на дне затонувшее судно, — сказал он.

Аппарат для подводного телевидения надо ещё заказать.

Американские компании подводных работ дерут очень дорого за лишнюю сотню метров глубины. Что делать? Пригласить компаньонов? Скотту не трудно было сообщить, что на «Левиафане» есть пять бочонков с золотом. Но тогда придётся половину золота отдать компаньону. Скотт был слишком скуп, чтобы согласиться на это. К тому же и найти компаньона не так уж легко. Капиталисты с небольшим и средним достатком давно разорились от кризиса, а крупные неохотно идут на авантюры. Они согласятся иметь меньшую, но верную прибыль на капитал и уж, во всяком случае, потребуют доказательств не только существования, но и технических возможностей добыть бочонки со дна.

Скотт соображал, а время шло, зафрахтованная «Урания» стояла в порту, каждый день приносил бесплодные затраты. И Скотт решил пригласить

двух японских водолазов — их помощь в этом деле, во всяком случае, может пригодиться, — приобрести аппарат подводного телевидения, «купить» безработного радиоинженера, радиотехника или специалиста по телевидению и отплыть на место гибели «Левиафана», обдумывая дорогой, как добыть золото со дна океана.

Японцев-водолазов ему удалось найти помимо компании. Телеустановка и радиоспециалист Поуэрс стоили ему дороже, чем он предполагал. Эти непредвиденные расходы съели почти все остатки его капитала. Остальное он истратил на топливо, провиант, воду, заработную плату экипажу.

Когда «Урания» развела пары и оставила порт, Скотт мог сказать о себе словами древнего философа: «Всё моё ношу с собой». Он поставил на карту действительно всё и в случае неудачи сошёл бы на берег бедняком из бедняков.

Он давно привык к ударам судьбы, но перспектива нового разорения его угнетала, и он решил любой ценой завладеть погибшим сокровищем. Если ему удастся найти на дне океана «Левиафан», это будет половиной победы. Тогда, в крайнем случае, легче будет найти компаньона.

Встреча советской флотилии в Атлантиче-

ском океане, на месте гибели «Левиафана», была неожиданным ударом для Скотта. Он не сомневался в том, что большевики каким-то образом проведали о золоте и пришли сюда ради него. У них три судна, прекрасные телеустановки, главное же — почти неисчерпаемые материальные и технические ресурсы. Разве частный капиталист (а Скотт в это время был капиталистом без капитала), разве даже капиталист-миллионер мог конкурировать с целой державой, к тому же с такой, которая не жалеет средств, чтобы достичь цели! Скотт помнил всю историю покорения большевиками стратосферы, освоения Великого Северного морского пути, челюскинскую эпопею… Оставалось надеяться на счастливый случай. Но он не приходил. Тогда Скотт решил сделать первый визит на траулер, чтобы позондировать почву.

Этот визит закончился ничем. Был момент, когда Скотт почти верил в то, что большевиков привела в океан научная цель. Но вскоре выяснилось, что это не так. И Скотту всё стало «ясно, как день», когда над поверхностью океана появился «паук». У Скотта же не было таких «механических рук». В воздухе над бортом траулера закачался бочонок. О, конечно, бочонок с золотом.

В это мгновение Скотт чувствовал себя обворованным, разорённым, погибшим. Он чувствовал, что вторично ему не посчастливится найти золотые россыпи — недостанет физических сил. Его здоровье было сильно подорвано скитаниями по всем тропическим «закоулкам». Сказалось и злоупотребление алкоголем, к которому он поначалу всерьёз прибегал как к средству против малярии.

Одним словом, его карта была бита. И он впервые в жизни впал в истерику, на какое-то время потерял сознание — одним словом, вёл себя как никчемнейший неврастеник.

Правда, он скоро избавился от психической придавленности, но всё же его положение было почти безнадёжным. Он решил «не срамиться в игре» и перешёл к пакостям. Но ему долго не продержаться на этом, если только ему не посчастливится первым найти «Левиафан».

И ещё один момент чрезвычайно расстроил Скотта: «паук» достал бочонок прямо со дна моря. Между тем на этом месте, — а Скотт его уже осмотрел, — «Левиафана» не было. Как это понимать? Вильямс, видимо, не сдавал свой чересчур дорогой груз в багаж и хранил бочонки в своей каюте. Что же случилось на пароходе во время

аварии? Возможно, этот бочонок украли матросы, проведав о золоте? Возможно, сам Вильямс успел погрузить все бочонки в шлюпку, и они вместе с ним утонули на большом расстоянии от «Левиафана»… Это вероятнее всего. Чёрт побери! Вещь потерянная — вещь ничья, «рес нулиус», как говорили римские юристы. Формально, юридически, Скотт не может заявить права на золото и требовать его возврата от большевиков. Да к тому же и обосновывать это право не так уж легко. В крайнем случае, суд мог признать право наполовину. Ведь как ни нечестно поступил Вильямс, половина принадлежала ему или его наследникам.

Короче: один бочонок надо было сбросить со счётов. Но на дне лежат ещё четыре. Остаётся одно — продолжать игру. Если Скотту удастся найти хотя бы один бочонок, все затраты на экспедицию окупятся и у него останется ещё капитал, с которым можно снова начать борьбу за «лучшее место в худшем из миров».

Но действовать надо решительно. Месяц кончался, и если в последние его дни не удастся найти хотя бы один бочонок, игра окончательно проиграна.

Да, сейчас надо действовать решительно. В

крайнем случае, пойти на кое-какие соглашения с соперниками.

ВТОРОЙ ВИЗИТ СКОТТА

Скотт не подходил к стойке целый день и всю ночь. Утром он встал, тщательно побрился, надел свой лучший костюм и приказал спустить шлюпку. Поступившись самолюбием, Скотт решил сделать второй визит на траулер.

На этот раз он вёл себя не так высокомерно. Он «только сохранял достоинство». О, нет, он пришёл вовсе не как проситель. Он желает разговаривать «как равный с равным». «Международная конференция на волнах Атлантического океана», — как говорил он, чтобы поднять свой дух.

Его приняли, как и в первый раз, уважительно, с холодноватой корректностью. На иное он и не рассчитывал.

— Мистер! — сказал Скотт, усаживаясь в предложенное кресло и протягивая капитану Маковскому сигару, от которой тот отказался. — Мистер, прошлый раз мы говорили о том, что нам надо установить некий модус, чтобы не мешать друг другу.

Маковский качнул головой и ответил, как бы-

валый дипломат:

— Мистер Скотт, во всяком случае, вы отнюдь не являетесь стороной, которая могла бы пожаловаться на невыполнение этого условия.

— Я и не жалуюсь, — сказал Скотт. — Я хотел бы поговорить с вами совсем откровенно. Наши политические разногласия, надеюсь, не помешают нам относиться друг к другу, как это пристало подлинным джентльменам. — Это было сказано не без некоторой иронии по адресу собеседника.

— Я вас слушаю.

Скотт выпустил облачко дыма и проследил за ним, чтобы собраться с мыслями.

— Я не богат. То есть не очень богат, — поправился он и снова сделал паузу. Возможно, он не так начал. — В прошлый раз, — продолжал он, — я не сказал вам, как и вы мне, между прочим, о цели прибытия сюда. Сегодня я решил быть с вами до конца откровенным. — Маковский кивнул головой. — На этом месте, где мы теперь находимся, как вам известно, лежит затонувший пароход «Левиафан». На нём плыл мой родственник, который вёз из Южной Америки в Европу наше, то есть его и моё, золото. Так сказать, наше фамильное достояние…

— Можно узнать фамилию вашего родственни-

ка, столь трагично погибшего в океане?

Этого вопроса Скотт не ожидал.

— Эдуард Скотт, — сказал он и тотчас раскаялся в этой поспешности. По лицу капитана пробежала чуть заметная усмешка, но её заметили острые глаза старого авантюриста. «Маху дал, чёрт побери!» — подумал он.

— Среди пассажиров «Левиафана», насколько мне известно, не было мистера Скотта.

«Им всё известно», — снова подумал Скотт и продолжал:

— Правильно. Но вы знаете, что у нас, — подчеркнул он, — не требуют от пассажира или человека, останавливающегося в отеле, документы. Мы можем назвать любую фамилию. А мистеру Скотту кое из каких соображений было удобнее назвать себя… если не ошибаюсь, Вильямсом.

Капитан кивком головы принял такое пояснение.

— Так вот: Скотт (или Вильямс, это безразлично) вёз золото, на которое я имел такие же права, как и он. Вильямс погиб. Владельцем золота остался я. И я прибыл сюда, чтобы, если это возможно, добыть моё наследство со дна океана. К сожалению, неожиданно для себя я встретил новых

«наследников»... — И Скотт многозначительно посмотрел на Маковского.

— Почему вы так думаете? — спросил капитан.

— Мистер Маковский, — с некоторым раздражением промолвил. Скотт. — Я бы желал, чтобы вы были так же откровенны, как и я. Неужели вы представляете меня столь наивным, чтобы поверить вашим... археологическим экскурсиям на дно океана... Это, конечно, очень интересное и благоприятное для вас стечение обстоятельств — нахождение подводного города вблизи погибшего «Левиафана», но ведь не город же цель вашей экспедиции!

— Почему же не город?

— Перестаньте хитрить со мной! — уже не владея собой, вскричал Скотт. — Разве я не видел собственными глазами, как вы достали со дна моря бочонок, первый бочонок с...

— С?..

— Сколько их, вы должны знать не хуже меня.

— Мистер Скотт. Это, конечно, счастливая случайность, что именно на месте подводного города оказался бочонок с золотом. Это золото случайно, — уверяю вас, совершенно случайно, — поймал наш «паук». Но из этого случайного факта нельзя делать неправильных выводов о

цели нашей экспедиции.

— А сколько весит найденный вами бочонок? Поверьте, что я не имею намерения оспаривать ваше право на него. Десять килограммов?

— Мы не взвешивали, — ответил Маковский. — Но я всё-таки не до конца понимаю цель нашей беседы.

— Эта цель очень ясна. Если вы, мистер, Маковский, и сейчас отрицаете, что ваша цель — золото, тем лучше для меня. Это только упрощает обстановку. Вы нашли бочонок, пусть он будет вашим…

— Если мы найдём остальные, они также будут нашими, и всё-таки нас интересует не золото.

— Так, так! Пусть будет так. Собственником бочонков будет тот, кто первый найдёт их и поднимет на поверхность. Но я прошу вас вот о чём. Район наших поисков очень ограничен. К тому же я хотел бы обратить внимание, что ваши суда далеко не ограничиваются зоной подводного города. Да, да, да! Допускаю, что этот город может иметь предместья, вы ищете соседние города, — пусть так. Но дело не в этом. Меня интересует как раз то место, на котором найден первый бочонок. А это как раз под траулером, на котором мы с вами сейчас находимся. У нас с вами одинаковые

права на открытую поверхность океана. Но у вас три, у меня один пароход… Не затевать же, в самом деле, войну… И я прошу: дайте мне возможность зондировать глубину океана на тех же местах, где и вы. Ну хотя бы в порядке очереди. Ведь как старательно ни ведутся розыски, найти бочонок на дне океана труднее, чем гриб в лесу. И там, где не повезёт вам, возможно, повезёт мне.

Маковский подумал и ответил:

— Я не возражаю. В конце концов так оно и было до сих пор.

— Не совсем так. В последнее время мы избегали подходить близко один к другому. А между тем нам сподручнее работать борт о борт. Конечно, если этому не мешает волнение на океане.

— Как капитан я не возражаю против этого, как подчинённый, я должен согласовать это с моим непосредственным начальством.

— Надеюсь, вы скоро дадите мне ответ?

— Не позднее сегодняшнего дня, — ответил Маковский.

Скотт церемонно поклонился и отбыл.

Маковский немедленно созвал совещание штаба, рассказал о визите Скотта и его предложениях.

Барковский возражал. После того как Скотт

обрезал трос нашей телевизорной установки, ему верить нельзя. И он, возможно, добивается близости только для того, чтобы продолжать шкодить. С ним почти все согласились.

Молчавший Протчев попросил слова. Он настаивал, чтобы Скотту позволили ставить «Уранию» к нашим пароходам так близко, как он пожелает.

— Но он ведь снова может подложить вам свинью, — возразил Барковский.

— А мы эту свинью поймаем, — и Протчев рассказал о своём плане. — Как только «Урания» близко подойдёт к борту траулера, я сам спущусь в скафандре и буду сторожить под водой. Вредителей надо ловить по горячим следам, и, я надеюсь, это мне удастся.

— Ныряй, Протчев! — долетел басок Кириллова из Москвы.

В тот же день Скотта уведомили через судовую радиостанцию, что его предложение принимается. «Судна обеих сторон будут сближаться по мере необходимости и насколько это допустимо по условиям судовой безопасности».

…Азорес и Кар доехали пароходом до Азорских островов. Оттуда их привёз на место советский гидроплан, обслуживавший экспедицию.

«Какой он щуплый и напуганный», — подумал матрос, встречавший Кара на борту траулера.

Кара приняли дружно и окружили вниманием. Первое время он испуганно озирался, ему всё ещё представлялось грозное начальство американской компании, которое могло одним росчерком пера вычеркнуть его из жизни. Он был похож на птицу, выпущенную на волю после долгого сидения в клетке. Но постепенно Кар «оттаивал». Он с интересом наблюдал новую жизнь. Когда ему показали большой экран телевизора и на нём появились чёткие красочные стереоскопические изображения, Кар покачал головой и сказал:

— Это больше, чем я мог ожидать.

КАР ЗНАКОМИТСЯ С НОВОЙ СТРАНОЙ

Кара рекомендовали штабу. Николай Петрович Борин предложил ему работать в своей лаборатории. Будущее Кара было обеспечено.

Потом Кар, не выходя из каюты, с космической быстротой совершил своё первое путешествие по СССР. Телеустановки имелись везде — от Минска до Сахалина и от Новой Земли до Кушки — самого южного населённого пункта СССР.

Все эти станции были соединены невидимыми

нитями с Москвой. Они передавали изображения на центральную московскую радиостанцию, которая и передавала «Всем, всем». Дело было организовано так, что одно изображение следовало за другим, как на конвейере. Возникало впечатление, что по гигантской карте СССР скользит чудесное око, которое осматривает страну с недостижимой высоты. «Сценарий» был скомпонован так, чтобы за короткое время демонстрации показать главнейшее из того, что создано за годы упорного труда.

…Вот рыщут в небе воздушные полярные разведчики-дирижабли. Под ними — необозримые поля торосистого льда, перерезанные «реками», каналами, «озёрами» чистой воды. Мощные ледоколы ведут за собой караваны судов по Великому Сибирскому морскому пути… Вот среди голых скал и снегов на островах, на побережьях морей поблёскивают огнями строения самых дальних в мире полярных радио — и метеостанций…

Темень… Морозы… Снежные бураны… Страшные места… Страшная, наверное, и жизнь.

Страшная? «Всевидящее око» заглядывает в один из этих домов, «затерянных в краю мрака и холода». В лабораториях кипит научная работа. Ярко освещённая, хорошо натопленная комната

клуба. Библиотека, радио, кино, экран телевизора. Живая связь со столицами, с родными.

Играют дети, греясь в лучах «комнатного горного солнца» в детском саду. Едят свежие овощи, ягоды… Лютый северный ветер вращает лопасти ветряной электростанции, претворяющей ветер в тепло и свет. В разноцветных лучах электроламп дозревают овощи в оранжереях. Молодёжь катается на финских санях, лыжники охотятся…

На экране мелькают человеческие лица, — они больше всего интересуют Кара, — энергичные, бодрые. Новая порода людей…

Дирижабли низко опускаются над ледовым полем. На льду — барак и мачта радиостанции.

— Плавучая метеорологическая обсерватория на Северном полюсе, — слышит Кар пояснения диктора.

— Не совсем на Северном, — поправляет другой голос, и на экране появляется весёлое лицо радиста-полярника. — Мы создали станцию на самом Северном полюсе, но дрейфом льда нас немного отнесло от полюса. В этом назначение станции: наблюдать за движением льда в Арктике. Мы плаваем, как закупоренная бутылка, брошенная в море, — очень медленно, почти неприметно.

«Как бутылка, брошенная беднягой Хурге-

сом», — вспомнил Кар и вздохнул.

«А это что?..» Яркие зори на аспидно-сером небе и рядом ослепляюще-яркий, пламенеющий диск солнца, невиданного солнца с краями, которые трепещут огненной бахромой.

Каюта, иллюминатор. Человек в тёмных очках трудится за столом; на столе инструменты, приборы… Это Стратосферная станция для изучения космических лучей.

«Чудесное око» вновь спускается на землю. Гигантский «пароход» движется по тайге, как танк, пробивая себе дорогу среди деревьев.

— Вездеход для тайги. Проламывает просеки. Одновременно геологи ведут разведку.

…Жужжат электропилы, отбрасывая золотые опилки, падают деревья. Машины обрубают ветви, очищают кору, распиливают стволы, кладут на вагонетки. Вагонетки катятся по подвесной дороге, мчатся по просеке навстречу большим зданиям лесохимического комбината. Следом бегут вагонетки с опилками, ветвями, корнями… А там, дальше, на поезда грузят брёвна, шпалы, фанеру, смолу, древесный спирт, формалин, канифоль, скипидар, бумагу, целлюлозу, кормовой сахар.

Мурманск… Консервные и засолочные заводы…

Горы рыбы… Оленьи стада… Оленьи колхозы и совхозы… И здесь — перерабатывающие заводы.

Сверкает огнями флотационная фабрика города Кировска. Шумят заполярные гидроэлектростанции. Серебряной лентой протянулся Беломорский канал…

А вот и великаны, о которых Кару доводилось слышать: Днепрогэс, Магнитогорск, Кузнецкий, Челябинский, Краматорский заводы, Бобриковский комбинат. Растут плотины на Волге, Ангаре… Тракторы на бескрайних полях, комбайны, элеваторы, хлебозаводы, мясокомбинаты…

Завоёванные для земледелия пустыни Средней Азии… Советские субтропики… Пальмы… мандарины, хинные, пробковые деревья, лимонные, чайные плантации.

Харьков, Киев, Ленинград, Москва… Метрополитен. Дворец Советов… Парк культуры и отдыха… Толпы отдыхающих, спорт, игры, танцы…

У Кара голова идёт кругом. Нет, это даже слишком! «Чудесное око» показало ему то, о чём не узнаешь из книг. Надо быть титаном, чтобы создать всё это за такое короткое время. Как это случилось? Как могло совершиться? Откуда берётся эта неисчерпаемая энергия? СССР — словно

зелёная ветвь на старом, усохшем дереве мира.

Невольно Кар вспоминает Буэнос-Айрес. Нью-Йорк… Контраст страшный. Один час такой демонстрации убеждает на всю жизнь.

Но почему эта передача не демонстрировалась на экранах обеих Америк?..

— Как вам понравилось, товарищ Кар? — спросил Борин-отец.

Миша вдруг услышал сухой треск. Гинзбург обманом направил объектив аппарата на лицо Кара. Да, это он смеялся, хотя и был растерян.

— Простите, но… нервное напряжение моё вылилось в смех… Мне пришла на ум одна вещь. Почему у нас не показывают ваши телепередачи?

— Ещё бы! — усмехнулся Кириллов. — Для них это было бы самоубийством.

— Да, да. Вы правы. Конечно. А рассмеялся я, кажется, вот почему… У меня бывает так, что одна мысль обгоняет другую. Я подумал: капиталистический мир свёртывает работы в области телевидения не только вследствие кризиса. Телевидение становится небезопасным. Ведь если бы каждый рабочий, каждый радиолюбитель имел приёмный аппарат и с его помощью мог принять хотя бы одну такую передачу, то всякая

ложь о Советском Союзе стала бы невозможной. Последствия телепередач из СССР были бы для капиталистов действительно губительны, тем более, что в такой пропаганде нет ничего противозаконного.

— Но телевидение всё же существует на Западе и в Америке, — сказал Борин.

— Да, оно возникло и развивалось, пока эта опасность ещё не принималась в расчёт. В успех ваших самостоятельных работ в этой области верили немногие. А вы взяли да и выросли. И создали новое могучее оружие вашей мирной пропаганды ваших достижений. Вы можете только показывать, ничего не добавляя. Никаких громких фраз: они не нужны…

И Кар снова рассмеялся.

«Его смех звучит, как атмосферные разряды», — подумал Миша.

— Но без боя они не уступят, — продолжал Кар. — Я знаю их. Теперь они заглушают ваши радиопередачи, скоро начнут «гасить» или «заливать светом» ваши телепередачи.

— Что ж, посоревнуемся и на телефронте, — усмехаясь, ответил Борин.

— Наверное, дойдёт до того, что индивидуальные телеустановки будут запрещены. За приём

телепередач из СССР будут штрафовать, сажать в тюрьму, как это и сейчас делается в ряде стран с радиоприёмом. Как интересно стало жить! — воскликнул Кар, потирая свои сухие ручки. — Прошу зачислить меня рядовым на телефронт! — закончил он, тряхнув рыжей бородкой.

После этого «путешествия» Кар с новым интересом смотрел на своих друзей, словно они были с иной планеты.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В ПУТИ

— Как твоя нога, Миша?

— Азорес? Здравствуй! Благодарю. Всё идёт прекрасно. Скоро прилечу к вам. А как твоё путешествие? Много видел интересного?

— О, как всегда, материал огромный! — ответил Азорес.

— Какой материал?

— Для газеты, конечно. Северо-западный угол Южной Америки — настоящие Балканы, к тому же Балканы в огне. Войны, восстания, перевороты не прекращаются. Однажды мы с Каром попали в такую сумятицу, что думали, там и головы сложим. Вырвались из этого ада капиталистических хищников и сразу же очутились на Луне, — Азо-

рес рассмеялся. — Да, горная страна, куда мы попали в поисках следов Скотта и Вильямса, своим ландшафтом и вправду напоминает Луну. Днём — ужасающая жара, ночью — холод. Голые скалы. Пустыннейшее место на земле. Даже насекомых нет. Из животных встречались только ламы. Населения почти нет. И вот в этих-то местах бродили Скотт и Вильямс в поисках золота. Нам надо было найти индейца, работавшего на приисках Скотта и Вильямса…

— А как вы добирались? Пешком?

— На мулах, с двумя проводниками. Один из них метис, второй индеец.

Однажды мы остановились на ночлег возле хижины скотовода-испанца. Он разводит лам и торгует ими. Это единственный в округе «отель». Хозяин встретил нас любезно и посоветовал разместиться на чердаке или внизу, где уже лежало на полу вповалку человек пятнадцать. Мы, конечно, выбрали чердак. Хозяин принёс матрацы, которые пахли навозом и, казалось, были набиты картофелем, бросил их на пол чердака и старательно заткнул тряпками небольшие оконца. Мы подумали, что он старается уберечь нас от ночного холода, но немного погодя поняли, от чего именно.

— От чего же?

— Вот послушай. Переночевали мы и тронулись в глубь страны, где не было уже никаких отелей и вообще человеческого жилья. Наступающую ночь мы вынуждены были провести под открытым небом. Товарищ Кар перед выездом настоял на том, чтобы мы сделали себе прочные костюмы, этакие комбинезоны из парусины с капюшоном для головы. «Иначе нас заедят комары, вы не знаете Южной Америки», — сказал он. Но его познания также, видимо, были ограничены. Наши проводники сильно смеялись, когда я однажды развернул «водолазные» костюмы, лежавшие в чемоданах.

«В горах нет ни москитов, ни мух, ни комаров», — сказал один. Пришлось положить костюмы в чемодан. Однако на первом ночлеге под голым небом мы вспомнили о костюмах. У нас не было даже накидок, а ночи там бывают холодные, ветер свирепый. Мы решили, что толстые парусиновые костюмы защитят нас от холода: облачились в свои «скафандры», надвинули на головы капюшоны, подостлав вниз войлочную полость. Наши же проводники, закалённые ребята, имели только одеяла. Их руки и ноги были голы. Стреножив мулов, проводники также улег-

лись поодаль от нас, и вскоре мы все уснули.

Просыпаемся на рассвете — нет ни проводников, ни мулов. Неужели проводники украли мулов и удрали? Но почему же они не взяли наших чемоданов? Вдруг Кар приметил на земле нечто напоминающее плевки кровью. Пятна крови на месте, где лежали проводники. Значит, проводники убиты… За камнями раздался стон, а потом мы увидели одного проводника. Его бронзовая кожа стала бледно-синеватой, на груди, на руках и особенно на ногах были раны, словно его искололи пиками. Мы бросились ему на помощь. Скоро нашли и второго проводника, также всего израненного и без памяти. Мы не могли понять, что случилось, пока, наконец, первый проводник, набравшись сил, не рассказал нам.

«Ночью на наш табор налетели, очевидно, крылатые хищники — летучие вампиры». Обычно они неслышно приближаются к спящему животному или человеку, прокусывают кожу такими острыми зубами, что сонный человек не ощущает боли, и начинают сосать кровь. Говорят, от этого человек засыпает ещё крепче.

Первого проводника нам удалось спасти, второй умер от потери крови.

— А кровавые плевки?

— Я просто думаю, что они от жадности переполняют свой желудок и часть крови выплёвывают.

— Как же вы остались живы?

— Нас спасли «водолазные» костюмы.

ПОДВОДНАЯ ДУЭЛЬ

На океане был штиль. Солнце поднималось в утреннем тумане, целый день обливало жгучими лучами ровную синюю поверхность океана, пароход, людей на палубе и опускалось в вечерней мгле. Загорелись крупные звёзды. Ночи были душны и темны — наступало новолуние. Море светилось.

В одну из таких ночей «Урания» близко подошла к траулеру.

— Пора мне нырять! — сказал Протчев. Его водолазный костюм давно был осмотрен и приготовлен. Протчев вышел на палубу и стал не спеша одеваться в водолазную одежду. Тяжёлые калоши и резиновый костюм были уже на нём. Оставалось надеть на голову скафандр.

— Нож не забыл? — спросил Маковский.

— Есть! — коротко ответил Протчев. — Всё в порядке. Надевайте.

Два матроса подняли тяжёлый шлем и надели

на водолаза. Протчев почувствовал привычную тяжесть и, медленно переставляя ноги, пошёл к борту. Свинцовые подошвы мешали идти. Протчев словно очутился на иной планете, где существует удвоенная сила тяжести. Но эта тяжесть уменьшится, как только Протчев окажется под водой. Опробовали трос, прикреплённый сзади к костюму, аппарат, подающий воздух, телефон — всё в исправности.

— Воздух хорошо поступает? — спросил матрос на помпе.

— Прекрасно, — ответил Протчев.

Лицо Протчева, видневшееся сквозь стекло — окно шлема, — было спокойным, как и всегда. Все заметно волновались.

— Спускайте, — приказал Маковский.

Протчев перешагнул через борт. Трос натянулся. Протчев повис в воздухе и медленно стал погружаться в воду. Вот его толстые ноги коснулись воды, ещё минута, и вода сомкнулась над шлемом. Протчев опустился под воду.

Всё это было сделано тихо и осторожно с борта, противоположного «Урании». С этого же борта опустили и телеоко.

— Кажется, на «Урании» ничего не заметили, — тихо сказал Маковский.

Протчева медленно и незаметно повели вокруг носовой части вдоль корпуса корабля.

На «Урании» все казались занятыми обычными поисками. Спускали лот, хотя этого теперь и не надо было делать, небольшой шар телеприёмника. Ночь, как и все; работа, как всегда…

Стрелки на часах Гинзбурга показывали полночь. В Москве было четыре часа утра, но Миша не спал. Мотя предупредил его ещё накануне, что сегодня должна быть интересная ночь, и Миша упросил отца оставить его на ночную вахту.

— Ведь я уже абсолютно здоров, и врач позволяет мне ходить по комнате. Через несколько дней я смогу гулять. Не посплю ночь — завтра высплюсь.

Отец позволил ему.

Медленно тянулась ночь. Экран был тёмным. Гинзбург предупредил, что передача по телевизору начнётся лишь после того, как Протчев опустится под воду. Показать спуск нельзя — для этого пришлось бы осветить Протчева, а свет мог быть замечен телеоком «Урании».

…С улицы изредка доносились гудки автомобилей. Квартира Борина была недалеко от Арбатской площади. Погромыхивали ночные трамваи, гудели автобусы. Москва не спала.

Но Миша привык к этим звукам великого города и почти не слышал их. В углу однообразно стучали большие стенные часы. У Миши слипались глаза.

— Не смей спать! Ты не должен спать! — убеждал себя Миша. — Ведь ты на вахте... — Но глаза не слушались и слипались. Кажется, Миша чуточку задремал.

— Спишь? — услышал он голос Гинзбурга и встрепенулся, как птица.

— Нет, — ответил Миша тихо, словно их могли подслушать.

Эта ночь настраивала на таинственный лад. Миша взглянул на часы. Он дремал не больше пяти минут.

— Протчев под водой. Сейчас наш подводный телевизор покажет, что делается под водой.

Миша провёл рукой по глазам, чтобы смахнуть остатки сна, и стал смотреть на экран. На экране, как и ранее, было темно.

— Почему ничего не видно? — спросил Миша.

— Потому, что Протчев не зажигает фонарь, он сидит в полной темноте.

— Значит, ничего не увидим?

— Если только кто-либо иной не зажжёт фонарь, — ответил Гинзбург.

В этот самый момент Миша увидел, что верхний правый угол экрана слегка осветился… Или это только показалось Мише… Свет словно растаял… Нет, вот снова блеснул — на этот раз луч прорезал экран по диагонали. И снова погас. Но этого было достаточно. У Миши сильно заколотилось сердце. Значит, кто-то был под водой, кроме Протчева… Сейчас начнётся самое интересное…

И оно началось. Яркий луч света метнулся снизу вверх, и Миша снова увидел фигуру водолаза. На его груди — фонарь, хотя и не такой сильный, как у Протчева. В правой руке водолаз держал большие ножницы и направлялся, подруливая левой рукой, к тросу и кабелю телеаппарата.

«Это, конечно, кабель нашего телеока. Водолаз хочет перерезать его», — подумал Миша.

Водолаз, неожиданно увидев свет, дёрнул за сигнальную верёвку.

«Значит, у этого водолаза нет телефона».

Протчев, очевидно, уже доложил по телефону, потому что его быстро подняли и он быстро оказался на одном уровне со своим противником. Наверное Гинзбург, следя за изображением на экране, регулировал положение подводного телеока и установил его так, что теперь Миша хорошо видел борцов, готовых к схватке. Протчев

выхватил ножницы из рук японца и сунул их в мешочек на ремне. Пока Протчев прятал ножницы, как трофей, водолаз вынул большой нож и замахнулся на Протчева.

— А, бандит, ты хочешь убить меня! — услышал Миша голос Протчева.

Водолаз-японец не успел ударить Протчева, потому что японца неожиданно подняли. Но, судя по тому, как его рука прошла сквозь водную среду, видно было, что этот человек привык двигаться и рассчитывать свои движения в воде.

Миша рассмеялся, когда Протчев схватил японца за ногу и тот начал комично дрыгать второй ногой, чтобы тяжёлой подошвой сбить руку Протчева. Но водолазный костюм смягчал удары, и Протчев крепко держал японца, медленно поднимаясь вместе с ним.

Одновременно Миша заметил, что Протчев перестал «травить воздух», над шлемом не появлялись пузырьки воздуха. Зачем Протчев это сделал? Неужели он, увлёкшись борьбой, перестал нажимать головой на воздушный клапан? Рубашка Протчева раздулась. А, вот оно что! Протчев сделал предохранительную воздушную прослойку. Удары свинцового ботинка теперь не могли ему повредить — при каждом ударе

нога японца отскакивала от раздутой рубашки Протчева, как от мяча.

Японец, очевидно, хотел быстрее подняться — удрать от этой неожиданной дуэли на дне океана. Но хотя здесь было сравнительно неглубоко, Миша знал, что быстрый подъём опасен для здоровья. Впрочем, наверху, возможно, и не ожидали, что положение японца столь серьёзно.

— Нет, погоди, друг, я хочу познакомиться с тобой поближе! — продолжал Протчев. И откуда взялись слова у этого всегда молчаливого человека? Может быть, он на дне становился разговорчивым? Гинзбург не вмешивался в этот монолог. Он и так видел, что делается.

Протчев начал «травить» лишний воздух, чтобы его не выбросило наверх, и быстро «отощал». Он уже поднялся на один уровень с японцем, и теперь свинцовые подошвы противника не угрожали ему.

— Я отнял у тебя на память об этой встрече ножницы, теперь нож твой мне полюбился, — продолжал Протчев. Японец остервенело замахал ножом. Каждый удар мог оказаться смертельным для Протчева: стоило только чуть-чуть зацепить водолазный костюм, и в него прошла бы вода. Но Протчев смело продвигался вперёд, подстав-

ляя под удары японца свой шлем. Лишь бы рука японца не добралась до шланга, нагнетающего воздух! Протчев выбрал момент и отвёл в сторону шланг и трос.

Миша был захвачен этой борьбой. Он стремился не пропустить ни одного движения.

— Папа, иди сюда быстрее! — крикнул он так громко, что Николай Петрович тотчас же проснулся и прибежал в кабинет.

— Смотри!

Миша проследил за рукой Протчева, когда тот отодвигал шланг. Вдруг он увидел за рукой Протчева туманный свет. Очевидно, луч фонаря отразился от чего-то блестящего. Но что бы это могло быть? Пятно темноватого света за спиной Протчева пропало. Едва Миша успел взглянуть на борющихся, как это туманное пятно ярко вспыхнуло и превратилось в голову акулы.

— Акула! Акула за спиной Протчева! — крикнул Миша, даже не сообразив в этот момент, что Протчев услышит крик. И Миша был чрезвычайно удивлён, увидев, как Протчев повернулся всем телом. Теперь акула находилась всего в метре от Протчева. Она уже перевернулась на спину, как всегда, раскрыла широкую, вооружённую острыми зубами пасть. Блеснули зубы.

В следующую минуту Протчев всадил нож в горло морского хищника. Весь экран заволокло красным туманом — это разлилась кровь! Чья?..

— Протчев! — крикнул Миша.

— Чего кричишь? — услышал Миша спокойный, как всегда, голос эпроновца. — Хорошо полоснул. Жаль только, японец удрал. Ничего. Вдругорядь не полезет. Эй, Гинзбург, поднимай быстрее! В этот кровавом тумане как бы вторая акула не появилась. Они за милю кровь чуют.

— Нельзя быстрее! — сказал Маковский.

— Чего там нельзя? — послышался голос Протчева. — Выдержу! Ведь я вас слышу, вы — меня. Если мне плохо станет — скажу.

Сквозь красноватый туман Миша увидел, как расплывчатое темное пятно, имевшее форму водолаза, поползло вверх. Пауза. Слышно, как тяжело дышит в своем скафандре Протчев.

— Какой сильный человек! — сказал кто-то по-английски.

— Да, сильнее нас с вами, товарищ Кар, — отозвался голос Азореса.

— А ты все-таки молодец, Миша, — услышал вдруг Миша голос Протчева. — Спас меня.

Миша Борин был польщен этой похвалой. Теперь он мог считать себя настоящим участником

этой опасной экспедиции. Правда, самому Мише не угрожала ни малейшая опасность, но все же если бы не он, акула разорвала бы храброго Протчева. Подвиг небольшой, но о нем знают все, все поздравляют Мишу. Даже Кар. Вот он кланяется на экране и моргает своими красными веками с рыжими ресницами.

Новый «кадр»: Протчева поднимают на палубу. Теперь его ярко освещают прожектором. Пусть видит мистер Скотт. Как добрался его японец?

«Урания» уже отошла от «Серго».

Протчев, пошатываясь, стоит на палубе. Подводная борьба и быстрый подъем утомили даже этого закаленного человека.

Маковский поддержал его за локоть. Протчев отводит руку капитана и показывает на скафандр. Матросы быстро снимают его с головы водолаза.

Лицо у Протчева синее, но он уже улыбается. Затем снимает тяжелую рубаху, нагибается, вынимает из сумочки большие ножницы, отнятые у японца, и, высоко подняв их над бортом, стрижет в воздухе. Ножницы ярко освещены.

С «Урании» на них, конечно, смотрит мистер Скотт и злится. Что он скажет теперь? Матросы траулера смеются.

— Ну, братцы, теперь можно и соснуть, — говорит Протчев. — Потрудились. Спокойной ночи, Миша! — И машет рукой своему другу. — Не забыл.

Отец ярко освещает Мишу, и теперь его видно на экране траулера.

— Отвечай же ему, — говорит отец.

Миша кланяется и машет рукой. Протчев на экране тоже кивает головой, машет рукой и смеется.

— Обнять не могу. Боюсь экран поломать.

Слышен смех ученых, капитана, Кара, Азореса, матросов…

Гинзбург подходит к аппарату. Экран гаснет.

ПРИ СВЕТЕ ЗВЕЗД

На рассвете пароход «Урания» отошел далеко от траулера.

— Знает кошка, чье сало съела! — шутят матросы.

Последний козырь Скотта бит. Ему не удалось «ослепить» противников. Да и, по сути говоря, это была заведомо безнадежная попытка. Для самого Скотта потеря телеока равнозначна потере почти всего. Для советских пароходов это лишь незна-

чительная заминка в работе: на смену погибшим телеглазам быстроходные самолеты доставили бы новые. Да, игра проиграна. Почти без всякой надежды на успех «Урания» продолжала поиски. Но что ж еще Скотту оставалось делать?

А у Миши большая радость. Врач осмотрел его последний раз и сказал:

— Через два-три дня можете отправляться в путешествие.

Миша начал готовиться к «прыжку в Атлантический океан».

Как раз через несколько дней новый гидроплан — «крыло» Циолковского — должен был лететь на место стоянки советских пароходов. Миша уже представлял себе, как он сойдет на траулер.

На «Серго» все было знакомо Мише до малейших подробностей. Но теперь к зрительным впечатлениям прибавятся и другие. Он сможет трогать все, вдыхать полной грудью запах океана. Мечта его скоро исполнится. Он пожмет руки своим друзьям.

Еще два-три томительных дня ожидания… Они были бы еще томительнее, если бы не «чудесное око». Миша не теряет связи с экспедицией.

Он и теперь словно сидит в плетеном кресле с Протчевым на палубе траулера и миролюбиво

беседует со старым водолазом. Протчев посасывает короткую морскую трубочку, выпуская клубы дыма. Размеренно колышется траулер. В небе загораются первые звезды.

— Южный Крест, — коротко говорит Протчев, показывая толстым пальцем на неизвестное Мише созвездие. И снова молчание. С кормы звучит музыка, пение. Весельчак кок играет на гармони, матросы подпевают.

— Протчев, расскажи мне что-нибудь о себе, о своей работе, — просит Миша.

— Что же тут рассказывать? Спускался, нырял… — говорит тот, не выпуская трубки из зубов.

— Неужели так-таки больше ничего и не скажешь?..

Взгляд Протчева становится сосредоточенным. Этот тихий вечер и его самого настраивает на воспоминания.

— Бочонок золота, который мы случайно нашли… — Протчев делает глубокую затяжку и вынимает трубку изо рта. — А знаешь ли ты, что весь наш ЭПРОН начался с поисков золота?

— Нет. Расскажи, Протчев.

Теперь уже Протчев наверняка разговорится. Миша удобнее садится в кресло возле экрана.

— О Крымской кампании слышал, когда союзный флот англичан и французов обложил Севастополь? «Дела давно минувших дней». Из Стамбула вышел тогда в Балаклаву военный корабль «Черный принц». Он вез золото для всей союзной армии и попал в страшнейший черноморский шторм. Не один десяток кораблей погиб тогда от этого шторма. Недалеко от Балаклавской бухты потерпел аварию и «Черный принц».

Бочонки с золотом — величайшее сокровище — на дне моря. Миллион золотом. Десятки миллионов. Сотни миллионов. Сотни… Семьдесят пять лет загорались люди, думая об этом золоте. Да как его достать? Лишь когда водолазная техника стала совершеннее, когда водолазы начали спускаться на глубины, ранее не доступные, начались поиски «Черного принца».

Балаклава, словно золотые россыпи, тянула к себе всех Кто только не искал «Черного принца» и его бочонки с золотом! Ползали по дну французы, шныряли итальянские водолазы, спускались даже японцы.

А почему бы нам не попытать счастья? Золото — валюта, а на валюту мы могли бы очень многое купить за границей для Советской страны.

— Было это, — продолжал старый эпроновец, —

в 1923 году. Взяли мы старую калошу — разбитую баржу для мусора, устаревшие водолазные костюмы — вот и вся оснастка — и начали работать. Обыскали дно…

— И ничего не нашли?

— Два старинных медных пятака и полкопейки. А потом выяснилось, что «Черный принц» выгрузил золото еще в Стамбуле.

Ну, насчет пятаков и полкопейки я пошутил. Мы нашли тогда кое-что большее, чем полкопейки. Нашли самих себя, убедились, что, если бы нам настоящую оснастку, мы были бы водолазами не хуже, чем шведы и японцы, которых тогда считали лучшими мире.

Вот с этого «Черного принца», с этого несуществующего золота и начался ЭПРОН. Через десять лет у нас уже были тысячетонные понтоны, десятки мягких небольших понтонов на семьдесят-восемьдесят тонн; мы научились работать на больших глубинах в тридцать-сорок саженей, мы стали поднимать суда в две-три тысячи тонн, а потом и в четырнадцать-пятнадцать тысяч тонн водоизмещением. Брались мы и за тяжелые ледоколы и их поднимали со дна моря.

Спускались в Балтийском, Баренцевом, Белом, Каспийском морях, на Дальнем Востоке — в

Японском, Охотском морях. Огромный транспорт «Аммуо» — на Балтике, «Канин», «Ямал» — в Белом, «Юрпо», «Силач», «Фредерик» — в Черном, «Штурман», «Неаполь» — в Азовском, ледокол «Каспий» — в Каспийском, «Москва» — на Дальнем Востоке, «Патагония», «Вест-Гам», «Иван Сусанин» — ледокол… Всего не перечесть.

Много подняли, еще больше на дне осталось У нас это дело хорошо поставлено. Изучаем списки погибших кораблей. Места их гибели на картах обозначаем кружочками. Подняли пароход — зачеркнули кружочек… С внутренними морями и пограничными районами закончим — за открытые океаны возьмемся. Ты видел экономическую карту моря, морские торговые пути? Старейший и самый широкий путь — через Атлантический океан из Европы в Северную Америку. На этом пути сотни парусных и паровых кораблей лежат на морском дне. Потом путь идет вдоль западных берегов Европы через Средиземное море, Суэцкий канал, по Южно-китайскому морю. Путей в морях много, доберемся и до них. Почин уже сделан… Теперь с нашими подводными телегами мы обыщем все моря.

Протчев зажег спичку, чтобы разжечь погасшую трубку. Миша воспользовался паузой:

— А ты сам искал золото «Черного принца»?

— Я, — почмокал трубкой Протчев, — в то еще время мальцом был голоштанным, на Далеком за ракушками нырял.

— Теперь лучше работать?

— Намного лучше, — ответил Протчев. — Телеоко, телефон. Вот ты из Москвы за моей спиной акулу увидел и меня предупредил. А раньше в какие переплеты попадали порой! Вспоминаю, искали мы тралом затонувшее судно, телеока тогда еще не было. И вдруг — рывок. Зацепился за что-то трал. Стоп, машина! Сигнальный водолаз командует: «Водолаз, к калошам! Водолаз, на трап! Закрыть иллюминатор! На манометр, на шланг». Есть! За несколько минут я спустился на дно. Глубина в этом месте была страшенная. Нашел трал. Осматриваю. Что за диво? Пустой. А что-то его держит. Ищу причину. Нагнулся. Вижу, трал зацепился за старый шестидюймовый трос. Начал я распутывать, да и сам не заметил, как обмотал этим тросом свой сигнальный конец и шланг. В море, в полутьме, в густой воде, в тяжелом, неповоротливом костюме попробуй быстро распутать! А сверху уже сигнализируют: «Время подниматься».

«Подожди, — отвечаю, — запутался». А навер-

ху не поняли и стали поднимать меня вместе с тяжелым тросом, запутавшимся в шлангах. Поднимаем, сам знаешь, медленно. Чего я тут не передумал! Выдержат ли шланги? Оборвутся — конец. Поминай Протчева… Подняли меня таким путем сажени на две. Посветлело. Вижу, распутать можно, если снова на дно спустят. Сигнализирую, чтобы спускали, — вверх тянут. Телефон испорчен, дернул дважды за сигнальный конец: «Спусти ниже». Верно, догадались, что неладно, начали спускать.

И снова я полез на тридцативосьмисаженную глубину. На такую глубину ни один водолаз тогда не осмеливался спускаться. Больше чем пятнадцать минут на такой глубине не пробудешь. А я уж перед этим полчаса на дне просидел. Да подъем вверх. Спустился на дно — в ушах стучит, и красные пятна перед глазами летают. А тут узлы проклятые распутывай…

Протчев смолк и задымил трубкой.

— Ну?

— Ну что «ну»? Вот сижу, покуриваю, с тобой беседую. Прямо и рассказывать больше нечего, дружок. По двести рабочих часов на год, по три часа на спуск — сосчитай. Почти два года под водой. Однако я надеюсь, меня еще года на два

подводной жизни хватит. Теперь куда лучше стало.

— Очень темно под водой?

— Это зависит и от глубины, и от состава воды, и от времени года. Летом свет метров на пятьдесят под воду уходит, зимой больше — до семидесяти-восьмидесяти. Дальше наши глаза не видят.

— А чьи же видят?

— Ну, крабовы глаза. Спроси у Карпиловского. Он недавно показывал нам раков, выловленных на разной глубине. У тех, которые живут глубже ста метров, глаз совсем нет — исчезли, потому что не нужны. Одни глазные усики остались. У других, что живут глубже ста метров, и усиков не осталось. Зачем им глаза на глубине двух тысяч метров? Возможно, там солнечный свет еще виден, а возможно, только рыбы, которые светятся.

Обо всем этом Миша знает. Ему хочется навести Протчева на разговор о подводных приключениях. Но их беседу неожиданно прервали.

НАД РУИНАМИ «ЛЕВИАФАНА»

Вахтенный, который все время следил за «Уранией», сообщил, что она, сделав поворот на девяносто градусов, полным ходом режет волны,

«словно уходит от опасности».

Все заинтересовались этим. Можно было подумать, что Скотт позорно и во все лопатки удирает с поля боя. Миша сразу же вызвал штаб.

Через несколько минут над океаном поднялся огромный столб воды, пламени, дыма и прогрохотал ужасный взрыв.

«Это что еще такое?» — не понимая, спрашивали себя участники экспедиции. А капитаны трех советских судов тотчас дали команду поставить суда форштевнем к месту взрыва и идти полным ходом вперед. Это было сделано своевременно. Огромный водяной вал — гигантский круг, расходящийся во все стороны, — отошел от места взрыва и покатился на пароходы. «Урания» тоже остановилась. Повернулась носом и ждала встречи с водяным валом.

— Неужели он надеялся захватить нас врасплох и потопить? — сказал Маковский.

Водяной вал налетел…

— Держись!

…И упал на пароходы. Их швырнуло носом вверх. Водяная стена со страшным грохотом распалась, волны хлынули на палубу, покатились по ней. Вал покатился дальше. Второй, третий, четвертый — каждый следующий становился

меньше и меньше. Наконец, пароходы закачались, как во время мертвой зыби, в размеренной килевой качке.

— Смотрите на «Уранию»! — крикнул кто-то.

«Урания» быстро приближалась к месту взрыва, взлетая на волнах.

Когда волнение полностью утихло, с «Урании» стали бросать кошки, драги.

— Вперед, к «Урании»! — скомандовал Маковский, и траулер быстро двинулся.

На месте взрыва плавали доски, обломки мебели, спасательные круги. На одном из них виднелась надпись «Левиафан».

— Так вот оно что! — воскликнул Маковский. — Скотт, очевидно, решил, что часть бочонков с золотом могла остаться на пароходе. Поднять пароход невозможно, но можно взорвать его и потом искать среди обломков. Слабая надежда: разве взрыв не мог повредить и бочонки? Но ничего иного Скотту не оставалось.

— Лишь бы только уцелели пластинки Хургеса, — сказал Барковский. Несмотря на то что была уже ночь, и на «Урании», и на советских пароходах закипела работа. С «Серго» опустили телеоко и стали осматривать дно. Телеоко Скотта было спущено еще раньше. Его кошки уже поднимали

на поверхность то одну, то другую вещь. Оба парохода работали бок о бок, но Скотт вынужден был мириться с этим. Он сам настаивал на том, чтобы работы велись поблизости.

По приказу Барковского «Урания» была, ярко освещена с траулера огромным прожектором. С другого борта «Урании» был подведен «Персей», который также освещал «Уранию». Ни одно движение на «Урании» не оставалось не замеченным советскими моряками.

Скотта приводила в ярость эта «бесцеремонность», но он вынужден был мириться с ней. «Неужели они бросятся на абордаж, если увидят, что я выловил бочонок с золотом?» — с беспокойством думал он.

Телеоко траулера скользило по дну. На экране был виден огромный, разрушенный взрывом корпус «Левиафана». Он лежал, словно раненое чудовище. Десятки людей следили за экраном, другие десятки — за тем, что совершается на поверхности.

Вот кошка Скотта вытянула какой-то предмет, похожий на подушку. Каждую вещь поднимали на палубу и показывали Скотту. Он внимательно осматривал и либо откладывал, либо, что было чаще, приказывал выбросить за борт. Драги и

кошки работали исправно. На траулере даже не ожидали, что Скотт припас их в таком количестве. Обломки мебели, небольшие дорожные кожаные чемоданы, остатки спасательных поясов, всякий хлам появлялся на палубе «Урании».

Если попадались чемоданы, баулы, сумки, ящики, Скотт бережно откладывал их.

— Это уже на мародерство смахивает.

— Наследник всех утонувших пассажиров дорвался до наследства.

— Подводная барахолка! — шутили матросы траулера. Кошка поднялась над поверхностью воды. На этот раз на ее стальных когтях висел небольшой предмет. Это была металлическая цепочка и на ней металлическая дощечка размером с лист писчей бумаги. Край дощечки был изогнут или оторван при взрыве.

На траулере послышались приглушенные восклицания. Это был самый драматический, самый напряженный момент за все время экспедиции.

Кар первым узнал «скрижали» Хургеса и не удержался от легкого вскрика:

— Это они! Это она! Таблица… Записи…

— Тсс! — Азорес зажал ему рот.

Все примолкли и с замиранием сердца смотрели, что будет с сокровищем, за которое они так

упорно боролись. Неужели Скотт все же знал о нем и теперь завладеет им?..

Скотт делал вид, что он абсолютно не замечает яркого света и направленных на него взглядов. Он работал, храня внешнее спокойствие, как будто находился в океане один.

Таблицу на цепочке подали Скотту. Он осмотрел ее с должным вниманием, пожал плечами и поднял вверх, готовясь выбросить за борт эту ненужную ему вещь. Кар снова вскрикнул. В эту минуту над бортом появилась другая кошка, зацепившая какой-то большой узел. Этот узел заинтересовал Скотта. Рука его медленно опустилась, и, наконец, он пренебрежительно швырнул пластинку с цепочкой на палубу.

— Игра это или не игра? — соображали на траулере.

Сокровище лежало так близко, и его нельзя было взять. Нет, Скотт, очевидно, не знал, каким кладом он завладел.

— Как добыть таблицы?.. Пообещать за них найденный бочонок с золотом? Нельзя. Это значило бы сразу набить цену на никчемную, с точки зрения Скотта, металлическую пластинку, и он уже не выпустит ее из рук. Надо предпринять что-то иное. Но сделать сразу и решительно…

Скотт может выбросить пластинку за борт, и тогда она погибнет безвозвратно. А уж допустить этого никак нельзя. Где же выход?

Скотт, очевидно, устал. Было уже за полночь, и он приказал прекратить работу. Поднялся из плетеного кресла, на котором сидел, зевнул в сторону траулера, выражая этим свое презрение, и отправился в каюту спать. На палубе остались лишь вахтенные и несколько матросов, которым было приказано привести в порядок разбросанные по палубе предметы, добытые из глубин океана.

«Лишь бы только матросы не выбросили за борт пластинку», — думал каждый участник экспедиции.

На следующий день утром Азорес подошел к капитану.

— Товарищ Маковский, прикажи подвести борт траулера к борту «Урании»! — сказал он капитану.

Капитан удивленно посмотрел на него. Азорес сделал жест рукой, свидетельствовавший, что ему пришла в голову какая-то идея.

Капитан отдал приказ. Траулер начал медленно подходить к «Урании». Когда корабли почти коснулись друг друга, Азорес подошел к борту и начал говорить по-испански с матросами

«Урании». Он не ошибся — на «Урании» было много испанцев из Латинской Америки. Услышав родную речь, они охотно подошли к Азоресу и разговорились с ним. Азорес стал бросать им пачки сигарет и развлекать их шутками. Потом он, словно невзначай, увидев на палубе пластинку с цепочкой, сказал:

— В лавочке вашего барахольщика я нашел одну вещь, которая мне может пригодиться.

— Какую?

— Да вот эта цепочка. Она как раз впору моей собачке. Собачка на цепочке. Ну-ка, дайте ее мне.

Матрос засмеялся, подошел к куче хлама, лежавшего на пароходе, поднял цепочку и попробовал оторвать от металлической пластинки, к которой она была припаяна.

— Да ты не беспокойся, дай так, я аккуратно распаяю.

Матрос уже протянул руку к Азоресу, как вдруг за его спиной вырос Скотт. Его глаза гневно блестели.

— Кто смеет распоряжаться моими вещами без моего ведома? — сурово проговорил он.

Вырвав из рук матроса пластинку, он бросил ее за борт.

В то же мгновение кто-то прыгнул в воду с бор-

та траулера. Это был Протчев.

Скотт сразу понял, что он сделал новую ошибку. Эта цепочка с пластинкой, стало быть, имеет немалую ценность, если ради нее человек прыгает в воду, рискуя угодить в пасть акулы. Неужели ее и искали советские пароходы?

Прошла минута напряженного ожидания, а Протчев был под водой. Легкий толчок о борт заставил экипаж траулера оторвать глаза от водной поверхности. Что случилось? Капитан Маковский тотчас понял серьезность обстановки. Капитан «Урании», видимо, хорошо усвоил тактику своего хозяина относительно советских пароходов: вредить им, где только можно, — и приказал поставить пароход так, чтобы «Урания» своим бортом прижалась к борту траулера. Протчев мог быть раздавлен.

— Лево руля! Полный ход! — крикнул Маковский.

Этот быстрый маневр спас жизнь Протчеву. Между двумя пароходами возникла щель, но «Урания» все еще стремилась прижаться бортом к борту траулера. В этот момент в воде появилась голова Протчева. Он задыхался. На его лице было написано отчаяние. Его руки были пусты. Водолаза подняли на палубу. Он проклинал Скотта.

Ну, конечно, Протчев успел бы поймать таблицу, если бы не этот подлый маневр. Его едва не раздавило. Ему пришлось нырнуть глубже, туда, где корпус корабля искривляется к килю, и выждать там, пока пароходы немного разошлись. Рискуя снова быть раздавленным, он всплыл на поверхность, чтобы не задохнуться.

— Ничего, найдем пластинку, — утешал его Гинзбург, хотя все были обескуражены не меньше Протчева.

Немедленно в воду были спущены все наличные прожекторы и два телеока. Одно из них проецировало изображения на экран капитанской каюты, второе — на экран палубы.

— Лишь бы не сдвинуться с этого места, — нервничал Гинзбург.

Скотт постарался, чтобы именно так и случилось. «Урания», отходя от траулера, повернулась так, что своим форштевнем зацепила корму траулера, и он стал медленно отходить в сторону.

В запальчивости Азорес выбежал на корму и, выхватив револьвер, закричал:

— Задний ход или буду стрелять!

Он повторил это дважды по-английски и по-испански, переводя револьвер со Скотта на капитана. И столько было решимости в его голо-

се, что капитан «Урании» подчинился.

— Надеюсь, что это последняя подлость, которую делает нам Скотт, — сказал Азорес, опуская руку с револьвером, но не сходя со своего места.

— Война так война. Со Скоттом больше незачем церемониться! — прокричал Барковский.

— Мы вообще были чрезмерно терпеливы, — ответил Маковский и дал распоряжение всей своей маленькой флотилии.

На «Серго» был спущен якорь, и «Персей» с «Марти» стали полным ходом курсировать по кругу вблизи «Серю», не подпуская «Уранию».

Капитан «Урании» все же попытался подойти к «Серго», но «Марти» на всем ходу зацепил носом за обшивку «Урании» и помял ее.

— Вы будете отвечать за это! — кричал Скотт. — Это противоречит всяким морским законам. Вы поступаете как пираты.

— Сначала вы ответите за все ваши злодеяния, а потом мы согласны отвечать за свои поступки, — спокойно ответил Маковский. — Все ваши незаконные действия запротоколированы, внесены в судовой журнал. У нас есть свидетели-иностранцы…

— Да, я первый готов подтвердить под присягой на суде! — неожиданно выкрикнул Кар по-ан-

глийски. — Я аргентинский гражданин.

— Я испанец! — добавил Азорес.

Скотт задумался. Он прекрасно понимал, что за свои действия он может серьезно поплатиться. Кроме того, за все повреждения «Урании» Скотт должен будет платить пароходной компании, которая не захочет разбираться, кто виноват.

И Скотт решил отступить, не покидая, однако, поля боя.

Начали снова поднимать затонувшее сокровище.

«Левиафан» лежал на такой глубине, что в жестком водолазном костюме можно было рискнуть спуститься. И Протчев настоял, чтобы его спустили.

Он лазил по дну в своем бочковидном костюме. Вместе с ним рыскали среди обломков парохода сильные лучи прожекторов и телеглаза советских пароходов.

Работа была нелегкая. Надежд на успех немного. Впрочем, никому не приходило в голову отступить.

Миша, не отрываясь, смотрел на экран. У него уже были две заслуги: он первым заметил бочонок с золотом и, предупредив Протчева об опасности, спас ему жизнь. Сейчас Миша хотел

первым найти затонувшие таблицы.

Но эту честь ему пришлось разделить с Гинзбургом, который одновременно с Мишей воскликнул:

— Вот она!

Таблица лежала на дне возле изуродованных взрывом железных листов обшивки корпуса «Левиафана». О находке тотчас же было передано Протчеву на дно. Он зацепил цепочку железным крюком, которым теперь кончалась его рука, и приказал поднимать.

Поднимали долго. Миша видел, как отдыхает Протчев во время остановок, держа в протянутой руке драгоценную ношу.

Когда водолаз с пластинкой в руке появился на поверхности воды и наконец был благополучно поднят на борт, раздалось такое громкое «ура», что все матросы «Урании» выбежали на палубу.

Скотт оторопело смотрел на это торжество.

Что за странные люди?

Они нашли бочонок с золотом и не кричали. А вот теперь, зацепив какой-то старый кусок железа, кричат на весь Атлантический океан.

— Теперь мы в конечном счете обязаны только себе, — сказал Маковский.

— И нашему неизменному помощнику — теле-

оку, — добавил Гинзбург, любовно поглаживая оболочку телеока, тоже поднятого на палубу.

Пластинки отнесли в капитанскую каюту. Пришел слесарь и стал осторожно распаивать загнутый угол.

— А краешка пластинки все-таки нет, — проговорил с сожалением Барковский, который следил из Москвы.

Края пластинок распаяли, и пластинки рассыпались.

Кар нетерпеливо схватил их и стал рассматривать. Он был бледен, губы его дрожали. Казалось, он был готов расплакаться.

Все молчали.

Кар перевертывал страницы этой необычной книги. Потом он горестно сказал:

— Важнейшие формулы пострадали. И… я не знаю, удастся ли мне восстановить их…

— Если не удастся вам, удастся Борину, Тоффелю — десяткам, сотням наших ученых, — сказал Барковский. — Сейчас же сфотографируйте пластинки и передайте копии на все пароходы, надо сберечь любой ценой то, что мы имеем. Не отчаивайтесь, товарищ Кар, пока еще не все потеряно.

— Ну что ж, наша экспедиция закончилась, товарищ начальник? — спросил Барковского

капитан.

— Да, — ответил Барковский, — готовьтесь в обратный поход.

— Не беспокойтесь, дорогой товарищ Кар, — обратился он к Кару. — Экспедиция наша, во всяком случае, оказалась небезуспешной. Затраты возмещены золотом, найденным в бочонке, ученые сделали чрезвычайно интересные открытия. Они возобновят свои работы в следующем году. Что касается испорченных пластинок, то вам уже говорил академик Тоффель, что наше богатство — тот новый принцип, который разработан Хургесом для расщепления ядра. Таблицы помогут нам. Мы затратим пять, возможно, десять лет, но добьемся своего. Вы скоро убедитесь (когда лучше познакомитесь с нашим стилем работы), что мы умеем добиваться поставленной цели.

— О, в этом мне нет нужды и убеждаться, — ответил Кар.

Трубы советских пароходов задымили.

Задымила и труба «Урании». Срок фрахта закончился, и у Скотта не было больше средств продолжать поиски. Возможно, ему удастся найти компаньонов, чтобы найти золото или... окончательно погибнуть.

Три парохода под советским флагом отплыли

на северо-восток, «Урания» — на юго-запад.

Скотт возвращался с пустыми карманами и в отчаянии. Товарищ Кар — с новыми надеждами и огромным интересом.

Два мира — две судьбы…

Океан снова стал пустынным. На том месте, где еще недавно кипели людские страсти, равнодушно катились длинные зеленые волны. Летучие рыбы прыгали из воды, ветер играл волнами.

А под зеленым водным покровом спал особый мир — мир затонувшего города, но и он просыпался для новой жизни.

Телеоко открывало только первые страницы этой интересной книги. А сколько их лежит еще не прочитанными и ждет своего нетерпеливого, любознательного читателя!..

— Так тебе, Мишук, и не посчастливилось побывать в экспедиции, — сказал Николай Петрович. — Не горюй. На твой век еще хватит экспедиций!

Миша протянул отцу толстую общую тетрадь.

— Вот дорожный журнал атлантической экспедиции трех советских судов, — сказал он. — Даже участник экспедиции не мог бы написать более точно. Тут материал для целого романа, который можно было бы назвать «Чудесное око».